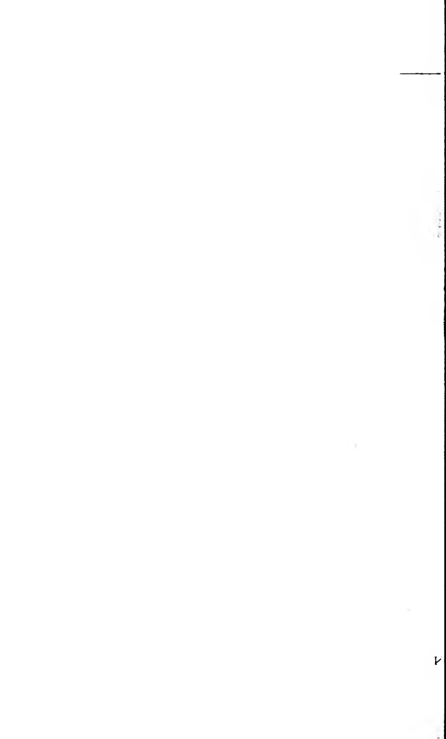
Джуманияз Шарипов

Хорезм

Роман в четырех книгах

Джуманияз Шарипов

ХОРЕЗМ

Роман в четырех книгах

Ташкент
Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма
1990

Уз 2
Ш 12

4702620201—153
Ш ——————————— 71—89
М 352(04—89)—90

ISBN 5—635—00228—5

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полдень. Солнце в зените. Жарко, словно в раскаленном тандыре. На дорогах ноги обжигает толстый слой мельчайшей лессовой пыли. Гармсель — ветер пустыни — дует из Каракумов, пышет в лицо колючим пламенем, перехватывает дыхание, сушит губы. Все живое словно вымерло, птицы молчат, муха не прожужжит!

Люди, с самого рассвета косившие клевер Матчон-туры, к полудню изнемогли. Измученные жарой, обессиленные, распластались они в тени густолиственного карагача.

Ибрахим-ата, высокий худой человек лет шестидесяти, внезапно приподнялся, выпил из кувшина холодного айрана и сел, прислонясь спиной к стволу. Жилы у него на висках вздулись — старик не отставал от других, косил все утро без передышки.

— Отец, отец!— услышал он совсем рядом голос младшего своего сына, шестилетнего Шернияза. Ибрахим-ата, не оборачиваясь, протянул руку в сторону и своей жесткой сухой ладонью провел по головке малыша. Подбежал и средний сын, Бекджан, мальчик лет одиннадцати. Он пас неподалеку отсюда корову Матчон-туры, а заодно присматривал и за братцем Шерниязом. Малышу такая опека совсем не нравилась, и, когда Бекджан уходил домой за лепешками для косарей, Шернияз просто прыгал от счастья. Он вдруг начинал покрикивать на корову, замахиваться на нее хворостиной, топая ножками, заставлял ее идти то в одну, то в другую сторону... Корова угрожающе косилась, потряхивала рогами, но Шернияз не унимался.

Голоса братьев разбудили вздремнувшего рядом с отцом старшего сына — Палвана. Он поднялся с земли, выпрямился во весь рост, потянулся. Высокий, широкий в плечах, сильный, он оправдывал свое имя Палван — силач, богатырь. Под круглой бараньей шапкой, чугурмой,— ее носили тут все от мала до велика,— сверкали черные глаза, черными были и густые брови, и маленькие усики, которые очень

шли к его чуть удлиненному лицу. На праздниках он уже мерился силой с прославленными борцами...

Палван хмуро спросил у Бекджана:

— Мать не приходила?

— Нет, новая жена туры не пустила ее...— грустно ответил мальчик.

— Работы в доме туры всегда хватало,— произнес Ибрахим-ата.

Палван что-то буркнул про себя, будто выругался.

Редко, очень редко улыбается Палван.

Ибрахим-ата снял с головы старую, потрепанную чугурму, вытер платком пот со лба. Надел чугурму снова, вздохнул тяжело:

— Что мы можем сделать, сынок? Рабы мы, рабы Матчоп-туры.

Раб... Давно, с тех пор, как помнит себя, знакомо это слово Палвану.

— Ата, вы родились рабом?— с горечью спросил он старика.

Ибрахим-ата пристально посмотрел на сына, впервые осмелившегося задать такой вопрос.

— Да, я родился рабом.

— А дед наш?

— Дед? Твой дед был сыном вольного человека, а потом стал рабом.

— Как же так? Отец вольный, а сын раб?

— Вольный отец был бедняком, вот потому и продал сына в рабство.

— Отец продал сына?

— Да, и никогда уже больше его не видел.— Ибрахим-ата добавил потише:— Не по своей воле, сын.

— Как же это случилось?

Старик взглянул на Бекджана:

— Сынок, как там чай?

— Сейчас закипит, ата.

Ибрахим-ата, поглаживая голову притихшего Шернияза, нехотя произнес:

— Тут, сынок, и рассказывать-то особенно нечего.

— Ну все-таки, как это случилось?— спросил нетерпеливо Палван.

— Просто. Мы потомки иранских узбеков. Дед твой родился далеко отсюда, в Иране. Семья их жила хотя и бедно, но имела свой клочок земли. Так вот. В засушливый год остались без хлеба, без денег. Заняли у бая-торговца. И снова неурожай. Тогда бай отобрал землю — за дол-

ги. В доме умирала от голода жена. И чтобы спасти жену, пришлось продать в рабство сына-подростка. Приезжий бай купил твоего деда, а потом продал его в Хиве отцу Матчон-туры. Вот так твой дед и стал рабом. Он всю свою жизнь проработал на отца Матчон-туры и не получил ни одной таньги. Ел, пил, что дадут, спал на голой кошме. И женился только в сорок пять лет. Он, может, всю жизнь и прожил бы бобылем, но туре нужны были новые, совсем даровые рабы, поэтому он его и женил. А меня женил сын туры — Матчон-тура. Нас уже не покупали, мы рабы, доставшиеся по наследству. Пусть только справедлив будет наш благодетель.

Старика прервал внезапно появившийся Пирнафас-ака — невысокий, крепкий человек с добродушным лицом и желтыми, лихо закрученными усами. Он владел двумя с половиной танапами землицы по соседству с землями Матчон-туры. Вольный был человек Пирнафас, и хоть трудился он с утра до ночи, но жил со своей женой и дочерью Джумагуль впроголодь, пожалуй, ничуть не лучше семьи Ибрахима-ата.

Бекджан живо вскочил и, молча поклонившись, отошел к очагу, чтобы заварить гостю свежий чай. Палван шагнул навстречу соседу, учтиво приветствовал его:

— Ассалям алейкум.

— Ваалейкум ассалям.

Ибрахим-ата поднялся на ноги, пригласил:

— Мархамат — пожалуйста.

Палван, расстелив перед гостем дастархан, пестрый от заплат, но довольно чистый, махнул рукой Бекджану. Бекджан тут же подбежал с двумя кукурузными лепешками. Таков был обычай бедняков. Надо уважить гостя, а тем самым соблюсти и собственное достоинство. Глотая слюнки, Бекджан положил лепешки на дастархан и отошел. Он считал неудобным присутствовать при разговоре взрослых.

Обычно Пирнафас, вежливо осведомившись о здоровье Ибрахима-ата и его родных, подолгу молчал, пощипывая кончики желтых усов. Нынче же, не успев присесть, сразу выпалил:

— Слышали новость?

Ибрахим-ата и Палван насторожились.

— Нет. Какая новость?

— Хан Мухаммад-Рахим при смерти!

Ибрахим-ата и Палван, точно не веря своим ушам, воскликнули одновременно:

— Что! При смерти? Хан?

Пирнафас молча кивнул и продолжил:

— Даже знаменитые лекари — табибы — не могут ему помочь. Ведь он тоже человек смертный, вот и помирает.— Последние слова Пирнафас произнес так, словно хотел сказать: «Туда ему и дорога!»

Однако Ибрахиму-ата и Палвану действительно было чему удивляться. Хан был один, а подданных тысячи, сотни тысяч. Во всех городах и кишлаках, по всему ханству казии, муллы, мингбаши — тысячники, эликбаши — пятидесятники вершили суд от имени хана. Собирали налоги, кидали непокорных в темницы, уводили дочерей в гарем, пускали по миру, казнили и миловали по приказу хана. Каждому подданному всю жизнь — от рождения до старости — хан напоминал о себе угрозой разорения, угрозой смерти. И вот хан умирает... Не может быть! Даже Бекджан, услышав восклицания взрослых, забыл о приличии, подошел поближе и жадно ловил каждое слово. Шутка ли, ведь ханы рождаются и умирают не каждый день.

Хан Мухаммад-Рахим правил долго, больше сорока лет. После взятия Хивы русскими войсками он, поддержанный могущественной Россией, быстро усмирил своих братьев, претендентов на престол. Кончились кровавые междоусобицы, которые были страшным бедствием для простого народа.

Хан слыл любителем музыки и поэзии, даже сам писал стихи под именем Феруз. В его дворце часто устраивались поэтические состязания, здесь звучали голоса известных хорезмских поэтов: Агахи, Камила, Табиби, Надыма и совсем еще молодого Аваза. Выделялся Аваз не только своим дарованием, но и непокорностью — он не писал в честь хана хвалебных стихов. И Мухаммад-Рахим то всячески ублажал строптивого поэта, то гневался на него, а однажды простонапросто приказал избить Аваза. Ведь поэт Аваз тоже был его подданным.

Пирнафас-ака гордился своим родством с Авазом — поэт был братом его жены Мастуры.

И вот теперь Мухаммад-Рахим терял власть над своими подданными. Окруженный табибами, готовился он к переходу в иной мир. Со дня на день престол должен был занять один из его пяти сыновей. Кто именно? На базарах городов и кишлаков Хивы начались пересуды и толки. Хотя никому еще не приходилось слышать, чтобы где-нибудь в дальних или близких землях правил хороший и добрый хан, все равно в глубине души у людей жила какая-то надежда на лучшее.

Пирнафас-ака рассказал о том, что услышал сегодня на базаре. Ханом будет Ибадулла, средний сын хана, у него лицо добрее, чем у других,— говорили одни. Ханом будет жестокий Инак, он любимец отца,— сокрушались другие. Как самый старший, ханом будет наркоман Саид-Абдулла,— вздыхали третьи. Однако большинство склонялось к тому, что ханом будет Исфандияр, самый младший из братьев. Этого добьется Ислам-Ходжа, иначе зачем ему было выдавать за Исфандияра свою красавицу дочь Одилбику. Ислам-Ходжа и так самый богатый человек в ханстве. Значит, он хочет власти. Пирнафас-ака был убежден, что после смерти хана белый царь отдаст престол Исфандияру.

— Так думает и Аваз,— правда, хан еще не умер, во дворце пока все по-прежнему, но это уже никого не может обмануть,— сказал Пирнафас-ака.

— А нам-то что с вами?— спросил старик.— Хан Ибадулла, хан Исфандияр — все равно хан.

— Так-то оно так,— вздохнул Пирнафас,— но если ханом провозгласят Исфандияра, черной жизнь моя станет. Чует мое сердце. Ведь Матчон-тура, известно ли это вам, близкая родня Исфандияру.

— Всем будет худо.

— Мне особенно, ата. Матчон-тура давно зарится на мою землю. Разорит он меня, если придет к власти Исфандияр, по миру пустит. Джумагуль уже плачет...

При этих словах соседа Палван, до сих пор сидевший молча, вдруг изменился в лице, крикнул:

— Не будет этого!

— Сынок,— грустно произнес Пирнафас,— Аваз говорит: еще хуже будет при новом хане. Не станет наш поэт болтать попусту.

Палвану несколько раз посчастливилось видеть Аваза и говорить с ним в доме Пирнафаса-ака. Слова Аваза глубоко запали в душу йигита. После знакомства с поэтом он как-то невольно стал запоминать наизусть прекрасные газели Аваза, ходившие по рукам, певшиеся народом. Близко к сердцу принимал теперь Палван все, что говорилось поэтом. А он сказал — будет еще хуже... Джумагуль... Сердце трепетало от смутной тревоги. Что-то будет с ней?

Ибрахим-ата исподлобья взглянул на сына, кашлянул и, словно желая утешить его, произнес:

— Аваз говорит, что при новом хане будет хуже. Но ведь ему в прошлом году по приказу Мухаммад-Рахима дали сто палочных ударов. Разве может быть еще хуже?

— Если его не отпустят от ханского двора, все может быть,— ответил Пирнафас.— Но даже если отпустят, куда от них денешься?

Долго молчал Ибрахим-ата, потом сказал, смотря прямо в глаза Пирнафасу:

— Не сокрушайтесь уж очень, Пирнафас. Все отнять у вас не могут. Мы рядом с вами.

Солнце уже начинало склоняться к горизонту. С озера повеяло прохладой. Дышать стало легче... Ибрахим-ата и Палван поднялись и отправились к своему участку. Их ждало клеверное поле Матчон-туры.

Бекджан, разбудив Шернияза, посадил его к себе на спину и потащил на луг, где привязал к колышку свою корову. Увы, коровы он не увидел. Бекджан побледнел, он перепугался не на шутку. Опустил братца на землю. «Где же она? А, проклятая!» Корова выдернула колышек и, перейдя через арык, забрела на хлопковое поле Матчон-туры. Бекджан со всех ног кинулся к ней. Поймал конец веревки, потянул, но не тут-то было: корове явно понравились листья хлопчатника.

Наконец всякими ласковыми словами Бекджану все-таки удалось заманить корову к арыку. Но дальше дело не пошло. Долго возился с ней Бекджан, никак не мог заставить сдвинуться с места. Наконец, перекинув конец веревки на другой берег, он приказал Шерниязу: «Тяни!», а сам изо всей силы толкнул корову сзади. Корова будто только этого и ждала — сиганула через арык, а Бекджан с шумом плюхнулся в воду. Шернияз с испугу выпустил конец веревки, отскочил в сторону. Бекджан вынырнул, лицо его было залеплено грязью, и маленький Шернияз, опомнившись, сначала робко улыбнулся, а потом залился веселым смехом. Да, сердиться тут было не на кого, разве что на корову, и Бекджан тоже захохотал.

К счастью, никто из людей Матчон-туры не видел, что корова забрела на хлопковое поле...

Мальчики уселись у арыка и услышали разносившийся над полями звонкий голос брата Палвана. Он пел газель Аваза.

Пусть друг не будет никогда, как я, разлукою пленен,
Как я, чей ворот горе рвет и ум тревогой помрачен [1].

---

[1] Все стихи в романе, кроме отмеченных специально, переведены Семеном Виленским.

Зашло солнце. Уже пастухи пригнали стадо Матчон-туры, уже давно вернулись в кишлак Бекджан и Шерниз, а отец и брат все не появлялись.

Бекджан сунул голодному захныкавшему братишке кусочек лепешки, но долго сидеть с ним не мог: все, кому не лень, посылали его по всяким пустякам, и он бегал по двору, выполняя поручения домочадцев Матчон-туры.

Уже стемнело, когда наконец Бекджан, чуть не валясь с ног от усталости, пришел в глинобитную хибару, где они жили всей семьей. Так и не дождавшись своих, дети уснули.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Далеко, широко раскинулся сад Мухаммад-Рахим-хана. Много надо времени человеку, чтобы пройти этим садом из конца в конец — от ограды до ограды. Удивителен в саду пруд с мраморными берегами, всплывают на поверхность, стремительно гонятся друг за другом диковинные рыбы, внезапно выпрыгивают из воды и падают в золотых и серебряных брызгах...

Вокруг пруда стоят могучие карагачи. Лучи солнца запутываются в их густой мелкой листве, теряют свою силу, и на земле играют лишь слабые редкие отсветы, блики. В жару мраморные блестящие берега ханского пруда непрерывно поливают водой. Неподалеку на возвышении установлена роскошная широкая тахта хана, а земля вокруг устлана знаменитыми пунцовыми туркменскими коврами. Каждый из этих ковров, длиной в тридцать, шириной в двадцать аршин, специально был соткан для ханского сада.

Чуть поодаль от пруда — низкие пахучие базилики. Тут же рядом благоухают красные, желтые и белые розы, левкои, тихо светятся розовые астры, горят яркие георгины... За цветниками начинаются виноградники, яблоневый сад. Искусные садоводы у хана! Под тяжестью плодов до земли сгибаются, несмотря на подпорки, яблоневые ветви... А дальше — груши растут, сливовые деревья, инжир, айва... Причудливо звучат в саду крики павлинов, то здесь, то там вспыхивает на солнце их волшебное оперение. Порхают, подражают крикам павлинов невесть откуда завезенные сюда попугаи...

Огромный, сказочный сад у Мухаммад-Рахим-хана...

Наступил вечер. Музыканты, поэты, певцы собирались группами вокруг хауза. Настало наконец время выхода повелителя.

Вечера поэзии, музыки были для больного хана как бальзам. Его собственные стихи, стихи Феруза, читал поэт-чтец. Музыканты сразу же слагали на них музыку, а певцы тут же исполняли...

Четыре нукера вынесли из дворца высокий паланкин с ханом. Все поднялись со своих мест. Слуги усадили хана на тахту, застланную множеством ковров, под спину, под бока подложили бархатные подушки. Худое, бледное лицо хана все было в морщинах, глаза глубоко запали. Хан с трудом поднял руку — все стали усаживаться.

Слуги зажгли бесчисленные фонари, и ночь обратилась в день.

По знаку хана музыканты заиграли грустную щемящую мелодию. Под напевы газелей Агахи хан предался воспоминаниям — где теперь сам Агахи, бывший украшением вечеров? Где Камил, поэт с редкостным даром? Они уже прошли через этот мир. Не хотелось хану покидать райский сад, поэтов, музыкантов, прославлявших его, не хотелось хану умирать.

Певцы запели газели Феруза, хан, низко опустив голову, слушал свои стихи. Болела грудь, спина, он не мог удержаться от старческого покашливания. Внизу, подняв глаза на хана, сидели четыре его сына. Саид-Абдулла, Инак, Юсуф и Ибадулла, не было лишь самого младшего — Исфандияра. Исфандияр не любил такие вечера. Правда, под нажимом отца пытался и он писать стихи, но они получались бесцветными, вялыми. Однако младший сын был неглуп — к такому убеждению давно пришел хан. Может, все-таки завещать ему престол? Но тогда старшие братья, прежде чем передраться между собой, постараются убить Исфандияра...

Подали плов, потом опять кок-чай. Хан слушал новые стихи Табиби. Затем перед ханом низко склонился Сахиби.

— Ваше величество, ваши прекрасные газели... Мои стихи перед вашими — прах...

Хан сделал нетерпеливое движение, скривился. Слуги поспешили помочь ему поудобнее устроиться на тахте...

После Сахиби читали свои рубаи еще несколько поэтов. Хан тер глаза рукой, морщился.

— Мавляна, ваши стихи далеки от совершенства,— сказал он последнему из выступавших и медленно перевел свой взгляд на Аваза.

«Ну, была не была»,— подумал Аваз и поднялся с места. Это был молодой человек лет двадцати пяти, смуглый, с широким лбом и мягкими черными глазами. Он стоял сейчас прямо в длинном шелковом халате. Поэт смотрел вдаль, поверх огней, в темноту ночи.

Пусть мое глупое сердце с прядью шелковой,
что ветром разметало,
не разлучается,
Пусть мое слово живое,
падая с уст этих нежным кораллом,
не разлучается,
Пусть же глаза мои вечно, чтоб не тонуть им во тьме,
С солнцем веселым щек ее алых не разлучаются!

Аваз забыл обо всем на свете. Если бы кто-нибудь сейчас вскрикнул, он бы не услышал.

Чтобы сердца не разбились, пусть они будут рядом:
Сердце твое и нежное сердце подруги твоей.
С жасминогрудой в разлуке пленник я злых испытаний,
Пусть же никто не узнает горечи этих дней.

Хан не сводил с поэта глаз. В глубокой тишине звучал бархатный голос Аваза.

Я — с розой разлучен — брожу один во тьме.
Смятенный соловей пусть не теряет солнца.
Как я, Аваз, с любимою своей,
Пусть никогда никто не расстается.

Стихи очень понравились хану. Он даже почувствовал себя лучше. По его знаку Аваз снова начал читать, и снова все смотрели на поэта...

— Хвала тебе!— слабым голосом произнес хан. Он что-то шепнул нукеру, тот опрометью кинулся в беседку, через мгновение вернулся и накинул на плечи разгоряченного Аваза шелковый чапан. Аваз низко поклонился и сел на свое место.

— Хвала тебе, хвала,— зашуршало со всех сторон.

Выдвинув вперед свою козлиную бородку, процедил сквозь зубы слова поздравления и Сахиби.

* * *

Табибы не в силах были вылечить Мухаммад-Рахим-хана. С каждым днем ему становилось все хуже.

Седьмого числа месяца шабана 1328 года он умер. На черном сверкающем камне гробницы высекли надпись: «Мухаммад-Рахим-хан (Феруз)».

На другой день после погребения Исфандияр вместе со своим тестем Ислам-Ходжой отправились в Турткуль. Там их встретил хаким — начальник Амударьинского отдела полковник Гульшановский. На учтивый поклон Исфандияра и Ислам-Ходжи полковник, придав своему лицу постное выражение, ответил:

— Нас сильно опечалила безвременная кончина вашего отца Мухаммад-Рахим-хана, верного слуги нашего монарха. Прошу вас, господа, садитесь.

Исфандияр и Ислам-Ходжа робко присели напротив полковника, который, помолчав, продолжал:

— Могу сообщить вам приятную новость,— обратился он к Исфандияру.— По высочайшей милости государя императора вы объявляетесь...

Исфандияр выпрямился, приложил руку к сердцу...

На другой день полковник Гульшановский при сабле и орденах вместе с Исфандияром и Ислам-Ходжой переправились через Амударью, направляясь в Хиву. Их сопровождал отряд казаков.

Когда они прибыли во дворец, там уже собралась вся знать. Каждый занял место, соответствующее его положению и званию.

Сверкали богатые чекмени и мягкие сапоги — ичиги, с загнутыми вверх носами, обильно украшенные золотом и серебром. Особо выделялось духовенство в огромных чалмах.

Казаки стали на караул во внутренних помещениях крепости. Снаружи ворота охранял Нурджан-батыр со своими нукерами.

Исфандияр,— а ему уже было за тридцать,— высокий, сухощавый, с острой бородкой, восседал на туркменских коврах и, несмотря на всю значительность момента, был как будто чем-то расстроен, во всяком случае на лице его не было радости. Возможно, ему представлялось, что старшие братья, объединившись, идут во главе своих нукеров, чтобы возвести на престол Саида-Абдуллу.

После того как полковник Гульшановский еще раз обратился к Исфандияру со своими поздравлениями, верховный

судья, кази-калян, поспешил дать фетву — одобрение, основанное на догматах шариата.

И тут Исфандияру почему-то показалось, что кази-калян молится о чем угодно, только не о даровании благополучия, долгих лет жизни ему, новому хану Хивы.

Поддерживаемый с обеих сторон слугами, он медленно поднялся с места. Уже другие слуги церемонно облекли его плечи в златотканый чекмень, на голову надели украшенную драгоценными камнями высокую папаху, опоясали Исфандияра широким ремнем с золотыми узорами, прицепили к ремню саблю с блистающим эфесом. Полковник Гульшановский через своего переводчика, молодого татарина в очках, обратился ко всем с такими словами:

— Государь император высочайше повелел провозгласить Исфандияра ханом Хивы... Все вы отныне беспрекословно должны подчиняться Исфандияр-хану.

Сначала Ислам-Ходжа, а вслед за ним и другие влиятельные придворные поспешили поздравить нового хана. Самой искренней была радость Матчон-туры. Сын чиновника Ахмаджана Али, поэт Табиби, придворный историк, золотым пером спешил увековечить происходящее... Были посланы глашатаи в город.

— Ханом стал Исфандияр! Ханом стал Исфандияр!

Весь путь от Кухна-Арк до Нурлавой, по обычаю, был полит водой. Вблизи арыков не было, воду пришлось доставать из глубоких колодцев. Люди по цепочке передавали ведра из рук в руки. Все прилегающие улицы, все гузары — перекрестки — подмели чисто, полили водой. Нукеры Нурджан-батыра то и дело пускали в ход плетки.

На площади перед крепостью было полно народу, карнаи и сурнаи, надрываясь, предвещали выход нового повелителя.

Но вот раскрылись ворота, и показался Исфандияр-хан. Он ехал на белом жеребце, позвякивающем золотыми и серебряными украшениями. Коня с обеих сторон держали под уздцы доверенные нукеры. Свиту нового хана возглавляли ясавулбаши — глава войска, диванбеги — начальник канцелярии, кази-калян — верховный судья и улемы — высокие духовные лица.

— Хан едет! Хан едет!— кричали глашатаи. По обеим сторонам улицы люди кланялись до земли.

В эту ночь в Нурлавой пиршествовали до самого утра.

В ответ на поздравления красавицы Одилбики хан поцеловал ее и назвал царицей. «Спасибо вашему отцу»,— прошептал он.

Одилбика, четвертая, самая молодая жена хана, втайне любила красивого молодого Рахимбергана, помощника своего отца. Но, став женой Исфандияра, она смирилась со своей участью. «Был бы только жив Рахимберган, и то хорошо»,— думала она.

В эту ночь Исфандияр пообещал красавице Одилбике, что не женится больше, что облагодетельствует ее братьев, что отца ее, Ислам-Ходжу, назначит вазири-акбаром — главным визирем, и еще много чего он обещал. Одилбика слушала молча.

С первого же дня новый повелитель стал вводить при дворе свои порядки. Прежде всего на самые высокие должности он назначил своих людей. Ислам-Ходжа стал вазири-акбаром. Прежний ясавулбаши Кутлумурад был изгнан, его место занял Шерназарбай. Исфандияр-хан беспощадно покарал своих явных врагов — будь то простолюдины или беки, а за тайными своими врагами, всякого рода подозрительными людьми учредил слежку.

* * *

Ислам-Ходжа был, пожалуй, самым богатым человеком в Хиве. Теперь, став главным визирем, он приступил к осуществлению своих давнишних планов. Инженеры, приглашенные им из России, разрабатывали проекты фабрик, заводов. Ислам-Ходжа, хорошо владея русским языком, сам объяснялся с ними. Началось строительство почты и телеграфа, прокладывались новые дороги, строились мосты. У главного визиря было немало врагов среди придворных. Особенно глубоко, несмотря на внешнюю почтительность, ненавидел его новый ясавулбаши Шерназарбай, который полагал, что именно он, а не Ислам-Ходжа достоин быть вазири-акбаром. Шерназарбай не брезговал никакими средствами, всеми способами старался выслужиться перед ханом, войти в еще большее доверие...

Однажды Шерназарбай направился к главному визирю. Ислам-Ходжа сидел на шелковом ковре и рассматривал чертежи.

— Ассалям алейкум, господин вазири-акбар,— произнес ясавулбаши, прикладывая ладони к груди.

— Ваалейкум ассалям.

Шерназарбай сел, поджав под себя ноги. Ислам-Ходжа, протянув гостю пиалушку с чаем, вопросительно посмотрел на него.

— А мы в срок взыскали налоги,— сказал ясавулбаши,— оказавшие сопротивление взяты под стражу.

— Говорят, многие арестованы без основания. Люди слишком часто жалуются на ваших нукеров.— Главный визирь забрал в ладонь свою густую черную бороду и продолжал:— Заточение в тюрьму невинных не делает чести верховной власти, позорит государство.

— Мы слуги нашего повелителя хана, вам и мне надлежит заботиться о его казне,— осторожно промолвил Шерназарбай.

— Но справедливо ли будет, заботясь о красоте бровей, выкалывать глаза? Как вы считаете?

Ясавулбаши, однако, не растерялся и ответил вопросом:

— А справедливо ли тратить казну на бесполезные затеи?

— Что вы имеете в виду?

— Почту, телеграф.

Главный визирь насмешливо улыбнулся:

— Ни двор, ни население просто не могут уже сейчас обходиться без почты и телеграфа.

Его собеседник как будто только и ждал этого объяснения.

— Я согласен, согласен с вами, но зачем же надо было тратить деньги хана? Вполне можно было их построить всем миром, хашар объявить.

С этими словами Шерназарбай поднялся, считая свой визит оконченным.

Хитро улыбаясь, шел он по двору и на пороге своей канцелярии — ясавулхана — едва не столкнулся с Ашир-махрамом — чиновником для особых поручений. Глаза Ашир-махрама сияли.

— Привез хану красавицу,— шепнул он Шерназарбаю.

— Откуда?

— Из кишлака Киёт. Жених сопротивлялся, так мы его...— и Ашир-махрам провел ребром ладони по горлу.

— Молодец, очень кстати такой подарок...

Исфандияр-хан провел ночь с новой наложницей, а на другой день приказал одарить шелковыми халатами догадливых Шерназарбая и Ашир-махрама.

— Мы поручаем вам выполнить и другое наше повеление,— произнес хан твердым голосом, не отрывая взгляда от своего ясавулбаши,— надо прогнать со двора дармоедов.

Шерназарбай знал, что раньше хан в шутку называл так поэтов, музыкантов, ученых, певцов. Теперь он не шутил. Слово «дармоеды» прозвучало серьезно.

— И поэта Аваза тоже?— уточнил на всякий случай ясавулбаши.

— Да, если только он не захочет остаться писарем в диванхана.

* * *

В гареме было неспокойно, тут снова появилась многоопытная сводня старуха Хатира.

Узнав о новой наложнице, старшие жены, не стесняясь крепких выражений, поносили Шерназарбая и Ашир-махрама, плакали. Только Одилбика молчала, но возмущению ее не было предела — хан нарушил слово!

Шерназарбай велел собрать всех «дармоедов» в ясавулхана.

На стенах этого большого помещения во множестве были развешаны старинные сабли, пистолеты, ятаганы.

Поэты и ученые с недоумением переглядывались, покашливали.

— Зачем нас сюда позвали, вы не знаете? — спросил Сахиби дрожащим голосом.

— Должно быть, ясавулбаши решил сделать нас нукерами. Не всех, конечно,— очень серьезно ответил ему Табиби.

Черные глаза Аваза сверкнули.

— Шерназарбай выслуживается, из кожи вон лезет. Может быть, он метит в гарем — на место старухи Хатиры? Тогда, конечно, он определит вас, Сахиби, стражником — охранять гарем.

— Тише, тише, разве можно так громко...

В дверях показался Шерназарбай. Все встали со своих мест, поклонились. Ясавулбаши был немногословен.

— Я собрал вас сюда для того, чтобы объявить волю нашего великого хана. Вам должно быть известно, что расходы двора растут. К тому же нам нужны новые нукеры. Наш повелитель отпускает вас всех...

Первым направился к двери Аваз. Ясавулбаши возвысил голос:

— К вам, Аваз, великодушный хан проявил милость. Вам дозволено остаться писарем в диванхана.

Аваз остановился перед самой дверью, резко обернулся.

— Я не потомственный диванбеги. Отец мой был цирюльником, отчего бы мне не заняться его ремеслом...

Шерназарбай ухмыльнулся:

— Посмотрим, жирный ли будет плов цирюльника, понравится ли он поэту после ханского стола!

— Посмотрим... Не только яства и стол, залитый вином,

источник вдохновения для поэта.— И Аваз, плотно прикрыв за собою дверь, вышел из ясавулханы.

Сахиби умолял Шерназарбая оставить его писарем вместо Аваза. Шерназарбай обещал сказать хану о его просьбе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Матчон-тура, кланяясь до земли, пятясь, вышел от хана. Он прижимал к сердцу только что подписанный указ, по которому в окрестностях кишлака Пишканик ему отходили еще двести танапов земли. Матчон-тура аккуратно свернул указ вчетверо, положил в карман. Поправив на голове высокую ширазскую папаху, ударил плеткой по голенищам своих высоких лаковых сапог. Сверкая златотканым чекменем, он гордо прошел мимо стражников — миршабов, не отвечая на их поклоны.

Миршаб, стоявший у ворот, увидев Матчон-туру, быстро зажег чилим — кальян, затянулся разок, чтобы раскурилось, и угодливо, мундштуком вперед, поднес его туре:

— Пожалуйста, господин.

Тура с шумом втянул в себя дым и, вынув из кармана несколько таньга, небрежно бросил их миршабу. Тот в ответ забормотал слова благодарности.

Палван, державший поодаль двух коней в поводу, быстро подвел их к господину.

— Ну, Палван, счастье улыбается мне. Великий хан подарили двести танапов земли!

— Пусть всегда удача сопутствует вам, ага,— глядя себе под ноги, тихо сказал Палван.

— Один танап дам твоему отцу в аренду. Будете отдавать только половину урожая!

— Вы очень милостивы, ага...

Тура вдел ногу в серебряное стремя и с помощью Палвана уселся в дорогое туркменское седло, покрытое для мягкости бархатной попоной.

«Какие земли попали к нему в лапы?»— думал Палван. Опасаясь выдать себя, он старался не смотреть на своего господина.

— Ну, теперь самое время возблагодарить аллаха,— промолвил тура, трогая коня.

Через ворота Бахча они выехали на площадь Кухна-Арк, на которой ханы Хорезма издревле творили суд и расправу. Здесь же были монетный двор, летняя мечеть, зал для приема иностранных послов.

Миновали ворота Ата-дарбаза, затем медресе Мадамин-хана — крупнейшее в Средней Азии, высоченный минарет — и перед ними засверкали на солнце золотые шары на огромном зеленом куполе мавзолея Пахлавана Махмуда, почитаемого мусульманами второй после Мекки святыней.

Изнутри все стены, арки и сам купол мавзолея облицованы синими майоликовыми плитками с бесконечными гирихами — звездчатыми узорами.

На черных мраморных плитах были высечены имена покоящихся под ними ханов. Здесь были погребены ханы кунгратской династии, а также Аллакули-хан и Мухаммад-Рахим-хан.

Над черными плитами кари — чтецы корана — непрерывно читали молитвы.

Со словом «бисмилло»— во имя аллаха — Матчон-тура подошел к двери в ханаку — молельню. На этой двери, покрытой искусной резьбой, виртуоз каллиграф начертал, что мавзолей воздвигнут в 1113 году хиджры.

Нашептывая молитву, тура протянул вперед руки со сближенными ладонями.

— А теперь — в караван-сарай,— облегченно вздохнул тура, выходя из мавзолея.

Палван по-прежнему молча следовал за турой. «Чьими же землями одарил его хан?»— неотступно думал он. Проехали по крытым сверху торговым улицам мимо древней Джума-мечети, к воротам Пашшаб-дарбаза. Кони скользили, ступая по липкой грязи.

Вот и Пашшаб-дарбаза. По обе стороны от ворот — мрачные сырые дома с подземельями — темницами. Вечером на двери этих подвалов навешивают гигантские замки.

Направо, в торговом ряду под куполообразной крышей,— бакалейные, ювелирные, мануфактурные лавки. Проехали мимо таможни, где взимали обязательный сбор с торгующих, и свернули к караван-сараю, в котором было больше сотни худжр — келий. В этих кельях останавливались купцы, прибывавшие в Хиву из Китая, Индии, Ирана, Турции, Афганистана...

В самом караван-сарае — лавки богатых купцов, торгующих кусковым сахаром, китайским и индийским чаем, русским ситцем, шелками.

Купец, завидев Матчон-туру, чуть не уронил пиалушку с чаем, проворно вскочил, взял коня за повод, согнул спину в низком поклоне.

— Прошу вас, будьте моим гостем, отведайте чаю...

— Некогда! Пошлите мне пять отрезов зеленого шелка, три отреза бархата, пуд сахара. Китайского чаю двадцать фунтов.

— Будет исполнено, господин.

— Вот деньги.

— Сию минуту пошлю.

Купец вытащил из-за пазухи кольцо, поблестел им в полумраке караван-сарая.

— В Москве купил для вас, хороший подарок для вашей младшей жены...

Колечко понравилось туре.

— Теперь на базар,— бросил он Палвану, выезжая на свет.— Вот тут, налево, раньше рабами торговали... Твоего деда, слышал я, мы тоже здесь купили...

Тура ценил Палвана, как ценят хорошего раба. Не раз говорил ему:

— Ты отличный работник, я сам женю тебя на красивой девушке.

Во время приездов в город Палван, словно нукер, должен был всюду следовать за турой. И всякий раз, знакомясь с новыми улицами, любуясь древними зданиями, Палван испытывал восторг.

— Что рот разинул — в первый раз Хиву видишь?

— Такой большой город, ага, все сразу не разглядишь...

И впрямь, было чему удивляться в древней Хиве. По крепостным стенам, двойным кольцом окружающим город, можно проехать на арбе. Повсюду высокие минареты с не блекнущими от веков яркими красками, на каждом шагу медресе с мечетями. А крыши домов так тесно прижались друг к другу, что по ним, кажется, можно пройти по всему городу, из конца в конец.

Неподалеку от базара Матчон-тура на мгновение придержал коня. Из какого-то дворика донеслась до них песня:

Пусть никогда не будет день слезою друга освещен.
И пусть несбыточной мечты в своем не носит сердце он.

— Какая песня!— не удержался Палван.

— Нравится?

— Да...

— Дурак, ничего не понимаешь. Эту гадость сочинил Аваз, его, как собаку, хан прогнал со двора.

«Аваза прогнали? Может быть, ему надо помочь? Обязательно пойду к нему сегодня,— мелькнула мысль у Палвана.— Хорошо, что Пирнафас-ака объяснил, где он живет».

Вот и базар — рядом с Хазараспскими воротами.

Базар... Неумолчный шум, гвалт, пыль, духота, арбы, верблюды, навьюченные ослы...

В самом центре базара — виселица. Народ в ужасе смотрел на повешенного йигита. В толпе перешептывались:

— Кто это?

— Отважный йигит из Киёта.

— За что его?

— Не подчинился хану... За любимую свою вступился... ее в гарем увезли...

Сердце Палвана сжалось от боли.

Тура, взглянув на повешенного, сплюнул. Вошел в принадлежащую ему большую лавку. С него тут же сняли чекмень, поднесли чилим.

— Как баранов продаете? — спросил тура, отставив пиалушку с чаем.

— Выгодно продаем, ага...

— Палван, пойди спроси у Мадраима Черного, где деньги за проданную пшеницу.

— Иду, господин...

— Да скажи ему, чтоб жареного сома принес...

— Хорошо, господин.

Палван произносил слова машинально, а глазам его все представлялось тело йигита из Киёта. «Разве мало хану своих жен? У человека отобрали невесту, да еще за это повесили, что же это такое делается...» А вокруг на все лады расхваливали свой товар ремесленники, надсаживались от крика продавцы айрана.

— Айран холодный! Бери пиалу — легче будет ходить в жару.

Во всю силу своих легких кричал прочий торговый люд:

— Налетай, народ, клади халву в рот.

— Сом! Жареный сом! Деньги надо, а то ел бы сам. Прошу две таньга, за одну отдам!

— Эй, чилимщик, поднеси чилим!

— Груши! За полцены отдадим.

Грудью и локтями прокладывая себе дорогу в толпе, Палван выполнил поручение Матчон-туры.

— Так, теперь вот тебе записка, отнесешь купцу на улицу Гадои.

Палван обрадовался. Поэт жил близко от этого купца.

...Палван поднялся на небольшую веранду и сквозь решетчатую дверь увидел Аваза, который весело возился со своими детьми.

Палван легонько постучал, и поэт со смущенным видом поднялся с кошмы. В этой комнате, наверно, жили только зимой. Свет проникал через маленькое отверстие в потолке. Посредине комнаты — очаг, стены и потолок черные от сажи и копоти.

Палван вытащил из переметной сумы две дыни, протянул их детишкам.

— Аваз-джан, я слышал, вы покинули ханский дворец...

— Да, ушел, и хорошо сделал. Вон дети как радуются...— И Аваз выразительно посмотрел на свою жену. Розияхон пошла приготовить чай.

— Как здоровье Пирнафаса-ака, хорошо ли живет моя племянница Джумагуль?

— Ничего, слава аллаху...— Палван решил не расстраивать поэта раньше времени. Может, Матчон-тура и не имеет в виду землю Пирнафаса-ака.

В это время на веранде появился младший брат Аваза, Раджаб.

— Принимайте гостей,— весело сказал он, уступая дорогу кузнецу Сабиру и горшечнику Маткариму.

— Рад видеть вас, друзья мои,— Аваз пошел навстречу, обнял вошедших.

Кузнец Сабир пристально посмотрел на своего друга.

— Неплохо выглядишь. Почему ты раньше от хана не ушел? Небось словно из темницы вырвался.

Горшечник похлопал его по плечу.

— Ну, неизвестно, что хуже: тюрьма или ядовитая рожа Исфандияр-хана...

Все рассмеялись.

— Послушай-ка, мавляна Аваз, а где же твой отец Отар-бува?

— Да понимаешь, соседу нашему не повезло, вывихнул ногу. Отец сейчас у него.

— Вправит... Отар-бува — лучший табиб Хивы, мудрый человек...

Палван думал, что отец Аваза цирюльник, бороды стрижет, а тут оказывается...

Отар-бува действительно имел цирюльню возле Кухна-Арк, он закрыл было ее, больше нравилось лечить людей. Но теперь цирюльня потребовалась Авазу,— благо, он еще подростком освоил это ремесло. Только вот где взять денег на ремонт...

— Мы тебе поможем, друг...

— Конечно, поможем,— неожиданно для себя произнес Палван.

— Спасибо, друзья, спасибо,— только и мог сказать Аваз.

* * *

В большом городском доме Матчон-туры было тихо. Тура сразу после базара отправился в комнаты своей четвертой жены — молоденькой Бикаджан-бики, которой только что исполнилось шестнадцать лет. Ее, дочь волостного правителя, он всего лишь три месяца назад привез из Гурлена. Палван подскакал к дому, спешился. Он не имел права заходить во внутренний двор, поэтому отдал сторожу письмо, которое вручил ему купец в ответ на записку Матчон-туры и пешком отправился домой, в родной кишлак Пишканик.

Пишканик. Летняя усадьба туры. Здесь живут три его жены. Сколько слуг, рабов, батраков... Палван подошел к хаузу во внешнем дворе, снял халат, посидел немного, передохнул. Берега хауза подметала старуха служанка.

— Проголодался я, вынесите лепешку,— обратился к ней Палван.

— Хорошо, я спрошу у старшей госпожи, а ты пока наколол бы дров...

— Ладно.

Старуха, волоча ноги, ушла во внутренний двор, обнесенный высоким дувалом,— там в просторных, добротных домах с большими верандами живут мать туры и его жены. Поодаль от господских домов ютятся в приземистых темных мазанках служанки, батраки. Посредине внутреннего двора — большой хауз с берегами, выложенными мрамором, осененный ветвистыми старыми карагачами... Все как у великого хана Хивы, только цветов поменьше да нет павлинов.

Палван уже давно покончил с дровами, а старуха все не появлялась. Наконец она принесла лепешку, Палван поспешно ее проглотил, запил водой... и побежал в сад — ведь поливать надо!

Позади сада туры маленький дворик и два танапа земли, принадлежащие Пирнафасу-ака. А дальше снова земли туры.

Палван работал в саду и все поглядывал на маленький домик Пирнафаса-ака, где жила Джумагуль. Так ему хотелось ее увидеть. Хоть бы вышла, показалась на мгновенье...

Уже окутали сад вечерние сумерки. Темнело небо.

Палван оперся на длинную ручку лопаты, задумался, уставившись в мутную воду арыка.

Ведь на двести танапов получил тура ярлык. Кто ему теперь помешает?.. Неужели гордая Джумагуль станет служанкой? Пирнафас-ака — батраком? Как горько в этом мире!.. Где правда, где справедливость?..

— Палван-ага, Палван-ага,— вдруг услышал он голос брата.

— Я здесь, Бекджан, иди сюда!— закричал Палван.

— Палван, мама пришла. Готовит гуджу, пойдем есть.

— Сейчас, вот только эту сторону полью,— ответил Палван, запруживая арык дерном. Он пустил наконец воду в яблоневый сад туры и взглянул на младшего брата, который тер глаза руками.

— Ты что, спать хочешь?

— Устал немного.

Ибрахим-ата, услышав голоса своих сыновей, подбросил корма коням и выбрался из конюшни. Под навссом было темно даже днем.

Ибрахим-ата снял поясной платок, передал его Палвану и обратился к среднему сыну:

— Полей-ка мне на руки...

Палван в это время постлал замасленный, весь в заплатах дастархан. Ибрахим-ата, покашливая, прошел на свое обычное место, сел на подгнивший войлок, торчащий клочьями. Палван опустился на циновку, маленький Шернияз подобрался поближе к костру. Бекджан помогал матери.

— Ну, наконец-то все собрались вместе...

— Молодая жена туры велела мне прийти в город пораньше, я уйду на рассвете,— сказала вполголоса Айша.

— Мама раз в неделю навещает, отец поздно приходит, Палван-ага часто прямо в поле ночует... Мы тут с Шерниязом сидим одни,— пожаловался Бекджан.

— Что мы можсм подслать, сынок? Судьба,— тяжело вздохнула мать.

— Судьба!— Ибрахим-ата рассердился.— Не съедят тут вас волки. Когда мой отец умер, я был поменьше вас. Один здесь ночсвал, не боялся. А вас — двое. Ты что, хочешь, чтобы из-за тсбя матсри попало? Без куска хлеба можем остаться!— Ибрахим-ата гневно посмотрел на сына, но, поняв, что обидел его, сразу же смягчился, привычно погладил Шернияза по голове.— Не от нас зависит, сынок... Разве матсри не хочется приходить каждый день?

— Очень уж стала капризная младшая госпожа. И тура там каждый день. Три служанки у них, а все равно и мне покоя нет. Стираю, готовлю, подметаю, ни одной минуты без дела не сижу, а она хмурится, ругает...

— Ладно, жена, подавай, проголодались.

— Сейчас, сейчас.— Айша попробовала гуджу на вкус.— Вот еще тут кусочки от лепешек у них собрала...

— Они людей водой кормят, а собак — жирным мясом,— сказал Палван сквозь зубы.

— Потише, сынок, не дай бог дойдет до ушей туры... Ну, готова, что ли, гуджа?

Гуджа. Ни маслица, ни кусочка мяса в ней. Джугара, вода, соль — и только. Да и то похлебка такая — раз в день. «И за это спасибо аллаху»,— произносит часто Ибрахим-ата.

В большое деревянное блюдо с гуджой накрошили остатки от кукурузных лепешек. В доме только один почерневший деревянный ковшик и одна ложка с трещиной. Вот этой единственной ложкой и едят по очереди гуджу, а очень редко, когда расщедрится тура, еще и шурпу с мясом.

— Тура получил от хана ярлык на двести танапов земли,— сказал Палван, передавая ложку отцу.

— На двести танапов?— испуганно переспросил Ибрахим-ата.— Ну, значит, у Пирнафаса наверняка землю заберет, тура давно на его участок зарится...

— Что же тогда будет с Пирнафасом-ака?

— Некуда ему деваться. Станет батраком туры. Без земли человек себе не хозяин.

Палван погрузился в глубокое раздумье. Ему уже представлялось, что семья Пирнафаса-ака, лишившись земли, переходит в собственность туры, и тогда, значит, Джумагуль не сможет выйти замуж без разрешения господина. Чернее ночи будет ее судьба...

— Он, наверно, всю землю до самых песков захватит,— прошептала Айша, убирая дастархан.— До чего же ненасытный...

Палван никак не мог уснуть в эту ночь.

«Да будет милостив к ним аллах, да не разорятся они, да минует беда Джумагуль»,— шептал он про себя...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Поэт и музыкант Юсуф Харратов, известный под именем Чокар, жил в одной из худжр — келий медресе Мамат, что на улице Калта Минор. В тот день у него были гости — Аваз, Сахиби, Шерози...

Хозяин был занят приготовлением плова, а Сахиби углубился в чтение книги на персидском языке.

Аваз повесил на гвоздь свой чапан — стеганый халат из полосатой ткани, расстегнул ворот суконного камзола и подсел к Шерози, который настраивал танбур.

— Аваз-ака, трудно вам придется теперь,— сказал Шерози.

— Нисколечко,— невозмутимо ответил Аваз.— С голоду не умру.— Он посмотрел на Сахиби:— Мавляна, а кто остался при дворе?

— Я, только я.— Сахиби отложил персидскую книгу, помолчал мгновенье и продолжал с некоторым сочувствием и в то же время с назиданием:— Аваз, братец, язык у тебя злой, очень злой. Слушался бы во всем хана... Посвятил бы ты ему оду,— глядишь, взяли бы писарем в диванхана... Похвалил бы Шерназарбая,— он человек благодарный, замолвил бы словечко перед ханом. А что с тобой теперь будет — не знаю, просто не знаю... Я тебе сочувствую. Ты ведь лучший среди лучших. Боюсь, как бы не иссяк родник твоего вдохновения...

— Благодарю за сочувствие, мавляна. Ты советуешь мне посвятить хану оду — совесть не позволяет мне сделать это. Пусть другие лицемерят, если им это нравится. Возможно, мои слова кое-кому придутся не по душе,— что поделаешь, такой уж у меня характер.

— Тогда уж поступил бы приказчиком к какому-нибудь туре или купцу...

— Нет, лучше мусор подметать, чем быть у баев на побегушках!

— Ну тогда, может, станешь имамом нашей мечети? Ведь у тебя дети, не забывай,— произнес Сахиби.

— Не хочу я обманывать народ!

Сахиби потерял терпение, вскочил.

— Так чем же ты хочешь заняться?

— Я уже сказал тогда Шерназарбаю — бороды брить буду.

Сахиби рассмеялся:

— Это ты, брат, сказал тогда сгоряча...Брадобрей! Придется тебе стричь всяких слепых, больных, с паршой, нищих. Намыливать им бороды, пачкаться. Фу! Грязная работа. Ведь ты же поэт! Вчера проходил я по Кухна-Арк, видел вашу цирюльню. Стены покосились, того и гляди, рухнет.

— Мавляна, у меня есть друзья, они придут на хашар, отремонтируем. Как ты сказал — слепые, больные, нищие? Ты к ним равнодушен, а я их люблю, какие люди, какие чистые сердца! Красота души таится в жилищах кузнецов,

дехкан, землекопов. А в прекрасных хоромах — Шерназарбай. Ну ладно, хватит...— Аваз с улыбкой обратился к Шерози:— Спойте что-нибудь веселое, развеселите Сахиби, а то горе свалит этого человека. Он так переживает за меня...

Шерози тихо запел на слова Агахи...

Обычно люди, когда пел Шерози, откладывали все дела, невозможно было его не слушать, он умел брать за живое. Ни одна свадьба не обходилась без Шерози, народ от души любил, почитал его. А сейчас, в присутствии Аваза, он пел особенно проникновенно. Хозяин, Юсуф-ака, сам отлично игравший на танбуре, дутаре, чанге, слушал Шерози с восхищением, закрыв глаза. А танбур так и пел в руках у певца.

Возрадуйся, печальная душа: любимая придет, едва лишь ночь настанет,

Чиста, благоуханна, как цветок, с коралловыми нежными устами.

— Вы доставили нам истинную радость,— с волнением в голосе сказал Аваз.— Хвала вам. Я слышал, что вы научились играть на русской гармони. Это правда?

Шерози утвердительно кивнул.

— Очень хорошо. Вы делом подтверждаете свою любовь к русским.

Шерози немного смутился от искренней похвалы Аваза.

— Юсуфджан,— внезапно обратился Аваз к хозяину,— я написал вчера стихотворение.— Он вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и начал читать:

Кто на земле несчастней нас и кто слабее нас, народ?
Меч угнетенья на куски тебя рассек сейчас, народ!
Доколе будешь ты рабом и слезы лить из глаз, народ?
У притеснителей твоих ни совести, ни чести нет,
Лекарства нет, хотя твой взор уже почти погас, народ.
Виня во всем жестокий рок, ты умираешь без борьбы,
Все так же далека та цель, что пред тобой зажглась, народ.
Твоим правителям чужда забота о родной земле,—
Для проходимцев и воров был жертвой столько раз, народ!
Народы мира с каждым днем становятся мудрей, сильней,—
Века на месте ты стоишь, ты в темноте погряз, народ.
Когда-нибудь взойдет заря, когда-нибудь прозреет век,

Страданья кончатся твои,— так говорит Аваз,
народ!

Во время чтения Сахиби сидел как на иголках. Ну и ну! Если он раньше надеялся, что Аваз одумается, что его снова могут призвать ко двору, то теперь уже никаких сомнений не было. «Стихи бунтовщика! Он теперь не сможет вернуться, даже если бы захотел. А жаль! Все-таки талант!»

— Не говорил ли я, что язык у тебя злой, а теперь у тебя стихи такие...— пробормотал Сахиби.

— Ведь я и раньше писал не только о розах и девушках. Правда, не все читал...

Сахиби почувствовал, что пора уходить.

— Аваз, вы избрали опасную дорогу, с вами может случиться худое. Нам не по пути... Жаль... Очень жаль... Прощайте, поэт!

— Прощайте...

* * *

Цирюльня отца Аваза, Отар-бувы, славилась на весь Хорезм. И в самом деле, он стриг так легко, красиво, что это никак нельзя было назвать ремеслом,— это было искусство.

«...Я успел передать свое мастерство сыну. Теперь,— думает Отар-бува,— волей судьбы мой Аваз снова берет в руки бритву и ножницы. Но как быть с парикмахерской? Совсем обветшала...»

В назначенный Авазом день его друзья собрались на хашар.

Из кишлака Пишканик с заступом и кетменями пришли Пирнафас-ака и Палван. Много нужных для ремонта инструментов притащил кузнец Сабир; казан и все другое, необходимое для плова, принес Маткарим.

Не медля ни минуты, приступили к делу. Палван, разобрав крышу, извлекал подгнившие балки, Пирнафас-ака длинным плотничьим топором затесывал новые. Раджаб, брат поэта, месил на соломе глину. Аваз помогал ему, таскал воду. Кузнец Сабир мастерил новую оконную раму. Маткарим колдовал над пловом. Самая тяжелая работа пришлась на долю Палвана. Длинную толстую балку, с ко-

---

[1] Перевод С. Липкина.

торой бы и трое человек не справились, он один поднимал на крышу.

Аваз восхищался:

— Ну и здоров же ты! Хвала твоему отцу, да будет счастье тебе, дорогой брат.

В обед Маткарим смешил всех своими шутками, рассказами.

— А я вдруг закричал: «Вон, вон видите?» Никого там не было, это я просто так. «Да, вижу,— а сам глаза зажмурил,— это дэв, дэв идет, а-а-а!»—«Да нет, не дэв, это Шерназарбай».

Скоро старая цирюльня Отар-бувы преобразилась, словно помолодела... В широкое высокое окно лился яркий закатный свет, отражался в зеркалах — и вся она сверкала, лучилась. Это казалось тем удивительней, что большинство цирюлен в Хиве были темными, грязными, и нередко мушиный рой осаждал голову клиента. Отар-бува вернулся из Хазараспа, увидел, во что превратилась его цирюльня, и ахнул.

— Спасибо твоим друзьям. Руки у них золотые.

— Мне говорили, отец, что я детей не прокормлю. Вы мудрый человек, обучили меня нужному ремеслу.

— Да, сынок, с хорошим ремеслом не пропадешь. Но ведь недаром говорят — для йигита и семидесяти ремесел мало. Хорошие стихи пишешь, да вот только по ночам не спишь,— это плохо, вредно для здоровья.

На следующий день Аваз рано пришел в свою цирюльню. Разложил на столике отцовский инструмент, направил бритвы и широко распахнул дверь: входите, люди.

В клиентах недостатка не было.

Аваз быстро освоился на новом месте. Засучив рукава и подоткнув полу чапана за пояс, он искусно работал ножницами и бритвой.

Сейчас он брил голову дехканину, высокому худому старику с иссушенным ветрами и солнцем лицом. Этот человек, казалось, настолько привык к зною, что уже не чувствовал его, между тем солнце палило немилосердно, и в цирюльне было невыносимо жарко и душно, пот катился по лицу Аваза.

В это время к цирюльне на выхоленном коне подъехал Шерназарбай.

— А, поэт, варишься в собственном поту,— крикнул он и захохотал.— Сахиби при дворе неплохо живется, а ты упрям. Есть еще время, пойди к хану, извинись. Одумайся, цирюльник!

— Премного благодарен за совет. Если захотите, я снесу острой бритвой все лишнее, что обременяет вашу шею.

— Нет, бриться у тебя не буду,— ответил Шерназарбай и, довольный собой, тронул коня.

Старик дехканин поднял голову и, лукаво улыбаясь, посмотрел на Аваза.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К осени Матчон-тура прибрал к рукам всю распаханную целину — до самых песков. Теперь он подбирался к землям своих вольных соседей — дехкан. Начал он это черное дело с ближайшего своего соседа — с Пирнафаса-ака.

Однажды Матчон-тура призвал к себе аксакала — старосту кишлака — и имама.

— Уважаемый аксакал, земля и двор Пирнафаса принадлежат теперь мне — вот ярлык хана,— и Матчон-тура небрежно протянул вчетверо сложенную бумагу. Потом достал несколько золотых монет.

У аксакала затряслась белая борода.

— Да умножатся ваши богатства, господин, мы все для этого сделаем...

— Вот магарыч, выносите решение, срок вам даю десять дней.

Аксакал ощерился в улыбке, принял деньги обеими руками.

— Будьте спокойны, господин, не сомневайтесь, все будет в порядке.— Не разгибая спины, он попятился назад, опустился на корточки и воздел руки для молитвы.— Да поможет аллах нашему господину, да минуют его беды, да возвеличится он, да сопутствует ему удача в делах...

Старый батрак расстелил перед аксакалом дастархан, принес чай.

Матчон-тура облокотился на пуховую подушку, протянул руку в сторону участка своего соседа:

— Во-он бывшая землица Пирнафаса. Сад я там выращу...

— Да исполнится... желание ваше,— аксакал чуть не подавился лепешкой.

— Огорожу высоким дувалом...

— Что скажете, то и будет,— сладко улыбнулся имам.

— Не уступил по-хорошему, пусть теперь пеняет на себя...

— Мы уж прищемим ему язык,— прочавкал беззубым ртом аксакал.

Между тем на дороге показался Пирнафас-ака. Его подталкивали в спину два вооруженных нукера.

— Неблагодарный, почему я должен тебя ждать!— громко закричал тура.

— Господин, я за дровами ходил,— тихо ответил Пирнафас-ака, опускаясь на колени.

— А ну говори,— прикрикнул аксакал,— песку, что ли, наелся или камень проглотил?

— Исполним, что ни прикажет наш господин,— процедил сквозь зубы Пирнафас-ака, покосившись на аксакала.

Белобородый помахал у него под носом ханским ярлыком.

— Знай же, что с этого дня земля твоя отходит к туре.

Пирнафас-ака опустил голову, согнулся, горе огромным камнем придавило его.

— Ты в долгах по уши, так теперь и отдашь свою землю в уплату. Вот ярлык хана!

— Твой участок как соринка в глазу туры!

Пирнафас-ака поднял голову. Он сильно побледнел, губы у него дрожали.

— Сжальтесь, не дайте разориться, дети у меня...— с этими словами Пирнафас-ака упал на камни.

— Прочь, наглец!— крикнул аксакал.— Не хотел по-хорошему...

По знаку туры слуга принес чилим, подал его обеими руками господину.

— Я не хочу, чтобы ты разорился,— степенно проговорил тура.

— Да будут счастливы ваши дети, господин, смилуйтесь, пожалейте...

— Я имею право отобрать у тебя землю за долги,— продолжал тура, не слушая его.

— Жить вам до скончания века, да будет щедр к вам аллах...

— Ради твоих детей дам тебе за дом и землю сто золотых. Но твой отец умер, задолжав мне сорок золотых, сам ты занял у меня девять, налог за воду я за тебя платил — это пять золотых, а подоходный — это уже шесть, сам понимаешь. Всего ты мне должен, выходит, шестьдесят. Да, а еще ты занимал у меня на чистку каналов три золотых, просрочил на два года, с процентами будет шесть. На, возьми остаток — тридцать три золотых.

— Господин, господин, я не помню, чтобы мой отец брал у вас в долг, а кроме того, моя земля стоит пятьсот зо-

лотых. Вы сами раньше давали триста, триста!— крикнул Пирнафас-ака.

— Правду говорят, окажи бедняку честь — так он в грязных ичигах полезет на шелковое одеяло... Неблагодарный, не возьмешь, тебе же будет хуже — прикажу наказать тебя!— возвысил голос тура и махнул рукой нукерам. В то же мгновение нукеры, подняв плетки, подскочили к Пирнафасу-ака.

— Дурак, бери скорее, не плати злом за добро,— затряс бородой аксакал,— бери скорей, а то умрешь под плетью...

— Господин,— взмолился Пирнафас-ака,— подумайте сами, зима скоро, куда я с детьми денусь?

— Хоть в могилу,— пробурчал тура.

— Будьте милостивы, дайте три дня сроку...

— Знай мое великодушие,— подумав, ответил тура,— я согласен ждать три дня...

Пирнафас-ака опустил голову и побрел к своему дому.

Джумагуль подоила козу, отодвинула подальше от нее широкую глиняную чашу. Вытерев ладонью капельки молока, брызнувшие в лицо, она поправила сползший на глаза платок.

Матчон-тура только раз видел Джумагуль, в ту пору она была еще совсем маленькой, но и тогда опытным глазом он сразу определил —«вырастет красавицей». И не ошибся.

«Не богатством, а дочкой-красавицей наградил аллах бедняка»,— подумывал теперь тура, охладевая к своей четвертой жене, совсем еще молоденькой Бикаджан-бике.

Палван был на четыре года старше Джумагуль, но в детстве, как все соседские дети, они часто играли вместе, бегали друг к другу.

Больше всего Джумагуль и Палван любили качаться вместе на качелях, которые сладил Ибрахим-ата. Иной раз, сидя на веранде, тетя Айша, лукаво улыбаясь, говорила Джумагуль: «Доченька моя, вырастешь — будешь невестой Палвана». Девочка краснела, а Палван отворачивался и убегал.

В прошлом году Палван, возвращаясь с поля, внезапно увидел Джумагуль. С неожиданным волнением и тоской смотрели они друг на друга. Тихо поздоровавшись, молча разошлись. С тех пор Джумагуль часто стало сниться лицо Палвана, его глаза... А молодой йигит все приходил к месту их случайной встречи, мечтал хотя бы издали еще посмотреть на Джумагуль... Стыдясь своих родителей, боясь вся-

ких пересудов, они волей-неволей должны были избегать друг друга.

Когда Джумагуль увидела отца в сенях, на нем лица не было.

— Несчастье, доченька, несчастье...

Джумагуль обняла отца.

— Что случилось, ата?

— Тура отбирает у нас и дом и землю.— Рукавом халата Пирнафас-ака вытирал слезы, струившиеся по щекам.

Девушка, ни разу еще не видавшая отца в таком состоянии, заплакала.

Появилась мать Джумагуль, Мастура.

— Что случилось?— спросила она с удивлением.

— Горе нам, жена. Хотят нас совсем разорить, пустить по миру. Скоро у нас не будет денег даже на саван. Тура землю отбирает, дом... Три дня сроку дал. У него ярлык от хана...

— Вай, да сгорит дом туры, да ослепнет он, поганый, да встанет ему наша земля поперек горла,— заплакала, запричитала Мастура...

Узнав о несчастье, к Пирнафасу пришли Ибрахим-ата со старшим сыном.

— Надо посоветоваться с Авазом, он напишет жалобу кази,— наконец вымолвил Палван.

— Аваз, конечно, напишет жалобу, всей душой поможет, но ведь Матчон-тура родственник хана...— тихо возразил Ибрахим-ата.

Палван поднял голову, глаза его засверкали. Перед Джумагуль стоял сейчас богатырь, способный разрушить все препятствия. Палван представил себе, как он врывается к туре, хватает его за горло... Но тут же припомнились вооруженные до зубов нукеры, днем и ночью стерегущие дом господина.

— Ну, все равно это ему так не пройдет!

— Сынок, что ты говоришь, все в их власти, может случиться и худшее,— испугался Ибрахим-ата.

— Да я его...— Палван протянул свои сильные руки, напряг пальцы.

— Боже упаси, сынок. Всех нас погубишь. Живыми в землю закопают. Ведь он родственник хана. Разве с ханом сладишь?..

На следующий день Палван вместе с Пирнафасом-ака отправились в город.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Аваз, к нам пришла беда, помоги,— прямо с порога начал Пирнафас-ака.

Поэт, сидевший за низеньким столиком, живо вскочил, поклонился, пригласил сесть.

Палван опустил хурджуи на пол.

— Аваз-ака, помогите, тура хочет разорить нашего соседа, землю отнимает, дом. Всего три дня сроку дал... Жалобу напишите кази.

— Все они псы!— нахмурился Аваз.

Он взял перо и со слов Пирнафаса быстро написал жалобу. Палван и Пирнафас-ака обрадовались, словно в их руки попало само счастье, и побежали с бумагой в казихана, у дверей которой всегда толпилось много народу. В этой казихана, находившейся около медресе Мадамин-хана, вершил суд сам главный судья.

Сюда стекались истцы и ответчики не только из Хивы, но и из других городов и кишлаков Хорезма. Пирнафас-ака просидел у дверей казихана до самого вечера, но очередь его так и не подошла. Пришлось вернуться в кишлак. Ночью он глаз не сомкнул, а на рассвете вместе с Палваном снова томился у дверей казихана. У каждого, кто приходил сюда, было свое горе. Люди сидели тут с утра до ночи. А толстосумы в шелковых халатах заходили в казихана без всякого спроса. Других, успевших всучить взятку, вызывал сам мирза — писарь. Наконец Пирнафас вручил свою жалобу писарю, тот дважды прочитал ее и поморщился, из чего следовало по крайней мере два вывода: первый, что за чаевые жалобу он, писарь, и сам бы мог написать, и второй, что вообще напрасно связываться со всесильным Матчон-турой, все равно ничего не добьешься.

Писарь молча вернул жалобу и скрылся в казихана. Пирнафас-ака и Палван переглянулись.

— Сердится на нашу недогадливость,— хмуро произнес Палван.

— Знаю, сынок, знаю, но откуда нам денег взять?— грустно сказал Пирнафас-ака.

У Палвана было несколько таньга, которые он заработал, перетаскивая купцам тюки на базаре. Он хотел было дать их теперь писарю, но, вспомнив, что надо одарить и судью, промолчал.

Снова настал вечер, в огромной, точно котел, чалме, появился и сам кази-калян. Звонко постукивая посохом, он

прошествовал мимо, небрежно кивая в ответ иа иизкие поклоны. Когда дверь закрылась, мирза крикнул в толпу:

— Расходитесь, расходитесь, завтра тоже день будет...

«Что делать, если пройдет срок?» — сверлила мысль Пирнафаса-ака.

Палваи вытащил из кармана свои три иесчастных таньга, протянул соседу:

— Может быть, пригодятся вам.

— Не надо, сынок, оставь себе.

— Говорят же: «К кази без денег не ходи», да вы и сами видите. Прошу вас, ата, возьмите.

Наконец Пирнафасу-ака удалось добиться приема. Но кази-калян, предполагая, что бедняк явился к нему с пустыми руками, почти не слушал его. Тогда Пириафасака вынул деньги и положил их перед кази:

— Возьмите, пожалуйста, остальное за нами.

Кази-калян иедолго думая ловко смел с низенького столика деньги, сунул в карман и сразу же как будто подобрел:

— Значит, Матчон-тура хочет оттягать у тебя землю.— Кази быстро пробежал глазами жалобу.— Да, так мусульмане не поступают, это против шариата.

Пирнафас-ака сказал почтительно:

— Точно так, господин, точно так.

— Мы вызовем Матчон-туру, а вы теперь можете идти, решение будет,— вымолвил кази-калян, глядя на стену поверх очков,— да, мы выиесем решение согласно шариату.

Пирнафас-ака ушел довольиый. Кази-каляи тоже был доволен: еще бы, жалоба бедняка сулила ему немалую выгоду,— туре, для того чтобы откупиться, надо будет раскошелиться не на одну сотию таньга.

Прошло три дня, и Мадраим Черный — иукер Матчоитуры — предстал перед Пирнафасом.

— Тура зовет тебя,— изрек он и, пропустив бедиякa вперед, пошел за иим следом.

— Ну вот и кончился срок, который ты у меня просил,— тихо сказал Матчои-тура.— Было время подумать. На вот, подписывай бумагу.

— Господии, я был у кази,— робко иачал Пирнафас.

— У кази?!— тура вытаращил глаза.— А я-то думал, ты скромиый человек, настоящий мусульмаиин. Значит, судиться со мной хочешь?

— Но, господин...

— Заткиись, дурак. Теперь ты у меия по-другому запоешь. В тюрьме сгиою, чтобы и другим иеповадно было.

Матчон-тура быстро набросал письмо кази и вместе с увесистым кошельком передал Мадраиму:

— Отведи этого мошенника к кази!

Так они и отправились в Хиву — впереди пешком Пирнафас-ака, за ним Мадраим Черный на коне.

У дверей казихана Мадраим спешился, привязал коня за повод к колышку и пошел к кази-каляну.

— Вместе с письмом наш господин передают вам и это,— Мадраим вытащил из кармана кошелек.

Глаза кази сверкнули, он поспешно спрятал деньги и велел позвать Пирнафаса, ожидавшего снаружи. Пирнафас-ака вошел, почтительно сложил на груди руки, низко поклонился.

— Почему не уплатил долг туре? Почему его оклеветал?

«Купили»,— подумал Пирнафас.

— Говори, мошенник!— закричал кази-калян.

— Из-за пустячного долга лишиться зёмли, имущества — разве это справедливо?

— А долг твоего отца? Сорок золотых!

— Какой долг, где расписка?— спросил, осмелев, Пирнафас-ака.

Но кази-калян предпочел не услышать этих его слов. Громко повторяя: «Клеветник, мошенник», он объявил о своем решении, по которому земля Пирнафаса весной переходила к туре в счет долга. В случае, если бы он согласился стать батраком туры, дом мог остаться ему во временное пользование.

В тот же день Пирнафас-ака пришел к Авазу, рассказал об этом решении.

— Грабеж средь бела дня! Где же справедливость?

— Справедливость... эта птица далеко летает...

— Будь что будет, напиши жалобу диванбеги, если и там ничего не получится, пойду к ясавулбаши, все же большой начальник, или к главному визирю,— говорят, он человек справедливый, вот и пожалуюсь...

Аваз, в глубине души сознавая, что из этого все равно ничего хорошего не получится, писал все жалобы и заявления.

Пирнафас-ака чуть не каждый день ходил теперь из Пишканика в Хиву и обратно. Ходил в грязь, в холод, в дождь, в снег.

Прошла осень, наступила зима, а дело все не продвигалось. Мучительно в зимнюю стужу целыми часами проста-

ивать перед роскошными хоромами Нурлавой. Одна за другой были поданы жалобы диванбеги, ясавулбаши, главному визирю. Боязно, страшно входить в приемные сильных мира сего. У ворот стража, во дворе полно нукеров, у дверей телохранители с саблями.

Никто толком не прислушивался к словам Пирнафас-ака. Писари, нукеры, стражники смеялись над ним, оскорбляли.

— Ишь ты, справедливости захотел.

— Не морочь голову людям, оборванец.

— Дурак, с турой связался...

Вконец измучился Пирнафас-ака.

— Теперь одна у меня надежда,— говорил он Авазу,— пойду к хану, он меня выслушает.

Поэт покачал головой:

— Не надо... Боюсь, как бы ты себе хуже не сделал...

— Хуже некуда. Я тебя прошу: напиши хану жалобу.

Аваз молча подсел к столу, исписал два листа.

— Вот твоя жалоба, я тебе сейчас прочитаю.

Пирнафас-ака прослушал внимательно.

— Как хорошо ты пишешь! Даже человек с каменным сердцем заплачет, услышав такое...

И случилось, как пожелал того Пирнафас. Со своей жалобой предстал он перед самим ханом.

Хан восседал на троне, по обе стороны стояли высшие придворные чины, духовенство, знать. Хан уставился на бедняка.

— Народа благодетель, Хорезма богатырь, у меня к вам жалоба,— начал Пирнафас.

Хан едва заметно кивнул.

— Великий хан! Я, выросший в кишлаке неуч и невежда, в глаза не видел раньше ни казихана, ни диванхана, ни ясавулхана. И вот пришлось узнать, испытать. Я просил, умолял выслушать меня, решить все по справедливости. Не нашел я правды. Вы — моя последняя надежда. Неужели отнимут единственное, что имеет моя семья,— клочочек земли?

Хан тяжело молчал, не зная, о чем идет речь, на кого жалуется бедняк.

Пирнафас, подбодренный тем, что его так долго слушают, подумал: «Ну, Матчон-тура, сейчас хан тебя проучит».

Но хан уже не обращал никакого внимания на бедняка, кази-калян что-то шептал хану на ухо, ясавулбаши частыми кивками головы подтверждал сказанное кази-каляном. Уз-

нав, что дехканин жалуется на Матчон-туру, хан сделал нетерпеливый жест рукой — довольно, мол.

— У вас, великий хан, у вас, нашего отца и покровителя, ищу я справедливости,— сказал Пирнафас.— Прикажите, чтобы не отбирали у меня дом и землю.

— Хватит,— внезапно произнес повелитель Хивы. А следующие его слова точно молния поразили Пирнафаса:— Ищешь справедливости, а сам не платишь долги отца?

— Великий хан, о смерти своей я ведаю, а о долгах отца ничего не слышал. Мой господин не показывал мне расписку отца,— с дрожью в голосе сказал Пирнафас.

Тут Матчон-тура вытащил из-за пазухи какую-то бумагу и протянул ее хану обеими руками:

— Повелитель, вот документ.

Хан пробежал глазами бумагу и нахмурил брови.

— Здесь приложил палец твой отец, кроме того, на расписке есть подписи уважаемых в кишлаке людей — аксакала и имама.

— Великий хан, расписка поддельная! Ее не было, когда нукер господина Мадраим Черный приходил в казихана.

Матчон-тура посмотрел на кази-каляна, как бы приглашая его в свидетели.

Кази-калян кивнул огромной головой, величественно поднялся и начал степенно:

— Повелитель, этот мошенник хочет оклеветать нас всех. Я сам ставил печать на расписке! А этого клеветника, подвергающего сомнению шариат, мы просим заточить в темницу.

— Взять его,— изрек хан.

Пирнафас-ака побледнел как смерть, в ушах у него зазвенело. Ноги сделались ватными.

Два нукера подскочили к нему, заломили руки за спину, связали. Матчон-тура с усмешкой взглянул на Пирнафаса и, низко поклонившись, обратился к хану:

— Светоч справедливости, я прошу вас пощадить этого человека. Он не в своем уме. Если вы позволите, я сам накажу его для примера другим.

Хан кивнул, махнул рукой. Нукеры развязали бедняге руки.

Матчон-тура, конечно, предвидел исход тяжбы. Теперь, на примере Пирнафаса, он собирался проучить и других своих соседей. С этой целью он собрал их всех в одном месте. Явились также имам и аксакал.

— Зачитайте свидетельство,— произнес Матчон-тура.

Имам медлеино, с расстаиовкой, чтобы все слышали, стал чнтать бумагу, заготовлеиную нм зараиее:

— «Настоящим свидетельствую, что я, жнтель кншлака Пнщкаиик Пирнафас, сын Шарнфа-бобо, 16-го чнсла месяца иавруз 1329 года хиджры по собственной воле продал за сто тнлла уиаследоваииые от отца н соседствующие с землямн Матчои-туры два танапа землн и двор длиной в двадцать аршии н шнриној в пятиадцать аршии выше упомяиутому Матчои-туре, от которого деньги получнл иаличиыми.

По причине своей иеграмотности прнложивший палец Пириафас, сыи Шарифа-бобо».

Имам читал медленно, и каждое слово этого лжесвндетельства вонзалось в грудь Пириафаса точно стрела.

— Приложи палец!

— Тебе говорят!

Имам больпо схватил бедняка за руку, плюиул иа его большой палец, иамазал чернилами и с силой прндавил к докумеиту.

Ничего ие видя вокруг себя, Пириафас, словио помешаниый, стукиул себя кулаком по лбу и, шатаясь, пошел прочь.

— Срок десять дней, ие уйдешь сам — сгоиим!— крнкиул вслед ему аксакал.

Миогих дехкаи постигла в этот деиь судьба Пирнафаса. «Купля-продажа» продолжалась до самого вечера. Одиих запугали, других избили палками.

Глаза Матчои-туры сияли. Ои был доволеи.

А Пишканик, прекрасиый кишлак Пишкаиик, погрузился в траур. Словио зашаталась под иогами людей земля, обуглились их сердца. Из домов доносились крики, проклятия, приглушеиные рыдания. Сколько дехкаи покииут теперь свои дома, уйдут в степь, пустыию, где нх ждет голод, холод! Илн стаиут бродить, иищенствуя, переходя из города в город, из кишлака в кишлак! Или же, превратившнсь в рабов, будут гнуть спину иа Матчои-туру!

Несчастье и горе и вовсе могли бы докоиать людей, если бы ие их взаимиая поддержка, участие...

Им было с кем поделиться своим горем... Но стоило кому-иибудь упомянуть имя Матчон-туры или Исфаидняр-хана, как нх сердца иаполиялись гиевом, кулакн сжимались...

Джумагуль, проливавшая слезы в ичкари — во виутрением помещеиии для жеищии, услышала вдруг громкий голос Палвана:

— И тура н хан — бешеиые собаки!

— Что теперь будешь делать, друг? — спросил Ибрахим-ата у Пириафаса, сидевшего с опущенной головой.

— Уйду отсюда, займусь рыбной ловлей.

— А если тура предложит стать его батраком?

— И видеть его не хочу! Эй, Джумагуль, принеси чаю! — крикнул Пириафас-ака.

— Разве до чая нам теперь? — Ибрахим-ата встал с места. Вслед за ним поднялся и Палван, поднялся так медленно, будто его внезапно поразил тяжкий недуг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хивинское ханство — владение Исфандияр-хана — простиралось по левому берегу Амударьи до Аральского моря, с юга его окаймляли пески Каракумов, с запада — снова пески...

Главный визирь Ислам-Ходжа, забрав в ладонь густую черную бороду, задумчиво смотрел на карту Хивы: «Древняя история давно кончилась, настала пора перемен. Будут и у нас фабрики, заводы, банки...»

У высокого ростом, белолицего визиря был широкий и ясный лоб, прямой нос, из-под густых бровей глядели большие умные глаза. Один из самых образованных людей в Хиве, он побывал не только в крупных городах России, но и во многих странах Европы, много читал, в совершенстве владел персидским и арабским языками. Ходил он обычно в шелковом чапане или же в златотканом чекмене. Из-за красивого наборного пояса торчала серебряная рукоять кинжала. Мизинец левой руки украшало золотое колечко. На ногах — лаковые ичиги в калошах.

Отец Ислам-Ходжи занимал при дворе Мухаммад-Рахим-хана пост главного визиря и был одним из самых крупных землевладельцев. Мухаммад-Рахим-хан, восхищаясь умом сына Ибрагим-Ходжи, говорил не раз: «Заменит своего отца, быть ему главным визирем». Предсказание сбылось.

Ведение всех отношений с Россией новый хан доверил Ислам-Ходже. Главный визирь призвал в свой дом русских учителей, которые обучали его детей и братьев. Сам он уже давно свободно разговаривал по-русски. Это очень помогало ему в переговорах с Россией. Министры царя относились к нему благосклонно.

Склонясь над картой Хивы, отпечатанной в русской типографии, он думал: «Край наш богат хлопком, шелком,

шерстью. Какие возможности для торговли! Была бы железная дорога, дело бы пошло... Стал бы Хорезм развитым государством...»

Ислам-Ходжа вновь перечитал составленное им письмо царю от имени хана Исфандияра. «Хан должен подписать это письмо, должен понять меня. Ведь я его правая рука — главный визирь, да к тому же тесть». Тревога промелькнула на лице главного визиря: «Только благодаря моим действиям восемь месяцев назад Исфандияр взошел на престол. Теперь он уже об этом стал забывать. Гарем открыл, позорит мою дочь, Одилбику, меня позорит... Интриги Шерназарбая...»

Когда Ислам-Ходжа вошел к Исфандияру, тот заканчивал разговор с Шерназарбаем.

Шерназарбай хотел было удалиться, но хан взглядом остановил его. Ислам-Ходжа, намеревавшийся побеседовать с ханом наедине, вынужден был протянуть письмо.

— Ваше величество, в этом письме белому царю содержатся мысли о необходимости для нашего края железной дороги. Петербург должен нам помочь в постройке, прошу, ваше величество, подпишите.

Хан взял письмо и подмигнул Шерназарбаю, который улыбнулся в ответ. Все это не ускользнуло от внимания Ислам-Ходжи, тем не менее он произнес спокойно:

— Уважаемый ясавулбаши, думаю, тоже одобрит наше намерение.

— Наша обязанность пополнять казну, но кое-кто предпочитает ее опустошать,— с иронией произнес Шерназарбай.

Хан усмехнулся, потом сказал серьезно:

— На почту и телеграф вы взяли деньги из моей казны, этого достаточно.

Повелитель не подписал письмо, больше того, он, по наущению Шерназарбая, без одобрения отнесся к совету Ислам-Ходжи помочь купцам, намеревавшимся начать строительство хлопкоочистительных заводов.

— Ваше величество,— сказал Шерназарбай,— они неверы, кяфуры, эти купцы читают газеты, открывают джадидские школы. Грех давать им в долг деньги, особенно Палязу-хаджи.

— Паляз-хаджи — умный человек, он может принести пользу ханству,— упрямо сказал Ислам-Ходжа.

— Мы глаза и уши нашего великого хана...

— Но это не значит, что можно говорить все, что взбредет в голову,— резко произнес Ислам-Ходжа и, поклонившись, удалился, чем вызвал раздражение хана.

Беседа эта еще более усилила тревогу Ислам-Ходжи. «Шерназарбай опытный интриган. Теперь ему не по душе пришелся и Палязхаджи...» — думал главный визирь. Рассеянно вошел он в диванхана, отдал кое-какие указания дибанбеги и снова вышел и даже не заметил, как снова оказался во дворе. Тут взгляд его упал на женщину в шелковой парандже, выходившую из дверей гарема. Когда женщина направилась в сторону ясавулхана, главный визирь признал в ней старуху Хатиру. «Еще одну отыскала, сводница»,— отметил про себя Ислам-Ходжа и глянул на высокую дверь поодаль, за которой находились жены хана, его дочь Одилбика... «И зачем ты родилась женщиной, несчастная...» Сердце чадолюбивого визиря сжалось, в глазах блеснули слезы.

* * *

Ревность, тоска совсем одолели красавицу Одилбику. Наконец, с трудом испросив разрешения у свекрови, она села вместе со своей кормилицей в крытую арбу и на рассвете выехала в Тазабаг.

Ранняя весна. Небо подобно голубоватому мрамору. Тихо, прохладно...

Из-за горизонта, сверкая ослепительными лучами, выкатился огненный круг солнца. Одилбика раскрыла глаза, светло и ярко было вокруг. Арба с монотонным скрипом медленно продвигалась вперед. Кормилица, любившая Одилбику как родную дочь, сидела с ней рядом, восхищалась ее красотой. Чтобы не сглазить Одилбику, суеверная старуха то и дело дула себе за ворот.

— Не печалься, моя душа. Все ханы такие жестокие...

— Люди, наверно, думают, что я счастливая... жена хана, дочь главного визиря... А я плачу над своей судьбой...

— Ненасытный наш хан, жена у него ну что тебе луна, что солнце, а он еще на рабынь глаза пялит,— попробовала утешить Одилбику старуха.

— Лучше смерть, чем такая жизнь...

— Нет, нет, не говорите так, пусть умирают плохие люди.

Арба въехала в Тазабаг, Одилбика вздохнула с облегчением.

— Выпрягай коней!— крикнул слугам Ислам-Ходжа, увидев приехавшую дочь.

Одилбика низко поклонилась отцу, который, пристально вглядевшись в нее, сказал с тревогой:— Что с тобой, дочь моя? Может быть, заболела?

— Нет. Давно вы не видели меня, вот вам и кажется,— ответила Одилбика.

Но Ислам-Ходжа сейчас прислушивался не столько к словам дочери, сколько к ее голосу.

Ему казалось, что дочь упрекала его: «Зачем выдали меня за этого человека, живу как в темнице».

— Дочь моя...

— Отец...

Одилбика внезапно с рыданием прижалась к груди отца. Ислам-Ходжа, отвернувшись, едва сдерживая слезы, сказал:

— Дитя мое, дочь моя, не надо, не мучай меня. Бессильны мы, ведь он хан...

Главный визирь тихонько подвел дочь к берегу пруда, усадил на супу.

— Надо смириться, дочь моя... Такая, видно, у тебя судьба... Я вместе с ханом отправлюсь в Петербург. Какие подарки тебе привезти?

— Ничего не нужно, отец,— ответила Одилбика, низко опустив голову.

* * *

Иван Гаврилович Семенов, «политический ссыльный», был родом из Иваново-Вознесенска. Старший брат его погиб во время декабрьского вооруженного восстания в 1905 году, а сам Иван Гаврилович за участие в забастовках был выслан на Урал, но и там он продолжал революционную работу. Его снова арестовали и отправили в далекий Турткуль.

Опытный техник, мастер на все руки, Иван Гаврилович был, что называется, нарасхват. Компания ярославских промышленников построила в Новом Ургенче хлопкоочистительный завод, потом техник понадобился на хлопковых заводах в Хиве, Гурлене, Ташаузе. Иван Гаврилович везде устанавливал хлопкоочистительные машины, учил обращению с ними. Трудившиеся на этих заводах узбеки, туркмены, каракалпаки получали жалкие гроши, жили впроголодь. Поначалу Иван Гаврилович объяснялся с ними знаками, но постепенно совместная работа и сама жизнь помогли ему научиться разговаривать по-узбекски. Он сблизился со многими из этих рабочих. Его привлекали их доб-

рота и трогательиая любовь к детям. В детях находилн этн несчастиые и забнтые людн утешенне и радость.

После моитажа машнны богача Ялмаибая Иваиу Гавриловнчу разрешили остаться в Хнве. Ои жил иеподалеку от кузнницы Сабнра, друга Аваза.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Аваз-ака, может быть, еще что-иибудь сделать...— смущенно пронзнес Палван.

— Спаснбо, дорогой, оставь это, давай-ка лучше я сведу тебя в одно место...

Этнм «местом» оказался дом Ивана Гавриловича. Когда Аваз представнл Палвана, русский шнроко улыбнулся:

— Очень рад. Будьте как дома, ведь иедаром же говорят: друзья нашнх друзей — нашн друзья.

— Иван-джан учнт меня русскому языку,— сказал Аваз.

— Со всей душой стараюсь, но, видио, слабоватый я учитель.— Иван Гаврнловнч вытащил нз суидука какую-то большую кннгу н вручнл ее Авазу:— Вот это вам очень поможет... Палван, расскажнте о вашем отце, братьях, о вашем кишлаке.

Спокойно, доброжелательно смотрел русский иа юиошу. Палван стал говорнть, н робость его прошла как-то сама собой, и чем дальше, тем свободией чувствовал он себя в этом доме. Он уже было решнлся рассказать и о Пнриафасе-ака, о постигшем его несчастье, ио вдруг умолк.

Дверь распахнулась, и вошла русская жеищниа. По тому, как Иван Гаврнлович в величайшем нзумлении застыл на месте, можно было предположить, что случилось что-то иеобыкиовеиное.

Женщнна, растерянио улыбаясь, протягивала каждому руку. Когда она сияла платок с головы, ее красивое лнцо стало еще краснвее. Поправляя вьющиеся волосы, оиа сказала:

— Я думала, тут, на краю землн, мой муж одни-однишенек, а у него столько друзей!

— Ольга, как ты сюда добралась? Как получила разрешеине?— все еще ие мог опомиитьси Иван Гаврилович.

— Не спрашивай лучше. За тобой хоть иа край света...

Гости стали прощаться...

У ворот Аваз протянул Палвану сверток:

— Передай, Палван, этот скромный подарок моей племяннице. Здесь ситец на платье. Я скоро их навещу.

Вместе со своей семьей Пирнафас жил теперь в маленьком шалаше около озера Пишканик. Он приобрел лодку, сети, багор, удилища...

Жилья вокруг не было, озеро со всех сторон обступали пески. Берега заросли камышом, но ближе к середине озеро становилось все глубже, а вода все светлее. Иные места были настолько прозрачными, что их называли «лунными», сюда рыба заходила чаще всего. Пирнафас рыбачил целыми днями, иногда и ночь прихватывал. А в базарные дни навьючивал своего ишака, гнал в город, сам шел пешком. На вырученные деньги накупал зерна, соли. Кое-как удавалось сводить концы с концами.

Летом и даже весной в шалаше еще можно было жить. А как зимой?! И ко всему этому, не сегодня-завтра должна была родить жена Пирнафаса.

Джумагуль, стоявшая около шалаша, сказала матери, которая в это время чистила рыбу:

— Анаджан, кто это везет в нашу сторону дрова на осле?

— Откуда мне знать, доченька, дровосек какой-нибудь...

— Шапка его очень похожа на чугурму Палвана-ага,— продолжала вглядываться Джумагуль.— Но откуда быть у него ослу?

— Все у тебя, доченька, похожи на Палвана.

Тетя Мастура направилась к очагу.

Дровосек тем временем приблизился.

— Ну и острые у тебя глаза, доченька. Действительно, Палван-джан!

Босой Палван гнал перед собой осла, навьюченного чуть не целой арбой саксаула.

— Как здоровье твое, сынок, матери, отца?— засыпала вопросами тетя Мастура.

— Все живы-здоровы, кланяются вам.

— В такую жару ходил в пески за дровами, сынок?

— Матчон-туру пригласил к себе в гости отец младшей жены — Бикаджан-бики. Вот мне и удалось улизнуть, привез вам дрова.

Палван свалил гору саксаула со спины осла, который, освободившись от ноши, вдруг неистово заревел. Джума-

гуль отвела его в сторону, привязала к колышку. Когда она вернулась, Палван протянул ей сверток: «Аваз прислал вам подарок».

Палван быстро нарубил саксаул и начал аккуратно складывать мелкие поленья.

Вдруг зашуршали неподалеку камыши, и стая уток с кряканьем взлетела вверх. Скоро показалась лодка. Пирнафас, промокший до нитки, оторвался от весел. Палван схватил лодку за нос.

— Ата, как-то вы тут будете зимой?

— Вот это и мучит меня, сынок. Хоть сейчас и лето, но в груди моей зима,— вздохнул бедняк.

— А если дом построить?

— На какие же деньги?

— Были бы хоть какие доски, балки... Поможем,— я, отец, Бекджан, да и друзья в кишлаке есть. Мы вас не оставим... Свезем раз пять на осле дрова на базар.

— Спасибо, сынок, посмотрим, как там получится. Да ты ешь, что перестал?

— Хватит, спасибо,— Палван вытер руки.— Я для вас сделаю все, что в моих силах.

Палван засобирался в дорогу.

— Сынок; оставайся уж сегодня, поможешь мне. Да и тебе интересно — ты ведь ни разу ночью не ловил.

Стало светлее. Засияла в небе большая луна. Со стороны песков подул теплый ветер. Словно вода в арычке, зашумел, зашелестел камыш. Пирнафас, несмотря на все свои несчастья, уже успел, кажется, полюбить озеро и вот такие лунные ночи...

— Ну, Палванджан, пошли, лодка ждет.

— Вернемся поздно, спите!— крикнул Пирнафас жене и дочери, когда лодка уже отплыла от берега.

Лунный свет пробивался между тростниками, серебром разливался по воде. Пирнафас правил, Палван сидел на веслах. Совершив несколько сложных поворотов, они выплыли на открытое место. Там была заброшена сеть. Палван, сняв халат, полез в воду. Поддерживая рукой конец сети, он зашагал в сторону, указанную Пирнафасом. Там, где ноги не доставали до дна, приходилось плыть. Пирнафас, ухватившись за другой конец сети, сам направлял теперь лодку в глубокие места. Стали вытягивать сеть. Палван тянул изо всех сил. «Легче, сынок, легче!»— крикнул Пирнафас. Сеть показалась из воды, попавшие в нее рыбины подпрыгивали, извивались.

Палван старался нащупать ногами дно. Когда это ему не удалось, он подплыл к камышам. Ага, есть! Палван стоял на мели, высоко держа над собой сеть.

— Молодец, сынок,— похвалил довольный Пирнафас.

Стали втягивать сеть в лодку, опрокидывать туда рыбу.

— Столько я бы не изловил даже за неделю,— радовался бедняк.

— Да, одному человеку тяжело, конечно,— отозвался Палван.

Миновав камыши, лодка подошла к берегу. Комаров как будто стало меньше. Кизяк дымил по-прежнему.

Привязали лодку.

— Джумагуль, эй, Джумагуль!— позвал Пирнафас-ака.

— Иду, иду,— отозвалась тетя Мастура. Дочь будить не пришлось. Она не спала, поджидая рыбаков.

Пирнафас и Палван вытащили рыбу на берег. Джумагуль, увидев рыбу, стала тереть глаза, проговорила в изумлении:

— У-у... как корова.

Пирнафас рассмеялся:

— Это все благодаря Палвану, дочь.

— Ну, я пойду,— не в силах скрыть внезапно нахлынувшую грусть, произнес Палван.

— Остался бы, сынок.

— Вы же знаете туру. Не приду до рассвета — накажет.

Пирнафас, приговаривая: «Для братцев твоих, для отца твоего, для матери твоей», насыпал Палвану полмешка рыбы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Матчон-тура в сопровождении двух вооруженных нукеров отправился в сторону песков для того, чтобы осмотреть ещё раз свои новые земли. Батраки и чайрикеры встречали спесивого туру низкими поклонами.

Вот они проехали мимо бывшего участка Пирнафаса. Здесь уже успели снести дом, посадить саженцы...

— Ага,— произнес один из нукеров, поправляя на боку саблю,— когда прикажете огородить сад забором?

— На днях.

Новые земли туры, около тысячи танапов, простирались от стен Хивы до самых песков...

Десять до зубов вооруженных нукеров туры сторожили его дом в городе и кишлаке. И куда бы он ни отправлялся,

на охоту, или к отцу Бикаджан-бики, или в свои владения, всюду и всегда его сопровождали нукеры. Тура постоянно испытывал страх перед разоренными им людьми. Теперь ему хотелось построить дворец, который бы принес ему славу. «Батраков хватит...— думал тура.— А сколько еще голодных, разутых скитается в поисках работы по кишлакам».

— Ага, сколько у вас земли теперь?— желая польстить самолюбию туры, спросил нукер Мадраим.

— Даже счет потерял,— ответил тура, играя плеткой.

— У Ибадуллы меньше земли?— снова прозвучал угодливый голос.

— Пока нет, но скоро у меня будет больше...

Стегнув коня плеткой, он направился дальше.

— Поедем вдоль озера.

— Как прикажете...

— И уток постреляем.

Солнце уже клонилось к закату. Со стороны озера повеяло прохладой, кони пошли рысью, и сразу же загремели, зазвенели доспехи и оружие нукеров. Испуганно взлетали хохлатые жаворонки, кормившиеся на дорогах, снова садились, и опять им приходилось подниматься в воздух...

В это самое время Джумагуль с матерью возвращались от больного Ибрахима-ата. Они и опомниться не успели, как их нагнали конные. Испуганные женщины поспешили закрыть лица, отвернуться в сторону. Но тура все-таки успел заметить лицо юной Джумагуль. Осадив коня, он замер на месте. Женщины, не оборачиваясь, спешили к своему шалашу. Тура все смотрел им вслед. Нукеры переглянулись...

— Чья дочь?— вымолвил наконец тура.

— Пирнафаса,— поспешил ответить Мадраим.

— Замужем?

— Нет.

— Где живут?

— Около озера.

— А ведь недавно совсем еще маленькой была...

«Бай-бай, до чего прекрасна, неужели она будет принадлежать какому-нибудь оборванцу... А я, друг хана, уступлю ему такое счастье... Конечно, Пирнафас не захочет отдать за меня свою дочь... Но я могу ее купить: деньги есть, власть, все в моих руках... Пусть только попробует не отдать, забью плетьми!»

Волнение туры передалось нукерам. Они хоть сейчас готовы были догнать Джумагуль, схватить, доставить...

— Ага, я ее сейчас!— крикнул один.

— Не надо!
— Одного вашего слова достаточно,— произиес второй.
— Сказал же, не надо!

Не заезжая в усадьбу, тура поехал прямо в городской дом. Около больших ворот его встретнли нукеры, помоглн сойти с коня. Пройдя под длинным навесом, освещенным свечамн в канделябрах, он очутился в просторном дворе, выложенном кирпичом и мраморными плитами. С трех сторон былн высокие веранды с колоннамн, украшенными нзысканной резьбой;— здесь потрудилнсь искуснейшие мастера Хнвы. Веранды вели в комнаты, в которых жилн мать н четыре жены туры. Сейчас эти комнаты были свободны,— три жены туры переехали на лето в усадьбу. Веранды были устланы огромными, толстыми, очень дорогнмн коврами. Ниши забиты шелковыми, бархатными, парчовыми стеганымн одеялами. Одеял, пуховых подушек могло бы хватить не на четыре жены, а по меньшей мере на сорок. Это однообразное украшение комнат счнталось первым признаком богатства. Тура не хотел ударить в грязь лицом перед другнмн баямн. В городском доме разных жнлых помещений было не меньше пятидесятн. В стороне от них, в специально построенных маленьких, сырых, глннобнтных мазанках, ютились служанки н батракн.

Останавливаясь в городском доме, тура обычно удостаивал своим вниманием молоденькую Бикаджан-бнку. Но на этот раз он взошел на пустовавшую веранду отца. Бикаджан-бика не заметила своего господнна. Она гляделась в зеркало, прнхорашнвалась. Две рабынн прислуживалн ей. Дорогая фарфоровая посуда, золотые н серебряные безделушкн украшали комнату Бикаджан-бики. В нишах шелковые одеяла, по стенам внселн суконные, златотканые чекменн н халаты туры.

Мать Палвана, Айша, завндев туру, хотела было известнть о его прнбытии Бнкаджан-бнку, но другая служанка опередила ее:

— Наш тура прибылн...
— Где он?
— На половине старшего ага...
— Что это он прошел туда?!

Белолицая Бнкаджан-бика, поправляя брнллиантовые перстнн на пальцах, кокетливо повела бровями. Нарядившнсь во все самое лучшее н красивое, надев кявушн с загнутымн носамн в золотых прожнлках, она прнблизилась к туре с томным выраженнем на лнце н поклонилась. Тура,

словно бы не замечая ее, задумчиво сидел на широкой деревянной кровати. Бикаджан-бика подошла вплотную к кровати и поклонилась еще ниже.

— Господин мой, вам нездоровится?— нежно произнесла она.

Тура по-прежнему не замечал ее.

— Отчего вы грустите? Случилось что-нибудь?— еще более нежно и покорно проворковала красавица.

— Ничего не случилось, подите к себе,— довольно холодно ответил тура и отвернулся.

— Может быть, есть хотите, принести?

— Нет,— грубо оборвал тура.— Вина!

Бикаджан-бика быстро вышла и через мгновенье, снова низко поклонившись, поднесла ему наполненную вином золотую касу.

Тура стал медленно цедить вино...

— Оставьте меня в покое, устал я...

Красавица, пораженная столь резкой переменой, попятилась назад, по-прежнему низко кланяясь.

Очутившись на своей веранде, оскорбленная Бикаджан-бика отшвырнула ожерелья, бусы, закричала на служанок:

— Почему сразу не сказали о прибытии господина?

Служанки переглянулись, затем одна из них ответила робко:

— Айша первая заметила туру...

— Позови ее!.. Ты первая увидела моего господина? Почему не сказала сразу?— зло крикнула Бикаджан-бика подошедшей Айше.

— Я хотела сказать...

— Молчи!

— Простите, госпожа. Меня опередили...

— Пошла вон!

Бикаджан-бике казалось, что тура отверг ее потому, что она недостаточно быстро вышла к нему, не встретила сама у калитки...

Половину своей жизни провела Айша в городском доме и ничего, кроме ругани и оскорблений, не слышала, не видела. Порядки и нравы этого дома были ей хорошо знакомы. Так, если тура поселялся на веранде отца, это обычно кончалось тем, что он брал новую жену. «Значит, у туры на примете уже другая,— подумала Айша.— А ведь еще и года не прошло, как он женился на красавице Бикаджан-бике!..»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

К мужу своей сестры, Пириафасу, поэт приехал не один. Вместе с ним были его друзья — кузнец Сабир и Маткарим.

По дороге они зашли в кишлак Пишканик и прихватили с собой Палвана и его отца, Ибрахима-ата.

Вот и озеро, розовые на закате камыши, шалаш... Радостные восклицания хозяина...

Пириафас обратился к Палвану:

— Палванджан, ты бы покатал поэта на лодке, показал бы ему наше озеро...

Юноша согласился с явным удовольствием. Поговорить с любимым поэтом да к тому же еще родственником Джумагуль! Через несколько минут они с Авазом уже плыли по озеру.

Таинственно шелестели камыши...

— Как много тут уток, в следующий раз приеду с ружьем.— Глаза Аваза заблестели.

— Аваз-ага, я очень люблю ваши газели, был бы грамотный, все бы переписал. Много ваших газелей наизусть знаю: раз услышу — запомню.

— Ну так спой тогда хоть одну. Прошу тебя.

Палван не заставил поэта долго упрашивать. Он перестал грести, полной грудью вдохнул свежий озерный воздух.

Ты, милая, моим владея сердцем, его своим молчаньем
не сжигай
И грудь мою, пронзенную тоскою,
познавшую страданья,
не сжигай...

Волны озера, казалось, замерли, прислушиваясь к этим словам.

Печален я, и, туч ночных темнее, разлука
нависает надо мной.
Любимая, не будь такой жестокой, надежду на свиданье
не сжигай.

— Хвала, хвала твоему отцу, Палванджан,— произнес восхищенный Аваз. Простой парень-дехканин предстал сейчас перед ним человеком, которому близки и понятны вдохновение, восторг, поэзия. Авазу захотелось сделать для

Палвана что-нибудь хорошее, доброе.— Слушай, друг,— обратился он к парню,— я, если буду жив, помогу совершиться твоей свадьбе. Ты знаешь, я верю, настанут такие времена, когда вы все будете счастливы.

Палван забыл даже грести, с величайшим вниманием прислушивался он к словам Аваза. Маленькая лодочка тихо плыла по течению.

Как только они пришли в шалаш, им подали жареной рыбы. Запивали ее зеленым чаем.

К шалашу на берегу озера никто не мог подобраться незаметно, и поэтому друзья, давно не собиравшиеся вместе, высказывались без утайки.

— Эти минуты я не променял бы ни на какие богатства,— говорил Аваз.— Друзья, душа у нас сейчас одна. Мы закованы в цепи, точно рабы, но никто не может сковать наши желания, наши мысли. Я хочу прочитать вам мое новое стихотворение.

Пусть тьма мне выклюет глаза,— рванется сердце и замрет.
И выкупом мой дух живой пусть будет за тебя, народ.
Жить для людей и умереть за обездоленных людей —
Одно желанье мое, желанья прочие не в счет.

Стихотворение всем пришлось по душе.

— Когда покинул я ханский дворец,— продолжал Аваз,— думали, что я буду нищенствовать... что среди простых людей буду я одинок... А сейчас снова зовут меня ко двору. Если не приду, будут угрожать, наверно, опять накажут, но не дождутся они меня...

Палван ловил каждое слово поэта, он готов был слушать бесконечно...

— Они хотели бы купить мой голос, мое перо. Никогда им это не удастся...

— Хан и тура что захотят, то и сделают, братец. Отняли же у меня дом, землю...— промолвил Пирнафас-ака, наливая чай.

— Если бы ты был при дворе, так мог бы передавать хану наши жалобы?— неуверенно сказал Ибрахим-ата.

— На кого жалобы?— спросил Аваз.

— На аксакала...— произнес также неуверенно Ибрахим-ата.

— Но ведь аксакал близкий к туре человек...

— На самого туру...

— Тура родственник хана: один корень, одно тело. Хан — бич, тура — плетка.

Кузнец Сабир понимающе посмотрел на Аваза, кивнул головой.

Сабир, будучи единственным сыном, в детстве имел возможность посещать школу.

Отец его, прожив трудную жизнь, не раз говорил своему сыну: «Сын мой, смотри учись, а то останешься темным, неграмотным, будешь, как я, мучиться, задыхаться возле горна...»

Способный Сабир очень быстро научился грамоте, стал читать книги Машраба, Суфи Аллояра. В свободное время он помогал отцу, постигал ремесло кузнеца. В восемнадцать лет Сабир поступил в медресе Шергози-хан. Без особого труда запоминал он многие газели Навои, Физули, Махтумкули. Отец женил своего единственного сына, когда ему было всего девятнадцать лет. Невестка родила близнецов, но недолго радовался старик, в тот же год умер от воспаления легких. На Сабира свалились все заботы по хозяйству. Чтобы прокормить семью, ему пришлось оставить учебу, продолжить дело отца. Сабиру исполнилось только сорок лет, но все лицо его уже было в морщинах, а ладони одеревенели от мозолей. Кузнец Сабир, готовый все сделать для друга-бедняка, глубоко сочувствовал горю Пирнафаса.

А Пирнафас-ака между тем вымолвил:

— Теперь ничего не боюсь, даже смерти.

— Знаем твое бесстрашие. Потому и любим тебя,— сказал Аваз.— Не на богачах мир держится. Мы вам поможем.

— Не оставим вас в шалаше на зиму. Построим дом,— вмешался наконец в разговор Палван.

— Верблюд в караване не пропадет,— произнес, покашливая, Ибрахим-ата.

Маткарим, взявший на себя обязанности повара, наконец поставил перед друзьями большущее блюдо ароматнейшего плова.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Исфандияр-хана и Ислам-Ходжу, приглашенных в Петербург, провожали Шерназарбай, Матчон-тура и другие сановные лица. Они ехали на конях десять дней до самого Чарджоу.

С неподдельным изумлением смотрел хан на пыхтевший паровоз, бегущие по железным полосам вагоны. Все это было ему в диковинку. Особенно удивил его железнодорожный мост через Амударью.

Николай Второй принял Исфандияр-хана в Царском Селе.

Хан преподнес царю лучшие образцы труда ремесленников Хорезма, различные изделия из жемчуга и изумруда. Великолепные залы летнего дворца, цветной паркет, канделябры, статуи, картины знаменитых художников — все это производило на хана впечатление, на все это он смотрел разинув рот.

Николай Второй возвел хана в чин генерала, наградил его орденами. Награждены были также Ислам-Ходжа и Мухаммадвафо-караванбаши.

Исфандияр-хану и в голову не приходило извлечь из своего пребывания в Петербурге какую-либо пользу для Хорезма, занимали его только пиры и приемы.

Не в пример хану Ислам-Ходжа развернул бурную деятельность. Он вошел с разными предложениями в сенат, министерства, уже договорился с инженерами о проектах железнодорожных мостов. Во время обеда на одном из торжественных приемов, выбрав подходящий момент, Ислам-Ходжа обратился к царю:

— Ваше величество, уважаемые господа, Ашхабад, Мары, Чарджоу уже соединены железной дорогой с Россией, также как и Бухара, Самарканд, Ташкент. Только Хорезм остается в стороне. Мы взываем к вашей высочайшей милости.

Николай вопросительно посмотрел на министра путей сообщения, который в ответ медленно наклонил голову.

И действительно, уже на следующий же день Ислам-Ходжа договорился с министром о проектно-изыскательских работах. Главный визирь был доволен. «Какой просвещенный человек»,— говорили о нем при дворе. Все это не осталось не замеченным хитрым, завистливым ханом. Поэтому, когда однажды главный визирь явился к нему с докладом, Исфандияр сказал, не скрывая своего гнева:

— Визири-бузрук, разве не говорил я вам прежде, что на железную дорогу нет денег в казне?

Ислам-Ходжа не знал, что возразить.

— Великий хан, я забочусь о процветании государства...

— Ваша забота может разорить меня!

Повелитель пристально и недобро смотрел на своего визиря.

Прожив в летнем дворце девять дней, хан отправился обратно в Хиву, а заболевшего в Петербурге визиря повезли на Кавказ.

И снова прибыли в Чарджоу для встречи хана сановники во главе с Шерназарбаем.

Развалившись в карете, запряженной шестеркой коней, Исфандияр хвастливо описывал оказанные ему в Петербурге почести. Потом, нахмурившись, сказал:

— Вазирн-бузрук и там начал своевольничать, говорил царю о железной дороге.— Тут хан показал рукой на пески:— Разве через эту мертвую пустыню можно провести железную дорогу? Сколько денег надо! Того и гляди, разорит меня тесть.

Шерназарбай не упустил случая попасть в тон хану:

— Вазирн-бузрук приказал мне давать ему все сведения о налогах...

— Ну, теперь вы будете отчитываться только передо мной...

Карета, покачиваясь, плыла по сыпучим пескам, точно парусник по волнам моря. Многочисленная свита на конях следовала за каретой, глотая мелкую щекочущую горло пыль, обливаясь потом.

* * *

Ислам-Ходжа задумал произвести в ханстве некоторые, как он считал, необходимые реформы. С этой целью он вместе с Хусаинбеком разработал ряд проектов: ремонт дорог, постройка больниц, использование вакуфных [1] денег на просвещение, подсчет приходов и расходов в казне ханства и, наконец, новые налоги.

Из всех этих проектов хану пришлись по душе только пункты, касающиеся взимания новых налогов. «А зачем вести счет казне? Ведь я хан, а кто-то другой будет распоряжаться казной?..» После этого Исфандияр-хан вовсе охладел к своему главному визирю. Он стал искать случая, чтобы унизить, а потом и убрать не в меру деятельного, как ему казалось, и умного визиря. С этой целью хан призвал к себе Шерназарбая и протянул ему проекты, ознакомившись с которыми ясавулбаши с улыбкой взглянул на хана.

Хан начал степенно:

— Сокол мой Шерназарбай, мне нечего от вас скрывать. Ислам-Ходжа зазнался, он слишком многое на себя берет, не считается с моей волей. В Петербурге он выслуживался перед белым царем больше, чем передо мной. Если будет так продолжаться...

[1] Вакуф — движимое и недвижимое имущество, подаренное мусульманским религиозным организациям.

Шерназарбай, понявший хана с полуслова, забрал бороду в ладонь, надул щеки.

— Великий хан,— произнес он,— мы исполним любое ваше приказание...

— Эту проклятую бумагу я показал также и уважаемому кази-каляну, он тоже был очень разгневан.

Выходя от хана, ясавулбаши думал: «Нелегкое дело взвалил на тебя повелитель, надо быть очень осторожным. У Ислам-Ходжи влияние немалое, а богатством он не уступит и хану. Надо так повести дело, чтобы и хан был доволен и себе не повредить. Прежде всего надо найти общий язык с опорой царства — с верховным судьей Мухаммад-Салим-ахуном. Коли случится беда, так он поддержит, а шариат будет защитой...»

Ясавулбаши застал верховного судью в казихане. Мухаммад-Салим-ахун восседал на мягких коврах на почетном месте, в глубине просторной светлой худжры, около михраба — ниши, указывающей направление к Мекке. На голове у него была пышная чалма. Он беспрерывно перебирал четки, нашептывая что-то. Мирзы-секретари, сидевшие в ряд по обе стороны, непрерывно скрипели камышовыми перьями.

Мухаммад-Салим-ахуну было уже лет восемьдесят, но, несмотря на это, ходил он без посоха, держался прямо. Будучи кази-каляном в течение многих лет, он пользовался в ханстве немалым влиянием, ибо знал подноготную баев; беков, крупных купцов, посвящен был в тайны их жизни, так что многие остерегались и боялись его. Помимо всего прочего, он распоряжался тысячами танапов вакуфных земель в Хорезме. Ему подчинялись кази всего ханства.

Шерназарбая он встретил очень приветливо. После нескольких вежливых фраз ясавулбаши спросил осторожно:

— Таксыр, их величество хан ознакомили вас с проектом вазири-акбара?

— Да, ознакомили,— степенно произнес кази-калян и тоже задал вопрос:— А что думаете по этому поводу вы?

Шерназарбай не растерялся.

— В проекте сказано: «использовать вакуфные деньги на просвещение». А ведь вакуфные деньги подвластны только вам. Не так ли, светоч справедливости?

Убедившись в том, что Шерназарбай пришел за помощью, пришел заключить союз против Ислам-Ходжи, власть и влияние которого давно были не по душе и кази-каляну, верховный судья высказался теперь откровенно:

— Дела Ислам-Ходжи противны нашей вере, противны нашей совести. Если великий хан не примет мер, померкнет чистота нашей веры, появятся безбожники, которые навлекут на нас гнев аллаха.

— Их величество хан соизволили сказать, что нужна жалоба, подписанная большими людьми ханства...

— Наш долг и обязанность перед шариатом наказать неверного,— сказал кази-калян и тут же пояснил Шерназарбаю содержание будущей жалобы, перечислил даже лиц, которые должны были подписать жалобу: «Мухаммад Салих, Саид-ахун, Давлят-кази, Накиб, кази Хикматулло...»

В свою очередь ясавулбаши назвал должностных лиц при дворе, которые непременно должны были подписать жалобу.

— Таксыр,— сказал он,— Фахриддин-ходжа, Сардарбай, Мехтар, Нурилло-мираб также настроены против Ислам-Ходжи и его людей. Они за нас всей душой. Подпишут! Ну а вы сами, наш светоч?— Шерназарбай вопросительно взглянул на кази-каляна.

— Я бы и подписал и печать поставил, но, думаю, будет лучше, если я буду действовать втайне...

Хозяин и гость поднялись с места. Кази-калян проводил Шерназарбая до дверей.

Уже на другой день хану была вручена жалоба, заканчивавшаяся словами: «Мы, покорные воле аллаха слуги вашего престола, просим вас, великий хан, не только отстранить Ислам-Ходжу от государственных дел, но и выслать неверного за пределы Хорезма». Прочитав жалобу, подписанную такими влиятельными лицами, хан подумал: «Ведь он тесть тебе... Что скажет Одилбика?.. И к тому же немало у него сторонников. Нет, так сразу действовать нельзя...» В голове хана начал созревать коварный план, повергший впоследствии в изумление даже видавших виды царедворцев.

Призвав к себе Ислам-Ходжу, хан приказал ему начать в Нурлавой постройку зимнего дворца, который не уступил бы дворцу царя Николая. Если бы Ислам-Ходжа отказался, то в тот же день... Но главный визирь ответил коротко:

— Великий хан, мы воздвигнем дворец, который будет достоин вас.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ислам-Ходжа приступил к подготовительным работам по строительству зимнего дворца. Согласно проекту, высокие сводчатые постройки с колоннами, составляя единый комплекс, должны были окружать с четырех сторон основное здание. По замыслу проектировщиков, дворец должен был неузнаваемо изменить облик Нурлавой. Несколько зданий намечалось также построить вдоль канала Сирчали.

Начальником всех строительных работ Ислам-Ходжа поставил верного ему человека — Рахимбергана.

— Мы вызовем немцев из Ак-Мечети, они отличные плотники. Из Бухары прибудут резчики по ганчу, из Москвы — художники. Сегодня великий хан подписал указ о привлечении на стройку народа.

Действительно, на другой день глашатаи во всех городах и кишлаках, надсаживаясь от крика, призывали народ на стройку. Согласно указу хана, каждый должен был отработать по двенадцать дней без всякого вознаграждения.

Матчон-тура, посылая на работу Ибрахима-ата с Палваном, приказал:

— Старайтесь, если не хотите, чтобы вас наказали!

На строительство пригнали даже туркмен и каракалпаков из далеких аулов и кишлаков.

Рахимберган и днем и ночью неусыпно следил за всем, что делалось на строительных площадках.

Как-то он крикнул Палвану:

— Ты и в самом деле Палван-богатырь! Придется дать тебе самую большую тачку.

Однако Рахимбергану нельзя было отказать в доброте, ибо он, например, сказал Ибрахиму-ата, должно быть, приняв во внимание его возраст:

— Вы, ата, будьте кипятить чай.

Палван возил, не зная устали, огромную тачку, которую едва могли сдвинуть с места несколько человек. Мастера не могли нахвалиться им.

Палван познакомился и быстро сдружился со многими людьми, прибывшими из других кишлаков. Однажды к нему подошел молодой высокий туркмен с бронзовым лицом и горящими глазами и обратился запросто:

— Брат-богатырь, салям. Давай руку, я хочу быть твоим другом!

Искренность парня тронула Палвана, он немедленно протянул руку. Туркмена звали Сафаргалди, прибыл он из Илоли. Они стали друзьями.

— Если у тебя больны мать и дед и смотреть за ними некому, зачем же ты пришел сюда?— спросил Палван.

— Не по своей воле. Заставил Бобо, правитель Илоли.

Скоро у Палвана и Сафаргалди появились новые друзья: Якуббай из Гурлена и Кличбай из Хазараспа.

Однажды Палван, как обычно, катил перед собой тачку. Внезапно раздался крик глашатая:

— Эй, народ, не говорите, что не слышали...

Палван прислушался. Ибрахим-ата, оставив чайник, подошел к сыну:

— Что он там говорит?

— Йигит-каракалпак из Шабаза уклонился от работ...

Палвану не надо было продолжать, Ибрахим-ата все понял. Все повалили на площадь неподалеку. Сюда же явились Шерназарбай, казн-калян и прочие чины. Молодого каракалпака в потрепанной бараньей шапке, босого, со связанными руками, пригнал на площадь палач Худойзар, который по своей свирепости уступал только лишь палачу Джумёзу Курносому. Первый душил жертву, второй резал.

Нукеры Шерназарбая окружили площадь. Казн-калян вышел на середину площади и прочитал указ хана. Ясавулбаши сделал знак палачу, Худойзар поставил йигита на колени и продел его голову в петлю, концы которой были прикреплены к палке. Палач хотел было уже начать душить, как вдруг йигит, точно желая сказать что-то, взглянул на Шерназарбая. Ясавулбаши остановил палача.

— Друзья!— во весь голос крикнул йигит.— Никого у меня нет!..— Ничего я не имею! Прощайте! Не виноват я! Я...

Ничего больше он не успел сказать, Шерназарбай махнул рукой.

В глазах у многих блеснули слезы, люди отвернулись. Палван скрипнул зубами, задрожали губы у Сафаргалди.

— Дворец этот, кажется, будет построен на костях и крови людей,— прерывающимся голосом произнес Маткарим.

— Тише, сынок, кругом рыщут сыщики хана,— предупредил Ибрахим-ата.

С посуровевшими лицами, опустив глаза, расходились люди с места казни.

Повешение, удушение, отсечение головы в хивинском ханстве были обычным явлением.

И все-таки, какими бы жестокими ни были казни, все больше становилось непокорных.

На строительство прибыли Ислам-Ходжа и русский архитектор. Их встретил Рахимбергаи.

Ислам-Ходжа все проверял, но ему было мало дела до людей, работающих на строительстве. А ведь многие из них были постоянно голодны, полураздеты...

Хан вызвал к себе Ислам-Ходжу. Помимо всего прочего, он хотел поговорить с главным визирем о сокращении сроков строительства зимнего дворца. К этому времени в его голове уже полностью созрел план, немало удививший Ислам-Ходжу. Главный визирь, явившись к хану, низко поклонился. Исфандияр кивнул и начал без всяких предисловий:

— Вазири-бузрук, мы видим ваши старания. Но нам хотелось бы, чтобы все было быстрее. Надо построить для народа большое медресе. Потом для наших прогулок вы создадите парк-сад, который превзошел бы все другие сады. И то и другое должно быть к северу от Палван-канала.

— Все будет исполнено,— произнес главный визирь и затем опять заговорил о своем:— Ваше величество, вчера я получил письмо из Петербурга, спрашивают, можно ли посылать техников для проведения изыскательских работ по строительству железной дороги.

— Чилим!— крикнул хан.

Слуга, стоявший за дверью, появился в мгновение ока с чилимом, отделанным янтарем и золотом. Хан жадно затянулся.

Ислам-Ходжа знал, что если хан, таким вот образом прерывая беседу, кричит «чилим», то это значит, что он чем-то недоволен. И действительно, хан сказал с раздражением:

— Ваша поездка в Петербург дорого обходится нашему государству. Зачем вы обременяете нас ненужными заботами?

— Вот почта, телеграф пригодились же...— тихо ответствовал Ислам-Ходжа.

— Почта и телеграф не богатство! Надо прикупать и увеличивать земли, земли! В этом деле нам помогут баи, беки, улемы. Надо на них вам опираться. А вы все водитесь с этими купцами, с Ялмайбаем, Аллакулибаем! Обезьяны любят подражать. Вот так же и ваши Ялмайбаи. В Казани открыли Высшую школу, и им этого хочется. В Ташкенте завод построили, и им подавай завод. Только железной дороги не хватало! Может быть, им мешают и стены нашего священного, древнего города, узкими стали для них улицы

Хивы!— разгневанный хан в упор посмотрел на Ислам-Ходжу.

— Около ворот Ганднмнён Ялманбай построил хлопкоочистнтельный завод. Если оттуда начать стронтельство нового города...— начал было Ислам-Ходжа, но хан грубо перебил его:

— Вы слышите, о чем я говорю! Может быть, вам и хан не нужен?— Помолчав мгновение, Исфандияр сказал с расстановкой:— На вас поступнла жалоба, ее подписал также н ясавулбаши.

— Что за жалоба, ваше величество?

— Отталкиваете от себя людей, навлекаете гнев.— Хан протянул жалобу Ислам-Ходже.

Исфандияр был расчетлив. Прочитав жалобу, думал он, главный внзирь откажется от своих замыслов, нли же в крайнем случае удастся уснлнть вражду между сторонникамн Ислам-Ходжи, снльнымн своим влнянием за пределамн двора, и сторонникамн диванбегн и ясавулбаши, потомственными царедворцами.

Читая арз — жалобу, Ислам-Ходжа то хмурил брови, то удивленно качал головой. Хан внимательно следнл за выражением его лица н наконец произнес:

— Вы мой тесть, вы верно служите мне. Уннжая вас, онн унижают н меня. Все это дело рук Шерназарбая...

Ислам-Ходжа задумчиво перебирал золотую цепочку карманных часов.

— Ясавулбаши Шерназарбай опасный человек. Он хочет разлучить нас с вами. В темницу его!— неожиданно крнкнул хан.

Хан добился своего, вызвав в Ислам-Ходже глубокое презрение к Шерназарбаю. Задумчивый, вошел он в днванхана. Поэт Сахнби, главный над писарямн, угодливо улыбался. «Одопнсец»,— брезгливо называл его Ислам-Ходжа.

Словно бы оправдывая свое прозвище, Сахиби вытащнл в эту мнниту нз-за пазухн какую-то бумагу н протянул внзирю:

— Таксыр, ваш покорный слуга посвятнл вам...

— Оду?— резко перебил Ислам-Ходжа.— Я вам советую оставить это занятие. Бернте пример с Аваза, своимн газелями он распространяет просвещение.

Сахиби, ничем не выказав обиды, сказал покорно:

— Буду стараться, таксыр.

На вопрос визиря: «Почему не призовете Аваза ко двору?», произнесенный почти что тоном приказа, Сахнби отвечал: «Приглашал, отказался. Буду просить еще».

По приказу хана Шерназарбай и некоторые из его приверженцев были арестованы, имущество их конфисковано в казну.

Очень быстро распространились слухи: «Главный визирь, воспользовавшись своим положением, жестоко расправился со своими давними врагами. Хан тут ни при чем». Исфандияр был доволен такими слухами. Баи, беки, чиновные люди, относившиеся к главному визирю с уважением, недоумевали. Затаил гнев и злобу Матчон-тура.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Никто, ни один посторонний не должен видеть жену мусульманина. Поэтому и Матчон-тура держал своих жен взаперти. Мало того, он огородил свой двор высоченными заборами, вокруг которых день и ночь расхаживали стражники. Но жены Матчон-туры, подкупив нужных людей, проводили время с теми, кто им был по душе. В этом им усердно помогали сами же нукеры и йигиты Матчон-туры, из среды которых они и выбирали себе любовников. Чистой оставалась только третья жена, Якут-бика, по простоте души долгое время не подозревавшая о проделках старшей жены Пашшаджан-бики и средней жены Халджан-бики. Но у Якут-бики была тайна, которую она скрывала не только от других, но и от себя. В прошлом году, выйдя в сад, она случайно увидела работавшего там Палвана. С тех пор она стала задумчивой, рассеянной, молчаливой. Такая перемена не осталась не замеченной другими женами, которым очень хотелось, чтобы наконец появился любовник и у Якут-бики. Ведь в этом случае они, вечно враждовавшие между собой, могли бы не бояться возможного разоблачения.

И вот однажды старшая жена Пашшаджан-бика, немало повидавшая и пережившая на своем веку, вкрадчиво и ласково заговорила с ней:

— Якут-бика, дорогая, до каких пор вы будете оставаться в неведении о сладостях этого мира? Красоте вашей могут позавидовать и луна и солнце. Жалко мне вас, губите вы свою красоту... Мы хоть и соперницы ваши, но не враги... ведь есть, наверное, у вас желанный, так же как и у Халджан-бики, и у... Да что мне скрывать от вас...

Слова эти сильно напугали Якут-бику. Разве не боятся они туры?.. А может быть, ее решили испытать или заманить в ловушку? Или нет? В ее душе рождалось любопытство. Сама того не желая, она теперь не прочь была бы убе-

диться в достоверности слов, услышанных от Пашшаджан-бики. Случай для этого представился скоро...

Любовником Халджан-бики был батрак Раим. И хотя Пашшаджан-бика умолчала о себе, у нее тоже был любовник — нукер Мадраим Черный. Тура, которого повсюду сопровождал Мадраим, большей частью останавливался в своем городском доме. К Пашшаджан-бике, жившей в летней усадьбе, тура заходил редко. Но зато сюда часто наведывался Мадраим. Проведя ночь с женой своего господина, он успевал к утру вернуться в город.

Однажды Якут-бика, проснувшись среди ночи, услышала чей-то мужской голос, смех, раздававшийся со стороны дома старшей жены. Она тихонько поднялась и осторожно подкралась к окошку Пашшаджан-бики. Окошко было занавешено, но в комнате горела лампа. Набравшись смелости, она заглянула в щелку и в ужасе отскочила: нукер Мадраим целовал старшую жену туры. Заглянув в переднюю, она открыла дверь комнаты, в которой жили служанки. Служанки спали беспробудным сном. Направляясь к себе, Якут-бика сделала еще одно открытие: увидела батрака Раима на берегу пруда вместе со средней женой туры!

— Приходите почаще,— сказала ему на прощание Халджан-бика.

Якут-бика поспешила скрыться в своей комнате. Доверчивая, искренняя, не умевшая лгать и обманывать, молодая женщина была близка к отчаянию. «Что творится на этом свете?! Позор, позор! Бесстыдницы!..— Но, говоря так, она думала о Палване...— Что мне делать, что делать?». В эту ночь заснуть ей не удалось.

* * *

Тура поручил нукеру Мадраиму Черному огородить новый сад глинобитным забором — дувалом. Слуги и батраки туры с утра принялись за дело: таскали воду, месили глину, подавали ее мастерам, которые медленно возводили стены. Палван, отработав свой срок в Нурлавой, выполнял по приказу Мадраима самую тяжелую часть работы: когда стена становилась уже довольно высокой, именно он должен был подавать наверх мастерам большие куски глины.

Нукер Мадраим, сидя под раскидистым карагачем и попивая зеленый чай, наблюдал за работавшими. Стоило кому-нибудь из них распрямиться и посмотреть по сторонам, как он тут же кричал, потрясая плеткой:

— Эй, спину почесать, да?

— Ага, проголодались мы,— не вытерпел наконец один батрак.

— А что ты сделал для того, чтобы проголодаться?

— С глиной нелегко возиться, ага, да и время за полдень перевалило...— сказал второй.

— Я тебе поговорю!

Голодные люди снова принялись за работу.

«Тура знает, кому поручить дело, я с ними умею обращаться»,— рассудил про себя Мадрим, уписывая за обе щеки лепешки с каймаком. Нажравшись, он с пиалушкой зеленого чая стал наблюдать за Палваном, который, точно мячик, играючи подбрасывал вверх огромные куски глины. «Не человек, а дэв»,— с завистью подумал Мадрим.

Вот солнце уже в зените. Соленый горячий пот щипал глаза батраков и дехкан. Иные из них уже едва двигались от усталости. Рубашка Палвана промокла до нитки.

Только теперь Мадрим бросил повару:

— Гуджа готова?

— Сейчас будет готова, ага.

— Не зевайте, скоро конец!— крикнул нукер, молодецки подкручивая усы.

— Умрешь тут с голоду,— произнес вполголоса какой-то йигит.

— Ах ты лодырь несчастный!— Мадрим поднял плетку.

— Ага, вы несправедливы. Мы работаем, стараемся, а вы еще...

Плетка нукера свистнула в воздухе, но ударить смельчака он не успел. Палван, мигом очутившийся рядом, поднял руку:

— Ага, ведь он хорошо работает.

— Сын раба, не вмешивайся!

Палван побледнел.

— Такого я даже от туры не слышал...

— А вот теперь слышишь от меня, сын раба!

— А вы щенок туры!

Гордо и смело смотрел Палван на Мадрима Черного.

— Эге,— вытаращил глаза нукер и поднял плетку,— видать, ты, несчастный, ожирел от лепешек туры. Да я тебя...— Однако Палван успел схватить его за руку и стиснул ее с такой силой, что Мадрим уронил плетку.— Ну, постой...— вымолвил нукер.

Тут раздался стук копыт, и выехал из-за угла Матчон-тура. За ним два нукера.

— Салям, господин!

— Не уставать вам,— не слезая с коня, буркнул тура.

Мадраим, желая выказать свою преданность и рвенне, в самом деле забегал вокруг туры, точно щенок.

— Мадраим, это все, что с утра наработали?— затягиваясь чилимом, спросил тура.

— Господин, тут смутьяны...— промолвил Мадраим, бросив взгляд на Палвана. Любо было смотреть, как работал в эту минуту богатырь.

— Палван гору сокрушит,— сказал тура.

— Вот он-то и есть смутьян, мой господин,— тихо произнес нукер,— настраивает против меня людей.

— Палван?!

— Вы бы наказали его, для примера...

— Тебе поручаю,— тура нахмурился. Лицо Мадраима просветлело.— Возьми нукеров и проучи его хорошенько... Только после работы. За ночь отлежится.

— Слушаюсь, господин.

Тура слез с коня и, заложив руки за спину, обратился к Мадраиму:

— Смотри, чтобы кончили скорее, а то без летнего солнца дувал прочным не будет.

— Не беспокойтесь, господин, все будет в порядке!..

Тура посмотрел на работавших, поморщился. Ему подвели коня. Только он с помощью нукеров успел сесть в седло, как конь рванулся с места, полетел ветром. Разметались, словно черные крылья, полы чекменя туры.

Тура подскакал к летнему дому, и сразу старшие жены засуетились, забегали вокруг него, только Якут-бика стояла в стороне, молчала, уставившись в землю. Туре хотелось пройти к ней, на ее веранду, но старшая жена, почувствовав это, сделала Якут-бике знак, означавший: «Проваливай отсюда скорей».

— Как ваше здоровье?

— Не жалуюсь, мой господин,— тихо произнесла Якут-бика.

— Вам чем-нибудь не угодили?

— Нет, ничего...

Якут-бика отвечала через силу. «Не спрашивал бы больше ничего, уйти бы к себе»,— думала она. Несколько дней назад она снова увидела Палвана. И теперь ее чуть не тошнило от внимания туры, поэтому после знака старшей жены она, рискуя навлечь на себя гнев туры, поспешила уйти.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Тетя Айша, приходите к нам в гости завтра, моя мама вас приглашает...

— Хорошо, доченька, приду, а ты бы осталась, уже поздно.

— Нет, мне пора, а то будут беспокоиться.

Джумагуль простилась с Айшой. Только она свернула на проселочную дорогу, как увидела Палвана, возвращавшегося с работы. Парень остановился. Он не верил своим глазам. «Почему Джумагуль так поздно идет домой?» Палван посмотрел вокруг. Ни души. Он быстро догнал ее, негромко окликнул:

— Джумагуль, салям.

— Салям, Палван-ага.

— Откуда идете?

— У вас была.

— Так поздно возвращаетесь, не боитесь?

— А кого мне бояться?— улыбнулась Джумагуль.

Они пошли рядом.

Луна только что взошла. Палван смотрел на тени деревьев и не мог найти слов, не знал, что сказать любимой, которую так долго не видел. До чего же они длинные, эти тени! Тихо было вокруг, и еще тише плыла по синему необъятному небу луна.

Они уселись под тополем возле арычка. Журчала вода, плыли, дрожа, в небе маленькие звезды.

Тихий ветерок развевал платок Джумагуль. Еще и еще раз где-то рядом плеснула рыба.

— Какие они беззаботные...— задумчиво сказала Джумагуль, вперив взгляд в воду.

— Это потому, что рыбы ничего не знают про Матчонтуру.

Джумагуль улыбнулась, потом с тревогой спросила:

— А озеро тоже его?

— Да. Говорят, тура вас увидел?

— Когда шла с матерью...

Сердце Палвана сжалось. Как никогда, хотелось ему сейчас защитить Джумагуль от всех бед на свете, прижать к себе...

— Пойдемте, уже поздно...

— Посидим еще...

Джумагуль теребила кончик платка. Палван молчал. Наконец он робко произнес:

— Джумагуль, мы оба дети бедняков...

— Да, так...

— Вы очень красивая; если пришлют свах, то, возможно, ваш отец...

— Отец и мать очень любят меня...

— А если пришлет свах тура?..

— Пусть земля проглотит его!

— А если я пошлю?— взволнованно спросил Палван.

Джумагуль молчала.

Палван смотрел в ее черные звездные глаза.

— Я люблю тебя,— сказал он и крепко обнял девушку.

— Вай, не надо так, отпустите...

— Пока не ответишь, не отпущу...

— Да,— тихо сказала Джумагуль. Лицо ее пылало.

Палван проводил свою любимую до самого озера.

* * *

Возвращаясь домой, Палван, не в силах сдержать радость, запел во весь голос.

Старая служанка, дремавшая около чигиря, вздрогнула, поднялась, вышла на дорогу, тихо позвала:

— Палван, эй, Палван!

Когда он подошел к ней, служанка с упреком сказала:

— Заждалась я тут, пойдем, тебя зовет моя госпожа.

— Какая госпожа? Что ей нужно?— удивился Палван.

— Якут-бика, пойдем же, дурень,— торопила старуха.

— Якут-бика?! В такой поздний час?..

— Счастье улыбнулось тебе, йигит, ну, что стоишь, идем же!

— Зачем?

— Откуда мне знать? Наверно, хочет что-нибудь сказать тебе. Да, сынок, птица счастья села на твою голову.

Палван растерялся: «Во сне или наяву? Испытать меня хотят, ловушка?»

— Не пойду!— решительно сказал он.

— Глупый ты. Не пойдешь, беду на себя накличешь. Пойдем же, сынок, не подводи меня...

Обещанная награда могла уплыть из рук, поэтому старуха стала умолять еще настойчивее:

— Идем же, ну идем, никого там сейчас нет, нукеры спят.

Палван не стал больше слушать, пошел прочь.

— Сынок, сынок, постой...

Якут-бика, не смыкавшая глаз в ожидании старухи, услышав шорох, вскочила с места:

— Пришел?
— Тура послал его в пески, не дождалась я.
Якут-бика тяжело вздохнула, сказала грустно:
— Завтра снова пойдешь... Сегодня, значит, не судьба...

* * *

Матчон-туре загорелось во что бы то ни стало жениться на Джумагуль. Но шариат позволяет иметь только четырех жен. Матчон-тура размышлял об этом очень долго, но, так ничего и не придумав, пригласил в свой городской дом аксакала. Хорошо угостил его, подарил чапан, обласкал и лишь потом приступил к делу.
— Мне нечего от вас скрывать,— доверительно начал тура.
— Мы всегда к вашим услугам, господин,— отвечал аксакал.
— С тех пор как я увидел Джумагуль, дочь Пирнафаса, потерял покой и сон... Никогда не видел такой красавицы. Я хочу взять ее в жены, никаких денег не пожалею...
— Но ведь по шариату, господин...
— Я об этом и думаю,— произнес тура, совершая мерные круговые движения пиалушкой с чаем.
— Родители ваших жен знатные люди, одна дочь кази, другая...
— Ну разве я не знаю об этом? Вот почему я и позвал вас...
— К тому же великий хан как отнесутся...
— Великий хан имеет сорок жен...
— Но в браке только с четырьмя.
— Остальные наложницы, хотите сказать?
— А что, если вы старшей жене...
— Нет, нет, с ней не разведешься, надо найти другой путь,— Матчон-тура уставился на аксакала.
Аксакал, превосходивший, как о нем говорили, в изворотливости и хитрости самого шайтана, глубоко задумался. Наконец он захватил в горсть свою седую бороду.
— Мы готовы исполнить все, что вы прикажете.
— Говорят: «Что ведомо старцу, то неведомо и аллаху». Уж вы, аксакал-бува, изыщите путь...— решительно сказал тура.
Пообещав еще подумать, аксакал удалился.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С давних времен каракалпаки и туркмены были освобождены от земляных работ. Исфандияр же заставил их заняться этим, да к тому же обложил новыми налогами. Народу стало невмоготу.

Возмущались не только кочевники, скотоводы. Бурно проявлялось недовольство ханом и в городе Илоли, среди оседлых туркмен-ремесленников.

На окраине города собралась большая толпа. Сегодня был базарный день. Уже и вечереть стало, а люди почему-то не расходятся, не разъезжаются.

Что тут случилось? На той собрались? Торжество какое? Непохоже. Сафаргалди подошел ближе и услышал возбужденные голоса:

— Пусть хан сам землю роет!

— Замучил он нас!

— Нечем платить налоги!

Никто не созывал сюда народ. Это случилось так: утром глашатаи, присланные правителем-хакимом — Илоли Бободеваном, прокричали указ хана, который требовал новых налогов и непременного участия туркмен в земляных работах. Эта новость мгновенно распространилась по всему базару, люди возмущались, из-за поднявшегося смятения прекратилась торговля. На площади было неспокойно, шумно, точно в разоренном улье. Сафаргалди только что сам испытал тяжесть и несправедливость ханского указа. Он был единственным сыном-кормильцем, братья и сестры его умерли от разных болезней, самый же старший брат был замучен в темнице хана. Сегодня люди хакима Илоли увели у матери Сафаргалди единственного теленка. Поняв, что здесь происходит и отчего так взволновался народ, Сафаргалди вскочил на арбу, которая стояла посредине площади, крикнул:

— Друзья!

Все обернулись на его мощный голос, притихли. И Сафаргалди высказал тут все, что у него накипело. Наверно, он выразил чувства всех, кто слушал его, потому что после его слов: «До каких пор будем терпеть»— по площади разнесся общий крик боли и гнева.

— К хакиму!— зазвенел чей-то голос.

Толпа всколыхнулась и двинулась к дому хакима — правителя Илоли. Вооруженные нукеры, прослышав о бунте, разбежались. Выломав двери дома, народ ворвался внутрь. Все бумаги в мгновенье ока были вытащены нару-

жу, преданы огню. Скоро заполыхала и сама резиденция. Перепуганный хаким послал гонцов к хану, который немедля отрядил в помощь своих нукеров, приказав им: «Поймать Сафаргалди, доставить живым». Но не тут-то было! Сафаргалди с десятком таких же, как он, храбрых молодцов скрылся в Каракумах. Хаким вызвал к себе сотника Султана и приказал: «Возьми отряд нукеров и доставь мне Сафаргалди живым или мертвым». Султан был одним из тех палачей, что после приказа «доставь тюбетейку такого-то» доставлял вместе с тюбетейкой и голову... Не сумев поймать Сафаргалди, он явился к его дальнему родственнику Муродкаху, который, как он надеялся, должен был знать, где скрывается Сафаргалди. Ничего не добившись, он прирезал Муродкаха, а у жены его Кумуш отрезал косы. Лишившаяся мужа, опозоренная, босая явилась она с причитаниями и воплями в дом отца. Не успела Кумуш рассказать о случившемся, как ее брат Шомми Лысый, вскочив на коня, прискакал к старейшине племени бахши Шомураду. Шомурад выслушал его и произнес: «На все воля хана». Жаждущий мести Шомми Лысый собрал своих родственников, к ним присоединилось много других вооруженных йигитов. Лысый ворвался со своими людьми в дом Султана-юзбаши. Не обнаружив его, он приказал подожечь дом, а имущество поделил между своими йигитами. Явившись затем в дом правителя, Шомми Лысый узнал, что хаким бежал вместе с юзбаши Султаном под защиту хана. Йигиты Лысого разграбили дома бежавших и арестовали их родственников. После этого обеспокоенный хан, призвав к себе старейшин нескольких туркменских племен, приказал им переговорить с Лысым, дабы он перестал творить бесчинства и явился к хану с повинной.

Выслушав старейшин, Лысый выставил свои требования:

— Снять Бобо-девана с поста правителя Илоли, выдать мне на расправу Султана-юзбаши за пролитую кровь Муродкаха.

Когда хану доложили об условиях Шомми Лысого, он пришел в ярость: «Быть ему без головы».

Шомми Лысый начал набирать себе людей. Семьи, которые отказывались дать человека, подвергались ограблению.

Лысый был человеком лет пятидесяти, худым, жилистым, не по годам подвижным. Если ему случалось снять

лохматую чугурму, в которой он даже спал, то люди приходили в ужас при виде его головы в пятнах болячек. Он стрелял так метко, что, как говорили, попадал в глаз птицы в небе. И наездник был лихой — не сыскать ему равных. Вспыльчивый, жестокий, мстительный. Взяв Газават, он устроил резню, он расправился даже с невинными людьми, не выступавшими против него.

Теперь Лысый подумывал о наступлении на Хиву.

По приказу Исфандияра юзбаши Джумакул и Мухаммад Ризо пошли со своими нукерами на бунтовщика. Но одолеть его они не смогли, Мухаммад Ризо был убит в стычке. Хан перепугался не на шутку, ему показалось, что скоро Лысый доберется до него самого.

Он призвал к себе кази-каляна.

— Мы призвали вас затем,— сказал хан, как только кази-калян уселся,— чтобы вы дали нам совет. Юзбаши Мухаммад Ризо погиб в сражении. Кому же теперь возглавить войско?

Кази-калян думал недолго, ответ у него был готов заранее:

— Шерназарбай! Непобедимый богатырь!

Хан улыбнулся, согласно кивнул головой.

Кази-калян продолжал:

— Ваш верный раб, льву подобный Шерназарбай без вины брошен в темницу. Он жертва клеветы злых людей. Великий хан, явите милость своему невинному рабу, и всемогущий аллах наградит вас. Шерназарбаю надо вернуть прежний сан.

Хан велел немедленно вызвать Ашира, недавно назначенного на должность ясавулбаши. «Освободить Шерназарбая, привести ко мне!»— приказал хан.

Узнав о помиловании Шерназарбая, главный визирь обратился к хану:

— Ваше величество, разве Шерназарбай перестал быть клеветником?

— В государстве нашем неспокойно. Надо подавить смуту, поймать Шомми Лысого. С этим справится только Шерназарбай.

Ислам-Ходжа, подумав мгновенье, возразил:

— По-моему, если попросить помощи у начальника Амударьинского отдела, то русские солдаты...

Хан точно не расслышал слов главного визиря и, сославшись на головную боль, удалился на женскую половину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Как ни милостив был хан к Шерназарбаю, опытный царедворец знал, что все его будущее зависит теперь от исхода сражения с Лысым. Если бы, не добившись победы, он уцелел в схватке, то все равно был бы умерщвлен ханом. Отец, дед и прадед Шерназарбая не только занимали крупные должности при дворе, но были также и военными людьми — ясавулбаши. Шерназарбай и сам не раз участвовал в сражениях, имел немалый опыт ведения боев. Его люди каждый день докладывали о численности и перемещениях отрядов Шомми Лысого. Шерназарбай, во главе двухтысячного войска, приготовился идти на город Газават, ставший опорным пунктом противника.

Хан напутствовал Шерназарбая такими словами:

— Наш великий, льву подобный ясавулбаши, только вы можете сокрушить Шомми Лысого.

— Великий хан, наши ничтожные жизни принадлежат вам. Всемогущий аллах поможет нам, мы живым бросим к вашим ногам смутьяна!

Начался бой за город-крепость Газават. Войска Шерназарбая сразу же понесли большие потери. Пушки, так «удачно» стрелявшие по кладбищу, теперь, хоть и грохотали страшно, пока что не наносили особенного вреда укреплениям. Шерназарбай приказал еще усилить огонь. Купола рушились под ударами ядер, однако никому еще не удалось взобраться на стену. Лысый, собрав своих наиболее опытных и отважных воинов, совершил неожиданную дерзкую вылазку. В завязавшемся жестком сражении полегла не одна сотня нукеров Шерназарбая.

Исфандияр-хан, узнав об этом, спешно снарядил Ислам-Ходжу в Турткуль к начальнику Амударьинского отдела Гульшанскому, который вместе с визирем во главе отряда казаков поспешил на выручку. Расправляясь по пути со всеми туркменами, подозреваемыми в сочувствии мятежникам, отряд очень скоро начал наступление на крепость Газават с тыла. Шомми Лысый, при попытке совершить еще одну вылазку, был наголову разбит, после чего с небольшим отрядом своих людей прорвался в пустыню.

Шерназарбай тогда призвал к себе старейшин нескольких туркменских родов, влиятельных людей.

— Изловите мне Лысого, я испрошу для него у великого хана помилование. Если этого не сделаете, вам же хуже будет...

Прошло несколько дней. Шерназарбай с пойманным Шомми Лысым и с большой добычей торжественно вернулся в Хиву. Хан, пополнив свою казну награбленным золотом, серебром и драгоценностями, сделался чрезвычайно милостивым к Шерназарбаю, щедро наградил его и назначил одного из его братьев хакимом Газавата.

Шомми Лысый, доставленный в Хиву, четыре часа стоял со связанными руками перед воротами Нурлавой. Когда наконец хан вышел, Лысый низко поклонился ему, при этом шапка с его головы упала. Хан рассмеялся, увидев человека, который еще недавно казался таким грозным. Вслед за ханом засмеялась вся свита, и громче всех Шерназарбай.

— И как ты это поднял бунт с такой лысой головой,— захлебываясь от смеха, еле вымолвил хан. Затем, брезгливо поморщившись, бросил:— Закройте его вонючую лысину.

— Великий хан, проявите великодушие, и вы приобретете верного раба. Простите его...— вступился Шерназарбай.

Хан, ценивший в людях изворотливость в сочетании с жестокостью, знал, что еще не раз прибегнет к услугам ясавулбаши, в преданности которого он был убежден.

— Отпустите Лысого,— произнес повелитель.

В тот же день Шомми Лысый был гостем Шерназарбая. Пообещав щедрое вознаграждение за заступничество, он уехал в свой аул.

* * *

Между тем отношения между Ислам-Ходжой и Шерназарбаем все обострялись.

— Ясавулбаши, ваши действия к добру не приведут,— сказал Ислам-Ходжа, когда прочитал указ о помиловании Лысого.

— Вазири-бузрук, народ должен видеть великодушие нашего великого хана.

— Нам следует опасаться нового кровопролития,— ответил Ислам-Ходжа.

— Мы с вами должны верно служить хану. Разве мы можем противиться его воле? Вы к тому же близкий ему человек, тесть...

Ислам-Ходжа не стал продолжать разговор, лишь посмотрел на Шерназарбая, и было в этом недолгом взгляде то превосходство ума над глупостью и хитростью, которое всегда столь оскорбительно для людей посредственных и самовлюбленных.

Жизнь при дворе научила Ислам-Ходжу терпимо и внешне доброжелательно относиться даже к тем, кого в душе своей он глубоко презирал. И главный визирь навлек на себя гнев придворных не своим отношением к ним, а теми нововведениями, которые он задумал и настойчиво пытался проводить в жизнь. Это знал, разумеется, и провинциальный Ислам-Ходжа, но, увлеченный своим делом, стремясь вывести Хорезм из застоя, он не слишком-то обращал внимание на мышиную возню придворных,— он был уверен в своих силах, его поддерживали крупные баи. Да и в самом дворце... Разве без его помощи стал бы Исфандияр ханом!

В полдень главный визирь отправился в фаэтоне на строительство новой школы.

Школа эта, около медресе Палванпир, поражала всех своей необычностью: деревянные полы, изразцовые печи, высокие окна — все было внове. Предполагалось, что новая школа будет джадидской, то есть дети баев и купцов, обучаясь в ней светским наукам, должны будут затем управлять различными канцеляриями, заводами, фабриками.

Строительству помогали деньгами купцы Ялманбай, Аллакулибай. При каждом удобном случае они расхваливали Ислам-Ходжу, который, по их словам, больше всех заботился о благе и просвещении народа. Они приводили в пример постройку почты-телеграфа, больницы, зимнего дворца, а теперь вот и школы. Люди молчаливо слушали, а потом между собой говорили:

— Какая нам разница, что хан, что Ислам-Ходжа? Один грабит, разоряет нас, а другой заставляет даром работать.

Фаэтон Ислам-Ходжи остановился около медресе Палванпир. Визирь сошел на землю и, подойдя к знаменитому хивинскому мастеру Ниязу-уста, приветствовал его.

— Все идет хорошо, господин,— сказал тот, низко поклонившись.

— И ваши дети будут учиться в этой школе,— со значением произнес Ислам-Ходжа.

Маткарим, тащивший на спине огромный мешок, туго набитый саманом, остановился возле Ислам-Ходжи, сказал негромко:

— Да простит хозяин нашу дерзость. Не мы жалуемся, а животы наши, карнаи уж там ревут, урчат...

— Я дал указания распределителю работ,— довольно вежливо ответил Ислам-Ходжа.

— Сытый голодного не разумеет, говорят, есть такая пословица...

В это время подошел сохибкор,— надсмотрщик. Хмурый взгляд, брошенный на Маткарима, не произвел действия, шутник в ответ улыбнулся дерзко и зашагал дальше.

Ислам-Ходжа продолжал свой разговор с Ниязом-уста.

— За пять-шесть лет неузнаваемо изменится Хива, мы построим новый город...

— Я живу, когда строю,— ответил старый мастер.

Сохибкору хотелось, чтобы главный визирь обратил внимание и на него.

— Аллах дарует вам долгую жизнь, хан наградит вас, и народ не забудет ваших заслуг,— заискивающе сказал он Ислам-Ходже.

Главный визирь, выступая защитником баев, купцов и вообще всех денежных людей, с каждым днем приобретал среди них все большее влияние. Это начинало тревожить хана, опиравшегося в основном на потомственную знать, на духовенство и на некоторых крупных землевладельцев.

Однажды хан Исфандияр, призвав к себе кази-каляна, Ашир-махрама, Мухаммадвафо-караванбаши и других должностных лиц, решил торжественно наградить Шерназарбая. Казначей положил перед ханом туго набитый деньгами шелковый мешочек и, пятясь, отошел назад.

— Наш уважаемый ясавулбаши, за ваши заслуги перед троном, за вашу львиную отвагу дарю вам семь тысяч рублей,— во всеуслышание произнес хан, слегка касаясь пальцами мешочка с деньгами.

Ясавулбаши приблизился, низко поклонился.

— Щедрость ваша подобна щедрости солнца вселенной,— громко сказал он и протянул было руку к мешочку, как вдруг произошло нечто совершенно неожиданное.

Ислам-Ходжа, стоявший справа от хана, отстранил руку ясавулбаши:

— Господа, эти деньги лучше уплатить мастерам, работавшим на строительстве зимнего дворца и ханского медресе. Абдулла,— он посмотрел на казначея, стоявшего поодаль,— заберите эти деньги в казну.

Опозоренный Шерназарбай, не удержавшись, метнул на визиря злобный взгляд. Затем он повернулся к хану:

— Ваше величество, радость моя вознеслась до небес, ибо вы подарили мне свою щедрость. Я словно получил не семь тысяч, а семьдесят тысяч рублей,— и Шерназарбай низко поклонился.

Хан вскочил. Ни на кого не глядя, ничего не говоря, он почти побежал во внутренние покои. Главный визирь, словно бы и не обратив внимания на гнев повелителя, взял мешочек с деньгами и передал его казначею Абдулле.

После этого случая распря между ханом и главным визирем уже ни для кого не была секретом. Хан не имел достаточной силы и влияния для прямой расправы с главным визирем. Настало время прибегнуть к помощи ясавулбаши Шерназарбая.

— Я готов хоть сейчас его...— ясавулбаши провел по горлу ребром ладони.

— Хвала вам, мой сокол, мой лев. Но только не своими руками... Чтобы не вызвать никаких подозрений...

— Ясно, повелитель мира, ясно...

Хан молча наполнил вином чашу...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Кузнеца Сабира знал весь город. В народе говорили о нем: «Этот кузнец и человека смастерит из железа». Замки, кетмени, лопаты, подносы, кувшины и многое другое он умел делать лучше всех мастеров. Часто ему доверял заказы и ханский двор.

Сабир работал вместе со своим сыном Балтабаем. Нестерпимо жарко и душно было в тесной, дымной мастерской. Обнажившись до пояса, обливаясь потом, Сабир длинными железными щипцами вынимал из бушевавшего горна раскаленное железо, клал на наковальню и, продолжая придерживать его щипцами, хватался свободной рукой за небольшой молот, сын же, оставляя на время мехи, бил молотом большим. Мерно и быстро поднимались и падали молоты, под их ударами красное жаркое железо послушно изменяло свою форму.

Когда Аваз пришел в мастерскую, Балтабай, открыв сундучок, вынул оттуда и положил перед поэтом залатанный дастархан. Развернув его, он разломил на четыре части лепешку, большую, точно крышка котла, и тонкую, словно скатерть. Затем из чайника, поставленного на горячую золу, налил в пиалушку чай и протянул Авазу. Поэт отпил глоток и вдруг чему-то засмеялся, начал рассказывать:

— Вчера шел я по улице, а навстречу мне ишан Муслим. Я опустил голову, хотел было пройти мимо. Да не тут-то было. Он остановил меня, говорит: «Аваз, почему не здороваешься?»—«Простите, таксыр, не заметил я».—«Видать, хорошо тебе живется, если глаза твои заплыли жи-

ром — никого не замечаешь»,— ответил он и засмеялся. Разозлился я, пришел домой, написал о нем стихотворение...

— А ну прочитайте,— нетерпеливо сказал Сабир, подкидывая куски угля в горн.

Тот, кто зовется имамом, ходил в желтом халате,
Он первый в городе сводник, ему все жулики братья.
Взгляните на лик его гнусный! Не знает нужды и страха
Жирный этот, хитрющий, ленивый осел аллаха.

Как только Аваз умолк, отец и сын расхохотались. Усталость их как рукой сняло.

— Да, я послал Пирнафасу-ака скобы, гвозди. Он их получил? Начал строить дом?— спросил Сабир.

— Получил, спасибо вам за это. Палван настоящим йигитом оказался. Приходит со своими друзьями из кишлака, помогает во всем...

Внезапно послышался конский топот. Двое вооруженных стражников, звеня доспехами, осадили коней около мастерской. Сабир надел халат, встал в дверях, поклонился:

— Чем могу вам служить, господа? Коней подковать?

— Почему не подчиняешься закону?!— закричал один из нукеров.

— Что случилось?— удивился кузнец.

— Вот мы тебе сейчас растолкуем, собачий сын! Почему не уплатил налоги?— Нукер яростно замахал бумагой в воздухе.

— Я все уплатил, ага,— с прежним удивлением произнес кузнец.

— А ханский налог? А базарный? А за наем?— укрощая вздыбившегося коня, крикнул нукер.

Сабир побледнел, растерянно посмотрел на Аваза, потом удивленно уставился на стражников:

— Вы пугаете меня или шутите?

— Не выворачивайся! Плати сейчас — или к кази!

— Я только ханский налог не уплатил, но взамен этого сделал двадцать пять кетменей, тринадцать замков и коечто другое. Кушбеги знает обо всем этом,— произнес Сабир-ака.

Аваз, до сих пор сидевший молча, спокойно сказал:

— Он уплатил налоги. Зачем же вы обижаете бедняка?

— Аваз, вы уж занимайтесь своими газелями, нас послал сам ясавулбаши,— хмуро сказал первый нукер.

— Возможно, он послал вас к другому кузнецу, вы ошиблись,— возразил Сабир.

— Ты что, за дураков нас принимаешь? Тебя вся Хива знает. Подымайся, пойдем к кази.

— Все я уплатил, никому не должен!

— Расскажешь об этом в казихана, пойдем, если не хочешь попробовать этой штуки...— усмехнулся нукер, поигрывая плеткой.

Кузнец побледнел, сильнее вздулись жилы на висках...

Нукеры привели Сабира к кази, поставили коленями на кирпичный пол. Кази, задав несколько вопросов нукерам, протянул Коран кузнецу:

— Если солжешь, в том мире гореть тебе в вечном огне.

Кузнец поцеловал Коран.

Начался допрос.

— Почему не уплатил базарный налог?

— Клянусь священной книгой, уплатил, таксыр.

— Почему не уплатил за наем?

— Аллах свидетель, все я уплатил.

— И ханский налог ты не уплатил. Знаешь ли ты, что нет большего греха перед аллахом, чем посягательство на казну хана?

— Таксыр, если я лгу, пусть лишусь детей, пусть ослепну. Поэт Аваз свидетель. Если позволите...

— Где документы?!— закричал кази.

— Вы сами знаете, что никаких письменных документов не выдают. Если вызовете Аваза...

Кази зевнул, переговорил о чем-то с сидевшим рядом ахуном — духовным лицом, потом повернулся к кузнецу:

— Их величество хан посланник аллаха на земле. Грех перед аллахом подвергать сомнению слова людей, коим верит сам хан. Устами ясавулбаши говорит истина, ты лжешь без всякого стыда. Говорят, ты и в мечеть не ходишь. А еще зовешь в свидетели Аваза, да ведь он такой же босяк, как ты сам.

— Таксыр, будьте справедливы, клянусь же вам Кораном, уплатил я.

— Твоими устами говорит глупость. Признайся во лжи, и сам аллах простит тебя,— наставительно сказал кази и протянул кузнецу Коран. Кузнец, брезговавший ложью, смело взял в руки Коран и поклялся, что он никому ничего не должен.

И, несмотря на это, кази вынес приговор, по которому Сабир должен был уплатить все три налога. Он должен был уплатить также штраф, наложенный на него кази.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Гостиная Ислам-Ходжи в Тазабаге. На огромном ковре сидят Аллакулибай, Ялманбай, Паляз-хаджи, Назир-кур, на почетном месте, подложив под бок мягкую подушку,— главный визирь. Различные яства разложены на шелковом дастархане, привезенном из Петербурга.

— В Петербурге я беседовал с министрами. Фабрики и заводы там строят не только фабриканты и заводчики, но также князья, духовные лица и даже сам царь. У нас этого не понимают. Смеются над нашими купцами, называют московскими баями. Новые же школы, оказывается, несовместимы с шариатом. Это очень огорчительно. К тому же Шерназарбай... он пытается поссорить меня с ханом. Но все равно их величество отличают белое от черного, хорошее от плохого, наша уверенность в этом непоколебима. Кази-калян, Ашир-махрам поддерживают Шерназарбая. Вот и Шомми Лысый отпущен на волю. Этим самым Шерназарбай хочет расположить к себе туркменских мухрдоров. Но ведь это не приведет к добру. Правда, хаджи-бува?— Последние слова Ислам-Ходжа произнес, обращаясь к человеку лет сорока пяти, широколобому, с приплюснутым носом, и острой бородкой.

Это был Паляз-хаджи. Наделенный умом, проницательностью, он побывал во многих странах, постоянно читал газеты и журналы, издававшиеся в Казани, Ташкенте и Оренбурге. Одно время он даже состоял переводчиком при хане.

Паляз-хаджи глубоко уважал главного визиря, признавал его превосходство, старался подражать ему.

Все смотрели на главного визиря, который после долгой паузы начал говорить:

— Мы должны побольше открыть джадидских школ, в них надо преподавать и точные науки. Сыновья наши должны стать инженерами, агрономами, врачами, техниками. И не только хлопковые заводы надо строить...

— Это очень хорошо, но надо бы хоть на первое время освободить от налогов наших баев-заводчиков,— произнес Ялманбай, собирая по своему обыкновению хлебные крошки с дастархана.

— И об этом следует подумать,— поддержал его Ислам-Ходжа.

Аллакулибай, похваставшись своими хлопковыми заводами в Хиве, Ургенче, Турткуле, сообщил также о своем намерении построить завод и в Ханка. Затем он обратился к Ислам-Ходже:

— А когда великий вазири-бузрук начнут строительство своего завода?

— Если будем живы, то очень скоро.

— Вы правильно сделали, отняв деньги у Шерназарбая, возвратили их казне,— сказал Ямланбай.

— Нехорошо получилось. Хан очень недоволен.

— Хан недоволен?.. Пусть на себя пеняет!— закричал Назирбай.

Разговоры в гостиной Ислам-Ходжи уже на другой день стали известны Шерназарбаю, который донес об этом хану в таких словах:

— Великий хан, в доме вазири-бузрука состоялось тайное собрание его сообщников, которые имели дерзость задеть вашу честь. Вазири-бузрук совсем зазнался, и неизвестно, что будет следующим его шагом.

В глазах хана загорелись маленькие злобные огоньки.

— Недолго же он будет вредить мне. Готовься, мой сокол, но будь осторожен.

— Ваше величество, все будет в порядке. Ищу нужных людей...

* * *

Палванияз-хаджи Юсупов (народ называл его Паляз-хаджи) жил в Хиве на улице Ур, в большом доме с двумя верандами, с внутренним и внешним двором. Он принадлежал к именитому роду, который называли «корди»— степенный, важный. Паляз-хаджи разбогател довольно быстро. Он был приказчиком диванбеги Хусаинбека, ездил по торговым делам в Москву, Петербург, Нижний Новгород, доставлял оттуда в Хиву мануфактуру, сахар и другие товары. Он довольно быстро овладел русским языком. Познакомился с русскими купцами и заводчиками. Объединившись с большими баями, Паляз-хаджи открыл хлопкоочистительный завод. Он имел несколько сот танапов земли и, скупая еще земли вокруг Хивы, сеял на них хлопок.

Вскоре после революции 1905 года Хусаинбек, Паляз-хаджи, Бобо-ахун, Мулла-Джуманияз и Назир Шалкаров организовали в Хорезме группу «Молодые хивинцы». Их целью было проведение в Хиве буржуазных реформ. О ре-

волюционной деятельности и насильственном свержении хана они и не помышляли.

* * *

— Верно говорят: один строит, другой разрушает,— обратился Рахимберган к Ислам-Ходже, пристально вглядывавшемуся в какой-то план.— Сколько вы зданий возвели и все строите, не знаете покоя...

— Все мы гости в этом мире. Поэтому старайся оставить память о себе. Пройдут года, и люди вспомнят... Каждый, насколько хватит у него способностей, должен оставить после себя добрый след: как поэт, как ученый, как музыкант, как мастер. Тысячу лет назад в Хорезме жил Бируни, он написал много книг, его помнят до сих пор. Или Агахи из вашего кишлака Киёт. Стихи его прекрасны, кроме того, он правдивый историк, замечательный переводчик, как много смог он сделать, несмотря на болезнь и увечье. Или же мастер Худойберган, какой изумительной тончайшей росписью покрывает он стены зимнего дворца. Его, конечно, тоже будут помнить. Но я, занятый государственными делами...

Рахимберган смотрел на главного визиря во все глаза, словно ученик, внимающий изречениям мудреца. Поскольку мудрец уже довольно долго хранил молчание, Рахимберган произнес робко:

— Измучился я, пока доставил сюда шпалы из Чарджоу. И когда только будет железная дорога?

Ислам-Ходжа оставил этот вопрос без ответа, его глаза помрачнели, вздохнув тяжело,он сказал:

— Хан приказал ускорить строительство зимнего дворца, работать не только днем, но и ночью — при зажженных фонарях.

Ислам-Ходжа подошел к знаменитому мастеру Худойбергану, высекавшему на мраморных плитах стихи Агахи. Старик в пестром чапане и в старой меховой шапке работал сосредоточенно. Тем не менее он заметил приближение Ислам-Ходжи, хотел подняться, но вазири-бузрук произнес предупредительно:

— Продолжайте, продолжайте, ата.

Понаблюдав некоторое время за работой мастера, Ислам-Ходжа пришел в восторг.

— Был бы жив Агахи,— низко бы вам поклонился...

— Таксыр, если успею, увековечу на мраморе каждое слово Агахи. Великий смысл в каждой его строке! Не деньги хана меня привели сюда. Меня увлекает мое искусство.

— Сколько вам лет, ата?

— Еще совсем молодой, только за восемьдесят перевалило.

Ислам-Ходжа засмеялся:

— Ну, вы совсем йигит.

— Таксыр, любимое дело молодит человека.

Ислам-Ходжа подошел к воротам сада, там уже стоял фаэтон, запряженный булаными конями. Выехав из ворот, фаэтон повернул налево и помчался, вздымая вихри дорожной пыли. Впереди, освобождая дорогу, с криком «пушт-пушт» скакал нукер. Ислам-Ходжа ехал к ханскому медресе, строительство которого уже завершилось.

Побывав в просторном зале, он осмотрел затем одну за другой все комнаты первого этажа, потом поднялся на второй, взобрался даже на крышу. Спустившись снова вниз, он внимательно осмотрел, хорошо ли пригнаны двери, окна — словом, проверил качество всех работ.

Подойдя к пруду и глядя на воду, подернутую рябью, главный визирь задумался: скоро это здание начнет служить делу. Преподаватели из Ташкента и Казани будут читать лекции по физике, математике, геометрии, географии. Учащиеся медресе будут познавать логарифмические формулы, над открытием которых некогда трудился Ал-Хорезми.

* * *

Хан принимал новый дворец. Он выступал спесиво, за ним, сложив руки на животах, степенно шагали кази-калян, ясавулбаши, кушбеги и прочие высокопоставленные лица. Чередовались великолепные залы, украшенные тонко выполненными голубыми, зелеными орнаментами; висели на стенах огромные позолоченные канделябры; на окнах богатые шелковые портьеры; кресла специально были выписаны из Петербурга; сверкающий разноцветный паркет не уступал, казалось, паркету Царского Села; переливались всеми цветами радуги камины, доставленные из России. При виде всего этого даже у алчных придворных, ценивших по-настоящему только золото, мелькнуло в глазах подобие восторга, восхищения. Для освещения дворца была построена электростанция, единственная на весь Хорезм.

Ислам-Ходжа повернул выключатель, и засияли ярким светом сотни лампочек в канделябрах. Хан снисходительно улыбнулся. Ему здесь понравилось: все это очень напоминало Царское Село... Но одобрение, промелькнувшее на ли-

це хана, не понравилось Шерназарбаю. Он подтолкнул Ашира, зашептал: «Говори, говори скорей».

— Про что?

— Про русское медресе.

Ашир, приблизившись к хану, начал расхваливать зимний дворец.

— Такого дворца нет и у бухарского эмира. Меркнут перед ним даже дворцы шахов Афганистана и Ирана... Но...

— Что за «но»?

— Ваше величество...

— Говори!

— Этим дворцом был бы доволен даже белый царь, но медресе вашего имени... не медресе, а школа урусов.

— Уважаемый вазири-бузрук, правду говорит Ашир? — спросил хан.

— Ваше величество, уважаемый Ашир преувеличивает. Медресе — это значит высшая школа. Вот это назначение высшей школы и будет выполнять медресе вашего имени.

Ислам-Ходжа холодно, осуждающе посмотрел на Ашира, который хоть и побаивался главного визиря, но в эту минуту произнес решительно:

— Пусть светоч мира сами осмотрят медресе, и, если я вру, пусть смерть будет мне наказанием.

— Не медресе, а гостиница неверных,— произнес ясавулбаши.

Хан не сказал ни единого слова благодарности за дворец ни главному визирю, ни мастерам...

Осматривая медресе, он недовольно хмурился, словно и в самом деле убеждался в правдивости слов Ашира и Шерназарбая.

— Наш многочтимый кази-калян, похоже ли это здание на медресе?

— Нет, нисколько, ваше величество! Убежище еретиков тут!— не моргнув глазом, ответил Мухаммад-Салим-ахун.

— Вы правы, светоч справедливости. Великий грех называть это здание — медресе,— скорчив гримасу, произнес Ашир.

— Не знаю, что уж тут построил вазири-бузрук вместо медресе. Не боится он шариата!— с наигранным возмущением сказал Шерназарбай и добавил тише: — Пропали деньги, пропал труд!

Главный визирь, молча выслушавший все эти упреки, наконец не выдержал.

— Повелитель мира,— начал он,— вас хотят ввести в заблуждение. Времена изменились, государство не может

процветать без ученых. В медресе просвещенных народов изучают светские науки. Почему же во вред себе мы должны пренебрегать ими? Мы останемся верными шариату, вере ислама, но, ваше величество, наши муллавачча должны изучать также и современные науки.

Хан слушал главного визиря равнодушно, полузакрыв глаза. Свита во время речи Ислам-Ходжи также едва удерживалась от зевков.

— Ашир!— внезапно позвал хан.

— Слушаю, повелитель!

— Вели разрушить это медресе!

— Будет исполнено!

Хан уехал, и, словно свора собак, последовала за ним свита.

Главный визирь прислонился к стене, на лбу его выступили капли пота.

Через несколько дней хан, призвав к себе Шерназарбая, произнес нетерпеливо одно только слово: «Скорей!»

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Шерназарбай наконец пришел к окончательному решению. Он позвал к себе своего сына Абдулхалила.

— Ата, предоставьте это дело мне, справлюсь!

— Как?

— Сотник Курбанбай...— произнес сын.

— Точно! И я о нем думал,— обрадовался ясавулбаши.

Абдулхалил сколотил шайку из верных ему людей и поставил во главе сотника Курбанбая.

— Никаких следов не оставлять после себя. Но если вдруг попадетесь, то ни при каких обстоятельствах не должны называть ни мое имя, ни имя моего отца... Вот вам пока...— Абдулхалил протянул кошелек.

Курбанбай взял золото с неподдельной радостью, пряча кошелек в карман, сказал:

— Не беспокойтесь, ага, не вчера мы обучены этому делу.

— Когда и где, об этом мы скажем вам особо.

Хан определенный день и час не назначил, но приказал, чтобы все было кончено на этой неделе. Значит, удобное время должен был выбрать сам Шерназарбай.

За полночь, когда кругом все уже спали, сотник явился в дом Шерназарбая, где его ласково встретили сам ясавулбаши и Абдулхалил.

Трое, склонившись низко над дастарханом, долго шептались. Когда Ислам-Ходжа выедет из дворца, с кем и по какой дороге поедет в Тазабаг — обо всем этом рассказал своим сообщникам осведомленный ясавулбаши.

— В двадцать первый день рамазана, в ночь на пятницу, у зарослей камышей,— уточнил он день и час убийства. Затем добавил: — Запомните, только кинжалом. Выстрел может погубить вас...

— Все ясно, господин,— ответил Курбанбай.

По знаку ясавулбаши сын его вынес чекмень и облачил в него сотника.

— Наш великий хан также не оставит вас без милости,— сказал на прощанье ясавулбаши. Сотник снова прочел благодарственную молитву.

Внезапно пошел дождь, очень скоро превратившийся в ливень. В окна задувал холодный ветер. Сотнику очень хотелось, чтобы поскорее настала та желанная ночь, когда смерть главного визиря принесет ему счастье и богатство.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Жена Пирнафаса-ака родила девочку. В тот свой приезд Аваз на прощанье сказал ему: «Если родится сын, назовите Рустамом, а если дочь — Айджамал». Родилась дочь. Джумагуль, влюбленная в сестричку, без конца играла с ней, радовалась каждой ее улыбке. Пирнафас-ака, похоронивший в давние годы первого ребенка — маленькую дочурку, чувствовал теперь себя необыкновенно счастливым.

* * *

Раньше старшие жены туры относились к Якут-бике с нескрываемой ненавистью. Но это продолжалось до тех пор, пока он не взял себе четвертую жену, Бикаджан-бику. «Теперь она не самая младшая, не самая желанная. Мы теперь сравнялись»,— радовались они.

Скандалы и драки стали редкими,— ведь пока не было среди них Бикаджан-бики, виновницы, как им казалось, всех их несчастий. Тура берег ее в своем городском доме... Но познакомить их надо было так или иначе, этого требовал обычай. И вот однажды он послал ее в свой летний дом.

— Чтоб ты сдохла! Чем ты лучше нас? — произнесла Пашшаджан-бика.

— Не долго же тебе властвовать,— съязвила вторая жена.

* * *

Завидев двух женщин, прошедших за калитку, мать Джумагуль, Мастура, поспешно встала с места.

— Проходите, милые мои,— ласково произнесла она, здороваясь с Айшой и ее соседкой по дому.

Справившись о здоровье их домочадцев, пожелав счастья и благополучия их дому, Мастура спросила:

— Каким хорошим ветром вас занесло к нам, как это вы вспомнили про нас?

Гостьи скромно промолчали. Мастура, кажется уже догадавшаяся о цели их прихода, вела себя не суетливо, не спеша расстелила дастархан, принесла чай.

Некоторое время женщины сидели, разговаривая о том о сем. Наконец соседка Айша, выразительно взглянув на хозяйку дома, приступила к делу:

— Мастура-биби, мы прежде всего пришли повидать вас. Ну, а если не обидетесь, то поведаем вам одно желание наше: мы пришли просить вашу дочь за Палванджана.

Тетя Айша добавила:

— Уж вы не обижайтесь, Мастурахон. В доме девушка на выданье, все могут свататься — и царь и нищий. Мы считаем вас за близких себе, вот почему явились к вам с надеждой.

Тетя Мастура, уняв волнение, выдержала положенную в таких случаях паузу и ответила степенно:

— Если Палванджану приглянулась наша дочь, то радость моя выше неба. Знаем мы, что Палванджан разумный, трудолюбивый йигит. Перед силой его даже гора не устоит. Лучшего жениха для дочери своей я не желаю. Но и отец ее и Аваз-ага должны свое слово сказать. Сами знаете, судьбу двух людей решаем, надо подумать...

Довольные свахи ушли, тепло попрощавшись.

* * *

Аксакал и имам, получившие от туры подарки, не могли придумать, как им быть с Джумагуль. Долго они спорили, кричали, даже разошлись в толковании некоторых догматов шариата, но, так ничего и не решив, они сами пришли с подарками к кази города, попросили у него совета.

— Лишь бы получить согласие родителей девушки, а все остальное можно согласовать с шариатом,— ответил тот, поглаживая пушистую бороду.

Аксакал и имам на другой же день прискакали на конях к Пирнафасу-ака. Только они разложили подарки туры, как сразу же были обескуражены краткими словами бедняка:

— Дочь моя помолвлена.
— С кем?
— С Палваном.

Аксакал и имам переглянулись растерянно, ибо знали, что расторгнуть помолвку значило, по шариату, совершить тяжкий грех.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Выросший в семье ткачей, Иван Гаврилович трудился с ранних лет и теперь, работая на заводе Ялманбая, очень увлеченно обучал местных рабочих. Именно эта увлеченность и любовь к Ольге помогли ему пережить тяжелую весть о смерти отца в Иваново-Вознесенске. Жена стала теперь для него единственным родным человеком.

Ольга, по натуре такая же общительная, как и Иван Гаврилович, быстро освоилась в новой для нее среде, привыкла к здешним нравам и обычаям. Отзывчивая, добродушная, она легко располагала к себе женщин-узбечек, рассказывала им о России. Особенно нравилась ей Айманхан, жена кузнеца Сабира. Ольга стала частой гостьей в их семье, приносила детям подарки, играла с ними, учила их разговаривать по-русски.

Однажды Иван Гаврилович, вернувшись домой после четырнадцатичасового рабочего дня — работали без перерыва с шести утра до восьми вечера,— помылся наскоро, поужинал и отправился к Авазу, чтобы переговорить с ним о Сабире. «Кстати и побреюсь»,— подумал он, выходя из дома.

Аваз встретил Ивана Гавриловича радушно.

— Соскучился я по вас, садитесь, пожалуйста,— проговорил он, улыбаясь и любезно подвигая табуретку.

Затем Аваз, точно догадываясь, с чем пришел Иван Гаврилович, сказал:

— Сабир ходил с жалобой к хану. Тот ему все объяснил: «Несчастный, сын нищего, будешь еще клеветать на кази-каляна, как раньше клеветал на ясавулбаши!» Ну, разумеется, его наказали палками. Не знал он как будто, что хан покровительствует кази-каляну, а кази-калян — ясавулбаши. Да что поделаешь, утопающий хватается за соломинку.

— Хана поддерживает белый царь. Но белая собака или рыжая — все одно собака,— решительно произнес Иван Гаврилович. Аваз взглянул на него, точно хотел спросить: «Ну, а есть какой-нибудь выход?» Иван Гаври-

лович кивнул. Эти два человека уже понимали друг друга с полуслова.

Иван Гаврилович посмотрел на себя в зеркало, улыбнулся: «Совсем молодой человек». Действительно, после бритья и стрижки он помолодел. Он встал, выпрямился во весь рост, чуть не коснувшись при этом потолка.

— Без царя, баев и заводчиков — вот какой!

Такие слова Аваз слышал впервые. Раньше ему приходилось слышать от людей Ислам-Ходжи такие только разговоры: «Пусть хан сидит на престоле, но нужны реформы».

— В России много партий. Но лишь одна партия большевиков защищает трудящихся, показывает им путь к освобождению.

— И в Ташкенте тоже есть большевики?— спросил Аваз.

— Да... Есть и в Самарканде и в Ашхабаде. Но работают они тайно, конспиративно...

«Вот это человек,— подумал Аваз,— теперь я понимаю, за что он был сюда сослан».

— Сабира, дорогой поэт, я хочу устроить на завод Ялманбая, сам буду учить его...

Кузнец оказался легок на помине. Он явился вместе с Маткаримом. Вид у него был совершенно потерянный. Деньги от продажи кузницы все пошли кази-каляну. Сабир остался без работы.

— Сабирджан, не печальтесь. Наш брат Иван Гаврилович поможет вам, мы уже поговорили тут...— успокоил его Аваз.

Сабир с благодарностью посмотрел на русского.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Слух о том, что тура хочет взять в жены Джумагуль, очень быстро дошел до ушей его жен. Значит, он уже охладел к Бикаджан-бике, значит, скоро одну из них переведут в рабыни, ибо шариат освящает брак только с четырьмя... На кого же падет несчастье?

Особенно испугало это Пашшаджан-бику. А Якут-бике было как-то все равно, у нее была своя радость в жизни — любовь к Палвану. В последнее время она покоя не давала своей кормилице: «Почему ты его не найдешь, где он?»

И вот однажды среди ночи скрипнула дверь садовой калитки. Сердце Якут-бики отчаянно заколотилось. Но и на этот раз через калитку прошла одна только старуха.

— А где Палванджан?

— Около карагача,— прошептала кормилица.

— Почему не пришел?

— Госпожа моя, он...

— Ладно, я сама выйду.

Было тихо, тепло, светила луна. Молодая женщина направилась прямо к карагачу, в тени которого она, напрягая зрение, заметила темную фигуру.

— Салям, йигит,— грустно сказала Якут-бика.

— Салям, госпожа.

— Почему не зашли, побоялись?

— Я всегда к вашим услугам,— тихо ответил Палван, уверенный в том, что ему дадут какое-нибудь поручение.

— Грудь у вас как гора, а сердце точно у зайчишки. Садитесь, я хочу вам кое-что сказать.

Луна освещала лицо Палвана. Заметив, как пристально смотрит на него Якут-бика, парень смущенно опустил голову.

— Я дочь богатого человека, не так ли?

— Да, так, госпожа.

— Наверно, думаете, вот, мол, как унижается жена Матчон-туры — сама вышла к вам... Наверно, очень боитесь, как бы кто не увидел?

Палван молчал.

— Я знаю, вы думаете, что моя жизнь — рай, а ваша — ад. Но это неверно. Моя жизнь беспросветней вашей. Правда, мы ни в чем не нуждаемся. Нас хорошо кормят, одевают... Но все равно, хоть тура и не купил нас, мы — рабыни! Ни любви, ни воли... Ах, зачем я только родилась в этом мире!

Услышав этот из глубины души вырвавшийся вздох, Палван почувствовал себя увереннее. Не госпожу он видел сейчас — несчастную, страдающую женщину.

— Чем я могу вам помочь?— мягко спросил Палван.

— Мне ничего не нужно, ничего! Я только хочу встречаться с моим любимым! Видеть его!

Палван все понял по-своему.

— Я знаю этого йигита?

— Да...

— Кто же он?

— Вы!— чуть слышно произнесла Якут-бика.

Палван невольно вздрогнул.

— Тура не сегодня-завтра женится снова,— быстро заговорила женщина.— Одну из нас он переведет в рабыни. А хоть бы и меня! Не хочу я оставаться в этой душной темнице!

— Чью дочь он хочет взять?

— Джумагуль, дочь Пирнафаса.

— Джумагуль?!— в ужасе вскрикнул парень.

Такая бурная реакция не на шутку перепугала Якут-бику.

— Не будет этого!— скрипнул зубами Палван.

— Пускай, не в этом дело,— ничего не поняв, сказала умоляюще Якут-бика,— Палван-ага, милый, увезите меня куда-нибудь, в степь, в пустыню, в пески, далеко, далеко... Увезите, век вас буду любить...

— Не могу, ведь я... У меня есть любимая, мы обещали друг другу.

Якут-бика закрыла лицо руками.

Палван низко поклонился и пошел прочь.

Надо скорей что-то предпринять, надо скорее предупредить Джумагуль. Палван и сам не заметил, как добежал до озера.

Он распахнул дверь и увидел свою любимую: она играла с крошкой Айджамал.

— Ты слышала, Джумагуль?— прямо с порога крикнул Палван.

— О чем, ага?— тревожно спросила девушка.

— Тура хочет жениться на тебе.

— Да провались он...

— А если будет настаивать твой отец?

— Никогда!

— А если тура захочет взять тебя насильно?

— Он может меня убить... Но зачем ему это? Все равно ничего не добьется!

* * *

По «милости» туры Ибрахим-ата получил внаем на вновь распаханных землях участок в два танапа. Условия были самые что ни на есть кабальные. Ибрахим-ата должен был вспахать землю, засеять, вырастить урожай. А потом люди туры заберут три четверти всего, что вырастет на этой земле. И еще — воду для полива «своего» участка приходилось у господина вымаливать слезно.

Просить же у туры верблюда было и вовсе бесполезно — тут уж никакие мольбы не помогали. А из дехкан кто мог помочь: ни у кого нет лишнего быка, верблюда, лошади... В конце концов самим пришлось впрячься в чигирь.

Чигирь вращают Ибрахим-ата и Палван, а Бекджан кетменем запруживает воду на грядках, время от времени становясь на место уставшего отца. Немилосердно жжет солн-

це, градом струится пот. Отец и сын все шагают и шагают по кругу. Они не могут позволить себе передышку: по истечении времени, отведенного для них, воду перекроет сосед.

Видя, что отец совсем выбился из сил, Палван один продолжает вращать чигирь.

— Не надорвись, сынок!— беспокоится Ибрахим-ата.

— Скорей чигирь надорвется, чем я,— успокаивает его Палван.

Наступил вечер. Люди измучились, проголодались. Вот бы теперь горячей пищи. Но вместо нее только по кукурузной лепешке каждому. Палван наскоро съедает свою и снова принимается за дело. Вот и тетя Айша пришла помочь мужчинам. Шернияз, кипятивший под карагачем воду, подходит к чигирю и тоже впрягается, но его силенок хватает всего на несколько минут.

— Когда же господь избавит нас от этих мук?— с тяжким вздохом произносит Ибрахим-ата.

В этом адском труде люди изнывают до самого утра. Тягуче, монотонно скрипит чигирь, царапает тишину ночи, раздирает душу. Над Хорезмом желтая луна. Тени трех людей, то удлиняясь, то укорачиваясь, движутся по кругу до самого рассвета.

* * *

Неудача со сватовством Джумагуль особенно мучила аксакала. Ведь именно благодаря покровительству туры он долгие годы катался как сыр в масле. Аксакал был грозой для бедняков. Тучный, с заплывшей жиром шеей, но все еще подвижный для своих шестидесяти лет, он обычно спесиво вышагивал по улицам кишлака, повторяя про себя: «Захочу — казню, захочу — помилую». Будучи неграмотным, аксакал тесно сошелся с имамом, который был у него как бы секретарем. Матчон-тура был уверен в успехе порученного им дела. Однако, встретив их как-то и заметив, что они прячут от него глаза, он спросил резко:

— Что случилось?

— Плохие дела, господин...

Услышав эти слова, тура преобразился в мгновенье ока. Вперив в аксакала злобный взгляд, крикнул:

— Говори!

— Она помолвлена,— заплетающимся языком ответил имам.

— Убью!— прорычал тура.

Аксакал и имам замерли от ужаса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В пятницу поздним вечером хан вызвал к себе Ислам-Ходжу и Рахимбергана. Все допытывался, почему это они медресе его имени осмелились сделать похожим на школу неверных. Ислам-Ходжа и Рахимберган терпеливо отвечали. Особенно бесцеремонно, с раздражением обращался он к Рахимбергану, и, разумеется, все, кто там был, прекрасно понимали, что этим самым хан выражает свое недовольство главным визирем. Было уже за полночь, когда хан разрешил Ислам-Ходже удалиться, добавив, что с Рахимберганом ему еще надо поговорить.

— Таксыр, прикажете дожидаться Рахимбергана?— спросил возница Алланазар, когда главный визирь уселся в фаэтон.

— Езжай!— коротко приказал Ислам-Ходжа.

— Ночь уж очень темная, таксыр...

— Езжай, не съедят тебя волки!

Главный визирь был расстроен. В его ушах все еще звенели грубые слова хана. «Неужели он ничего не понимает, неужели его интересуют только интриги? Неужели его сердце вконец очерствело и судьба родной земли безразлична ему?»

Вокруг чернела ночь, и в тишине далеко разносился топот буланого коня да звон колокольчиков.

...Всадник, прижавшийся к стене у перекрестка, замер, напрягая слух, и, уловив далекий звон, резко повернул коня налево, с силой стегнул его плеткой, он быстро достиг большого сада Ибадуллы и, проехав метров четыреста вдоль стены, резко остановился у огромного карагача. Тут же кто-то появился из-за низкого дувала.

— Готовьтесь, едет,— прошептал всадник и исчез в темноте.

...Фаэтон мчался мимо древнего заболоченного кладбища, потонувшего в зарослях камыша. Это место считалось страшным даже днем. Вознице Алланазару все чудились какие-то видения.

...Сотник Курбан тихим голосом отдавал приказания своим людям:

— Только фаэтон подъедет, бросаться всем сразу!

Долго сколачивал Курбан свою шайку. Хотя, готовясь к этой минуте, все изрядно выпили, опьянения никто не чувствовал.

— Заждались мы тут,— недовольно проворчал один.

— Выпить бы еще немного...

— Тихо, едут...

— Тебе так кажется...

Головорезы замерли, притаились.

Наконец все услышали бренчанье колокольчиков, а затем и конский топот. Курбан крепко сжал рукоять кинжала, подаренного Шерназарбаем. Фаэтон приближался... И как только конь миновал переднего из шайки, люди в масках ринулись на дорогу. Кто-то, ловко схватив коня за уздцы, осадил его на всем скаку, кто-то ударил саблей Алланазара. Ислам-Ходжа не успел даже опомниться, не успел даже вскрикнуть, как рот ему заткнули платком, связали руки, ноги и поволокли на кладбище, где несколько раз вонзили в его грудь кинжал, а затем перерезали горло.

Так был умерщвлен неугодный хану и ханскому двору просвещенный визирь.

Испуганный буланый вихрем помчал фаэтон, унося истекающего кровью Алланазара в Тазабаг. Алланазару перерубили руку.

Нукер, услышав звон знакомых колокольцев, поспешил открыть ворота. Через несколько мгновений глазам его предстала страшная картина. На крик нукера сбежались служанки, батраки, жена Ислам-Ходжи. Поднялся плач, начали сбегаться соседи. Перевязали руку Алланазара. Кто-то услышал, как он прошептал:

— Вазири-бузрук в камышах... кладбище...

На лошадях, арбах, пешком люди устремились к кладбищу, впереди всех мчался в своем фаэтоне брат Ислам-Ходжи, Исхак-Ходжа, рядом с ним рыдал Абдусалям-Ходжа, сын визиря.

Скоро на кладбище мелькали уже десятки фонарей. Люди шарили в камышах.

* * *

Когда весть об убийстве визиря дошла до хана, он закричал так страшно, что приближенные испугались, как бы с ним не случился удар.

— Поймать разбойников, повесить! Немедленно! Обыскать все дома!

Хан при всех до хрипоты кричал на Шерназарбая:

— Это вы потворствуете разбойникам, лишили нас вазири-бузрука, всех вас надо повесить, казнить...

Придав своему лицу выражение крайней печали, хан появился перед Одилбикой.

— О, лучше бы мне не говорить, а вам не слушать, царица моя. Тяжелое горе обрушилось на нас, тяжелое горе,—

хан в отчаянии стукнул себя кулаком по лбу.— Переломано наше правое крыло. Потеряли мы визири-бузрука, вашего отца...

Одилбика коротко вскрикнула и лишилась чувств.

— Казню убийц, весь их род изничтожу, всех повешу!— хан бил себя в грудь, то и дело посматривая на Одилбику. Но так как она не приходила в себя, не открывала глаз, хан крикнул:— Эй, сюда скорей!— и выбежал из ее покоев.

Во дворце началась суматоха. Хан в фаэтоне, запряженном четверкой, помчался в Тазабаг.

Приверженцы Ислам-Ходжи искренне сожалели о его смерти.

Много народу пришло на похороны визиря.

Хан шел впереди процессии, поддерживая переднюю ручку гроба. Тело главного визиря было погребено в медресе Моруйжона, им же и построенном.

После церемонии погребения хан вызвал к себе Абдусалям-Ходжу, сына покойного.

— Теперь я сам буду тебе отцом. Мы отомстим убийцам, сын мой.

— Благодарю, ваше величество,— глядя на хана сквозь слезы, вымолвил Абдусалям-Ходжа.

В тот же день хан имел беседу с братом Ислам-Ходжи, Исхак-Ходжой, и попробовал натравить его на Шерназарбая:

— Люди говорят, что твоего брата убили люди Шерназарбая. Я арестую его, произведу расследование. Вам же будет предоставлена достойная вас должность при дворе.

Вокруг смерти главного визиря ходило много разных слухов, но скоро слухи и толки об убийстве главного визиря понемногу начали стихать. Не за горами был день, когда можно было бы освободить и Шерназарбая.

«Все же это нужный человек,— думал хан.— В свое время нужным был и этот непонятный Ислам-Ходжа... Все же хорошо, что дал ему достроить мой зимний дворец»,— хан усмехнулся, окинул взглядом роскошный приемный зал.

Тихо, с низким поклоном вошел Ашир-махрам:

— Великий хан, вам прислан подарок из Гурлена.

Хан знал, что это за подарок.

— Ну, выпей за верную службу,— он протянул Ашир-махраму чашу вина.

Новый ясавулбаши снова поклонился — так низко, что чуть не коснулся губами носков повелителя.

Исфандияр направился в гарем к только что привезенной прекрасной наложнице.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Избавившись от строптивого тестя, Исфандияр развязал себе руки. Теперь уже никто не пытался ограничивать его власть, смущать его покой всякими там проектами и нововведениями. Присмирели, затаились «Молодые хивинцы». Новые главный визирь и ясавулбаши беспрекословио исполняли все, что бы ни приказывал хан. Теперь Исфандияр мог, не оглядываясь ни на кого, удовлетворять все свои прихоти. Прослышав о какой-нибудь красавице, он тут же приказывал Ашир-махраму: «Доставить!»

Люди Ашир-махрама — старухи Гулджан, Хатира и другие им подобные — рыскали по городам и кишлакам ханства, в поисках красавиц.

Еще совсем молоденькие, неокрепшие девочки, обесчещенные ханом, долгие годы томились, изнывали в гареме.

Ашир-махрам стал самым близким хану человеком. Не легко это далось ему. Сколько лет пришлось унижаться при дворе, чего только он не видел, не испытал за это время, в каких только интригах не участвовал. Ложь, клевета, измена стали его непременными спутниками. В хитрости он превосходил самого Шерназарбая.

Рахимберган под давлением Ашира подписался под признанием, из которого следовало, что в убийстве Ислам-ходжи повинен не кто иной, как он, Рахимберган.

Обрадованный Ашир поспешил к хану, который, прочитав бумагу, улыбнулся довольно, сказал: «Хвала тебе!» Вслед за этим Исфандияр, собрав своих приближенных, объявил им: «Нашелся убийца всеми нами уважаемого Ислам-Ходжи. Мы придумали достойную такого преступника казнь. Приказываем закопать убийцу заживо». Немедленно все наложницы были переведены в ичкари, двери гарема закрыты. Неподалеку от пруда возле дувала вырыли глубокую яму. Полюбоваться казнью пришли хан, кази-калян, главный визирь и ясавулбаши. Палач Худойзар вынес Рахимбергана, связанного по рукам и ногам, и швырнул яму. Рахимберган дико закричал; палач, не обращая на это никакого внимания, начал закапывать яму землей. Несчастный кричал, хрипел, бился о стены. Хан и кази-калян смотрели нахмурив брови, Мухаммадвафо и Ашир улыбались. Уставшего палача сменил Ашир. Рахимберган заметил его и, кажется, только в это мгновение постиг безмерную подлость

своего бывшего друга. Рахимберган, собрав последние силы, поднял голову и, оглядев всех, крикнул нечеловеческим голосом: «Палачи!»

Так страшно погиб еще один из немногих просвещенных людей Хорезма.

Хану хотелось также быстрей избавиться от сына и брата Ислам-Ходжи. Снова он вызвал к себе Ашира.

Уже через несколько дней у ясавулбаши были убедительные доказательства того, что вместе с бывшим главным визирем в растрате казенных денег участвовал и его сын Абдусалям-Ходжа.

— Ну,— сказал Ашир Абдусалям-Ходже,— будете скрывать. Вот доказательства. Признаетесь — наш великодушный хан смягчит наказание.

— Не в чем мне признаваться, ничего я не знаю,— юноша был в полной растерянности.

— Думаешь, если сказал «не знаю», так от всего и избавишься? Так, выходит?— с ядовитой усмешкой спросил ясавулбаши.

— Клянусь аллахом, ничего я не знаю о делах отца!

Ашир заскрипел зубами:

— Ребенком притворяешься! Казненный Рахимберган открыл перед смертью все! Ваш дядя тоже был соучастником, он тоже попался к нам в руки.

Юноша зарыдал:

— Ага, пощадите. Отец вас уважал...

— Да, отец твой уважал меня, и я его... Поэтому и хочу тебя спасти, а то ведь хан давно приказал бросить тебя в темницу...

Юноша совсем потерял голову.

— Спасите меня, спасите,— взмолился он.

Ашир будто ждал этого, подвинул к нему заранее заготовленный документ:

— Если подпишешь, хан не тронет тебя.

Абдусалям-Хожда поспешно подписал бумагу, в которой черным по белому было написано:

«Я и мой дядя Исхак-Ходжа просим у великого хана помилования за растрату казенных денег. Убийца моего отца не Шерназарбай, а Рахимберган».

Прочитав эту бумагу, хан рассмеялся.

— Арестовать обоих. Все их имущество — в казну! Ну и лиса же ты,— сказал он, обращаясь к Аширу.— Шерназарбай у меня храбрец, а ты — хитрец.

В ту же минуту были посланы нукеры для ареста сына и брата Ислам-Ходжи. Одновременно был выпущен из

темницы Шерназарбай. Глашатаи немедленно возвестили об освобождении невинного Шерназарбая и о смертных грехах арестованных Абдусалям-Ходжи и Исхак-Ходжи.

Ашир-махрам был награжден ханом, Шерназарбай вновь занял свое место.

Молча выслушала Одилбика весть о заточении в тюрьму брата и дяди. Вытирая слезы кончиком черного длинного рукава, она думала: «О аллах, во сне все это или наяву?» Одилбика все никак не могла постигнуть смысла этих страшных для нее событий. Только иногда ей точно мерещилось какое-то чудовище, говорившее голосом мужа — Исфандияр-хана.

Исфандияр больше не разрешал ей ездить в отчий дом. Все чаще она ночами не могла заснуть, а чуть только смыкались веки, чудовище кричало голосом хана, тянулось к ее горлу. Она вздрагивала, просыпалась.

За окном — закованный в мрамор и гранит двор, огороженный высокой стеной. И чудится ей, что за этой стеной стоят ее убитый отец и заживо погребенный Рахимберган. Одилбика шла на веранду, будила няню: «Боюсь я, пойдем ко мне». Няня быстро вставала, зажигала лампу, всматривалась в бледное лицо госпожи, начинала утешать: «Не бойся, родная моя, все будет хорошо, будут еще на воле и дядя и брат твой...»

Няня — самый близкий человек для Одилбики. Только ей она может излить боль своей души, только ей доверяет свои думы.

Измученная женщина наконец засыпает и видит сон: весенняя пора... в саду Тазабага пир — той. Женят ее брата Абдусалям-Ходжу... В сторонке на супе, что у пруда, сидит ее отец, опершись о посох... К нему подходит дядя и спрашивает: «Ага, почему вы так печальны?», а отец говорит: «Нет на тое моей любимицы Одилбики. Его величество хан не разрешили ей прийти или она заболела?» Одилбика, притаившаяся за деревом, хотела было сказать: «Атаджан, я тут», но не могла выдавить из себя ни звука... Хотела подойти к отцу, а ноги не повинуются... «Атаджан!»— крикнула она наконец и проснулась.

Одилбика, дрожа от волнения, рассказала свой сон няне, которая утешила ее словами: «Вам приснился той, это к хорошему...»

Няня вскипятила чай, разостлала дастархан, но Одилбика ни к чему не притронулась...

— Красавица моя, поешь, исхудала ты, лица́ на тебе нет,— умоляла няня.

— Милая, ты знаешь, мне жить не хочется...

* * *

Кто бы мог подумать, что Киёт — невзрачный на вид кишлак — станет центром больших событий? Кто бы мог подумать, что кишлак этот войдет в историю? Что же случилось? Почему народ стекается сюда и пешком, и на конях, верблюдах, ослах?

Люди Ашира насильно увезли из кишлака для гарема хана красавицу девушку Асилджа̀н. Когда об этом узнал отец девушки, бывший до этого в отъезде, он собрал йигитов кишлака и явился к хакиму Гурлена Худойбергану. Но так как хаким не помог им, йигиты, не стерпев позора, сказали: «Пойдем в Хиву, пожалуемся хану, вызволим Асилджан». Хаким волей-неволей вынужден был последовать вместе с ними. За смелыми йигитами двинулся весь кишлак, взбудоражилась вся округа — города Катли, Ходжейли и другие. «Расскажем все хану!», «Нет больше терпенья!»— кричали люди. Народ заставил идти вместе с собой также аксакалов и начальников крепостей. В потоке, стремящемся к Хиве, смешались узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи...

— Что случилось?

— К хану!

— Столько-то людей?

— А Хива не лопнет?

— Идем!

— Покажем им!— все неистовее кричали люди, надеявшиеся найти справедливость в Хиве. Этот поток увлек за собой и Сафаргалди и Палвана, которые шли сейчас вместе, крепко взявшись за руки.

Бурлящее людское море, которому, казалось, не было конца и края, затопило кишлак Киёт. К ночи зажглись костры, факелы.

Во весь свой долгий век кишлак Киёт не видел такого стечения отчаявшегося — и страшного в своем отчаянии — мятежного народа...

Хан бросил в темницы представителей, пришедших к нему изложить жалобу от имени всех собравшихся в кишлаке. По приказу хана заключили в тюрьму и начальников крепостей. «Будут знать, как потакать черни»,— сказал хан.

Народ, оставшийся в Киёте, с надеждой ждал возвр щения своих представителей.

— Завтра сам хан явится к нам.
— Накажет он мухрдоров.
— Арестует сборщиков налогов.

Жестокое разочарование ожидало наивных людей. По приказу хаиа Исфандияра иа рассвете большие вооружениые отряды конных нукеров, предводительствуемые Шерназарбаем, подступили к кишлаку Киёт со стороны Хивы. С тыла подошли царские войска, которые хан призвал на помощь для подавления назревавшего восстания. Народ оказался между двух огией. С саблями наголо ринулись иа безоружную толпу отряды конных нукеров Шерназарбая. Творилась жестокая, бессмысленная расправа.

Так хан потопил в крови веру людей в его справедливость.

Отец Асилджан и иародиые представители были повешены. Сама отважиая девушка брошена в темницу.

Беки же и мухрдоры, которые, спасая свои шкуры, временно примкнули к народу, были освобождеиы стараниями Шерназарбая.

Хан отметил победу иад народом роскошным тоем. Но торжество его было иедолгим, скоро пришло известие, что в Газавате поднял мятеж Шомурад-бахши. Для подавления мятежа хан послал ясавулбаши Шерназарбая и Ашира.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вечером кто-то постучал, жена имама, бесцельно бродившая по двору, подошла к воротам, спросила:

— Кто там?

— Милая, дамля имам тут живут? — раздался за калиткой женский голос.

— Зачем вам?

— Дочь я привела, полечить...

— Сейчас...

Имам, открыв калитку, пригласил войти в ичкари. Каково же было его удивление, когда в одной из женщин он узнал Пашшаджан-бику, старшую жену Матчон-туры!

— Мы не вовремя пришли? — спросила она, сделав знак своей няне-старухе, которая тут же со словами: «Проведаю-ка госпожу» — ушла в комнату жены имама.

— Вы, наверное, догадываетесь, зачем я пришла? — спросила Пашшаджан-бика.

— Не знаю, госпожа, — ответил имам, успевший прийти в себя.

— Отвратите молитвами сердце туры от красавицы, на которой он хочет жениться.— Женщина протянула деньги:— Вот вам вознаграждение...

— Да можно было бы и без этого...

— Возьмите уж,— бесцеремонно сказала Пашшаджан-бика.

Имам взял деньги, воздел длани для молитвы.

— Ваша жена не войдет сюда?— женщина кокетливо повела бровями.

— Нет, нет, не беспокойтесь...— улыбнулся имам.

«Чем он хуже нукера Мадраима? Тот приходит раз в месяц, а этот под боком и послушный...»— подумала про себя Пашшаджан-бика.

Имам как бы невзначай дотронулся до ее руки и, не услышав слов протеста, приготовился к дальнейшим действиям. Однако женщина покачала головой. Тогда имам сказал смущенно:

— Мы готовы исполнить любое ваше приказание.

— Жду вас завтра,— со значением произнесла Пашшаджан-бика.

— Благодарю, уважаемая госпожа.

— Позовите старуху.

Вошла няня.

— Она встретит вас возле калитки и проведет ко мне. Вот паранджа для вас,— сказала имаму на прощанье старшая жена Матчон-туры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

У Асилджан было теперь очень много времени для того, чтобы подумать о тяжких испытаниях, выпавших на ее долю. Ведь она лежала одна в сырой каменной темнице.

...Воспользовавшись отсутствием отца, хитрая старуха обманом увезла ее, доверчивую и добрую, в закрытой арбе в Хиву. Проведя девушку через целый ряд длинных и темных коридоров, старуха наконец открыла какую-то дверь, и они очутились на светлой красивой веранде. «Тут живет хан!»— сказала она. Долго не могла прийти в себя испуганная девушка... Однако все кругом так радовало глаз, было отделано с таким искусством и красотой, что Асилджан понемногу отвлеклась от мрачных мыслей, начала любоваться чудесной комнатой.

Через некоторое время старухи свели девушку в баню, потом разложили перед ней богатые одежды. Асилджан заупрямилась и лишь после настояний купавшей ее служанки

нарядилась в них. «Одевайся, доченька, все это теперь твое». Старуха Хатира подмигнула своей подруге Гулджан: ну, мол, каков товар?.. «Хороший подарок получишь от хана»,— ответила та.

На дастархане перед красавицей лежали всякие вкусные вещи. Асилджан видела их впервые, но есть ничего не хотелось.

Чудесные туркменские ковры, золотые, серебряные украшения напоминали Асилджан слышанные ею в детстве волшебные сказки.

Через одну из потайных дверей на веранду вошел пьяный хан. Хатира низко поклонилась ему.

— Ваше величество, пожалуйте в ичкари. Там вас ждут...

Исфандияр, увидев Асилджан, от радости опьянел еще больше.

— Ей еще и шестнадцати нет,— грязно улыбнулась старуха. Затем, шепнув на ухо девушке: «Не прекословь их величеству»— и разлив вина в позолоченные пиалы, ушла.

Асилджан тут же убежала в дальний угол комнаты. Хан ласково пригласил ее к дастархану. Бедняжка молчала, дрожа от ужаса. Тогда хан, шатаясь, подошел к ней и, схватив за руку, усадил перед дастарханом, протянул ей пиалу с вином. Асилджан отстранилась. Хан попытался обнять ее, девушка вскочила с места.

— Не подходите ко мне, не смейте...

Тогда Исфандияр бросился на девушку, но Асилджан оттолкнула его с такой силой, что он едва удержался на ногах. «Нет, я, кажется, слишком пьян. Не сегодня, так завтра»,— решил он и, упав как подкошенный на шелковые одеяла, захрапел. Бедная пленница просидела в своем углу до самого утра.

Когда хан открыл глаза, перед ним стояла старуха Хатира. Хан морщился, тер лоб ладонью, голова с похмелья раскалывалась. С трудом он вспомнил о вчерашней девушке, буркнул:

— Отведи ее к наложницам.

Хатира провела девушку через три смежные веранды в большой двор гарема. В середине двора — пруд.

Здесь Асилджан увидела девушек: они играли в мяч, качались на качелях, катались на лодках. Обнаженная белотелая стройная девушка только было ступила на мраморный берег пруда, как вдруг шаловливая подруга столкнула ее в воду. Смех рассыпался звонкими колокольчиками. Девушка, выбравшись на берег, погналась за подругой, при

этом длинная иссиня-черная коса змеей обвила ее стан. Догнать подругу ей никак не удавалось. Вокруг поднялся крик, визг. Асилджан, зажмурившись, отвернулась. «Куда они девали стыд, совесть?» — с возмущением думала она. Внезапно старуха Хатира злобно процедила: «Заткнитесь!» — и все наложницы сразу притихли, замерли.

Хатира тронула Асилджан за рукав и глазами показала ей на маленькое круглое окошечко. «Их величество рассматривают отсюда своих голых красавиц, любуются ими...»

Собрав всех наложниц в одной комнате, старуха сказала:

— Эту девушку из Гурлена зовут Асилджан. Научите ее уму-разуму. — И, помолчав, Хатира добавила: — С ней их величество хан еще не справился...

Наложницы с любопытством уставились на новенькую.

Как только старуха ушла, они, почувствовав себя свободнее, плотным кольцом окружили Асилджан, стали знакомиться, расспрашивать.

— Неужели он так тебя и не тронул?

— Не сегодня, так завтра он снова к тебе придет...

— Пусть приходит. Все равно не покорюсь, — решительно сказала Асилджан.

— Недавно одна заупрямилась... так ее уже на тот свет отправили.

— Убили?! — почти вскрикнула Асилджан. — Отец не знает, что меня увезли сюда. А как узнает, убьет бека Гурлена, старуху Хатиру зарежет, меня вызволит.

— Вряд ли, подружка, получится так...

— Если меня не смогут увезти, я убью себя. Смерть лучше позора.

С тайной завистью и восхищением смотрели наложницы на отважную девушку.

Через два дня вечером старуха Хатира, прошипев Асилджан на ухо наставления, снова оставила ее одну. Хан вошел, потирая руки. Девушка сразу же взмолилась:

— Ваше величество, пожалейте меня... Век буду молиться за вас... У меня же есть любимый...

Но разве может пожалсть, проявить великодушие изверг!

Даже сила не помогла хану, снова гордая девушка дала ему отпор. Взбешенный хан, крикнув старуху Хатиру, приказал: «В темницу!»

И вот уже много дней Асилджан лежит в сыром подземелье.

Первое время ее донимала старуха Хатира:

— Чтобы тебя земля поглотила! Из-за тебя отца твоего повесили, сколько людей убили, а ты все ломаешься...

После этих слов старухи Асилджан упала без чувств. Когда она пришла в себя, над ней по-прежнему стояла Хатира.

— Заморю тебя голодом, кусочка лепешки не получишь. Ты посмотри на других наложниц — какие они веселые, какие цветущие, а все потому, что умели угодить его величеству хану. Не то что ты, проклятая! Покорись, тебе говорят, покорись!

Асилджан заплакала.

— Один вред от тебя, несчастная,— снова прошипела старуха.

Дни проходили за днями. Слух об отважной девушке распространился по городу. Люди молились за нее.

Наложницы, сочувствуя узнице, украдкой подсовывали под дверь темницы кусочки лепешки. У нежной, некогда веселой Асилджан глубоко запали глаза, опухли веки...

Наконец она словно бы решилась на что-то. Приветливо она встретила злобную старуху, вымолвила смущенно:

— Я согласна.

Хатира сказала почти ласково:

— Вот так бы давно, вижу, ты поумнела, доченька.

— У меня есть просьба к его величеству. Я хочу ее высказать. Но пусть хан будет не один. Если можно, приведите еще кого-нибудь.

Хатира посмотрела подозрительно, но девушка успокоила ее: «Я скажу его величеству только хорошее». Старуха вывела Асилджан из темницы и приказала служанкам:

— Искупайте ее, хорошенько нарядите.

Служанки переглянулись, одна даже произнесла с упреком: «Не сдержала свое слово Асилджан...»

Хан решил, что воля девушки сломлена.

«Наверно, хочет покаяться, на людях будет умолять меня о прощении...»

Скоро в одной из комнат дворца собрались главный визирь Мухаммадвафо-караванбаши, ясавулбаши Шерназарбай, кази-калян Мухаммад-Салим-ахун, Ашир и другие придворные. Из внутренних помещений гарема в сопровождении старухи Хатиры появилась в парандже Асилджан. Она остановилась поодаль, шагах в двадцати от хана, который с улыбкой кивнул ей.

Сперва Асилджан испугалась всех этих богато одетых и, как она была уверена, жестоких людей. Поколебавшись немного, она обратилась к старику в огромной чалме:

— Кази-ата, кем являются для народа их величество хан?

— Их величество хан являются отцом народа,— недолго думая, ответил кази-калян.

— Их величество хан — отец народа?— переспросила девушка.

— Так, дочсиька, так,— снова подтвердил свои слова Мухаммад-Салим-ахун. Все притихли, хан, довольный словами кази-каляна, улыбался.

Тогда Асилджан произнесла отчетливо, громко, так, чтобы слышали все:

— Не позор ли отцу народа покушаться на честь дочери? Совместимо ли это с шариатом? Ответьте мне на это, кази-ата...

Кази-калян, перебирая четки, в ужасе зашептал молитву. Лицо хана исказилось.

— Гулджан!— взревел он.— Убить, обварить ее кипятком!

Асилджан сорвала с себя паранджу и громко захохотала. Все посмотрели на нее как на сумасшедшую. Внезапно смех оборвался. Гордо подняв голову, девушка громко сказала:

— Я не боюсь тебя! Не боюсь смерти! Позор хуже смерти. Вам, низким людям, этого не понять. Будьте ж вы прокляты — вот вам мои последние слова. А теперь, палач, вяжи мне руки.

Видавшие виды придворные стояли онемев от удивления. Впервые они слышали такое от женщины. Первым опомнился хан.

— Заткнуть ей глотку!

Через несколько минут Асилджан умертвили.

Народ сложил о своей гордой дочери песню.

Эту песню услышала и Джумагуль, спела ее Палвану, когда они сидели у озера на сухих вязанках камыша позади дома Пирнафаса.

В лицо им светило в эту пору особенно нежное осеннее солнце.

— Джумагуль, а ведь наша свадьба будет весной...

— Да...

— Тогда будут цвести цветы и петь соловьи.

— Вы уж и поэтом становитесь!..

В это время в бешике — колыбели — заплакала Айджамал.

Джумагуль поднялась с места, чтобы пойти к сестренке.

— Подожди!— Палван протянул своей невесте перстень, сказал:— Наш скромный подарок...

Перстень заиграл на солнце. Джумагуль обрадовалась как ребенок.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

По приказу туры аксакал велел высечь Пирнафаса-ака якобы за то, что он не ходит в мечеть, не молится. Пирнафас не выдержал побоев, слег.

Палван, услышав об этой расправе, сильно разгневался. Но он был бессилен предпринять что-нибудь против туры. Поразмыслив, Палван решил отомстить аксакалу.

Пирнафасу-ака надо помочь деньгами, но где их взять? «Спать не буду, но заработаю»,— решил он.

Теперь, мало того что с утра до вечера работал у туры, Палван стал наниматься на ночь и к соседям. Продавал собранные в степи дрова и наконец, накопив десять таньга, пришел к отцу Джумагуль. Пирнафас-ака, сам щедрый и добрый к друзьям, с благодарностью принял помощь, сказал сдержанно, с достоинством:

— Облегчаешь ты наше горе, сын. Да расцветет твое счастье. Выше голову, Палван. Йигит никогда не должен вешать носа. Если бы хороший человек причинил мне зло, было бы больно и обидно, а от туры я ничего доброго и не ждал: отец его был живодером, а сын еще хуже... — Пирнафас-ака помолчал мгновенье, затем, взглянув на звездное небо, сказал со вздохом: — Где счастье для бедняка? Не будем же мы вечно терпеть такую жизнь!

Палван, взглянув прямо в глаза Пирнафаса-ака, ответил многозначительно:

— Еще найдутся люди, которые отомстят за вашу обиду.

— Спасибо тебе, сынок. Только уж ты не замышляй там ничего, не повреди себе...

Палван, медленно попивая чай, невольно сравнивал своего отца с Пирнафасом-ака. Оба бедные, оба безземельные. «Что уготовано нам в этом мире, от рождения написано на нашем лбу. Что тура захочет, то и сделает. Судьба наша такая, сынок»,— так говорил часто отец. А Пирнафас-ака не мирился с тем, что люди называют судьбой.

Палван пришел к своему другу Салиджану и рассказал, как люди туры унизили Пирнафаса.

— Пирнафас-ака — мой будущий тесть, ты знаешь об этом?— спросил Палван.— Так неужели мы не отомстим за него?

— А как это сделать?

Палван оглянулся по сторонам, а затем тихо сказал:
— Завтра в кишлаке Ангарик будет большой той, аксакал обязательно туда придет. А когда он будет возвращаться...
— Ну?— нетерпеливо спросил Салиджан...

На той в кишлак Ангарик пришло очень много народу. Люди усаживаются по кругу, богатые — отдельно, бедные — отдельно. Повсюду кричат и визжат дети.

Чего только не увидишь тут! Конные скачки, устраиваются бои петухов, собак, баранов; демонстрируют свое искусство канатоходцы, веселят собравшихся шутники — кизикчи...

На просторной площади начинается хорезмский кураш — это та же народная борьба, что и в Ташкенте и в Фергане, только тут борцы имеют право давать подножку друг другу.

Вот, демонстрируя силу и ловкость, борются два знаменитых богатыря — палвана.

Как всегда, люди разделяются на две группы. Одни болеют за богатыря из Ханка, другие за богатыря из Гурлена.

На почетном месте восседают, заключают пари друг с другом Абдулла-тура, диванбеги, кушбеги и другие крупные баи Хивы. Здесь же Матчон-тура и его тесть Абдуллатура. На менее почетных местах сидят аксакал, имам...

— Надир-палван, не сдавайся!

— Надир-палван, поднатужься!

— Кучкар-палван, не разоряй меня!

— Кучкар-палван, сто таньга за тебя поставил!

И палваны стараются. Вот один из них, Кучкар, поднял в воздух противника, закрутился с ним, как бы примериваясь, в какое место положить его на лопатки, но тот каким-то непостижимым образом извернулся и упал на руки.

— Нажми! Жми на плечо!— закричали болельщики. Однако упавший делает неуловимо быстрое движение ногой, Кучкар валится на бок, противник же, мгновенно переведя упор на другую руку, прижимает его к земле... Богатырь Надыр из Ханка взял верх над богатырем Кучкаром из Гурлена! Толпа приветствует победителя восторженными возгласами. Многим казалось, что никто в этот день не сможет в силе и ловкости превзойти Надира, который сидел, с важным видом попивая чаек, и не обращал внимания на восторги своих поклонников. Еще бы, сколько прославленных богатырей поборол он сегодня! Теперь ему остава-

лось победить только Палвана, не испытавшего еще, несмотря на свою молодость, горечи поражения...

Надир не рассчитывал встретить серьезное сопротивление и начал борьбу с прохладцей. Вдруг все ахнули. Палван, обхватив противника, внезапно закружился вихрем и так же внезапно попытался опрокинуть его на лопатки... Не удалось! Опытный Надир, коснувшись земли, успел-таки высвободиться.

Страсти разгорались. Борьба привлекла даже внимание диванбеги, не любившего кураш. Сейчас он сидел разинув рот, держа в руках пиалушку с чаем. Кушбеги замер с чилимом в руках. Кто-то уронил дорогую папаху и не думал поднимать, человек, сидевший ниже, машинально подняв ее, не оборачиваясь, подал назад.

Однако исход затянувшейся борьбы уже был предрешен, всем стало видно, с каким трудом переводил дыхание Надир, как он устал, обессилел. Палван, издав победный клич, снова поднял Надира в воздух и уверенно, под ликующие возгласы положил его на обе лопатки.

На Палвана-победителя, как полагается в таких случаях, надели чапан. Что же касается денег, то весь сбор пошел Матчон-туре, потому что он представлял сторону Палвана.

Вдруг в стороне раздался крик, поднялся хохот. Нукер Мадраим, расталкивая людей, поспешил туда и увидел распластавшегося на земле аксакала. Рот его забит был обгорелой тряпкой, лицо вымазано сажей. Нукер вынул тряпку, подоспевший имам долго вытирал бороду аксакала своим платком.

— Что за негодяи напали на вас?

— Не заметил.

— Били?— спросил подоспевший Матчон-тура.

— Нет,— хмуро ответил аксакал.

— Позор хуже побоев!— крикнул кто-то из толпы.

* * *

— Так ему и надо, мучителю,—сказал Пирнафас-ака, устраиваясь поудобнее на старом, залатанном бязевом одеяле.— Но какой же это смельчак так отделал его?

Палван, не успевший прожевать кукурузную лепешку, едва заметно улыбнулся.

— И за меня отомстил,— поправляя подушку, проговорил Пирнафас-ака.

Салиджан подмигнул Палвану:

— Да, теперь народ не забудет позора аксакала.— И добавил неопределенно:— А того человека, сколько ни

искали, сколько ни расспрашивали, не нашли. Правда, аксакал почему-то Палвана подозревает...

Раздался конский топот, какие-то всадники остановились около калитки Пирнафаса-ака. Все замерли. Через мгновенье ворвались два вооруженных человека — нукер туры Мадраим и нукер ясавулбаши. Палван и Салиджан встали, поклонились.

— Кто тут рыбак Пирнафас?

Пирнафас-ака поднял голову от подушки:

— Я...

— Ловишь рыбу на озере?

— Нет, ага,— с трудом произнес Пирнафас.

— Больше там рыбу не лови, их величество хан сдали озеро в аренду Матчон-туре,— произнес нукер.

Когда нукеры ускакали, Пирнафас-ака тяжело вздохнул:

— Теперь уж, кажется, и податься некуда...

* * *

Придя домой, Палван не застал ни отца, ни Бекджана — еще не вернулись с поля. Шернияз сидел один и плакал.

— Что случилось?— спросил старший брат.

— Не пойду больше в школу!.. Дамля-имам вместо уроков всех заставляет воду таскать, холодно, на ногах у меня болячки...

Палван вымыл брату посиневшие ноги, завязал тряпкой. Когда он брал из ниши одеяло, чтобы постелить Шерниязу, на землю упал маленький узелок.

— Что это такое?

— Оставила служанка Якут-бики, сказала: «Для брата твоего Палвана-ага».

Палван уложил Шернияза и развязал узелок, в котором оказалось письмо и три золотых таньга. Тихонько прикрыв за собой дверь, он вышел наружу... «Кто же грамотный в нашем кишлаке? Только Салиджан. Писать он не умеет, но зато хоть прочитает».

Когда Палван явился к другу, тот утешал своего маленького брата.

— Сказал, не пойду в школу,— значит, не пойду,— злился маленький человечек.— Ведь он меня бьет!..

— Ну ладно, не ходи,— согласился Салиджан.

Палван протянул другу письмо: «А ну, прочти». Салиджан зажег плошку и начал медленно, по складам читать письмо, которое оказалось очень коротким.

— «Нижайший поклон дорогому Палвану-ага. Если, получив это письмо, не пожалеете для меня хотя бы одно свое слово, радость моя вознесется до небес. Берегитесь никчемных людей, которые следят за вами. Поздравляя вас с победой на кураше, шлю вам свой нестоящий подарок. Всегда думающая о вас...» Кто же это такая, даже не подписала,— проговорил Салиджан, вертя письмо в руках, с изумлением глядя на Палвана.

Тот отвел глаза и сказал только:

— Подписала, наверное, посмотри лучше...

Поблагодарив друга, Палван отправился обратно. «И что это за никчемные люди, которые следят за мной?..»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ткачи, работавшие с утра до поздней ночи не разгибая спин; девочки, стареющие за иголкой; юноши, изнуряющие себя на кустарных маслобойнях; кузнецы, обреченные на чахотку,— весь этот полуголодный, полураздетый люд Хивы ютился в темных, сырых, грязных, недостойных людей жилищах. Не легче, если не тяжелее, было дехканам. «Почему же так?— думал Аваз.— Почему страдает народ? В Хорезме не очень уж много баев, беков, кази, чиновников, но в их руках все богатства, вся земля, все плоды ее...»

Прежде Аваз считал, что всему виной — почти поголовная неграмотность народа. Поэтому он вместе с поэтами Камилом, Табиби и другими пытался распространять просвещение. Однако впоследствии он прозрел, понял истинную причину бедственного положения народа.

Чиновникам взятки нужны,
Святошам достатки нужны,
Но разве нам, беднякам,
Такие порядки нужны? [1]

Стихотворение это дошло до ушей хана; поэт был жестоко избит. Такая же судьба постигла и многих других: одного избивали за то, что не совершает намаз, другого за то, что не уступил свою жену хану, беку или баю.

«Как помочь народу, как облегчить его участь?» Аваз шел по узким улочкам Хивы, по улицам, где проживали ремесленники, и на каждом шагу видел страшные приметы нищеты: вот в едкой уличной пыли голодный, худой — ко-

[1] Перевод С. Липкина.

жа да кости — мальчнк; вот старуха в лохмотьях... Нищета, горе. Где-то рядом зазвучала незнакомая мелодия. Аваз остановнлся и вдруг услышал свон слова. Пели песню на его стихн!

Кто на земле несчастней нас н кто слабее нас, народ?
Меч угнетенья на кускн тебя рассек сейчас, народ!

Глубоко взволнованный, Аваз медленно направился в сторону Ташауза. Придя домой, он зажег лампу, снял с себя длинный камзол с отложным воротннчком. Взял из ниши чернильницу, бумагу, камышовое перо, положил на низенькнй столик. Бесшумно вошла его жена Розияхон, поставнла на стол зеленый чай н так же тихо удалилась. Аваз накинул на плечн пестрый чапан, снял с головы круглую черную чугурму. Присев на кошму, поэт глубоко задумался. Перед его глазами вставал Хорезм: безвинные люди, гниющие в темницах, Пирнафасы, согнанные с земли, Сабиры, лишенные возможности заработать на кусок хлеба, не знающие отдыха голодные Палваны... А над нимн — хан, баи, кази и, наконец, улемы, которые, ловко истолковывая догматы шариата, могут оправдать любую несправедливость... «Они-то все могут оправдать... Но им самим нет оправдания, лживым людям с черными сердцами. Пусть все знают, что я о них думаю».

В этот вечер родилось стихотворение «Улемы».

О вы, что темный фанатизм своим законом сделали!
Народ сровняли вы с землей, испепеленным сделали!
Стал казием один из вас, как муфтий славится другой.—
И тот и этот столько зла под небосводом сделали!
Людей боитесь вы учить, боитесь школы открывать,
Во тьму повергли вы народ, скотом клейменым сделали.
Мы истину хотим найти,— с пути сбиваете вы нас,
Мой край родной слепым рабом, в тюрьме плененным, сделали.
Когда-нибудь проснется мир, н люди спросят, как Аваз:
О подлые, зачем народ вы угнетенным сделалн?!

Едва Аваз начисто переписал это стихотворение, как пришел его брат Раджаб.

Послушав «Улемы», Раджаб сказал:

— Замечательно, но тебя снова могут наказать...

— Пусть даже убьют,— все равно стихи будут жить.

* * *

Аваз каждый день утром читал книги своих великих учителей. Сегодня он читал «Хамсу» Алишера Навои, переписанную одним из самых искусных каллиграфов Хорезма. Ему помешал поэт Сахиби, который обладал способностью всегда приходить не вовремя. На госте был златотканый халат и дорогая чугурма.

— Что вы читаете?

— Навои,— тихо сказал Аваз,— прошу, мавляна, садитесь.

— Когда бы я ни пришел, вы все читаете Навои.

— От гения Навои светлеет душа...

— И у Феруза есть хорошие стихи,— улыбнулся Сахиби.

— Верно, и у Феруза есть хорошие стихи, но лучше брать уроки у учителя, чем у ученика,— ответил Аваз.

Сахиби поморщился:

— Я не думаю так... Впрочем, зачем нам спорить. Меня послал хан. Он, подобно отцу своему Ферузу, хочет устроить вечер поэзии. Вы приглашены...

— Но он ведь разогнал всех поэтов...

— Ислам-Ходжа разогнал...— не очень уверенно возразил Сахиби, выдвинув вперед свою козлиную бородку.

— Слепой теряет свой посох только раз...

— Воля ваша, уважаемый Аваз...

— Ну хорошо. Я тут написал стихотворение «Улемы». Вот оно.

Сахиби надел очки, быстро пробежал глазами по строчкам и сказал испуганно:

— Аваз, уважаемый, да сохранит вас аллах, никому не показывайте. Услышит кази-калян или дойдет до ушей хана, и ваша жизнь будет на волоске.

— По-другому я писать не могу...

— Аваз, я желаю вам добра,— не показывайте это никому. Вы же знаете ясаулбаши...— умоляюще прошептал Сахиби и поспешил удалиться.

Новое стихотворение Аваза, переписанное от руки друзьями и приятелями его брата Раджаба, в тот же день распространилось по городу. Многие заучили его наизусть. Разумеется, дошло оно и до врагов. Кази-калян, прочитав стихотворение, сказал:

— Э-э, Аваз с ума сошел, от аллаха отрекся, неверный.

— Вы правильно изволили заметить, таксыр, шайтан сбил его с пути,— поспешил согласиться с кази-каляном один из улемов.

— Однако его надо проучить,— сказал муфтий, потрясая огромной чалмой.

— Не только проучить. Сжить его со свету — это наш долг перед шариатом. Иначе аллах покарает нас,— медленно произнес кази-калян.

— Но это еще не все,— обратился ко всем кази-калян,— муллавачча, дамля и имамы должны повсюду распространять слух о сумасшествии Аваза, должны втолковывать черни, что его газели противны шариату...

* * *

— Анаджан, Аваз-ага проучил всех дамля и имамов!— крикнула еще от калитки Джумагуль.

— Как же так, доченька?

— Я была в Пишканике у своих подруг, полный дом собрался. Так вот, одна прочитала стихотворение Аваза-ака. Ох, как он их всех!..

Осенью Джумагуль исполнилось семнадцать лет. Она выросла девушкой сильной, закаленной. Жара Каракумов, сухие, пыльные ветра были бессильны перед ее расцветшей красотой. Она была прекрасна даже в грубом своем бязевом платье, которое только и мог купить еще не оправившийся после разорения Пирнафас-ака.

* * *

Одилбике с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Хан, прослышав о ее болезни, задумался: «Если умрет Одилбика, никто не поверит, что такая молодая, цветущая женщина умерла своей смертью... Снова поползут слухи... вспомнят об Ислам-Ходже. А появлюсь у нее, приласкаю,— все равно не поверит... Пожалуй, надо проявить великодушие...»

Хан вызвал к себе Ашира и сказал:

— Возьми от этих смутьянов по расписке на семь тысяч таньга, скажешь, что в казну... Потом можешь их отпустить.

Ашир поспешил исполнить приказ.

Хан пришел к Одилбике.

— Царица моя, несмотря на их преступления, я ради вас освободил вашего брата и дядю.

Одилбика смотрела на повелителя и не верила своим ушам.

Хан ласково взял ее за руку.

— Как только вам станет лучше, вы можете навести: своих родных.

Хан заметил выступившие на ее глазах слезы и поспешил удалиться. Одилбика даже не заметила, как он ушел. «Были бы у меня крылья, полетела бы, обняла брата...»

Несмотря на слабость, Одилбика решила встретиться с братом немедленно. Подходя к закрытой арбе, она тихо сказала няне: «Скажи, чтобы ехали побыстрее».

Со слезами на глазах Одилбика перешагнула порог отчего дома. Отшвырнула паранджу... Абдусалям-Ходжа, увидев сестру, кинулся в ее объятия, с юношеской поспешностью стал рассказывать о своих мытарствах, не забыл он и о долговых расписках. «Да, «милостив» мой супруг, великий хан»,— гневно сказала Одилбика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Палван всю ночь напролет обслуживал гостей туры. Под утро он было прилег, как вдруг услышал голос Бекджана:

— Палван-ага, вас кто-то зовет.

— Кто?— недовольно спросил Палван.

— Какой-то туркмен, вон там,— Бекджан показал рукой.

Палван вскочил с места и направился к большому карагачу, в сторону от дороги. «Кто бы это мог быть?»— думал Палван. Смотрит, около дерева пасется ишак, вокруг никого не видно. Слышен только шелест стеблей джугары. Вдруг раздался громкий шорох, стена стеблей джугары раздвинулась, и появился йигит-туркмен в папахе и пестром чапане.

— Сафаргалди!— воскликнул Палван и обнял друга.— Как ты здесь очутился?

Сафаргалди отказался идти в городской дом туры, и друзья направились в Пишканик, на озеро, к Пирнафасуака. По дороге Сафаргалди рассказывал Палвану о своих приключениях.

— ...После того как мы с тобой разошлись в Киёте, я никак не мог отделаться от одного нукера — он все время следил за мной. Попробовал я от него убежать, он выстрелил и ранил меня в ногу. Я кое-как приполз к какой-то калитке. Из ичкари вышел старик, увидел меня, и больше я ничего не помню. Очнулся в хлеву, в яслях. Нога была чем-то перевязана. Зашел тот старик с каким-то молодым парнем; потом я узнал, что это был его сын. Они меня подняли и отнесли в сарай, а сын старика, пусть даст ему аллах счастья в жизни, носил мне еду. Он мне рассказал, что нукеры перевернули в доме все вверх дном, не заглянули

только в ясли. Через два дня они привели ко мне лекаря, которого называли Отарбува.

— Э, он самый большой табиб в Хорезме, отец поэта Аваза,— не выдержал Палван.

Сафаргалди продолжал:

— Замечательным человеком оказался этот лекарь. Он промыл мою рану, чем-то смазал. Чтоб перевязать ее, старик, приютивший меня, дал кусок кисеи, которую он приготовил себе на саван. Ночью отвезли меня на арбе домой. Рана понемногу стала заживать. А потом в Илоли я про тебя услышал: «В Пишканике объявился богатырь по имени Палван. На большом тое он победил даже знаменитого богатыря Надира». Очень я обрадовался. Только поправился, начал ходить, как вдруг ко мне нагрянули йигиты Джунаида. «Присоединяйся к нам»,— говорят. Я сослался на больную ногу. Ну, они дали мне отсрочку. А как взял Джунаид Газават, нукеры его снова пришли ко мне, как раз в день, когда умер мой дед. «Хорони скорей, и едем с нами в Газават». Многие йигиты из нашего аула убежали в пески, спасаясь от Джунаида. Я простился с матерью и тоже ушел в Каракумы. Джунаид помирился с ханом Хивы. Много йигитов убежало на ту сторону реки, другие ушли в Муйнак, а я — к тебе...

— Там Джунаид, а здесь Исфандияр,— невесело сказал Палван,— весь народ за горло держат.

Пирнафас-ака тепло встретил друзей в своем озерном доме, накормил их рыбой.

С этого дня Сафаргалди с Пирнафасом стал ездить в пески за дровами, а ночевал он у Ибрахима-ата, который принял его, как родного сына. Скоро Сафаргалди с помощью Маткарима нанялся пасти в степи баранов Ибадуллы.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Кази-калян, муфтий и аглям пришли для утреннего поклона в Нурлавой к Исфандияр-хану. Миновав диванхана, ясавулхана, они вдоль высокой зубчатой стены направились к зимнему дворцу. Пройдя через белый, красный и бирюзовый залы, они остановились перед открытой дверью. Голубой зал. В камине, сложенном из мраморных плит, горел, потрескивая, саксаул. Пол был устлан коврами, специально сотканными в Мерве. Золотые и серебряные украшения переливались в лучах утреннего солнца. На троне, в златотканом чекмене поверх бархатного камзола, сидел Исфандияр-

хан. Высокую папаху на его голове венчало павлинье перо. На поясе в золотых ножнах висела кривая сабля. На плечах хана сверкали погоны. По обе стороны от хана сидели разодетые визири, ясавулбаши, диванбеги, кушбеги. Вошедшие в голубой зал кази-калян, аглям и муфтий одни за другим низко поклонились хану и вручили ему свои «скромные» подарки. Сегодня хан вершил суд и расправу. Мимо нукера с секирой, застывшего в дверях точно свеча, два стражника провели в зал оборванного, босого дехканина, который, поклонившись хану до земли, стоял теперь низко опустив голову. Хан вопросительно посмотрел на ясавулбаши.

— Ваше величество, этот мошенник не подчиняется вашему указу, отказался работать на строительстве нового медресе,— произнес Шерназарбай.

Хан поправил саблю,— и дехканин побледнел, задрожал от страха.

— Откуда?— не глядя на виновного, обратился хан к ясавулбаши.

— Из Хазараспа, ваше величество.

Так и не взглянув на дехканина, хан негромко сказал: «Зарезать...» И тотчас же с точильным камнем на поясе и с кинжалом в руках появился палач.

— Ваше величество, светоч справедливости, за мной нет никакой вины. На строительстве медресе работали я и мой сын. Спросите у людей, таксыр. Ведь детишки у меня, солнце вселенной,— упав на колени, со слезами на глазах начал умолять дехканин.— Простите, ваше величество, не...

Хан отвернулся. Нукеры в мгновенье ока выволокли за дверь осужденного. За ними последовал палач Джумёз Курносый, с вытаращенными глазами, которые, казалось, так и жаждали крови.

Стражники ввели в зал человека с низким лбом и маленькими бегающими глазками. Это был известный вор, убийца. Диванбеги что-то шепнул кушбеги, последний сделал знак ясавулбаши. Шерназарбай кивнул головой,— все, мол, будет в порядке.

Хан, оторвавшись от чилима, посмотрел на ясавулбаши.

— Говори,— приказал Шерназарбай вору.

— Покровительство владыки мира дарит нам благоденствие и зажиточность,— начал убийца.— Один негодяй, туркмен из Ярмута, пялил глаза на мою жену. Я убил его, как того требует шариат... Пощадите вашего раба, таксыр.

Исфандияр был сильно зол на всех туркмен вообще, и об этом было втолковано вору. На самом деле он, ограбив од-

ного бедняка, при нем же обесчестил его дочь, а затем убил его...

Ашир, поклонившись хану, произнес:

— Туркмены после договора слишком зазнались. Чтобы досадить вам, они издеваются над вашими подданными. Этот раб хотел вам услужить.

Хан долго не раздумывал.

— Отпустить!

Вмиг разомкнули кандалы на ногах и руках убийцы, который, низко поклонившись повелителю, подумал: «За тысячу золотых таньга можно купить не только ясавулбаши, но и самого хана...»

Неожиданно поднялся кази-калян Мухаммад-Салимахун. Держа перед собой арз — жалобу, он начал:

— Защитник шариата, убежище справедливости! Разрешите сказать два слова.

— Пожалуйста, я слушаю вас,— ответил хан.

— Поэт Аваз оскверняет нашу исламскую веру. Он пишет газели, которыми смущает души мусульман, отвращает их от истинной веры. Ваше величество, поэт Аваз опасен для государства и трона. Аллах наказал его, лишил ума. Ваше величество, он сумасшедший.

— Плети не научили его разуму?— спросил хан

— Не научили, ваше величество; если бы научили, он не писал бы вот такие газели,— кази-калян протянул стихи хану.— Аваз оскверняет шариат. Не могут ли подтвердить это аглям-дамля?

Аглям вскочил с места:

— Подтверждаю, ваше величество!

Хан обратился к поэту Сахиби, стоявшему в стороне, поодаль от всей знати:

— Не повесить ли нам Аваза?

— Наш мудрый хан, будучи сами непревзойденным поэтом, как известно всему миру, являются отцом и покровителем всех поэтов. Аваз по своей дурости совершил великий грех, но ради нашего спокойствия простите его, ваше величество. Чернь любит Аваза, если повесить, могут взбунтоваться...

— Уважаемый ясавулбаши,— обратился хан к Шерназарбаю,— с этого дня следите за каждым шагом Аваза. Предупредите его в последний раз и объявите миру о его сумасшествии.

— Будет исполнено, ваше величество,— ответил Шерназарбай.

Кази-каляи, поклоиившись иизко, промолвил: «Мудрое решение, мудрое решение».

Хан медленно подиялся с троиа. Он устал. Пропустив его вперед, все медленно подиялись с мест.

Приближенные степенно шагали вслед за ханом. Когда он скрылся за дверью гарема, они так же степенно разошлись.

Хаи остаиовился около мраморного берега пруда во дворе гарема. В летние дни ои любил сидеть иа высокой веранде, отсюда ои наблюдал за резвившимися в воде голыми наложницами. Сейчас в пруде воды ие было. Хан иаправился в зал, где наложницы встретили его низкими поклонами, сняли с него златотканый чапан. Заиграла музыка. Исфаидияр прошел на почетное место. Дастархан был полон яств... Четыре юные девушки одна красивей другой протягивали хану наполнеииые вином чаши. На пальцы их были ианизаны золотые, рубиновые, жемчужные перстни, в ушах золотые серьги, иа головах вышитые золотом гладкие тюбетейки... По зиаку хана запели, закружились под музыку танцовщицы с насурмленными бровями и ресницами, с пальцами, окрашенными хной. Юные наложницы окружили хана, две из них уселись на его коленях. Особенно усердствующих хан награждал поцелуями.

Как ни много было у него наложниц, сластолюбивый, погрязший в разврате хан без конца пополнял свой гарем новыми красавицами. Прежних же, прсдварительно сняв с них наряды и украшения, евнухи по приказу хана дарили нукерам.

Для похищения новых красавиц Ашир придумал даже особую арбу...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Неподалеку от ворот Гандимиён Ялманбай построил хлопкоочистительный завод. По одну сторону обширного двора навалены мешки с очищснными семенами, по другую — высокие трапециевиднuс ящики с хлопком, в глубине двора — хлопкоочистительные машины. Шум, пыль, грязь. В сторонке сидят и бсеедуют Иван Гаврилович и кузнец Сабир.

— Вот возьми меня,— раскурнвая козью ножку, сказал Иван Гаврилович,— я такой же мастеровой, как и ты. И я пострадал от богатесв, лишился евоего дома. Мы, Сабир, должны наконец стать наетоящими хозяевами в своей стране.

— А как?
— Ленин сказал, что надо свергнуть царя...
— А ты сам видел Ленина?
— Нет, к сожалению, не видел. Я читал его книги.
— А где он живет?
— Везде...

Иван Гаврилович увидел внезапно появившегося хозяина Ялманбая — и беседа прервалась, каждый принялся за свое дело. Иван Гаврилович смотрел за «джинами», кузнец Сабир помогал грузчикам. Они грузили тюки хлопка на огромные арбы. Ялманбай подошел к арбакешам и сказал заискивающе:

— Братцы, пароходы-каюки уж давно грузить надо. Вы уж до утра справьтесь с этим...

— Будет исполнено, бай-ага...

— Еще раз напомните капитану, братцы: надо везти не в сторону Арала, а в Чарджоу...— сказал бай и пошел в глубь завода, к машинам. Рабочие приветствовали его, почтительно сложив руки. Ялманбай не гнушался здороваться с ними.

Он был одним из немногих новых баев, ибо наследство от отца получил совсем небольшое. Первое время он портняжил, кроил камзолы, жилетки, мужские рубашки, потом научился шить одежду для женщин. Прикрывая обман ласковыми словами, он «экономил» на материале заказчика. Будущий бай «экономил» во всем, этому искусству быстро научилась также и его жена. Редко они готовили что-нибудь мясное, больше обходились машем, горохом, свеклой. Соседи то и дело заходили к ним попросить в долг. Ялман-портной встречал их очень любезно — еще бы, за каждые данные десять таньга он получал потом одиннадцать. В особую тетрадь записывал имена должников, отмечал, кто и когда должен вернуть. Приезжали к ростовщику также и из ближайших кишлаков. Ялман наживался быстро. Деньги он складывал в большой, обитый железом сундук. А скоро и вовсе оставил портняжное дело. Съездил в Ургенч, заключил договор с «Ярославской мануфактурной компанией». Ей он стал продавать хлопок, который скупал у дехкан в окрестностях Хивы. Получив от компании большой аванс, он с еще большим размахом стал заниматься ростовщичеством. Ялман сам разъезжал по кишлакам. «Я слышал, к весне вам трудно стало, так я приехал помочь вам, братцы»,— говорил он дехканам. Осенью он собирал «урожай»— и хлопком и деньгами. Купив большой участок земли, он прежде всего построил там большой амбар для хлоп-

ка. Так Ялман-портной превратился в Ялманбая. Но бай попрежнему экономил деньги, по-прежнему одевался кое-как. «Одежда ведь рвется. Бязь лучше ситца, потому что и дешевле и теплее,— любил говорить он и обращался к жене:— Не так ли, жена?» Жена охотно соглашалась, кивала головой.

Скоро Ялманбай поехал в Москву по делам компании. Побывав там на заводах и фабриках, он сказал себе: «Это самое выгодное дело». Договорился в Москве с инженерами, и года через два у него уже был свой завод. Теперь имя его гремело. Он не какой-нибудь там портной, а бай, да к тому же еще и заводчик! Но по-прежнему он носил старый чапан, старые кавуши. «Для лошади нужен корм, для фаэтона — возница, а в шелковом халате разве явишься на завод?»— такая у него была присказка. В отличие от других баев, он не заводил ни бухгалтеров, ни приказчиков, все делал сам, всюду поспевал. Когда наставала пора взимать с дехкан долги, он усаживался на старом войлоке под навесом, клал перед собой тетради, счета. «Дружба счет любит»,— часто приговаривал он. Приняв хлопок, он заглядывал в свои бумаги, щелкал на счетах, а потом ласково объявлял: «Братец, немного за тобой осталось, всего десять таньга».

Бедный дехканин диву давался, как это столько лет он сдает хлопок, а материнский долг каким был, таким и остался.

От Ялманбая никто никогда не слышал грубого слова, все только «братец» или даже «сынок». В гости его приглашали — ходил, но к себе никого не звал —«лишние расходы».

Однажды Ялманбай, подходя к своему дому, увидел у калитки нищего. Из дома выбежал младший сын и подал нищему пятак. Ялманбай пришел в ярость. Он выхватил пятак у нищего и с улыбкой обратился к сыну: «Поди, маленький, вынеси дяденьке немного хлебца... Он, наверно, проголодался».—«Да»,— кротко согласился нищий.

Ялманбай же вошел в дом и сказал сыну: «Сын мой, никогда, никому не давай даром денег. Знай же: деньги родят деньги, одна таньга — десять, а десять — тысячу».

Сейчас, проходя по заводу, бай заботливым оком осматривал свои машины. Навстречу ему рабочие, глотая пыль, тащили тяжелые тюки.

— Не уставать вам, братцы!

— Живите, бай-ага

«Надо построить еще один завод, это мне уже по силам»,— подумал Ялманбай. Через минуту он подозвал к себе кузнеца Сабира.

— Сабирджан,— ласково начал бай,— хорошей специальностью ты овладел. Молодец! Пусть же у нас будут свои мастерские. А теперь, ты уж извини, я тебе дам братский совет: ты не очень-то якшайся с Иваном. Во-первых, он неверный, да к тому же ссыльный большавой. Не связывайся с ним, худо тебе будет. Он, говорят, и с Авазом дружен, вот уж сошлись. Слышал я, что Аваз и к тебе заходит. Ну подумай-ка сам: кто такой этот Аваз? Кази-калян объявил его сумасшедшим, какой же тебе толк от дружбы с ним? Брось ты с ними водиться, а то ведь придется нам расстаться... Подумай о жене, о детишках...

* * *

С благословения кази-каляна улемы в своих проповедях не уставали проклинать отступника Аваза. Люди ясавулбаши рыскали вокруг дома поэта: кто приходит к Авазу, с кем он дружит, беседует, куда ходит — их все интересовало. Суфии и имамы, проводившие большую часть своего времени под навесами у входа в свои мечети или медресе — на них в Хиве натыкаешься на каждой улице,— должны были при приближении поэта говорить: «Вот идет сумасшедший, дурак».

Однажды на базаре какой-то мирза сказал Авазу:

— Что ты здесь делаешь, дурак?

— Ищу собак...— ответил поэт.

Люди, занимавшиеся куплей-продажей, переглянулись.

— Здесь нет собак!— сердито крикнул мирза.

— Есть, есть!— улыбнулся Аваз.

Мирза и ялман,
Улемы и кази-калян.
Как может один дурак
Встревожить стольких собак...

Мирза остолбенел. А люди вокруг захохотали.

В тот же день мирза подал кази-каляну жалобу на поэта. «Сумасшедший Аваз оскорбляет людей, угрожает им, его надо заковать в цепи»,— писал он.

Друзья Аваза поспешили отомстить и мирзе и кази-каляну. Первому устроили «темную» и шепнули на ухо: «Будешь еще жаловаться — жизни лишишься». А ворота дома кази-каляна обмазали навозом. В кармане же он обнаружил

записку, в которой были такие слова: «Поэта тронешь — утонешь».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Джумагуль, для того чтобы помочь своей семье, нанималась стирать, печь лепешки. Она была мастерицей на все руки. Но особенно ей нравилось вышивать тюбетейки тахя, такие жесткие, твердые, что их нельзя было ни сложить, ни согнуть. Щелкнешь по такой тюбетейке пальцем — раздастся характерный звук.

Девушки сидят в большой комнате вокруг очага. На дворе зима, но лица подружек розовеют, точно весенние тюльпаны. Девушки шьют тюбетейки. Одна кроит, другая простегивает, третья наворачивает вату на длинную проволоку и продергивает ее через заготовки. У Джумагуль самая сложная работа: она вышивает по тесьме, и кант тюбетейки постепенно покрывается цветными узорами.

Вошла мать Джумагуль... Полюбовавшись вышитыми тахя, Мастура ласково потрепала Джумагуль по плечу. «До чего красиво, милые мои. Руки у вас золотые...»

Джумагуль молча продолжала работать, и Мастура, чтобы не стеснять девушек, ушла.

Молва о тахя, вышитых Джумагуль, распространилась по всему кишлаку. Несколько девушек благодаря ей тоже стали мастерицами.

Но одну тюбетейку она вышила так красиво, такой был на ней тонкий узор, что даже сама Джумагуль удивилась: до чего хороша. Еще бы! Ведь она вплела в эту тюбетейку и свою любовь.

— Подружка, отнеси ее Палвану-ага, но только смотри, чтобы никто не видел.

Палван смотрел, смотрел на тюбетейку, все никак не мог налюбоваться...

* * *

«Конечно, несложное дело убить Пирнафаса,— рассуждал про себя Матчон-тура.— Есть кому поручить. Хотя бы тому же Мадраиму Черному... Но не прогневается ли на меня аллах, если возьму пятую жену, пролив кровь тестя?..»

Матчон-тура велел Мадраиму Черному свезти к Пирнафасу арбу дров и мешок муки.

— Тура кланяется вам,— сказал Мадраим.— Они послали вот эту арбу,— может быть, Пирнафас-ака нуждается, все же зима...

Бедняк в первое мгновенье растерялся, не зная, что ответить. Но когда Мадраим начал разгружать арбу, Пирнафас-ака остановил его:

— Не смей! Мы еще не помираем с голоду. А если бы и помирали, у туры куска хлеба не стали бы просить... Можешь ему это передать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Скоро навруз, жена.

— Зима еще не кончилась,— отозвалась Айша.

— Эх, кабы женить нам к весне Палвана.

Айша сидела у очага, чинила старый халат и то и дело отодвигала подальше от огня ноги заснувшего рядом Шернияза. Ибрахим-ата подложил дров, они зашипели как змеи.

Комната наполнилась дымом, от горького чада защипало в глазах. Пришлось приоткрыть дверь. Ибрахим-ата высушил портянки и подвинул ближе к огню промокшие насквозь сапоги.

Айша начала беспокоиться: старших сыновей еще не было.

— Когда же они приходили рано, слуги туры, наверно, заставили что-нибудь делать,— буркнул старик и кинул в чугунный кувшин щепотку зеленого чая.

— Няня Якут-бики...— начала тетя Айша и остановилась. «Якут-бика полюбила Палвана»,— хотела она сказать.

— Ну что?— нетерпеливо спросил Ибрахим-ата.

— Заболела,— только и вымолвила Айша.

— Болтаешь разное, жена. Ты еще, наверно, начнешь рассказывать, какой сон приснился Якут-бике. И без того голова болит... Вот как с сыном? Были бы деньги,— женил, а уж там можно и помирать...

— Может, аллах пошлет нам денег в навруз...

Навруз ждут все — и старые и малые. Всем хочется принарядиться к празднику.

К Палвану прибежал младший брат — весь в слезах.

— Палван-ага, у нашего соседа сын младше меня, а у него новый чапан. Отец купил ему к наврузу, а у меня нет...

Но на какие деньги Ибрахим-ата может справить обнову детям?

Деньги Якут-бики Палван хотел подарить Пирнафасу-ака... Палван поцеловал Шернияза.

— Шер (так коротко звал младшего брата Палван), я куплю тебе новый чапан, такой пестрый, что все только на тебя смотреть будут.

Слезы еще не просохли на щеках Шернияза, а он уже подпрыгивал от радости.

Палван сдержал слово и купил брату новый чапан. Оставшиеся деньги он отнес Пирнафасу-ака как подарок к празднику. По обычаю, Палван подарил также деньги и Джумагуль, чтобы она была на празднике в новом платье. Навруз приближался.

* * *

Матчон-тура еще раз попытался помириться с Пирнафасом. «Поговорю-ка с ним по-хорошему, пообещаю денег...»

— Господин, вы звали меня,— подойдя к порогу гостиной, произнес Пирнафас-ака.

Матчон-тура живо поднялся, с улыбкой подошел к нему.

— Все живы-здоровы? Что-то вы забыли наши края. Я все вам простил.

По знаку туры нукер вслед за чаем принес жирный плов и поставил перед Пирнафасом-ака.

— Я хочу вернуть вам вашу землю и еще столько же земли подарить...

Пирнафас-ака едва прикоснулся к плову, вытер руки и прямо взглянул на туру:

— Что вы от меня хотите, господин?

Тура начал поносить аксакала, который хотел «ноготь с телом разлучить».

Пирнафас-ака молчал.

— Вот, купите что-нибудь жене, дочери,— тура положил на дастархан деньги.— И еще, я построил новый дом, хоть сегодня переезжайте... И это не в долг, я вам все дарю...

«Не надо, не нуждаюсь»,— хотел сказать Пирнафас-ака, но тура, точно бы опережая эту его мысль, сказал:

— Не в долг, даю насовсем.

Пирнафас-ака сказал мрачно:

— До сих пор не умерли с голоду, как-нибудь обойдемся и дальше.

— Берите у меня все, что хотите. Все мои богатства ваши. Мое сердце, сами знаете, к вашей...— запнулся тура.

— Понял, господин, все понял. Но вы ошибаетесь. И у нас есть свои надежды. Мы больше вас любим своих детей, мечтаем об их счастье. А вы? У вас четыре жены,

и все вам мало. Землю вы у меня отобрали, дом разрушили, а теперь хотите сделать несчастной мою дочь? Пока я жив, вам ее не видать, будь вы даже ханом. Что хотите, то и делайте со мной. Не боюсь я вас!

От удивления Матчон-тура лишился дара речи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

После навруза хан Исфандияр приказал своим подданным приступить к ежегодным земляным работам.

Мутны воды Амударьи, река несет слишком много ила. Поэтому каналы и арыки быстро мелеют. Прежде всего очищается головной канал, затем его ответвления, потом арыки и арычки. Каждый человек должен был отработать в общей сложности тридцать шесть дней или же уплатить налог в двенадцать таньга. Этот закон одинаково применялся и к баю, владевшему тысячами танапов земли, и к бедняку-дехканину, имевшему всего-навсего четверть танапа. Баи, конечно, откупались или посылали своих батраков. Человек обязан был приходить на земляные работы со своей едой и лопатой.

На людных перекрестках и базарах глашатаи хана возвещали:

— Э-эй, стар и млад, имущий и бедняк! Чтобы вас розгами не наказали, выходите на рытье сами! Выходи-и-те!

Аксакалы, составив списки, посылали людей пешком за сто верст к головному каналу. Здоров ты или болен — никому до этого нет дела. Не хочешь идти — откупайся. Но откуда у бедняка деньги!

— Уважаемый аксакал, у меня четверть танапа земли, я стар, не дойду,— умолял горбатый дед Шариф.

— Не болтай, горбатый, выполняй приказ хана.

— Сил нет никаких, ноги у меня опухли. Уж вы сжальтесь...

— Откупись или давай за себя человека!— закричал аксакал.

— Нет у меня денег. Да принесут вам счастье ваши дети, пожалейте старика...

Но ни мольбы, ни слезы не действовали на аксакала. Горбатый Шариф-ата простился со своей старой женой, завернул в пояс лепешку и с калчой — совком — на плечах и посохом в руке, прихрамывая, отправился в путь.

«Может быть, тура посчитается с нами, ведь знает, что мы женим Палвана, отправит вместо него другого»,— думал

Ибрахим-ата. Но в списках оказался не только Палван, но и он сам! Ибрахим-ата пошел на поклон к туре.

— Ага, Палван каждый год ходит на работу, уж вы оставьте его в этом году. Джан-ага, да возрастут ваши богатства, если мы его жсним, то и ваша слава возрастет... «Тура женил своего раба»,— будут говорить люди. Дайте Палвану заработать на той, пошлите другого человека.

— Вернетесь — сам его женю и в долг дам,— ласковым голосом сказал тура.

— Ага, если Палван пойдет, то почему в список включили меня?

— Ты арендовал у меня землю, вот и включили,— беспечно ответил тура.

— Но ведь такого закона нет...

— Есть!— нахмурился Матчон-тура.

У старика сразу пропало всякое желание задавать еще вопросы.

Отец и сын, заткнув полы чапанов за пояс, вышли из дома и влились в бесконечный поток людей, направлявшихся к головному каналу пешком, на лошадях, ослах, арбах. Казалось, переезжал весь Хорезм.

Головной канал. Опустившись на дно, дехкане орудуют лопатами, совками, кетменями. Мираб отмеривает каждому его долю. Заложив руки за спину, наблюдает за работающими надсмотрщик. На холме неподалеку поставили большую юрту для Шерназарбая. Хан послал сго сюда для устрашения бедняков...

Народ работал с утра до ночи, без горячей пищи, без чая. Люди ели принесенные с собой лепешки, запивали их холодной водой. Стоило кому-нибудь отвлечься, как тут же мираб, надсмотрщик или нукер кричали:

— Работай, собака! Плетки захотел!

Когда Палван увидел горбатого Шарифа-ата, сердце его сжалось от боли. Старик копал, согнувшись почти пополам. Глина, которую он пытался выбрасывать, скатывалась к нему по склону обратно. Палван, и так работавший за двоих — за ссбя и за своего отца, стал помогать несчастному старику, который со слезами на глазах благодарил его: «Пусть даст тебе аллах достигнуть желаемого».

Надсмотрщик стоял над Шарифом-ата и говорил ему, поигрывая плеткой:

— Что, шайтан горбатый, опять притворяешься?

Старик знал, что за этим послсдует. Набрав руками землю в совок, он пополз наверх, бросил и, не удержавшись, скатился вниз. Он повторил это несколько раз и вконец

обессилел, перед глазами у него поплыли круги, он упал вниз лицом в грязную жижу, при падении лезвие кетменя рассекло ему щеку.

— У этой собаки снова падучая,— задумчиво сказал надсмотрщик и крикнул:— Эй, давай его сюда.

Два нукера вытащили старика наверх. Надсмотрщик пнул его ногой.

— Старый шайтан, каждый год с ним мучаюсь. Избить!

Палван видел все это и не вытерпел, подскочил к нукерам.

— Пожалейте его, братцы, ведь он болен, умереть может.

— Не мешай!— буркнул нукер.

— Несправедливо же!— вырвалось у Палвана.

— Несправедливо, говоришь!— усмехнулся надсмотрщик и, развернувшись, изо всей силы ударил Палвана по лицу.

Богатырь не шелохнулся, только сжались у него кулаки.

— Может, ты еще и руку на нас подымешь?— прошипел нукер.— Смотри, проучит тебя твой тура.

— Какой тура?— спросил надсмотрщик.

— Матчон-тура...

— Палван, сынок, поди сюда,— позвал Ибрахим-ата.

Палван спустился вниз, молча принялся за свое дело.

Подскакал на коне Шерназарбай, и надсмотрщик доложил ему о том, что здесь произошло.

Шерназарбай поехал к себе и вскоре через нукеров вызвал Палвана. Ибрахим-ата сказал умоляюще: «Не прекословь им, сын, будь осторожен...» Палван, гордо выпрямившись, зашагал к ясавулбаши, который пил зеленый чай, сидя на ковре около своей юрты.

Палван поклонился.

— Поднял руку на надсмотрщика? Не знаешь, куда силу девать?—процедил Шерназарбай.

Палван молчал. Он не раз слышал о жестокости этого человека.

— Ты что, земли наелся, собака?.. Говори же, сын раба!

Палван задрожал от гнева. Он мог снести любые побои, но слово «раб» было для него хуже смерти. «Чему быть, того не миновать»,— подумал Палван и сказал тихо:

— Бай-ага, вы осторожнее словами...

— Постой, постой, я что-то не понимаю. Ты что, угрожаешь мне?

— В чем моя вина? Я только заступился за больного Шарифа-ата.

— Заткнись, раб!— закричал ясавулбаши.— Ты знаешь, с кем ты разговариваешь?..

— Да, знаю. Вы нас называете рабами, а сами? Перед ханом...

Шерназарбай ударил Палвана по лицу.

— Ну, это тебе так не пройдет. Я бы тебя сейчас повесил, если бы не Матчон-тура... Мы с ним вместе казнь для тебя придумаем... А пока иди работай, раб. Я скажу, чтобы тебе утроили норму.

Шариф-ата к вечеру скончался. Нукеры не успели бросить его тело в яму,— Палван, Ибрахим-ата и Салиджан похоронили старика.

Ночью люди дрожали под своими чапанами. Холод, сырость пронизывали до костей.

* * *

— Хан!

— Хан едет!

Землекопы, возившиеся на дне канала точно муравьи, вскарабкались наверх: вздымая пыль, приближалась подаренная хану белым царем застекленная карета, запряженная шестеркой лошадей. За каретой следовали диванбеги, кушбеги, нукеры с обнаженными саблями. Карета остановилась около берега. Весь работающий люд поклонился до самой земли. Шерназарбай доложил хану о ходе работ и о случаях неповиновения властям. Хан отдавал короткие приказы: «Пятьдесят розог», «Сто», «Двести», «В темницу!», «Повесить!»

Вместе с ханом прибыл и Матчон-тура. Он посоветовал Шерназарбаю посадить Палвана в темницу, казнить его не здесь, а в Хиве.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Так ничего и не добившись ни лестью, ни силой, Матчон-тура решил отомстить Пирнафасу и одновременно выслужиться перед ханом. Явившись к Аширу, Матчон-тура сказал:

— В нашем кишлаке живет одна девушка, зовут ее Джумагуль. Красотой она затмевает солнце. Дарю ее повелителю.

Ашир доложил об этом хану и услышал в ответ:

— Матчон-туру наградить. Послать в кишлак мувардакарбу...

Внутри этой арбы, под зонтом, покрытым сверху узорным ковром, все было устлано красивыми шелковыми одеялами, лежали там и пуховые подушки. На них восседали старухи в бархатных халатах, которые подарил им хан. Старухи обычно брали с собой еды на несколько дней пути. Арбакеш как свои пять пальцев знал все улицы города, все кишлаки. Он туго натягивал поводья, умеряя прыть сытого иноходца. Все другие арбакеши, не дожидаясь окрика, освобождали ему дорогу, отворачивали морды лошадей, низко кланялись. Обгонять мувардак-арбу и даже близко подходить к ней было запрещено.

Ашир через доверенных старух разыскивал красивых девушек, разузнавал про их родителей, затем посылал эту самую арбу, которая разлучила навеки десятки влюбленных. А сколько девушек отравилось, предпочитая смерть позору!

Мувардак-арба остановилась около дома Пириафаса. По подставленной арбакешем лестнице, произнося «бисмилло», спустились две укутанные в шелковые паранджи женщины и направились к калитке. Очутившись в ичкари, старуха Гулджан, воздев руки, начала молиться: «Да сохранит аллах этот дом от несчастий, да пошлет ему радость и праздgames...» Но глаза ее так и шарили по сторонам.

— Где ваша дочь? — спросила наконец старуха Гулджан.

— В тюрьму пошла, — со страхом и ненавистью глядя на нее, ответила Мастура.

— А что там делать девушке?

— Несчастье обрушилось на голову нашего жениха. Вот наша дочь и ходит каждый день то в город, то в Пишканик...— Женщина заплакала.

Старухи ушли ни с чем.

* * *

— Господин, сжальтесь над своим рабом, сын мой без вины сидит в темнице.

— Как без вины? Их величество хан приказали.

— Ведь вы родственник нашему хану. Помогите, господин, — умолял Ибрахим-ата.

— Не могу, — улыбнулся Матчон-тура.

Ибрахим-ата сильно сдал после несчастья с Палваном. Он как-то весь сгорбился, руки стали дрожать, лицо потемнело, он уже не мог ходить без посоха, без конца кашлял, задыхался. То и дело присаживался отдыхать.

— Несчастные мы, жена,— говорил он, глядя в землю, и по впалым щекам его катились слезы.

Айша была в отчаянии.

— Отец, нельзя ли все-таки что-нибудь сделать?

— Нет.

— Сходили бы к ясавулбаши...

— Деньги нужны,— ответил старик,— чем бросать сына в темницу, лучше бы меня убил хан...

Темные круги появились под глазами Джумагуль.

Она почти каждый день вместе с Айшой или Бекджаном приходила к темнице, относила Палвану лепешки, но увидеть его так и не удавалось. Сегодня она отправилась вместе с Ибрахимом-ата. Старик шагал босой, в залатанном чапане, в рваной, замасленной чугурме.

— Джумагуль, доченька, душно мне, отдохнем немножко,— просил Ибрахим-ата, опускаясь на землю и смотря на девушку потухшими глазами.

— Хорошо, атаджан,— отвечала Джумагуль, поправляя на голове рваную паранджу.

Наконец дошли до Кухна-Арк.

Темницу, что возле ханского медресе, охраняли стражники. Ибрахим-ата поклонился им всем поочередно.

— Пришли повидать сына, ага,— обратился он к одному из нукеров.

— А разрешение у тебя есть? Твой сын большой преступник...

— Ага, а если обратиться к ясавулбаши, поможет? Ведь Палван ни в чем не виноват!

— За кого ты принимаешь ясавулбаши? Золото у тебя есть?— с издевкой спросил нукер, показывая на пустые руки старика.

— Откуда у нас быть золоту, ага?

— Иди, иди отсюда, старик!— крикнул начальник стражи.

Джумагуль протянула нукеру узелок:

— Передайте Палвану.

...Когда Джумагуль пришла на озеро, глаза ее были красны от слез.

— Ну как, доченька, видела?— спросила Мастура.

— Нет!— Джумагуль отшвырнула паранджу.— Стражники прогнали.— И девушка, обняв мать, заплакала.

— Доченька, беда за бедой идет... приезжала мувардак-арба, заходили эти ведьмы...

Джумагуль побледнела как смерть.

— Что будем делать, наджан, ведь они снова могут приехать!

— Уходи в город, мой брат, Аваз-ага, поможет...

Еще не начало светать, как Джумагуль, за ночь не сомкнувшая глаз, встала, засобиралась в дорогу. Поцеловав спящую Айджамал, она сказала:

— В чем мы провинились перед аллахом?.. Мама... пусть меня убьют, как Асилджан, пусть повесят, но на хана я не взгляну...

Джумагуль обняла мать и вышла за калитку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Стражник съел самое вкусное из того, что принесла Джумагуль. Завернув остальное обратно в узелок, он потянул на себя тяжелую дверь. Десять узников, закованных в кандалы, зажмурили глаза от света. Стражник вошел, закрыл за собой дверь, и снова все погрузилось в темноту. Кандалы узников были прикреплены к цепи, которую держали два железных столба.

Стражник, то и дело спотыкаясь, добрался до Палвана и швырнул ему лепешку:

— Жри!

Голодный Палван не мог дотянуться рукой до лепешки, встать тоже было невозможно.

— Хоть одну руку освободите, ага,— взмолился Палван.

— Вытяни шею, прокаженный!— крикнул стражник.

Узникам никакой другой пищи не полагалось, кроме той, что приносили родные и близкие. Не у всех они были... Сосед Палвана не мог отвести взгляда от лепешки. Как не помочь товарищу? Палван разделил лепешку пополам. Все здесь стали похожи друг на друга — бледные, худые, обросшие бородами. Черви, вши ползали по ним днем и ночью. Не сразу, наверное, Джумагуль узнала бы среди этих несчастных Палвана...

Стражник, играя плеткой, наступал на узников ногами, раздавал пинки.

— Воды, воды! Умираю...— захрипел кто-то.

— А вот это тебя не оживит?— пригрозил стражник плеткой.

Несчастный умолк.

— Эй, шакал,— ткнул носком сапога стражник,— почему не кланяешься?

Несчастный вздрогнул:

— Замерз, ага...

— Погреться захотелось...— И стражник ударил его плеткой.

— Не бейте, больной он...— сверкнул глазами Палван.

— Эй ты, баран, лучше не связывайся с мясником!— прошипел стражник и вдруг брезгливо поморщился:— Собака здесь, что ли, сдохла?!

— Вон, смотри...— показал Палван.

В углу темницы лежал старик.

— Когда помер?

— Вчера.

Стражник изо всей силы пнул труп ногой и пошел к выходу.

В сырой, холодной темнице люди словно в могиле.

Каждый день уводили одного из них на казнь, притаскивали нового. А в те дни, когда приходил ясавулбаши, узникам начинало казаться, что они видят самого Азраила.

На этот раз ясавулбаши подошел к Палвану.

— Кто он?

— Раб Палван из Пишканика, на земляных работах...

Шерназарбай узнал его не сразу. Лицо Палвана обросло бородой, глаза глубоко запали, одежда повисла клочьями...

— Где же я тебя видел?.. А, Палван-йигит,— улыбнулся он ядовито.— Ну, кто же из нас палван? Опять глаза таращишь, раб.— Ясавулбаши наотмашь ударил Палвана плеткой по лицу. Брызнула кровь. Ясавулбаши, наслаждаясь местью, бил и бил Палвана по голове, по спине, по ногам...— Теперь понимаешь, на кого ты тявкал? Что молчишь? Кровью захлебнулся?

Палван скрипел зубами, молчал. Уставшего ясавулбаши сменил стражник — этот орудовал толстой палкой... Наконец Палван потерял сознание. Стражник вылил на него ведро воды, однако Палван не шелохнулся.

Шерназарбай и стражник пошли к выходу. Юноша, сосед Палвана, пронзительно крикнул им вслед:

— Палачи! Людоеды!

Потом он подполз к Палвану: «Палванджан, Палванджан». По лицу юноши текли слезы. Вдруг он захохотал, стал рвать на себе волосы, биться головой о землю... Забыв о своих кандалах, он все порывался встать, плакал, смеялся...

Палван пришел в себя.

Он попытался протянуть руку и погладить по глове безумного юношу, успокоить его, однако от резкой боли в плече снова впал в беспамятство.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Назир-кур тоже построил свой собственный хлопкоочистительный завод. Ялманбай уступил ему на время Ивана Гавриловича вместе с Сабиром.

Назир-кур допытывался у русского:

— Ну, как машины, Иван?

— В порядке, хозяин.

— Кого мастером назначим?

— Сабира...

— Да он же не сможет...

— Сможет, я обучил...

Назир-кур колебался — вдруг Сабир не справится, но, с другой стороны, иметь мастера-узбека неплохо, ведь ему платить можно поменьше.

Ближе к вечеру Назир-кур затащил в контору на плов инженера и Ивана Гавриловича, угостил их водкой.

— Договор выполнен, теперь бы рассчитаться,— проговорил Иван Гаврилович.

— Деньги?— спросил Назир-кур.— Пока нет. После возьму из банка и отдам...— Подвыпивший бай уже сидел на полу.

Этот разговор прервал сын Паляза-хаджи:

— Вас зовет к себе отец.

— Сейчас...

Качаясь, Назир-кур явился к Палязу-хаджи. Там уже сидели Бобо-ахун, Хусаинбек, Ялманбай, Аллакулибай.

Поздоровавшись с ними, Назир-кур похвастался:

— Мои «джины» уже работают...

— Назирбай, вы читаете газеты? Война разгорается,— степенно произнес Паляз-хаджи.

— А нам до этого дела нет... Хотя...— Назир-кур попробовал собраться с мыслями.— Значит, войска белого царя уйдут из Хивы?

— Войска белого царя — опора хана,— тихо сказал Паляз-хаджи.

— Война, да тут еще смуты разные: с одной стороны туркмены, с другой стороны свой народ...— проговорил Бобо-ахун, склонив голову набок, словно под тяжестью огромной чалмы.

Все помолчали.

— В такое время,— начал Аллакулибай,— хаи должеи советоваться с иами, прислушиваться к иащим словам. Денег в казне ие больше, чем у иас. Оттолкиет нас, так ему же хуже...

Аллакулибай, похожий на тандыр для выпечки лепешек, был, иаверио, самым толстым человеком в Хорезме. «Вы ие умеете иаслаждаться богатством,— говорил он, смеясь, Ялманбаю,— какой вы бай, если у вас только одна жена! Вот я скоро жеиюсь на четвертой...» Одевался он в шелк и бархат.

Слава об Аллакулибае гремела в Ургенче, Турткуле, его приказчнки ие уставали повторять: «Наш хозяин щедрый человек, всегда заботится о бедняках». В каждый хаит — праздиик после поста — он жертвовал барана для мечети, теленка для каландархона. Иной раз он говорил жене: «Бедняка одиого встретил... Вконец обносился малый. Дай ему старый халат, что ли...» Умирая, отец Аллакулибая сказал: «Сын, оставляю тебе все свое богатство, на сто лет тебе хватит. Похоронн меня с почестями, еще больше разбогатеешь». Сын внял деловому совету отца: похороны были торжествениые, роскошные. Поверх гроба рассыпали даже серебряные монеты.

После погребения целых семь дней народ угощали пловом и утром и вечером. Дамля и имамы получили богатые подарки. Немало было зарезано баранов. «Аллакулибай — щедрый. Разве сравнить с ним Ялманбая-жадюгу»,— говорнли о нем.

Очень скоро Аллакулибай начал строить завод, причем люди работали на него даром — раз такой человек объявил хашар, как не прийти! «Щедрого аллах награждает, помогать ему обязанность мусульманина»,— говорили дамля и имамы. Так что «щедрость» бая оборачивалась для него иемалой выгодой. Вот этот-то хитрый человек и сказал сейчас: «Денег в казне не больше, чем у нас».

— Что денег у вас много, все мы знаем, пусть ваше состояние, ваши богатства возрастут еще больше,— молвил Паляз-хаджи. Все обернулись к нему.— Не плохо было бы иам издавать свою газету, которая сообщала бы о событиях в мире н внутри нашей страны... Вот, например, в Ташкенте, Самарканде, Фергане баи это понимают... Вот...— Он поднял с ковра кипу газет и журналов: «Зеркало», «Садои Туркестан», «Чиён».— Господа, вы согласны со мной?

Все были согласны с Палязом-хаджи.

— Вот вы, уважаемый, и помогли бы в этом деле,— обратился он к Аллакулибаю, который явно не ожидал такого поворота.

— Все свободные деньги я израсходовал на похороны отца,— сказал Аллакулибай и потерял всякий интерес к беседе. «Газета — дело пустое,— решил он,— щедрость тут не принесет пользы».

Наступило молчание, никто денег на газету не дал...

Наконец Ялманбай — в первый раз за весь вечер — открыл рот:

— Если Германию и Турцию победят русские с союзниками, то мы будем с Россией, ну, а если победят Турция и Германия, то мы обратим свои взоры к Турции. Не так ли, Хусаинбек-эффенди?

Хусаинбек получил образование в Стамбуле. Он часто употреблял турецкие слова, щеголял в турецких одеждах.

— Уважаемый Ялманбай сказал очень мудрые слова. «Одна мысль, один язык, одна душа»— вот лозунг турецких купцов.

— Иншалла, обратимся к милости аллаха. Да сопутствует благоденствие Хорезму. Да сопутствует правлению хана справедливость согласно исламу, да процветает шариат, да приумножатся богатства наших баев,— эти слова произнес Бобо-ахун, служивший в казихана.

Паляз-хаджи издавна был дружен с ним, часто советовался. Через него же он пытался оказывать влияние на духовенство. Бобо-ахун, со своей стороны, тоже был рад дружбе с человеком, посетившим Мекку, продолжавшим после Ислам-Ходжи его дело.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Даже девятилетний Шернияз тяжело переживал разлуку с братом: похудел, плакал часто.

Наконец Айша пришла к Якут-бике, сказала со слезами: «Помогите, век буду молиться за вас». Молодая женщина давно уже ломала себе голову: «Как помочь Палвану? Сказать туре?.. Отцу?.. Или подкупить стражника?..»

Якут-бика пообещала Айше помочь. Но не легко было выполнить это обещание. Как выбраться из дома? Толстые, высокие стены... Тура, свекровь, коварные жены-соперницы... Скажут туре, так он велит привязать ее к конскому хвосту. Или прикажет завязать в мешок вместе с кошками — искусают до смерти... К вечеру кто-то ворвался во двор, закричал пронзительно: «Дайте суюнчи, дайте суюн-

чи!» Оказывается, родила жена брата Якут-бики. Это было двойной радостью: нашелся повод для поездки в город! Давно не была она у брата, соскучилась по нему. Свекровь раньше все говорила: «Поедете завтра, поедете в навруз, поедете в хаит...» Но теперь уже она не могла пойти против обычая...

На радостях Якут-бика подарила служанке три таньга и сообщила новость свекрови, которая вынуждена была ответить:

— Поезжайте, доченька, поезжайте, поздравьте и от нашего имени.

— Поедемте вместе,— приличия ради пригласила Якут-бика.

— Как-нибудь...— ответила свекровь.

Подошла Халджан-бика, попросила:

— Возьмите меня...

— Ладно уж, поезжайте...— опять не смогла возразить свекровь.

Люди сторонились крытой арбы туры, в которой ехали женщины; спешили укрыться за калиткой — подальше от греха. Такая предосторожность не была излишней, ибо плетка в руках арбакеша не разбирала ни правого, ни виноватого.

Халджан-бика ехала в город для того, чтобы увидеть Шерназарбая, в которого она влюбилась на тое. Она была года на четыре старше Якут-бики.

— Говорят, Палван убил кого-то, но я в это не верю. Он такой безобидный...— произнесла, поправляя платок, вторая жена туры.

— Разное говорят, но в темницу посадил его Шерназарбай. Наверно, Палван ему нагрубил...— посмотрела на нее исподлобья Якут-бика.— Если Палван по-прежнему будет сидеть в темнице, тура опять начнет свататься к Джумагуль. А вдруг она согласится? Тогда кому-то из нас придется стать рабыней. Вот что: ваш брат дружит с Шерназарбаем — попросите его... А я скажу моему отцу — он близок к великому хану...

Недолго гостила в доме отца Якут-бики вторая жена туры. Вместе с няней, давно ею подкупленной, заторопилась она к своим «родственникам»...

Пройдя под широким и длинным навесом, они поднялись на веранду, где сидела, попивая чай, мать Шерназарбая. Старуха встала, обняла Халджан-бику.

— Прошу, проходите.

— Пройдите уж вы...

— Как здоровье вашей мамы, сестры? Как поживают Пашшаджан-бика, Якут-бика?— начала расспрашивать старуха.

— Вам привет передавали,— тихо сказала вторая жена туры и, свернув паранджу, положила ее в нишу.

Служанка принесла чай.

— Мы сыты, не надо...

— Что вы, в кои-то веки пришли, обижусь... Младшая-то моя невестка укатила на той в кишлак. Другие невестки тоже в гости посхали... Сижу тут одна, скучаю... И вдруг — гости! Вот хорошо, что пришли...

Начали пить чай, и Халджан-бика рассказала старухе, о чем она собирается просить ясавулбаши.

— Да наградит аллах моего сына, он готов излечить любого, всем рад помочь, ну а уж таким уважаемым людям, как вы, и вовсе...

Скоро появился и Шерназарбай. Громыхая доспехами, он прошел на вторую веранду, словно бы невзначай взглянув на женщин. Мать пошла за ним, объяснила, что у нее за гостья.

Шерназарбай знал, что Халджан-бика — вторая жена Матчон-туры, слышал о ее черных глазах, способных пронзить сердце... Он знал также, сколько жен у всех других беков и баев, чьи дочери их жены, каковы они собой... Ведь ясавулбаши сам возглавлял все эти свадебные тои!

«Сама, значит, пришла, красотка»,— подумал Шерназарбай и обратился к матери:

— Попросите ее сюда...

Халджан-бика, поправляя паранджу, села напротив Шерназарбая.

— Чем могу вам служить?— ласково спросил ясавулбаши.

— Старший сын одного нашего раба без вины посажен в темницу. Отец и мать его все умоляют меня, не дают покоя...

— Как его зовут?— Шерпазарбай как-то странно посмотрел на нее.

— Палван...

Шерназарбай, словно не зная, о ком идет речь, начал задавать вопросы.

Старуха принесла чай. Халджан-бика своими белыми полными руками потянулась к пиале. «Теперь увидеть бы и личико...»— чуть не вслух сказал ясавулбаши.

— Поможем, это в наших силах... Но с одним условием: чтобы все осталось между нами, вы жена туры, а я, сами знаете...

— Я понимаю...— Халджан-бика начала было вынимать из мешочка золотые монеты, но Шерназарбай остановил ее:

— Не надо — обижусь. Вашу просьбу выполню — пойду сейчас к их величеству хану, добьюсь, чтобы они издали приказ об освобождении Палвана. К вечеру ждите...

Однако вернулся он только поздно ночью.

— Принес приказ, разбуди гостью,— сказал он матери и ушел в ичкари.

— Вставайте, доченька, сын принес приказ, ему уходить надо, хочет что-то сказать вам,— тихо произнесла мать ясавулбаши.

Халджан-бика, накинув платок, вышла к Шерназарбаю.

— Я все сделал, хан подписал приказ,— Шерназарбай показал ей какую-то бумагу.— Прошу, откушайте вместе с нами...

Женщина молчала. Ясавулбаши прикоснулся к руке Халджан-бики, она отпрянула, и тут платок упал с ее головы. Увидев близко лицо Халджан-бики, ясавулбаши хрипло прошептал:

— О, да вы царица!..— и кинулся на нее точно зверь.

На другой день вторая жена туры, усталая, но довольная говорила Якут-бике:

— Оказывается, Палван тяжело провинился, не сегодня-завтра по приказу хана его могут зарезать. Мой брат просил Шерназарбая помочь, но тот ответил: «Сестра ваша — жена уважаемого человека, пусть лучше не вмешивается...» Брат даже поругал меня,— Халджан-бика отшвырнула паранджу,— я обиделась на него. Всю ночь не могла заснуть!.. Оставьте, не печальтесь из-за такого пустяка. Пусть лучше Палван пеняет на себя. Да и кто он такой? Раб...

* * *

— Ну, приехала Якут-бика?— спросил у жены больной Ибрахим-ата.

— Да будет долгой ее жизнь... Сколько ей пришлось вытерпеть... Умоляла помочь отца, Абдулла-туру, он ей ответил: «На все для тебя готов, доченька, попрошу хана».— Айша отвела глаза, она собрала все свои силы, чтобы не разрыдаться: не дай аллах, чтобы умирающий муж узнал страшные слова Шерназарбая.

Жар мучил Ибрахима-ата. «Воды, воды...»— простонал он. Шернияз быстро принес воды, Ибрахим пристально посмотрел на младшего сына, из тусклых глаз его выкатилось несколько слезинок. Шернияз обнял отца, сказал ласково: «Атаджан, не плачьте, Палван-ага скоро приедет...»

Ибрахим-ата бредил всю ночь и к утру скончался.

Так и не довелось старику увидеть Палвана.

Похоронили его на кладбище около Дешавузбобо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Матчон-тура, узнав об исчезновении Джумагуль, пришел в ярость и послал к Пирнафасу аксакала.

Аксакал начал злобно:

— Говори, где она?

— Сами знаете, с кем она была помолвлена... А когда Палвана посадили в темницу, сказала: «Лучше умереть, чем жить без него». Мы ее утешали, а она ночью возьми да и уйди за калитку. Так и не возвратилась. Искали мы ее, искали...

— Врете,— крикнул аксакал,— сами устроили ей побег!

— Взрослой-то дочери?! Боюсь, как бы ее не убили плохие люди... Могла и в воду кинуться...— Пирнафас-ака, всхлипнув, отвернулся.

— Знал, что от хана свахи были?

— Породниться с ханом — ведь это счастье! Когда пришла мувардак-арба, она к Палвану ходила в темницу...

Аксакал сообразил, что прежде всего надо попробовать поискать Джумагуль у родственников Пирнафаса...

С двумя нукерами туры аксакал явился к Авазу.

— Джумагуль не видели?— спросил он поэта.

— Нет, не была. А что с ней?

— Да убежала куда-то...

— Как убежала? Куда? А вдруг ее поймали нукеры Джунаида? А вдруг ее увезли люди сотника Курбана?— забеспокоился Аваз.

Слова поэта произвели впечатление...

* * *

Аваз спрятал Джумагуль в доме кузнеца Сабира. Об этом пока знали только Пирнафас-ака, Мастура и Айша.

В последний раз Айша сказала Авазу со слезами:

— Авазджан, наш Ибрахим-ата умер, не увидев сына. Неужели и я его не увижу? Пропадет он там! Умоляю вас, помогите...

Аваз понимал, что, если бы проведали о том, что он скрывает Джумагуль, ему не миновать рук палача Джумёза. Ну, а если освободить Палвана... за это не только его, Аваза,— детей, весь род истребят. И все же после долгих раздумий он решил, что надо готовить побег. Посоветовался с кузнецом Сабиром и с Иваном Гавриловичем.

— Авазджан, можете положиться на меня, я открою все замки в этой темнице, вот только стражник...— сказал кузнец.

Иван Гаврилович коротко ответил:

— Я готов на все. Надо найти смелых йигитов, которые не побоялись бы даже смерти.— Иван Гаврилович вытащил из кармана маленький пистолет, повертел его в руках и сказал:— Это тоже пригодится.

— Сафаргалди, Пирнафас-ака, Салиджан, Бекджан, Маткарим...— стал перечислять Аваз.

* * *

Теперь на людях Аваз часто беседовал с муллаваччами, аккуратно молился в медресе. Кази-калян и улемы стали говорить с одобрением: «Аваз становится человеком...»

Поэт часто оставался в одной из худжр медресе, где жил муллавачча Сафо Мугани, с которым поэт был знаком с давних пор. Вместе они читали Навои, Бедиля. Сафо Мугани был очень худ, носил ичиги, пестрый чапан. Как-то, помешивая уже давно кипевшую шурпу, он сказал поэту:

— Сегодня я очень расстроился. Утром в наше медресе с вакуфных земель прислали пять баранов и два мешка риса. Четырех баранов сразу отправили в дом кази-каляна и весь рис — туда же. Одного барана зарезали, но мне даже и кусочка мяса не перепало. Так и остался с разинутым ртом... Спасибо, Аваз, что принесли еду, не знаю, как жил бы без вас.

— Вы еще не знаете многих тайн медресе. Вот в этой худжре напротив нас живет молоденький муллавачча, помните это? Так он только для вида муллавачча. На самом деле с этим безбородым развлекается кази...

Сафо Мугани недоверчиво посмотрел на Аваза.

— Когда все уснут,— продолжал поэт,— подойдите к этой худжре, прислушайтесь и во всем убедитесь сами. В медресе процветают пьянство и азартные игры, обжорство и разврат. Я бы сюда не приходил, если бы не вы, мой друг...

Друзья вместе поели вкусной шурпы. Потом Сафо Мугани при тусклом свете лампы прочитал свое стихотворение. Аваз слушал, кивая головой, сказал после паузы:

— Это мне нравится, но стихи надо писать для народа. Вы недовольны кази-каляном, который обирает вас, вот об этом и напишите. Вы читали мои «Улемы»?

— Нет, не слышал...

— За это стихотворение и ненавидит меня кази-калян.

Легли спать. Аваз быстро заснул. Чтобы убедиться в достоверности его слов, Сафо Мугани тихо поднялся, подошел к двери той самой худжры, прислушался. Среди других пьяных голосов выделялся визгливый голос молоденького муллавачча, которого сейчас, видимо, заставляли танцевать. Сафо Мугани брезгливо поморщился и поспешил вернуться в свою худжру.

* * *

Из тюрьмы, что около Куша-дарбаза и Нурлавой, многим удавалось бежать, но о том, чтобы кто-то бежал из темницы, что напротив Кухна-Арк, еще никто не слышал. Пройти через ворота внутренней и внешней крепости и не наткнуться на стражников, рыскающих в ночи, было делом почти невозможным.

Но недаром Аваз в последнее время так часто навещал своего друга Сафо Мугани. Ведь его медресе находилось совсем близко от Кухна-Арк, и Аваз имел возможность изучить все подступы к темнице... План побега во всех деталях был наконец готов.

* * *

Наступила назначенная Авазом ночь. Тихо вокруг. Темно — хоть глаз выколи. Салиджан стоит в условленном месте. Тихо отворилась дверь парикмахерской Аваза, и оттуда вышли Сафаргалди, Бекджан, кузнец Сабир и Маткарим. То ползком, то бегом, чутко прислушиваясь к звукам ночи, они стали пробираться к Кухна-Арк. Вот и стена темницы. Сафаргалди, пригнувшись, осторожно пошел вдоль стены, за ним двинулись остальные. Вот уже до двери темницы всего несколько шагов. Сафаргалди остановился, замер. «Кажется, храпит,— прошептал он. Все обнажили кинжалы, сабли. Сафаргалди бросился на стражника, зажал ему рукой рот и в то же мгновенье вонзил в грудь кинжал. Стражник не проронил ни звука. Сабир вытащил из его кармана ключи, открыл дверь. С зажженными свечами вошли они в темницу.

— Палван-ага,— позвал Бекджан.

— Кто это?

— Мы, мы пришли...— голос Бекджана задрожал.

— Брат...— вырвалось из груди Палвана.

Сабир без промедления принялся за свое дело: размыкал кандалы. В темнице кроме Палвана было еще четыре узника. Их тоже освободили.

Узникам казалось, что все это происходит во сне...

Вышли из темницы, первым — Сафаргалди, последним — Сабир. В условленном месте их встретил Салиджан. Затаив дыхание, пробирались они мимо медресе Мадаминхана к стене крепости. «Сюда, сюда!» Палван услышал голос Аваза, подбежал к поэту, крепко его обнял. Со стены свисала толстая веревка. Первым птицей взлетел наверх Салиджан.

— Никогда вас не забуду...— сказал Авазу Палван и тоже начал карабкаться вверх.

Последним поднимался Сафаргалди, и, когда он растворился в темноте ночи, Аваз стряхнул пыль с чапана и пошел в медресе к Сафо Мугани.

По ту сторону стены, внизу, беглецов встречали Иван Гаврилович и Пирнафас-ака. Со слезами на глазах Палван поблагодарил русского и простился с ним. Сабир тоже остался в городе. Теперь беглецам надо было преодолеть вторую, внешнюю городскую стену. Они подошли к ней по болотистому пустырю Шамолгох. Шагая по колено в грязи, добрались наконец до пролома в стене и очутились за городом.

Здесь Пирнафас-ака рассказал Палвану, что Джумагуль, тетя Мастура и Шернияз ждут их далеко в песках, в развалинах крепости Тешик-кала, куда он отвез их за три дня до побега.

— Друзья, выслушайте меня,— тихо сказал Палван,— хан будет преследовать всех нас. Так что одна у нас дорога... Все бежим в Тешик-кала?

— Теперь будем вместе,— послышалось в ответ.

Утром по Хиве пронесся слух: «Какие-то смельчаки убили стражника и освободили узников из темницы Кухна-Арк».

Шерназарбай, рыча на своих нукеров, велел взять под стражу всех подозрительных лиц. Схватили и Аваза, но после свидетельских показаний Сафо Мугани поэта выпустили на свободу.

По приказу Шерназарбая было увеличено число стражников у всех ворот города. Обыскали также все караван-са-

раи, все обители каландаров. Отправился на лошадях в погоню за беглецами отряд нукеров.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Взвихренный ветром песок колет лицо, забивается в уши, скрипит на зубах. Восемь человек идут цепочкой. Их следы расплываются на песке, исчезают, точно люди идут по воде. Недавних узников качает от слабости...

— Не могу, нет сил,— раздался стон.

— Вынес сорок мук, вынесешь и сорок первую...

— Когда мы придем?

— Еще не скоро, крепись...

Порозовел на востоке край неба, близился рассвет. Из-за бархана показался огромный огненный шар солнца. Среди этих однообразных, похожих на волны барханов ничего не стоит заблудиться, пропасть человеку. Но для Сафаргалди пустыня — это родина. Здесь он вырос. В этих же песках и в зной и в холод собирали саксаул Пирнафас-ака и Палван...

Все гуще становились заросли саксаула, все сильнее припекало солнце...

Беглецы, босые, с непокрытыми головами, все шли и шли за Сафаргалди. Воды — ни глотка! Мучительно жгло в горле. Беглецы часто падали и вставали уже только с помощью Бекджана или Салиджана. Сафаргалди шел впереди.

* * *

Можно было пройти мимо древней крепости Тешик-кала и ее не заметить. Остатки построек из сырцового кирпича были покрыты песком, поросшим верблюжьей колючкой и полынью. Рядом находился колодец. Люди сторонились этого места, ибо здесь, по преданию, обитали джинны. Сюда-то по совету Аваза и привез Пирнафас-ака свою семью.

...Уже под вечер Джумагуль заметила в волнах песчаного моря точки, которые то появлялись, то исчезали. Она тут же позвала мать и Шернияза. Шернияз взобрался на гребень ближайшего бархана, посмотрел вдаль из-под ладони и крикнул:

— Восемь человек идут!

Джумагуль испугалась. «Почему их так много? Значит, не свои». Велика же была ее радость, когда в высоком йигите, который опередил остальных, она узнала Палвана! Палван остановился в двух шагах от девушки. Обняться им не

позволял обычай. Мастура расплакалась. Палван крепко обнял своего младшего брата, расцеловал. Бекджан принес воды; путники пили, пили и никак не могли напиться. Наконец принялись за кукурузные лепешки, которые сейчас для голодных людей были желаннее самого плова. Насытившись, узники от души благодарили Сафаргалди и Пирнафас-ака.

— Братом и отцом стали вы для нас!

— Да принесут вам счастье ваши дети!

— Ну, теперь давайте знакомиться,— сказал Палван.

...Наутро беглецы принялись освобождать от песка древние полуразрушенные худжры. Они хотели приспособить их под жилье. Потом таскали воду, запасались дровами.

Поздним вечером Палван и Джумагуль сидели на гребне бархана. Внезапно Палван заметил вдали слабо мерцающий огонек. Он спустился вниз, разбудил Сафаргалди и Бекджана. «Видел костер. Пойдем посмотрим, что за люди». Друзья подбирались к костру медленно, осторожно, опасаясь засады. Неожиданно до них донесся лай собак, блеяние овец. «Значит, отара? Чабаны?»

У костра сидели три человека. Друзья подошли к ним, поклонились. Человек, поднявшийся им навстречу, крикнул вдруг:

— Не Палван ли ты?

— Рустам-ака!— обрадовался Палван.— Знакомьтесь, Бекджан — мой брат, Сафаргалди — друг.

Рустам-ака обнял всех троих.

— Не сразу даже узнал. Давно не видел я тебя. В кишлаке редко бываю — стадо не на кого оставить... Как живет Ибрахим-ата, как здоровье тети Айши, Шернияза?

— Отец умер...

— Да попадет душа его в рай, хороший он был человек. Мы слышали, что тебя, Палван, посадили в зиндан, убежал, значит?

— Вот они меня оттуда вытащили,— и Палван обнял одной рукой Сафаргалди, а другой — Бекджана.

— А теперь познакомьтесь с моими друзьями,— сказал Рустам-ака,— это Бердибай из Кята, он скрывается от Джунаида, а это Кусберган из Ходжейли...

Тут подошла к костру молоденькая девушка-каракалпачка с круглым личиком и узкими глазами, принесла в деревянной чаше шурпу.

— Это моя сестра,— произнес Кусберган.— Отец и мать у нас рано умерли, сестра стала служанкой, а я — пастухом... Бек Ходжейли увидел ее однажды и захотел подарить хану. Пришлось бежать в пустыню... Намучились мы, прежде чем нашли Рустама-ака.

Рустам-ака затянулся чилимом и обратился к Палвану:

— Ты хорошо знал Шермата и Яхшибая? Ну, тех, что земли лишились — Матчон-тура отобрал. Так они тоже скрываются, и недалеко отсюда — всего верст восемь будет... Там много и других йигитов. Один бежал от хана, другой от Джунаида, третий от своего туры, четвертый — из темницы... И все хотят отомстить... Да, натерпелся народ...— Я и сам — увидел бы сейчас туру, так бы и задушил.

Палван подумал: «Эти йигиты — смелые люди. Они готовы пойти не только на туру — на самого хана! Только надо кому-то собрать их всех...»

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

По требованию союзников Николай Второй бросал на фронт все новые и новые силы. Были мобилизованы русские, жившие в Турткуле, Ургенче и в Хиве. Послали на фронт даже ссыльного Ивана Гавриловича.

Ольга давно уже не получала писем с фронта: ранен муж, попал в плен, а может быть, убит,— неизвестно. Внезапно в дверь постучали. Почтальон принес письмо. Ольга дрожащими пальцами надорвала конверт.

«Милая Ольга! Прости, что долго не писал. Меня легко ранили, полежал в госпитале, а сейчас снова на фронте. Всем надоела эта проклятая война!

Милая! Как ты живешь, работаешь ли на заводе? Бываешь ли у Айманхан? Привет всем от меня. Поцелуй за меня Марию.

Твой Ваня».

Ольга еще и еще раз перечитывала письмо, плакала. А потом села за стол, исписала целых три страницы,— что работает портнихой, что дочь Маша уже ходит, что Аваз и кузнец Сабир заготовили ей дрова на зиму. А потом о Палване, что он поджег усадьбу Матчон-туры, разделил его имущество между бедняками...

* * *

Шло время. Палван и его йигиты, постепенно набираясь боевого опыта в стычках с нукерами хана, стали уже тревожить баев в окрестностях Хивы...

Джумагуль часто оставалась одна в войлочной юрте, которую Палван с помощью Сафаргалди поставил неподалеку от развалин крепости. По ночам, сверху, через отверстие в юрте светились яркие звезды. Палван приезжал обычно поздним вечером, но, как бы он ни устал, всю ночь был готов проговорить с Джумагуль. На этот раз он приехал днем. Джумагуль, встретившая Палвана у юрты, с испугом дотронулась до его левой руки, перевязанной платком из кисеи.

— Что случилось?

— Ничего, так, небольшое происшествие,— беспечно ответил Палван.

Она очень боялась этих «небольших происшествий». И попросила его рассказать обо всем.

— Понимаешь, три дня назад я узнал, что ясавулбаши вызвал к себе сотника Юсуфа и приказал ему доставить меня к хану живым или мертвым. Отец мой,— так теперь Палван называл Пирнафаса-ака,— говорил мне: «Не смей идти на Юсуфа, он опытный в этих делах человек, может погубить тебя». И все же я решил, что лучше напасть на Юсуфа как можно скорей, а то хуже будет. Сафаргалди и Кадырбай поддержали меня. За ними увязался и Бекджан, никак не могли его отговорить. Целый день пришлось ехать, к ночи добрались до кишлака Инак-туры и узнали, что Юсуф со своими нукерами пирует в его доме. Юсуфу, наверно, и не снилось, что мы можем нагрянуть,— не выставил даже караульных! Я им крикнул: «Руки вверх, кто шелохнется, застрелю!» Они все замерли, а потом один протянул руку к винтовке, пришлось его застрелить. Тогда все подняли руки, а Юсуф — все же смелый человек — кинулся на меня с кинжалом. Я его уложил, но левую руку он успел мне оцарапать.

Джумагуль гордилась своим мужем. «Не только за себя мстит баям Палван — за весь народ. Поэтому его и любят...»

— Палван-ага,— чуть слышно сказала Джумагуль,— у меня, наверно, будет сын...

— Сын?— обрадовался Палван и осторожно обнял жену...

Утром он опять уехал к своим йигитам.

* * *

До Аваза доходили слухи о действиях Палваиа — иародного мстителя. Одно время он подумывал — не податься ли и ему в Каракумы, биться с врагами с оружием в руках... Однако здоровье поэта ухудшалось, и он продолжал бороться с ханом и его приближенными своими стихами.

Высмеивая хана, ясавулбаши, следивших за ним шпиоиов, он писал свои стихи, придавая словам двоякий смысл. Но народ прекрасно понимал своего поэта.

Одно четверостишие Аваза попало в руки Шерназарбая, и он решил, что этих четырех строк достаточно для того, чтобы бросить поэта в темницу. Однако, прежде чем так поступить, он вызвал Сахиби.

— Прочитайте, за это Аваза надо живым в землю закопать.

Печальник я о времени своем,
Я — как слеза, что льется неустанно.
Да разве стихотворец я, Аваз?
Я — бритва острая для шеи хана.

— Уважаемый ясавулбаши, я не вижу здесь иичего плохого. Аваз пишет, что ои болеет за свой иарод, любит свой народ, поэтому хотел бы чем-нибудь услужить нашему великому хану. К тому же, таксыр, Аваз, как вы знаете, ие только поэт, но и парикмахер.

— Скажите Авазу, чтобы он не писал таких скверных стихов,— грозно предупредил Шерназарбай.

Сахиби пришел к Авазу домой.

— Вы, наверно, в самом деле сошли с ума. Однажды я уже спас вас от смерти, а тут вы еще такое написали...— накинулся он на Аваза.

— Может быть, прикажете мне вообще не писать больше стихов?

— Не упрямьтесь. Измучился я, защищая вас... До сих пор я делал все, что в моих силах. Теперь пеняйте на себя...

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Джунаид, вознамерившийся стать ханом всего Хорезма, сейчас был, как никогда, близок к своей цели, потому что большинство русских солдат из гарнизона Хивы отправилось на фронт, в Галицию.

Джунаид написал Исфандияр-хану письмо с требованием капитулировать.

— Если бы тут был мой богатырь, мой сокол Шерназарбай... Но он в Чарджоу,— молвил хан и посмотрел на своего главного визиря, Мухаммадвафо-караванбаши, который, почтительно сложив на груди руки, произнес:

— Ваше величество, надо посоветоваться с начальником Амударьинского отдела.

Через два дня главный визирь привез ответ: «Хорезм подчинен русскому царю. Мы не отдадим Хиву на разграбление ворам. Сил у нас, правда, маловато, но мы отправим телеграмму в Ташкент».

Утром 11 февраля 1916 года Джунаид начал наступление на Хиву, и его нукеры заняли ханский сад вблизи ворот Гандимиён. Начальник Амударьинского отдела послал против них две роты солдат и около восьмидесяти казаков. Воины Джунаида отступили под натиском русских солдат, но затем им снова удалось захватить сад. Между тем из Ташкента была получена телеграмма, что генерал Галкин уже в пути.

Перестрелка становилась все ожесточеннее, на Хиву, казалось, обрушился свинцовый дождь.

Начался штурм.

Нукеры Джунаида приставили к стенам высокие лестницы. Мало того, накинув петли на зубцы стен, они полезли вверх по веревкам. Многие из них под меткими выстрелами с криком летели вниз, но нападавших было много, в несколько раз больше, чем защитников. Нукеры Джунаида дрались саблями уже на стенах крепости, а скоро им удалось открыть и ворота... Полчища Джунаида хлынули в город и устремились к зимнему дворцу хана, который охраняли русские солдаты Актушина. Они заняли круговую оборону и даже не помышляли о сдаче, но появился переводчик и передал Актушину просьбу хана прекратить сопротивление. Тогда Актушин в полном порядке отступил и присоединился к русским солдатам, защищавшим почту и больницу.

Ближайшие помощники Шерназарбая, вместе с нукерами Джунаида на руках вынесли Исфандияр-хана из его гарема. У ворот дворца в окружении своих беков гордо сидел на коне Джунаид. Исфандияр согнулся в низком поклоне, дрожащим от страха голосом произнес:

— Слава и хвала богатырю.

Джунаид молчал. Тогда хан подбежал к нему, начал лобызать его руки...

— Возьмите денег сколько хотите, но пощадите мою жизнь!

И тогда Джунаид въехал в Нурлавой на коне! До сих пор никто не решался на такое. Исфандияр же, точно слуга, держал лошадь под уздцы. У веранды хан помог Джунаиду слезть, и тот сказал ему наконец тоном, не допускающим возражения:

— Шестьдесят тысяч манат!

Исфандияр мгновенно согласился. Нукеры приволокли за ноги главного визиря, Мухаммадвафо-караванбаши. Вслед за ним ввели казначея Абдуллабая и Кадырбергана, человека, близкого хану, полуголых, босых, со связанными руками. Трясясь от страха, опустились они на колени перед новым повелителем. Исфандияр согласился дать за них выкуп, но Джунаид крикнул:

— К собакам!..

Все трое были обезглавлены.

Джунаид отдал город на разграбление, предварительно разделив его на районы для того, чтобы отдельные отряды нукеров не передрались между собой.

Вопли, крики, раздирающие душу, раздавались в ту ночь до самого утра. Не щадили даже младенцев в их колыбелях-бешиках.

Сохранивший свою жизнь Исфандияр рабски прислуживал Джунаиду. «Мы ваш подданный теперь»,— говорил он. Начиная с этого дня Исфандияр и его приближенные звали Джунаида «Джунаид-хан».

Люди Джунаида отправили награбленное добро в Газават на двухстах верблюдах и ста арбах. Пять же верблюдов, нагруженных золотом и серебром, Джунаид послал в Бедеркент, где он строил для себя новый дворец.

Исфандияр сам надел на Джунаида златотканый чекмень, преподнес ему золотое оружие и шестьдесят тысяч манатов — выкуп за свою жизнь.

А русские солдаты, засевшие на почте и в больнице, попрежнему отбивали все атаки...

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Туркменские разведчики донесли Джунаиду о приближении русских войск генерала Галкина. А еще через два дня Джунаид потерпел крупное поражение у стен Хивы и был вынужден отступить в Газават.

Паляз-хаджи, Назир-кур и Хусаинбек выбрались из своих убежищ и отправились на поклон к Исфандияр-хану. Исфандияр, едва не сошедший с ума от радости, готовился

к торжественному обеду в честь генерала Галкина. Длинные столы, установленные в огромной зале, ломились от блюд...

Паляз-хаджи переводил хану каждое слово генерала. Первый тост подняли за здоровье белого царя, второй — за здоровье генерала Галкина.

— Сколько вы потерпели убытка от грабителя Джунаида?— спросил герой дня у Исфандияра.

— Не счесть, ваше превосходительство...

Генерал покачал головой и сообщил о предстоящей попытке посылки к туркменам карательных отрядов...

... 2 мая он доносил в Петербург:

«В ханстве полностью восстановлен порядок. Народ встречает хана по-прежнему. Нет никаких оснований полагать, что туркмены в ближайшие годы снова нарушат порядок. Для окончательной ликвидации бунта достаточно оставить в ханстве две дружины, две мелкие батареи и две особые сотни».

Объехав усмиренные города, Галкин отдал разоренное и униженное туркменское население на растерзание хану и возвратился в Ташкент. Джунаид бежал в Иран.

Исфандияр снова начал устраивать тои, предался разврату и пьянству. Теперь в его гарем доставлялись также и красавицы туркменки... Лишь одно известие тревожило в это время хана: Палван, о котором уже знал весь Хорезм, разбил наголову крупный отряд нукеров, посланный на его поимку. С Палваном теперь приходилось считаться — к нему десятками, сотнями стекались люди, разоренные Исфандияром и Джунаидом дехкане, ремесленники, чабаны...

Хан через глашатаев объявил, что простит Палвана, если он сдастся ему на милость... Не дождавшись ответа, хан пообещал, что тот, кто доставит ему голову Палвана, получит 50 тысяч таньга.

В конце месяца раджаб в четверг в Хиве началось затмение солнца.

День обратился в ночь. Поднялся ветер. Люди в панике побежали в мечети и медресе. На крышах, воздев длани, читали молитвы имамы, суфии и муллы. Стоны и плач раздавались отовсюду. «Светопреставление!»— кричали люди. Одни умоляли аллаха отвратить гибель, другие, уже не надеясь на спасение, прощались с родными и близкими.

Причину затмения кази-калян Мухаммад-Салим-ахун объяснил хану так:

— Аллах гневается на нас, ибо люди потеряли совесть, зарятся на чужое. Баи лишены щедрости, бедняки — терпения. Потеряли стыд женщины... Да сохранит нас аллах...

Хан ответил:

— Объявите имамам и муфтиям, что Палван, осмелившийся поднять на нас руку, может стать причиной гибели народа...

— Будет сделано, таксыр,— поспешил заверить казикалян.

Однако призывы улемов не могли отвратить народ от Палвана.

* * *

Палван обычно не задерживался долго на одном месте. Его йигиты вихрем налетали на кишлаки, захватывали у баев верблюдов и коней, раздавали их имущество беднякам... Потом отряд исчезал так же внезапно, как и появлялся.

Нередко Палван заманивал преследовавших его нукеров в пустыню...

Баи давно уже не осмеливались выезжать по ночам из Хивы. Но теперь на дорогах и днем было небезопасно.

Исфандияр-хан вынужден был послать за головой Палвана своего «сокола», своего «льва» Шерназарбая.

Впереди хорошо вооруженного отряда ясавулбаши ехали конные разведчики, которые то и дело натыкались на засады. В решающем ожесточенном сражении Шерназарбай потерял половину своих нукеров. Однако поредели и ряды йигитов Палвана...

Ясавулбаши не рискнул преследовать своего противника, отступившего в пустыню, возвратился в Хиву и доложил Исфандияру: «Мы разбили воров, уцелевшие бежали в Каракумы. Я привез в мешках отрубленные головы сотников Палвана. Предлагаю выставить их на шестах для устрашения народа».

... Ночью у перекрестка Амин вдруг раздались выстрелы, крики... Нукеры остановили троих ремесленников, бежавших со всех ног в сторону Нурлавой.

— В чем дело, что случилось?

— Палван наступает!

— Палван?!

И нукеры поспешили укрыться за крепкими воротами.

— Удалось... напугали. Давай, Маткарим, действуй быстрее...

Утром нукеры увидели на шестах вместо голов йигитов Палвана чучела, очень похожие на головы хана, Шерназарбая, Ашира...

* * *

В степях Багата, на озерах Хазараспа, в туркменских аулах и во многих других местах побывала Джумагуль вместе с Палваном. Она старалась повсюду следовать за ним. Никак он не мог уговорить ее пожить подольше с матерью и Шерниязом в каком-нибудь отдаленном кишлаке. Иногда Джумагуль одевалась по-мужски, бывали минуты, когда она брала в руки и винтовку, и кинжал. Однажды произошел случай, глубоко взволновавший Палвана.

— Понимаешь,— говорил он Сафаргалди,— жена спасла меня от смерти.

Джумагуль, поскольку рассказ был именно о ней, хотела уйти, но, уступая просьбе мужа, осталась.

— В тот день,— продолжал Палван,— я прискакал к юрте уже под вечер. Устал очень. Поел наскоро, только прилег на кошму — сразу уснул. Вдруг слышу, вроде кто-то говорит: «Палван-ага, Палван-ага». Мне показалось, что я разговариваю во сне. И опять: «Палван-ага, Палван-ага». Я открыл глаза — в юрте полно народу. А Джумагуль мне письмо протягивает.

Палван вытащил из кармана вчетверо сложенный лист бумаги. Сафаргалди покачал головой.

— Ты же знаешь, я не умею читать...

— А я это письмо на всю жизнь запомнил:

«Мы, доблестный Исфандияр-хан, доводим до сведения наших подданных, что разбойник Палванкул, сын Ибрахима, нарушил спокойствие нашего салтаната, выступил против нас. За голову злодея мы выделяем из казны сорок тысяч таньга. Кто же поймает его живым, получит пятьдесят тысяч таньга».

Я спросил, кто принес письмо. Пирнафас-ака ответил: «Тот, кто принес, валяется сейчас возле юрты». Я выскочил наружу. Смотрю, на земле кто-то лежит. Потрогал — мертвый! Я подтащил его к свету и узнал нукера Худойзара! А как все это получилось, пусть Джумагуль расскажет. Не смущайся, жена, что было — то было.

Джумагуль начала рассказывать:

— ... В ту ночь отец и Бекджан ушли, а Палван-ага уснул как убитый. Кроме него в юрте была только моя мать. А я пошла в соседнюю юрту, там раненые лежали, принесла я им лепешек, чаю... Один йигит-туркмен стонал сильно, я все сидела, утешала его. Было уже за полночь, когда я пошла в свою юрту. А мне навстречу мать — днем было очень жарко, вот она и решила ночью постирать раненым. Вдруг она говорит тихо: «Джумагуль, посмотри, что там такое?»

Я увидела какие-то две тени. Одна к нам приближалась. Что за люди? Я вбежала в юрту и выскочила оттуда с кинжалом. Мы с матерью легли на землю, притаились... А тот человек как будто исчез. Вдруг слышим — шуршит что-то. Пригляделись,— а это он ползет! А в зубах кинжал сверкает! У самой юрты этот человек выпрямился, взял кинжал в руку... Он пришел за головой Палвана-ага, подумала я. Только он хотел войти, а я тут же сзади со своим кинжалом подобралась... Ну, он упал... Тут мать закричала, потом все прибежали...— Джумагуль заметно покраснела, встала и пошла за чаем.

Она не знала ни минуты покоя. Готовила йигитам еду, стирала, ходила за ранеными... От тяжелой работы, от невыносимой жары у Джумагуль уже два раза были выкидыши. Забеременев снова, она решила дождаться ребенка у Айши.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

В январе 1917 года Исфандияр отправился отдыхать в Ялту. Его сопровождали брат ясавулбаши Сахибназар и Ашир. На время своего отсутствия хан передал всю власть в Хорезме кази-каляну и Шерназарбаю.

В Ялте Исфандияру предоставили красивый двухэтажный особняк с видом на море. Для увеселения хана Ашир не жалел золота.

— Ашир!— вызывал его Исфандияр.

— Слушаю, ваше величество!

— Вояка из тебя плохой, но красоток ты умеешь находить...

— Будет исполнено, ваше величество!

Из окна своего особняка хан ревниво выискивал изъяны в расположенном неподалеку великолепном дворце эмира бухарского.

— Если бы вы построили здесь к будущему году такой же дворец...— обратился он к Сахибназару.

— Построим, таксыр, да такой, что перед вашим дворец эмира будет точно караван-сарай,— ответил брат Шерназарбая.

Ашир приводил обещанных красавиц, которые в низком поклоне склонялись перед ханом. Исфандияр дарил им драгоценные ожерелья... Он чувствовал себя словно в своем гареме.

Но недолго наслаждался хан. В России грянула революция. Ему пришлось бежать из Ялты без генеральских погон,

ханских одежд. «Царя свалили, скоро и до меня доберутся»,— думал Иефандияр. Он опомнился только в Ташкенте, у генерала Куропаткина.

Лишь в Чарджоу, когда его встретил Шерназарбай, хан возблагодарил аллаха.

Весть о свержении белого царя распространилась по всему Хорезму.

Руководитель «Молодых хивинцев» Паляз-хаджи, прочитав в газете о Февральской революции, явился к Хусаинбеку, у которого уже сидели Аллакулибай и Назир-кур. Паляз-хаджи сказал еще с порога:

— Организовали Временное правительство.

— Очень хорошо, что многие министры из фабрикантов и заводчиков...— произнес довольный Хусаинбек.

В последнее время Хусаинбек сблизился со сторонниками Паляза-хаджи. Он считал их передовыми людьми государства, его опорой. Хусаинбек давал им для прочтения газеты и журналы, прибывавшие из Турции и Казани, показывал им письма государственных деятелей Турции, советовался с ними в политических вопросах.

— Теперь-то его величество хан будет считаться с нами,— не сдержал своей радости Аллакулибай.

— Наступил наш час, «Молодые хивинцы» должны показать себя. Необходимо создать назираты и поставить во главе их своих людей.— Паляз-хаджи поднялся с места.

— Хан останется на троне?— спросил Назир-кур.

— Хан останется, но мы ограничим его права. Будет конституционная монархия, управление государством должно перейти в наши руки,— сказал Хусаинбек.

* * *

Аваз и Сабир пришли в гости к холостяку Маткариму, жившему в сырой комнатке с маленькой верандой. «Аллах никак не может найти для меня жену»,— шутил он. Хозяин расстелил дастархан, заварил чай.

— Аваздждан, большого царя свалили, теперь и маленький не удержится?— спросил Маткарим.

— Да нет, пока, наверно, удержится,— отозвался Аваз.—«Молодые хивинцы» только хотят ограничить его власть.

— Тоже мне революционеры! Что у них общего с народом, у этих богатеев?

— Аваздждан, они и вас хотят привлечь к себе, оторвать от народа...— молвил Сабир.

— Пусть попробуют. Я им отвечу,— решительно сказал поэт.

* * *

Весть о свержении белого царя с быстротой молнии распространилась по всей пустыне. Йигиты Палвана, не знавшие подробностей событий, говорили: «Скоро упадет с ног и собака Исфандияр. Не напрасно мы ему мстим, сражаемся с его нукерами...»

Палван глубоко задумался: «Если хана не будет, но останутся Шерназарбай, Матчон-тура, кази-калян, то что для народа изменится? Эх, был бы тут Аваз-ага. Мудрый он человек, посоветовал бы дельное...»

* * *

Четвертого апреля 1917 года находившиеся в Хиве русские войска должны были присягать на верность недавно созданному в Петрограде Временному правительству. Младохивинцы через своих людей оповестили жителей города и окрестных кишлаков о том, что они должны явиться к дому диванбеги, главного министра Хусаинбека, для того, чтобы поздравить русских солдат.

Со знаменем, на котором было написано «Да здравствует Свобода, Справедливость и Равенство», толпа двинулась к казармам, к ней присоединялись все новые и новые люди.

Этой манифестацией младохивинцы хотели припугнуть хана, но в то же время не довести дело до восстания. Они знали, что население Хорезма бедствует, голодает и достаточно искры, чтобы вспыхнул пожар. Вместе с тем Паляз-хаджи и его единомышленники боялись и хана. Они посмели выступить открыто только потому, что заранее были уверены в поддержке русских войск. Солдаты-татары, присутствовавшие накануне манифестации на собрании младохивинцев, обещали им помощь от имени Совета солдатских депутатов.

Когда толпа подошла к казармам, Паляз-хаджи обратился к начальнику гарнизона полковнику Мульзанову с просьбой помочь провозгласить в Хорезме Свободу. Увидев, что явившаяся к нему с приветствием делегация состоит в основном из приближенных хана и даже его министров, Мульзанов приказал сотнику Истомину вместе с ротой 236-го полка Симбирской дружины сопровождать делегацию во дворец хана.

Исфаидияр-хан был напуган манифестацией, а еще более появлением русских солдат.

— Народ требует свободы, таксыр,— начал Хусаинбек.

— Вы ручаетесь за мою жизнь?— спросил хан растерянно.

— Ваша жизнь в безопасности,— заверили хором «Молодые хивинцы».

— Ваше величество, ваши подданные просят у вас свободы,— низко поклонившись, сказал Паляз-хаджи.

— В чем выражается эта свобода?— Хан понемногу иачал приходить в себя.

«Молодые хивинцы» переглянулись и, удалившись в диванхана, составили там проект манифеста, который и был вручен хану.

Исфандияр сразу же согласился создать новое правительство.

Чтобы лучше выглядеть в глазах простых людей, Паляз-хаджи просил хана арестовать иескольких наиболее ненавистных народу сановников.

В конце концов хан удовлетворил и это требование.

В манифесте хан давал свое согласие на образование в Хорезме конституционной монархии. В нем говорилось: «Верные хану подданные могут избрать правительство, которое должно утвердить в качестве визиря и других должностных лиц мудрых и справедливых людей. Они будут получать жалованье из казны. Для наблюдения за деятельиостью администрации визиря утвердить комитет из тридцати человек».

После одобрения проекта кази-каляном и другими высокими чинами хан подписал манифест и удалился в свой гарем.

Для вида были проведены выборы, в которых народ, разумеется, никакого участия не принимал. На все должности были избраны баи, беки, крупные собственники. Среди них было немало верных хану людей.

Бобо-ахун стал главой правительства, Юсуф-ахун — его заместителем, Хусаинбек главным визирем, Паляз-хаджи — назиром, министром иностранных дел, Джуманияз Бабаниязов — назиром хозяйства. Баи были довольны таким правительством. Деятельность его не шла дальше оказания помощи учащимся медресе. Оно не посмело даже потребовать из казны денег, необходимых для оплаты проекта железной дороги. Казиой по-прежнему распоряжался хан.

Несказанно разбогател главный визирь Хусаинбек. Манифест остался для народа пустой бумагой. Ясавулбаши попрежнему был в непосредственном подчинении у хана.

* * *

Халджан-бика под разными предлогами все чаще стала бывать в доме Шерназарбая. Неожиданно обнаружилось ее «родство» с матерью ясавулбаши. «Нежными чувствами» воспылала она и к своим новым подругам — женам Шерназарбая. Стоило появиться Халджан-бике у своей новой «родственницы», как сразу же разводили огонь в тандырах, готовили всякую снедь. Ее провожали отдохнуть в красиво убранную комнату, куда в любое время мог заходить ясавулбаши.

Однажды он сказал ей:

— Госпожа, Палван не дает покоя не только мне, но и вам. Он поджег ваш дом в кишлаке, теперь он может поджечь дом вашего отца... Его надо поймать. Этот вор навещает свой родной кишлак... Вы можете помочь мне...

Приехав домой, Халджан-бика сказала своей няне:

— У меня дело к Палвану. Если увидишь его самого или его людей, сразу же дай мне знать. Я тебя награжу.

Дней через пять няня сообщила своей госпоже, что Джумагуль родила сына, которого назвали Баходир. Халджан-бика немедленно одарила няню своим почти новеньким платьем и спросила:

— А где она сейчас?

— В бывшем доме Салиджана...

Нукеры Шерназарбая ночью оцепили дом, перемахнули через низкий дувал и очутились во дворе. Они сразу связали Джумагуль веревкой. Больная Айша умоляла в отчаянии: «Пожалейте хоть внука, ведь грудной он». Баходир проснулся в бешике, залился плачем. Нукеры устроили в доме засаду, а Джумагуль увезли в Хиву.

Весть об этом быстро распространилась по кишлаку. Матчон-тура ликовал: «Теперь он и сам попадется в ловушку». Бедняки горевали, жалели Джумагуль, проклинали Шерназарбая.

Старуха Нияз, встретив Палвана, предупредила его об опасности: «Это Халджан-бика выдала».—«Поклонитесь от меня матери, поцелуйте за меня моего Баходира»,— сказал Палван и, повернув коня, умчался ветром.

Узнав о похищении Джумагуль, Пирнафас-ака будто окаменел. Страшные картины вставали перед его глазами... Плакала и стонала Мастура.

«На коней!»— крикнул Сафаргалди.

Через два дня от дома Шерназарбая в Гандимиёне осталось одно воспоминание, все имущество его было роздано беднякам.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Последние события в Хиве не доставили Исфандияр-хану особой тревоги. «В манифесте написаны громкие слова,— рассуждал он.— Но пусть они только попробуют сделать что-нибудь мне во вред — я им головы отрублю...» Вообще же хан имел все основания быть довольным: казна по-прежнему оставалась в его распоряжении, он не потерпел никакого убытка...

Аваз говорил своим друзьям:

— Конституционная монархия ничего не изменила, народ страдает, как и прежде. Правительство и хан — заодно.

По городу распространилось стихотворение поэта:

В отчаянье и тьму вы ввергли наш народ
Жестокостью своей и черными делами.
За горечь этих дней, насилие и гнет
Вы нам ответите, склонившись перед нами.
И солнце правды — верь, Аваз,— взойдет,
Не будет же оно всегда за облаками.

Бобо-ахун написал хану: «В этом стихотворении поэт Аваз выступает против правительства конституционной монархии. Пока он вовсе не сошел с ума, надо принять срочные меры».

Как ни бессильно было «правительство конституционной монархии, оно все-таки тяготило Исфандияра. Хан часто советовался с генералом Мирбадловым, которого отрядил к нему Куропаткин. Однажды во время беседы генерал спросил:

— Не ограничивает ли вашу власть Паляз-хаджи?

Хан замялся.

— Ну что ж,— проговорил многоопытный генерал.— Если вы согласны, я предприму кое-какие меры.

— Мы не забудем ваших услуг...

— Если законны только ваши приказы, кому нужно это правительство?..

— Вполне согласен с вами, но как его распустить?

Генерал погладил ладонью седую бороду и сказал, поигрывая тростью:

— Очень даже просто...

Однако затем он пояснил, что торопливость в этом деле может повредить, что надо заручиться поддержкой казикаляна...

«Пусть перегрызутся между собой,— подумал хан,— мне же лучше будет».

Однажды на одном из затянувшихся заседаний нового правительства генерал спросил у председателя:

— Можно ли по шариату совершить намаз без имама?

Бобо-ахун никак не мог понять, с какой целью был задан этот вопрос.

— Господин генерал, должно быть, ни один народ не станет оскорблять свою религию,— ответил Паляз-хаджи.

Неизвестно было, удовлетворился ли Мирбадлов этим ответом. Однако после заседания он пригласил к себе казикаляна.

— К чему еще какое-то правительство, когда есть хан? Не может ли двоевластие привести к беспорядкам?

— И я того же мнения, таксыр... Мы, сторонники хана, эти разговоры про свободу не понимаем,— ответил казикалян.

— Но в таком случае надо действовать...

И, начиная с этого дня, муфтии и аглямы, имамы и ишаны в своих проповедях стали намекать на несоответствие конституционной монархии законам шариата...

Хан встретил пришедшего для отчета Хусаинбека более чем равнодушно. Он спешил к красавице, которую Ашир доставил из Шавата. Невольницы уже одели и умыли ее, подготовили для встречи с повелителем.

— Не позволите ли сказать всего одно слово...— произнес Хусаинбек.

— Только поскорее...

— Жена вора Палвана Джумагуль ни на один вопрос не отвечает...

— Я приказываю отрубить ей голову...

— И мы того же мнения, ваше величество. Мы приняли уже решение,— угодливо улыбнулся Хусаинбек.

Слова «Мы приняли уже решение» очень не понравились хану...

* * *

Джумагуль заковали в кандалы и заперли в тайное подземелье дворца. Допрашивал ее сам Шерназарбай.

— У тебя грудной ребенок, подумай о нем. Скажи, где Палван, и тебя сразу же отпустим...

— Палван в Каракумах...
— Подумай о ребенке,— снова повторил ясавулбаши.
Джумагуль молчала.
— Где Палван? Говори!
— Что хотите, то и делайте. Я погибну, как Асилджан... А Палван все равно вас всех повесит...
Разъяренный Шерназарбай ударил ее ногой...

* * *

Йигиты Палвана поймали отца Халджан-бики, привязали к дереву и избили, а затем подожгли его дом... Вторая жена туры решила отомстить за это хотя бы матери Палвана. Однако она с удивлением узнала, что нукеры Шерназарбая не смогли уследить за ней, убежала Айша с ребенком на руках... Тогда любовница ясавулбаши во всеуслышанье начала проклинать «раба Палвана».
— Я уничтожу весь его род. Отомщу за отца!
— Что посеешь, то и пожнешь,— не выдержав, сказала Якут-бика.
— Что вы сказали?
— Есть другая пословица: «Не рой другому ямы...»
— Так-так... Я горюю, страдаю, а она говорит такое... Желаешь раба Палвана, а? Провались ты, дочь наркомана.— И Халджан-бика побежала к свекрови.
— Я знаю, кто помог бежать вашей служанке Айше.
— Кто же это?— спросила свекровь.
— Чтоб она сгорела. А еще помню, когда посадили в темницу раба Палвана, зашла она ко мне и говорит: «Сестричка, ваш брат, оказывается, дружок Шерназарбаю, не помогут ли они его освободить...»
— Да кто же она?!
— Тихоня наша, Якут-бика! Даже язык не поворачивается назвать ее бикой...
Свекровь ворвалась к Якут-бике и начала:
— Колдунья, дочь вонючего туры, да ослепнут твои глаза! Это, значит, ты, да падут все несчастья на твою голову, сделала своим любовником раба, дала убежать служанке Айше! Ну погоди, вот приедет сын... Привяжут тебя, проклятую, к хвостам лошадей... А пока вот тебе, вот тебе,— посыпались удары... Халджан-бика ликовала, наблюдая за этой расправой.
Ближе к вечеру явился Матчон-тура. Рассказ матери подлил масла в огонь его злобы. Через минуту он предстал перед Якут-бикой со сжатыми кулаками.
— Бейте и вы...— тихо сказала она.

Но тура бить не стал.
— Уч-талак...— произнес он.
Якут-бика, услышав долгожданные слова, гордо подняла голову и вышла из комнаты.
— Вы добились своего, так подавитесь же вашим турой!— сказала она старшим женам и стала собирать свои вещи.

* * *

— Сегодня к нам в гости пожалует Шерназарбай,— объявил тура Мадраиму.— Вот деньги, ступай на базар, купи все, что надо!
— Будет исполнено, господин.
Продолжая отдавать распоряжения другим слугам, Матчон-тура увидал у окна няню Халджан-бики, которая стояла, глядя в землю.
— Что, старуха, пригорюнилась?— спросил он.
— Плохо себя чувствую, господин...
— Слышала, завтра зарежут жену разбойника — Джумагуль...
Старуха закрыла лицо руками.
— Да, будет вам завтра зрелище...— И тура направился к Халджан-бике.
«Что же это я наделала?— думала няня.— За что же казнят эту бедняжку? Она-то в чем виновата? И это я, старая дура, ее выдала... Лучше уж самой умереть, чем увидеть, как ее казнят...»
Нукер Мадраим встретил на базаре Маткарима, который ударил его по плечу и сказал:
— Я слышал, ты хочешь жениться на старшей жене туры. Поздравляю!
— Потише, Маткарим, люди услышат, что могут подумать... Ты почему ушел от своего хозяина?
— А ты что за меня беспокоишься? Я не пропаду. Все могу делать: я табиб,— хочешь, пробью тебе голову — мозгов прибавлю. Я ткач,— для таких, как Матчон-тура, тку саваны. Я гробовщик,— умрет твоя бика, обращайся ко мне. А потом я кузнец — кую кандалы для хана. Так что без дела не останусь, голодать не буду,— быстро выпалив все это, Маткарим ткнул кулаком в живот нукера.
Тот сказал сквозь смех:
— Сегодня у нас той. Приедет Шерназарбай. А завтра на площади Кухна-Арк казнят жену Палвана...
— Джумагуль!..
— Идем, водка есть...

— Подожди меня здесь...— И Маткарим, действуя грудью и локтями, стал выбираться из толпы.

— Ты куда? Куда так спешишь, Маткарим?— кричал ему вслед Мадраим.

— Иду со свадьбы на панихиду тетки хана...— отвечал шутник... Он спешил к Сабиру.

Сабир велел ему немедленно скакать к Палвану.

— Лишь бы вернул мне лошадь живой,— сказал сосед, одалживая коня.

— Не путай меня с Шерназарбаем,— ответил Маткарим.

Вечером в доме Матчон-туры Халджан-бика любовалась Шерназарбаем.

Он рассказывал, как ему удалось схватить Джумагуль, какие пытки он применял к ней, чтобы заставить заговорить. Как умоляла она показать ребенка...

— Показали?— спросил имам.

— Плетку я ей показал...

Халджан-бика пошла к себе в комнату. Там, с пиалушкой в руке, сидела няня.

— Что ты тут делаешь? Иди скорей, посмотри на дорогого гостя, такой статный...— не смогла сдержать своей радости Халджан-бика.

— Успею,— тихо ответила няня.

— Пить хочу. У тебя там что, чай?

— Да...

Няня дрожащими руками протянула ей пиалушку, которую, видно, только что хотела выпить сама. Халджан-бика отхлебнула и вдруг изменилась в лице, схватилась за грудь. Старуха успела выхватить у нее из рук пиалушку.

— Теперь-то уж вас никогда не будет мучить жажда, да и я никогда больше не обманусь.— И няня, выпив залпом остатки чая, упала как подкошенная. Халджан-бика пыталась кричать, звать на помощь, но из груди ее вырывался лишь хрип. На лице выступил холодный пот. Никто не слышал ее. Кое-как доползла она до порога и тут, забившись в судорогах, испустила дух.

Проводив гостя, Матчон-тура зашел в ичкари к женам. Халджан-бику он сегодня хотел порадовать золотым перстнем. Открыв дверь, он чуть не споткнулся о ее тело. Тура замер от ужаса.

— Сюда!— заорал он.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Часа в три ночи Маткарим подскакал к юрте, спросил у йигита:

— Палван здесь?

— Зачем тебе?

— Скажи, что приехал Маткарим. Срочное дело!

Услышав знакомый голос, Палван вышел, крепко обнял друга и повел в юрту. Там сидел около лампы Салиджан и рассматривал какие-то бумаги.

Горел очаг, кипела вода в чугунном кувшине. В глубине юрты висели сабли, винтовки. На войлочном полу лежал патронташ. Из кобуры Палвана высовывалась сверкающая рукоятка револьвера. Внезапно вошел и поклонился Бекджан. Маткарим помнил его подростком, а теперь это был зрелый воин, закаленный в боях.

— Джумагуль — сегодня на площади,— коротко сказал Маткарим.

Палван сразу же все понял и выскочил из юрты. «По коням!»— раздался его голос. «Лишь бы не опоздать»,— думал Палван.

Глашатаи уже с утра иачали объявлять о предстоящей казни Джумагуль.

Ремесленники, дехкане, пришедшие иа базар, отворачивались друг от друга, качали головами...

Назир-кур сидел в лавке над счетами и выговаривал своему молодому приказчику:

— Ну что ты иос повесил? Мало ли там режут и вешают злодеев. А вот тут у тебя иедостача. Сколько раз я тебе говорил — надо беречь каждую таньга, потому что она породит десять таньга!

Приказчик, казалось, ие слышал своего хозяиина. В это утро много людей были заняты одной мыслью: иеужели казнят женщину?

На рассвете Шериазарбай спустился в подземелье к Джумагуль, прочитал ей хаиский указ, спросил, глядя на нее исподлобья, иет ли у нее какой последней просьбы.

* * *

Маткарим, поотставший на своей лошади от йигитов Палвана, думал только: «Лишь бы успели, лишь бы успели».

На площадь стекался народ. Дети залезали на крыши.

Джумагуль вели без паранджи, со связанными руками. Встречные плакали в открытую, вытирали слезы.

Джумагуль вступила на площадь с гордо поднятой головой. Нукеры едва удерживали толпу. Джумагуль подвели к яме... Палач Джумёз стоял наготове, вытащив из ножен кинжал. Закричала от боли душа кузнеца Сабира: «Неужели не успеют...»

Вопреки обычаю, ни Исфандияр, ни Шерназарбай не вышли на площадь, страшась гнева народа.

Кази-калян зачитал во всеуслышанье ханский указ:

— «Мы, хивинский хан Саид Исфандияр, повелеваем: простолюдин Палванкул, сын Ибрахимкула, поднял оружие против нашего салтаната, нарушает спокойствие и благоденствие наших подданных, живет тем, что грабит наших тура и баев. Этому безбожнику помогала его жена Джумагуль. Мы считаем необходимым, чтобы Джумагуль, дочь Пирнафаса, была казнена,— может быть, это послужит примером ее мужу-разбойнику, в чем и подписуемся и ставим печать».

Кази-калян, сложив указ вчетверо, засунул его в складку чалмы и обратился к Джумагуль:

— Хочешь сказать что-нибудь?

— Отцы и матери, братья и сестры!— зазвенел голос Джумагуль.— Прощайте! Не забывайте свою дочь!

Она подошла к краю ямы, опустилась на колени. «Прощай, Джумагуль, мы отомстим за тебя!» — крикнул кто-то. Люди плакали, отворачивались, чтобы не видеть действий палача.

Палач одним взмахом отрезал черные косы Джумагуль и поднес лезвие кинжала к ее горлу.

Только он успел свершить свое черное дело, на площадь ворвались конные йигиты. Поднялся крик, шум, началась перестрелка. От удара Палвана голова палача покатилась в яму... Бекджан и Сафаргалди подняли с земли тело Джумагуль.

Через мгновенье они уже пустили лошадей вскачь...

* * *

— Ваше величество, какое счастье, что там не было нас с вами. Слава аллаху, он сам уберег нас,— говорил, задыхаясь, Шерназарбай хану.

— Не догнали бандитов?

— Пока наши нукеры выводили коней, они уже выбрались из города. Чернь помогла им, закидала камнями стражников у ворот...

Хан исподлобья посмотрел на него, махнул рукой и пошел в гарем. Он направился к Одилбике.

— Царица моя, вы все такая же грустная... Чем вы недовольны, чем обижены?— ласково обратился к ней хан. Одилбика стояла, опустив голову. Хан заговорил снова:— Ваш брат Абдусалям-Ходжа — умный человек, он приумножает богатства вашего отца, со временем займет его место при дворе... Чем же вы недовольны, царица моя?

— Благодаря правительству вашего величества...— нехотя сказала Одилбика.

Ее брат и дядя старались держаться подальше от хана. Свои поля, которым, казалось, не было конца и края, они засеяли хлопком и уже давно с лихвой возместили те четырнадцать тысяч... Они достроили также завод, оставшийся после Ислам-Ходжи. Чтобы не вызывать излишних подозрений, они не вступили даже в группу «Молодые хивинцы»... Денег у них было уже, пожалуй, больше, чем в казне, и хан завидовал им. Брат и дядя Одилбики вели себя очень осторожно, и Исфандияр никак не мог придумать, из-за чего бы к ним придраться.

— Я хотел сам пойти к Абдусалям-Ходже, поздравить с новым заводом, но... столько забот... Я прошу вас, поздравьте их от моего имени. Госпожа моя, тяжелые времена настали, Джунаид вернулся из Ирана, собирает войско... А тут еще Палван не дает покоя, поджигает, разоряет дома баев. Скажите брату и дяде, чтобы они были поосторожнее, не попались бы к нему в руки... Вчера этот разбойник убил средь бела дня моего палача...— И, проявив таким образом «заботу» о родственниках жены, хан оставил Одилбику.

* * *

Йигиты ехали всю ночь и привезли тело Джумагуль в один из отдаленных кишлаков. Из-за барханов поднималось багровое солнце. Обезумевшими глазами смотрела в одну точку Мастура. Всхлипывал в отчаянии Пирнафасака. Обняв дерево, безутешно плакал Шерниияз...

Гроб плыл над головами людей, словно лодка по волнам моря. «Умерла наша дочь»,— говорили старики.

Народ простился с Джумагуль.

* * *

По приказу хана Исфандияра людей, подозреваемых в сочувствии к Палвану, посадили в темницы. Стали разыскивать кузнеца Сабира, но он успел бежать вместе с семьей в Турткуль. В десять часов вечера все городские

ворота накрепко запирались. Увеличено было также число стражников. Все эти меры очень понравились деятелям нового правительства. «Хан прав. Народ надо держать в руках...»— говорили они.

Шпионы Шерназарбая рыскали по кишлакам, выслеживая Палвана.

Хан решил также, что оставлять сейчас Аваза на свободе было бы опасно. Он вызвал к себе кази-каляна.

— Вы знаете, что Аваз продолжает смущать народ своими стихами? С этим надо покончить.

— Я вас слушаю, ваше величество,— оживился кази-калян.

— Насчет Аваза посоветуйтесь с ясавулбаши. Он вам поможет.

Шпионы Шерназарбая стали рыскать вокруг дома Аваза. Однажды вечером, когда Аваз возвращался домой, нукеры внезапно напали на него, избили и приволокли к кази-каляну. Когда поэт предстал перед верховным судьей, одежда на нем была порвана, лицо в крови. Кази-калян отвернулся от него и произнес:

— Аваз снова сошел с ума, скорее отдайте его Бобоишану, пусть он закует его в кандалы.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Иной раз хан словно бы в шутку бросал деятелям нового правительства: «это из-за вас такие беспорядки в ханстве». Не ограничиваясь разжиганием национальной розни между узбеками, туркменами и каракалпаками, он хотел также натравить друг на друга и отдельные туркменские племена.

— Как дела у Шомми Лысого?— спросил хан у Ашира.

— Недавно он напал на узбекские кишлаки около Гурлена и разорил соседний туркменский аул. Он очень благодарен вам, ваше величество,— ответил Ашир.

— Еще бы не быть ему благодарным! Я думаю, от одного Шомми Лысого у наших конституционалистов голова идет кругом, а?

— Вы правы, ваше величество, они не знают, что делать. Слышал, многие из них говорят: «Хан и государством управляет, и порядок поддерживает. А у нас одна только болтовня».

— Вот это письмо пошли Шомми Лысому, но только смотри, чтоб никто не узнал. И денег тоже пошли. А этих, кто жаловаться на Лысого пришел, направь к Хусаинбеку.

У Хусаипбека, главного визиря, жалобщики ничего не добились.

Уже не первый раз через посредство Ашира к Шомми Лысому тайно переправлялось оружие и деньги. В ответ на такую заботу Шомми Лысый ничего без советов хана не предпринимал...

Паляз-хаджи принес главному визирю целую стопу жалоб:

— Уважаемый Хусаинбек, прочитайте вот это. Народ обвиняет нас в бездействии. Люди пишут: «Нет нам жизни от Шомми Лысого, а вы нас не защищаете...»

— Не верьте словам смутьянов...

Паляз-хаджи рассказал, что вернувшийся из Ирана Джунаид согласился воевать против Шомми Лысого, он попросил только оружия и продовольствия.

— Что вы на это скажете?

— Очень хорошо,— ответил Хусаинбек.— Баи и купцы должны принять участие в этом деле, надо уговорить народ оказать помощь Джунаиду. Я думаю, что хан нас поддержит.

Прошло немного времени, и деятели нового правительства начали собирать деньги для закупки продовольствия и оружия. При этом говорилось, что Джунаид хочет дружить с узбеками и поэтому он идет против Шомми Лысого.

«Значит, еще раз попадем волку в зубы»,— сокрушались люди.

Тех, кто отказывался помогать Джунаиду, заносили в специальные списки, наказывали. Каждое сословие должно было внести для закупки оружия три тысячи манатов, каждый дехканин — сорок таньга.

Таким образом, Джунаид каждый день получал зерно и деньги. Вскоре, купив за границей две тысячи винтовок и тысячу берданок, он со своими нукерами пошел на Шомми Лысого, и снова пролилась кровь двух враждующих туркменских племен...

Народ с каждым днем все больше убеждался, что новое правительство ничего по существу не значит, ни силы у него, ни власти. К тому же между конституционалистами начались распри. Бобо-ахун отказался от поста председателя.

А вскоре хан решил и вовсе покончить с ними. Ощутив опасность, Паляз-хаджи, Назир-кур и Джуманияз бежали через Аральское море в Ташкент. Хусаинбек был арестован. В это время большинство русских солдат, присягнувших Временному правительству, находились в Чарджоу, Мары и Ашхабаде.

Между тем силы Джунаида росли с каждым днем, и Исфандияр после долгих размышлений решил предложить ему свою дружбу. Он вызвал к себе своего родственника Матчон-туру и дал ему секретное задание. Тура ночью тайком выехал из Хивы и скоро добрался до кишлака Бедиркент, где стоял Джунаид.

Тура, вытащив из хурджуна чапаны, знак милости хана, надел их на Джунаида и его сына Эшши. Затем передал слова своего повелителя:

— Их величество сказали: «Поклонитесь нашему богатырю, я забываю вражду, пусть забудут и они. Неверные поднимают голову. Надо защитить нашу общую веру — ислам. Хан Джунаид — наш человек, мы ни в чем не откажем ему. Пусть Эшшибай приедет в Хиву. Он будет нам сыном».

Джунаид не верил, конечно, в дружбу Исфандияр-хана, однако он понимал, что союз с ним мог быть ему полезен. Первый советник Джунаида Хан-ишан, прибывший из Кухна-Ургенча, выслушал предложение Исфандияра и сказал, перебирая четки:

— Нам нужен союз против неверных...

Джунаид согласился послать сына в Хиву.

Через неделю Эшши прибыл к Исфандияру. В Нурлавой для него поставили юрту, дали слуг. Этот высокий сильный человек лет двадцати пяти был, как и его отец, убийцей по натуре.

Исфандияр же как раз ломал голову над тем, каким способом избавиться от сына и брата Ислам-Ходжи. Как прибрать к рукам их богатство? Он решил посоветоваться с Аширом.

— Ашир,— сказал он,— до каких пор ты будешь заигрывать с родичами Ислам-Ходжи? Ведь ты знаешь, что они меня ненавидят.

— Понимаю, ваше величество...

— А что, если Эшши...

— Только ему можно поручить это дело.

В этот же вечер Ашир отправился в Нурлавой, где Эшши играл в пачиз с Шерназарбаем и Матчон-турой. Эшши то и дело вытирал пот со лба: он проигрывал. Ашир, поднаторевший в подобных развлечениях, присоединился к нему, и в паре они очень быстро отыгрались.

— Вот вам ваша половина, ага,— подвинул деньги довольный Эшши.

— Я для вас старался,— промолвил старый хитрец.

Чуть позже Ашир пришел к нему в юрту и, вручив кошелек с золотом, намекнул, что хану неугодны два человека — Абдусалям-Ходжа и Исхак-Ходжа.

— Ну что ж, я отправлю их на тот свет,— ответил Эшши.

Действительно, очень скоро он заманил несчастных в пустыню и зарезал их там.

Хан сказал Аширу:

— Убил Эшши. Мы тут ни при чем. Теперь бы Палвана... Ну, с тебя достаточно и твоей заботы о гареме. Это дело я поручу Шерназарбаю и Эшши.

Услышав страшную весть, Одилбика пронзительно закричала, стала рвать на себе волосы.

Хан стал было ее утешать:

— Красавица, царица моя, я сам убью этого Эшши, отомщу за кровь моих близких...

Одилбика обожгла хана пылающим взором.

— Благодаря моему отцу вы взошли на престол, и вы же убили его. Вы посадили в тюрьму брата, дядю... закопали в землю Рахимбергана: все я терпела. Рабыню за рабыней доставляли к вам в гарем. И это терпела! А вы погубили весь мой род, я одна осталась! Убейте и меня, зарежьте, повесьте! Не могу больше на вас смотреть.

Хан изменился в лице, попятился. Он, считавший себя владыкой Хорезма, не мог заставить замолчать эту женщину. Ему показалось на миг, что устами ее говорят все погубленные им люди.

— Почему молчите, ваше величество?— подступая к нему, продолжала Одилбика.— Или онемели от правды? Сердце у вас каменное, душа ледяная. Вы всю мою кровь высосали. Возьмите же и мою жизнь. Не боюсь я смерти, на все готова, только чтоб не видеть это мерзкое лицо, эти подлые глаза. Приказывайте, палач!

«Она сошла с ума»,— подумал хан.

Одилбика выхватила из складок шелкового пояса кинжал, подступила к нему. Хан пришел в ужас.

— Вот же вам!— и она вонзила кинжал себе в грудь.

Кази-калян не разрешил хоронить самоубийцу, сказал, что «грех будет». Тело Одилбики Ашир вывез за город и зарыл недалеко от дороги.

Богатства Абдусалям-Ходжи и Исхак-Ходжи хан присоединил к своей казне. Щедро был награжден Эшши...

* * *

Якут-бика беспокоилась, как ее примут дома,— ведь она ушла от туры с пустыми руками, он ничего ей не выделил.

— Что случилось, дочь моя? Почему такая грустная?— произнес отец ее, Абдулла-тура, раскуривая чилим.

— Муж дал мне развод.

— Почему?

— ...

— Почему ты молчишь?

— Другие жены оклеветали меня... Халджан-бика...

— Видно, так уж устроен мир... Все жены — соперницы. Мы тебе не чужие, ты пришла в свой дом,— и Абдулла-тура обнял дочь.

Якут-бика снова стала жить в отцовском доме.

Однажды пришла в гости к ней из Пишканика старуха Нияз, ее бывшая няня.

— Ты не знаешь, где сейчас живет Айша?— сразу спросила Якут-бика.

— У одного татарина, милая. Прислуживает ему, зарабатывает себе на хлеб. А внук-то у нее растет...

Якут-бика немного посидела с няней, угостила, напоила чаем, а прощаясь, протянула ей десять таньга:

— Возьми себе четыре, а шесть отдай тете Айше да уговори ее отпустить с тобой в следующий раз Баходира. Я его видеть хочу...

Недели через две старуха принесла мальчика. Якут-бика никак не могла на него наглядеться, все целовала, ласкала...

* * *

— Я слышал, они совсем измучили Аваза. Бобо-ишан не только в кандалах его держит — бьет каждый день... Боюсь, как бы не умер...— говорил Сафо Мугани поэту Чокару.

— Какой изверг!

— Сколько раз я говорил Авазджану: будь поосторожней, не дразни придворных... Ведь убить могут. Не помогло...— промолвил Сахиби.

— Вчера я увидел Шерназарбая, сказал ему: «Ага, довольно вы помучили поэта, кандалы и подземелье он не вынесет». Ясавулбаши пригрозил: «Кази-калян узнает про эти ваши слова, накажет, не смейте никому больше говорить такое».

— Эй, Чокар, не связывайтесь больше с ясавулбаши,— произнес Сахиби и, сославшись на какое-то «срочное дело», ушел из худжры.

— Нельзя ли Авазу устроить побег?— спросил Сафо Муганн.

— Да куда он убежит? Все равно поймают. Ведь его знает весь Хорезм. А до Палвана ему не добраться,— больной...

— Что же придумать?.. Ведь погибнет такой поэт, такой человек...

— По-моему, надо действовать через Маткарима, пусть он передаст Палвану...— многозначительно сказал Чокар.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Получив письмо от мужа, Ольга заплакала от радости. «Во сне или наяву?»— думала она, перечитывая письмо. Муж писал:

«Родная! Спешу тебя обрадовать. Октябрьская революция опрокинула Временное правительство! Теперь у нас в России наша рабоче-крестьянская власть.

Меня ранили. Теперь уже здоров.

Меня скоро пошлют в Туркестан, в Турткуль. Это уже близко от вас. Передай привет моим друзьям: Палвану, Авазу, Маткариму. Пусть будут смелыми, стоят крепко. Приеду в Турткуль,— конечно, зайду к Сàбиру.

До свиданья, родная. Поцелуй Марию. Твой Иван. 1917 год, ноябрь».

Ольга хотела спрятать письмо, но потом раздумала, оставила его на столе, чтобы все время видеть.

Под вечер пришел Маткарим.

— Олия-апа, вы слышали, в России революция! Скоро и у нас будет! Каждый бедняк получит землю, воду...

— Я знаю... Только что пришло письмо от Ивана. Вам привет передает...

— Когда сам приедет?

— Скоро. Расскажите о революции Палвану...

— Я как раз к нему собрался. Авазу надо помочь...

* * *

«Молодые хивинцы», бежавшие из Хорезма, обосновались в Ташкенте на улице Гоголя. Они хотели воспользоваться пролетарской революцией в собственных интересах. Их глава Паляз-хаджи в Совете Народных Комиссаров Туркестана, говорил одно: «Мы революционеры Хорезма. Окажите нам помощь», а в медресе Куколдаш в старом городе на собрании «Шураи Ислами» другое:

«Мы представители народа Хорезма. Салям вам от мусульман Хивы. Народ Хивы верит вам».

Паляз-хаджи выдавал себя в Ташкенте за купца из Хивы. Этот «купец» прибыл в Коканд и там на собрании автономистов заявил: «Все мы дети мусульман. Протяните руку мусульманам Хорезма!»

Вернувшись снова в Ташкент, он организовал Хорезмский комитет, куда вошли Назир-кур, мулла Джуманияз, Бобо-ахун. Эти баи тайно переписывались с Джунаидом, готовясь с его помощью вернуться в Хиву.

Старые враги Исфандияр и Джунаид, словно лучшие друзья, сидели теперь вдвоем за дастарханом на веранде летнего дворца в Тазабаге.

— Скоро с большевиками будет покончено,— говорил, попивая зеленый чай, Джунаид.— Дутов наступает на Оренбург. Ураз-сардор — на Ашхабад, господин Маллесон занял Красноводск,— я помню этого человека еще по Ирану.

— Да уничтожит аллах большевиков, да испепелит он неверных...— сказал хан и посмотрел искоса на Джунаида.— Все же правый берег Аму в руках большевиков... Это значит, что не может быть нам спокойствия на левом берегу. Турткуль...

Джунаид набычился:

— Я беру это на себя, я возьму Турткуль...

* * *

Раньше Ивану Гавриловичу этот город казался чужим, ведь сначала он был сослан сюда и вдоволь натерпелся здесь от полицейских. Но теперь — другое дело. В Турткуле над домами развевались красные флаги с серпом и молотом! Иван Гаврилович прежде всего явился в городской комитет большевиков города, а потом зашел к Сабиру. Друзья крепко обнялись... Оба были в шинелях, в красноармейских шлемах.

— Мы прогнали белогвардейцев из Турткуля. Казаки бежали на левый берег Аму, к Джунаиду... Теперь, наверно, готовятся к нападению... Иван-ага, исполнилось мое давнишнее желание, я стал большевиком...

— Отлично, Сабирджан, ты здесь первая ласточка! Теперь начнем большие дела.— Иван Гаврилович потрепал его по плечу.

— Хива наша стоит под гнетом хана, скорей бы сбросить его...

— Согласен с тобой, Сабирджан. Надо готовить народ Хивы к восстанию, помочь оружием партизанским отрядам, Палвану...

Вошла жена Сабира Айманхан.

— Как обрадуется ваша семья, а дочь, наверное, и не узнает вас. Но перейти на ту сторону трудно,— сказала она, приглашая гостя к дастархану.

— Апа, найдем выход. И Ольгу увижу, и Палвана, и Аваза...

Сабир тяжело вздохнул, с грустью посмотрел на друга:

— Аваз в Шахимардане, в темнице...

* * *

За высокими крепостными стенами Хивы, налево от городских ворот Шахимардан, расположено большое кладбище. В центре его древняя мечеть. Здесь, по преданию, был похоронен когда-то святой по имени Шахимардан. Ишаны объявили это место «священным». В каждый хаит, в каждый религиозный праздник сюда приходят люди из отдаленных кишлаков, даже из аулов каракалпаков и туркмен, из Хазараспа, Питнака и Гурлена. Пожертвовав деньги шейхам, они уносят с собой вместе с их молитвами надежды на счастье и исцеление. Считалось, что в Шахимардане по воле святого творятся чудеса: здесь был колодец, который осаждали бесплодные женщины. Если женщина увидит на дне колодца звезду, значит, родит сына, а увидит луну — дочь. Если ограбленный жертвовал деньги святому Шахимардану, то обязательно находил свое добро... Здесь лечили также сумасшедших... Занимался этим делом Бобо-ишан.

«Сумасшедший» Аваз, закованный в кандалы, лежал, словно в могиле, в тесной подземной темнице.

Страшно на кладбище Шахимардана. Дожди размыли смазанные надгробия. Все наводит здесь на страшные мысли. По ночам совы своими ужасными криками предвещают каждому близкую смерть...

В непроницаемой тьме подземелья Аваз не мог увидеть даже своих рук. В лице его не было уже ни кровинки, глаза глубоко запали, усы и борода отросли так, что узнать его было невозможно. Изредка поэта навещали его дети и друзья. Он слышал их голоса, но не видел их. Кази-калян постоянно наставлял Бобо-ишана: «Следите в оба за теми, кто приходит к Авазу, а не то устроят ему побег».

Народ Хивы не верил словам шейхов о «сумасшествии» Аваза, на празднествах, на тоях открыто распевались его стихи.

Когда-нибудь взойдет заря, когда-нибудь прозреет век.
Страданья кончатся твои — так говорит Аваз, народ! [1]

Две недели назад Бобо-ишан получил письмо: «Господин Бобо-ишан, если не отпустите Аваза, пеняйте на себя. Палван».

«Пустые слова,— подумал Бобо-ишан,— не Палван это писал, он черт-те где лстает сейчас, до этого ли ему?» И все же нет-нет да и вспоминал он Палвана, и жутко, страшно становилось ему.

Близился вечер. На небе сгущались тучи, вот начал накрапывать дождь, который перешел в снег, накрывший кладбище саваном. Бобо-ишан только начал намаз, как вдруг скрипнула дверь. «Наверное, из города вернулся суфий»,— подумал он и, не отвлекаясь, продолжал молиться.

— Где поэт?— спросил вошедший.

Ишан быстро повернул голову и увидел высокого человека в огромной круглой чугурме. Человек вынимал из кобуры наган. Ишан онемел.

— Получил письмо? Почему не выпустил Аваза?

— Сейчас, сейчас...— залепетал ишан и, взяв из ниши фонарь и ключ, вышел из худжры и почти побежал к подземелью...

Аваз сидел, сжавшись в комок от холода, обхватив колени руками. Он не узнал высокого человека, вошедшего вслед за ишаном.

— Отмыкай кандалы!— прозвучал голос, показавшийся Авазу знакомым. «Неужели это Палван, быть не может, ведь он сейчас в пустыне...»

Кандалы упали со звоном. Аваз медленно поднялся. Палван шагнул к нему, обнял:

— Аваз-ага!

Слезы блеснули в глазах поэта.

Палван взглядом пригвоздил старика ишана к стене.

— Скажешь всем, что поэт Аваз выздоровел и ты его сам отпустил. А не то...

— Хорошо, Палван-бай, хорошо, скажу,— покорно ответил ишан.

— Вот так-то... Пойдем пока к тебе в худжру...

[1] Перевод С. Липкина.

Палван помог Авазу умыться теплой водой, надеть новую одежду. Затем поэт выпил пиалушку горячего чая, вышел наружу и с помощью Салиджана уселся на коня.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Исфандияр-хан, прочитав историческое сочинение Агахи, погрузился в размышления: «Написано о моих дедах. История ханов Хорезма. Тут упомянуты даже те, кто был ханом всего несколько месяцев. А я уже правлю восемь лет и даже не заметил, как они прошли. Сколько смут было разных, какое время — даже белый царь не удержался. Сейчас в Средней Азии остался я да эмир бухарский. Неужели и у нас будет эта революция? Надо безжалостно уничтожать своих врагов. Таковы заветы моих предков — ханов. Я пока действовал без ошибок. И от «Молодых хивинцев» избавился, и мятежи в народе подавил, и с Джунаидом нашел общий язык. Джунаида надо остерегаться... но большевики — опаснее. На том берегу Амударьи — они, на этом берегу — я. Тяжелые времена...»

Хан отложил книгу.

— Ашир, всем ли доволен сын Джунаида Эшши?

— Да, таксыр.

— Йигитов Джунаида надо освободить от земляных работ, подготовь приказ.

— Мудрое решение, таксыр, будет исполнено.

Ашир вот уже восемь лет как спешил выполнить все, что ни приходило в голову хану. Сколько людей он погубил, сколько тоев обратил в траур этот мерзкий человек! Народ ненавидел Ашира, и Ашир знал об этом. «Да будет долгой жизнь их величества, да будет вечен союз его с Джунаидом. Освободят йигитов Джунаида от земляных работ — упрочится союз».

На этот раз верный слуга не успел исполнить приказ хана...

Ночью к нему домой явился какой-то нукер и сказал: «Вас вызывает хан». Услышав это, Ашир быстро оделся. Выйдя из дома, он онемел от ужаса: его окружили незнакомые йигиты. Не дав Аширу опомниться, они ремнем связали ему руки и вывели на улицу. Заметив петлю, свешивавшуюся с балки навеса, Ашир затрясся, залепетал: «Братья... каюсь, не виноват я... хан... Исфандияр меня...» Йигиты заткнули ему рот тряпкой, сказали: «И до хана очередь дойдет, только повесим его на большой площади, на высокой виселице, перед всем народом».

На другой день утром Шерназарбай со слезами на глазах доложил хану о смерти Ашира.

— Не дело ли рук Палвана?— спросил хан.

— Возможно, таксыр...

— Ну, а кто еще мог?— Исфандияр вздрогнул.

— Не знаю... народ...— опустил голову ясавулбаши.

* * *

Весной восемнадцатого года, когда растаял лед на Амударье, Сабир и Иван Гаврилович переправились в лодке на левый берег реки. Их послала партийная организация Турткуля для связи с партизанскими отрядами. Сабир был в изодранном чапане дехканина, Иван Гаврилович оделся казаком. Прошагав всю ночь, они утром прибыли в Хиву. Сабир направился к Маткариму, а Иван Гаврилович — к Ольге.

— Жив, дружище, ну до чего же я по тебе соскучился. А ты знаешь, Палван вытащил Аваза из темницы,— говорил Маткарим, обнимая Сабира.

Он быстро приготовил поесть, напоил друга чаем. Сабир рассказывал о советской власти в Турткуле, о партии большевиков, о Ленине.

— Ну, ты уже большевик, а я кто?— спросил Маткарим.

— Ты враг хана, друг народа,— значит, и ты большевик. Вот что: Иван-ага тоже здесь. Ты, Маткарим, сообщи Палвану: встретимся на берегу озера Пишканик...

Когда Иван Гаврилович пришел домой, Ольга еще не спала. Она со дня на день ждала прибытия мужа. По ночам прислушивалась к малейшему шороху... Иногда говорила проснувшейся Марии: «Спи, доченька, не приехал еще отец, как приедет, разбужу». Ольге, в который раз за эти дни, померещилось, что кто-то стучит. Она выглянула за дверь — никого. Подкрутила фитиль лампы, опять села читать. Но вот стук раздался снова...

Ольга бросилась к двери, открыла.

— Милый, родной...— Неизвестно, сколько времени стояли они так, обнявшись...

Наконец Иван Гаврилович прошептал:

— Дай на дочку посмотреть...

Она принесла лампу, поставила на стол. Иван Гаврилович поцеловал спящую дочь.

Со счастливой улыбкой наблюдал он за женой, хлопотавшей у печки. Когда же он сказал: «Наверно, дня через два уеду»,— Ольга вздрогнула.

— Снова одна,— чуть ли не плача прошептала она.

— Нет, родная, одна ты уже не будешь, я увезу тебя...

Иван Гаврилович вдруг увидел паранджу в нише.

— Чья это?

— Якут-бики, дочери Абдулла-туры...

— Интересно, зачем она тут была?

— Не торопись, сейчас все тебе по порядку расскажу... Меня познакомила с Якут-бикой тетя Айша, мать Палвана. Якут-бика помогала ей, заботилась о ее внуке, как о своем ребенке...

— А где Джумагуль?

— Не спрашивай... Казнили... тут такое было...

Сердце Ивана Гавриловича сжалось от боли.

Ольга, тяжело вздохнув, продолжала:

— Так получилось, что Якут-бика, можно сказать, усыновила внука тети Айши. Однажды она пришла к нам в дом — рубашки хотела скроить для Баходира. А я — на работе. Пошла она разыскивать меня на завод и наткнулась там на Ялманбая. Он спрашивает: «Кого вы ищете? Чья вы дочь?» Якут-бика ответила только: «У меня есть дело к Олии-апа. Сшить мне надо кое-что...» Приказчик Ялманбая вызвал меня. Мы отошли в сторонку, договорились. А Ялманбай, порасспросив, узнал, что она дочь Абдулла-туры. На другой день он встречает Абдулла-туру и говорит: «Хочу одно хорошее дело для вас сделать. Моя жена очень хорошо шьет. Если вам что-нибудь нужно — посылайте». Абдулла-тура очень удивился, и Ялманбай объяснил: «Дочь ваша ходит к урус-портной, которая жена большавоя». Абдулла-тура, услышав такое о дочери, выгнал ее из дома. И после этого Якут-бика живет у кого придется. Вот какая история.

— У нее нет мужа?— спросил Иван Гаврилович.

— Ее мужем был Матчон-тура, ушла она от него. Якут-бика любит Палвана, готова жизнь отдать за него, однажды даже спасла его от засады. Плачет все, говорит: «Поганый тура исковеркал мою жизнь...»

Задумчиво выслушал этот рассказ Иван Гаврилович.

— Олечка,— сказал он,— если приедет Якутджан, поговори с ней, может быть, она захочет переправиться вместе с нами в Турткуль.

* * *

На место встречи, к озеру, Палван пришел раньше всех.

Вот и домик Пирнафаса-ака. Совсем уже обветшал. А ведь Палван сам когда-то строил его на хашаре.

Вот одинокий тополь, под ним он в первый раз обнял Джумагуль... Это было словно вчера... Кажется, и сейчас звучит в ушах ее голос, она всегда говорила, выбегая ему навстречу: «Не уставать вам, не уставать вам, Палван-ага», а он стоял перед ней с вязанкой саксаула. А вот маленькая лодка, он в ней рыбачил один, когда Пирнафас-ака лежал больной. «Много наловили, Палван-ага?»— опять слышится ее голос.

А вот тут раньше были сложены снопы камыша... Здесь он подарил ей перстень, и она обрадовалась как ребенок.

Палван замер на месте, прошептал: «Джумагуль, Джумагуль, уснувший навеки соловей, я столько ищу тебя, где ты, где ты, Джумагуль?

Палван надвинул еще ниже свою огромную чугурму, поправил кобуру нагана. «Отомстить за тебя — мой долг».

Сначала Палван увидел Сафаргалди, Пирнафаса-ака и Бекджана.

Через минуту показались и Сабир с Иваном Гавриловичем. Друзья никак не могли насмотреться друг на друга. Когда они уже сидели внутри домика, постучались Аваз и Маткарим. И снова крепко обнялись друзья... Давно они не виделись, каждому было что рассказать...

Однако все притихли, когда Иван Гаврилович начал говорить о Петрограде, о революции...

— Иван-ага, вы и Ленина видели?— спросил Палван.

— Видел, друг! Он сказал, что трудящиеся Хорезма тоже освободятся от гнета хана. На правом берегу Аму народ дышит свободно, а на левом — стонет... Разве может это долго продолжаться?

Аваз то и дело покашливал. Он заболел туберкулезом. Отар-бува, несмотря на все свое искусство, не мог вылечить его.

— Не надо было мне приходить на озеро,— сказал поэт,— но очень захотелось увидеть вас, соскучился я.

— Дорогие друзья,— начал Сабир,— вам передают привет красные бойцы Турткуля. Прошло время, когда партизанские отряды действовали в одиночку. Теперь отряд Палвана должен переправиться в Турткуль, присоединиться к регулярным частям Красной Армии.

Долго обсуждали план переправы.

Легко можно было очутиться в засаде. Поэтому Палван разделил свой отряд на три группы. Первая группа с ним во главе должна была добраться до реки в одежде нукеров, вторая, во главе с Пирнафасом-ака,— под видом беженцев, третья, во главе с Сафаргалди,— под видом каравана.

Своему брату Бекджану Палван дал отдельное поручение:

— Пойдешь с Маткаримом, разыщешь мать, племянника и переправишься вместе с ними.

На следующий день в полдень они переправились в Турткуль...

* * *

Каждый раз, возвращаясь из похода, Джунаид являлся к хану, но на этот раз приказал «ничего ему не говорить».

Джунаид спешился, прошел в юрту, вытер пот с грязной, толстой шеи и сел, скрестив ноги.

«Вот уже сколько лет я не слезаю с коня. Сколько раз побеждал, терпел поражения. А хан Исфандияр живет себе припеваючи во дворце. Хитрый... Ну а я чем хуже его? Прежде хаким белого царя был против меня, не хотел, чтобы я стал ханом, ну а теперь?.. Кто может помешать? Большевики пока заняты своими делами, да к тому же они почти в окружении, упустили из рук Ашхабад. Теперь надо убить хана и самому сесть на его место».

Утром Джунаид вызвал своего советника Хан-ишана, который, выслушав его, сказал решительно:

— Коварный Исфандияр хуже волка.

— Надо избавиться от него.

— Очень хорошо.

— Как собаку...

— Так велит аллах...— благословил Хан-ишан.— Однако было бы разумней после убийства Исфандияра для отвода глаз провозгласить сначала ханом Саида-Абдуллу...

* * *

Бекджан с помощью Маткарима нашел мать, приласкал своего маленького племянника.

— Если бы увидеть теперь Палвана и Шернияза, исполнились бы все мои желания, и умереть не жалко,— сказала Айша.

— Всех увидите, мама, только не думайте о смерти, пришло время жить. Давайте готовьтесь скорей, в Турткуль переправимся...

— С ребенком?..

— Конечно...

— Ты знаешь, Якут-бика стала ему как мать. Очень жалеет, что не выехала в Турткуль с Олией-апа...

— Она тоже хочет бежать?

— За Палвана она в огонь и в воду.

Пришла Якут-бика в бархатиой парандже, засмущалась, не узнав сразу Бекджана. Однако, приглядевшись к нему, она отшвырнула параиджу прочь.

— Бекджан, дорогой брат, каким ветром вас занесло сюда?

Баходир кинулся к ней, обнял, точно родную мать. Она сразу же согласилась ехать в Турткуль.

— Вот вам все мои деньги,— сказала она Бекджану,— купите, что надо в дорогу. Теперь мне не нужна бархатная паранджа, могу и халатом иакрываться...

Чтобы увидеть Палвана, она готова была идти хоть на край света.

Бекджан отправился на базар и купил там осла и провизии на дорогу. В оружейном ряду ему предложили английские винтовки, «Постой-ка, хороший подарок для Турткуля будет»,— подумал он и приобрел три винтовки и патроны.

Еще засветло выбрались они из Хивы. Айша ехала на осле, Баходира же несли попеременно то Бекджан, то Якут-бика...

... Усталые подошли они утром к берегу Аму, обратились к лодочнику, попросили перевезти.

— Садитесь,— ответил лодочник.— Скажите, а много народу в Хиве осталось?

— А много народу переправляется?— задал встречный вопрос Бекджан.

— Числа нет. Каждый день. Недавно и Палван переехал. Он все брата своего ждал, Бекджана,— не дождался. Какой хороший человек этот Палван, всех лодочников одарил и меня тоже. Надо же, осень, охота в разгаре, а нукеры отняли у меня ружье, ну точно счастье из рук вырвали. Как охотнику жить без ружья? Палван подошел, спрашивает: «Что вы хотите за перевоз?» Я отвечаю: «Того, чего я хочу, наверно, не найдется у вас».—«А может, найдется...» Ну, я ему все и рассказал. А он говорит: «Если нукеры хана обидели вас, берите двустволку, берите». Удивился я щедрости его...

— Ата, у меня нет денег, но я вам оставлю осла... И если Палван-ага подарил вам ружье, я подарю кинжал. Я Бекджан, брат Палвана.

— Нет, нет, дорогой, раз ты брат Палваиа, ничего я с тебя не возьму..

... Турткуль был от берега в восьми верстах. Айша все просила возницу ехать побыстрее. В городе они разыскали Палвана. Он был в шинели, в красноармейском шлеме, с маузером на боку. Айша не сразу узнала его, а узнав, заплакала от счастья. Худой рукой гладила она широченную спину сыиа. Из комнаты выскочил подросток Шернияз, бросился к матери.

Якут-бика тихо поклонилась Палвану и отошла в сторону...

Палван был вне себя от радости: приехали мать, сын, а вместе с ними, казалось, и Джумагуль...

* * *

Солнце стояло в зените, когда Эшши со своими людьми — Сафаром, Вакилом, Чайракбаем, Аннагалди и двадцатью другими воинами — подъехал к Нурлавой.

Нукеры хана взяли его коня под уздцы, помогли слезть. Спешился также и весь отряд. Миновав арзхана, они направились через цветник к зимнему дворцу. Эшши по мраморным ступеням взошел на веранду и не спеша стал очищать грязь, прилипшую к сапогам.

Исфандияр-хану доложили, что Эшши прибыл по срочному делу. Эшши и его люди вошли в голубой зал и один за другим низко поклонились хану, который сказал приветливо:

— Добро пожаловать, богатырь, как здоровье вашего отца — великого полководца?

— Отец здоров, передает вам привет,— ответил Эшши и, сильно сжав протянутую ему для приветствия руку хана, одним рывком поднял его с места. Вакил выхватил из-за пазухи кинжал и вонзил его в грудь хана, то же самое сделали Эшши и Аннагалди. Чайракбай же саблей отрубил хану голову. Вслед за этим туркмены, убившие Исфандияра, выбежали во двор и стали палить из винтовок. Шерназарбай и нукеры хана бежали.

Дворец заняли люди Джунаида. Событие это произошло средь бела дня 28 октября 1918 года. Джунаид въехал в Нурлавой победителем и предложил провозгласить ханом Саида-Абдуллу, о котором всем было известно, что он — наркоман. После благословения кази-каляна в город посланы были глашатаи. На похороны хана, несмотря на все старания Саида-Абдуллы, почти никто не явился. В церемонии же погребения приняли участие только кази-калян, муфтии и улемы...

Саид-Абдулла, провозглашенный ханом, был подставным лицом. Правил Джунаид. На все должности при дворе он поставил своих людей.

Матчон-тура, поступив на службу к Джунаид-хану, стал близким к нему человеком. Он теперь одевался по-военному, носил саблю, соблюдал туркменские обычаи. Через некоторое время Матчон-тура по приказу Джунаид-хана стал исполнять обязанности ясавулбаши. Шерназарбая же он назначил начальником большого отряда нукеров и постоянно держал его при себе.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

За один год советской власти на правом берегу Амударьи произошли невиданные перемены: все баи лишились награбленных ими богатств, а нищие узбеки, туркмены, каракалпаки были наделены землей. Для детей открыты школы и интернаты. В чистые, уютные дома бежавших белых офицеров вселились семьи Ивана Гавриловича, Пирнафаса-ака, кузнеца Сабира и других бедняков. В городах и кишлаках были организованы курсы по ликвидации неграмотности. В Красной Армии и в милиции служили вместе русские, татары, каракалпаки и туркмены.

— Скоро такая жизнь будет во всем Хорезме, в моем родном кишлаке Пишканик, весь народ избавится от деспотов баев,— говорил своей жене Пирнафас-ака.

Шернияз приносил из школы книжки с картинками, показывал их маленькой Айджамал.

— И я хочу в школу,— топала она ножками.

Пирнафас-ака, целуя ее, говорил:

— Тебе только семь, через год пойдешь, доченька.

— Почему Шернияз ходит, а мне нельзя, я тоже пойду в школу.— И она принималась бегать по комнате с сумкой Шернияза.

Палван стал командиром батальона, а Ивана Гавриловича назначили к нему комиссаром. Сабир работал в городской партийной организации.

Изредка приезжал из Хивы Маткарим, привозил новые вести. Друзья собирались в доме Палвана.

— При этом наркомане стало еще хуже,— говорил Маткарим,— если раньше готовил ему наркотики один человек, то теперь трое! Уж чем-чем, а таким добром Джунаид-хан его снабжает. Взамен владеет всем Хорезмом! В го-

роде Саида-Абдуллу называют куклой, а он величает Джунаида «хан-ага». Порядки такие: заговоришь на улице по-узбекски — беду наживешь. А если не поклонишься людям Джунаида, можешь проститься с головой... Когда же пойдете на Хиву? Народ ждет с нетерпением.

— Маткарим-ака, положение у нас, можно сказать, серьезное. В Баку действуют англичане, в Оренбурге — Дутов... Если бы только Джунаид со своим войском...— сказал, как бы оправдываясь, Иван Гаврилович.

— Ты, Маткарим,— произнес Сабир,— рассказывай народу обо всем, что видел здесь, в Турткуле, рассказывай о советской власти...

— Маткарим-ака, вместе с вами поедет и Салиджан, будет набирать добровольцев в партизанские отряды. Почаще сообщайте нам о действиях Джунаида...

Шернияз разносил гостям зеленый чай. Несмотря на позднее время, он и не собирался спать. Луна заливала своим светом веранду.

— Как чувствует себя Аваз?— спросил Пирнафас-ака, протягивая пиалу Маткариму.

— Плохо. Он мне сказал на прощанье: «Передай привет моим друзьям-большевикам, встретиться бы мне с ними еще раз...»

В стороне сидели и разговаривали Айша, Мастура и Айманхан.

— Почему не пришла Якут-бика?

— Бедняжка днем работает, а вечером учится, покоя не знает,— ответила Айша.

— Где же она работает?— снова спросила Мастура.

— Ну есть там такой совет...— Она попыталась вспомнить новое слово и не могла. Айманхан подсказала: «Женотдел».— Да, да, женотдел, работает вместе с Олией-апа, вечерами все читает, хочет стать учительницей... Позавчера была тут Олия-апа, сказала, что она способная очень...

Якутай (теперь она не позволяла называть себя бика — госпожа) хотела сегодня прийти в дом Палвана, но Ольга Ивановна увезла ее с собой по делам женотдела в каракалпакский аул. Там они задержались, беседуя с женщинами. Пришлось остаться ночевать в ауле. Хозяйка дома, постелив обеим, ушла.

— Как только кончишь эти курсы, пошлем тебя на учебу в Ташкент,— сказала Ольга.

— А возьмут ли, апа, лета мои...

— Сколько тебе?

— Двадцать три...

— Ты еще совсем молодая, сестричка.

— Как одна буду жить, учиться? Женщина ведь я...

— Но ведь Ташкент наш город, центр.

— Палван-ага то же самое говорит. Я все о нем думаю, мечтаю...

— Послушайся моего совета, поезжай учиться в Ташкент, и Палван тоже будет доволен...

— ... Олия-апа, вы спите? Пусть будет так, как хочет Палван-ага, посылайте меня на учебу. Поеду куда хотите, хоть в Ташкент, хоть в Москву...

* * *

«Молодые хивинцы» начали поступать на службу к Джунаид-хану. Этим они еще больше разоблачили себя... Аваз презирал их...

— Розияхон, подай чернильницу и бумагу,— попросил он. Ему уже трудно было подниматься с постели.

— Больной вы, отдохните,— сказала жена и поставила перед ним сливки и горячую лепешку.

Поэт закашлялся, поднес ко рту платок...

Со слезами на глазах смотрела Розияхон на мужа, думала: «Если бы мне заболеть вместо тебя!»

Аваз, точно угадав ее мысли, сказал:

— Спасибо тебе за все. Не плачь, Розияхон.

— Неужели и отец мой не может излечить вас?

— Не может, хотя и хороший он табиб... Не надо, не плачь... Отдай это стихотворение Раджабу, пусть перепишет...— Аваз откинулся на подушку.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Джунаид-хан переехал из Хивы в Тахт. От Хивы как от столицы осталось одно название. Все решалось теперь в Тахте. Прибывший сюда официальный представитель английского правительства передал Джунаиду три тысячи винтовок и несколько миллионов патронов. Тут находился штаб казаков, а также туркменские военачальники.

На большом совещании в ставке Джунаида 10 ноября 1918 года обсуждался вопрос о свержении Советов на правом берегу Амударьи...

На почетном месте восседал Джунаид-хан. Справа от него — белый офицер («неверный» прежде, близкий друг — теперь), туркменские мухрдоры, слева — Хан-ишан мингбаши... Шериазарбай, который стал начальником разведки, сообщил, что в Чимбае, Нукусе и Шаббазе находится по сто — сто пятьдесят красноармейцев.

— Сколько в Турткуле?— спросил Джунаид.

— Хан-ага, там около семисот, из них пятьсот узбеки, каракалпаки и туркмены.

— Оружия у них много?

— Много, хан-ага,— коротко ответил Шериазарбай.

Джунаид нашел глазами Матчон-тўру, нахмурил брови и приказал ему:

— Увеличить число стражников на переправах, всех, кто лезет на ту сторону, расстреливать.

На совещании у Джунаида было принято решение: «Те, кто имеет коня, должны поступить к хану нукерами, земли же их будут распахивать и засевать другие люди. Кто не повинуется — расстрел на месте».

Сотники Джунаида прибрали к рукам лодки, плоты, каюки — барки, все, на чем можно переправиться через Амударью. У народа начали отбирать продовольствие. Наступление должно было начаться в середине ноября.

Нукеры Кушмамат-хана и Гулям-Али-хана были отправлены в сторону Питнака и Дарган-ата. Они должны были воспрепятствовать прибытию подкреплений из Чарджоу в Турткуль. Связь между этими городами была прервана — повалили телеграфные столбы, порвали провода.

Партийная организация и Советы Турткуля призвали народ готовиться к обороне. В Чарджоу были посланы гонцы, город начали окружать окопами, у складов с боеприпасами поставили надежных людей. «Умрем, но не сдадимся Джунаиду»,— говорили коммунисты на митингах. Узбеки, каракалпаки, русские, туркмены, татары — все как один поднялись на защиту города. Не знали покоя ни днем ни ночью Иван Гаврилович, Палван, Сафаргалди.

Ольга Ивановна и Якутай стали медицинскими сестрами. Не сегодня-завтра враг мог начать наступление.

Двадцать третьего ноября тысяча девятьсот восемнадцатого года тысячи нукеров Джунаида на сотнях лодок переправились на правый берег Амударьи и стали предавать огню и мечу кишлаки и аулы. Убивали всех, кого могли заподозрить в сочувствии советской власти. Насиловали де-

вушек и женщин в присутствии отцов, мужей, братьев... Всюду, где появлялся Джунаид, сооружались виселицы, казнили сотни людей. Был взят Чимбай, а вслед за ним города Шаббаз и Нукус. Наконец около десяти тысяч нукеров начали наступление на Турткуль.

Войско Джунаида в течение ночи пять раз атаковало город и пять раз откатывалось назад. В Турткуле не было крепостных стен, крепких ворот, поэтому и оборонять его было особенно трудно. Но стеной стояли сами защитники города.

Джунаид, уже двое суток не сходивший с коня, вызвал к себе Чайракбая и приказал ему наступать с западной стороны. К утру его нукеры с криком, воем ринулись на позиции Сафаргалди, который встретил их огнем из пушек...

Тогда наконец Джунаид спешился и созвал в шатре сардоров — военачальников. Он был вне себя от гнева, бесконечно курил чилим. Было решено, что конные и пешие нукеры будут действовать совместно. Возглавить новое наступление должны были Шомурад-бахши и Эшши.

Красноармейцы, оборонявшие Турткуль, умело отражали все атаки врага. Боеприпасов было достаточно, но зато провизию приходилось уже экономить. Шернияз и другие дети из интерната приносили бойцам патроны, хлеб, старались хоть чем-нибудь помочь им. В жестоком бою был убит Кадырбай. Раненного в руку Сафаргалди заменил Кусберган. Особенно сильный натиск пришлось выдержать Палвану. Еще утром, смотря в бинокль, Палван внезапно заметил Шерназарбая.

Ближе к концу дня смертельные враги все-таки встретились в бою, стали биться на саблях.

— Не уйдешь от меня,— шептал Палван.

— Жизнь твоя снова в моих руках, раб!— кричал Шерназарбай, яростно обороняясь. Рука Палвана была тверже, сабля глубоко вонзилась в грудь Шерназарбая, но тот успел ударить противника по ногам. Палван упал, истекая кровью, потерял сознание.

Ночью, когда луна осветила поле боя, нашли Палвана Якутай и Ольга Ивановна. Якутай сняла с него сапоги, перевязала рану. Когда Палван очнулся, глаза ее все еще были полны слез.

Утром, воспользовавшись затишьем, к Палвану тихо вошла Якутай.

— Как вы себя чувствуете?— спросила она, перевязывая ему ногу.

— Хорошо,— коротко ответил Палван. И вдруг неожиданно для себя произнес:— Вы еще посидите со мной немного?

Она опустила глаза, начала теребить пальцами петельки белого халата.

— Видели Баходира?— спросил Палван.

— Каждый день вижу...

— Я хочу посмотреть на него, приведите завтра...

— Хорошо, ага.

Они молчали.

— Я хотела ехать в Ташкент...— начала Якутай, но Палван прервал ее:

— Разобьем Джунаида,— конечно, поедете в Ташкент. Возьмете с собой и Шернияза, он тоже будет учиться...

* * *

Палван пришел на костылях в окопы своего батальона. Измученные бойцы заулыбались, когда он сказал: «Надоело мне лежать, к вам хочу».

На двенадцатый день боев прибыло наконец подкрепление из Чарджоу. Красноармейцы под командованием соратника Фрунзе товарища Шайдакова прямо с парохода пошли в атаку. Джунаид-хан, понеся большие потери, вынужден был отступить. Так разорвано было кольцо окружения. Красноармейцы, преследуя врага, освободили Чимбай, Шаббаз, Нукус.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Весна девятнадцатого года. Растаял лед на Амударье, началась навигация. Все вокруг оделось в зеленый бархатный наряд. Турткуль залечивал свои раны — ремонтировались полуразрушенные здания, строились новые. Этими делами руководил председатель городского Совета Кусберган.

В его кабинете собрались Иван Гаврилович Семенов, Сабир, Палван. Открылась дверь, и быстро вошел Шайдаков с телеграммой в руке.

— Сообщают,— сказал он,— что из Ташкента от имени правительства РСФСР и Туркестана едет Чрезвычайная миссия для заключения мирного договора с Хивинским ханством.

— Ни за что я не поверю Джунаиду,— задумчиво произнес Палван,— он заключит с тобой договор и будет готовиться к новому нападению...

Шестого апреля Чрезвычайная миссия (в ее состав был включен и Иван Гаврилович — от Турткульского Совета) переправилась на левый берег реки и на следующий день прибыла в Тахт — резиденцию Джунаида. Там выстроилось все войско Джунаида, около десяти тысяч человек. Иван Гаврилович увидел нукеров, вооруженных английскими винтовками, казацкими саблями, хивинскими кинжалами, и подумал: «Чем они решили нас напугать?»

Джунаид-хан побаивался Красной Армии, побаивался Шайдакова, поэтому ему ничего не оставалось сделать, как подписать договор.

Однако на Закаспийском фронте все еще продолжались бои.

* * *

Турткуль провожал своих сыновей и дочерей на учебу в Ташкент, Казань и Москву. На берегу Амударьи собрались родственники, друзья отъезжающих. Палван провожал Якутай, Шерниязa, Сабир — сына Балту и дочь Султанпашшу. Прибыли на проводы также Иван Гаврилович и Ольга Ивановна. Бекджан подошел к Султан-пашше и, пожимая ей руку, сказал: «Пишите почаще». Палван услышал, подмигнул брату. Сабир, расцеловав дочь и сына, прослезился.

— Счастливого пути!

— Возвращайтесь благополучно!

Якутай грустно смотрела на Палвана, оставшегося на берегу.

* * *

Недолговечным оказался мир. В конце августа предатель Феличев, собрав уральских белоказаков, захватил Чимбай. Палван оказался прав: Джунаид нарушил мирный договор, заключил союз с Феличевым, зверски убил советского посла в Хиве... С тысячью нукеров он переправился на правый берег Амударьи. Снова пролилась кровь мирных людей в кишлаках и аулах. Джунаид и Феличев замышляли одним наскоком захватить Турткуль, однако отряды Палвана, Ивана Гавриловича и Ахмаджана Ибрагимова под командованием Шайдакова наголову разбили врага еще на дальних подступах к городу. Джунаид снова бежал на хивинскую сторону. В боях особенно отличился Ахмаджан Ибрагимов. Отчаянный храбрец, он презирал смерть. Джунаид говорил: «У большевиков был один Палван, теперь стало два».

На левом берегу Амударьи было неспокойно. Доведенные до отчаяния бедняки убивали сборщиков Матчон-туры, взимавших военный налог. Предъявляли свои требования хозяевам рабочие маслобойных заводов Ургенча. С каждым днем все больше становилось партизанских отрядов, которые особенно успешно действовали в Илоли, Ташаузе и Хазараспе.

* * *

Авазу становилось все хуже. Он выглядел вдвое старше своих лет. Простые люди Хивы часто навещали поэта на виду у шпионов Матчон-туры, следивших за домом.

— Ага, может быть, позвать табиба?— тихо говорил Маткарим. Аваз отрицательно качал головой:

— Болезнь моя неизлечима. Не плачьте, мои стихи останутся вместо меня.

Осенью 1919 года в холодный дождливый день народ прощался с поэтом. Плакала не только земля Хорезма, но и небо его. Тысячи людей шли за гробом... До сей поры ничья смерть не вызывала в Хиве такого горя...

* * *

Маткарим привез своим друзьям в Турткуль последнее стихотворение поэта:

Я верю, сердце, ясный день придет,
Улыбчивая роза расцветет,
И соберется у моей могилы
Свободой умудренный мой народ,
И мой потомок голосом правдивым
Старинную газель мою споет...
Я знаю, не погаснет свет высокий,
Что высекал я сердцем из невзгод.
Аваз, ты будешь жить. Не смог бы даже Дарий
Остановить мечты твоей полет.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

В Турткуль прибывали народные представители от разных городов и кишлаков Хорезма с просьбой о помощи. «Давно пора свалить Джунаид-хана»,— говорили они.

Уполномоченный Туркфронта Г. Скалов создал в Турткуле северный и южный отряды. Северным командовал Н. Шайдаков, южным — Н. Щербаков.

Вскоре Скалов получил от Фрунзе и Куйбышева приказ о наступлении.

Необычайно суровой была зима 1919 года. Амударью сковал лед.

Ночью 28 декабря красноармейцы в пешем строю, на конях, арбах устремились на левый берег. В иных местах лед зловеще трещал. Кони, хоть и были подкованы заново, скользили, ржали. Поддерживая друг друга, бойцы осторожно продвигались вперед. Особенно тяжело пришлось тем, кто переправлялся напротив Ургенча. Берег крутой, высокий, скользкий. Пушки тут приходилось вытаскивать на руках... Несмотря на холод, ветер, люди обливались потом...

Так начиналась битва за новый Хорезм.

... К середине января 1920 года регулярными частями Красной Армии и партизанскими отрядами были освобождены Илоли, Ташауз, Пурси, Ургенч и, наконец, ставка Джунаид-хана город Тахт.

Население освобожденных городов и кишлаков радостно встречало красноармейцев.

Джунаид, Эшши, Хан-ишан, Матчон-тура с большим отрядом нукеров бежали в Каракумы.

* * *

Многочисленные толпы народа заполнили улицы древней Хивы, повсюду развевались красные знамена с лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует советская власть!», «Да здравствует Красная Армия!», «Да здравствует народная республика Хорезм!»

Гремела музыка, народ приветствовал красноармейцев и партизан, выстроившихся на площади.

На возвышении стояли Скалов, Шайдаков, Палван, Иван Гаврилович, Сабир. Пирнафас-ака держал в руках красное знамя.

Из ворот крепости вышли один за другим Саид-Абдулла, кази-калян, главный визирь. Ужас был написан на их лицах. Сабир обратился к народу:

— Дорогие друзья! Хорезм навеки освободился от гнета ханов! Разбиты оковы рабства. Последний хан Хивы отрекается от престола...

Наступила тишина. Бледный Саид-Абдулла взял из рук диванбеги манифест и начал читать:

— «Мы, Саид-Абдулла, хан государства Хива-а-а-а...»

Тут точно что-то застряло у него в горле, он поперхнулся, умолк и протянул бумагу кази-каляну, который в ответ отрицательно покачал головой...

— Сабирджан, прочитай уж ты, эти люди, кажется, лишились языка,— улыбнулся Скалов.

После прочтения манифеста народ потребовал, чтобы Саид-Абдулла сам сказал вслух об отречении от престола.

— Я отрекаюсь от престола, вся власть принадлежит только Советам,— дрожащим голосом произнес хан и подумал: «Сейчас закидают меня камнями, убьют». Однако никто не тронул его. Бледное лицо Саида-Абдуллы чуть порозовело. Поклонившись народу, он вместе со своей свитой направился к ближайшему медресе...

Временное революционное правительство стало готовиться в зимнем дворце Нурлавой к первому курултаю.

* * *

— Назирбай, слышали? Саида-Абдуллу свергли,— обратился Паляз-хаджи к своему собеседнику.— В Хиве в апреле месяце будет созван первый курултай для образования правительства. К этому времени мы должны быть в городе.

— Верно говорите, хаджи-бува, правительство должно быть наше...— сказал Назир-кур.

В доме Паляз-хаджи на улице Гоголя собрались все проживающие в Ташкенте «Молодые хивинцы».

— Только на Амударье тронется лед, отправимся из Чарджоу на пароходе,— молвил Аллакулибай.

— Мы должны разъяснить, что революция в Хорезме произошла благодаря нашей борьбе против хана,— подчеркнул Паляз-хаджи.

* * *

В Пишканик по заданию хивинской партийной организации выехали Палван, Иван Гаврилович, Пирнафас-ака, Бекджан и Сафаргалди. Они явились прямо в летнюю усадьбу Матчон-туры. Во дворе их встретил батрак Раим:

— Салям, Палванбатыр!

— Кто есть в доме?

— Никого, все имущество туры на месте...

— А где нукер Мадраим?— спросил Бекджан.

— Вместе с Матчон-турой бежал к Джунаид-хану.

Палван показал Ивану Гавриловичу на тесную клетушку по левую сторону навеса:

— Вот тут я родился и вырос. И мой отец... Мы были наследственными рабами Матчон-туры...

Вечером бедняки — дехкане и батраки — собрались у берега хауза. Неподдельной радостью светились их лица. Они спрашивали у Палвана:

— Это верио, что земли, которые отобрал у нас тура, снова иам вериут?

— Коиечно.

— А как будет с долгами?

— Считайте, что нет у вас никаких долгов... Друзья,— возвысил голос Палван,— хаи отрекся от престола, старый строй разбит вдребезги, власть отиыне принадлежит рабочим и дехканам. А в доме Матчои-туры будет открыта школа для иаших детей... Борьба еще не кончилась, она продолжается, ио мы никому ие отдадим счастья, добытого ценой жизни и крови иаших братьев... Друзья, и в иашем кишлаке иадо избрать Совет депутатов. По-моему, Пириафас-ака будет хорошим председателем...

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первые дни ранней весны. Земля еще гола, на деревьях только что начали набухать почки, но ласточки уже прилетели в Хорезм. Быстро снуют они в сыроватом, словно бы подсиненном воздухе. Без лишней суеты приводят в порядок свои старые гнезда, вьют новые, тащат веточки, стебельки, комочки глины, из которой возведены и сами места их гнездовий; то тут, то там разбросанные на ровной, как ладонь, долине хавли — дома с хозяйственными дворами, словно маленькие крепости, обнесенные глухими, высокими стенами и укрытые от палящего солнца густыми кронами старых карагачей.

В эту пору, когда в цветущем небе играют кудрявые облака и загораются радуги и то накрапывает, то перестает первый весенний дождь, трое конных ехали в сторону Хивы.

Впереди могучий в плечах Палван. Чуть отстав от него, покачиваясь в седлах, о чем-то разговаривали двадцатилетний Бекджан, брат Палвана, и Салиджан, их сосед и друг. Сегодня чуть свет Салиджан примчался в кишлак и разбудил Палвана:

— Джунаид начал наступление на Илоли, тебя вызывает в Кухна-Арк командующий.

Палван оседлал коня, поспешно простился с матерью, поцеловал спящего сына.

— Я сегодня дежурю в Нурлавой,— сказал Бекджан и поехал вместе с Салиджаном.

После походов и сражений, после долгих лет скитаний в пустыне Палвану удалось побыть в родном кишлаке Пишканик всего один день. Не успел поговорить со своей матерью Айшой, наглядеться на своего сынишку Баходира.

Дорога тянулась вдоль прорытого в Пишканик канала. Еще не началась распутица, робкий дождик успел лишь прибить пыль, и бег коня был легок.

Пишканикская дорога... Палван наперечет знал каждый ее изгиб, каждый перекинутый через арык мостик.

«Джу-ма-гуль»,— беззвучно прошептал Палван имя своей жены, и его густые черные брови сошлись на переносице. Резко обозначились горькие складки у рта. Палван не раз испытывал какое-то пронизывающее его удивление, явственно ощущал нелепость своего бытия: он, Палван, живет, а Джумагуль...

И прежде смелый и отчаянный, он каждый раз норовил теперь попасть в самое пекло боя, под пули и сабельные удары, но смерть его не брала.

«Это Джумагуль хранила меня»,— тихо повторил Палван.

Хива только просыпалась, улицы были пустынны. Лишь одна арба прокатилась им навстречу. Арбакеш лениво понукал ослика. У высоких резных ворот дома стоял старик в чугурме — папахе, опершись впалой грудью на палку. Неведомо, бодрствовал он или дремал. Палвану даже показалось, что старик стоял так всю ночь.

И снова потянулись глинобитные стены домов, кое-где украшенные орнаментом.

Прохладный утренний воздух отдавал для дехканина запахом города. В косых лучах солнца перекликались на крышах домов петухи. В тишину отчетливо впечатывалось цоканье конских копыт.

— Палван-ага!

Услышав голос Салиджана, Палван обернулся.

— Палван-ага, я заеду в политуправление. Там, наверное, уже ждет меня Мусаев.

Салиджан свернул направо.

Потом пришла пора расстаться братьям. Они придержали коней.

— Ага, я в Нурлавой, увидимся завтра.

— Завтра, наверно, не сможем увидеться,— тихо произнес Палван.

— Почему, ага?

— Ты же слышал, Джунаид-хан начал наступление на Илоли, а красноармейцев там мало. Трудно им обороняться... Наш эскадрон, думаю, сегодня же пошлют в Илоли. Ты там навещай мать, племянника своего.

— Неужто не увидимся?.. А если вместе поедем?— Бекджан умоляюще взглянул на брата.

Но Палван ответил решительно:

— Нет, это невозможно.

— Но ведь мы всегда были вместе. Почему же теперь нельзя?

— Сейчас ты служишь в роте сторожевого охранения. Сам понимаешь, что это такое. Ко всему надо быть готовым. У Джунаид-хана кони быстрые. Может, вам Хиву придется защищать. Нет, брат, тебе здесь надо успевать повсюду. Если не увидимся, прощай!

Признаться, Бекджан и сам понимал, что никуда он уехать из Хивы не сможет. Ведь кроме службы в роте сторожевого охранения он выполнял также обязанности начальника военного отдела в Центральном Комитете только что организованного в Хорезме Коммунистического союза молодежи.

Расставшись с братом, Палван дал волю рвущемуся вперед коню и через минуту оказался перед Таш-дарбаза, южными воротами Ичан-калы, но они были закрыты. «Пока эти откроют, до других доскачешь»,— подумал Палван и направил коня в сторону восточных ворот — Палван-дарбаза.

Быстро промелькнули зеленые и белые поливные кирпичи их башенок, и он очутился в полумгле крытого проезда, казавшейся после весеннего света странной и неожиданной — примыкающая к этим воротам проезжая часть улицы со стороны Ичан-калы покрыта шестью куполами. Когда-то, давным-давно, в неглубоких нишах по краям этого шестидесятиметрового проезда держали закованных узников, а потом купцы приспособили эти ниши для торговли сладостями. Однажды, когда Матчон-тура с Палваном въезжали через эти ворота в Ичан-калу, тура протянул руку вправо и указал Палвану место, где раньше был невольничий рынок: «Здесь мой дед купил твоего деда». Проезжая теперь мимо этого места, Палван вдруг подумал: «А что, ведь и я мог стать преданным господину рабом, выделял же он меня среди своих слуг».

Палван стиснул зубы. Сама мысль, что так могло случиться, была мучительна. «Где же он теперь, этот проклятый тура, виновник гибели Джумагуль? Говорят, бежал к Джунаид-хану. Ну что же... Скоро встретимся».

Он въехал в Кухна-Арк, соскочил с коня возле площадки, где еще не так давно стояла войлочная юрта хана, и, передав поводья красноармейцу, тяжело зашагал к высокому айвану, за которым открывался большой приемный зал.

В этот ранний час там уже собрались командиры всех воинских частей, разместившихся в Хиве. Они ждали командующего Шайдакова, находившегося в Нурлавой на экстренном заседании Временного правительства Хорезмской республики.

Командиры поднялись навстречу Палвану и один за другим поздоровались с ним.

— Палван-ага, как здоровье вашей матери, как ваш сын? Что там нового в кишлаке?— спросил Ахмаджан Ибрагимов — высокий, смуглый йигит.

— Все живы-здоровы, дела там неплохи. Дехкане делят между собой земли туры. Люди было начали наслаждаться мирной жизнью, да вот степной волк...

— Да, степной волк снова взбесился,— сказал Телегин по-узбекски.

— По нашим сведениям, у Джунаида около пяти тысяч всадников,— с тревогой сообщил один из работников штаба.

— Все равно прогоним этого подлеца,— уверенно сказал Миркамил Миршарапов, насупив брови.

В этот момент вошел командующий Шайдаков.

Он говорил на своем особенном, хорошо знакомом и понятном его боевым товарищам языке, состоявшем из смеси русских, узбекских, туркменских и каракалпакских слов.

— Джунаид-хан окружил Илоли, красноармейцы Эрматова уже несколько дней отражают натиск врага, обороняют город. Если быстро не окажем помощь, Илоли можно упустить из рук. Тогда, опьяненный победой, Джунаид захватит Ташауз, Гурлен, Газават и пойдет походом на Хиву... Вода остановится, враг не остановится. Джунаида мы били на левом берегу Амударьи и на правом.— Шайдаков пригладил волосы, прищурил глаза.— Бойся козы, что побывала на базаре.

Все заулыбались.

— Нельзя терять времени.— Голос Шайдакова зазвучал властно.— Полк Миршарапова, конница Палвана, йигиты Ахмаджана Ибрагимова, отряд Телегина сегодня же должны отправиться на помощь Илоли. Красные добровольцы Кушмамат-хана присоединятся к нам в пути.

В полночь красные отряды вышли из древней Хивы, и за ними закрылись ворота.

ГЛАВА ВТОРАЯ

По решению Временного революционного правительства Хорезмской народной советской республики земли ханов, тур и беков распределялись между семьями безземельных дехкан и красноармейцев.

Красные аксакалы с утра до вечера мерили землю и отдавали ее кому положено. Ни разговоры о том, что посягающий на собственность мусульманина действует против ша-

риата, ни угрозы: «Возьмешь чужую землю, а тебя за это паралич разобьет — руки, ноги отнимутся», ни появление басмаческих банд известного своей жестокостью Джунаид-хана — ничто уже не могло сломить революционного духа народа. Ветром свободы дышал и родной кишлак Палвана Пишканик.

В один из этих весенних дней красный аксакал кишлака Пишканик Пирнафас-ака собрал бедняков, разоренных и доведенных до отчаяния Матчон-турой, и сказал:

— Матчон-тура бежал к Джунаид-хану. Кому принадлежит теперь его земля? Она принадлежит тем, кто на ней работает, таким, как мы с вами, беднякам. Теперь мы сами будем хозяевами на своей земле.

Дехкан Пишканика не надо было уговаривать:

— Верно, верно, а ну берите газчуп.

Нашли одного грамотного йигита, дали ему в руки тетрадь, карандаш и сказали:

— Записывай сюда тех, кто получает землю. Наконец-то настало справедливое время, так что, друг, не отказывайся от хорошего дела, послужи беднякам.

Вот они, земли Матчон-туры. Сады, хлопковые и клеверные поля, тянущиеся до самых Каракумов. Пирнафас засучил рукава и начал мерить, громко произнося «бир, икки, уч»—«раз, два, три», следовавшие за ним люди тоже считали вслух. Как будто весь кишлак высыпал в поле.

Баходиру, внуку Айши, всего три года, но он тоже здесь, то вертится под ногами своего дедушки Пирнафаса, которому сейчас не до него, то бежит к бабушке. Больше всех радуется этот малыш, ведь он никогда не видел столько людей. Какое яркое солнце, как весело порхают бабочки. До чего хорошо! Как все это нравится мальчику. Он и сам ни на мгновенье не знает покоя, точно бабочка, подхваченная легким, весенним ветерком. Вот бабушка Айша поймала его, подняла на руки, поцеловала.

— Счастлив ты, малыш, ты увидел такие хорошие дни, будешь жить в такое хорошее, доброе время. Аллах подарит тебе еще лучшие дни.

А газчуп все забегает вперед, отмеривает землю, никому не отдает его Пирнафас-ака, не выпускает из своих крепких рук, а за ним идут бедняки, идут и улыбаются. Не радуются только бывший староста-аксакал и имам кишлака.

— Настал конец мира. Все, кто покушается на чужое, попадут в ад. Накажи, аллах, этого грабителя Пирнафаса.

Пять дней делили земли Матчон-туры.

Уже вечерело, когда Пирнафас-ака вернулся домой, встречать его выбежали дочь Айджамал и внук Баходир.

— Бува, буваджан мой!— восторженно вскрикнул Баходир и кинулся ему на шею. И как только Пирнафас обнял внука, всю его усталость будто рукой сняло.

— Доченька, я вроде слышу голос тети Айши,— сказал Пирнафас-ака и посмотрел в сторону ичкари, женской половины дома.

— Да, она тут, на айване разговаривает с мамой.

Старухи свахи друг в друге души не чают. Айша частенько говорит внуку: «Наверно, уже соскучились по тебе дед и бабушка, пойдем навестим их». И Мастура скучает по ней, тоже говорит, обращаясь к Айджамал: «А ну, доченька, пойдем, посидим, отведем душу у Айши-хола»,— и приходит к ним справится о здоровье, житье-бытье.

Когда Пирнафас-ака подошел к айвану, они уважительно поднялись с места.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь,— сказал он, усаживаясь на циновке, и взял внучонка на колени.

— Что-то вы так поздно пришли?— спросила Айша-хола.

— Сегодня кончили делить последнее поле, шестьдесят участков намерили. Из батраков и семей красноармейцев не осталось никого, кто бы не получил землю.

— Доброе дело людям делаете, да будет долгой ваша жизнь,— сказала тетя Айша, протягивая ему чай.

— И мы, жена, получили три танапа. Земля, которую отобрал у нас ненасытный тура, с лихвой вернулась к нам,— сказал Пирнафас, разламывая лепешки на дастархане.— О, если бы ты видела эти дни, доченька моя Джумагуль, не поверила б своим глазам, решила бы — во сне это,— в руке у него задрожала пиала.

Женщины тяжело вздохнули. Слезы навернулись на глаза Мастуры. Всегда так: лишь только услышит имя дочери, из глаз ее льются слезы. В такие мгновенья Пирнафас стремится утешить жену, приободрить ее. Но что делать теперь, ведь он сам вспомнил о дочери. Сердце его мучительно сжалось. Заплакала и Айша, и тогда Пирнафас, повертев в руках пиалу, попытался переменить разговор.

— Есть ли письмо от Шернияза?— спросил он.

— Есть, милый, есть, даже лицо свое прислал,— сказала Айша и, вынув из складок намотанного на голову платка фотографию сына, протянула Пирнафасу, тот осторожно взял маленькую карточку темными, как земля, пальцами и долго глядел на нее.

— Да...— очень на Палвана похож, богатырь.

Потом Айджамал взяла фотографию из рук отца.

— Отец, можно и я поеду в Ташкент учиться, и я тоже пришлю вам такую карточку. Мы сфотографируемся вместе с Шерниязом.

Свахи переглянулись, и лица их залучились едва заметными улыбками, девочка напомнила им те дни, когда Джумагуль и Палван были еще детьми, весело играли вместе.

— Конечно, и ты поедешь в Ташкент,— сказал Пирнафас.

Айша прижала Баходира к груди и заговорила певуче:

— Палванбай на войне, Бекджанбай в Хиве, Шернияз в Ташкенте, и без детей ой как трудно душе. Хорошо, что у меня есть такой ягненочек, внучонок. Дома у меня вольно и весело, как на базаре.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эшши, Амир — сыновья Джунаид-хана, военачальники, сотники и тысячники Джунаид-хана беспрекословно выполняли его приказы, шли в поход туда, куда посылал хан. Он отдавал свои распоряжения коротко и решительно. Был совершенно безграмотен, но памятлив. Горе тому мирзе-писарю, который исказил бы хоть одно слово его приказа.

Летом Джунаид носил красный шелковый чапан и чекмень, туго перепоясанные длинным шелковым платком. Зимой надевал такой же красный чапан поверх шубы. Отправляясь в поход, он брал с собой кинжал, маузер и винтовку с позолоченным прикладом — с ней он никогда не расставался. Винтовка эта была изготовлена в Англии по его специальному заказу.

Джунаид-хан принадлежал к племени урсикчи — одному из племен многочисленного рода иомудов. Он был сыном большого бая из Бедиркента. В молодости его звали Курбан-Мамедом, он был драчлив, злобен и ничего не боялся. Одержимый честолюбивыми замыслами, повзрослев, он возжелал стать сардором своего племени. Собрав родичей, ограбил в пустыне несколько богатых караванов; потом отличился в боях с нукерами Исфандияр-хана. С тех пор его стали называть Курбан-Мамед-сердар. Но он не ограничился этим. С яростью начал борьбу за то, чтобы именоваться ханом. Ради этого он убил своего двоюродного брата и стал во главе племени джунаид, тесно связанного с его собственным племенем.

Впоследствии Курбан-Мамеду удалось подчинить себе несколько иомудских племен и, наконец, весь род. Тогда и стали называть его Джунаид-ханом.

Джунаид-хан хотел властвовать над всеми туркменскими племенами. В 1918 году, он, казалось бы, достиг этой цели. Начав военные действия против Шомми Лысого, он беспощадно уничтожал людей его племени, сам Шомми был тяжело ранен и вскоре умер. Опасаясь, что их постигнет такая же участь, Гулям-Али-хан и Кушмамат-хан поневоле присоединились к Джунаид-хану.

Но это единение было недолгим. Кушмамат послал своих представителей в Турткуль к командиру Красной Армии Николаю Шайдакову. 10 сентября 1919 года они передали в Турткуле Шайдакову письмо Кушмамата. В этом письме Кушмамат просил оружия для борьбы с палачом Хорезма Джунаид-ханом. Впоследствии Кушмамат сам встретился с Шайдаковым в Шаабазе и заявил о своей верности советской власти. И действительно, в первые же дни революции в Хорезме Кушмамат-хан вместе со своими воинами присоединился около Ходжейли к отряду Шайдакова.

И вот с тех пор он вместе с Шайдаковым. Кушмамат-хану тридцать пять лет. Невысокого роста, рыжеватый, с большими, чуть навыкате, карими глазами. Движения порывисты, говорит быстро, горячо. К воинам своим относится, как к братьям, готов поделиться с ними последней лепешкой.

Джунаид не раз говорил о нем: «Даром что калека, стреляет метко». И тут же добавлял: «Пока не уничтожу его, не будет мой путь свободным».

В марте 1920 года Джунаид-хан внезапно начал наступление на Илоли. Но с ходу ворваться в город не смог. Красноармейцы крепко закрыли ворота, подперли их глыбами камней и мешками с песком. Вместе с горожанами и жителями окрестных кишлаков бойцы, стоявшие на высоких стенах крепости, сдерживали все атаки Джунаид-хана. Комендант крепости Эрматов то и дело скакал от одних ворот к другим, отдавал приказы, приободрял защитников.

Он понимал — еще день-другой, больше выстоять не удастся.

Чтобы избавить город от осады, быстро продвигались к Илоли отряды Красной Армии и красных добровольцев во главе с Николаем Шайдаковым. Рядом с ним ехали Кушмамат-хан и Яхшикелдибек, его брат. Оба в красных туркменских чапанах и ширазских пепельно-серых папахах с верхом

из красного сукна. Хотя Яхшикелдибек на пятнадцать лет старше Кушмамат-хана и борода его уже седая, он беспрекословно выполняет все распоряжения младшего брата.

Прибыли в кишлак Кушмерган. Шайдаков собрал командиров.

— Кушмамат, ты со своими нукерами будешь атаковать Джунаид-хана справа — со стороны захода солнца.

— Есть!— коротко ответил Кушмамат-хан.

Палван чертил плеткой землю. Шайдаков сказал ему:

— Ты будешь наступать на врага со стороны восхода солнца.

— Есть!

В кишлаках Хорезма каждый дом вместе с прилегающими к нему двором и хозяйственными постройками огражден высокими глухими стенами, так что дома, которые предстояло теперь штурмовать, были маленькими крепостями, откуда басмачи могли следить за передвижением красноармейцев. Приблизиться к домам было нелегко, но Палван все-таки пробирался вперед короткими, стремительными рывками. Бойцы следовали за своим командиром. Они ползли по арыкам, перебегали от дерева к дереву, стреляя на ходу. Возле них то и дело свистели пули. В отряде Палвана уже были убитые и раненые. Но некоторые йигиты сумели приблизиться к домам и начали забрасывать их гранатами. Еще рывок — и Палван оказался возле ворот большого дома, принадлежащего богатому баю. Из-за зубцов высокой стены выглядывало дуло пулемета. Палван изо всей силы швырнул гранату, пулемет замолк, граната точно угодила в цель.

Палван и подбежавшие бойцы навалились на ворота, отворили их и с криком «ура!» ворвались в крытый проход, ведущий от ворот дома во двор и внутренние помещения. Стреляя из нагана, Палван вместе с Кутли-мурадом и Сафаргалди вбежал во двор, там он заметил лестницу, но, прежде чем подняться на плоскую крышу, снова бросил гранату. С крыши этого высокого дома, где были сложены снопы клевера и джугары, ему открылась картина боя: он увидел своих бойцов во многих дворах, их пули косили врагов, в панике метавшихся по крышам.

Бойцы Палвана, занимая дом за домом, приближались к городским стенам.

Столь же успешно действовали отряды Миршарапова, Киргизова, Телегина, Кушмамат-хана. А всадники Ахмаджана Ибрагимова отрезали басмачам путь к отступлению, настигали и рубили их.

Весть о том, что красноармейцы гонят басмачей, мгновенно облетела весь город. Почти все жители взобрались на крепостные стены и теперь, волнуясь, наблюдали за ходом боя, кричали, толкали друг друга, размахивали руками. Их волнение достигло предела, когда по приказу коменданта крепости Эрматова были открыты ворота и защитники Илали с громкими криками бросились добивать басмачей.

Войско Джунаид-хана, понеся огромные потери, бежало в пустыню. Отряд Палвана был послан в погоню за врагом. Получив недели две назад это письмо, Палван хотя и прочитал его всего один раз, но запомнил каждое слово.

«Дорогой Палван-ага!

Шлю Вам мой горячий привет из прекрасного Ташкента! Мы живем в полном здравии, в теплом объятии лучезарного города. Всем добрым людям земли счастья желаем, чтобы и вам хорошо было.

С тех пор как уехала из Хорезма, скучаю, тоскую по родному краю. Так хочется выпить хотя бы глоточек воды Хорезма, взять в ладонь горсть его земли. Как хочется мне ходить по его улицам, хоть они зимой превращаются в месиво, а летом покрываются пылью, как мне хочется ходить по этим улицам, жадно-жадно дышать прозрачным, чистым воздухом моей родины. Перед моими глазами всегда Ваш благородный облик. Смех Баходира, его милые слова всегда в моих ушах. О, если бы у меня были крылья, полетела бы сейчас...

Палван-ага! Я и до этого написала Вам письмо, но почему-то до сих пор не получила ответа. Далек от нас край Хорезмский. Не дошло еще, наверное, мое письмо. Летом этого года я окончу курсы по подготовке учителей и приеду в Хорезм. Учеба моя, рада сообщить Вам, идет хорошо. Я часто навещаю в школе Вашего братишку Шернияза, он здоров, учителя довольны им. Вместе с этим письмом отправляю Вам фотокарточку, где я снялась вдвоем с Шерниязом. Палван-ага, я очень тоскую по Баходиру, часто он снится мне по ночам, поэтому, если это не очень трудно Вам, пришлите мне фотокарточку Баходира, и радость моя вознесется до небес.

От меня, всегда тоскующей, передайте привет вашей уважаемой матери Айше-хола, а также нашему братишке Бекджану. Поцелуйте Баходира. Если найдете время, напишите письмо вашей тоскующей сестричке, надеющейся на Ваше участие.

До свиданья. Скучающая по доброму Хорезму

Якутай.

1920 г., март».

Дочитав письмо, Палван бережно свернул тетрадный листок, исписанный рукой Якутай, и положил его в карман гимнастерки. И перед ним возникли картины недавнего прошлого.

... Весь в белых и розовых цветах сад Матчон-туры. Там он впервые увидел Якут-бику, третью жену Матчон-туры, дочь знаменитого бая Хивы Абдулла-туры, ей тогда еще не исполнилось шестнадцати лет. Он поливал сад и, заметив ее, хотел отойти в сторону, но Якут-бика, чуть отвернув краешек шелкового платка, тихо сказала: «Не уставать вам, йигит!»— и посмотрела на него ласковым долгим взглядом. Мог ли подумать тогда Палван, что Якут-бика полюбит его, что дом туры станет для нее ненавистным зинданом.

Гонясь друг за другом, летели годы, и теперь, возле этого бархана, Палвану снова слышится ее голос: «Палван-ага, заберите меня отсюда». Якутай, тогда ее звали Якут-бика, госпожой, готова была бежать с Палваном хоть на край света. Но он любил Джумагуль...

«Все это так,— думал Палван.— Но чем я отплатил Якутай за ее верную дружбу, за то, что она помогала моей семье и спасла мне жизнь».

Воспоминания прервал показавшийся Палвану каким-то уж слишком резким голос Кушмамат-хана.

— Сейчас выступаем, брат. Хороший, наверно, сон видел?— спросил он с улыбкой, стараясь правильно выговаривать узбекские слова.

— Хороший,— ответил Палван.

* * *

Разведка, посланная вслед за Джунаид-ханом, донесла, что он направился в сторону Аччик-кудука —«Горького колодца».

С остатками своего разбитого войска он уходил теперь по древнему караванному пути; перед преследующими его красноармейцами то и дело возникали «дорожные знаки пустыни»— собранные в кучи кости и скелеты верблюдов. Наверху каждой такой кучи белели легкие, выжженные солнцем черепа, иногда среди них виднелись человеческие.

Древний караванный путь... Как века назад, движутся цепью, позванивая колокольчиками, верблюды, тяжело дыша, шагают истомленные жаждой люди.

Барханы... барханы... барханы... Ноги вязнут в песке. С людей и с коней градом струится пот. Стволы винтовок раскалены. Сверкающее марево слепит глаза. Губы потрескались. Мучит жажда, так и тянет, так и тянет припасть к фляге.

— Беречь воду! Беречь каждую каплю!— таков приказ.

В этих палящих песках капля воды ценится дороже золота.

Солнце в зените, такой зной, что кажется, пески горят, со всех сторон полыхают пламенем, дышат жаром, словно огромный дракон мечет из пасти огонь. В такие минуты понимаешь, почему зовут эту бескрайнюю пустыню с ее светло-золотистыми песками Каракумами — черными, гибельными песками. Она и впрямь не знает пощады.

Люди идут из последних сил. А тут еще поднялся гармсель — знойный ветер пустыни. Он колюче ударяет в лицо, забивает песком глаза, рот, уши. Особенно трудно тем, кто здесь впервые.

— Ну и пекло,— говорит русский боец с белыми, опаленными солнцем ресницами и бровями.

— Жарче, чем у горна,— подхватывает его товарищ.

— Даже хуже накаленного тандыра,— вторит им узбек из Ташкента.

Барханы... раскаленные барханы... невыносимый зной. Кажется, можно годами бродить по этим пескам, не встретив ни одного человека.

Джунаид-хана не зря называли царем пустыни. И в самом деле он знал здесь каждый росток, каждый бархан, все колодцы знал как свои пять пальцев. Чтобы измотать красные отряды, погубить их, он велел бросать в колодцы трупы коней, отравлять воду. А те колодцы, которые берег для себя, маскировал до того искусно, что отыскать их было невозможно.

Под вечер приблизились к какому-то колодцу. Еще издали заметив его, бойцы ускорили шаг.

— Колодец, колодец!— ликовали они. Но вскоре их преждевременную радость сменило отчаяние — колодец до половины был зарыт. А легко ли расчистить его! Сколько времени на это понадобится!

— Товарищи! Нельзя допустить, чтобы Джунаид снова ушел. Добить его надо!

И красноармейцы, напрягая силы и волю, снова устремились вперед.

У колодца Баликли произошел жестокий бой. Воздух пустыни сотрясался от пальбы из винтовок и пулеметов. С обеих сторон было немало убитых и раненых.

И снова верблюды и кони двинулись вперед.

В неверном, колеблющемся мареве кое-кому из бойцов уже начали мерещиться вдали озера.

Преследование Джунаид-хана продолжалось.

Бойцы все шли и шли в направлении Аччик-кудука.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Паляз-хаджи, хотя и находился в Ташкенте, знал обо всем, что происходило в Хорезме. Он переписывался со своими единомышленниками в Турткуле, Чарджоу и Хиве, давал им советы и указания.

Паляз-хаджи хорошо помнил то время, когда по приказу Туркестанского комитета Временного правительства часть революционно настроенных войск была выведена из Хорезма. Как только взамен были присланы казаки, хан разогнал правительство младохивинцев. Хусаин-бек и несколько других визирей были пойманы и убиты. Паляз-хаджи, Бобо-ахун и Назир-кур, спрятавшись под паранджами, бежали из города. Очутившись в Ташкенте, Паляз-хаджи стал единственным руководителем «Молодых хивинцев».

Паляз-хаджи был глубоко религиозным человеком. Он то принимал участие в собраниях «Шураи Ислами» в Ташкенте, то, прибыв в Коканд, просил помощи у реакционного правительства — Кокандского мухтариата. Но день ото дня он все отчетливее понимал, что прийти к власти в Хорезме младохивинцы могут только с помощью коммунистов. Поэтому Паляз-хаджи не скупился на революционные фразы. Он не мог не считаться и с тем, что в пору, в преддверии народной революции, партия младохивинцев разрослась и стала неоднородной. Она пополнилась большим числом ремесленников, кустарей, которые хотя и числились младохивинцами, но по своим взглядам и устремлениям были близки к коммунистам.

Комитет «Молодых хивинцев», которым он руководил, помещался в доме № 31 по улице Гоголя.

Паляз-хаджи часто бывал в Совете Народных Комиссаров Туркестана. В этот раз он узнал о том, что в Хиву направляется Чрезвычайная миссия правительства РСФСР и назначенный послом РСФСР в Хорезме Брайдо. Паляз-хаджи явился в Комитет и сообщил об этом...

Бобо-ахун, Назир Шаликаров и другие «Молодые хивинцы» решили отправиться в Хорезм вместе с членами миссии. За несколько дней до отъезда дали телеграмму в Хиву.

Встречать представителей РСФСР и руководителей младохивинцев Временное правительство послало хакимов Хазараспа и Ханка (они пока были оставлены на своих местах).

Когда миссия и младохивинцы прибыли в Чарджоу, хакимы устроили им торжественную встречу. Наготове стояли карета хана и несколько фаэтонов. После недолгого пребывания в Чарджоу двинулись дальше, в Хиву. Глава миссии Бройдо и Паляз-хаджи сели в карету, остальные в фаэтоны. Их сопровождал конный отряд.

Даже на ровной, укатанной дороге за день устаешь в фаэтоне, а они находились в пути несколько дней. К тому же дорога была вся в рытвинах и ухабах. Но куда труднее пришлось конному отряду. Уберечь первую, направляющуюся в Хиву миссию от басмачей, разбойников, от любых возможных в то время напастей было делом нелегким.

— Паляз-хаджи едет...— слова эти с быстротой молнии распространялись по Хорезму.

* * *

После победы революции в Хорезме Паляз-хаджи думал об одном: как бы надежнее защитить интересы хивинской буржуазии. И вот теперь, вернувшись в Хорезм, он, сплотив вокруг себя «Молодых хивинцев», начал деятельную подготовку к выборам.

— Постарайтесь, чтобы на первый курултай попало больше наших людей. Во Временном правительстве Хорезма много «Молодых хивинцев», они помогут нам. Каким будет новое правительство, зависит от таких, как мы с вами, сынов нации,— говорил Паляз-хаджи, обращаясь к своим людям.

— Хаджи-бува, да исполнится по воле аллаха все сказанное вами! Аллах защитит нас, святые будут опорой нам,— отвечали ему.

В это время почти все хорезмские коммунисты находились на фронте. К тому же надо сказать, что люди, только что вступившие в Коммунистическую партию, не обладали должным опытом, почти все были безграмотны, не могли написать даже своего имени.

Хотя Паляз-хаджи был уверен в том, что большинство делегатов будет избрано из числа его сторонников, он лично

наблюдал за подготовкой к выборам, разослал своих людей по всему Хорезму. «Не выпускайте вожжей из рук,— предупреждал он их,— а то не удержаться нам в карете власти».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Бекджан видел, как в запряженной четырьмя конями карете хана Паляз-хаджи торжественно въезжал в город.

«Почему ему такой почет? Ведь этот человек уже был однажды у власти и ничего не сделал для народа. Потом находился где-то в бегах далеко от Хорезма. И вот вернулся... вмешивается во все дела, приходит на заседания правительства как хозяин, и что он ни говорит — исполняется. Как все это понимать?»— думал Бекджан и никак не мог постичь смысла происходившего.

По-прежнему то ночью, то днем заступал он на пост в Нурлавой, у зимнего дворца Исфандияр-хана, в котором теперь разместилось Временное революционное правительство.

Сегодня после ночного дежурства он, как всегда, вернулся в дом Рузмата-махрама, где работали и жили члены Центрального Комитета комсомола Хорезма, и, постлав на пол свою шинель, улегся, подложив локоть под голову, и тут же заснул.

— Бекджан, эй, Бекджан! Вставай! Гость из Ташкента приехал.

— Вставай, джура!

Видно, крепко спал Бекджан, если не сразу проснулся от всех этих возгласов.

— Эй, вставай, не время сейчас спать.

Бекджан с усилием открыл глаза, протер их и не сразу понял, в чем дело.

— Дружище, к нам из Ташкента прибыл представитель Коммунистического Интернационала Молодежи,— объяснил ему Рузмат Юсупов.

Только после этого Бекджан поднялся, и тут он увидел рыжеволосого йигита в кожаном пальто и кожаной фуражке. Тот с улыбкой протянул Бекджану руку:

— Напрасно нарушили ваш сладкий сон.

Бекджан, проворно застегивая пуговицы гимнастерки, сказал:

— Ничего, правильно сделали, что разбудили.

— Бекджан Ибрагимов, начальник военного отдела Комитета молодежи,— представил его гостю вожак хорезмских комсомольцев Рузмат Юсупов.

Гость в ответ назвал себя:

— Евгений Итин.

Все вошли в соседнюю комнату. Посреди стоял стол, накрытый красным сукном, вокруг него расставлены скамейки. На стене — портрет Ленина. Окно без занавесок. На полу не то что ковра или кошмы, нет даже циновки.

— Вот какие мы бедняки,— смущенно сказал Рузмат Юсупов.

— Ничего нам не дают,— объяснил рослый Ахмад Махмудов, пригласив Итина сесть на скамейку.— Временное правительство не то что ковра, не дало нам даже старого войлока. «Зачем молодежи войлок? Можно сидеть на полу. Ковры же и войлок дадим назиратам».

— Кроватью нам служит пол, одеялом шинель, подушкой солома. А вот это для гостей.— Рузмат показал на ветхий стол.— Раскачивается, словно богомолец, так и баюкает.

— Где вы спите, там буду спать и я,— сказал Итин, смеясь. Он расспрашивал Рузмата и его товарищей о том, как идет у них работа и какие трудности им приходится преодолевать.

Посланец Коминтерна внимательно слушал и коротко отвечал на вопросы, а комната тем временем наполнялась молодежью, и Рузмат то и дело представлял Итину своих товарищей: «Зариф Худайберганов, Хайриманат Сайдашева, Хадича Бекмухамедова, Болта Шарипов, Бабаджан Атабаев...— все эти йигиты и девушки наши первые хорезмские комсомольцы».

Когда в комнате стало тесно, вышли во двор, и тут же открылось собрание. Рузмат Юсупов дал слово Итину. Взобравшись на ящик, служивший трибуной, Итин сказал:

— Товарищи! Объединение молодежи Хорезма является секцией Коммунистического Интернационала Молодежи. Вам от Коммунистического Интернационала Молодежи пламенный привет. Мы, политические работники, учителя, прибыли в Хорезм по поручению Ленина. Вам привет от вождя трудящихся всего мира Ленина!

Итин рассказывал о положении в Советской России и в Средней Азии. Он старался, чтобы все его поняли, и порой по нескольку раз подряд произносил одни и те же узбекские слова. Он волновался, и, видя это, присутствующие поддерживали его аплодисментами и возгласами одобрения.

— Товарищи,— продолжал Итин,— я вижу, вас еще мало, но все мы уверены, ваши ряды пополнятся. Из капель образуются ручьи, из ручьев — реки.

Потом на трибуну поднялся Рузмат Юсупов.

— От имени молодежи Хорезмской республики мы твердо обещаем: молодежь Хорезма будет всегда защищать интересы трудящихся. Мы примем участие во всемирной революции — есть у нас такая надежда, друзья.

* * *

Прошло немного времени, и Итин крепко сдружился с комсомольцами Хорезма. Он жадно вникал в окружающую его жизнь, все его интересовало. Вечерами, лежа на полу, на солдатской шинели, он слушал своих товарищей, их бесхитростные повести о жизни.

Итин радовался, видя, как энергично и решительно взялись за дело хорезмские комсомольцы. У тур, беков, богатых торговцев и ишанов они забирали подростков-слуг, батраков и устраивали их в школы. Для детей-сирот были открыты интернаты.

Вот и сегодня чуть свет Карим Балтаев привел трех мальчиков-беспризорников.

— Каримбай, где ты их нашел?— спросил Рузмат Юсупов.

— Этого в сторожке рыбака, а этих вот возле караван-сарая.

Карим Балтаев был совсем еще молодой йигит, но в его неторопливой речи и спокойных движениях чувствовалась степенность и даже солидность, свойственная уверенным в себе людям. Он безотказно выполнял любое поручение, не щадил себя в работе. Непонятно, откуда только брались у него силы. Читал иногда ночи напролет. Жадно прислушивался к разговорам, но сам был молчалив. Как говорится, на десять слов отвечал одно, за что товарищи прозвали его «угадайкой».

Дети, которых привел сейчас Карим, были жалки на вид,— сердце сжималось, глядя на них. Босые, грязные, в болячках и ссадинах. Их лица были до того черны, что трудно было отличить одного от другого.

— У тебя есть отец?— спросил Бекджан у мальчика, найденного в сторожке рыбака.

— Отца моего убил Исфандияр-хан.

— А у тебя?— спросил Евгений у мальчика с непокрытой лохматой головой.

— Отца не знаю, говорят, умер в темнице.

— Мой отец был красноармейцем. Убили в бою,— ответил, не дожидаясь вопроса, третий.

Бекджан поделил между мальчиками свою лепешку, которую они вмиг проглотили.

— Будете учиться в школе,— сказал Ахмеджан.

— В какой школе?— спросили они разом.

— В школе, которая называется интернатом. Вас там будут кормить, обувать и одевать,— пояснил им Рузматбай.

Дети ничего не ответили и только пугливо озирались по сторонам.

Через некоторое время привел двух мальчиков и Матназар Худайназаров. Эти тоже истощенные, грязные, в каких-то жалких клочьях одежды.

Бекджан, Итин и Карим Балтаев повели детей в интернат на Нурлавой.

Они прошли по перекинутому через канал мосту и очутились у зубчатой стены с высокими воротами, облицованными голубыми изразцами.

— Что там?— спросил Итин.

— Гарем хана,— ответил Бекджан, знавший теперь Нурлавой, как ладонь своей руки.

Войдя в ворота, Итин и его спутники оказались в длинном крытом проходе. Вдоль его с обеих сторон были комнаты, некоторые из них еще недавно служили тайными тюремными камерами. В конце были вторые ворота и за ними освещенное несколькими люстрами помещение с дверями в комнаты кормилиц и служанок, а дальше проход, ведущий в гарем хана.

— После революции из этого гарема мы освободили девяносто три рабыни,— сказал Бекджан Итину.

Теперь в бывшем гареме разместился Назират просвещения, а в домах ханских жен жили воспитанники интерната.

В этом первом хорезмском интернате пока не было ни кроватей, ни столов, ни стульев. Дети лежали на полу, устланном кошмой, укрывшись вдвоем одним толстым, стеганым одеялом. У иных под головами не было даже подушки.

Когда комсомольцы привели сюда чумазых беспризорников, на веранде, где только что царил шум и гомон, вдруг стало необыкновенно тихо. Дети, даже те, кто прожил тут всего несколько дней, подошли к новеньким и уставились на них, точно перед ними были какие-то удивительные существа. Видно, они уже не представляли себе, что совсем недавно и сами были точно такими же. Бекджан подвел детей к заведующему интернатом Хусейну-эффенди.

— Вот, ага, пополнение вам.

Хусейн-эффенди печально покачал головой и сказал, мешая турецкий язык с узбекским:

— Увидишь, общежития нет, одежды не хватает, а детей мал мала хватает.

— Хусейн-эффенди, вы же сами знаете...— умоляюще посмотрел на него Каримбай.

— Знаю, знаю, ладно, оставьте,— махнул рукой Хусейн-эффенди.— А ты, сынок, сегодня поможешь мне,— обратился он к Каримбаю.

Проводив Итина в Назират просвещения и оставив его там, Бекджан вышел на улицу. До того, как он должен заступить на пост, еще оставалось время. Мимо него прошла девушка в парандже, потом толстогубый, румяный йигит, что-то нашептывая и улыбаясь. «Влюбился, стихи, наверно, сочиняет»,— подумал Бекджан. Он расправил плечи, запрокинул голову, зажмурился от солнца, и вдруг захотелось пройти по городу вслед за людьми. И он пошел, медленно кружа в путанице улиц, слушая утренний шум. Так он ходил, пока вдруг не очутился перед мавзолеем Пахлаван Махмуда, вздымавшим в небо свой огромный зеленый купол.

Постояв у мавзолея, Бекджан отправился на улицу Гадои, где жила семья Сабира-ака. За воротами Ичан-калы он свернул на улицу Мехтарабад, прошел, опустив глаза, мимо дома недавно умершего Аваза. Отсюда до дома Сабира-ака рукой подать.

Хотя у Бекджана и не было в Хиве родственников, но он не чувствовал здесь себя одиноким. И в самом деле, Айманхан, жена Сабира-ака, была для него словно мать. Вот и сейчас, увидев входившего в калитку Бекджана, она радостно засуетилась, быстро расстелила дастархан, принесла лепешек, заварила чай.

— Милый ты мой, почему так давно не приходил? Как поживает Айша-хола? Какие вести от Палвана? А Баходир уже, наверное, бегает, резвится вовсю?

Бекджан рассеянно отвечал на ее вопросы, что не скрылось от внимания Айманхан. Она забеспокоилась, не случилось ли чего недоброго, внимательно посмотрела в лицо парню, а тот, заметив тревогу в ее глазах, вдруг весело улыбнулся, дескать, все в порядке, все хорошо, а сейчас в ее доме ему и того лучше.

Тем временем хозяйка дома все потчевала Бекджана и предавалась сладким мечтам о будущем. Хотя дочь ее Султан-пашша и не была помолвлена с Бекджаном, Айман-

хан смотрела на него как на будущего зятя. «Конечно,— думала она,— Бекджан не похож на своего брата Палвана: и ростом мал, и в плечах не широк, и лицо в пятнышках оспы, но какой он прямой и душевный, сердце у него золотое». Она и думать не хотела о том, что у ее дочери может быть другой муж. Слава аллаху, она жизнь знает. Счастье, что родители отдали ее Сабиру, а не какому-нибудь красавцу и гуляке.

Думая так, она говорила Бекджану о Сабире-ака. Он теперь редко дома. Разъезжает по кишлакам, организует партийные ячейки. Вот и нынче уехал в Кият, и здесь в Хиве у него забот хоть отбавляй, да еще беспокоится о семьях тех, кто ушел на войну, обеспечивает бедняжек едой, одеждой.

Потом Айманхан зашла на минуту в комнату, вынесла оттуда письмо и словно невзначай сказала: «Вот пришло от дочери из Ташкента, она и вам привет посылает». Айманхан протянула Бекджану письмо, тот неторопливо взял его и начал читать, но долго не мог продвинуться дальше первых двух строк: он так живо представил себе густобровую красавицу Султан-пашшу. Потом, возвращая письмо Айманхан попросил: «Будете писать вашей дочери, и от меня привет передайте». И сразу же заторопился. «До свиданья, Айманхан-апа,— сказал он и приложил руку к груди.— Пора мне в Нурлавой, правительство охранять».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как только отступающий Джунаид-хан прибыл в Аччик-кудук, ему сразу же поставили огромную юрту.

Здесь, среди редких кустов саксаула, окруженного со всех сторон песками, было несколько колодцев. Хоть и назывались колодцы горькими, вода в них была вкусная и холодная. Эти колодцы были надеждой путников на древней караванной тропе.

«Воды!»— тихо и властно произнес Джунаид-хан, не слезая с коня. И тут же в специальном ковше, припасенном для него, поднесли ему воды. Он залпом выпил, сказал «слава аллаху» и, поддерживаемый проворными йигитами, слез с коня.

Его усталые, изможденные в походах всадники подъезжали к Аччик-кудуку. Скатываясь с коней, они жадно пили воду, затем поили своих коней и верблюдов.

Джунаид-хан скрылся в юрте и сразу же приказал явиться предводителям. Через некоторое время, отряхнув одежду и папахи от песка и пыли, в юрту один за другим

вошли его сыновья Эшши, Амир, за ними тысячники и сотники. Молча уселись. По правую сторону от Джунаид-хана — Хан-ишан. Матчон-тура и Матназарбай расположились у самого входа.

Поражение, бегство от преследовавших их красных отрядов, вечная угроза смерти вконец извели этих людей. Джунаид-хан исподлобья оглядывал их: брови у всех были хмуры, лица сумрачны.

Желая знать о потерях и о том, сколько осталось людей, Джунаид-хан обратился к похожему на казаха русобородому, с приплюснутым носом человеку, который сидел, не в пример другим, поигрывая камчой.

— Ага, пятьдесят конных,— тихо ответил Чайракбай.

Не меньше, чем сидевшему рядом с ним Хан-ишану, Джунаид-хан доверял Чайракбаю. В 1918 году, когда он правил Хорезмом, Джунаид-хан назначил Чайракбая хакимом Ташауза. Тогда старый хаким города Сафар-дампачи, видимо, обиженный этим, спросил: «Если я здесь хаким, так зачем же еще второй хаким?», но тем не менее вынужден был подчиниться приказу Джунаид-хана и уступить власть Чайракбаю. Теперь этот Сафар-дампачи тоже тут.

Джунаид-хан взглянул на старшего сына Эшши.

— Сколько у тебя осталось конных?

— Шестьдесят, из них пять раненых,— не раздумывая, ответил Эшши.

В последние дни он похудел так, что торчали одни скулы, а карие глаза покраснели и казались кровавыми. Хотя ему было тридцать пять лет, сейчас можно было дать все пятьдесят. Его младший брат Амир, не ожидая вопроса отца, ответил:

— Много людей погибло, осталось сорок конных.

Когда сотники и тысячники доложили, сколько йигитов убито и сколько ранено, Джунаид-хану стало ясно, что под его водительством сейчас не более четырехсот конных нукеров. Велики потери! Джунаид-хан погрузился в раздумье.

Человек, четыре месяца назад правивший всем Хорезмом, слава о котором, хоть и худая, гремела по всей долине, почитавший себя непобедимым львом, сидел сейчас угрюмый, ссутулившийся. Не только поражение и бегство, но и сам вид Джунаида действовал на всех находившихся в юрте угнетающе.

Долго сидел, задумавшись, Джунаид-хан. Наконец поднял голову, приказал: «Чилим!»

— Патронов хватит?— спросил он у своих главарей.

— Нет,— ответили они.

— Хан-ага, пулемет отказал. Никто не может починить его.

Глаза Джунаид-хана засверкали:

— Что же делать?

Главари, не торопясь, начали высказываться. Мнения разделились. Одни говорили: «Надо крепко стоять у этих колодцев. Красные отряды устали. Когда они подъедут сюда, у них не будет воды, и мы их одолеем». Другие же считали, что надо отходить дальше: «Нельзя рисковать. Сил у нас маловато. Надо заманить красных поглубже в пустыню и там, у Урта-кудука, среднего колодца, уничтожить их».

Предложения были разные. Один говорил так, другой — эдак. Джунаид-хан, то покусывая кончик своей пышной белой бороды, то теребя ее пальцами, внимательно слушал. Но пока что ни одно из этих предложений не было ему по душе. А его самый близкий друг Чайракбай, которому он доверял больше всех, почему-то сидел молча.

— Чайрак, что с тобой, уж не лишился ли ты языка? — взглянул на него Джунаид-хан.

Чайракбай, много испытавший, уже давно связанный с Джунаид-ханом, видя сейчас, в каком тот состоянии, начал осторожно, взвешивая каждое слово:

— Ты наш хан, мы верные твои воины. Что ты ни скажешь, мы исполним. Скажешь: умри — умрем. Скажешь: воюй — будем воевать.

Джунаид-хан, ожидавший главного, с заметным нетерпением взглянул на него: давай, мол, говори, что там у тебя на душе.

Чайракбай самый близкий Джунаид-хану человек. Джунаид никогда не разлучался с Чайракбаем. Они были вместе во всех походах. Когда Джунаид воевал против большевиков в Турткуле, Чайракбай и тут не отстал от него. В 1919 году он поручил Чайракбаю договориться с большевиками о мире, а когда в январе 1920 года Джунаид был разбит революционными войсками, он бежал за границу, захватив с собой и Чайракбая. Переговоры с правительством Англии Джунаид-хан также поручил ему, а потом, получив от англичан оружие, Чайракбай помог Джунаид-хану собрать новое войско.

Чайракбай снял с головы мохнатую папаху, затем, словно ковер, расцвеченную рисунками туркменскую тюбетейку, отер с головы пот и продолжил:

— Сердар-ага, есть мудрое речение: «Труднее всего, когда свои в беду ввергают». Кушмамат, Гулям-Али продались большевикам, лижут ноги русским...

— Хуже всех Кушмамат. Он кяфуров братьями считает. И этот Палван...— сказал Джунаид-хан, внимательно слушая его.

Произнесенное вслух имя Палвана невольно повергло в дрожь Матчон-туру. «Мой вчерашний раб сегодня султан над султанами. Даже Джунаид-хан боится его. О всевышний, что за времена настали?! Почему так весь мир перевернулся?»

После долгого раздумья Чайракбай подвел итог:

— Прибыли отряды из Ташкента. У большевиков сил много. Временно надо помириться с ними.

«Возможно, эти мои слова не понравятся моему хану-ага, не захочет он склонить голову перед большевиками, но я сейчас не вижу другого выхода»— подумал про себя Чайракбай и исподлобья взглянул на Джунаида.

— Что скажет наш пир?— Джунаид повернулся к Хан-ишану.

Уже с давних пор Джунаид считал Хан-ишана своим «пиром», духовным наставником, себя же — его мюридом. Поэтому он почитал своим долгом постоянно прислушиваться к его словам.

— Чайракбай верно говорит: сил у нас мало, надо мириться...— коротко произнес Хан-ишан.

Все уставились на Джунаид-хана: последнее, решающее слово должен был сказать он. Наконец Джунаид-хан поднял голову и произнес:

— Надо мириться и вновь собирать силы. Чайрак, ты будешь моим представителем.

Прежде чем тронуться в путь, Джунаид-хан приказал замаскировать колодцы.

Через некоторое время поднявшийся ветер завыл, начал швырять и гнать во все края тучи песка. Таяли, исчезали барханы и тут же образовывались новые.

* * *

Отряд Палвана, прибывший к Аччик-кудуку, не мог обнаружить никаких следов колодца.

Туркмен Сафаргалди, искусный следопыт, по малейшему признаку находивший в пустыне дорогу, вел теперь отряд. Он внимательно вершок за вершком осмотрел все вокруг. В том, что они находятся в местности Аччик-кудука, Сафаргалди не сомневался. Хотя он был здесь давным-дав-

но, но хорошо запомнил эти заросли саксаула, похожие на разбредшееся стадо, и вытянувшиеся ленточкой кусты сюзена, каракумской песчаной акации. «Да, это Аччик-кудук, но где же колодцы?!»

И Палван, за годы странствий по пустыне хорошо узнавший все ее тайны и коварство, тщетно искал их. Он видел, как изнемогающие от жажды русские бойцы разрывают руками песок. «Да... не зря говорится — капля воды, отданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за сто лет».

Вместе с Сафаргалди и Палваном колодец искали все, кто еще держался на ногах.

В полдень поднялся сильный буран. Песок колюче ударял в лицо, забивался в уши, в нос, скрипел на зубах. Но, несмотря на все это, люди, похожие в тучах песка на какие-то странные тени, продолжали поиски.

Вот буран начал стихать. Сквозь взметенный песок и пыль пробились лучи солнца. Палван, протиравший глаза, забитые песком, вдруг заметил невдалеке что-то сверкающее.

— Сафаргалди, что это там сверкает?

— Палван-ага, вы устали, вот вам и мерещится,— ответил Сафаргалди.

— А ну пойдем посмотрим,— сказал Палван.

Бойцы, едва волоча ноги, двинулись за своим командиром.

— Это лопата,— сказал Сафаргалди, поднимая с земли лопату без ручки.— Откуда она здесь?

— Может быть, у нее ручка сломанная, когда маскировали колодец?— спросил Палван.

И бойцы тут же принялись рыть вокруг места, где нашли лопату. Ныли от усталости руки и ноги, нестерпимо ломило в суставах, по лицам градом струился пот.

Долго рыли и уж начали было терять надежду, но вот тяпка Сафаргалди стукнулась обо что-то твердое. Все кинулись к нему.

— Саксаул!— закричал Сафаргалди.

— Саксаул!— закричали все.

Теперь в руках йигитов появилась какая-то сверхъестественная сила. Они работали с остервенением. Наконец, добравшись до покрытия, они отбросили войлок и плотно пригнанные друг к другу жерди саксаула. Под ним крышка колодца!

— Колодец!— Сафаргалди от радости обнял Палвана.

Палван заглянул в круглый колодец, показавшийся ему бесконечным.

— Вода! Вода!— кричали, ликуя, бойцы.

Тут же спустили в колодец на длинной веревке ведро. Все с нетерпением ждали, когда его поднимут.

Несколько бойцов, растянувшись цепочкой, тянули веревку: в Каракумах колодцы очень глубокие, и вытащить из них воду одному человеку не под силу. Внутри колодец закреплен плетеными кругами из ветвей сюзена. Вырыв яму, опускают первый круг, потом, углубившись, второй и так до самой воды.

— Стойте! Как бы вода не оказалась отравленной,— сказал Сафаргалди и, понюхав воду, медленно начал пить.

Все взгляды были устремлены на него.

— Чистая и вкусная вода!

Бойцы, выстроившись один за другим, подходили и пили. Люди обретали жизнь, и не только они — обретала жизнь пустыня, ржали напившиеся воды кони, протяжно ревели, прося воды, верблюды.

Вскоре к Аччик-кудуку подъехали отряды Миршарапова, Киргизова и Кушмамат-хана.

Прибывшие бойцы еще не развьючивали верблюдов, когда отряд Палвана снова двинулся в путь.

Преследование Джунаид-хана продолжалось.

* * *

Командование Закаспийского фронта уже давно начало принимать самые энергичные меры, чтобы на земле Хорезма установился мир, чтобы во все стороны разбежавшийся из-за грабежей народ возвратился в свои родные места.

Для заключения мирного договора с Джунаид-ханом был послан отряд во главе с Бакиром Белоусовым; бывшим комиссаром татарской бригады. Хорошо знавший туркмен, их нравы и обычаи, Бакир взял с собой несколько человек и среди них названого сына Джунаид-хана, бывшего царского офицера Авазбаева, и двух ишанов. Погрузив на верблюдов воду и продовольствие, отправились в дорогу. Появление Бакира с горсткой красноармейцев чрезвычайно удивило Джунаид-хана. «Неужто они не боятся смерти?»

Бакир, догадываясь о мыслях хана, ответил спокойно и твердо:

— Нас привела сюда великая цель. Народы Хорезма хотят жить в мире. Надо покончить с кровопролитием. Вы испытали на себе, сколь сильна Хорезмская республика. С сегодняшнего дня вы должны прекратить военные действия, должны сдать все оружие и подчиниться указам Хорезмского народного советского правительства. Если вы

примете эти условия, вам простят все преступления, все ваши люди будут амнистированы и вам будет дано разрешение жить и заниматься мирным трудом там, где вы захотите.

Джунаид-хан исподлобья взглянул на Бакира:

— Я согласен.

— Мы ваше согласие и то, что вы приняли все наши условия, должны довести до сведения Хорезмского советского правительства. Дайте нам своего представителя, который изложил бы ваши условия,— произнес Белоусов.

Джунаид-хан сказал, что пошлет вместе с ними Чайракбая и что сам он скоро прибудет в Тахт.

После этого командующему Шайдакову было дано указание о временном прекращении всех военных действий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Джунаид-хан, проводив Белоусова и Чайракбая, вызвал к себе Матчон-туру. Протянув ему пиалушку крепко заваренного зеленого чая, осведомился:

— Как ваше здоровье?

— Здоровье, ага, хорошее, но в сердце моем кипит месть,— начал Матчон-тура.— Я, сердар-ага, лишился дома, земли, всех своих богатств, семьи лишился. Все отобрали у меня большевики. И жена моя присоединилась к ним, сбил ее с пути мой раб, Палван.

— Палван — собака,— сказал злобно Джунаид-хан.

— Хан-ага!— с чувством воскликнул Матчон-тура.— Эти низкие, эти рабы смеют повелевать нами, потомками великих людей! Можно ли стерпеть такое?

В голосе Матчон-туры Джунаид-хан почувствовал укор: «Ты ведь решил с ними мириться...»

«Нет, не буду мириться»,— хотел было сказать Джунаид-хан, но удержался.

— Тура, сил у меня сейчас мало, всего несколько сот нукеров.

— Знаю, ага,— печально произнес Матчон-тура.— Сейчас нет другого выхода.

— Но, как наберу новое войско, покажу я им...— мстительно произнес Джунаид-хан.

— Да поможет тебе аллах, мы, твои рабы, готовы служить тебе,— сказал Матчон-тура, нагнув голову.

И тут Джунаид-хан объяснил, с какой именно целью он вызвал к себе туру.

— Надо настроить народ против безбожников большевиков. Пусть ишаны и все уважаемые люди твердят повсюду: «Как не может дружить джейран с волком, так не может дружить мусульманин с кяфуром». Да сохранит тебя аллах,— сказал Джунаид и пожелал ему счастливой дороги.

Матчон-тура, собираясь в путь, оделся по-чабански. Письмо Джунаид-хана он спрятал в чарыги и вместе с Матназарбаем и своим слугой Мадраимом Черным отправился в Хиву. В случае, если их задержат, решено было сказать: «Наших баранов, которых мы пасли в пустыне, забрали басмачи. Идем в Хиву жаловаться на них правительству».

На третий день они увидели Хиву. Только-только светало. Муэдзины еще не начали созывать народ в мечети. Они спешились, глухим, заброшенным кладбищем пробрались к стене Дишан-калы и, пройдя через известный им потайной ход, оказались в городе. Возле Нурлавей — дворца бывшего хана Саида-Абдуллы, Матчон-тура отпустил своего слугу:

— Мадраим, сделаешь то, что я сказал тебе.

После этого тихо постучал в ворота. Когда открыли, он вошел вместе с Матназарбаем. Сторож сразу же узнал Матчон-туру и пошел сообщить о нем. Они ждали довольно долго, пока из ичкари вышел заспанный Саид-Абдулла.

— Наконец-то свиделись, дядя,— сказал Матчон-тура и обнял его. Затем представил своего спутника:— Матназарбай.

Саид-Абдулла не сразу узнал его. Матназарбай объяснил:

— Я — младший сын Шерназарбая.

И только после этого Саид-Абдулла произнес:

— Отец твой был очень достойным человеком. Ну, что же вы, гости, проходите, пожалуйста.

Они немало удивились, видя, что в Нурлавей ничего не изменилось. От всего здесь веяло властью и великолепием. Нарядные залы, ковры, дорогие украшения. Во внешнем дворе по-прежнему живут верные Саиду-Абдулле слуги. Они уже поднялись и, как в прежние времена, принялись за свои дела.

По приказу Саида-Абдуллы гостей переодели. Увидев их в новых шелковых халатах и мягких, с загнутыми носками ичигах, Саид-Абдулла улыбнулся.

— Вы снова стали похожими на себя. В таком вот виде теперь можно идти к властям и просить прощения. Скажите, что бежали в панике, а теперь опомнились, вернулись.

— Я буду просить прощения,— выпалил Матназарбай, но Матчон-тура сурово взглянул на него:

— Не спеши.

— Вы устали в дороге, не зря говорят: «Муки дорожные как муки загробные», поешьте, отдохните, потом поговорим обстоятельно,— сказал Саид-Абдулла, внимательно вглядываясь в Матназарбая, и вышел из комнаты. Вслед за ним вышел и Матчон-тура.

— Хан-ага просил передать салям и вот это письмо...

Саид-Абдулла, не останавливаясь, взял письмо и, чуть кивнув головой Матчон-туре, принялся читать письмо Джунаида:

«Питая к вам великое уважение, наш почтеннейший друг Ибн-хакон Саид-Абдулла-хан...» Изъявив в столь пространных и высокопарных выражениях свое расположение к бывшему хану, Джунаид далее сообщал, что готов на все, чтобы снова восстановить ханство, и что он намерен возвести на трон Саида-Абдуллу.

Еще раз внимательно прочитав письмо, Саид-Абдулла жадно выпил касу воды с опиумом и, опьяненный, предался сладким думам.

Саид-Абдулла так размечтался, что даже не заметил, как в беседку вошел Матчон-тура.

— Прочитали письмо?— спросил он.

От его голоса хан вздрогнул, потом уставился на туру помутневшими глазами и после долгого молчания произнес:

— Прочитал, племянник, утром очень хорошие вести, а какие будут вечер и ночь?..

— Вы можете преспокойно жить, наслаждаться, только помогайте деньгами и подпишите написанные мною письма. Все остальное предоставьте мне.

— Я всегда доверял тебе, племянник, но...

— В нашем крае многие поддерживают ваше величество...

«Ваше величество»,— говорит он. До чего приятно звучит!»

Саид-Абдулла снова выпил опиум и предался розовым мечтам.

* * *

Матчон-тура побывал у своих родственников. Погостил. Поделился с близкими ему людьми своими мыслями.

Вот и сейчас, возлежа на ковре в доме Абдулла-тура, своего бывшего тестя, он тихо говорит собравшимся:

— Представить себе Хорезм без хана — это все равно, что молиться, совершать намаз без имама. Если нет головы, к чему одно бездыханное тело? Или вы желаете, чтобы над нами владычествовали большавои?

— Матчон-тура верно говорит. Они рушат нашу жизнь, отбирают все наши богатства. Разве можно терпеть такое!— сказал Абдулла-тура.

Собравшиеся здесь смотрели на Матчон-туру как на избавителя. Эти люди ненавидели революцию, ненавидели прибывших из Ташкента большевиков и красноармейцев, да и своих джадидов, призвавших в Хорезм этих неверных. И каждый из присутствующих горел желанием мести.

— На кол их всех! Сбивают народ с пути, позорят нашу священную веру,— злобно произнес Инак-тура.

Надо прогнать большавоев, а с джадидами нашими не так уж и трудно будет справиться... И тогда снова начнется настоящая жизнь — все будет по-старому.

Когда гости разошлись, Абдулла-тура проводил Матчон-туру в отведенную ему комнату и, остановившись в дверях, сказал дрогнувшим голосом:

— Тура, моя дочь Якут-бика опозорила меня, ранила мое сердце. Я проклял ее. Если бика приедет из Ташкента, я сам задушу ее. Простите нас, зять.

— Ата, моя вина больше, не думал, что так получится.

Эти слова Матчон-туры хозяин понял как извинение: «Напрасно я дал уч-талак, тройной развод, вина моя». А Матчон-тура сказал их в ином смысле: «До тех пор, пока моя жена не присоединилась к большавоям, я не думал, что своими руками должен был убить ее, вина моя». Еще недавно Абдулла-тура ходил обиженный, разгневанный тем, что Матчон-тура дал Якут-бике троекратный развод, вынашивал в своем сердце месть. А теперь? Теперь, забыв обо всем этом, думал: «Такова воля бога, значит. Прежде дочь, а нынче общее дело породнило меня с этим человеком».

— Буду помогать вам, сколько сил моих хватит, жизнь отдам, не пожалею даже последней капли крови,— сказал он, преданно глядя в глаза Матчон-туре.

* * *

В кишлаке Пишканик Мадраим Черный встретился со своим приятелем дехканином Раимом. Рассказав ему о себе, спросил:

— Что теперь делать, джура?

— Мадраим, у тебя, видно, голова не работает. Зачем ты бежал вместе с турой?

— Он — хозяин...

— Нет, теперь он нам не хозяин...Вот и мне землю дали, два танапа...Ну, подумай сам: ни земли у тебя, ни дома! До каких пор ты будешь странствовать? — сказал Раим, сочувствуя ему.

— Что же мне делать, посоветуй...— нахмурился Мадраим Черный.

— В нашем кишлаке есть красный аксакал. Пойди к нему, покайся в своей вине. Вот,мол, ошибался, а теперь прозрел.

— А кто красный аксакал?

— Пирнафас-ака,— ответил Раим, протягивая ему чай.

Услышав имя Пирнафаса, Мадраим вздрогнул и переспросил:

— Пирнафас, говоришь, красный аксакал?

— Да.

— А ты что, забыл, как мы поймали его и избили?

— Да, было такое... Тура велел. Но мне ничего не сказали, простили, не хранят они в сердце злобы.

— Боюсь все же...

— Не съест же тебя Пирнафас-ака. Он вовсе не такой, как Сайфи-аксакал. Бедняк он, как мы с тобой.

В этот же день Мадраим явился к Пирнафасу. Почтительно поздоровавшись с ним, сказал: «Вот, вернулся я» — и, сложив на груди руки, опустил голову.

— До чего же ты изменился, лица на тебе нет. Уж не болен ли ты? Ничего из того, что посулили тебе, не нашел. Эх, и зачем ты бежал в пески? — участливо говорил Пирнафас-ака.

— Матчон-тура принудил, вы уж простите.

— Мадраим,— тихо, проникновенно произнес Пирнафас-ака,— мы сбросили хана с престола. Джунаид-хан бежал, и твой тура исчез невесть куда. Теперь началась свободная жизнь, все вольные: и ты и я, все, понимаешь? Захочешь, дадим землю, и ты будешь работать в нашем кишлаке, а хочешь — работай в городе, женишься, обзаведешься семьей...

Пирнафас-ака еще что-то говорил, успокаивая Мадраима и желая ему добра, но тот уже почти не слушал. Его поразило, что этот красный аксакал Пирнафас и не подозревает о том, где теперь находится тура, в то время как он в Хиве, во дворце хана Саида-Абдуллы. «Дураки же вы все. Еще не было такого в мире, чтобы люди жили без хозяина. Вот приедет Матчон-тура в Пишканик, и будете вы в ногах у него ползать».

Сказал же он Пирнафасу-ака совсем другое: «Устал я, скрываясь в пустыне, еще не решил, что делать и где жить. Посоветуюсь с родственниками».

Через три дня Мадраим Черный возвратился в Хиву, он спешил рассказать Матчон-туре о том, что видел в Пишканике. Он успел там тайно встретиться с бывшим аксакалом и еще двумя верными туре людьми, которым тот велел явиться в Хиву. Во дворце Саида-Абдуллы ему сказали, что туры сегодня нет, велели приходить завтра.

Снедаемый желанием побыстрее рассказать хозяину обо всем увиденном и услышанном в Пишканике, Мадраим Черный и сам не заметил, как приблизился к городскому дому туры. Встреча с Раимом, с красным аксакалом Пишканика и бывшим аксакалом, вчерашние батраки, говорящие о земле Матчон-туры как о своей собственной,— все это одно за другим проходило перед его глазами. «Возможно, Матчон-тура давно здесь»,— подумал он и вошел во двор. Там никого не было. Кругом темно, мертвая тишина. Под потолком далана, где раньше горели люстры, тускло поблескивала свеча. Мадраим постучал в калитку, ведшую в ичкари. Через некоторое время вышла служанка Пашшаджан-бики. Узнав Мадраима Черного, поклонилась, привела его в гостиную, пригласила сесть, расстелила дастархан, вынесла на подносе чашку каймака и лепешки.

— Пашшаджан-бика кланяются вам, они очень рады вашему приходу.

Мадраим оглядел гостиную. Вместо многих, игравших своими красками, ковров был постлан один старый туркменский. Нет ни шелковых курпа, прежде возвышавшихся горой на сундуке, ни тонкой, разукрашенной фарфоровой посуды, ни люстры под потолком. Мадраим невольно подумал: «А каков-то был этот дом прежде! Никогда не переводились знатные гости, все играли и пели музыканты. Батраки и слуги не знали покоя, бегали, подавали гостям то еду, то вино. Каждый день пиры до рассвета. Прежде ни один бедняк, ни один посторонний не смел зайти сюда. Не спала стража, ржали буланые кони. А теперь никого и ничего, точно бы выехали отсюда хозяева. Матчон-тура, еще недавно бывший турой над всеми турами, близкий к самому хану, теперь вынужден тайком пробираться в город. В собственный дом прийти боится. Как изменился мир!»

Через некоторое время служанка Пашшаджан-бики принесла еду и сказала.

— Моя бика послала вам.

— Как живут они?— спросил Мадраим.

— Очень хорошо, как веселы они были прежде, так и теперь.

— Кто есть в доме?

— Старая бика, Пашшаджан-бика, Бикаджан-бика, сыновья, маленькие туры. Я да еще две служанки. И больше никого. Все батраки, конюхи, чабаны ушли. Сторожем у ворот тот же самый старик-бува, да он больной, ночует у себя в каморке.

— Тура дома?

— Нет, приходил один раз вечером... Мадраимджан, вы, наверное, устали, останьтесь тут. Стоит ли на ночь глядя в кишлак идти? Подождите немножко туру, не придет — закроете ворота, а теперь я пойду, у меня в ичкари дел много,— сказала служанка-старуха и ушла.

И в самом деле, Мадраиму ночью в кишлаке делать нечего. Ни дома у него там, ни жены, ни родителей. Так и остался он сидеть один в большой гостиной, очень довольный гостеприимством Пашшаджан-бики. «Вот ведь какая заботливая красавица хозяйка, пусть обходят ее стороной болезни».

Долго еще ждал туру Мадраим. Потом пошел и крепко запер ворота.

Вскоре, что-то неся в руке, вошла в гостиную Пашшаджан-бика.

— Наконец-то удалось нам свидеться, бика.

— Вот вам подарок,— Пашшаджан-бика поставила на дастархан бутылку вина, выложила из платка теплые пирожки.

— Тура теперь не придет. Вы закрыли ворота?

— Закрыл. Пойду еще проверю.

Подойдя к воротам, Мадраим подергал цепь, замок и, успокоившись, вернулся.

Долго длилась их беседа. А на рассвете радостная и довольная Пашшаджан-бика прошептала:

— Мадраимджан, не расставайся с турой, и мы будем часто видеться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Ты знаешь, в медресе Мадамин-хана улемы провозглашали: «Саида-Абдуллу на трон!» Боюсь, что это начало контрреволюции. Надо быть начеку,— говорил Сафо Мугани Юсуфу Чокару, на что Юсуф-ака отвечал:

— Ничего у них не получится, хотят забить гвоздь в камень. Прошу, входите,— широким жестом он пригласил гостей в дом.

Баяни, Шерози, Сафо Мугани, Курбан-ата, Мутриби и Матякуб прошли на айван. Эти самые талантливые в Хорезме поэты и музыканты поочередно собирались друг у друга, беседовали, оценивали новые стихи и мелодии. Что же касается Чокара, хозяина дома, то он, известный поэт, с первых дней Хорезмской революции посвятил себя культурному строительству, открыл новые школы — он был помощником назира просвещения.

Только гости уселись, как явился Сахиби и, пройдя бесцеремонно в глубь комнаты, сел рядом с Баяни, по старшинству занимавшим почетное место. Чокар поставил на дастархан чай, лепешки и спросил:

— Что вы попросите приготовить хозяйку?

— Юсуфджан, ничего не надо, мы сыты. Пусть хозяйка не утруждает себя. Чаю попьем, и все,— отмахнулся Шерози, но Сахиби тоном, не допускавшим возражения, сказал:

— Да так, мой друг Чокар, пусть особенно не хлопочет. Подайте нам жареного мяса, потом пельмени с яичками, плов же приготовь сам. Ты ведь на это мастер. Я помогу тебе, так что хозяйка пусть особенно не хлопочет.

Все переглянулись, захохотали.

— Да, Сахиби поможет... уплетать плов,— в тон ему произнес Сафо Мугани.

— Этот человек не Сахиби, а человек — сахий, щедрый человек, он мастер раздавать чужое. «Это тебе, а вот это тебе»,— Баяни насмешливо взглянул на Сахиби.

— Могу сейчас же доказать вам, что я щедрейший среди щедрых! Поднялись и пошли ко мне,— ответил Сахиби, отлично понимая, что никто из этих людей к нему не пойдет. В прежние времена не ходили, а теперь и подавно.

— Хитер ты, Сахиби, из-под мельничного жернова выйдешь невредимым,— холодно сказал Сафо Мугани.

Гости переглянулись. По всему чувствовалось, что им, да и самому хозяину, Сахиби не очень-то по душе, но он недолго занимал их внимание. Все были взволнованы последними событиями в медресе Мадамин-хана, речью кази-каляна, являвшейся открытым вызовом революционерам со стороны высшего духовенства.

— Эх, был бы сейчас среди нас Аваз-ага!— воскликнул Сафо Мугани.— Как бы ликовала его душа! Какие стихи написал бы! Он жаждал революции. Вы вслушайтесь.— Голос Сафо Мугани дрогнул и вдруг стал каким-то особенно

светлым, певучим, свободным, как поток, вырвавшийся из теснины.

Жить для людей и умереть за обездоленных людей —
Одно желание мое, желанья прочие не в счет.

«Сидите здесь и не смотрите на меня,— с обидой подумал Сахиби,— а ведь сколько я умолял несчастного Аваза не читать никому эти газели — не внял доброму совету, и вот результат: били палками и наконец сумасшедшим объявили... Уже оставил он этот мир, а ведь ровесник мне... Все говорил: «Трусость убивает твой талант». Конечно же, он преувеличивал. И потом, какая радость в том, что тебя награждают за твои стихи палками. Нет уж, от такой участи избавьте».

— Прочитайте нам что-нибудь из своих новых стихов,— сказал Чокар.— Пусть возрадуется дух Аваза.

Юсуф-ака прочитал свое стихотворение «Хурият»— «Свобода», вскоре ставшее известным во всех уголках Хорезма. Вслед за ним Шерози пропел «Красной Армии Хорезма», причем мелодия к этим стихам была сочинена им тут же и преподнесена словно свежая, только что выпеченная в тандыре лепешка.

Настоящее имя Шерози — Мадраим. Шерози его стали называть потому, что он носил шеразскую папаху.

Когда Шерози исполнилось двадцать лет, он был уже знаменитым певцом, известным всему Хорезму. Он познакомил народ со многими новыми мелодиями и напевами и впервые стал играть в Хорезме на тульской гармонике.

Второго февраля 1920 года, когда Саид-Абдулла-хан был низложен и была провозглашена Хорезмская народная советская республика, у Кухна-Арка собрались тысячи людей. И вот голос Шерози, запевшего песню о свободе, зазвучал над древней Ичан-калой, над ее голубыми минаретами, полетел далеко-далеко. В первые же дни революции по просьбе Шерози его зачислили в Красную Армию Хорезма, он стал ее музыкантом. Переходя из отряда в отряд, он воодушевлял бойцов своими песнями, а в трудный момент и сам брался за оружие. В Хорезме и стар и млад говорят о нем: «Наш Шерози!» Его коллеги, музыканты, певцы и поэты любовно зовут его «Мадраим-ага». Вот почему белобородый с лучезарным лицом Баяни в знак особого уважения усадил Шерози рядом с собой.

Современник Агахи, Табиби, Феруза, обходительный и деликатный, много повидавший на своем веку, Баяни был

талантливым поэтом. Созданный нм диван — сборник стихов — он назвал «Днван Баянн». Как каллиграф Баяни не имел себе равных средн современнников. Рукописи его были подлннными произведениями искусства. Выдающийся музыкант, он своими руками создавал музыкальные инструменты и славился как искусный табиб. Многие годы он писал историю Хорезма, продолжая труд свонх предшественников Муниса и Агахи.

И вот сейчас, глядя на Баянн, не скупнвшегося на похвалу поэтам, славящим революцию, Сахиби думал: «Почему этот почтенный, всемн уважаемый человек, как и не знающий жизни юнец, очертя голову кинулся в эти темные, страшные волны борьбы за власть? Ведь он-то понимает, чем все это может кончиться».

И пока Сахиби пытался понять, почему же Баяни ведет себя столь неразумно, общнм вниманием завладел поэт Мутрибн, известный пересмешннк, мастер рассказывать анекдоты.

— Новостей у нас в Хнве много,— начал он.— Оказывается, снова появнлся здесь Матчон-тура. Пришел он к назирам — министрам нашим — н говорит: «Вот вернулся я от Джунанд-хана, хочу батракам своим землю отдать». А назиры ему отвечают: «Батраки ваши ее самн взяли». Услышал эти слова Матчон-тура и заплакал: «Еще, говорит, беда на мою голову, не дают сотворить доброе дело». И тогда пожалели его назиры: «Не плачь, Матчон-тура, не плачь, оставайся и живи в Хнве, как ягненочек».

Гости заулыбались. Им был известен свнрепый нрав этого туры, а Мутриби продолжал с невозмутнмым видом: «Ягненочек» этот спрашивает: «Палван здесь?» — «В пустыне он,— отвечают,— ловит этого проклятого волка Матчон-туру».— «Ну, тогда ладно,— согласился тура,— останусь в Хиве».

— Что правда, то правда,— подтвердил Юсуф-ака,— чтобы избежать встречн с Палваном, тура этот готов у мышки норку за тысячу таньга купить.

— А я слышал,— сказал Курбан-ата,— что Матчон-тура, потеряв власть и богатство, не отчаивается. Хотя днем его и не видно, многое успевает сделать...

— Люди не помнят прошлого, не знают будущего, они видят лншь настоящее,— вдруг неожиданно для самого себя произнес Сахиби.

Все повернулись к нему. Сахибн помолчал, как бы взвешивая готовые вырваться слова, а потом продолжнл:

— Кто думал вчера, что всесильный Матчон-тура будет бояться своего раба Палвана, кто знает сегодня, что будет завтра... Да, времена меняются. Глядишь, и сын раба ханом станет. Собственно, в этом нет ничего удивительного... Кстати, я слышал, Палван и его нукеры разграбили какие-то драгоценности. Вы ничего не знаете об этом?— бесстрастным голосом спросил Сахиби.

— Это ложь!— возмутился Сафо Мугани.

— Такое могли придумать только враги республики,— брезгливо сказал Курбан-ата.

Хозяин дома Юсуф Чокар укоризненно покачал головой:

— Поэту не к лицу повторять слова клеветников. Вы бы, Сахиби, лучше сделали что-нибудь для народа. Ну, написали бы хоть одно стихотворение о пользе знаний — мы напечатаем его в газете «Вести Хорезма» и через Отдел просвещения распространим по школам.

— А я и не знал, что стихи мои могут кому-то помочь, не знал, оказывается, себе цену,— усмехнулся Сахиби.

— Кто не знает цену себе, тот не знает цену своему народу,— тихо сказал Баяни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Хаджи-бува, хочу поговорить с вами по одному важному вопросу,— сказал Шайдаков, вызванный в Хиву для участия в подготовке мирного договора с Джунаид-ханом.

— Пожалуйста, к вашим услугам.

Шайдаков и Паляз-хаджи не были лично знакомы, но немало слышали друг о друге. Когда в Хорезме победила революция, Паляз-хаджи находился в Ташкенте, а потом Шайдаков, командовавший общими войсками и Красной армией Хорезма, все время гонялся по пустыне за бандами Джунаид-хана. И вот теперь они впервые встретились лицом к лицу.

— Вы человек уважаемый в Хорезме, руководитель младохивинцев. Хочу открыто поговорить с вами,— степенно начал Николай Алексеевич.

— Люблю искренних людей,— произнес Паляз-хаджи, не сводя с Шайдакова внимательного, настороженного взгляда.

— Вы знаете Палвана?

— Кто не знает в Хорезме Палвана-батыра? Он герой-командир.

— Да, это так, хаджи-бува. Он действительно очень хороший командир и честный человек.

Паляз-хаджи сразу почувствовал, к чему сказаны эти слова, но не подал виду.

— Так вот, хаджи-бува, какие-то бесчестные люди распространяют слухи, что Палван и его красноармейцы занимаются грабежом.

— Откуда вы это взяли?

— Побывавшие в Хиве командиры сообщили мне, что на этом основании Палван исключен из списка делегатов на курултай.

— Я не занимаюсь вопросами выборов, на это есть специальная комиссия, специальное положение,— сказал Паляз-хаджи, давая понять, что он не имеет никакого отношения к этому.

— Выборы в Хорезме — это дело граждан Хорезма, но я не могу молчать, когда жертвами клеветы становятся командиры и бойцы Красной Армии Хорезма. Не кажется ли вам, хаджи-бува, странным, что от Красной Армии Хорезма в делегаты не выдвинут ни один человек?

Паляз-хаджи изменился в лице, но тут же, овладев собой, ответил:

— Вы располагаете неверными сведениями, но комиссия действительно порой допускает ошибки. Теперь я это вижу. Что же касается Палвана, то на этот счет можете быть спокойны, мы снова предложим его кандидатуру, а всем клеветникам рот не заткнешь, сами знаете,— примирительно сказал Паляз-хаджи.— Нельзя забывать, что такие выборы в Хорезме проводятся впервые, дело это новое и сложное.

Проводив Шайдакова, Паляз-хаджи тяжело опустился в кресло и стер со лба пот. «Вчера наши коммунисты потребовали, чтобы правительство проверило работу центральной избирательной комиссии, а сегодня нам предъявляет претензии иностранец... Почему Шайдаков, эта немытая ложка, вмешивается в наши дела? Он слишком хорошо знает здешние условия и настойчив... Его дальнейшее пребывание в Хорезме опасно для нас. Он нашел общий язык с узбеками и туркменами, народ его любит, о нем поют песни. Во что бы то ни стало надо избавиться от него».

Решив так, Паляз-хаджи стал обдумывать вопрос не менее важный, чем выборы на курултай: как избавиться от хорезмских коммунистов.

* * *

Разгневанный тем, что о Палване и его бойцах в Хиве распространяются клеветнические слухи, и к тому же неудовлетворенный разговором с Палязом-хаджи, Шайдаков пришел в Политическое управление Красной Армии Хорезма, разместившееся в бывшем доме Маткарима-махрама.

В комнате у начальника управления Хамзы Мусаева он застал Сабира-ака, Ивана Гавриловича, Салиджана и Рузмата Юсупова. Еще в далане он услышал их громкие голоса и кашель Ивана Гавриловича.

Шайдаков тепло поздоровался со всеми и, закурив папиросу, молча посмотрел на Мусаева, рослого, со сверкающими глазами йигита, которого, несмотря на его молодость, люди почтительно называли Хамза-ака, и, помолчав, спросил:

— Ну, как идут дела, Мусаев?

— Не так, как хотелось бы, трудно нам, в Хиве коммунистов осталось мало, почти все в армии. Центральная избирательная комиссия работает из рук вон плохо. Те, кого она предлагает избрать на курултай, далеки от интересов народа. Все это баи, купцы...

— Мириться мы с таким положением не будем,— возмущенно заговорил Сабир-ака.— Вы знаете, товарищ Шайдаков, порой мне кажется, что в этой комиссии собрались слепые. Они не видят, что ремесленники, дехкане, мелкие торговцы, присоединившиеся накануне революции к младохивинцам, теперь переходят к нам, коммунистам.

— Поэтому-то их и не предлагают делегатами на курултай,— промолвил Иван Гаврилович.

— До выборов еще многое изменится,— уверенно произнес Салиджан.— Наш товарищ Мусаев говорит: «Дела идут не так, как хотелось бы». Вот мы и должны постараться, чтобы было так, как хотелось. Перед вашим приходом мы решили устроить собрание коммунистов армии.

Слушая Салиджана, Шайдаков впервые за этот день улыбнулся.

* * *

— Назирбай, вы знаете, о чем говорили на собрании коммунистов?— спросил Паляз-хаджи, входя в гостиную Шаликарова.

— Все знаю. Если и дальше так пойдет...

— Плохо придется нам.

— Что же делать?

— Я об этом подумал. Прежде всего надо опорочить в глазах людей русских коммунистов, выслать Шайдакова из Хорезма. Конечно, это дело нелегкое. Он командующий...

— На тот свет...— Назир-кур провел краем ладони по горлу.

— Нет, нет, это опасно. Можно и по-другому избавиться. Надо написать письмо чрезвычайному представителю Турккомиссии Бройдо, что трофеи разворовывают, грабят. Письмо это кое-кто подпишет, но ни в коем случае не пишите своей рукой, стойте в стороне. Да и Палван тоже пусть будет указан в жалобе.

— Понял, хаджи-бува, это мы сделаем.

— Надеюсь на вас.

— Хаджи-бува,— сказал Назир-кур, протягивая чай,— я собираюсь устроить той. С почтением прошу вас быть дорогим гостем.

— Спасибо, но времена сейчас, как сами видите, тяжелые, предпочтительнее воздержаться от большого тоя, Назирбай.

— А кого я боюсь? Свои деньги...

— Дело не в этом. Пойдут разговоры... Незачем дразнить сейчас этих голодных. Ну, а там как знаете сами, Назирбай. Я пойду, у меня дела срочные. Советую быть осторожнее...

Оставшись один, Назир-кур задумался. «Разве у меня денег меньше, чем у любого бая? Чем я хуже этого хаджибувы? Из Той-тепа, кишлака возле Ташкента, привез себе четвертую жену, казашку. У Аллакулибая четыре жены, у Матпанбая тоже четыре жены, а у меня только три. Все равно женюсь и сделаю большой той. Ведь девочка, которую я беру, из богатой семьи Хивы. Если не сделаю пышный той, авторитет мой среди людей упадет, грош будет мне цена. Сделаю такой же той, как и в прежние времена, во всяком случае не хуже. Глашатаи созовут народ со всех окрестных махалля. Ведь кто я? Назирбай! Назирбай Шаликаров! Что захочу, то и сделаю. Имею право...»— говорил он сам с собою, выпятив грудь.

* * *

Паляз-хаджи явился к Бройдо.

— Что вы, хаджи-бува, такой грустный?

— Чувствую себя неважно. Отдохнуть бы от всех дел.

— В такое горячее время?

— Что поделаешь? Бестолковые люди так расстроят негодными делами своими, так измучают, что и заболеешь,— сказал Паляз-хаджи с таким видом, будто у него мучительно болела голова.

— Кто же эти люди?— Бройдо пристально взглянул на него.

Паляз-хаджи, по своему обыкновению, заговорил быстро:

— Положение тяжелое. Еще неизвестно, как пойдут наши дела с Джунаид-ханом. Некоторые говорят: «Хорезм — не самостоятельное государство». К этим разговорам, помоему, нельзя относиться беспечно. Ведь в Бухаре еще не произошла революция, а эти толки могут оказать нежелательное влияние на весь ход дел.

— Кто это вмешивается в ваши внутренние дела?— спросил обеспокоенный Бройдо.

Паляз-хаджи, не отвечая на вопрос, продолжал свое, представляя дело все более мрачным:

— Да тут еще строят козни английские колонизаторы.

Бройдо заметно терял терпение.

— Хаджи-бува, что вам мешает высказать свои опасения открыто?— спросил он.

— Сказать открыто, так командующий Шайдаков вмешивается в наши внутренние дела,— сказал Паляз-хаджи.— Говоря «избирайте того, этого», он предлагает нам выдвигать кандидатами людей с темной репутацией, вчерашних разбойников, которые сейчас почему-то попали в герои.

Внимательно слушая его, Бройдо думал: «Еще не созван Первый курултай, а уже кипят страсти, начались скандалы, интриги, в которые замешан подданный РСФСР. Соответствует ли это нашей политике? Хаджи-бува — авторитетный деятель Хорезма, руководитель младохивинцев, не прислушаться к его словам нельзя, особенно надо быть осторожным сейчас, когда так остро поставлен вопрос о политике на Востоке».

А Паляз-хаджи между тем все пел:

— Шайдаков приказывает нам: «Почему в список кандидатов не включен Палван, исправьте эту ошибку». Что же это такое? Палвана я хорошо знаю, не только я, его знают многие в Хорезме. До революции он был разбойником, убивал людей, грабил. На его счастье, произошла революция, он поехал в Турткуль и присоединился там к Шайдакову. Это, конечно, неплохо, и то, что он командир, тоже похвально. Но зачем избирать его делегатом на курултай?

Ни грамотности у него, ни соображения! Не поймите меня так, будто я хочу, чтобы от красноармейцев вообще не было делегатов. Вот возьмите Мухаммаджана Абдалова. Совсем другой человек! Если пройдет делегатом именно он, то все одобрят, ведь он человек ученый, авторитетный. Надо ли, чтобы во все наши дела вмешивались наши братья-иностранцы? Ни к чему хорошему это не приведет... Вы ведь понимаете, наверно, что у нас здесь немало людей, напуганных революцией...

— Хаджи-бува,— сказал, крепко призадумавшись, Бройдо,— мы не допустим, чтобы кто-либо вмешивался в дела Хорезма.

В этот момент дверь отворил председатель военного трибунала Фонштейн. В руках его были какие-то бумаги.

— Хаджи-бува, видел, что вы пришли, и решил обратиться с просьбой. Есть кое-какие важные материалы. Вы бы перевели мне?

— Со всей душой,— сказал Паляз-хаджи

Это были материалы, касавшиеся Шайдакова. В них говорилось о том, что по его приказу похищены золото и бриллианты, принадлежавшие Исфандияр-хану, что Шайдаков не раз являлся в дома состоятельных людей и отбирал у них ценности. Бройдо слушал все это. Он заглядывал в бумаги, шелестевшие в тонких пальцах Паляза-хаджи, и верил и не верил своим глазам.

Паляз-хаджи, очень хорошо владевший русским языком, переводил точно, не упуская ни одного слова. Ведь это именно он несколько лет до этого был переводчиком во время переговоров генерала Галкина с Исфандияр-ханом. Тогда в знак особого расположения хан одарил его дорогим халатом.

Кончив переводить все заявления и жалобы, Паляз-хаджи протянул их Бройдо, чтобы тот посмотрел на подписи.

— Уважаемые люди: аксакалы, муфтии, ответственные работники учреждений. Вот этот из Мангита, этот из Ходжейли, а этот из Хивы,— давал пояснения Паляз-хаджи.

— Что же будем делать?— спросил Фонштейн у Бройдо.

— Тщательно проверь эти материалы, потом доложи мне о результатах,— хмуро ответил Бройдо, затем обратился к Палязу-хаджи:— Вы бы просмотрели и проект будущего договора с Джунанд-ханом. Надо подумать также о переговорах с представителем Джунанд-хана Чайракбаем. Он уже здесь, в Хиве.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Председатель военного трибунала вызвал к себе Шайдакова.

— Товарищ Шайдаков, на вас поступили важные материалы, мы вынуждены проверить. Скажите мне, куда вы дели драгоценности?

— Какие драгоценности? — удивился Шайдаков.

— Золото, бриллианты...

— Вы что, шутите?

— Нет, не шучу. Где драгоценности, похищенные из ханского дворца?

— Понятия не имею, я ведь все это время провел в походах.

— Где драгоценности?

— Партия послала меня в Хорезм не для того, чтобы я зарился на золото. Товарищ Фонштейн, неужели вы мне не верите?..

— Дело не в моем доверии к вам, я должен проверить поступившие материалы и доложить о результатах.

Направляясь в посольство, Шайдаков думал, зачем его вызывают, но подобное ему даже не снилось. Поклеп этот ошеломил его. Уже третий год он сражается за советскую власть на разных фронтах, не раз был ранен и снова брался за оружие. Сколько побед одержано, сколько городов и кишлаков освобождено, сколько вырастил он боевых командиров из представителей местных национальностей?! И за все время никто не заподозрил его в чем-либо плохом, а теперь вот эта невиданная, мерзкая клевета... Обвиняют не в чем-нибудь, а в грабеже, будто он ограбил, обокрал народ... Все это ранило душу Шайдакова.

— Вот, кроме этой головы и солдатской одежды, ничего у меня нет: ни кола, ни двора, ни семьи. Произведите обыск, дознавайтесь, на все согласен. Пока не выясните в точности, можете забрать мое оружие, — сурово сказал он председателю военного трибунала и положил на стол пистолет: — Пожалуйста!

Произнося последнее слово, командующий поднялся и, твердо ступая, вышел.

Но, сколько ни проверял председатель военного трибунала, ничего порочащего Шайдакова не обнаружилось. А между тем по Хиве ползли слухи. «Уважаемые люди обвиняют Шайдакова в грабеже. Шайдаков послал к себе домой трофеи на нескольких верблюдах, при обыске у него нашли золото и бриллианты хана».

— Чтобы не осложнять это дело еще больше, придется его временно держать под стражей,— сказал Бройдо председателю трибунала.— Надо отправить его в Ташкент, там будут судить. Вы согласны со мной?

— Да,— ответил Фонштейн, глядя в потемневшее, осунувшееся лицо посла.— Придется...

Председатель военного трибунала подписал приказ о взятии Шайдакова под стражу, и после этого его поместили в каменную тюрьму у Куша-дарбаза.

Достигнув своей цели, Паляз-хаджи, Назир-кур и все их приспешники теперь твердили на каждом углу: «Шайдаков и подобные ему — красные колонналисты, которые продолжают политику царского правительства. Им надо рубить головы».

Весть о заключении Шайдакова в тюрьму с быстротой молнии разнеслась по всем городам Хорезма.

Находившийся в Кухна-Ургенче Кушмамат-хан, услышав об аресте Шайдакова, сперва не поверил, затем, чтобы в точности удостовериться во всем самому, ветром прилетел со своими воинами в Хиву. Явившись прямо в русское посольство, зашел, вернее сказать,— ворвался, к Бройдо. Хотя Кушмамат-хан, как член Временного правительства, мог без чьего-либо разрешения пройти в тюрьму, он счел это неуместным. Получив разрешение, он тотчас направился со своими воинами в тюрьму.

Когда стражник открыл темную тяжелую дверь камеры, Кушмамат-хан не сразу сообразил, во сне он все это видит или наяву: распухшее лицо командующего обросло бородой, у рта горькие складки, глаза покрасиели. Он был без головного убора, без ремня, на ногах вместо хромовых сапог — ботинки поверх солдатских портянок. Боевые соратники крепко обняли друг друга.

Боже! Командующий, повергавший в дрожь врагов, слава о котором только вчера гремела по всей Хорезмской долине, сегодня вот в таком положении!

Долго не разнимали объятья друзья, наконец Кушмамат-хан выпустил узника из своих рук.

— Что с тобой, друг мой Шайдаков? Что случилось?— спросил он с невыразимой мукой.

— Кушмамат,— обратился к нему Шайдаков,— никакой вины за мной нет. Оклеветали меня. За то, что навестил, спасибо, друг,— сказал он грустно.

— Я со своими нукерами сейчас же освобожу тебя.

— Не надо.

Стоило сейчас Шайдакову сказать «давай», и Кушмамат, примчавшись сюда со своими воинами, в момент обезоружил бы стражу, выломал бы ворота и вызволил Шайдакова. Но последствия такого своеволия могли быть тяжелыми, могло бы произойти кровопролитие. Знавший это Николай Алексеевич сказал:

— Кушмамат, рахмат тебе, если я виновен в чем, пусть наказывают. Но мне ли не знать себя? Меня выпустят, я в это верю. Ведь в Ташкенте находятся не кто-нибудь, а товарищи Фрунзе и Куйбышев. Они не допустят несправедливости.

Кушмамат-хан, нервно игравший плеткой, спросил:

— Еды хватает?

— Хватает. Хорезмские друзья не забывают меня. От Палвана есть вести?

— Он далеко, у Аччик-кудука. В последнее время нет вестей.

— Передай от меня привет добровольцам-красноармейцам, Палвану, если увидишь его, всем моим друзьям,— сказал Шайдаков, прощаясь.

— Долго ли еще земля будет терпеть клеветников?— сказал Кушмамат-хан и, еще раз обняв Шайдакова, стремительной походкой вышел из тюрьмы.

Успокоившись насчет здоровья своего командира, он не успокоился душой. Наоборот, растревожился еще больше. Разные мысли приходили ему: «А вдруг расстреляют при попытке к бегству? Разве люди, так низко и подло оклеветавшие его, не могут решиться на такое? Всего от них можно ожидать! Не поговорить ли мне об этом с Бройдо? Ну, а что думает Паляз-хаджи?»

Последний вопрос показался ему существенным, и он решился на встречу.

— Хаджи-бува, такой большой командир несправедливо посажен в тюрьму. Что вы думаете об этом?

— Сердар, и я этому удивляюсь. Посадить человека, проявившего героизм при освобождении Хорезма, разве это справедливое дело? Такое может породить среди людей недобрые слухи.— Паляз-хаджи печально покачал головой, делая вид, что переживает случившееся.

— Вы можете помочь?— спросил Кушмамат-хан по-узбекски.

— Конечно, конечно, попытаюсь,— должно быть, его оклеветали. Я пойду в русское посольство и потребую объяснений. Как можно стерпеть такое, когда героя, освобождавшего Хорезм от кровавых ханов, сажают в тюрьму? Но

и вы,— сказал он Кушмамат-хану,— должны ему помочь, вы — член правительства, пойдите к Бройдо и поговорите с ним, и я тоже поговорю с влиятельными людьми,— пообещал он.

Прямодушный и честный Кушмамат-хан поверил словам этого человека, как говорится, испробовавшего змеиного яда.

Когда он зашел в кабинет Бройдо, там сидел только что назначенный новый командующий Дубянский. Они обсуждали условия перемирия с Джунаид-ханом.

Кушмамат-хан поздоровался с ним и сразу же спросил:

— Почему наш друг Шайдаков посажен в тюрьму, есть ли какая причина?

— Поступили кое-какие сведения о нем,— сказал Бройдо.

— Ничто не угрожает ему?— спросил сердар, поигрывая плеткой, что свидетельствовало о его чрезвычайном волнении.

— Абсолютно ничего. Пошлем под конвоем в Ташкент,— сказал Бройдо, затем, пристально взглянув на него, продолжал:— Нельзя оставлять без внимания заявления уважаемых людей. Чтобы проводить мудрую, правильную политику, надо учитывать все. Да, оттого, что Шайдакова посадили в тюрьму, тяжелее всего нам, щемит сердце.

— Жизни Шайдакова ничто не угрожает?— снова с суровым видом спросил Кушмамат-хан.

— Нет, садись, поговорим,— сказал Бройдо и предложил ему стул.

Но Кушмамат-хан не стал задерживаться.

— Зайду потом, сейчас не могу, дела у меня срочные.

Кушмамат-хану казалось, что над Шайдаковым нависла угроза смерти, что если вот сейчас, немедленно не принять какие-то меры, потом будет поздно. Прискакав к своим воинам, он приказал: «Следите за всем, что касается Шайдакова, что узнаете, немедленно сообщите мне». После этого его воины, поочередно сменяя друг друга, дежурили около тюрьмы.

Через некоторое время Шайдакова перевели под конвоем в Ургенч, а затем в Турткуль. И куда бы ни переводили, его сопровождали бойцы Кушмамат-хана, они по-прежнему бдительно следили за всем.

Палван услышал об аресте Шайдакова, находясь далеко от Хивы, в глубине пустыни, у колодца Аччик-кудук. «Это козни врагов. Эх, полететь бы в Хиву. А может быть, все

это ложь? Может быть, это слух, пущенный для того, чтобы посеять смятение в душах красноармейцев?»

Палван отправил гонца в Хиву.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В Хиве заканчивались переговоры с представителями Джунаид-хана. Командование отдало приказ о возвращении отрядов из глубины пустыни в Кухна-Ургенч и Илали.

Прибыв со своим отрядом в Илали, Палван отправил больных и раненых в Хиву, а затем зашел в ревком Илали договориться об отдыхе истомившихся в походах бойцов, о продовольствии и фураже.

— Продовольствия нет, все захватили басмачи,— ответил председатель ревкома.

— Хош, так что же нам делать? Бойцы мои дрались с врагом в песках, измучились от голода и жажды, исхудали вконец. Кормить их надо,— сказал Палван.

Потрескавшиеся, обветренные губы Палвана сжались.

— Не знаю, как это сделать.

— Да ты понимаешь, что говоришь?! Неужто бойцы должны тут от голода умереть?— не сдержал своего гнева Палван.

— Откуда я тебе достану? Сам народ тоже голодает, да к тому же денег у нас нет, в Хиве валюту нам не дают.

— А если поискать пшеницу и рис, припрятанные бывшим хакимом Илали...

— Сейчас его нельзя трогать.

— Почему же?— удивился Палван.

— Он прошел делегатом на курултай.

— Делегатом?

— Да, на Первый курултай, с решающим голосом. Выборы провел человек, посланный Палязом-хаджи.

— Этого бывшего хакима? Избрали? Кто участвовал в выборах?

— Уважаемые, грамотные люди: аксакалы, дамля, имамы и ишаны.

— Кого еще делегатами избрали?— спросил обескураженный и расстроенный Палван.

— Нурулла-ахуна, Исламбека, кази города...

— А от народа нет делегатов?

— Нам сказали: надо избрать людей грамотных и уважаемых.

— Гм...— Палван с болью в душе задумался. «Принесшему воду — презрение, разбившему кувшин — уваже-

ние» — не напрасно, значит, говорят так. Нет делегатов ни от трудящихся, ни от красноармейцев, чудно!..»

* * *

Достав наконец для своего отряда продовольствие, Палван несколько успокоился и вместе с тем почувствовал, как безмерно устал. Вечером он решил погулять. Пройдя через цветущие урючные и персиковые сады, Палван вышел к анхору и медленно зашагал вдоль по узкой заметной тропинке.

Из-за далекого горизонта медленно начала подниматься луна. Ее белые лучи сверкнули на поверхности воды, и через минуту показалось, что в огромном анхоре текла не вода, а откуда-то из бесконечности широким потоком лился легкий лунный свет.

Палван глядел то на луну, то на анхор, то на цветущие урючные и персиковые сады, еще более прекрасные при лунном свете. Эта сказочная красота очаровала его, и ему вдруг страстно захотелось, чтобы Якутай была рядом, видела, чувствовала все это. «Зачем ты думаешь о ней? — с укором спросил он себя. — Ведь ни одна женщина не заменит тебе Джумагуль, не сможет, как она, любить твоего сына». Так говорил он себе не раз, так говорит и сегодня... Но сердце Палвана не слышит его слов, оно зовет Якутай. И сквозь даль лет доносится к нему из сада Матчон-туры ее голос: «Палван мой, джаным, подожди, не уходи, дай мне свое сердце открыть. Ты, наверное, думаешь: вот жена туры, жизнь ее проходит, как в раю. Нет, если не считать наших украшений, мы, его жены, такие же, как и вы, рабы, хотя нас не покупают, но все равно доля наша рабская. Ни любви, ни жизни... Что я могу поделать с собой, ведь с тех пор, как увидела тебя, навсегда лишилась покоя. Только мечтая о тебе, продолжаю я жить. Если бы ты мог увидеть пламень моей любви, то будь твое сердце даже каменным, и то расплавилось бы. Вызвольте меня из этой темницы, Палван-ага». Вот после этих ее слов Палван бежал к Джумагуль. Сколько с тех пор утекло воды...

«Да, Якутай тоже не легко. В жизни ее еще не было ни одного счастливого дня. Ни мужа, ни отца, ни матери, ни детей. Находится вдалеке от Хорезма, живет одна, с тоской и нетерпением ждет самой маленькой весточки из родного края! Почему бы мне не написать ей братское письмо, которое бы утешило ее. Почему бы мне не высказать ей свою благодарность за ее материнскую заботу о моем брате. Ведь я несправедлив к ней».

За хаузом виднелись глухие стены домов. Теперь Палван понял, куда привела его тропинка. «Кушмерган... Кишлак Кушмерган. Вот здесь, на берегу этого хауза, Шайдаков собрал командиров перед боем с джунаидовцами. Вот здесь он сказал мне: «Ты будешь наступать на врага со стороны восхода солнца». Где теперь наш командующий? Что с ним?»

И только Палван вспомнил о том, что случилось с Шайдаковым, как в глазах его сразу поблекла прекрасная лунная ночь. Тяжело дыша, он прислонился к стволу гуджума и долго смотрел на странные, похожие на тени, глухие стены кишлака.

Вернувшись в казарму, Палван написал письмо Якутай.

«Уважаемая Якутай! Шлю Вам свой братский привет. Простите меня за то, что до сих пор не ответил Вам. О положении в Хорезме Вы, наверное, сами хорошо знаете. Хоть и произошла революция, в стране неспокойно. Только недавно мы отбили нападение Джунаид-хана. Волк пустыни снова бежал в пески. Для примирения прислал своих представителей. Теперь обсуждаются условия примирения. Вот в эти дни стало немножко спокойнее, я вернулся из пустыни в Илоли.

Сейчас идет подготовка к Первому Всехорезмскому курултаю. Словом, Якутай, новостей много. В Хиве начали выходить газеты «Инкилаб куеши»—«Солнце революции» и «Хоразм хабарлари»—«Вестник Хорезма». Из них я узнал, что в ближайшее время впервые будет открыта в Хиве женская школа. Надеемся на то, что, вернувшись в Хиву по окончании учебы, Вы будете преподавать в этой школе. Якутай, тысячу раз рахмат Вам за заботу о моем брате Шерниязе. Вы просили фотокарточку Баходира. Как только прибуду в Хиву, сфотографирую его у Худайбергана Деванова и пошлю Вам.

Премного раз салям Вам от моей матери и братишки Бекджана. Передайте от меня теплый привет ученикам — землякам Хорезма. Напишите мне подробнее о себе, как идет Ваша учеба, как Ваше здоровье, как проводите свой досуг.

До свидания. С коммунистическим приветом

Палван

1920 год, апрель»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В эти дни по-восточному яркая и красочная Хива была праздничиа и шумлива. Из Кухиа-Ургенча, Ташауза, Даргаиа-ата, Куиграта, Ходжейли, Тахиа-Таша — со всех городов и кишлаков Хорезма съезжались сюда на курултай делегаты. На голове одного была чугурма, другого — папаха, третьего — телпак. Узбеки, туркмены, казахи, каракалпаки — каждая делегация в своей национальной одежде. Всех разместили в специально приготовленных помещениях.

Как ни сопротивлялись руководители младохивинцев, на Первый курултай Хорезма были избраны Палван, Сабирака, Сафаргалди, Кусберган и другие коммунисты.

Палван, делегат от Пишканика, приехав в Хиву, в тот же день отправился к Брайдо узнать о судьбе Шайдакова.

Увидев Палвана, Бройдо удивился. Трудно было поверить, что этот богатырь с таким хорошим лицом и есть тот самый разбойник, о котором рассказывал Паляз-хаджи.

Для разговора с послом Палвану не требовался переводчик: еще в Турткуле он научился говорить по-русски, ему помогли в этом русские бойцы и сам Шайдаков, знавший узбекский язык.

— Я тоже переживаю за Шайдакова, он был хорошим командиром. Народу Хорезма он сослужил великую службу, а теперь что-то произошло. На него поступило много жалоб. Мы сообщили обо всем этом в Ташкент, и нам приказали отправить Шайдакова из Хорезма, так что дело его будет разбираться в Ташкенте,— сказал Бройдо.

— Где находится сейчас Шайдаков? Можно ли его видеть?

— В Турткуле, скоро его отправим.

— Под конвоем?— спросил Палван.

— А разве виновного с музыкой посылают?— произнес Бройдо, в голосе его Палван уловил иронию.

— Коммунист, командир с чистой совестью, преданный боец нашей партии, один из руководителей Хорезмской революции! Кто осмеливается посылать такого человека под конвоем в Ташкент?

— Все, что вы говорите о Шайдакове,— сущая правда, но потом он совершил преступление.

— Это ложь!— крикнул Палван. И, тут же овладев собой, спросил тихо:— Вы получили мое письмо?

— Да, получил, но...

— Хош, что за «но»?

— На Шайдакова поступили жалобы от самых уважаемых людей Хорезма, оставить их без внимания было невозможно,— сказал Бройдо, приблизившись к Палвану.

— Кого вы называете уважаемыми людьми Хорезма? Свору, одержимую желанием мести? Без дознания, без проверки посадить в тюрьму командующего, который, не щадя своей жизни, боролся за советскую власть! Разве этим вы не радуете врагов?

— Ведь решено же: дело это будут проверять в Ташкенте, военный трибунал вынесет справедливое решение.

— Да, такие преданные ученики Ленина, как Фрунзе и Куйбышев, сумеют отличить друга от врага. Я твердо верю, что Шайдаков не изменил делу революции. Он не совершил никакого преступления. Мы, командиры Красной Армии Хорезма, напишем об этом в Ташкент,— сказал Палван и поднялся с места.

* * *

1920 год. 27 апреля. Большой зал зимнего дворца Нурлавой. Паркетный пол устлан коврами. Делегаты, кто поджав под себя ноги, кто стоя на коленях, смотрят в конец зала, расставлены столы и стулья для президиума. Почти все они видят Нурлавой и зимний дворец впервые. Все изумляет их здесь: и огромные окна, и украшенные позолотой и серебром стены, и бронзовые люстры с незнакомыми им электрическими лампочками, а глядя на потолок, на котором изображены летящие ангелы, некоторые даже рты раскрывают.

Наконец все делегаты расположились, и курултай открылся. Среди избранных в состав президиума Паляз-хаджи, Мулла-Джуманияз Султанмурадов, Мулла-Бекджан Рахманов, Кушмамат-хан, Шакиров, Бройдо и Бобо-ахун.

Слово предоставляется Сабиру-ака.

— Братья, мы предлагаем избрать почетным председателем вождя трудящихся всего мира, избавившего народы Хорезма от гнета,— нашего учителя Ленина!

Слова его вызвали бурные аплодисменты. Все делегаты встали, раздались возгласы: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует вождь мировой революции Ленин!» Сабир-ака начал читать телеграмму, адресованную Ленину.

Затем выступил Паляз-хаджи. Из его слов можно было понять, что между коммунистами и «молодыми хивинцами» нет никакой разницы, поскольку и те и другие защищают советскую власть.

— Джуралар! Друзья! — начал поднявшийся на трибуну Палван. — Ценою великих жертв мы одержали победу. Но борьба еще не окончена. Враги ненавидят нашу молодую республику. Только напрасно они зубы точат. Их надежды не осуществятся.

Для находившихся здесь чабанов, дехкан, ремесленников эти слова звучали точно музыка. А большие баи и купцы, впервые в жизни сидевшие рядом с простолюдинами, дивились всему происходящему, они вставали вместе со всеми и аплодировали вместе со всеми. Глядя на Паляза-хаджи, они думали: «Хаджи-бува знает, что делает, значит, так надо».

Уверенность, звучавшая в словах Палвана, встревожила Паляза-хаджи: «Неужто может говорить так остро и смело батрак, родившийся от рабыни? Смотри-ка, и не робеет перед огромным залом, под взглядом стольких людей... Дерзок же оказался этот питавшийся объедками, спавший на отрепьях...»

В конце своей речи Палван сказал:

— От имени коммунистов я вношу предложение об утверждении основного закона Хорезмской Народной Советской Республики.

Согласно утвержденному курултаем основному закону, начиная с 30 апреля 1920 года во всех документах территории бывшего «Хивинского ханства» должны именоваться «Хорезмской народной советской республикой». Вновь восстановлено было древнее название этого края — Хорезм.

На Первом Всехорезмском курултае был образован Совет назиров. Председателем его был избран Паляз-хаджи Юсупов, первым заместителем Мулла-Джуманияз Султанмурадов, вторым заместителем Кушмамат-хан Мамедов, ответственным секретарем Назир Шаликаров, вторым секретарем Мулла-Навруз. Кроме того, были организованы десять назиратов и назначены назиры — министры. Большинство из них были указаны Палязом-хаджи. Согласно решению Первого курултая, был создан также Верховный революционный трибунал.

Во главе правительства в основном старые друзья Паляза-хаджи из числа «молодых хивинцев». Паляз-хаджи был безмерно доволен результатами выборов.

* * *

Палван съездил за сыном в Пишканик и привел его к Худайбергану Деванову — единственному фотографу не только в Хиве, но и во всем Хорезме. Фотографировать он

научился еще до революции в Москве, оттуда же и привез нужные аппараты. После революции Худайберган-ака занялся государственными делами. Но даже будучи назиром, он не оставил своего любимого занятия.

— Худайберган-ака, я хочу послать в Ташкент фотокарточку сына,— сказал, тепло поздоровавшись с ним, Палван.

Деванов сразу же усадил его на стул.

— Палванбай, с удовольствием сфотографирую вас. Давненько ждал этого момента. Не знал, как поймать вас. Вот теперь сами явились, избавили меня от лишних хлопот. А ну возьмите вашего ягненочка на колени.

Деванов направил на него фотообъектив.

— Внимание... Готово! Скоро и отпечатаю.

— Чем скорее, тем лучше. А то мне надо возвращаться в Илоли.

— Будет сделано, Палванбай,— сказал Деванов и, провожая его, вдруг спросил:— Что все-таки произошло? Почему арестовали Шайдакова? Вы, Палванбай, наверное, знаете. По-моему, не мог такой человек позариться на ханское золото.

— Головой своей за Шайдакова ручаюсь,— ответил Палван, беря сына на руки.— Зачем ему золото? Ему, кроме дружбы нашей, ничего не надо.

— Вот и я так думаю... А ведь арестовали... Кому-то это нужно было.

То, что кому-то нужно было избавиться от Шайдакова, это Палван прекрасно понимал. В дни курултая он говорил об этом с Миршараповым и другими командирами Красной Армии Хорезма.

— Миркомил, командующий стал жертвой клеветы. Что ты посоветуешь делать?

— Напишем в Ташкент,— сказал Миршарапов, положив руку на широкое плечо Палвана.

* * *

Сцена эта, болью отозвавшаяся в сердцах многих, произошла дней через десять после курултая. Салдавчилар — бурлаки, медленно продвигаясь вдоль берега, тянули по бурливой Амударье каюки, везшие в Чарджоу раненых. Когда миновали Дарган-ата, уставшие бурлаки остановились, чтобы передохнуть. Раненые также вышли на берег. Вскоре все заметили группу людей, которые, тяжело ступая по пескам, приближались к ним. Вот они уже рядом. И тут

произошла встреча двух боевых командиров. Одним из них был Николай Щербаков, раненный в плечо в Бедиркенте, второй же Николай Шайдаков. Первый с незаживающей раной после лечения в госпитале Турткуля отправлялся на операцию в Ташкент, второй, едва волоча ноги по пескам, следовал под конвоем в Чарджоу.

Сошедшие на берег раненые пристально смотрели на приближающихся к ним, облепленных пылью и грязью, обросших, изможденных арестантов. Смотрел на них и Николай Щербаков. Он не узнал Николая Шайдакова, шагавшего под конвоем. Да и трудно было узнать его. Лицо опухло, глаза запали. Но вот кто-то из раненых, стоявших на берегу, воскликнул в удивлении: «Командир Шайдаков!» Раненые словно застыли, затем, преодолев оцепенение, двинулись было, чтобы поздороваться с ним, но возглавлявший конвой крикнул:

— Нельзя! Не приближаться к арестованным!

— Коля!

Услышав этот возглас, Николай Шайдаков поднял голову, обвел взглядом раненых. Увидев знакомых, замер на мгновенье, затем кивком головы поздоровался с ними.

— Эй, арестованный, что ты там стал? Шагай вперед!— крикнул начальник конвоя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Заставив прохожих шарахнуться в сторону, фаэтон стремительно промчался по узким улицам Хивы и остановился у Нурлавой. Паляз-хаджи в хорезмском шелковом чапане и голубой чалме, поддерживаемый услужливым фаэтонщиком, сошел на землю и степенно зашагал к раскрывшейся перед ним парадной двери зимнего дворца. Здесь разместился недавно созданный Совет назиров. Пройдя через светлую и просторную приемную, он вошел в свой великолепный кабинет, уселся в кресло, провел рукой по бархатной обивке и блаженно сощурил глаза. И тут же ему вспомнился один дворцовый прием, происходивший здесь в недавнем прошлом.

И вот волею судеб он сидит теперь в этом великолепном зале. «Хан был здесь хозяином, а теперь я»,— подумал Паляз-хаджи, и самодовольная улыбка заиграла на его лице. «Хану, конечно, было много легче. Хан имел поистине безграничные права. Другое дело — председатель Совета на-

зиров. Все дела и решения надо обсуждать на собраниях, все время прислушиваться к советам Коммунистической партии, а тут еще Союз молодежи, Политическое управление, профессиональный союз, Союз дехкан! Эге, сколько этих союзов! Разве легко со всеми управиться?! Ну, да будь по мне, заставил бы всех руководствоваться единством религии, единством нации, единством языка. Да, не легко все же работать председателем»,— говорил он сам себе.

Вошедший в этот момент заместитель ответственного секретаря Матякуб протянул ему на подпись какие-то бумаги.

— Матякуб, твой отец был кузнецом, ты сам кузнец. По-фарси кузницу называют «ахангар». Поэтому с сегодняшнего дня твоя фамилия будет Ахангаров.

— Очень хорошо, хаджи-бува,— сказал Матякуб и унес подписанные председателем бумаги. И с той поры Матякуб Джуманияз-оглы стал значиться во всех бумагах как «Матякуб Ахангаров».

После Матякуба со спесивым видом вошел в кабинет Назир-кур.

— Хаджи-бува, я возлагал на вас такие надежды! И что же!.. Неужто у вас нет для меня другого дела, кроме писанины? Всем этим может заниматься Матякуб-деван.

— Но ведь ответственный секретарь, Назирбай, это самое доверенное лицо председателя.

— А чем я хуже любого назира — министра? Мне нужно самостоятельное дело!— сказал Назир-кур, нахмурив брови.

— Так чем же вы хотите заняться?

— Внутренними делами, наблюдать за порядком... Дайте мне административный отдел.

Паляз-хаджи, не зная, что ответить на это требование, молчал. Наконец, понимая, что между своими людьми не должны возникнуть распри, нехотя произнес:

— Хош, а еще какие у вас требования?

— Дадите лично мне пять-шесть нукеров, мандат Совета назиров, чтобы я имел право войти в любой дом, произвести там обыск. И чтобы мне никто не препятствовал.

— Зачем вам это?

— В стране увеличиваются беспорядки, своеволие. Все больше становится воров, расхитителей. Я хочу установить порядок в Хорезмской республике,— сказал Назир-кур, вытирая платком свой стеклянный глаз.

— Подумаем,— ответил Паляз-хаджи.

* * *

Немного времени прошло, и Назир-кур, назначенный начальником административного отдела, приступил к работе. Собрав знакомых ему людей, он вооружил их и с этой личной охраной носился из конца в конец Хивы в запряженной четырьмя конями карете бывшего хана. «Хаджи-бува может обойтись другой каретой»,— решил он про себя. Для Назир-кура готовили специальные повара.

— Пошт-пошт, берегись, берегись!— кричал фаэтонщик во весь голос. Впереди кареты ехали, гремя оружием, четыре нукера, позади еще четыре. Народ, видевший карету, запряженную четырьмя конями, говорил:

— Назирбай едут...

— Хаким администрации едут...

— Прочь с дороги!— кричит возница.

Многие из встречных низко кланялись Назирбаю, но он проезжал, не обращая на них никакого внимания, или же, если видел старых своих знакомых, величественно кивал им головой. Однажды, когда его фаэтон только что свернул на совсем узкую боковую улицу, возница увидел ехавшую навстречу арбу. Арбакеш, то ли он был глуховат, то ли не счел нужным обращать на них внимание, с невозмутимым видом продолжал понукать свою клячу. При звоне колокольчиков кареты Назирбая все арбакеши спешили дать дорогу, ибо карету нельзя задерживать ни на одно мгновение, об этом объявляли и глашатаи. А вот этот, чуть ли не наехав на них, остановил карету. Невиданно! Остановил карету Назирбая! Арбакеш наконец, кажется, узрев содеянное им, остановился.

— Эй, несчастный, как ты смеешь! Не видишь разве, что едут Назир-ага!— крикнул один из нукеров.

Старик арбакеш молча поворачивал лошадь в сторону, освобождая дорогу. Тут второй нукер крикнул:

— Глупец, поклонись Назиру-ага...

Но старик, видно, не пожелал кланяться, и тогда нукер схватил старика за шею и согнул его чуть не до земли.

На основании мандата, полученного от Совета назиров, Назир-кур начал производить обыск в домах отпрысков хана, бывших беков и тур, приступил к конфискации их имущества, но многое из конфискованного не попадало в казну государства. Среди народа распространился слух: «Назир-кур был баем, теперь стал большим баем». Приблизив к себе ответственного секретаря Совета назиров Мухаммаджана Абдалова, Назир-кур делал все, что заблагорассудится его душе.

Однажды вместе с Абдаловым в сопровождении своих нукеров он заявился в городскую усадьбу Матчон-туры.

— Где Матчон-тура?

— Уже давно его не видели,— ласково сказала Пашшаджан-бика и из-за краешка косо накинутого платка взглянула на Назир-кура.

— А где Бикаджан-бика? Почему не видно?

— Здесь, здесь наша бика, своими руками готовят вам плов,— ответила она, улыбаясь.

Вот, как-то странно пританцовывая, сама старая бика принесла в фарфоровой тарелке гумму, она, должно быть, впервые прислуживала постороннему мужчине. Мухаммаджан Абдалов, сидевший рядом с Назир-куром, шепнул что-то Пашшаджан-бике, та быстренько поднялась и вынесла из ичкари кувшин вина. «За такую проворную, смышленую бику и жизнь отдать не жалко»,— Мухаммаджан похотливо улыбнулся и в большой касе туры протянул Назир-куру вино.

— Попробуем сперва горячую гумму.

— Назир-ака, будьте здесь как дома, а я пойду, помогу Бикаджан-бике плов готовить,— сказала Пашшаджан-бика. Эта старшая жена туры бегала, исполняя любое их желание, словно проворная служанка.

— Дружок, выпей в касе туры и сам,— милостиво предложил Назир-кур Мухаммаджану.

— Ага, чем же вы хуже туры? Как подумаешь, вы ничем не уступаете и самому хану. Кем был этот Исфандияр-хан? Чахоточный! Ни газет не читал, ни речи не мог сказать, и зарезали его, как барана. А вот теперь жены и рабыни его без присмотра... Так что, Назир-ага, все в вашей воле, они точно прирученные вами птицы, скажете «гах»— и усядутся на вашу руку.

Назир-кур давно знал, что Мухаммаджан Абдалов — пьяница и развратник, вот поэтому и сошлись, наверно. Гласит же пословица: «Прокаженный прокаженного узреет в темноте».

— Дружок, я слыхал, младшая жена Матчон-туры Бикаджан-бика куда приятнее и прелестнее, чем жены хана. Она-то мне и нужна в этом пристанище. О, если бы дарована была нам ее красота...

— Ага, дело это вполне осуществимое, стоит нам только сказать Пашшаджан-бике. Говорят же: «Мясник думает о мясе, а овца — о своей жизни».

После плова Бикаджан-бика полила воды на руки Назир-куру и протянула ему полотенце. Назир-кур, ни на кого не обращая внимания, пожирал ее взглядом.

Перед самым их уходом старая бика вынесла узелок и протянула:

— Назирбай, настоящий подарок от нас.

— Будьте спокойны,— забормотал он, едва ворочая языком.— Я... пока я... никто вас не тронет.

Назир-кур, ворвавшийся в этот дом бураном, вышел тихий, шелковый, провожаемый женами туры, служанками. Когда очутились под навесом, Мухаммаджан шепнул Пашшаджан-бике:

— Назир-ага пришлет завтра за вами закрытый фаэтон.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Из Хивы пришел приказ: «Быть с отрядом в Тахте не позднее 26 мая». Преодолев пески, Палван со своими бойцами прибыл в Ташауз, а затем в назначенный срок в Тахт.

В тот же день для встречи с Джунаид-ханом в Тахт явились председатель Революционного военного совета Бабаджан Якубов, глава русского посольства в Хорезме Бройдо и Бакир Белоусов. Хотя Джунаид-хан согласился сдать здесь оружие, Бабаджан на всякий случай кое-где расставил свои отряды.

Кроме Палвана в Тахте находились со своими бойцами Ахмаджан Ибрагимов, Джавак-Сари Кучкаров и другие командиры Красной Армии Хорезма.

Сдержит ли свое слово Джунаид-хан, не обманет ли?— этот вопрос волновал всех.

Все с нетерпением ждали Джунаид-хана в условленном месте. Но он явился не в Тахт, а в дом Шомурада-бахши. Узнав об этом, Якубов решил послать к Джунаид-хану Ахмаджана Ибрагимова.

Ахмаджан поехал к нему один, без охраны.

В большом дворе нукеры Джунаид-хана поили и кормили лошадей, сотники и юзбаши сидели на супе, попивая чай и покуривая чилим. Видя, как спокойно, с поднятой головой идет посланец большавоев, все с удивлением уставились на него. Сыновья Джунаида Эшши и Амир преградили было ему дорогу, но затем сами привели Ахмаджана в гостиную к отцу. Джунаид, скрестив ноги, сидел на почетном месте на красивом туркменском ковре и, попивая зеленый чай, беседовал со своим духовным наставником Хан-ишаном.

Ахмаджан Ибрагимов поздоровался с ним:

— Ассалям алейкум, хан-ага!

— Ваалейкум ассалям, Ахмад-персиян, как твое здоровье? Подходи, пей чай,— Джунаид-хан протянул ему чай.

— Хан-ага, вас ждут...

— Мы устали, отдохнем и завтра сообщим,— сказал Джунаид-хан.

Ахмаджан вернулся в Тахт и рассказал о своей встрече с Джунаидом.

* * *

Согласно предварительной договоренности с Белоусовым, Джунаид-хан, после подписания мирного договора, должен был поселиться где-нибудь в стороне Ашхабада. Но впоследствии он заявил, что изменил свое решение, что хочет жить не там, а вблизи Хивы.

«Что он еще выдумал? Да и приедет ли вообще?» Бакир Белоусов нервно ходил взад-вперед.

Так и есть. Джунаид снова не сдержал своего слова. Он не явился ни к полудню, ни к вечеру.

— Поедем к Исмомут-бобо, помолимся умершим,— сказал он своим приближенным и стеганул коня.

Место погребения «святого» Исмомут-бобо находилось в пятнадцати верстах от Тахта, на границе с пустыней, у дороги в Газават в Хиву. Исмомут, настоящее его имя Махмуд, был одним из предводителей завоевателей арабов, напавших на Хорезм в восьмом веке. Здесь находились его гробница и воздвигнутая рядом с ней мечеть. В книге «Фирдавсил-икбал» сказано, что в восемнадцатом веке Абдурахман-мехтар на месте старой его гробницы воздвиг новую.

Это место издавна считалось святым, таким же, как и хивинский Шахимардан. Утверждали, что после совершенных здесь пожертвований исцеляются бесплодные женщины, а палваны, совершившие сюда паломничество, одерживают победы в курашах. Погребенные же здесь не отвечают на том свете за то, что совершили на этом, их души прямым путем направляются в рай. Должно быть, поэтому на кладбище Исмомут-бобо везли умерших не только из Тахта, Бедиркента, но даже из Хивы.

«Где бы я ни умер, похороните в Исмомут-бобо»,— завещал Джунаид-хан. Там были погребены его родичи.

Джунаид-хан сошел с коня в почтительном отдалении от гробницы. Следуя его примеру, спешились и все его всадники. Подошел к гробнице со словом «бисмилло». Шагавшие за ним повторяли все, что делал их хан-ага. По его приказу

шейху, хранителю гробницы, дали пару баранов и чекмень. После прочтения суры из Корана Джунаид-хан поцеловал «святую» землю и поклялся:

— Пока есть душа в теле, буду бороться против кяфуров, не допущу, чтобы растоптали это место паломничества. Я снесу головы тем, кто попрал святые обычаи. О всевышний, помоги же мне!

— Повергай, себя не давай повергнуть, побеждай сам, не давай победить врагу, пусть враг твой обратится во прах,— благословил его шейх, молитвенно воздев руки.

«После паломничества в Исмомут-бобо поедем в Тахт»,— полагали все сопровождавшие хана, но он поехал в сторону Бедиркента.

— Хочу увидеть родные места,— сказал он.

... Джунаид скакал к Бедиркенту, и перед его глазами проходили картины недавнего прошлого... Он видел свои необозримые поля, свои табуны и отары... Вот в этих местах, здесь в песках, всего в пяти верстах от Бедиркента, паслись его кони и овцы... Он видел себя богатым, довольным жизнью. Видел себя предводителем, слово которого для всех закон.

В Бедиркент с жалобами шли к Джунаид-хану люди со всего Хорезма. А к хану-марионетке Саиду-Абдулле мало кто шел. «Бедиркент будет столицей Хивинского ханства»,— дал себе слово Джунаид и делал все, чтобы это желание осуществилось. Грабя страну, он свозил все богатства в Бедиркент. «Соскучился по Бедиркенту, целы ли мои дома и заводы? Буду ли я когда-нибудь снова владеть ими? Поддержит ли меня всевышний?» Занятый такими думами, он и не заметил, как подъехал к Бедиркенту и оказался перед своим дворцом. И тут все его воспоминания как рукой сняло. Глаза Джунаид-хана сузились, лицо побледнело. «Где резные ворота из толщенных карагачей?! Где мои великолепные дома с вознесшимися к небу порталами?! Где зубчатые башни? Где то священное место, откуда я правил? Все разрушено! Во сне ли это или наяву? Все пошло прахом!»

Джунаид-хан подозвал сыновей:

— Вот, глядите, какими жалкими стали ваши родные места!

Он соскочил с коня у высохшего хауза, где на месте цветников буйно разрослись сорняки. Джунаид-хан вошел в ичкари. В комнатах его двух жен-туркменок и жены-казашки, которую он как добычу привез из Турткуля, были содраны резные узоры, двери сорваны, все разворочено.

Джунаид-хан заскрежетал зубами.

— Я вырву руки, которые разрушили эти дома.

Не в силах больше глядеть на свой заброшенный дворец, он направился в сторону завода и электростанции. Там — ни души. Батраки, охранники, слуги — все ушли. Поглаживая бороду, Джунаид-хан подумал: «Если я помирюсь с кяфурами, ничего из этого уже не вернется ко мне, от былого великолепия не видать мне и искры. Если сдам оружие, стану живым трупом, от прежнего Джунаид-хана останется одна тень».

— В Эшак-мираб поеду,— сказал он приближенным.

Он подошел к нетерпеливо ржавшему ахалтекинскому коню и, вложив ногу в стремя, одним стремительным движением вскочил на него. Этот шестидесятилетний старик был силен и ловок. В мохнатой туркменской папахе и шелковом чапане, накрепко перепоясанном платком, из-за которого торчали пистолеты, он ехал медленно, сдерживая рвущегося вперед коня, сжимая в руке плетку, отнятую у Исфандияр-хана.

Окруженная низким забором, усадьба Эшак-мираб расположена чуть ли не у самых песков. Посреди нее большой дом с открытой, обращенной на север, верандой. Возле веранды пруд. Человек, пришедший из пекла пустыни, чувствует себя здесь как в раю, отдыхает на веранде в благодатной прохладе за чайником зеленого чая и, обретя силу и бодрость, отправляется дальше.

Хозяин усадьбы, большой бай Эшмухаммад-мираб,— на редкость упрямый человек, за что народ прозвал его Эшакмирабом. Джунаид-хан, отправляясь в пустыню или возвращаясь из нее, обязательно останавливался тут на ночевку. Сейчас Эшак-мираб, стараясь угодить, кружился вокруг Джунаид-хана и преданно заглядывал ему в глаза.

Весть о том, что Джунаид-хан отправился теперь в Эшак-мираб, была воспринята членами делегации как прямое оскорбление. «Джунаид-хан дурачит нас»,— сказал Бакир Белоусов.

— Что ему делать у Эшак-мираба? Наверно, снова хочет бежать в пустыню,— гневно произнес председатель Военного совета Якубов.

— Как детей, хочет провести нас,— рассердился Ахмаджан Ибрагимов.

— Джунаид коварен. Дело, которое я начал, сам и доведу до конца,— сказал Бакир Белоусов и с разрешения делегации отправился к Эшак-мирабу.

Белоусов — человек слова, что скажет — сделает. Он проявил немалую отвагу, сражаясь с белогвардейцами. Стоял насмерть и побеждал в знойных пустынях Закаспийского фронта.

Прибыв в Эшак-мираб, Бакир остановил свой отряд в стороне от усадьбы, а сам вместе с адъютантом явился к Джунаиду. Джунаид, точно он собрался куда-то в дорогу, сидел на веранде в накинутом на плечи шелковом чекмене. Позади него у двери, ведущей во внутреннее помещение, стоял Эшши. Он, казалось, ждал от отца какого-то приказа. Против Джунаид-хана сидел, скрестив ноги, Чайракбай. После приветствия Бакир прошел туда, где сидел Чайракбай, сел рядом с ним и степенно спросил:

— Хан-ага, почему же вы не пришли?

— Э-э, когда пожелаю, тогда и приду,— беспечно ответил Джунаид.

— Вы ведь дали слово, вас ждут члены правительства.

В этот момент младший сын Джунаид-хана Амир подошел к своему старшему брату, пошептался с ним и, видимо, получив какие-то указания, вышел во двор. С его появлением там началось подозрительное движение. Через некоторое время нукеры Джунаида попрятались за заборами, за стогами соломы, некоторые из них забрались на крышу.

Стоявшие в отдалении красноармейцы заметили, как замелькали на крыше папахи басмачей.

А на веранде Белоусов продолжал свои переговоры с Джунаид-ханом.

— Захочу — поеду, захочу — не поеду, что ты поделаешь со мной?— Джунаид, поигрывая плеткой, посмотрел в сторону сына.

Хотя этот пренебрежительный ответ задел самолюбие Бакира, он сдержанно и твердо сказал:

— Надо подписать мирный договор.

— Мои полководцы не желают. Не морочь мне голову!

От такой наглости закипело в груди Бакира. Но он снова сдержал себя.

— В Тахте ждет правительственная комиссия. Вам надо только подписать договор, а там живите, где хотите.

— Иди, не тяни,— грубо ответил Джунаид.

Бакир не выдержал, вскочил с места и крикнул:

— От имени правительства РСФСР объявляю тебя арестованным.

И в это же мгновение выстрел от двери из-за спины Джунаида поразил Белоусова. Началась перестрелка. Джунаид-хан кинулся во внутреннее помещение, замешкавшийся

Чайракбай получил пулю в грудь. Ждавшие сигнала басмачи открыли стрельбу по красноармейцам, которые тоже отвечали выстрелами.

В Тахт поскакал гонец.

Нукеры Джунаид-хана начали окружать красноармейцев. Пробравшись по арыкам, они зашли им в тыл и замкнули кольцо. Действиями басмачей руководил Эшши. Подгоняемые им басмачи ползли вперед, не считаясь с потерями. И вот, когда от взвода, сопровождавшего Бакира, осталось всего несколько человек, кто-то из басмачей, находившихся на крыше, закричал:

— Красноармейцы!

Через несколько минут мощное «ура» потрясло Эшакмираб. Впереди своего отряда, размахивая саблей, мчался Палван. Но здесь уже не осталось ни одного басмача. Они бежали в пустыню.

Тела убитых в этом бою тринадцати красноармейцев были привезены в Хиву и погребены в братской могиле около ворот Куша-дарбаза.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Отряд Палвана преследовал Джунаида в песках Каракумов.

Вскоре стало известно, что он перешел афганскую границу, снова явился в посольство Англии к своим покровителям, просил у них помощи. Теперь Джунаид намерен был собрать войско куда больше прежнего.

* * *

В конце мая состоялся Первый курултай хорезмских коммунистов. Делегаты, избранные от местных партийных организаций, один за другим начали прибывать в Хиву. Курултай открылся в бывшем доме караванбаши Баккалова. К стволу большого карагача был прикреплен портрет Ленина, красные знамена.

Секретарь Центрального Комитета зачитал делегатам отчет о работе Организационного комитета.

— За короткое время выросла Коммунистическая партия Хорезма, расширились ее ряды, большинство младохивинцев вошли в нашу партию. Теперь в Хорезме однаединственная партия — Коммунистическая.

Опустив на колени свои тяжелые руки, Палван сидел на скамье рядом с Хаджи Большаковым. К радости, которую он испытывал оттого, что здесь собрались его товарищи,

примешивались горечь вместе с тревожным предчувствием тяжелых испытаний. Среди собравшихся Палван видел не только тех, с которыми он готов был пройти из конца в конец пустыню, но и людей, не внушавших ему доверия, видел купцов, баев. «Молодые хивинцы» объявили о роспуске своей партии, и создалось такое положение, что любой из них мог вступить в Коммунистическую партию Хорезма.

— Джуралар, друзья,— начал свою речь Палван, окинув взглядом присутствующих,— есть среди нас и волки в овечьей шкуре. Немало и таких, которые обманным путем пробрались в партию, которые ради должности и денег продали свою совесть и позорят звание коммуниста.

Палван говорил медленно, тяжело подбирая слова, потому что привык говорить о людях хорошее. А Назир-куру казалось, что Палван говорит именно о нем, именно его пронизывает своим острым взглядом. «О боже,— думал он со страхом,— лишь бы этот щенок не тронул меня».

Большинство участвовавших в прениях поддержали Палвана, говорили, что в партию надо принимать не сразу, а узнав человека, принимать только тех, кто предан идее социальной справедливости.

Курултай продолжался несколько дней. Закир Бекчури был избран секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Хорезма. Среди избранных двадцати двух членов Центрального Комитета был и Палван.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— В Центральный Комитет прошли враги. Плохи теперь будут наши дела,— встревоженно сказал Назир-кур, явившись к Палязу-хаджи.

— Пока я жив, никто ничего не сделает вам, но советую по-братски: бросьте пить, ведите себя скромней, старайтесь не вызывать ненужных разговоров,— поучал его Палязхаджи.

Ничего не ответив, Назир-кур отправился в административный отдел.

То, что в Коммунистической партии оказалось теперь много «молодых хивинцев» и в их числе Назир-кур, Палязхаджи считал делом неплохим. «Слова коммунистов оказались сегодня для народа более привлекательными,— рассуждал он,— поэтому пусть мои джадиды идут к ним, надо же иметь и среди коммунистов своих людей. Потом все переменится, действительно, не будут же мусульмане терпеть

власть безбожников, покушающихся на собственность уважаемых людей».

Сам Паляз-хаджи вступать в Компартию не желал. Как человек глубоко религиозный, он полагал, что, став коммунистом, даже только для вида, он может превратиться в кяфура. Но это свое нежелание вступить в Компартию он объяснил иначе: дескать, в нынешнее тревожное время, когда все еще не устоялось, беспартийный председатель Совета назиров, глава правительства, фигура более привлекательная для довольно значительной части населения.

* * *

Когда Назир-кур пришел в административный отдел, там уже ждал его Мухаммаджан Абдалов. Как только он увидел Назир-кура, лицо его просветлело. Небрежным движением он отодвинул лежавшие на столе бумаги и поставил бутылку водки и кябаб. Закрывшись в кабинете, они подняли рюмки за здоровье друг друга.

— Хаджи-бува говорит, что мне надо бросить пить,— начал Назир-кур, протирая свой стеклянный глаз.— Безбородых юношей не держи, с женщинами не водись. Да эдак умереть можно, Мухаммаджан.

— А вы не обращайте внимания, Назир-ага, отвечайте «слушаюсь», а сами делайте, что вашей душе угодно. Не понаслаждаешься в этом бренном мире, так где же еще?— сказал с усмешкой Мухаммаджан, медленно наливая водку.— Назир-ага, привести сегодня Бикаджан-бику?

— Нет, нет, все нюхать один и тот же цветок надоест! Сегодня позовешь вдову Исфандияр-хана, красавицу Нурджан-бику и дочь мехтара Гулсум-бику. Попируем, насчет денег можешь не беспокоиться.

— Назир-ага, исполним все, что ни прикажете.

— Люблю тебя, дружок. Кто сделает тебе худое, того я сам накажу, из-под земли его достану, руки у меня длинные...

— Не дает мне покоя этот Большаков, требует: «Протоколы Совета назиров посылайте в ЦК». Какое имеет право пришелец вмешиваться в наши дела?

— Ты ничего не говорил хаджи-буве?

— Говорил, посмеялся он, и только. Мол, Палван, Сабир и все эти Большаковы — одна свора. Он прав, конечно, а этот Палван, будь он неладен, вечно встает на моем пути. Один его друг, татарин, полюбил мою жену, ту, что в Турткуле живет. А женщина, сами знаете, как кошечка, кто при-

ласкает, к тому и льнет. И она, значит, тоже хочет отправься к этому татарину.

— Но ведь ты бросил эту свою жену лет пять назад?— Назир-кур вопросительно посмотрел на своего дружка.

— Бросить-то бросил давно, но еще не развелись. И как это можно, чтобы какой-то пришелец, запродавший свою душу кяфурам, взял себе мою жену? Разве это не попрание шариата? Кто имеет право нарушать его законы?

— Никто не имеет. Нет во всем Хорезме лучшего толкователя шариата, чем хаджи-бува. Да ты напиши ему заявление, я тоже помогу тебе. Прикажу своим нукерам, чтобы они привезли твою жену из Турткуля, и они ее бросят к твоим ногам, пусть прислуживает твоим молодым женам. Будешь доволен, дружок, если получится так?

— Благодарить вас не перестану, дорогой мой ага.

... Ночь опустилась над Хивой. Тьма-тьмущая на ее крытых улицах. Ни единого огонька или хотя бы тусклого лучика. Вот в такое время Назир-кур и Мухаммаджан явились в дом Дурди-бики, одинокой богатой женщины, бывшей прежде любовницей ясавулбаши. Тут их уже ждали Нурджан-бика и дочь мехтара Гулсум. На дастархане всего было в изобилии — слоеные пирожки, самса, холодное мясо...

— Дурди-бика, вы радуете меня своим гостеприимством. За здоровье хозяйки!

Пивший с утра и теперь окончательно захмелевший, он целовал в лицо и глаза то Нурджан-бику, то Гулсум-бику, а затем закричал:

— Почему не пришла Анаш?

А в это время Анаш-халфа, напуганная тем, что в такое позднее время в ее дом ворвались Мухаммаджан с нукерами, спрашивала в страхе:

— Что такое?

— Почему ты не пришла к Дурди-бике? Назир-ага велел немедленно доставить тебя.

— Я не могу петь там, где мужчины.

— Там есть и женщины.

— Поздно уже...

— Гляди же, как бы наш Назир-ага не наказал тебя...

От этих его слов Анаш-халфа еще больше заупрямилась.

— Хоть стрелять будете — не пойду. Не боялась Исфандияр-хана, грозившего опозорить, не побоялась Джунаид-хана, велевшего избить меня, так неужели Назир-кура испугаюсь,— она так глянула на Мухаммаджана, что он не

решился везти ее насильно, сказал только: «Худо тебе будет, Анаш-халфа»— и, с силой хлопнув дверью, вышел.

Рано утром Анаш пришла к Айманхан, жене Сабира-ака.

— Айманхан-апа, может быть, я избавлюсь от обидчиков, если сломаю свой саз. Надоел мне этот Назир-кур со своими приставаниями, угрозами...

— Что случилось, сестричка? Не надо, не плачь,— Айманхан прижала ее голову к груди, поцеловала.

— Назир-кур совсем обнаглел. Ни совести, ни стыда у него.

Сабир, слышавший этот разговор, вышел на айван и спросил:

— Анаш-джан, что случилось?

Анаш рассказала, что было этой ночью.

— Много негодного совершил этот Назир-кур, идет расследование,— нахмурясь, сказал Сабир.

— Но ведь он большой начальник.

— Да пропади пропадом такой начальник! Наглец и хулиган он,— гневно проговорила Айманхан.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Центральный Комитет Коммунистической партии Хорезма принял решение направить коммунистов в кишлаки для создания там Союзов кушчи — Союзов дехкан.

— Народ тебя знает и уважает, ты должен помочь нам,— сказал Палвану секретарь Центрального Комитета Закир Бекчурин.— Начинай со своего кишлака.

Поручив своему помощнику командовать отрядом, Палван отправился в Пишканик.

Подъезжая к родному дому, он увидел игравшего с детьми Баходира. Мальчик издали узнал отца и бросился ему навстречу. Палван соскочил с коня, поцеловал Баходира, угостил сахаром. Одной рукой ведя коня в поводу, а другой прижимая к груди сына, он пришел к матери. Айша-хола, как только увидела его, заплакала от радости.

— Палван мой, баладжан мой, сыночек мой!— воскликнула она и, казалось, растаяла в объятиях могучего сына.

— Анаджан!— Палван, уже давно не видевший мать, говорил с ней ласково, точно ребенок.

Прежде у Палвана не было своего дома, его детские годы прошли в далане туры, где он ютился в темной, сырой каморке. А вот теперь сын привел ее в светлый дом туры. Вот эти две большие комнаты выделил сельсовет семье

Палвана. «Из ада попали в рай,— радуется Айша.— Если в таком светлом, просторном доме буду жить с сыном до конца жизни, не останется у меня неисполненных желаний».

Едва Палван отдал матери подарки, как начали заходить и здороваться с ним соседи-дехкане. Горячо обняли его Пирнафас и Мастура, родители Джумагуль. От Пирнафаса он узнал о том, что теперь уже все земли Матчон-туры поделены между батраками и бедняками дехканами, что люди чувствуют себя все увереннее. Те же, кто думал, что новая власть продержится недолго, теперь проникаются к ней доверием.

— Мадраим Черный тут?— спросил Палван.

Пирнафас-ака покачал головой:

— Не показывается в кишлаке, говорили ему, что дадим землю, все равно не приходит, не поймешь его.

— Не может расстаться с Пашшаджан-бикой,— сказал какой-то озорной йигит, рассмешив всех.

— Слышали мы здесь — Матчон-тура никак не успокоится,— вмешался в разговор Шакир-ака,— эта сволочь распространяет разные плохие слухи, что, мол, советская власть скоро падет, а Саид-Абдулла снова станет ханом...

— Собака — она и есть собака, пусть лает...— спокойно сказал Палван.

Уж сколько времени Палван не был со своим любимым сыном. И вот теперь он удостоился этой радости. Где-то стоят сейчас в карауле его бойцы, а Палван спит так крепко, так сладко, точно на земле уже наступил мир.

Айша, как всегда, встала до восхода солнца. Чтобы не разбудить сына, вышла из дома тихонько, на цыпочках.

... Первые яркие лучи вплетаются в дрожащую от ветра листву. Медленно выкатывается из-за горизонта красный шар солнца. Еще только начинается утро, но Айша уже успела и подмести двор, и разжечь в очаге огонь, и сходить на другой конец кишлака к родичам за свежими сливками для сына. Только подошла к своему новому дому, а тут соседка выносит сдобные, горячие лепешки, замешенные на масле: мол, для твоего Палвана.

Рядом с Айшой ее сын-первенец! И что только не делает она, чтобы хоть чем-нибудь порадовать его: чистит ему сапоги, покрепче пришивает пуговицы к гимнастерке, поит и кормит его коня. Все ее думы о Палване. «Женился бы мой Палван, баладжан, помогала бы ему во всем, нянчила бы внучат. А какое счастье, если бы женился и Бекджанбай! Была бы я около сыновей, невесток и внуков. Ах, ис-

полннлось бы это, и не было бы больше у меня ннкакнх желаний!»

... К вечеру около хауза начали собираться дехкане. Те, кто жили далеко, у самых песков, приехали на конях, ишаках и верблюдах, а некоторые оттуда пришли пешком.

Своими словами Палван сразу же привлек к себе внимание людей.

— Отцы, братья, друзья, а ну скажите, разве еще недавно мы, рабы и батраки, могли собраться в таком чудесном месте? Разве мы посмели бы войти в такой великолепный дом туры? Нет. А вот теперь мы сами хозяева этих домов, садов. Нравится вам такая жизнь, братья?

Он обвел взглядом собравшихся.

— Говорят, что овца, отбившаяся от своего стада, попадает в пасть волка. Это верные слова. Без единства нет силы. Наш вождь Ленин говорит, что революция это только полдела. Наша заветная цель сделать людей счастливыми. Ее не достичь, если мы будем жить порознь. Один конь пыли не взметнет, а если и взметнет, то не добудет славы. Мы должны действовать дружно, должны объединиться, организовать Союз бедняков — Союз кушчи.

Кое-кто все-таки не пожелал объединяться. «Если мы вступим в этот союз, не лишимся ли мы веры? А может, там женщины будут, так это же позор для нас!» Другие говорили: «Пока не вступим — поглядим». Но большинство было на стороне Палвана.

В тот же вечер в Пишканике был создан Союз кушчи.

Палван пришел к матери довольный.

— Анаджан, поедемте со мной в город.

— Обзаведись в городе семьей, хозяйством, вот после этого мы с Баходиром и приедем.

— Как вы хотите, мама. Теперь я буду приезжать часто. Завтра поеду в Кият, потом в Саят. Там тоже создадим Союз кушчи.

— Останься еще на несколько дней, отдохни тут, сынок. Не нагляделась я на тебя.

— Анаджан, сейчас не время отдыхать, дел много.

Прощаясь с сыном, Айша сказала:

— Где бы ты ни был, будь здоров, сынок. Вручаю тебя богу.

Палван вскочил на коня. Долго смотрела Айша вслед сыну.

* * *

Палван ездил из кишлака в кишлак, часами убеждал осторожных, неподатливых дехкан объединиться, создавал в кишлаках Союзы кушчи.

Выполнив поручение, он вернулся в Хиву.

Проезжая мимо бани Аллакули-хана, Палван заметил под навесом ханскую карету, запряженную четырьмя конями, и несколько нукеров. Какой-то человек, поспешно поклонившись им, хотел было пройти в баню, но нукеры задержали его:

— Нельзя, Назир-ага купаются...

— Но ведь в бане-то много отделений?

— Есть приказ Назира-ага. Сказал же тебе — нельзя, или ты бестолковый, не понимаешь? Пошел вон!

Человек, так и не попав в баню, вынужден был молча повернуть назад.

Видя и слыша это, Палван пришел в ярость. «Неужто теперь возможно такое? Ведь этот Назир-кур поступает хуже Матчон-туры». Сколько ни пытался Палван усовестить нукеров, не помогло. А тот, который не попал в баню, стал утешать его:

— Джура, не расстраивайся. Назир-кур спешит властью своей насытиться. «Хоть рот кривой, всех учит сын бая»,— не напрасно же так говорят. Баню эту купил приятель Назир-кура, купец Ялманбай, он и Хиву всю не прочь бы проглотить. И сарай стал его, и скотный базар! Пока есть Паляз-хаджи и Назирбай, альчик Ялманбая выигрывает кон. «Бай смотрит на бая, вода течет к саю»— ты, наверно, слышал такое. Пойдем, джура, напрасно упрашиваешь их, не надо, не стоит.

Палван еле сдержался, так ему хотелось вытащить из бани Назир-кура. «Подожди, не горячись,— успокаивал он себя,— надо быть терпеливым, иначе с ним ничего не сделаешь».

Явившись в Центральный Комитет, Палван отчитался о том, что он сделал в кишлаках. Закир Бекчурин похвалил его:

— Очень хорошо, йигит, иди теперь отдохни.

И тут Палван взорвался:

— Кого вы приняли в партию? Где были ваши глаза?! Этот ваш Назир-кур хуже Матчон-туры!

Палван с такой злостью посмотрел на секретаря, будто тот был виноват во всем этом.

Закир Бекчурин отвернулся к окну, потом взглянул на Палвана и спокойно сказал:

— Зайди к Сабиру-ака.

Палван рассказал Сабиру о том, как Назир-кур купается в бане, на что тот ответил:

— Нечто подобное я уже знаю. Вот видишь,— он указал на кипу бумаг.— Это все жалобы на Назир-кура. Полмесяца расследую его дело, двадцать человек опросил, и хоть бы один сказал о нем доброе слово.

— Надо скорее предпринять что-то,— возмутился Палван.

— Верно говоришь: развратник, пьяница, заступник торговцев, гнать его надо из партии.

— Он вовсе не коммунист, а настоящий бай!— сказал Закир Бекчурин, выслушав Сабира.— Ты вызови его в ЦК, надо избавиться от этого мерзавца.

— Закир-ака, он пренебрегает мною. Вызываю — не приходит, говорит: «Не всякий имеет право указывать члену правительства».

— Хорошо, я с ним поговорю сам.

Закир Бекчурин тут же послал человека к Назир-куру. Услышав, что его зовет секретарь Центрального Комитета, тот вынужден был прийти. В Центральном Комитете с Назир-куром говорили сдержанно, вежливо.

— Вы признаете свою вину?— спросил Хаджи Большаков, протянув ему кипу жалоб.

Увидев Палвана в кабинете секретаря ЦК, Назир-кур взъярился, начал кричать:

— Все это клевета, за мной нет никакой вины. Подлые всегда поступают подло. Кузнец Сабир и Палван оклеветали меня.

— Назир Шаликаров, говорите тише, мы не глухие,— холодно произнес Закир Бекчурин.

— Да как же можно терпеть такое! Почему вы разрешаете клеветать на таких революционеров, как я?— Назир-кур, грозно размахивая руками, показал на Палвана.— Этот негодник покушается на мой авторитет. Ведь этот неблагодарный вместе с Шайдаковым похитил золото и бриллианты! Шайдаков в тюрьме, а он еще на свободе. Чем меня, лучше этого грабителя арестуйте. Неужто сын собаки будет хакимом над нами?

Дело Назир-кура рассматривалось четвертого июня на общем собрании членов партии. В принятом решении говорилось:

«... За то, что в это революционное время Назир Шаликаров, будучи членом Коммунистической партии, шел не по пути большевиков-коммунистов, а поступал, как прежде ха-

ны и баи, за то, что он заставлял кланяться и унижаться перед собой людей и в противоречии с законами и положениями Республики угрожал оружием невиновным, вывести Назира Шаликарова из состава правительства, как не оправдавшего доверия. Создать комиссию для расследования его преступлений».

Копию решения о Назире Шаликарове под номером двенадцать послали в Совет назиров.

Прочитав это решение, Паляз-хаджи глазам своим не поверил, прочитал его второй раз. «Ну и дела!» Свое возмущение он выразил вошедшему в этот момент Мухаммаджану.

— Мухаммаджан, что же это такое? Эти наши татары издали решение о Назирбае, его хотят арестовать!

С тех пор как в первые дни Хорезмской революции в Хиву прибыло несколько татар-большевиков, Паляз-хаджи, ненавидя своих земляков-коммунистов, как правило людей неимущих, называл их всех татарами и иностранцами.

Вышедший из себя, Паляз-хаджи не заметил, что обвис кончик его голубой чалмы. Мухаммаджан поправил его чалму. Видя, как разгневан председатель, поспешил принести ему крепкого зеленого чая.

К вечеру спешно было созвано заседание Совета назиров. Бобо-ахун, Исо-ахун, Мулла-Бекджан вопросительно переглядывались. Паляз-хаджи показал членам правительства решение ЦК.

— Я полностью против этого решения. Это дело пришельцев,— сказал он.— Мы должны заявить протест.

Другие члены правительства поддержали Паляза-хаджи. По его предложению было решено создать комиссию для расследования обвинений, предъявленных Шаликарову. Это решение было прямым вызовом Коммунистической партии Хорезма.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Матчон-тура, тайно разъезжая по городам и кишлакам, сплачивал сторонников бывшего хана. Мадраим Черный был его телохранителем и связным, выполнял все его поручения. Он один знал, где скрывается тура, и заранее предупреждал его об опасности. Он доставлял письма туры в Хиву муфтиям и ахунам.

Вместе с кази-каляном Хикматуллой Матчон-тура стал во главе заговорщиков, решивших уничтожить Хорезмскую республику и восстановить ханство.

Многие годы кази-калян — верховный судья Хикматулла — был самым доверенным лицом хана: основываясь на догматах религии, он решал любые вопросы. Его слово было последним, он мог разорить человека и бросить его в зиндан, мог казнить и миловать. После революции права кази-каляна были резко ограничены, многие вопросы решались советскими организациями, все меньше становилось людей, приходивших к нему. Кази-калян был не просто недоволен новой властью, он ненавидел ее и вместе с послушным ему высшим мусульманским духовенством ждал момента, когда можно будет направить против нее гнев правоверных.

Черносотенным силам особенно помог приказ назира просвещения от 7 июля 1920 года.

— В нашем государстве мало школ, надо открыть новые. Для этого необходимо уточнить количество детей в республике,— сказал заведующему школьным отделом Матюсуфу Атаджанову назир просвещения Мулла-Бекджан.

— Уважаемый эффенди, что вы скажете, то сразу и выполним,— ответил тот.

Матюсуф начал писать приказ, который диктовал ему Мулла-Бекджан:

— «...Выяснив число мальчиков и девочек в возрасте от семи до одиннадцати лет, составить список обучающихся и необучающихся детей и передать его в десятидневный срок Назирату просвещения. Не подчинившиеся этому приказу люди будут преданы главному революционному суду».

Когда Мулла-Бекджан ознакомил с этим приказом своих сотрудников, большинство из них открыто выступили против.

— В настоящих условиях издание подобного приказа может породить непонимание. Поползут разные слухи,— предупредил назира его помощник Юсуф Харратов.

— По-моему, ничего не случится. Ну ладно, на всякий случай покажу этот приказ председателю,— сказал Мулла-Бекджан и отправился в Совет назиров.

— Хороший приказ вы написали, узнаем количество детей и в соответствии с этим будем вести дела,— одобрил его Паляз-хаджи.

— Некоторые сотрудники в нашем назирате говорят, что последствия этого приказа могут быть нехорошими.

— В условиях Хорезма можно ожидать всего,— сказал, задумавшись, Паляз-хаджи.

— Тогда не издавать, что ли, приказ?— спросил Мулла-Бекджан.— Но до начала занятий немного осталось, вот скоро и сентябрь.

— Издавайте,— дал свое согласие Паляз-хаджи.

На следующий день этот приказ вступил в силу. А вскоре начались волнения по всему краю.

— Наших мальчиков хотят взять в бачча, а девочек в рабыни.

— Если прежде гарем был только у хана, то теперь будет у назиров.

— Наших детей хотят обратить в неверных.

И в городах и в кишлаках начали ловить уполномоченных Назирата просвещения.

— Бей кяфуров!

— Убивайте неверных!

Из ближайших кишлаков прибывали в Хиву и собирались у медресе Мадамин-хана муллы, суфии, аксакалы. «Конец мира настает!», «Происки нечистых!»— возглашали они, будоража и пугая горожан.

К Матчон-туре, скрывавшемуся теперь во дворце Саида-Абдуллы, один за другим приходили заговорщики. Этот самый приказ был для них сигналом к восстанию.

Люди туры начали созывать народ:

— Правоверные! Идите к медресе Мадамин-хана.

В полдень у этого медресе собралась тысячная толпа, были здесь и сыновья бывшего хана Саида-Абдуллы, его младшие братья и почти все его родственники, и бывший советник хана Абдурахимбай Баккалов, и высшее духовенство Хивы.

— Отменить приказ назира просвещения! Наказать назира!

— Закрыть новые школы!

— Открыть религиозные школы!

Чтобы довести эти требования до сведения правительства, избрали делегатов из числа известных улемов. Делегаты отправились в Нурлавой, в Совет назиров.

После революции не только в Хиве, но и в других городах и кишлаках Хорезма были открыты новые школы, в них преподавались только светские науки. Новые советские школы резко отличались от старых, религиозных школ. Дети сидели не на полу, а за партами, в домах тур и отпрысков хана, переданных под школы. Над этими школами и интернатами шефствовал комсомол, здесь пели новые ре-

волюционные песни. Духовенству все это было чуждо и ненавистно.

Паляз-хаджи принял улемов с почтением, выслушал, низко опустив голову.

— Хаджи-бува, мы хорошо знаем вас, вы не допустите, чтобы попирали шариат.

— Да, мы мусульмане,— как клятву, произнес Паляз-хаджи.

— Поэтому мы надеемся, что вы выполните требования верующих,— сказали улемы.

— Какие же требования?

— Вот тут написано.

Председатель взял бумагу.

— Да, мы требуем отменить приказ назира,— решительно сказали улемы.— Если наши требования не будут приняты, мы скажем об этом народу, собравшемуся у медресе Мадамин-хана, побойтесь его гнева.

— Хаджи-бува, вам надо соглашаться, ну что вам это стоит,— обратился к председателю заместитель назира юстиции Ата-махсум.

Паляз-хаджи почувствовал, что если сейчас не уступит этим представителям, то последствия могут быть самыми плохими. Поэтому он отменил приказ назира просвещения и заявил о смещении Муллы-Бекджана с поста назира просвещения. Улемы потребовали выдать им соответствующее решение. Когда бумага была готова и Паляз-хаджи подписал ее, они выдвинули новое требование:

— Отдать Муллу-Бекджана народу, собравшемуся у медресе Мадамин-хана!

Требование это напугало Паляза-хаджи. Если он отдаст бывшего назира в руки фанатиков, того могут закидать камнями, разорвать на куски. Желая спасти Муллу-Бекджана, он стал выгораживать его.

— Господа, Мулла-Бекджан не виноват, его принудили другие.

— Кто эти другие?

— Принудили наши русские братья, наши друзья-татары.

Услышав такое, улемы ничего не сказали. Они взяли документ с печатью, отправились к медресе Мадамин-хана.

— Мы одержали победу,— заявили они.— Приказ назира просвещения отменен, а сам Мулла-Бекджан теперь уже не назир. Правоверные, этот приказ, оказывается, заставили издать русские и татары.

Их слова подлили масла в огонь. Раздались крики:

— Гнать большавоев из Хорезма!

— Пусть русские и татары уезжают из Хорезма в свою страну!— кричали чалмоносцы.

На кирпичную трибуну медленно поднялся престарелый казн-калян Хикматулла:

— Наши мусульмане, поправ веру и шариат, присоединились к большевикам. Сбрив бороды и усы, они отогнали от себя ангелов, мужчины же, отпустив волосы, приняли облик женщин, надев короткие одежды, они уподобились кяфурам. Изобилие и благодать покинули страну. Близится светопреставление! Подобные Палвану перестали соблюдать уразу. Коммунисты и комсомольцы сбивают народ с пути истины, их надо покарать!

В конце своей речи Хикматулла воскликнул:

— Кто не хочет попасть в ад, пусть убивает кяфуров!

Когда он сходил с возвышения, его подхватили под руки.

Один из организаторов этого сборища, Санджан-кари, закричал:

— Мы не признаем совстскую власть!

И тут же Мухаммад-муфтий воскликнул:

— Убивший неверующего свят, убитый за веру велик!

Затем, призывая к мятежу народ, закричали аглямы и муфтии:

— Хорезму нужен хан!

— Хан нужен! Хорезму нужен хан!

— Пусть страна снова станет ханством.

Народ гудел. Повсюду были развешаны кровавые лозунги:

— Убивайте кяфуров!

— Раскромсать сбривших бороды и отпустивших волосы!

— Забросать камнями носящих короткие одежды, посещающих новые школы!

В это время к медресе пришел сам бывший хан Саид-Абдулла. Матчоп-тура и другие знатные помогли ему взобраться на трибуну. Собравшиеся на площади разом вскочили на ноги и поклонились. Саид-Абдулла призвал народ хранить веру и силой оружия изгнать из Хорезма кяфуров. Ему казалось, что собравшийся народ усадит его сейчас на белый войлок и снова вознесет на трон.

— Дети мои! Пускайте в ход все, что у вас есть: ружья, сабли, топоры и ножи... Джунаид-хан прислал мне письмо. Это письмо прочтет вам мой племянник.

Матчон-тура взобрался на трибуну к Саиду-Абдулле и поклонился. Под шелковым чапаном туры, надетым поверх камзола, оттопыривался маузер.

«Глядите, сам Матчон-тура!», «Сам Матчон-тура!»— загудели собравшиеся.

— «Гоните большевиков, я приду к вам на помощь со своим войском,— читал Матчон-тура.— Мы восстановим веру и шариат, храня верность обычаям отцов и матерей, будем жить в дружбе с тюркскими народами».

Медресе Мадамин-хана сотрясалось от возгласов: «Пусть Саид-Абдулла будет ханом!», «Пусть Матчон-тура будет вазири-бузруком!»

Кази-калян Хикматулла, молитвенно воздев руки, призвал к газавату — священной войне.

— Убивший за веру свят, погибший за веру — велик. Будете святы, если даже убьете своего сына-кяфура. Да поможет вам бог, побеждайте и не будьте побеждаемыми! Аминь!

Все молитвенно провели ладонями по лицам, затем толпа колыхнулась и поплыла к Нурлавой.

Возле Ата-дарбаза, ворот, ведущих к Нурлавой, с красными знаменами выстроились коммунисты и комсомольцы,— предвидя такой ход событий, Центральный Комитет создал добровольные отряды.

— Аллах-акбар! Аллах-акбар!

Вот они уже бегут к Ата-дарбаза.

— Народ! Не проливайте напрасно кровь. Вас обманули!— крикнул один из комсомольцев, стоявший на крыше ворот, и тут же упал от пули Матчон-туры.

Крытые улицы сотрясались от возгласов:

— Газават!

— Убивший свят!

— Павший за веру велик!

— Если твой сын большавой, убей его!

Толпа напирала. Ее уже не могли остановить выстрелы в воздух. Вдруг показались всадники. Размахивая саблями, они неслись к воротам. Кто-то пронзительно завопил: «Палван скачет!»

Началась паника. С криками «Назад!», «Убьют!» люди, налетая друг на друга, начали разбегаться в разные стороны.

Бойцы Палвана и отряд комсомольцев через несколько минут рассеяли мятежников.

Решением Хорезмского военного революционного суда от 12 июля некоторые руководители этого контрреволю-

ционного выступления были расстреляны, а бывший хан Саид-Абдулла и его родственники высланы из республики. Матчон-тура исчез. Говорили, что он бежал к Джунаид-хану.

После подавления мятежа Паляз-хаджи и его сторонники чувствовали себя героями. Они говорили коммунистам: «Мы крепко наказали контрреволюционеров — сторонников хана», а явившись в медресе на намаз, оправдывались перед духовенством: «Вся эта смута произошла из-за большевиков. Приговор также вынесли они».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В Хиву между тем все прибывали добровольцы. В большинстве безграмотные, в жизни не держали они в руках ни карандаша, ни книги. Их распределяли по взводам и ротам. Из этих добровольцев были созданы новые армейские части: первый хорезмский конный полк, который размещался в Нурлавей — поместье бывшего хана Саида-Абдуллы; первая пехотная рота — в саду Матюсуф-туры, вторая — в Тазабаге, там же находились и русские красноармейцы — в поместье Ислам-Ходжи.

Первым хорезмским конным полком командовал Миркомил Миршарапов. Беседуя с Палваном, он не раз сетовал на то, что бойцы его совершенно безграмотные.

— Палван, ты хорошо знаешь всех руководителей Хивы, они тебя уважают. Объясни им, что надо учить красноармейцев, пусть дадут учителей.

* * *

— Пожалуйста, пожалуйста, каким это ветром тебя принесло? Став большим коммунистом, совсем забыл меня,— не без иронии произнес Паляз-хаджи, здороваясь с вошедшим к нему в кабинет Закиром Бекчуриным.

— Дел много, хаджи-бува,— тихо сказал Бекчурин.

— У всех много дел, но ты отделился от нас, отвернулся от старых друзей, а ведь было время...— Слово «время» Паляз-хаджи произнес с особым ударением: дескать, совсем еще недавно ты шел за мной, был джадидом.

— Время изменяет людей, хаджи-бува...

Постукивая по столу пальцами, Паляз-хаджи взглянул на Бекчурина. «Этот не то, что Назирбай. Тот — цепкий, как колючка, живучий, как дьявол, годится лишь для темных дел. Этот Закир совсем другой человек. Я о нем думал: «Побольше бы таких джадидов, было бы на кого опереть-

ся». И вот тебе на — отбился от рук, стал главным среди неверных. Зачем ему это? Не иначе, как хочет подрезать мне крылья...»

Закир Бекчурин молча смотрел на Паляза-хаджи. Порвав с «Молодыми хивинцами», он в глубине души продолжал питать к этому человеку теплое чувство. Ему казалось, что умный, образованный Паляз-хаджи, объездивший много стран, в семнадцатом году бежавший из Хивы в Ташкент под защиту большевиков, в конце концов отойдет от всех этих баев и купцов, встанет на сторону трудового народа.

И, нарушив молчание, Закир заговорил доверительно, проникновенно:

— Зачем вы так думаете, хаджи-бува? Какая польза Хорезму, если мы будем друг от друга отделяться? Я бы хотел работать с вами долгие годы... И сейчас вот пришел к вам по важному делу. Центральный Комитет предлагает взыскать в пользу республики деньги с больших баев и торговцев. Надо, чтобы Совет назиров обсудил этот вопрос.

— Подумаем,— ответил председатель.

— Красной Армии нужны продукты, надо открывать новые школы, надо обеспечивать служащих... на все нужны средства...

— Можешь не учить, сам знаю, эх ты, кяфур-татар!— засмеялся Паляз-хаджи.

Закир почувствовал себя оскорбленным.

— Хаджи-бува, что это вы в последнее время...

— Шучу, шучу, Закир-эффенди, ведь ты свой человек...

— Никогда не называйте меня эффенди, до свидания,— сказал Бекчурин и, расстроенный, вышел.

Паляз-хаджи проводил его взглядом и, когда дверь закрылась, негромко сказал:

— Предатель!

* * *

Вскоре правительство распорядилось обложить богатеев налогом. Паляз-хаджи понимал, что если он будет открыто противодействовать этому, то может попасть в неловкое положение.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Возвращаясь на летние каникулы в Хорезм, йигиты и девушки, учившиеся в Ташкенте, добирались поездом до Чарджоу. Там они пересаживались на лодки и плыли в Ургенч, где их уже ждали родственники, загодя приезжавшие

на арбах к Ургенчскому лиману. И Бекджан, прибывший сюда много дней назад с нетерпением ждал своего брата Шернияза. Вот большая лодка, в которой находился и Шернияз, остановилась около Шават-канала, у старого моста. Бекджан крепко обнял своего младшего брата.

— Как ты вырос, Шернияз! Ах ты, дорогой мой братишка,— говорил Бекджан, а между тем глаза его, ища кого-то, вглядывались в толпу. Вот наконец он увидел Сабира-ака и рядом с ним его дочь Султан-пашшу. Бекджан подошел к ней:

— Салям, как вы доехали?

— Рахмат, как вы сами поживаете, Бекджан-ага?— смущенно улыбнулась Султан-пашша и, взглянув на Бекджана своими иссиня-черными глазами, уставилась в землю.

На пристани царил радостный шум. Возгласы... Улыбки... Смех... Отцы и матери, истосковавшиеся по своим детям, торопились побыстрее увезти их домой, словно опасались, что те сейчас снова сядут в лодки и уплывут. Но Бекджан ничего этого не замечал. Он видел только Султан-пашшу, свежую, краснощекую, прелестную, рядом с ее отцом Сабиром-ака, широкоплечим великаном, будто высеченным из огромного темного камня.

Все четверо — Сабир-ака, Бекджан, Султан-пашша и Шернияз — сели в одну арбу. За оживленной беседой они не заметили, как доехали до Хивы. Сабир-ака с дочерью сошел у своего дома, а Бекджан повез брата в Рафаник, где был расквартирован отряд Палвана.

Шернияз издали увидел Палвана, соскочил с арбы и бросился к нему.

— Палван-ага, Якут-апа передала вам привет. Через месяц кончит школу и приедет,— сказал Шернияз, целуя брата.

Три брата впервые за долгое время собрались вместе.

* * *

С тех пор как окончились занятия в школе, Айша с тоской и нетерпением ждала Шернияза. Услышав скрип колес или стук копыт, она выходила из дома, глядела на дорогу — все глаза проглядела. И сегодня, взяв внучка Баходира, вышла на дорогу.

Старая, большая дорога... Много проезжают по ней людей, а вот ее сыновей все нет и нет... Вон вдали снова показались всадники, не они ли это?

— Баходир, гляди, не едут ли? Погляди хорошенько,— сказала она, не отрывая взгляда от конных.

Баходир, узнав отца, вприпрыжку побежал навстречу. Айша зашагала посередине широкой дороги в ослепительных лучах осеннего солнца, мешавшего ей увидеть сыновей. По краям дороги тянулись кусты джиды, сплошь усыпанные бусинами плодов. Воздух был напоен ароматом.

— Анаджан!— услышала она голос Шернияза.

— Баладжан мой, сынок мой!

Какая-то сила подняла ее и понесла навстречу детям.

— Сынок мой, баладжан мой!

Впервые за эти годы Айша увидела всех трех сыновей вместе. В ее дом пришел праздник.

Палван встречал гостей. Бекджан помогал матери: то принесет воды, то дров. А Шернияз вместе с Айджамал, дочерью Пирнафаса-ака, уселись на берегу хауза. Он рассказывал ей про Ташкент, какие там широкие красивые улицы, как со звоном бегут трамваи, как по утрам кричат на все голоса собранные в одном парке сотни разных зверей и птиц. Айджамал слушала его так, словно бы он рассказывал ей какую-то волшебную сказку.

— Сынок мой, Шернияз, иди сюда, что это за Ташкент? А ну, расскажи и нам,— попросил один старик.

Шернияз подошел к гостям и начал свой рассказ:

— Ташкент на Хиву не похож. Большой, красивый, чистый город. По обе стороны дороги белые дома, возле них высокие деревья. По самой середке улицы ходит трамвай.— Шернияз заметил, что никто здесь не знает, что такое трамвай, и объяснил им:— Посреди большой улицы лежат стальные полосы, по ним мчатся дома на колесах. Вот, пока я вам говорю, такой дом мог бы добежать отсюда до Хивы.

Люди слушали его затаив дыхание. Шернияз удивлял их все больше и больше.

— По обеим сторонам улицы — арыки, в них чистая-пречистая вода течет...

— Что-что, на улицах арыки и по ним течет вода?— с удивлением спросил кто-то.

— Да, вода, и еще какая! Пьешь и еще пить охота, на мед похожа.

Людям сейчас казалось, что к ним явился не Шернияз, а само пристанище рая — Ташкент.

Охваченная радостью, Айша то приносила гостям чай, то присматривала за готовившейся едой, то подходила к Шерниязу и слушала его рассказ.

Когда гости разошлись, Айша еще долго беседовала со своими сыновьями. Затем постелила всем, уложила спать и, перемыв посуду, приведя все в порядок, улеглась рядом

с младшим сыном Шерниязом. «Слава богу,— прошептала она,— трое моих сыновей рядышком со мной. Дай бог им долгую-предолгую жизнь, все они у меня умные, ласковые, заботливые».

* * *

Бекджан каждую пятницу приезжал в свой кишлак Пишканик и помогал матери по хозяйству.

В этом году невиданный урожай дынь. Скороспелки трескаются прямо на глазах. Здесь на бахче, на возвышенном месте, Бекджан построил себе чайлу — шалаш, в нем и ночует.

Как-то он сказал матери:

— Анаджан, дыни наши очень сладкими стали. Пригласили бы погостить Айманхан-апа.

— Приглашу, сынок, конечно, приглашу. Султан-пашша, наверно, тоже придет,— ответила она и на следующий день отправилась в город позвать гостей.

Мать и дочь поднялись на рассвете и отправились в дорогу. Когда вышли за городские ворота, Султан-пашша сняла туфли и так резво зашагала, что Айманхан-апа еле поспевала за ней.

— Ты потише иди, доченька, устала я,— сказала она.

Султан-пашша взяла из рук матери узелок. Она старалась идти медленнее, но ноги сами несли ее вперед, ветром летела она, положив на голову узелок.

— Духота в городе, мама, а как привольно дышится тут, как хорошо!

— А вот выдам тебя за йигита из кишлака!— засмеялась мать.

— В нынешние времена девушки выходят замуж сами.

Увидев, как нахмурила брови дочь, Айманхан успокоила ее:

— Как хочешь, доченька, разве стану я неволить тебя!

* * *

Окончив курсы по подготовке учителей, Якутай вернулась в Хорезм. Она не ждала, что ее будут встречать в Ургенче, и была приятно удивлена, увидев на пристани Палвана, Айманхан и Султан-пашшу. Она подошла к ним с радостной улыбкой. Айманхан и Султан-пашша обняли ее, расцеловали.

— Якутай, как ваше здоровье? Поздравляю, вы теперь у нас учительница,— сказал Палван и крепко пожал ей руку.

— Рахмат,— ответила Якутай,— у меня все хорошо. А как поживает Айша-хола? Баходир вырос, наверно, ягненочек?

— А ну садитесь на арбу,— сказала Айманхан.

На своем буланом коне Палван ехал рядом с арбой, в которой сидели женщины. Когда его взгляд встречался со взглядом Якутай, у нее замирало сердце.

Палван проводил их до дома Сабира-ака и, прощаясь, сказал:

— Я тороплюсь к своим бойцам. Мы скоро встретимся...

— Якутай, вот этот дом ваш, можете здесь жить вместе с моей дочерью,— сказала Айманхан-апа, показывая комнату, окна которой были обращены на веранду.

— Рахмат,— тихо ответила Якутай.

— Ападжан, когда кончатся каникулы, я уеду в Ташкент, и дом этот останется вам,— сказала Султан-пашша, кладя чемодан Якутай на сундук.

— Если ты уедешь, буду скучать,— промолвила Якутай.

— Не дадим скучать, доченька.

Айманхан-апа расстелила перед гостьей дастархан.

На следующий же день Якутай пришла в Назират просвещения и показала свои документы. Ее сразу же определили учительницей в недавно открытую женскую школу. Вечерами она преподавала на курсах по ликвидации неграмотности.

Она ходила по Хиве без паранджи под обжигающими ненавистью взглядами. И хотя понимала, что на любой улице возле любой мечети ее могут забросать камнями,— не это было причиной ее тревоги, не это высекало слезы из ее глаз. Она чувствовала себя одинокой и несчастной, и, когда вечером оставалась одна, сердце ее разрывалось от боли.

Теперь единственным дорогим для нее человеком был здесь Палван, она любила его, но он казался ей недосягаемым.

Айманхан спросила:

— Дочь моя, отчего вы такая грустная? Наверно, тоскуете по своему родному дому?

— Да, я хотела бы пойти домой, да матери нет, отца, сами знаете...

— Есть мачеха, братишки, навестили бы их, а то еще мачеха подумает: «Дочь наша приехала в Хиву, а навестить не пожелала, видать, зазналась».

— Айманхан-апа, не хочется идти к ней.

— Дочь моя, забудьте, что говорилось, уже три года, как вы не видели своих родственников, навестите их вместе с Султан-пашшой, человечно это будет,— все настаивала на своем Айманхан.

В конце концов Якутай вынуждена была согласиться.

Завернув в платок привезенные из Ташкента душистое мыло, платок, тюбетейки и еще кое-какие вещи, она отправилась вместе с Султан-пашшой в родительский дом.

Городская усадьба Абдулла-туры, высокие зубчатые стены, украшенные искусной резьбой высокие ворота. Как только увидела их Якутай, перед глазами возникла пора ее детства... Вспомнилось, как мать баловала ее, свою единственную дочь. Надевала на нее самые красивые платья, наряжала ее, точно куклу. Когда ее, совсем еще молоденькую, отдали Матчон-туре, у которого уже было три жены, мать, сама испытавшая подобную судьбу, проклиная свет, плакала день и ночь. Якутай казалось, что ее ласковая мать выйдет сейчас ей навстречу и со словами «моя милая доченька, моя любимая, моя ненаглядная» прижмет ее к груди.

Как только она вошла во двор, к Якутай бросились сводные братья, стали целовать ее и потом, взяв за руки, повели к айвану. Там в это время мачеха что-то выговаривала старушке служанке. Увидев Якутай, она так и замерла. Якутай подошла и обняла мачеху:

— Салям, анаджан.

Затем она подошла к старой служанке:

— Как ваше здоровье, любимая бабушка?

Мачеха готова была выгнать Якутай за то, что та пришла без паранджи, но, скрыв это, тихо поцеловала ее со словами:

— Дочь моя, Якут-бика моя,— и пригласила Султан-пашшу на почетное место.— Во сне или наяву, каким ветром, дочь моя?

— Я из Ташкента приехала, анаджан.

— Соскучились мы по тебе, дочь моя, отец твой до недавнего времени, вспоминая тебя, говорил: «Дочь свою я напрасно обидел, виноват я».

В глазах старой бики засверкали слезы, она вытерла их и закричала на служанку:

— Что ты разеваешь рот, Якут-бика пришла, пойди принеси каймак!

— Анаджан, вам, братишкам я привезла подарки из Ташкента.— С этими словами Якут-бика начала вынимать из узелка подарки и раздавать их.

Хотя у старой бики при виде подарков глаза разгорелись, она все еще продолжала в душе гневаться на Якутай за то, что та пришла без паранджи. «Тавба, тавба. Видно, конец мира настает, точно Маруся русская».

Старая служанка принесла чай.

— Энага, вот и вам подарок из Ташкента!— сказала Якутай и укутала ее голову шелковым платком.

В глазах старухи сверкнули слезы, губы ее задрожали. Она бросилась целовать Якутай руки, лицо. Видя это, мачеха стала грознее тучи.

— Якут-бика дарит служанке шелковый платок?— сказала она и сейчас же хотела его отнять, но постеснялась гостьи.

И все-таки, не вытерпев, она обернулась к Якутай и сказала сердито:

— Даришь даже этой низкой?

— Анаджан,— Якутай показала на стоявшую рядом старую служанку,— она в детстве ухаживала за мной, я обязана ей. Вот теперь я вернулась учительницей, буду учить ее дочерей.

После этих слов мачеха снова пришла в ярость, как говорят, надела чапан навыворот. Только что целовавшая Якутай, теперь стала всячески поносить ее:

— Да ты еще намерена учить детей служанки! Значит, служанки уйдут из наших рук? Мало того, что сослали твоего отца? В такое священное место пришла без паранджи, продалась кяфурам. Был бы здесь твой отец, он бы тебя по голове не погладил!

— Анаджан, ведь тут гостья,— тихо сказала Якутай, показывая на Султан-пашшу.

— И ты тут тоже гостья,— прошипела старая бика и, с ненавистью взглянув на нее, продолжала:— Наверно, пришла сюда за наследством! Но запомни: дочери, которую проклял отец, ничего не достанется!

— Что вы так кричите, анаджан, я пришла навестить вас, отцовское наследство мне не нужно.

— И не дадим! Ты, несчастная, хочешь обмануть нас, как маленьких детей, дешевыми подарками. Посмотри на себя, всю совесть потеряла, бездомная!

Этих слов Султан-пашша не смогла стерпеть. Не в силах совладать со своим гневом и отвращением, она поднялась и, уходя, бросила бике в лицо:

— Вы думайте, что говорите, бика-хола! Почему вы мою Якутай называете бездомной? Она со мной живет. Пусть наш дом не такой пышный, но для нас он хорош!

Якутай, в которую проклятия старой бики впивались, как иголки, стоя у двери, сказала:

— Я знала вас с детства, поэтому и не намерена была идти сюда, да вот Айманхан-апа уговорила. И я согласилась, решила навестить своих братьев. А вы — настоящая бика, все мысли у вас о богатстве, трясетесь над копейкой. Весь мир изменится, а ваш нрав не изменится, высокомерие ваше и жестокость не исчезнут. Хотя и открыты ваши глаза, не видите, не ведаете, что происходит вокруг. Не чувствуете, как изменилось время! Знайте же, слуги тоже люди! Сейчас уважаемы в нашем крае бывшие слуги. Времена тур прошли. Да пропади оно пропадом, все это богатство, способное уничтожить человека! Пусть никогда не увидят мои глаза дома, который вы сделали пристанищем тьмы!

Якутай, как только вышла на улицу, заплакала.

— И мать мою мучила вот эта колдунья — старшая жена, всю жизнь терзала, и меня она отдала человеку, который имел несколько жен. Сердце мое растерзала эта с каменным сердцем.

Султан-пашша старалась утешить, успокоить ее:

— Оставьте эту злосчастную старуху, хуже колдуньи она,— но Якутай все не могла унять своих слез.

— Глядите-ка, что она выдумала! Будто я явилась за наследством, будто я требую дом!

В тот же день, узнав о возвращении Якутай, Айша вместе с внуком Баходиром приехала в город. Дома, кроме Айманхан, никого не было. Через некоторое время пришли Якутай и Султан-пашша. Баходир, как только увидал Якутай, воскликнул «апабий!», подбежал к ней и крепко обнял, Якутай прижала его к груди.

Прошло немного времени, и явились Сабир-ака, Палван и Бекджан. Они были какие-то особенно веселые, возбужденные, шутили, смеялись. В доме воцарилось праздничное настроение.

— А знаете, какая у нас новость?— начал Сабир-ака.— Палван с правительственной делегацией поедет в Москву.

— Значит, Ленина увидите,— сказала Султан-пашша.

— Давно я желал этого.

— Долго будете в Москве?— спросила Якутай.

— Нет, должно быть, скоро вернемся. Ведь в Хорезме-то у нас дел невпроворот.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ленин с первых же дней Хорезмской революции внимательно следил за событиями, происходившими в молодой советской республике. Это он, Ленин, посоветовавшись с руководителями центральных организаций, оказал необходимую Хорезму помощь, дал указания Комиссариату иностранных дел, чтобы приняли все необходимые меры для упрочения дружеских отношений с Хорезмом.

Месяц спустя после победы Хорезмской революции Ленин получил от правительства Хорезма телеграмму, в которой говорилось, что Джунаид-хан наступает. Хорезмская народная советская республика просит братскую Российскую советскую республику срочно оказать помощь.

Ленин попросил немедленно соединить его с Ташкентом. Выслушав Фрунзе и удостоверившись, что приняты действенные меры для отражения наступления Джунаида — ставленника англичан, он пригласил к себе Чичерина и Карахана.

— Прежде всего,— начал Владимир Ильич,— здесь надо исходить не из абстрактных положений, а из конкретной действительности. Эта народная советская республика создана в бывшей царской колонии. Всем известно, что независимость Хивинского ханства была фиктивной. Хан являлся приказчиком русского царя. Вместе с тем власть этого хана над своими подданными была безгранична, народ жил в условиях средневекового рабства. Теперь там решается вопрос: возможен ли некапиталистический путь развития для страны, долгое время находившейся в колониальной зависимости, промышленно неразвитой, в которой абсолютное большинство населения составляет крестьянство? Сейчас, после победы революции, к власти пришла широкая коалиция. Кто будет преобладать, доминировать в ней? Коммунисты или буржуазно-националистические элементы? От этого зависит будущее Хорезмской республики. Может ли народ Хорезма при поддержке пролетариата России начать строительство социализма? От ответа на этот вопрос, от практического результата этого исторического опыта во многом зависит дальнейшая судьба всех колониальных и зависимых народов.

— Английские консерваторы это неплохо понимают, они буквально завалили Джунаида оружием,— по всей видимости, рассчитывают на то, что успех этого хана явится сигналом для выступления контрреволюционных сил во всем Туркестане.

— Товарищ Фрунзе действует энергично, так что надо надеяться, англичане здесь просчитаются.

Ленин протянул Чичерину папку с бумагами:

— Георгий Васильевич, с благодарностью возвращаю вам материалы о Хорезме, которые вы мне прислали.

— Владимир Ильич, экономическое положение Хорезмской республики также крайне тяжелое,— сказал Карахан.

Ленин встал и прошелся по кабинету.

— Лев Михайлович, хотя и нам сейчас очень не легко, мы выполним свой интернациональный долг, окажем им всестороннюю помощь. Этот вопрос обсудим сегодня на заседании Совнаркома, а теперь, товарищи, я хочу поделиться с вами своими мыслями по поводу основ будущего договора с Хорезмской республикой.

Хорезмскую советскую народную республику мы считаем ранoправным, в полном смысле суверенным государством. Поэтому устройство ими своей жизни по собственному желанию отвечает нашим целям. Мы считаем отныне недействительными все кабальные договоры, которые заключило царское правительство с хивинским ханом. Все имущество России в Хорезме — земли, заводы, учреждения — мы отдаем безвозмездно народу Хорезма. В договоре в первую очередь должны быть представлены интересы Хорезмской республики. Надо уделить особое внимание пунктам, которые способствовали бы ее расцвету и прогрессу. Молодежь Хорезма, как и всего Туркестана, без всякой за это платы будет учиться в Москве, Петрограде и в других городах России. Мы обеспечим этих студентов общежитием, стипендией, я уже подписал такое решение. Весь мир должен увидеть, что договор, заключенный между Хорезмской советской народной республикой и Российской, является справедливым договором!

Георгий Васильевич, когда представители Хорезма прибудут в Москву, я попрошу уведомить меня об этом, хочу побеседовать с ними.

* * *

В сентябре 1920 года между РСФСР и Хорезмской Советской Народной Республикой были подписаны «Договор о военном и политическом союзе» и «Договор об экономическом союзе».

— Я от души поздравляю вас, наших дорогих хорезмских братьев,— сказал народный комиссар иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин.

Отвечая ему от имени хорезмцев, Мулла-Ураз поблагодарил Советское правительство и поздравил Чичерина с успешным завершением переговоров.

— Завтра вечером в Кремле Владимир Ильич примет представителей Хорезма,— сообщил им Чичерин.

Палван с нетерпением ждал наступления нового дня. Ему не спалось.

Утром, у здания посольства Хорезма, на Арбате, остановились две машины. В одну из них сели Салимов, Мулла-Ураз, Мулла-Нурмухаммад и переводчик Бурнашев; во вторую — Палван, Кусберган, Сафаргалди и сотрудник Комиссариата иностранных дел.

Проехав по вымощенной брусчаткой площади, они остановились у Спасских ворот. Сотрудник Комиссариата иностранных дел предъявил пропуск и повел их к зданию, в котором работал Ленин.

Ждать им пришлось недолго.

— Прошу, пожалуйста, проходите, Владимир Ильич ждет вас,— сказала секретарь Ленина и открыла дверь.

Ленин радушно встретил представителей Хорезма. Он подошел к ним, поздоровался с каждым в отдельности, после чего пригласил сесть.

— Я очень рад видеть вас,— начал он,— народы Хорезма первыми на Востоке совершили революцию, избавились от своих угнетателей. Мы, большевики, еще в семнадцатом году сказали: «Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы...» И вот сегодня мы имеем возможность беседовать с дорогими нам представителями свободного народа.

Мулла-Ураз развязал узелок, вытащил из него хорезмский шелковый чапан и надел на Ленина, затем надел ему на голову чугурму — папаху и повязал чапан шелковым поясом. Члены делегации радостно переглянулись. В этом одеянии Ленин стал похож на жителя Хорезма. Владимир Ильич горячо поблагодарил их за подарки и спросил:

— Халат этот сшит в Хорезме?

Мулла-Ураз ответил:

— Да, его сшили своими руками трудящиеся Хорезма. Они еще на курултае решили подарить вам все это.

— Спасибо, передайте, пожалуйста, народу Хорезма мою благодарность,— сказал Ленин.

Посидев некоторое время в чапане, Ленин попросил разрешения снять его, на что Мулла-Ураз ответил:

— Чем дольше вы будете сидеть в этом одеянии, тем счастливее мы будем чувствовать себя.

Ленин кивнул и остался в подаренном ему халате.

Представители Хорезма долго беседовали с Лениным. Палван ни на мгновение не отрывал от него взгляда. С величайшим вниманием вслушивался в каждое его слово. «Вот ведь какой человек,— думал Палван,— а держится так просто».

— Какие у вас еще пожелания?

Делегаты несколько минут переговаривались между собой, затем Мулла-Ураз сказал:

— В Хорезме тяжело с водой, чигирями орошаем землю.

Палван также обратился к Ленину:

— Край наш далек, бездорожье мучает нас, если бы построили железную дорогу, народу Хорезма жилось бы много легче.

Слова эти не были для Владимира Ильича неожиданными.

— Очень вéрно говорите. Железная дорога тесно связала бы между собой обе республики, но пока что претворить это в жизнь трудно. Работа нашей промышленности как следует не налажена, и вообще положение еще тяжелое. Сами понимаете, не месяцы — годы воевать пришлось... Вот погодите, окрепнем немного, построим железную дорогу...— Владимир Ильич подошел к висевшей возле дверей карте Средней Азии.— Если построим железную дорогу от Чарджоу до Гурьева, тогда путь в Хорезм по сравнению с дорогой Ташкент — Москва сократится на тысячу верст... Все это пока, конечно, одни мечты. Ну, а что касается воды, это не только для Хорезма, это вопрос чрезвычайной важности для всей Средней Азии. Мы сначала предоставим Хорезму пятьсот миллионов рублей, вы проложите каналы, наладите мелиорацию, затем снова окажем помощь.

Делегаты разговаривали с Лениным, как с давно знакомым близким человеком. Речь шла обо всем, что нужно в первую очередь молодой республике,— от оружия и боеприпасов до карандашей и бумаги.

— О всех ваших просьбах я сообщу Совету Народных Комиссаров. А вам советую: смелее выдвигайте дехкан на руководящие посты, учите грамоте народ, в безграмотной стране строить социализм невозможно. Уделите особое внимание раскрепощению женщин, укрепляйте народную власть.

Беседа с Лениным длилась несколько часов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда перед Палязом-хаджи поставили вопрос об открытии образцовой военной школы, он придумывал разные причины, вроде «нет денег», «нет помещения». И только после того, как военный назир, военный министр Хасанов сказал: «Используем турецких офицеров»,— подписал указ.

Образцовая военная школа открылась в большом саду Ибодулла-туры в Рафанике. Для преподавания в ней были привлечены турки, захваченные в плен русскими войсками во время первой мировой войны и вывезенные в Хорезм. Они были одеты в форму турецкой армии, ходили в красных фесках, хромовых сапогах, в руках трость. В первые же дни они установили в образцовой военной школе турецкие порядки.

Однажды военный министр Хасанов пригласил председателя Паляза-хаджи в образцовую военную школу. По этому случаю там состоялся парад, курсанты прошли строем мимо председателя и военного министра.

— Хаджи-бува, глядите, как шагают курсанты,— сказал довольный Хасанов.

— Прямо землю сотрясают, вот они — будущее Хорезма,— произнес Паляз-хаджи.

— Из вас выйдут очень хорошие, дисциплинированные командиры,— похвалил курсантов Хасанов.

Паляз-хаджи давно знаком с Хасановым и знает, что на него можно положиться. И очень даже хорошо, что такой верный ему джадид, как Хасанов, числится коммунистом. Ведет себя осторожно, ни с кем не ссорится, слова лишнего не скажет — не то, что этот пьяница Назир-кур, сколько глупостей он натворил, заведуя административным отделом! С каким трудом удалось уберечь его от гнева коммунистов, оставить на работе в Совете назиров.

Паляз-хаджи, наблюдая военные занятия курсантов, посоветовал Хасанову:

— Надо привести в казармы нукеров Кушмамат-хана и научить их порядку.

— Очень верно сказали вы, хаджи-бува, его нукеры похожи на стадо баранов. Но их и на веревке в эту школу не затянешь.

— Да, туркмены — степной народ, очень горячий, очень драчливый, отпустите поводья, так и норовят опрокинуть,— задумчиво сказал Паляз-хаджи.

Беседа, начавшаяся в образцовой военной школе, была продолжена в кабинете Паляза-хаджи. Мнение обоих о Кушмамат-хане оказалось одинаковым.

Недисциплинированные не только нукеры Кушмамата, но и он сам. «Не подчиняется мне,— пожаловался Хасанов,— признает только Мусаева — начальника Политуправления армии».

— По-моему, нукеров Кушмамата надо распустить. Хоть Гулям-Алихан пока смотрит на нас с уважением, нужно разоружить и его конных,— сказал Паляз-хаджи решительно.— Нам не нужны эти отряды длинноголовых, предводители которых сами себе хозяева.

— И я об этом думаю, но Гулям-Али-хан член правительства, а Кушмамат ваш заместитель,— сказал Хасанов.

— Вопрос этот сложный. Надо действовать очень осторожно. Туркмены — народ горячий, как бы они еще вас...

— Меня и смерть не возьмет,— сказал Хасанов сердито,— они еще узнают меня, как отрежу, так и сошью.

Отец Хасанова был в Ургенче портным, и сам он некогда занимался портняжным делом. Приехав в 1917 году в Турткуль, он примкнул к «Молодым хивинцам», записался в армию, стал командиром. И вот недавно, по предложению Паляза-хаджи, был назначен военным назиром.

Паляз-хаджи знал, что Хасанов человек тщеславный, самолюбивый, и играл на этом...

— Вы человек благородный. Я хорошо знаю о вашем геройстве. И заранее одобряю все ваши действия. Хотя Кушмамат мой заместитель, перед вами он ничто!

— За доверие рахмат, хаджи-бува.

— Об этом мы поговорим еще раз. Но помните одно: поскольку распустить их не в наших силах, с ними надо покончить сразу,— сказал он, провожая военного назира до дверей.

Оставшись один, Паляз-хаджи задумался: «Авторитет Кушмамата высок, может повредить моему делу. После заключения в тюрьму Шайдакова стал смотреть на меня с подозрением, не учуял ли он что-нибудь? Если теперь не уберу его со своего пути, это дорого может стоить мне».

Кушмамат-хан был первым заместителем председателя Совета назиров. Собственно, членом правительства Кушмамат только числился — со своими шестьюстами хорошо вооруженными и закаленными в боях нукерами он стоял

в своем кишлаке неподалеку от Кухна-Ургенча, в двух днях езды от Хивы.

Равнодушный к богатству и власти, уверовавший, что на земле Хорезма вот-вот установится полная справедливость, Кушмамат-хан прямо и откровенно высказывал свои мысли вслух, говорил: «Давайте смешаем кровь, чтобы больше никогда не ссорились узбеки и туркмены, будем отдавать друг другу своих дочерей». Но если к такому его плану установления мира в Хорезме Паляз-хаджи мог отнеситься со снисходительной улыбкой, то слова Кушмамат-хана: «Если у нас советская власть, то к чему нам иметь баев в правительстве»— заставили его крепко призадуматься. Вот и сейчас он вспомнил эти слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Надо ехать в Бухару на помощь Фрунзе. Вы остаетесь здесь,— сказал Кушмамат-хан брату Яхшикелдибеку.

Услышав «юлдаш Фрунзе вызывает», Яхшикелдибек, довольный, подумал: «Моего брата знает даже юлдаш Фрунзе».

— Есть письмо?— спросил он.

— Да, есть письмо от Совета назиров,— ответил Кушмамат-хан,— пришел приказ Паляза-хаджи и Хасанова: я должен отправиться со своими нукерами сперва в Хиву, а затем в Бухару.

Вызвав к себе сотников, Кушмамат-хан сказал, что поход предстоит далекий и трудный, поэтому надо хорошо позаботиться об амуниции. Приказал заменить старых коней молодыми, сильными и на следующий день провел смотр своим нукерам.

Вот они стоят в мохнатых папахах и красных, пестрых чапанах, перепоясанных набитыми патронташами,— его гордость, его сила, шестьсот его конных нукеров. Кушмамат останавливается около каждой группы и придирчиво осматривает своих йигитов. Люди выглядят хорошо, кони сильные, надежные. Кушмамат доволен. Вздыбив своего огненно-рыжего коня, он поднял искалеченную в бою руку и обратился к йигитам:

— Товарищ Фрунзе зовет нас в Бухару, мы поможем трудящимся Бухары, мы должны помочь им совершить революцию.

* * *

Хасанов доложил Палязу-хаджи:

— Кушмамат-хан согласен ехать в Бухару.

— А Гулям-Али-хан? — поспешно спросил Паляз-хаджи.

— Об этом не ведаю. На письмо мое не ответил.

— Да, нюх у него неплохой. Учуял, значит... Этот не то, что Кушмамат, этот, пожалуй, и с Джунаид-ханом поладит... Надо будет отправить к нему русского командира — одного из тех, кому он доверяет. Тогда приедет...

— Телегина, — подсказал Хасанов.

* * *

Кушмамат-хана, прибывшего в Хиву 19 сентября 1920 года, хорошо встретили люди Паляза-хаджи. Его конный отряд из шестисот всадников разместили в бывшем ханском саду, а тридцать пять командиров в доме Тазамахрама. Сам он отправился к жене.

Обрадованная его приездом, она быстро принесла чай, затем принялась готовить плов. Как же не радоваться! Кушмамат доволен ею: приятна, проворна, трудолюбива, скромна. Вот уже готов вкусный плов. И тут застучали в калитку. Он вышел и увидел фаэтонщика Совета назиров.

— Назначено заседание Совета назиров, приглашают вас, — сказал фаэтонщик.

Кушмамат тотчас сел в повозку и приехал в Нурлавой.

Встретивший его Паляз-хаджи провел Кушмамата через шестигранный зал в свой кабинет, усадил в мягкое кресло и заговорил о предстоящей поездке в Бухару.

Тем временем Шайхиддин Хасанов вместе со своим адъютантом Хамидулиным поскакал к дому заведующего армейским продовольственным складом.

— Где ключ от склада? — спросил у него Хасанов.

— Зачем?

— Отвечай, когда спрашивают!

— Ключ дома.

— Принеси, живо! — приказал Хасанов.

— Зачем?

— Показать тебе зачем! — крикнул Хасанов. В сумерках вороной конь военного назира казался черным, как вороново крыло.

Когда Шамгун принес и отдал ему ключи, Хасанов крикнул:

— Быстрее иди на склад, понял?

— Понял, — ответил Шамгун.

Хасанов и Хамидулин пустили коней вскачь и тотчас же исчезли.

Вскоре у склада, на крышу которого накануне затащили стог сена, остановился закрытый фаэтон. Из него торопливо вынесли пулемет.

Не успел Шамгун появиться на складе, как Хасанов, показав ему на пулемет, приказал:

— Помоги втащить наверх.

Шамгун принес лестницу. Курсанты быстро установили пулемет на крыше и замаскировали его. Хасанов тоже залез на крышу, с нее хорошо был виден дом Таза-махрама.

Командиры Кушмамат-хана сидели, распивая чай, в большом казане варился плов. Посреди веранды были составлены в козлы винтовки.

Удостоверившись, что туркмены ни о чем не подозревают, Хасанов спустился на землю, подозвал к себе турецкого офицера:

— Действуйте осторожно. Окружите дом.

— Понял.

— На помощь вашим курсантам вот-вот прибудут нукеры.

Хасанов вскочил на своего вороного и помчался к дворцу, где в это время ничего не подозревавший Кушмамат, думая, что вот сейчас начнется заседание Совета назиров, спокойно беседовал с Палязом-хаджи. Дверь приоткрылась, и кто-то позвал председателя. «Посиди, сынок, здесь, я сейчас вернусь»,— сказал Паляз-хаджи, и только он вышел — в кабинет ворвались Хасанов, его адъютант Хамидулин и еще несколько солдат, направили на Кушмамат-хана дула винтовок и пистолетов, обезоружили его, скрутили руки.

— Ия, Хасанов! Что же это такое?— произнес Кушмамат-хан и взглянул на Хасанова.

Хасанов приказал ему:

— Иди за мной!

— Разве я в чем виноват, товарищ Хасанов?

— Никто тебя не считает виноватым, просто нам нужны кое-какие сведения.

В большом зале у дверей стояла стража. «Неужто меня... нет, нет, тут какое-то недоразумение»,— подумал Кушмамат-хан.

Через несколько минут они подошли к Управлению милиции. Прежде здесь находился административный отдел Назир-кура.

Мимо стоявшего в дверях дежурного (в тот день дежурил милиционер Аминбаев) Хасанов провел Кушмамат-ха-

на в кабинет начальника милиции и тут же выстрелил ему в голову.

Все происходило по намеченному заранее плану. В городе было объявлено военное положение, на мостах выставлены пулеметы, у всех ворот крепостей прохаживалась стража, появляться на улицах без пропусков было запрещено.

Переводчика Кушмамат-хана Самандара привезли в Нурлавой и поместили в комнате слева от входа.

— Самандар, дай сюда винтовку,— сказал Хамдулин.

Самандар протянул свою отделанную серебром винтовку, ремень которой был из разноцветной кожи.

— Сиди тут, никуда не ходи.

— Пожалуйста.

Самандар ничего не понимал. Точно бы все происходило во сне.

Хасанов вскочил на коня и поскакал вместе с адъютантом к армейскому складу. Туда уже прибыли нукеры. Вместе с курсантами образцовой военной школы они окружили дом Таза-махрама, в котором находились командиры Кушмамат-хана. А те, ни о чем не подозревая, мирно беседовали, пили кок-чай. И тут по приказу Хасанова отсоединили провода. В доме погас свет. Веранду освещал только отблеск разведенного во дворе костра.

Курсанты осторожно подкрались к дому Таза-махрама и начали взбираться на крышу. Какой-то командир-туркмен, услышавший шорох, спросил у своего соседа:

— Хани, там на крыше вроде кто-то лазит?

Сосед ответил: «А провались он»— и на всякий случай выстрелил вверх. И тут турецкий офицер приказал курсантам открыть огонь. С крыши склада начал бить по веранде пулемет. На веранде началось что-то невообразимое. Люди метались из стороны в сторону, не понимая, что происходит. Потом все кинулись во внутреннее помещение, толкаясь, налетая друг на друга.

Нукеры и курсанты выломали ворота и вихрем ворвались во двор, вбежали на веранду и открыли огонь по комнате, в которую набились туркмены. Потом Хасанов ударом ноги настежь открыл дверь и закричал:

— Если шелохнется один, пристрелю всех!

После этого ворвавшиеся в помещение курсанты уперли в туркмен штыки.

— Ножи, кинжалы, любое другое оружие бросай!— пронзительно закричал Хасанов.

В этот момент зажегся свет. Попавшие в западню командиры-туркмены еще не понимали, что, собственно, произошло. Они отдали свои пистолеты, ножи, кинжалы.

— Выходи по одному!— приказал Хасанов, держа в руках маузер.

Около дверей турецкий офицер и курсанты обыскивали командиров и затем, проведя их через веранду, вталкивали в маленькую неосвещенную комнату.

— А ну проходи, не зевай!

— Вот сюда, эй ты, остолоп!— И они грубо толкали командиров.

Всех командиров заперли, повесили большой замок. Потом обыскали раненых, которые остались на веранде.

Хасанов был доволен дерзко проведенной операцией. Оставив охрану, он повел нукеров и курсантов в Тазабаг.

К тому времени Арка Тазабаг был уже окружен, на его ворота была наведена пушка.

Убедившись, что туркменам отсюда не вырваться, Хасанов отправился в штаб и, явно хвалясь содеянным, сообщил, что Тазабаг окружен, и тут же велел привезти в штаб Самандара, переводчика Кушмамат-хана. Самандар, услышав обо всем происшедшем, заплакал. Он хотел было объяснить, что Кушмамат-хан и его красные нукеры ни в чем не повинны, но Хасанов прервал его:

— Самандар, Арка Тазабаг окружен нукерами, пойди скажи туркменам, что, если они еще хотят свидеться со своими семьями, пускай сдают оружие и уходят.

Начало светать, когда Самандар подошел к воротам Арка Тазабага. Подошел и начал окликать знакомых ему людей:

— Киличбай, Дурнияз, Тайиб-бала!..

— Тут мы, Самандар-ака!— закричали из-за ворот.

— Если хотите увидеть жен, детишек, если хотите жить, сдавайте оружие и выходите, дарбаза окружена аскерами, будете стрелять — уничтожат. Таков приказ Хасанова.

Изнутри ответили:

— Эй, мы с большевиками не будем стреляться, мы будем стреляться с Джунаид-ханом.

— Тогда сдавай оружие,— сказал Самандар-переводчик.

— Ладно.

Дарбаза чуть приоткрылась, и тут туркмены увидели, что по обе стороны ворот, с винтовками наготове стоят солдаты. Туркмены выходили по одному, сдавали свое оружие и, став на указанное место, ожидали дальнейших приказов.

Выстроив по двадцать пять человек в ряд, их отвели в медресе при Нурлавой и заперли там.

Вскоре все шестьсот нукеров были разоружены.

Весть о расстреле Кушмамат-хана быстро распространилась по Хиве. Люди Паляза-хаджи сеяли слухи:

— Кушмамат-хан хотел устроить государственный переворот.

— Его нукеры начали перестрелку и убили много красноармейцев.

Глава правительства Паляз-хаджи отдал приказ о расстреле десятников, сотников и других командиров Кушмамат-хана.

Адъютант Хасанова Хамидулин дружил с Шамгуном. Близко к вечеру Хамидулин, проезжая в фаэтоне возле Кухна-Арка, заметил Шамгуна, остановился и предложил ему:

— Поедем со мной. У меня дело одно небольшое. Быстро управлюсь, потом погуляем.

— Пойду лучше домой, устал я.

— Давай садись!— настоял Хамидулин.

Фаэтон остановился у тюрьмы, рядом с Куша-дарбаза. По приказу Хамидулина из тюрьмы вывели пятнадцать явмутов с завязанными за спиной руками. Они были в одном белье.

— Куда ты их поведешь?— спросил Шамгун.

— В баню,— смеясь, ответил Хамидулин.

Простоватый Шамгун поверил, но, когда он увидел, что арестованных повели не в баню, а на старое кладбище, расположенное слева от Куша-дарбаза, он испугался. Арестованных заставили вырыть яму у стены, поставили к краю и дали по ним залп. Тех, кто сразу не упал, зарубили кривыми хорезмскими саблями.

Шамгун не вынес этого зрелища и бросился бежать.

Так были расстреляны, зарезаны последние из тридцати пяти командиров красных нукеров. Шестьсот же нукеров с завязанными за спиной руками, соединенных друг с другом цепью, погнали пешком к берегу Амударьи — было решено изгнать их из Хорезма. Почти все они умерли в пути.

* * *

Телегин по приказу военного назира Хасанова отправился к Гулям-Али-хану. Он знал туркменский и узбекский языки, как свой родной, как и Шайдаков, изучал обычаи тех мест, где работал в качестве военного или политического руководителя, дружески сходился с местными жителями.

В Хорезм его послал Фрунзе. Подобно Шайдакову, Телегин жизни своей не щадил, сражаясь за советскую власть.

Гулям-Али-хан заранее узнал от своих разведчиков о приближении Телегина и о том, сколько у него бойцов. Ему уже было известно, что произошло с Кушмаматом. Находившийся в ту пору в Хиве торговец насом Адам-насфуруш, бросив все свои дела, прискакал к Гулям-Али-хану:

— Хан-ага, целью вызова вас и Кушмамат-хана в Хиву была месть.

После этого он подробно рассказал обо всех кровавых событиях.

— Кушмамат-хан простак, несчастный глупец, а меня они не проведут,— в черных глазах Гулям-Али-хана сверкнули искры.

И в самом деле, Гулям-Али-хан — другой человек: он прежде всего думает о себе, во всем ищет выгоду. Раньше был с Джунаидом, а разбили этого хана, приеоединился к Красной Армии. Он и теперь на всякий случай ведет тайные переговоры с Джунаидом.

Гулям-Али-хан призвал к себе своих командиров.

— Окружите Телегина, если будет сопротивляться, расстреляйте,— приказал он.

— А если потом придут аскеры?..

— Что-нибудь придумаем,— сказал Гулям-Али-хан, закуривая чилим.

И вот нукеры хана ночью вышли на большую дорогу и в местности Карайилчин, притаившись за деревьями на берегу канала, стали ждать. Когда отряд Телегина достиг Карайилчина, они незаметно окружили его. Ехавший впереди бойцов Телегин направил коня к мосту через канал, и тут нукер Гулям-Али-хана остановил его:

— Стой, двинешься дальше, стрелять буду!

— Я — Телегин, хочу поговорить с ханом-ага,— сказал он нукеру по-туркменски.

— Есть приказ хана-ага: дальше не пускать.

— У меня к нему важное дело.

— Хан-ага придет сюда.

Во время этого разговора Телегин заметил, что из-под моста выходят все новые и новые нукеры.

Телегин удивился. Отчего такая встреча? О Тазабагской трагедии он не знал. В Ташаузе получил приказ пригласить Гуляма-Али в Хиву и вот едет...

Сердце его сжалось. Он обернулся и увидел несущихся вскачь всадников. «Неужто это нукеры Джунаид-хана?» — подумал он и приготовил взвод к обороне. Но во главе со-

тни конных, мчавшихся с оголенными саблями, скакал Гулям-Али-хан.

— Телегин, бросай оружие!— крикнул он издали.

— Хан-ага, послушай меня.

— Брось оружие, будем говорить.

Телегину эти слова показались хуже смерти. Посмотрел направо, налево: из арыков выходили вооруженные нукеры. Окружен со всех четырех сторон.

— Хан-ага, есть приказ от правительства,— смело сказал Телегин.

— Знаю. Не бросишь оружие, стрелять будем,— отрезал Гулям, с трудом сдерживая коня.

Телегин не подчинился приказу, не бросил оружия. Назад тоже не повернул. «Бей их!»— крикнул Гулям-Али.

Началась перестрелка. Взвод Телегина расстреливали триста нукеров. Телегин в последний раз крикнул во весь голос:

— Мы же свои, почему стреляете?

— Заткнись!— крикнул Гулям-Али-хан.

Пуля попала Телегину прямо в лоб.

Красноармейцы отчаянно сопротивлялись. Но силы были неравными. От всего взвода не осталось в живых ни одного бойца.

Когда стало известно об убийстве Телегина и его бойцов, военный назир Хасанов, договорившись с председателем Паллязом-хаджи, послал под предлогом борьбы с бандами Джунаид-хана карательный отряд в туркменские аулы. Многие туркмены, бросив дома, бежали со своими семьями в Каракумы.

О кровавых событиях, происшедших в крае, коммунисты Хорезма сообщили в Ташкент, в Туркомиссию. 24 сентября В. В. Куйбышев, находившийся в то время в Бухаре, направил в адрес Туркомиссии срочную телеграмму относительно событий в Тазабаге:

«События, происходящие в Хиве, должны привлечь внимание Российской республики, ибо при дальнейшем развитии в направлении национальной розни они могут погубить молодую республику и скомпрометировать советскую власть на Востоке».

Туркомиссия вынесла специальное решение о «Тазабагской трагедии». В Хорезм была послана Чрезвычайная комиссия, главой русского посольства в Хорезме был назначен Валентин Сафонов.

«Виновные будут преданы суду военного трибунала!», «Прибыл Сафонов — новый посол»,— такие вести быстро распространились по Хорезму.

— Не тревожьтесь напрасно,— успокаивал Паляза-хаджи Назир-кур,— не обращайте на все это внимания. Они сняли с работы своих людей, вам-то ничего не будет.

— А если займутся Хасановым?..

— Без вас с ним ничего не могут сделать.

— Расследуют дело...

— Вы никакого письменного приказа не давали, документов на этот счет никаких, а раз нет, значит, все и кончено.

Паляз-хаджи старался убедить народ Хорезма, что уничтожение Кушмамат-хана и его красных нукеров — трагическая необходимость.

«Доказать невиновность погибших,— рассуждал он,— не так-то просто — сами они не заговорят. А исполнители не заинтересованы в установлении истины — она им не нужна. После всего случившегося начнутся военные действия с туркменами, произойдут новые события, они заслонят первопричину. Кроме того, мы так сделаем, что наш человек не попадет под трибунал, а пойдут пришельцы — кяфуры, а это удар и по нашим коммунистам». Собственно, ради этого он, Паляз-хаджи, и старался.

Расстрел Кушмамат-хана и его нукеров, действия отрядов, посланных в туркменские аулы, вызвали гнев и ярость туркмен. Джунаид-хан сразу же поспешил воспользоваться этим. Его люди агитировали:

— Убивайте кяфуров!

— Любишь родину — присоединяйся к Джунаид-хану!

Джунаид между тем получил от английского правительства оружие, переправил его через границу, в глубь песков, и вновь начал собирать войско.

— Вот, большевики поубивали своих же людей, разве можно доверять Советам!— такое говорил на разные лады среди туркмен пир Джунаида, его духовный наставник Ханишан.

Приободрился и Матчон-тура. Его люди сновали из кишлака в кишлак.

— Пришла напасть не только на туркмен, но и на узбеков,— говорили они.— Народ в отчаянии. Мусульмане, присоединяйтесь к Джунаид-хану!

Силы Джунаид-хана росли, из волка пустыни он превращался в тигра.

* * *

Расправившись с отрядом Телегина, Гулям-Али-хан захватил Ташауз. Услышав об этом, Джунаид сказал своим главарям: «Распри начались между ними, теперь они сами съедят друг друга».

Не теряя времени, Джунаид-хан вышел из глубины песков, действуя с быстротой молнии, занял Илоли, Газават, Шават и, готовясь к наступлению на Хиву, остановился у Куйиктама. Здесь он принял представителей Гулям-Али-хана, они договорились о совместных действиях. Гулям-Али присоединился к Джунаиду. Объединенное воинство басмачей угрожало теперь не только Хиве, но и Ургенчу. Дорога между этими крупнейшими городами Хорезма была перерезана, телефонная связь нарушена. В городах и кишлаках подняли голову враги республики.

Центральный Комитет Хорезмской коммунистической партии объявил о мобилизации всех коммунистов и комсомольцев. По его настоянию правительство обратилось с просьбой о помощи к новому послу РСФСР в Хорезме Сафонову.

— На основе дружеского договора между нашими странами мы окажем помощь Хорезму, мы не кинем на произвол судьбы молодую республику,— ответил Сафонов.

Вскоре, несмотря на возражения Паляза-хаджи, было создано единое командование хорезмских и российских воинских частей.

Джунаид-хан, намеревавшийся с ходу взять Хиву, встретил упорное сопротивление отрядов Красной Армии и добровольцев. Из его рук были вырваны Газават, Шават и Ташауз.

Палван вернулся в Хиву в самый разгар наступления Джунаид-хана. Он сразу выехал в сторону Илоли, где находился его отряд.

Полученный им приказ выбить басмачей из Илоли был выполнен. Но ворвавшийся в Илоли отряд Палвана сразу же оказался в окружении. На помощь Джунаиду явились Гулям-Али-хан и Тимур-Али-хан с отрядами. Среди осаждавших город был и Анна-бала со своими нукерами.

Отряд Палвана оказался в крайне тяжелом положении. Прежде всего необходимо было отправить гонца в Хиву. Но как это сделать? Выручил давний друг Палвана Кутлимурад.

— Кутлимурад-ака, вот эту бумагу надо отвезти в Хиву,— сказал Палван,— чрезвычайно важная бумага. Кто отвезет?

— Я сам отвезу. Я здешний. Знаю эти места как пять пальцев,— сказал он.

Кутлимурад нарядился в лохмотья и под покровом темноты покинул Илоли. К утру успел довольно далеко отойти от города. Потом, завидев на дороге басмачей, смело пошел им навстречу, как дервиш, восклицая «е ху, е олло». Басмачи задержали Кутлимурада и даже обыскали его, но, к счастью, письма не нашли. Им и в голову не пришло, что он идет из Илоли. Он благополучно прибыл в Хиву и вручил письмо командующему. На помощь защитникам Илоли был послан отряд, но пробиться к городу он не смог.

Не ведая обо всем этом, Палван думал, что Кутлимурада убили басмачи.

В боях за Илоли особенно отличился Мулла-Ураз, совсем недавно подписавший дружеский договор между Хорезмом и РСФСР. Этот человек, принадлежавший к племени машрик, пользовался уважением среди туркмен. Он привел в Илоли отряд добровольцев. Это были батраки и безземельные дехкане из разных племен.

— Уже больше месяца, как мы в окружении, может, снова пошлем гонца?— спросил Мулла-Ураз, глядя на Палвана покрасневшими от бессонницы глазами.

— А как послать? Со всех сторон окружают нас аскеры Джунаида, люди нашего бывшего друга Гуляма-Али, стоят у всех ворот, у каждой дыры. Если спустить гонца с крепостной стены, его подстрелят. В Хиве, конечно, знают, что мы здесь держимся. Если бы басмачи взяли Илоли, то сразу бы раструбили об этом по всей долине... Надо ждать. Придут нам на выручку... Эх, был бы в Хорезме Шайдаков! Был бы Кушмамат! Предатели те, кто его убил!

К ним подошел помощник Палвана.

— Патронов мало осталось. Что прикажете делать?

Палван гневно взглянул на него:

— Хош, так что же нам делать, сдаваться?

— Палван-ага, разве я говорю «сдаваться»? Но ведь положение тяжелое...

— Прекрати! Патронов хватит. Пусть стреляют пореже. И паек придется урезать.

— И так крохотный...

— Другого выхода у нас нет. Будем сражаться до последнего.

Перед рассветом Палван взял фонарь и, как всегда, начал обход городских ворот. Небо обложено черными тучами, в разрывах их проглядывает тусклый свинцовый свет.

Улицы пустынны. В такую пору начинают голосить петухи — предвестники рассвета, но их в Илоли не осталось.

— Стой, кто идет? — крикнул постовой.

— Свои! — ответил Палван и произнес пароль.

Палван подошел к красноармейцам, охранявшим дарбаза, поздоровался с ними. Они окружили его.

— Товарищ командир, когда же помощь прибудет? Уж больше месяца, как мы в осаде. Или не помогут?

— Конечно, выручат нас. Если не сегодня, то завтра. Теперь уже ждать недолго. Командование не оставит нас в беде. Потерпим еще немного...— подбадривал их Палван.

И сегодня ни свет ни заря аскеры Джунаида снова пошли на штурм. Точно саранча, густо усеяв землю, они ползли, приближаясь к городской стене. В руках у одних были арканы, у других — лестницы. Вот уже карабкаются на стену. Только теперь красноармейцы открыли огонь. Короткими очередями заговорили пулеметы.

Враги отхлынули, но через недолгое время с криками «урхо-ур», «урхо-ур» снова полезли на стены. И так с рассвета дотемна. День за днем. Скоро уже два месяца.

Освободить Илоли малочисленной Красной Армии Хорезма было трудно. Понимая это, глава русского посольства Сафонов телеграфировал в Москву, прося оказать республике помощь. В Хорезм был послан конный полк из Чарджоу; красные кавалеристы, преодолев неимоверно тяжелый путь, вынеся холод и ветер пустыни, наконец прискакали к Илоли и сразу же вступили в бой. Одновременно с ними действовал и конный полк Миршарапова. Войско Джунаида откатилось в пустыню.

Многоопытный Джунаид увильнул от открытого боя. На этот раз он сохранил свои основные силы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В пору тяжелых испытаний, когда многим казалось, что Хорезмская республика доживает последние дни, когда головорезы Джунаида рвались к Хиве, известная всему Хорезму Анаш-халфа, собрав жен бедняков и вдов, нуждавшихся в куске хлеба, создала в Хиве первую женскую артель. В бывшем доме Али-махрама они ткали бузу — материю, которая шла на одежду красноармейцам и учащимся. Чего только не говорили мракобесы и фанатики об Анаш-халфе и этой артели.

— Собирают женщин-развратниц...

— Анаш-халфа попрала религию...

— Открыт публичный дом...

Маткарим, посланный Сабиром-ака на помощь артели, привозил на арбе мешки с хлопком, разносил их по цехам, рубил дрова, приносил воду, подметал двор, а ночью был сторожем. Словом, не знал ни минуты покоя, сам себе находил работу.

Дела артели шли успешно, она росла. Прежде, когда Анаш приходила к женщинам и уговаривала вступать в артель, те отвечали: «Муж не разрешает», «Отец мой против», «У меня грудной ребенок», «Если вступим, не станут ли звать нас кяфурами?» Теперь же говорили сами: «Анаш-апа, возьмите и нас».

Однажды в артель пришел Хаджи Большаков. Увидев, как хорошо налажена работа, похвалил:

— Сестричка, ты начала великие дела. Многие в республике последуют твоему примеру. Рахмат тебе.

— Вы помогли нам,— сказала Анаш, сидевшая перед ним в парандже.

— Сестричка, еще одно хочу посоветовать тебе,— немного смущенно сказал Хаджи Большаков.

— Что же это за дело, Хаджи-ака?

— Сбрось паранджу. Сделай это ради женщин и девушек всего Хорезма.

— Боюсь соседей.

— Не бойся, сестричка, мы все поддержим тебя, старые времена теперь прошли. До каких же пор вам жить, не видя белого света?

— Если сниму паранджу одна, дамля и имамы забросают меня камнями.

— Пусть только посмеют поднять руку! Не бойся. Вот и Якутай ходит без паранджи.

— Якутай училась в Ташкенте.

— А ты тут сбрось, не бойся!

...Большой цех ткацкой артели. Сюда пришли коммунисты, комсомольцы и представители профессионального союза. Работницы еще не знают, из-за чего здесь собрались все эти люди.

— Революция уравняла женщин и мужчин,— начал Хаджи Большаков.— Женщины обрели свободу. Некоторые из них поехали учиться в такие большие города, как Ташкент и Самарканд. Вот и Якутай, проклятая своим невежественным отцом, училась в Ташкенте. Она вернулась, окончив школу, и первая в Хорезме ходит без паранджи, обучает теперь грамоте наших девушек. Вот и вы, женщины, сидевшие взаперти в четырех стенах, заняты теперь свобод-

ным трудом в этой артели. Все это плоды революции, сестры! Теперь надо открыть огонь против паранджи, которая светлый мир обращает в темницу!

При этих словах Анаш вскочила с места, крикнула:

— Пропади, проклятая!— и, скинув с головы паранджу, отшвырнула ее.

Все увидели ее прекрасное белое лицо, густые брови, сияющие черные глаза. Работницы с восторгом и любовью смотрели на нее.

Следом за ней на середину комнаты вышла Хайриманат, отшвырнула паранджу. Их примеру последовала совсем еще молоденькая Биби-джамал. Она скинула паранджу и стала топтать ее ногами.

Это событие в жизни артели эхом отозвалось не только в Хиве, но и во всем Хорезме. В честь трех бесстрашных женщин, первых ласточек новой весны, сложил свою песню Шерози.

Когда Анаш без паранджи, с открытым лицом проходила через гузары — людные перекрестки, вслед ей неслось:

— Ведьма!

— Развратница!

Первое время Анаш-халфа, придя домой, рыдала. Но в конце концов сказала себе: «Что будет, то будет, неужто я стану обращать внимание на этих невежд?

Она не знала, что кази-калян уже сказал свое слово: «Надо убить колдунью!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Защитники Илоли возвращались в Хиву. Палван ехал впереди своего поредевшего отряда. Два месяца непрерывных боев, голод и бессонные ночи — все это не прошло бесследно. Осунувшийся, обросший бородой, он мало походил на прежнего Палвана.

Когда через ворота Шахимардан они вошли в Хиву, народ встретил их музыкой и песнями.

Салиджан обнял Палвана, поздравил с победой.

— Палван-джура, не съездить ли нам в кишлак, не повидать ли нам родителей? Как раз завтра пятница. Поедем?

— Хоть сегодня поедем. Соскучился я по дому.

... Дорога в Пишканик. Куда ни глянешь — ровная, как ладонь, долина. Ни холмов, ни впадин, ни оврагов, только маленькие горки грунта, вынутого из дренажных каналов. И вся эта долина такая — от берега Амударьи до самых Каракумов. По ней разбросаны кишлаки с высокими глино-

битными дувалами, и сами дома здесь из глины, которая так замешана и прокалена, что дома эти стоят век и более. Нет в Хорезме ни одного клочка необработанной земли, и нет в его кишлаках ни одного дома без сада. Сады хорезмских кишлаков прекрасны, воздух их чистый, целебный.

После городской толчеи и шума друзья окунулись в удивительный покой. Ночной дождь вымыл листья деревьев и виноградников, и теперь они по-весеннему светятся, радуя глаз.

Дехкане, разделившие между собой земли Матчон-туры, давно уже убрали свой урожай. На вспаханных полях хозяйничают скворцы, воробьи и галки. С легким шумом перелетают их стаи с места на место.

Почуя волю, дружно бегут кони. В лицо веет чистый, бодрящий воздух. Дышится легко. И далеко-далеко видно.

— Знаешь, я люблю вот такую позднюю осень,— сказал Палван, глядя вдаль.

— Да...

— Как-то все виднее в эту пору.

— Да...

Что с ним? Почему отмалчивается? Палван бросил на Салиджана быстрый взгляд.

— Салиджан, джура, отчего ты печален?

— Да так. Ты прав, Палван, хорошо жить на земле. Только есть такие, которые пятнают эту красивую жизнь.

— Да...— ответил Палван и, помолчав, продолжил:— Вот я и думаю, что зря много доверяем таким, как Палязхаджи. Какой же он революционер, если за все старое держится? Не только с басмачами, с ним самим бороться надо.

— С басмачами легче воевать, они убивают, у них в руках оружие,— тихо сказал Салиджан.

— А ты не думаешь, джура, что и он убивает: убивает надежды людей, убивает их веру в народную власть. Я видел Ленина и теперь знаю: председатель нашего Советского правительства должен быть совсем не такой, как Палязхаджи.

Они подъехали к кишлаку.

— Побудешь с матерью, сыном и приходи ко мне,— сказал Салиджан.

Как только Палван переступил порог своего дома, он увидел Якутай. Она играла с Баходиром. Мальчик бросился к нему. Палван поднял его на руки, прижал к груди. Лаская сына, он заметил, с какой нежностью смотрит на них Якутай. Он отпустил Баходира, и тот сразу подбежал к Якутай, прижался к ней, как к матери.

— Ягненочек ты мой, милый ты мой,— сказала она.
«Словно Джумагуль»,— подумал Палван.
— Баходир такой приятный,— улыбнулась Якутай.
— На отца похож,— засмеялся Палван.
Якутай опустила глаза.
— Ага, вы в Хиве долго пробудете?
— А кто его знает, От Джунаида зависит. Коварный он. Снова бежал в пески. А соберет войско...
Вошла Айша-хола.
— Ой, Палванбай, ты здесь? Сегодня у меня двойной праздник,— она поцеловала сына.— Утром гляжу, моя дочь Якутай идет... А теперь ты приехал... Вы сидите, сидите, детки, беседуйте, а я пойду еду приготовлю.
Айша взяла Баходира за руку.
— Пойди, побегай, внучек, во дворе.
Они вышли.
Якутай взглянула на Палвана, словно хотела сказать: я слушаю, ага, продолжайте.
— Так что вот не знаю, надолго ли я в Хиву. А как ваши дела, как вам работается в школе? Никто не обижает? Ведь это не просто — без паранджи ходить...
— Палван-ага, люди разные... К новому не легко привыкают. Конечно, фанатиков много, но жизнь в Хорезме меняется. Обидней всего, что и многие назиры наши за старое держатся. На словах одно, а как до дела доходит...
— Да, некоторые люди творят лицемерные дела,— начал Палван и рассказал Якутай то, о чем говорил с Салиджаном.
Якутай выслушала его и сказала с горечью:
— Знаете, Палван-ага, мне кажется, что Паляз-хаджи не хочет нового, боится его. Странно...такой образованный человек. Вот послушайте, что случилось с Хадичой. Отец Хадичи задолжал Худайберганбаю. Когда настал срок платежа, тот говорит: «Давай деньги», а у него их нет. И вот он вынужден в счет долга отдать молодую Хадичу старому Худайберганбаю. Хадича умоляла отца не делать этого, и мать ее плакала: «Не дам дочь, она еще ребенок». Но все бесполезно, калым получен, обручальная молитва прочитана. Видя, что ничто ей не поможет, Хадича убежала из дома. Целый год она где только не скиталась. И вот после революции она пришла в дом Закира Бекчурина и рассказала о своей беде его жене Халиме-апа. Та прониклась к ней сочувствием, написала жалобу на имя Паляза-хаджи. Хадича пошла к нему. Паляз-хаджи хорошо ее встретил, внимательно выслушал ее горький рассказ и сказал: «Дочь

моя, ты очень измучилась, мы не допустим, чтобы тебя, такую юную, выдали за старого бая, иди к себе домой». Хадича вернулась домой довольная. Но тут же приехали двое конных и закричали: «А ну пойдем, мы вернем тебя твоему мужу». Хадича им ответила: «Сам хаджи-бува сказал, что никто не тронет меня. Никуда я не пойду». Тогда один из нукеров, замахнувшись на нее плеткой, закричал: «Нас послал сам хаджи-бува. Не допустим, чтобы нарушались наши обычаи. Чтобы попирали шариат. Не тяни! Пойдем! Ты самим аллахом дана Худайберганбаю!»

Что было делать? Хадича пошла впереди конных. Шагала, плача, и думала: «Не могли удержать меня нукеры хана. Не смогли поймать меня люди Джунаида. Теперь попадаю в силки из-за хитрости Паляза-хаджи».

На перекрестке, у поворота в узкую улочку, она неожиданно отшвырнула паранджу и бросилась бежать. Пока нукеры сошли с коней да пока привязали их, Хадичи и след простыл. Из одного двора перебралась в другой, а там и в дом Халимы-апа.

В это время и я была там. Смотрю: вся дрожит, лицо бледное. Отошла немного и рассказала обо всем. «Джан Халима-апа, не отдавайте меня в руки этого злодея»,— умоляла она.

— А где сейчас Хадича?

— В доме Халимы. Закир Бекчурин, наверное, поможет ей. Ведь он секретарь Центрального Комитета,— закончила свой рассказ Якутай.

— Что случилось у Халимы-апа?— спросила вошедшая с полным блюдом Айша.

Палван и Якутай переглянулись.

— Нет, апа, ничего у нее плохого не случилось, так просто разговариваем,— ответил Палван.

Только они поели, Палван сказал:

— Апа, я поеду к Салиджану, обещал ему, заночую там. А вы, сестричка,— обратился он к Якутай,— не ходите по дорогам одна, в кишлаках разные люди есть.

— Хорошо, ага.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

После уничтожения красных нукеров Кушмамат-хана Паляз-хаджи решил ликвидировать Политическое управление Красной Армии Хорезма и таким образом вырвать ее из-под влияния коммунистов. Заявив своим назирам, что в условиях Хорезма Политическое управление не оправдало

себя, он приказал назиру финансов не давать больше этому управлению денег.

— Хаджи-бува, вы знаете, какую мы проводим работу?— спросил явившийся к нему Хамза Мусаев — начальник Политуправления.

— Не тяни. Говори, что тебе надо.

— Уж три месяца, как сотрудники не получают зарплату.

— А чем я могу помочь?

— Дайте приказ Назирату финансов...

— Что им мой приказ, если денег у них нет!

— Но ведь...

— Никаких «но», денег нет, и все.

Мусаев, еле сдерживая гнев, молча вышел. Он давно уже был не согласен с политикой, проводимой Палязом-хаджи и его сторонниками, но такого от них все же не ожидал.

На следующий день, когда Паляза-хаджи пригласили в Центральный Комитет, он высказал там свое мнение о Политическом управлении.

— Республика в тяжелом положении, финансовые дела скверные. Но, если бы у нас даже и были лишние деньги, я этому учреждению не дал бы ни гроша, ибо засевшие в нем татары настраивают узбеков против туркмен, а туркмен против узбеков.

— Хаджи-бува, то, что вы говорите, противоречит фактам,— решительно заявил Закир Бекчурин.— События, порочащие нашу республику, произошли отнюдь не по вине Политуправления. Напротив, благодаря его работе повышается классовое и политическое сознание не только красноармейцев, но и трудящихся всего Хорезма.

— Хаджи-бува,— медленно продолжал Закир Бекчурин,— правительство до сих пор не дало нам вразумительного ответа о причинах Тазабагской трагедии. Вы, подписавший смертный приговор командирам-туркменам, должны представить нам доказательства их вины.

— Вам что, мало этого красного туркмена Гуляма-Али, убившего Телегина и потом примкнувшего к Джунаиду?.. Все они такие: сегодня с тобой дружат, завтра — воюют, это у них в крови. Разбойники, аталыки! Разве Кушмамат не присоединился в девятнадцатом году к Джунаиду?

— Присоединился против своей воли! Вы это прекрасно знаете,— вскочил с места Хаджи Большаков.— Вспомните, как это было. Джунаид тогда обезглавил Исфандияр-хана, ему принадлежало все ханство. Он мог уничтожить и племя

Кушмамата. Но уже в то время Кушмамат послал своих представителей в Шаабаз договориться с Шайдаковым о совместной борьбе против него.

— А кто этот Шайдаков? Грабитель, вот кто он такой!— запальчиво проговорил Паляз-хаджи.

— Умный вы человек, хаджи-бува, проницательный,— внимательно взглянув на него, продолжал Закир Бекчурин.— А вот не догадались почему-то, что герой нашей революции Шайдаков не мог быть грабителем... Товарищи, на днях суд в Ташкенте полностью оправдал Шайдакова.

— Или теперь суд ошибся, или здесь произошла ошибка, время было сложное,— ответил Паляз-хаджи, заметно волнуясь.— А вам я, как своим людям, могу сказать одно: нам всем надо благодарить назира Хасанова. Не прояви он тогда решительности, валялись бы наши головы перед Кухна-Арком.

— Центральный Комитет требует доказательств вины Кушмамата,— настойчиво повторил Бекчурин.— Мы возмущены тем, что под видом борьбы с шайками Джунаида в туркменские аулы были посланы карательные отряды,— это противоречит целям и политике нашей партии. Хаджи-бува, ставим вас в известность, что при Центральном Комитете образован туркменский отдел. Мы обращаемся с воззванием к туркменам, в котором объясняем, что мы не причастны к происшедшим событиям, и предлагаем правительству объявить амнистию, распространив ее на все туркменское население.

— Ну что же, с последним вашим предложением Совет назиров может согласиться. Худой мир лучше войны. А насчет Политуправления армии подумайте...

— Мы уже подумали, хаджи-бува. Другого решения не будет.

* * *

Разговор с руководителями хорезмских коммунистов сильно обеспокоил Паляза-хаджи. Мало того, что они не согласились ликвидировать Политуправление, они еще и разговаривали с ним с нескрываемым недоверием и, что особенно его пугало, смотрели на него с каким-то даже любопытством, словно перед ними находился человек, у которого две тени: своя и убитого им Кушмамата. Нет, о чем-то дознались... Иначе бы не смотрели так эти Закиры и Сабиры. А тут еще Шайдакова оправдали в Ташкенте. Одно к одному.

Палязу-хаджи вспомнилась его последняя встреча с Шайдаковым.

... Бывшего командующего вели под конвоем по улице, а навстречу в карете хана ехал он, Паляз-хаджи. Уступая ему дорогу, конвоиры свернули в сторону, и он перехватил в эту минуту полный удивления и презрения взгляд Шайдакова...

А Кушмамат, которому он устроил ловушку у себя в кабинете, а все эти убитые туркмены!..

Он стоял у широкого окна своего кабинета, где недавно доверчиво разговаривал с ним Кушмамат-хан, стоял, глядя на вечереющее над Хивою небо, на приглушенное сумерками красное пламя заката.

«О аллах, прости мне пролитую кровь,— чуть слышно прошептал Паляз-хаджи,— ведь я защищаю в Хорезме извечный, освященный шариатом порядок. Пусть сгинут покушающиеся на него кяфуры. О аллах, дай мне силы их уничтожить».

* * *

По решению Центрального Комитета Политуправление армии направило коммунистов-туркмен в туркменские аулы — разъяснять народу, что Кушмамат-хана и его нукеров убили враги республики, баи, националисты, и что виновники этого преступления будут найдены и наказаны.

... Туркменский аул. На площадь стекается из юрт и глинобитных кибиток народ. Старики, йигиты, женщины, дети. Скрестив ноги, люди уселись в большой круг. В центре его — Сафаргалди, только что прибывший из Хивы. Обращаясь к народу, он говорит:

— Братья, Кушмамат-хана убили не большевики, а враги Советов. Теперь уже туркмен никто не тронет! В Центральном Комитете организован туркменский отдел. Пусть все возвращаются из песков, будет всеобщая амнистия. Кто не выступает теперь против Советов, тот будет прощен.

«Виновные будут наказаны», «Туркмен никто не тронет»— эти слова из воззвания Коммунистической партии Хорезма к туркменскому народу как эхо разнеслись по всей Каракумской пустыне. Туркменские племена одно за другим выходили из песков.

Гулям-Али-хан, послав своего человека в Ташауз, также узнал о всеобщей амнистии. После этого его нукеры вернулись в родные аулы и занялись мирным трудом.

* * *

— Хорошо у нас в Хорезме гостить, но работать трудно, ох как трудно,— с сочувствием говорил Паляз-хаджи послу РСФСР Валентину Сафонову.— К тому же прибыли вы к нам в самое тревожное время. Да и сейчас еще неспокойно. Туркмены вернулись в свои аулы, но, я думаю, они затаили месть... Некоторые горячие головы предлагают провести туркменский съезд. Пусть, мол, правительство пошлет своих представителей. Я, естественно, не могу на это согласиться. Где гарантия, что туркмены не убьют наших назиров. В условиях Хорезма все возможно.

— Исходя из заключенного между нашими республиками договора о военно-политическом союзе,— неторопливо заговорил Сафонов,— мы готовы сделать все для прекращения национальной розни, угрожающей самому существованию Хорезмской Народной Советской Республики.

Паляз-хаджи задумался. «Конечно, Сафонов уже знает об этом предложении наших коммунистов. То, что я сейчас сообщил, для него не новость. И вот теперь он пытается повлиять на нас, чтобы мы провели этот съезд».

— Мы ценим ваше дружеское участие, благодарны вам за помощь, оказанную Хорезму в трудное время, но, согласитесь, вопрос о туркменском съезде совершенно особый... Я могу издавать указы и постановления, но я не вправе рисковать жизнью своих назиров. Мне бы не хотелось, чтобы эти деятели нашей революции погибли от пули какого-нибудь басмача.

— Да... да... я вас понимаю,— ответил Сафонов,— но если бы такой съезд состоялся... Интересно все же, как отнеслись бы туркмены к присутствию на нем посла РСФСР.

— Это бы содействовало успеху съезда. Но мы не можем допустить, чтобы ваша жизнь...— Паляз-хаджи пристально посмотрел на Сафонова.— Вы наш искренний друг, но все же стоит ли так рисковать?

— Каждый наш красноармеец здесь рискует не меньше.

— Ну что же, тогда считайте, что правительство Хорезма уполномочило вас провести этот съезд. Подробнее об этом деле мы поговорим в следующий раз.— По лицу Паляза-хаджи скользнула загадочная улыбка.— Как говорят у нас: «Добрые намерения — половина счастья, а от хорошего слова — в мире светло».

Пожимая Сафонову руку, Паляз-хаджи думал: «Коза до Мекки дойдет, если волк не съест»... Надо надеяться, туркмены убьют этого кяфура, русского посла, а ведь съезд затеяли наши коммунисты... Они и ответят мне. Объявлю

чрезвычайное положение. Расстреляю Мусаева. Разгоню это проклятое Политическое управление».

* * *

Туркмены послали делегатов на свой Первый курултай в городок Пурсув. Туда прибыли делегаты из Кухна-Ургенча, Ташауза, Тахта, Даргана-ата, Садвара и других мест.

Курултай открылся 20 января 1921 года. В президиум избрали представителей всех племен, был среди них и брат Кушмамат-хана Яхшикелдибек.

После предательского уничтожения красных нукеров Кушмамат-хана и начавшейся затем междоусобицы, взбудоражившей весь Хорезм, объединить разобщенные племена, восстановить доверие туркмен к новой власти было не так-то просто. Призыв устроителей съезда к дружбе и миру должен был быть подкреплен не просто словами, а какими-то очевидными, впечатляющими фактами. В этом устроителям съезда очень помог приезд Сафонова. То обстоятельство, что русский посол прибыл без всякой охраны, что ради них, туркмен, этот большевик рискует своей жизнью, сразу же вызвало у делегатов уважение и симпатию к нему. Они расценили присутствие Сафонова на съезде как свидетельство того, что могущественная и справедливая Советская Россия, имеющая свои войска в Хорезме, берет туркменский народ под свою защиту, гарантирует ему мирную жизнь и равные со всеми права.

— Друзья,— сказал, обращаясь к делегатам, Сафонов,— скоро будет первая годовщина Хорезмской революции. Но в республике все еще нет спокойствия. Продолжаются распри, убийства. Почему так?

Сафонов ответил на этот вопрос сам: расстрел Кушмамат-хана, расправу над красными нукерами он расценил как злобную месть врагов Хорезмской республики. «Зачинщики этого тяжелого преступления, надо полагать, будут найдены. Мы в этом убеждены». Он призвал вести самую решительную борьбу с теми, кто разжигает межнациональную рознь.

Делегаты поддержали Сафонова. Курултай принял решение об окончательной ликвидации банд Джунаид-хана.

Когда совещание Совета назиров закончилось и Палязхаджи остался один, он стал думать о том, что произошло.

«Каким это образом Сафонов нашел путь к душам темного, невежественного народа! Того гляди сделает кровными братьями кяфуров и узбеков. Авторитет его в Хорезме растет. Чем больше будут уважать русского посла-больше-

вика, тем увереннее будут вести себя наши коммунисты. С ним надо быть осторожным, а то, как говорится, разрушит твою мельницу. Как бы мне этого маллавая-рыжего, подобно Шайдакову, изгнать из Хорезма».

* * *

Сабир-ака и Хаджи Большаков передали секретарю Центрального Комитета Закиру Бекчурину отчет о своем пребывании в кишлаках.

«Земли у баев не изъяты, к принадлежащим духовенству вакуфным землям не прикоснулись, а между тем одни только вакуфные земли составляют пятьдесят процентов всех земель. Положение бедняков-дехкан тяжелое... Пользуясь этим, баи скупают у дехкан землю. Если так будет продолжаться, дехкане обнищают, превратятся в батраков».

— Такое положение далее нетерпимо,— сказал Закир Бекчурин.— Мы образуем специальную комиссию, обсудим этот вопрос, а пока, я думаю, вам надо пойти в Совет назиров и разъяснить там, в каком тяжелом положении оказались дехкане.

Когда Хаджи Большаков и Сабир-ака явились к Палязу-хаджи, тот молился.

— В дни уразы работа кончается рано, если позднее придем, может уйти,— сказал Хаджи Большаков.

Они стали ждать. Совершив намаз, Паляз-хаджи принял их. Они передали ему копию своего доклада Центральному Комитету. Паляз-хаджи прочитал его и, слегка улыбнувшись, сказал:

— Это не новость. Что положение дехкан надо улучшить — знает и простой человек, но в нынешнее тяжелое время, когда дороговизна и голод...

— Дехкане надеются, что правительство поможет им,— сказал Сабир-ака.

— У правительства пуста казна и амбары пусты.

— Дехкане лишаются своих земель, а выращенный на вакуфных землях урожай должны будут отдать духовенству.

Услышав это, Паляз-хаджи перебил Сабира-ака и бросил резко:

— Пусть меня переедет арба, пусть мне будут угрожать смертью, я не позволю даже говорить о вакуфных землях! Пока я жив, я не допущу, чтобы попирали законы шариата! Покушающиеся на земли вакуфов презираемы людьми. Народ может забросать их камнями. Обо всем этом вам лучше никогда не говорить больше.—«Зачем, собственно, я трачу

на них время, надо поскорее кончать этот разговор»,— подумал Паляз-ходжи.— Все, что вы написали, я еще раз внимательно прочтаю, потом поговорим.

Через некоторое время он вызвал к себе Бобо-ахуна и Назира Шаликарова.

— Вот полюбуйтесь, что придумали наши кяфуры,— брезгливым движением он протянул им исписанные неровным почерком Хаджи Большакова страницы.

Прочитав доклад, оба молча уставились на председателя.

— Господа, что же это такое? Эти оборванцы пришли учить меня, хотят забрать вакуфные земли. Нет уж, руки коротки!— бегая по кабинету, проговорил Паляз-ходжи.

— Так-то оно так, но эти наши коммунисты крепко взялись за дело, они много стали понимать,— сказал Бобо-ахун и, помолчав, добавил:— Русский посол Сафонов стал у нас здесь очень уважаемым человеком, а они дружат с ним, советуются...

— Надо написать в Ташкент и Москву, что посол Сафонов позволяет себе слишком много, что он вмешивается в наши внутренние дела,— посоветовал Назир-кур.

— Назирбай говорит верно. Потому пусть он сам и напишет письмо. Надо, чтобы это важное письмо повез в Москву какой-нибудь авторитетный человек. Мы бы попросили многоуважаемого Мухаммаджана Абдалова...— предложил Бобо-ахун.

— Да, да! Пусть это письмо повезет он и разъяснит там наши мысли,— сказал Паляз-ходжи. Взглянув на свои часы, он сообщил, что настало время разговения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Работники посольства Хорезма в Москве с возмущением сообщили Центральному Комитету Коммунистической партии Хорезма, что в Москву прибыл Мухаммаджан Абдалов с письмом Назирата иностранных дел, в котором выдвигается требование об отзыве из Хорезма посла РСФСР Сафонова. По этому поводу было созвано бюро Центрального Комитета, на котором присутствовали партийные работники Хивы.

— Обойти в политическом вопросе Центральный Комитет, действовать против друга народов Хорезма, как все это можно расценить?— сурово и твердо произнес Хамза Мусаев.

Члены бюро решили выразить благодарность русскому посольству за помощь, оказанную Хорезмской республике. В то же время они потребовали от правительства снять с поста назира иностранных дел Шаликарова, который хотел нанести удар по дружеским отношениям, сложившимся между Советской Россией и Хорезмом.

Довести это решение до сведения правительства поручили Султану-кари и Палвану.

... Султан-кари вытащил из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист и сказал:

— Хаджи-бува, министр иностранных дел Назир Шаликаров послал в Ташкент и Москву полное клеветнических измышлений письмо относительно посла Сафонова. Кроме этого, за ним много и других провинностей. Поэтому о Шаликарове принято специальное решение Центрального Комитета. Мы принесли его вам.

Паляз-хаджи надел очки и начал читать. Слова «Назира Шаликарова рекомендуем снять с поста министра иностранных дел» он произнес вслух и, взглянув на пришедших, сказал резко:

— Это невозможно. Вмешательство партии в дела правительства противоречит закону.

— Хаджи-бува, почему это противоречит закону? А ссорить нас с братской страной, обманывать ее — разве это не противоречит закону?— спросил Палван.

— Народ избрал Шаликарова членом правительства, а правительство его назначило назиром иностранных дел. Снимать или не снимать его с поста, вопрос этот может решить только правительство. В прошлый раз мы уже напоминали об этом партии,— сказал Паляз-хаджи.

— Хаджи-бува, вы противопоставляете Совет назиров Центральному Комитету Коммунистической партии.

Если бы Палязу-хаджи пришлось назвать в Хорезме двух человек, которых он особенно яро ненавидел, то одним из них был бы Палван. Если бы ему пришлось назвать одного человека, то этим человеком тоже был бы Палван.

Паляз-хаджи предвидел, что рано или поздно столкновение с Палваном неизбежно. И вот теперь, не зная что сказать, он молчит. Разные мысли приходят ему в голову: «Почему я не заточил его в зиндан вместе с Шайдаковым, тот момент был самым подходящим. Сам виноват, упустил время... О аллах, как мне избавиться от этого разбойника!»

— Я поговорю со своими заместителями, послушаю, что они скажут. Разве легко снять с поста члена правительства,— тихо сказал Паляз-хаджи.

— Незачем откладывать решение этого вопроса, вы не выполнили первое постановление Центрального Комитета о Назире Шаликарове. Если не выполните теперь...

— Палванбай, вы, гляжу, уму-разуму меня учите,— язвительно заметил Паляз-хаджи.

— Хаджи-бува, я не поучать вас пришел, я выполняю поручение партии, ее приказ для меня закон.

— Понял, сынок, понял, ты стал самым что ни на есть большевиком, взял пример с русских, татар, иностранцев.

— Мы, коммунисты, не делаем различия между нациями, мы...

— Хорошо, хорошо, сынок, не сегодня-завтра созовем заседание Совета назиров.

Палван и Султан-кари поняли, что дальше говорить бесполезно, и поднялись.

— Центральный Комитет рекомендует на пост назира иностранных дел Муллу-Ураза, полагаю, об этом вы также подумаете, хаджи-бува,— сказал Султан-кари перед уходом.

Это неожиданное появление Палвана и Султана-кари, передавших ему решение партии, и сказанные ими горькие слова Паляз-хаджи воспринял как грозное предупреждение. 11 января 1921 года он был вынужден созвать Совет назиров и поставить вопрос о Шаликарове. Решением правительства Шаликаров был снят с поста назира иностранных дел. Но в самом решении причина этого не указывалась, было записано только: «Дела назирата будет вести впредь заместитель Шаликарова Джуманияз Аллакутов». Кандидатура Муллы-Ураза, рекомендованного решением Центрального Комитета на пост назира иностранных дел, даже не обсуждалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Приближался Второй курултай. Уже пришло письмо в Совет назиров от руководства Компартии Хорезма о необходимости начать совместную подготовку к нему. Паляз-хаджи понимал, что этот курултай для него вопрос жизни и смерти. Теперь он и его сторонники невольно должны были подумать о работе с сотрудниками Центрального Комитета. 21 февраля в Нурлавой было созвано объединенное расширенное заседание Совета назиров, Коммунистической партии, профессиональных союзов, Политического управления армии и Союза молодежи.

— Второй Всехорезмский курултай мы решили созвать в апреле месяце,— начал Паляз-хаджи.— Сегодняшнее совещание чрезвычайно важное. По нашей просьбе здесь присутствует глава русского посольства, уважаемый нами Сафонов. Братья, до выборов остается всего два месяца. Времени мало, не лучше ли на сей раз не создавать центральную избирательную комиссию, а послать делегацию в кишлаки и города? Или есть какой-нибудь другой путь?

— Надо создать Центральную избирательную комиссию,— сказал Закир Бекчурин.

Другие выступавшие одобрили его предложение.

Паляз-хаджи снова взял слово:

— Братья, я внес свое предложение, учитывая, что у нас действительно мало времени. Кроме того, мы и без комиссии успешно можем провести выборы. А такую комиссию создадим в следующий раз. Уважаемый посол, мы надеемся, подаст нам свой совет.

— Если созывается какой-нибудь съезд,— сказал Сафонов,— то, как правило, создается Центральная избирательная комиссия. Она же вырабатывает предложения, которые утверждаются вышестоящими органами. Так ведется дело, например, в РСФСР, в Туркестанской республике.

Присутствующие внимательно выслушали слова Сафонова.

— Я остаюсь при своем мнении,— сказал Паляз-хаджи.

Вопрос о подготовке к выборам затянулся надолго. Предложение Паляза-хаджи не прошло. Решено было создать Центральную избирательную комиссию из трех человек: Хасана Мухаммаджанова, Шакира Сиддикова и Бабаджана Якубова.

Комиссия приступила к работе, но и Паляз-хаджи не сидел сложа руки.

По мере приближения выборов все громче зазвучали в мечетях и медресе голоса высшего духовенства — аглямов, ахунов:

— Надо избрать истинно верующих, нельзя уступать дорогу кяфурам.

Но в Хорезме действовала и другая сила — коммунисты, комсомольцы. Они говорили народу:

— Власть должна принадлежать тем, кто трудится, баев и купцов не избирайте!

Вскоре стало известно, что Паляз-хаджи не утвердил выработанное Центральной избирательной комиссией «Положение о выборах». По требованию коммунистов снова было созвано расширенное заседание Совета назиров.

— Вот в этом проекте «Положения о выборах» сказано: «Использующие чужой труд не имеют права быть избранным и выбирать». Что же это такое?— обратился Паляз-хаджи к собравшимся.— В голову не вмещается. У меня есть земля, я сдаю ее в аренду половинщику или чайрикеру, нанимаю одного человека или пятерых. Разве можно оставить землю незасеянной? А раз посеял, то надо собрать урожай. Хош, а как же я один со всем этим справлюсь? Конечно, нанимаю человека. И за это, значит, я не могу быть избранным? Или возьмите Матланбая, земли у него много, десять батраков у него. Выходит, и он, в соответствии с этим положснием, не имеет права быть избранным? Разве вы не зиаете, что это авторитетный человек, уважаемый также н правительством. Хош, если не нас избирать, то кого же следует избирать? Нет, условиям Хорезма это положение не соответствует, поэтому Совет назиров не поддержит его.

Тут Мусаев бросил ему реплику:

— Почему господин председатель говорит от имени всех иазиров? Пусть они выступят и сами.

— В самом деле, ведь правительство состоит ие из одиого человека,— поддержали его присутствующие.

Воспользовавшись тем, что Мусаев не подданный Хорезма, и желая обратить собрание в скандал, Паляз-хаджи вдруг заявил:

— Раз иностранцы вмешиваются в нашу жизнь, я подаю в отставку.

После этих слов он сошел вниз и сел у окна. В зале поднялся шум. Назир юстиции Бобо-ахуи вскочил с места, подошел к председателю:

— Хаджи-бува, мы признаем только вас,— сказал он и, поддерживая Паляза-хаджи под руки, отвел его на председательское место.

Сафонов подиялся.

— Уважаемый господии председатель, мы никогда не вмешивались и не будем вмешиваться в ваши внутренние дела,— и вышел.

— Хаджи-бува, здесь нет никаких иностранцев. Надо знать, что говорить. Дело в том, что народ вами недоволен, вы не считаетесь с его интересами,— решительно заявил Палван.

Тут же выразил свой протест и Сабир-ака.

— Вам не нравится «Положение о выборах», хаджи-бува, но зачем же срывать зло на представителе Советской России, которая оказывает нам бескорыстную помощь!

Исмаил Ваисов, работавший в Центральном управлении профессиональных союзов, поднялся с места и, сжав руку в кулак, произнес:

— Мы знаем, что хаджи-бува называет простых людей «нищими», «оборванцами». А эти люди совершили революцию, и судьба этой революции в их руках!

Затем сразу же поднялись с места представители партии, Союза молодежи, профессиональных союзов, Союза кушчи.

— Вы поистине баем были, баем и остались... Правда скоро выявится, вот тогда мы поговорим с вами!— С этими словами они покинули собрание.

На заседании остались только люди Паляза-хаджи. Они переглянулись: что, мол, теперь будем делать?

Паляз-хаджи сказал:

— Хорошо, что они ушли. Когда это было, чтобы низкие людьми стали. Господа, я предлагаю принять такое решение: «В упомянутом «Положении о выборах» исключить статью третью, гласящую: «Использующие чужой труд не могут быть избранными и выбирать». Есть ли возражение?— председатель оглядел всех.— Нет. Значит, принимается единогласно.

После этого собрания Центральный Комитет Коммунистической партии Хорезма решил начать борьбу с правительством Паляза-хаджи, обратиться к народу и объяснить ему, что правительство препятствует проведению свободных выборов.

В Хорезме начались демонстрации протеста.

* * *

События развивались стремительно. 6 марта на улицы вышли тысячи жителей Хорезма. Со всех концов города спешили они к Хазараспским воротам на площадь Романдои. Там еще накануне ночью комсомольцы соорудили высокую трехметровую трибуну. Рядом с ней на длинных шестах было натянуто полотнище с лозунгами: «Долой правительство баев!», «Да здравствует Коммунистическая партия!»

Была ранняя весна, земля еще не успела обсохнуть, но из-за тысяч прошедших по ней ног она отвердела, точно по ней чем-то били. Волны народа текли на площадь. Играл духовой оркестр.

Когда площадь была запружена людьми до отказа, начался митинг. Один за другим на трибуну поднимались руководители партии, комсомола, профессиональных союзов.

Обращаясь к народу, они говорили, что во главе правительства находятся баи, которые выдают себя за революционеров. Паляз-хаджи и его сторонники, вместо того чтобы помогать беднякам-дехканам, рабочим, ремесленникам, поддерживают баев, заводчиков и купцов, противятся избранию на курултай представителей трудового народа. На митинге горячо выступил Палван.

Последним на трибуну взошел вожак хорезмских комсомольцев Рузмат Юсупов.

— Кто натравливает наших кровных братьев — туркмен на узбеков? Паляз-хаджи и его приспешники! Кто убил нукеров Кушмамат-хана? И это можем сказать открыто: правительство Паляза-хаджи. А если так, то мы не могли доверять правительству, друзья. Долой его!

— Верно!

— Так надо!

— Давно пора!

С развевающимися красными знаменами демонстранты направились к Нурлавой.

— Весь Хорезм поднялся! Неужто в Хиве столько народа?— удивлялись люди.

И в самом деле, за всю свою историю Хива не знала такого шествия: когда головные колонны демонстрантов подходили к Нурлавой, то конец этого людского потока находился еще у медресе Палван-кари.

В тот день многие назиры, услышав, что к демонстрантам присоединились войска, не пришли в свои учреждения. Многие из них, сказав: «Мир перевернулся», поспешили покинуть Хиву.

Назир-кур, запыхавшись, вбежал в кабинет председателя:

— Хаджи-бува, народ идет к Нурлавой, они устроили демонстрацию!

— Вызовите ко мне начальника роты сторожевого охранения.

— Никого нет, все на демонстрации...

— Вы знаете, чем кончаются в Хорезме демонстрации?— скороговоркой спросил Паляз-хаджи и вскочил с кресла.

— Надо бежать, иначе поймают и убьют,— сказал Назир-кур.

Достигнув Нурлавой, демонстранты с возгласами «Долой правительство баев!», «Хорезму нужно народное правительство!» собрались на площади у дворца.

«Вызвать Паляза-хаджи!», «Вывести Назир-кура!», «Пусть держат ответ назиры!»— восклицал разгневанный народ. Нескольких назиров вывели к демонстрантам. Их заставили стать на колени перед народом. Но Паляза-хаджи и Назир-кура во дворце не было. Из толпы раздавались возгласы: «Послать к ним домой!», «Вытащить оттуда, где попрятались!»

У входа в Нурлавой под древними зубчатыми стенами собрались руководители демонстрации. Взобравшись по ступенькам на супу, Ахмад Махмудов громко крикнул:

— Народ! Можно ли считать, что с этого дня правительство баев пало?

И в ответ ему над площадью разнеслось:

— Правительство баев пало!

— Назиров, обманувших народ,— в зиндан!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Через четыре дня, 10 марта, был создан Временный революционный комитет Хорезма, в большинстве своем состоявший из коммунистов. На одном из первых заседаний он утвердил представленное Центральной избирательной комиссией «Положение о выборах».

Для борьбы с контрреволюцией Временный комитет создал Чека. Председателем Чека был назначен Ахмад Махмудов. Его заместителями были Пулат Матчанов и Бобо Матчанов. Чека разместилось в школе, где прежде учился Тимур-Гази-тура — сын Исфандияр-хана. Это было двухэтажное здание полуевропейского-полувосточного типа с балконами и широкими окнами.

Чека сразу же начала беспощадную борьбу с терроризировавшими население Хорезма разными басмаческими шайками и действовавшими в самой Хиве агентами Джунаида.

Были приняты меры для розыска Паляза-хаджи и Назир-кура: их искали и в самой Хиве, и в загородных садах — словом, во всех возможных местах. Обыскали все магазины, принадлежавшие Назир-куру, его мельницу в Каптархане, его завод в Мангите. Но сколько ни искали, найти не могли.

А между тем Назир-кур скрывался в Хиве в своем собственном доме. Его выручала паранджа. Когда приходили к нему домой с обыском, то он, накинув паранджу, уходил к ближайшим соседям. Когда же обыск заканчивался, он снова возвращался домой. Никому и в голову не прихо-

дило, что под паранджой скрывается Назир-кур. В те времена задержать женщину в парандже или заглянуть под ее чачван было делом рискованным.

В газетах были помещены объявления: «Если Палязхаджи и Назир-кур явятся добровольно, их жизнь и имущество будут сохранены». Но они не явились.

Однажды к председателю Чека Махмудову его друг Маткарим привел молодого человека, рыжего, кареглазого, обутого в ичиги и кявуши.

— Ахмаджан, это Джуманияз — тот самый йигит, о котором я говорил тебе. Потолкуй с ним, а я спешу,— сказал Маткарим и, попрощавшись, вышел.

— Возьмите меня на работу, я много претерпел от знатных. Теперь вижу, баи и духовенство снова бесятся, хотят уничтожить новую власть,— проговорил йигит.— Куда ни прикажете — пойду: хоть в огонь, хоть в воду.

— У нас работа не легкая: на каждом шагу смерть подкарауливает,— предупредил его Махмудов.

— Однажды я уже избежал смерти... побывал в ханском зиндане... Так что остаток жизни могу считать подарком и распоряжаться им, как хочу.

Махмудов вызвал сотрудника Чека Раима-така и представил ему йигита:

— Вот тебе помощник, постарайся вместе с ним найти Назир-кура.

Выйдя из кабинета председателя Чека, они обсудили это дело и решили подежурить у дома Назир-кура.

Назавтра они направились на улицу Ур и стали около маслобойки, рядом с медресе Палван-кари, невдалеке от дома Назир-кура — самого большого дома на этой улице. Место для наблюдения хорошее, но стоять долго здесь нельзя: можно привлечь к себе внимание. Пришлось залезть на крышу медресе, с которой просматривалась вся улица.

Спустя некоторое время Джуманияз и Раим-така увидели двух женщин, идущих к дому Назир-кура. «Как-то странно шагает одна из них, та, что в бархатной парандже»,— разом подумали сотрудники Чека.

Женщины вошли в дом. А что, если под паранджой скрывается Назир-кур? Не попытаться ли в следующий раз, будто в шутку, приподнять чачван? А если там женщина? Тогда обидчиков камнями забросают...

И на следующий день с крыши медресе они снова увидели этих женщин. Опять насторожила походка одной из них. Потом целую неделю женщины не появлялись. Джуманияз и Раим-така уже устали прятаться на крыше.

И вот наконец снова эти две женщины появились на улице. «Давай!» — подтолкнул Джуманияз Раима-така. Они проворно спустились вниз и преградили женщинам путь.

— Куда вы идете? — спросил Раим-така.

— В дом Назира-ага, — едва слышно вымолвила женщина.

— И вы тоже идете к Назирбаю? — спросил Джуманияз у той, что была в бархатной парандже.

— Да...

— Кем вы приходитесь Назирбаю?

— ...

— Отвечайте, кем?

— Сестрой... — раздался тоненький неестественный голосок из-под паранджи.

«Была не была, трус на коня не садится...» И Джуманияз сорвал чачван с ее лица.

«Ба! Да это Назир-кур!»

— Следуйте за нами! — строго сказал ему Раим-така.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В Хорезме начался казув. Несмотря на угрозы Джунаид-хана: «Кто послушается кяфуров, пойдет на казув, тот не только имущества — жизни лишится», — узбеки, туркмены, каракалпаки — весь народ, вооружившись заступами, лопатами и кетменями, направился к берегам каналов и арыков. Вода-кормилица, желтая, мутная амударьинская вода все лето течет по анхорам и арыкам, и к осени откладывается ил в полметра и более толщиной. Не очистишь от него каналы и арыки, следующим летом вода не пойдет. Это была тяжелая, изнурительная работа, унаследованная от дедов и прадедов. Прежде всего углубляли большой анхор — головной канал, затем его ответвления, потом арыки и арычки. Каждый год, по велению хана, народ гнали на казув. Человек, имевший землю, должен был отработать 36 дней. Причем не имело значения, сколько у него земли: один танап или тысяча танапов. Тяжело приходилось бедняку, а бай, конечно, никогда сам не шел на казув, посылал своего слугу, батрака или же какого-нибудь несчастного за ничтожную плату. Сколько невинных людей гибло на этом злосчастном казуве! В народе так про него говорили: «Казув начался — с плетки ясавулбаши кровь капает». Ясавулбаши хан посылал для устрашения бедняков.

— Казув начался!..— кричат глашатаи, далеко разносятся их голоса.— Эй, стар и млад, чтобы вас палками не наказали, выходите на рытье сами! Выхо-ди-и-те, выхо-ди-и-те!

И, заткнув полы чапанов за пояс, люди выходили на дорогу, бесконечной лентой тянулись они к головному каналу: кто на ишаках, кто на лошадях, а большинство пешком.

Теперь другое дело, теперь земли ханов, тур отданы семьям бедняков и красноармейцев, теперь люди трудятся на себя и пришли к головному каналу добровольно. У каждого кишлака здесь свой участок.

Чтобы первый после революции казув прошел успешно, на самые тяжелые участки руководителями работ посланы коммунисты, и в их числе командиры Красной Армии Хорезма.

... Палван трудится с утра до ночи, не зная покоя. Он следит за ходом работ, старается обеспечить казувщиков всем необходимым. И сам он роет, как все: вооружившись лопатой, кидает вверх огромные комья глины.

— Не уставать вам, Палван-бай,— закричал его земляк Раим, видя, как рьяно работает Палван.

— Некогда отдыхать, Раимджан... Надо скорее кончать казув. Сейчас время дорого.

Палван подходил то к туркменам, то к каракалпакам, советовал, помогал.

Он подошел к казувщикам из Пишканика, которых возглавлял Пирнафас-ата.

— Не уставать вам, ата!

— Живи, сынок!

— Дела у вас, смотрю, неплохо идут, ата.

— Из нашего кишлака здесь много сильных йигитов, оттого и дело движется.

...Поднявшаяся из-за горизонта полная луна залила своим сиянием анхор и его берега. Ночь ранней весной еще довольно холодная, люди сидят у костра. Вот послышалось: «Идут музыканты», и тут же все повалили на просторный луг, заменявший здесь площадь. У всех в руках факелы.

Музыканты пришли усталые. Они только что выступали на другом участке. Шерози выпил пиалу зеленого чая и начал налаживать саз. Матякуб погрел на костре свой бубен. Все смотрели на них. Наигрывая на сазе, Шерози начал петь.

Весенний ветер уносил его песни от берегов анхора к волнам Амударьи. Мелодии Шерози — они тревожны,

они так же широки, как Амударья. Они то ласковые и безмятежные, то беспокойные, страстные.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Анаш-халфа сдержала свое слово, которое дала когда-то Маткариму: «Я сама женю вас и послужу на вашем тое».

Маткарим полюбил работавшую в артели девушку — сироту Кундуз. Дети бедняков, они стремились навстречу друг другу. Узнав об этом, Анаш стала свахой и соединила двух одиноких, устроила в просторном дворе артели той. На этот маленький, но, как говорится, добрый той пришли близкие и друзья невесты и жениха.

Это был первый красивый той, где тон задавали коммунисты и комсомольцы, тут не считались с религиозными обычаями, не читали молитв, все было по-новому. Мужчины и женщины сидели вместе, лицо невесты было открыто. Палван, как самый близкий друг Маткарима, встречал приходивших гостей. На столах были расставлены разные угощения и вазы с букетами первых весенних цветов Хорезма.

Жених и невеста поднялись на сцену и сели за стол, устланный красным полотнищем. Хаджи Большаков поздравил молодых. Затем от имени всех работниц артели пожелала молодым жить дружно Айманхан. Анаш вручила им подарки. Айманхан и Якутай ухаживали за гостями, не знали ни минуты покоя.

Все были довольны. Жених, по обычаю поднося Палвану, прислуживающему на его тое, горсточку плова, сказал:

— Ага, теперь ваш черед. И мы хотим послужить на вашем тое.

* * *

Гости разошлись поздно. Палван провожал Якутай в общежитие женской школы.

Мягкая весенняя ночь. Белесый лунный и фиолетово-серебристый звездный свет. Тишина... Только издали доносится крик петухов.

Палван и Якутай узкими улицами подошли к большому городскому пруду — хаузу. Таких прудов в Хиве несколько. Люди зимой и летом пьют из них воду.

Залитый лунным светом хауз кажется какой-то бесконечной дорогой. Раскидистые карагачи переплели в нем свои фантастические тени.

— Якутай, посидим тут немного, — сказал Палван, показывая на маленькую супу на берегу хауза.

— Ага, уже поздно, завтра у меня уроки,— сказала она, хотя согласна была сидеть тут до рассвета.

— Прислуживая на тое с утра до вечера, вы, наверно, устали. Посидим,— настаивал Палван.

— Ну хорошо, посидим,— Якутай тихонько подошла к супе и села.

— Да будет долгой жизнь Анаш-апа, она хорошо провела той,— сказала Якутай, глядя на серебристую, подернутую рябью воду.

— Теперь такие красные тои должны войти в обычай,— сказал Палван, не в силах оторвать взгляда от красивого, такого нежного в лунном сиянии лица Якутай.

— Очень хорошо получилось, пропади эти старые тои, разве они тои? Вот это той! Расцвело счастье Маткаримаака, и Кундуз оно улыбнулось! Анаш-апа сделала их счастливыми, а вот себе обрела новых врагов,— продолжала Якутай, играя кончиком платка.

— Руки у них коротки. Те, кто хочет отомстить Анаш-апа, сами будут уничтожены,— решительно сказал Палван и, зачерпнув пригоршней воду, с удовольствием выпил. Вода эта пахла медом.— Давно ли мы беседовали с вами в саду туры? А сколько уже лет прошло с тех пор,— задумчиво сказал Палван. И сам ответил:— Почти десять лет, а мне кажется, точно бы вчера.

Они вспомнили былое.

— Вроде бы не успели глазом моргнуть, а сколько событий... Не замечает человек, как проходит время,— сказал Палван, закуривая папиросу.

Якутай кивнула головой.

— Да, все это словно было вчера, а я уже старею.

— Вы нисколько не изменились, Якутай.

— Нет, ага, стара я уже,— грустно произнесла Якутай.

Палван невольно улыбнулся.

— Да вам еще только двадцать шесть. Еще жить и жить... Как говорят, из сорока ваших цветочков еще ни один не раскрылся.

— Ну, это не так, вы посмотрите на меня моими глазами.

— И вы посмотрите моими глазами. Вы все та же, Якутай, которая одним своим глазом заставляла загораться души многих.

— Вот ведь как расхвалили... Вы, ага, оказывается, мастер говорить приятное, но, знаете, есть и такие, которым я не по душе.

— Пусть ослепнут глаза тех, которым вы не нравитесь,— с чувством сказал Палван.

Якутай, довольная его словами и несколько смущенная, заговорила ласково:

— Палван-ага, если бы Баходир хоть недолго погостил у меня, я бы не скучала тогда, было бы мне хорошо.

— Трудно вам будет с ним, у вас ведь в школе работа и на курсах.

— Нет, нисколько не трудно. И девушки помогут, присмотрят за ним.— Якутай с тоской взглянула в черные глаза Палвана.

— Мать останется одна.

— А почему бы ей не приехать в город?

— Говорит, что в городе ей тоскливо. Ничего... Вот только станет в стране спокойнее, тогда я все налажу, заберу сюда мать. Якутай, мне надо поговорить с вами...

Якутай посмотрела вдаль, на подожженный заревом серебряный горизонт.

— Вы посмотрите, ага, светает. И люди уже идут на намаз.

Палван проводил Якутай до общежития.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пятнадцатого мая в Нурлавой открылся Второй Всехорезмский курултай. Делегаты, состоявшие в основном из представителей трудового народа, приняли решение о создании Центрального Исполнительного Комитета. Председателем его был избран батрак из Гуриланша Мухаммад-Раим Аллаберганов. Председателем Совета назиров был назначен Ибняминов.

На этом курултае Ата-махсуму, бывшему заместителю назира юстиции в правительстве Паляза-хаджи, удалось представить себя врагом контрреволюционеров. Таким образом он вошел в состав нового правительства.

Жизненный путь Ата-махсума, человека крайне честолюбивого, был сложным. Ата-махсум родился и вырос в кишлаке Бузхона, в трех верстах от Хивы. Образование он получил в медресе в Хиве. Там же он и остался жить. Его отец — муфтий — хотел, чтобы и сын стал муфтием. В конце концов Ата-махсуму удалось получить звание муфтия. В первые же дни революции он посчитал выгодным объявить себя красным улемом и с тех пор работал в правительственных учреждениях. Как и Паляз-хаджи, он молился пять раз в день, но тайно. С представителями духовенст-

ва на виду у людей не общался. С помощью Паляза-хаджи он быстро поднялся до должности заместителя назира юстиции. И теперь, после Второго курултая, он сохранил эту должность.

Вскоре энергичный и волевой Ата-махсум взял в свои руки весь Назират юстиции. Он всячески стремился заслужить доверие Центрального Исполнительного Комитета и Совета назиров. Ата-махсум то и дело ругал бывшее правительство Паляза-хаджи и хвалил Центральный Исполнительный Комитет.

* * *

Глава русского посольства в Хорезме Валентин Сафонов за короткое время своими делами расположил к себе жителей Хорезма, стал пользоваться большим уважением. И теперь, вызванный на работу в Москву, прощался со своими хорезмскими друзьями. Проводы Сафонова обратились в большое торжество. В посольство РСФСР пришли руководители республики, коммунисты, комсомольцы, члены профессиональных союзов. Все собравшиеся тепло прощались с Сафоновым, сожалея, что он уезжает.

— Валентин-ака, вы увозите с собой наши сердца, не забывайте нас,— говорил Палван, пожимая своими сильными руками руку Сафонова.

— Рахмат вам за все, что вы сделали для Хорезма,— Рузмат Юсупов обнял его.

— Народ Хорезма будет помнить вас,— сказал Ахмад Махмудов, целуя его.

Растроганный всеми этими словами и такой искренней симпатией, он не знал, что ответить, губы его дрожали:

— Прощайте, мои дорогие хорезмские друзья.

Новый посол Бик, назначенный вместо Сафонова, быстро окунулся в работу. Чтобы дать мир молодой республике, надо было изолировать Джунаида, лишить его возможности оказывать влияние на глав туркменских племен. Помочь правительству Хорезма привлечь на свою сторону Гулям-Али-хана и противопоставить его Джунаиду — это посол считал одной из своих первостепенных задач. Переговоры с Гулям-Али-ханом прошли успешно.

Вскоре на заседании Центрального Исполнительного Комитета Гулям-Али-хану была вручена охранная грамота.

Прочитав грамоту, председатель сказал:

— Я выражаю твердую уверенность в том, что Гулям-Али-хан навечно будет нашим другом, окажет нам помощь в разгроме общего врага.

После этих слов он под аплодисменты вручил грамоту. Гулям-Али-хан поцеловал ее, затем поднял над головой и сказал:

— Дорогие друзья, я выражаю благодарность за ваше доверие. В ответ на справедливую просьбу Хорезмского советского правительства мы поднимем против Джунаида племя салах.

* * *

Когда Якутай узнала, что Палван ушел на борьбу с наводнением в Хазараспе, ее охватила тревога. Она просыпалась среди ночи и, выйдя на айван, подолгу смотрела в темную даль.

Чтобы забыться, Якутай с головой окунулась в работу. Кроме уроков в женской школе и на курсах по ликвидации неграмотности, она много времени проводила в разных махалля города, вела там агитационную работу, объясняла привыкшим к своему бесправию женщинам, какие возможности открывает перед ними новая власть.

Когда Якутай без паранджи, с открытым лицом проходила по улицам Хивы, люди внимательно осматривали ее с ног до головы.

— Идет дочь Абдулла-туры...

— Кто она? Жена Матчон-туры?

— Да, та самая Якут-бика, которой дал развод Матчон-тура...

— Бросила паранджу, кяфуром стала!

Некоторые хмурили брови, в глазах других сверкал огонь. Они готовы были растерзать ее. Вслед ей неслись оскорбительные слова: «Бесстыдница, совесть потеряла!» А она, уже привыкшая ко всему этому, победившая свой страх, шла гордо, ни на кого не обращая внимания, точно бы ничего не слышала.

В общежитие Якутай возвращалась поздно вечером и тотчас же принималась за дело: проверяла тетради, исправляла ошибки, готовилась к завтрашним урокам. Изредка она поглядывала на фотографию Палвана с сыном, висящую над ее кроватью. «Сколько лет я люблю его, так люблю, что готова стать его тенью... Только бы ничего с ним не случилось! Только бы он жил на земле...»— думала она.

В один из этих дней к Якутай в женскую школу пришла Султан-пашша.

— Ападжан,— обратилась она к ней,— я не хочу бездельничать во время каникул.

— Давай уроки на курсах.

— А я еще не умею преподавать, страшно как-то.
— Я тебе помогу. Сможешь...
— Учить, наверное, труднее, чем учиться.
— Легких дел нет, сестричка.

Султан-пашша начала преподавать вместе с Якутай на курсах по ликвидации неграмотности. Она сдружилась с ней теперь еще больше, чем в Ташкенте, часто оставалась у нее ночевать.

В каждом молодом сердце свои тайны, были они и у Султан-пашши.

— Апабий...

— Слушаю тебя, Султан-пашша...

— Скажите мне, вы тоже любили?— смущенно спросила она. Гранатовые щеки девушки покраснели еще больше, как будто чувство любви было ведомо только ей одной.

— А то как же!— не раздумывая, ответила Якутай. Ответ этот приободрил Султан-пашшу.

— Скажу вам... перед моими глазами все время Бекджан-ага.

— Бекджанбай умный, отважный йигит, достойный своего брата Палвана.

— Так скучала по нему в Ташкенте, а теперь он здесь, рядом, а почти не видимся, вы знаете, как у нас здесь.... Начнутся разные пересуды, к тому же Бекджан такой стеснительный.

— Бекджанбай — йигит, которого стоит любить,— тихо сказала Якутай.

* * *

Великая Амударья рушила свои берега. Она ревела, точно пьяный верблюд, валила вековые деревья, смывала дома, сметала мосты. Огромные волны, ударяясь о дамбы, плотины, разбивали их вдребезги.

Народ Хорезма не напрасно зовет Амударью «сумасшедшей рекой». Люди не знали, куда бежать, как скрыться от ее взбесившихся волн. На затопленных местах, взобравшись на ветви карагачей, плакали и кричали дети.

Если бы не были предприняты срочные меры, то Хазарасп, Багат, Ханка, Бешарык, Хива, Шават, Газават — словом, целый ряд городов Хорезма оказался бы под водой.

Срочно организованная комиссия по борьбе с наводнением во главе с назиром внутренних дел Эрматовым работала круглосуточно. Со всех кишлаков и городов Хорезма тысячи людей на лошадях, верблюдах, на арбах спешили к бунтующей реке. Эрматов и его помощники направляли

этот людской поток. На борьбу с наводнением была двинута Красная Армия Хорезма. Миршарапов, Палван и Киргизов привели свои отряды на самый тяжелый участок в район Хазараспа. Здесь было труднее всего. В районе Хазараспа Амударья в нескольких местах прорвала плотину Палван-канала — магистрального канала. Люди, вооружившись кирками и лопатами, наступали на воду, точно на врага, а она с ревом накидывалась на них. Ни на минуту не прекращалось сражение. Недалеко от верхней части канала было озеро. Наконец людям удалось, разрушив в четырех-пяти местах ими же построенные дамбы, направить в него грозные воды. Поток, смяв камышовые заросли, ворвался в озеро. После этого натиск воды несколько уменьшился. Но все равно в низинной части канала вода захлестывала, рушила берега, устремлялась в долину. Здесь, забыв об усталости, не щадя себя, боролись со стихией люди. На арбах они везли и везли сюда огромные камни, землю, балки, ветки, нагромождая их на пути воды. И все это кидали, словно в пасть чудовища, но оно не насыщалось.

Палван, стоя в ледяной воде, бросал тяжелые глыбы, вдавливал в нее целые арбы ветвей. Глядя на него, бойцы преодолевали страх, работали в бушующем потоке, швыряли в него камни, глину, дерн, хворост, возводили преграду на пути вод.

Как ни силен был взбаламученный желтый поток, кипевший, ярившийся, он нехотя стал покоряться воле людей. Борьба еще шла, но исход ее был предрешен.

Сражение с Амударьей длилось пятнадцать дней и ночей. Наконец берега каналов были укреплены. Река вернулась в свое русло.

Несмотря на проявленный героизм, ущерб от наводнения был огромен. Партия и правительство не скрыли от народа горькую правду. Газета «Вести Хорезма» в августе писала: «На головы жителей Хазараспа обрушилась огромная беда: около пяти тысяч танапов земли оказалось под водой... Судя по полученным сведениям, примерно половина посевов всех зерновых в Хорезме затоплена и погибла».

После наводнения все вздорожало. Пуд пшеницы нельзя было купить даже за многие, многие тысячи манатов. Хорезму угрожал голод. Братские республики протянули ему руку помощи. Туркестанская республика послала в Хорезм зерно, РСФСР — около тысячи пудов масла, сахар, промышленные товары, строительные материалы, ткани. Все

это привозилось пароходами по Амударье и сгружалось в лимане Чалиш.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

К бойцам Красной Армии, проявившим героизм в борьбе с наводнением, прибыли секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Хорезма Бекчурин и председатель Центрального Исполнительного Комитета Аллаберганов. Они объявили бойцам благодарность от имени партии и правительства. Многих премировали.

Бекчурин обнял Палвана:

— Рахмат, джура, все хвалят тебя.

— Закир-ака, вы преувеличиваете.

— Нет, нет, я говорю то, о чем знает весь народ.

Палван смутился, покраснел, ответил тихо:

— Беда эта никого не обошла, все работали не покладая рук, и я со всеми.

Части Красной Армии отвели на отдых, многие получили отпуска.

Рано утром, вернувшись в Хиву, Палван случайно встретил Маткарима. Тот держал в руках газету.

— Давай суюнчи: тебя в газете хвалят. На, прочти. Теперь по тебе будут вздыхать девушки. А как узнают, что ты холостой... Нет, так дальше дело не пойдет, тебе надо жениться. К примеру я, женился и чувствую себя как в раю. А ты что, после Джумагуль совсем решил отказаться от радостей этого бренного мира?

— Оставь, оставь,— махнул рукой Палван.— Скажи лучше, как там дела у Анаш-апа. Эти негодяи не дают ей покоя.

— Пока ты там сражался с наводнением, здесь объявили всеобщую амнистию, в Хиву приехал Матчон-тура, говорят, он покаялся перед властями.

— Значит, все же опомнился, прикрыл подолом свои грехи.

— Палван, этот волк в овечьей шкуре не успокоился... Я узнал, что какой-то его человек следит за Якутай.

Услышав эти слова, Палван вздрогнул.

— В самом деле следит?

— Конечно, ходит за ней, разве в Хиве есть что-нибудь, о чем я не ведаю. Я уж принял меры — предупредил своих друзей. Пойдем, Палван, ко мне, моя молодая жена приготовила плов. Ну, идешь, а то у меня нет времени водиться с холостяками,— засмеялся Маткарим.

— За приглашение спасибо, но сейчас я тороплюсь.

Дома Палван застал мать, сына и Якутай. В глазах матери сверкнули слезы радости.

Якутай, почтительно склонив голову, приветствовала его:

— Салям, ага!

Утерев слезы, Айша проговорила:

— Гляди-ка, не напрасно, значит, сегодня поднялась с правого бока: бог послал тебя,— сказала она и погладила сына по плечу.— Устал ты, наверно. Сейчас заварю чай.

— Ну, как вы здесь поживаете? Как ваши дела?— спросил Палван.

— Дел много. Сегодня утром увидела Бекджана. Он мне сказал, что приехала мать с Баходиром. Вот я и поспешила сюда.

— Очень хорошо, Якутай, а я как раз собирался к вам в школу. Знаете, что... Вы вечерами не ходите одна...

— Что случилось, ага?— встревоженно спросила Якутай.

Палван рассказал ей, что он узнал от Маткарима. Якутай тяжело вздохнула.

— А я думала, что навсегда избавилась от этого палача... Неужто и теперь он не оставит меня в покое?

— Собака поступает по-собачьему, будьте осторожны, Якутай.

Баходир крепко прижался к Якутай.

— Не ходите одна, апабий,— повторил он слова отца.

Палван и Якутай невольно улыбнулись.

Айша-хола принесла чай:

— Пейте, дети.

Она смотрела на Палвана, на его осунувшееся лицо, и сердце ее сжалось от боли.

— Сынок, очень ты сдал...

— Нелегко было... Сколько людей погибло, посевов... Сколько жилищ разрушено...

Палван, наливая в пиалу и снова сливая в чайник чай, чтобы он лучше заварился, стал рассказывать о причинившем немало горя и бед наводнении. Никто, казалось, не замечал, как проходило время. Когда он кончил говорить, Якутай взглянула на часы:

— Ой, уже пора в школу. Не хочется уходить, а надо,— и поднялась с места.

Баходир вцепился в нее и начал капризно:

— Никуда вы не уйдете, не пущу.

— Я приду к тебе снова, приду,— успокоила его Якутай и простилась со всеми.

Палван поднялся проводить Якутай...

Когда он вернулся в дом, Айша подошла к нему и тихо начала:

— Сынок, Якутай очень хорошая женщина, умная, добрая. Баходира любит, как своего сына. Послушай меня, женись на Якутай, и счастье твое расцветет, сынок. Такой невесткой можно и похвалиться. Ну, до каких пор ты будешь ходить холостым? Лет-то тебе уже немало — тридцать. Говоришь, что подумаешь? А что тут думать?

— Мама, будет у нас дом...

— Понимаю, ты не можешь забыть Джумагуль. Но что поделаешь, уж сколько лет прошло, будет тебе тосковать, сынок. Против судьбы не надо идти. Да и я уже стара стала, трудно жить без невестки,— упрашивала его Айша-хола.

— Анаджан, я подумаю, подумаю,— сказал Палван и начал играть с сыном в «лошадки».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Матчон-тура сидит один в гостиной своего городского дома, хмурый, задумавшийся. «Кто только не бывал прежде в этой гостиной: кази-калян, ясавулбаши, а сколько тур, беков, больших людей Хорезма. Даже Исфандияр, когда был наследником престола, также изволил побывать здесь. Этот мой дом всегда был светлым, многолюдным. Какие здесь устраивал я пиры! Знаменитые музыканты и певцы Хорезма услаждали моих гостей. А сколько тут было слуг, служанок... А теперь дом опустел. Совсем опустел. Скольких богатств лишился я. Все отняли — земли, сады... Как жить теперь? Того гляди станешь последним бедняком. Нет, нищему легче — он привык к своей нищете. Да еще этот позор... Сбросив паранджу, Якут-бика ходит с открытым лицом — это хуже смерти. Любую муку стерплю, но такое — никогда. Убить эту бику надо — другого выхода нет».

В гостиную вошел Мадраим Черный.

— Чем ты меня обрадуешь?— не поднимая головы, спросил Матчон-тура.

— Тура мой, не повезло снова, караулил и сегодня. Якут-бика не ходит одна, ее всегда кто-то сопровождает,— сказал Мадраим Черный, хмуря брови.

— Плохо стараешься.

— Трудно, тура мой.

Матчон-тура молча взглянул на него: «Вся моя надежда на тебя. Ты получишь богатый подарок, возьмешь все, что захочешь. Ты ведь преданный мне человек, одному тебе доверяю».

— На, выпей,— сказал он и налил вина в касу. Затем приказал:— Закрой на запор ворота, теперь уж никто не придет.

В ичкари мать туры и его молодая жена Бикаджан-бика. Старшая — Пашшаджан-бика — ушла, сказав: «Пойду в дом ака, останусь там, не ждите». В последнее время тура часто ссорится со старшей женой. Он то и дело говорит ей: «Из-за твоих слов, негодная, я дал развод Якут-бике. Вот, гляди, что ты сделала, стала она теперь кяфуром, сбросила паранджу. Разве всему причиной не ты?» После этого он начинает вспоминать прошлые мелкие ссоры, всякие сплетни многолетней давности, иногда даже поднимает руку на нее, вот-вот ударит. В таких случаях Пашшаджан-бика накидывает на голову паранджу и уходит к своим родственникам, предпочитая заночевать там. Если прежде бика ездила в открытой арбе или в фаэтоне, то теперь она ходит пешком, точно простая женщина, сторонясь арб, чтобы они ненароком не задели ее. Вот и сегодня в отместку мужу она отправилась к своему брату. Тура даже не стал спрашивать ее, когда она вернется, ведь теперь он большую часть времени проводит с младшей женой Бикаджан-бикой.

— Среди моих жен ты оказалась самой совестливой,— ласково говорит ей тура.

Бикаджан-бику трогали эти излияния туры, и в благодарность она делилась с ним услышанным от служанок. Вот и сейчас она сообщила ему:

— Люди говорят, у Якут-бики не осталось ни стыда, ни совести. Говорят, что она вместе с развратницей Анаш-хромой устраивает пиры.

— Хорошо, что я дал ей развод.

— А в доме ее отца Абдулла-туры каждый день траур, проклинают эту Якут-бику: «Осрамила, опозорила она нас, из-за нее ходим мы, уставившись в землю».

— Не надо, не напоминайте мне про эту поганую. Как услышу ее имя, злость вскипает. Дайте-ка мне лучше вина,— говорит Матчон-тура, сидящий перед ней на кровати, поджав под себя ноги.

Выпив принесенную бикой полную касу вина, он вытер свои усы и бороду с проседью. Глаза его раскраснелись, и он, пьянея, начал обещать:

— Все мои богатства твои; если Пашшаджан-бика станет обижать тебя, ты сразу же скажи мне. Я покажу этой колдунье...— Тура захрапел.

На Мадраима Черного выпитая каса вина подействовала по-иному, сон от него ушел, он все думал, думал: «Ни дома у меня, ни жены, ни детей, ни земли. Не послушался я Пирнафаса-ака, а ведь он, кажется, говорил дело: «Дадим землю, потом обзаведешься женой, детишками». Не поверил я ему тогда, думал — эта новая власть ненадолго. А смотри ведь... Тура же все обманывает меня, говорит: «Мадраимджан, я сам женю тебя, в моем доме будешь жить», и не женил он меня, и места не дал, обманул, совсем обманул, насыпал мне за пазуху пустые орехи. Надоело все это. Как-то надо избавиться от туры, от этого дома. Но куда я пойду? Смотри, чего теперь захотел — велит убить Якут-бику. Говорит мне: «За смерть кяфура аллах карать не будет, наоборот, душа твоя направится прямо в рай». Так-то оно так, а если попадусь? Эх, бренный мир этот, сколько-то в нем хлопот,— думал он и, налив себе вина, продолжал рассуждать так:— Пора моего йигитства проходит. А что я видел в этом мире? Ничего!» В этот момент кто-то постучал в ворота. «Кого это принесло в такое позднее время?» Он зажег ручной фонарь и осторожно подошел к воротам.

— Кто там?

— Мадраим, это я.

Мадраим, услышав знакомый голос старшей жены туры, сразу же открыл ей. Пашшаджан-бика кого-то яростно ругала и проклинала:

— Чтобы сдохнуть ей, чтобы стоять стоймя в могиле этому дьяволу.

— Бика моя, что случилось?

— Поссорилась со своей снохой, пусть в лицо ей собаки смотрят. Что за напасть такая, из-за этой проклятой революции женщин не узнать стало, у моей снохи тоже язычок появился,— сказала бика, снимая паранджу.

Когда она вошла в гостиную, Мадраим спросил:

— Бика, что, собственно, случилось? Объясните.

— Что, что!! Говорит, что отдаст свою дочь в эту проклятую женскую школу, уперлась на своем. Что с ней поделаешь! А там, знаете, учит детей Якут-бика. Я ей сказала было: «Чему может научить твою дочь эта развратная женщина, ведь муж дал ей развод». Сказала я так, а она как напала на меня, кричит, словами разными ругает. «Эх, сноха,— говорю,— поймите же мои слова, вы же мою племян-

ницу в кяфура обращаете». Куда там, не слушает. Не вытерпела я, накинула на себя паранджу и домой.

— Правильно поступили.

— Кто там, в ичкари?— спросила Пашшаджан-бика.

— Тура...

— И тура этот надоел мне. Как что, так сразу бранится. От прежнего туры не осталось и искры. Из-за этой Якут-бики ругается, увидит бросившую паранджу женщину — снова ругается. Все пьет да пьет. Все со своей любимой Бикаджан. Я брошена, унижена. Ко мне уж и не ходит, а если придет, отвернется и храпит. Разве это жизнь?

Мадраим Черный начал утешать ее:

— Трудно вам, конечно. Не обращайте внимания. Ведь в каждом месяце одна половина темная, другая — светлая. Настанут и для вас хорошие денечки.— Говоря так, он вертелся и крутился вокруг нее.— Бика, устали вы очень, расстроились. Выпейте вот это, и все забудется. Ну, за ваше здоровье.— Он протянул вино. Бика выпила одну, потом еще одну пиалушку и весело захохотала. Мадраим Черный взял со стены дутар и тихонько заиграл.

— А ну, бика моя, потанцуйте.

— Голова у меня кружится.

— Выпейте вот еще. Как кобылица здоровой будете.

Пашшаджан-бика, бросая на Мадраима кокетливые взгляды, затанцевала. Заколыхалось ее уже порядком располневшее тело.

Близко к рассвету служанка Пашшаджан-бики, открыв дверь ичкари, пошла в дровяной сарай. В это время Пашшаджан-бика, точно бы она только что явилась, в накинутой на голову парандже, зашла в ичкари и направилась в свою комнату.

* * *

Поутру к туре неожиданно приехали из Пишканика Сайфи-аксакал и имам. Вслед за ними двое дехкан привезли на арбе дыни, арбузы и пшеницу. Они согнулись в поклоне перед турой и затем начали быстро разгружать арбу.

— Вот эти дехкане оказались истинными мусульманами, они доставили вашу долю собранного с вашей земли урожая,— сказал имам.

— Они знают, что покушающийся на чужую долю будет гореть в адском огне. Эти совестливые мусульмане боятся гнева бога!— вторил ему аксакал.

Мадраим привязал лошадей, задал им корма и затем начал помогать дехканам. Один из дехкан, заносивших привезенное в ичкари, сказал Матчон-туре:

— Да будет долгой жизнь нашего дамля-имама, он объяснил нам, что ждет неверующих и неблагодарных. Мне из ваших земель дали два танапа, и вот, как подоспел урожай, задумался я: земля-то чужая, если я присвою себе урожай, то подохну, как свинья. И вот привез я вам, как положено, половину урожая.

Тура милостиво кивнул головой: мол, доволен я вами. Дехканин же продолжал:

— И сосед наш не сегодня-завтра привезет вашу долю.

— Слава аллаху, есть еще люди,— степенно сказал имам.

Дехкане, разгрузившие арбу, попросили у Мадраима холодной воды и затем, простившись, уехали.

Тура пригласил аксакала и имама в гостиную, вынес из ичкари дастархан.

— Что нового в кишлаке?

— В кишлаке много нового, тура мой. Этот Пирнафас, да будет несчастной его судьба, став красным аксакалом, возгордился неимоверно, нас уж они и за людей не считают. Собрал вокруг себя оборванцев, нищих, сбивает с пути истинного народ, открывает там разные школы и курсы... Дал им, безлошадным, кому коня, кому быка. Что хотят, то и делают,— сказал имам, покусывая кончик бороды.

— Испортились люди. Возьмите, к примеру, Шакира,— отца этого Салиджана. Прежде и слова молвить не смел. А сейчас, видели бы вы, каким стал говоруном: «Настало время дехкан, старые долги не платите, туре ничего не давайте». Союз дехкан оказывает помощь батракам.

— Так, так,— мрачно сказал Матчон-тура.

Наступило короткое молчание.

— Тура мой, верно, значит, говорят: «Коль беду приносят свои, чем беде такой помочь»?!— осторожно начал имам.— В кишлак приехала Якут-бика, собрала девочек-сирот и увезла их в Хиву, в школу-интернат. Эта бросившая паранджу бика потеряла стыд и совесть. Учит женщин вольной, грешной жизни, сеет смуту в их душах. Если и дальше пойдет так — с нашими женщинами сладу не будет. Не посоветуете, что нам делать? Как избавиться от этой напасти?

— Избавление есть, избавление — смерть!— сказал тура.— Если она снова придет в кишлак — задушите ее.

— Да, да. Убивший кяфура — свят,— поддержал его имам.

Аксакал задумался.

— Тура, ведь эта, потерявшая совесть, была вашей женой, да и знатного она происхождения, дочь уважаемого человека. Может быть, поэтому она все еще не выходит замуж. Будь на ее месте другая женщина, такая красивая, давно бы нашла себе мужа. Наверное, все думает о вас, ведь вы первый, кого она узрела, кто открыл глаза ей на этот мир...

— Взять обратно в рот свой плевок, для нас это хуже муки,— отрезал тура, но аксакал продолжал:

— Тура мой, если бы она снова вернулась к вам, это послужило бы примером для народа, люди сказали бы: «Продавшаяся кяфурам образумилась, признала аллаха». Сами подумайте, тура мой, ведь справедливы слова наших отцов: «Раз послушайся совета старшего, раз — совета младшего»... Мы очень почитаем вас...

— Да, да, во всех наших делах вы наша опора, тура мой. Аксакал-бува верно сказал. То, что делается по доброму совету, не пропадает. Дело с Якут-бикой можно поправить. Не надо ее убивать. Если бы вы пошли к ней сами, поговорили бы... Ведь хорошими словами можно и гадюку из гнезда выманить, а плохими словами мусульманина веру растоптать. Подумайте еще раз,— сладким голосом говорил имам.

Когда они ушли, Матчон-тура подумал и решил, что надо встретиться с Якутай.

И вот он, в простой одежде, пешком, отдавая поклоны встречным и поперечным, подошел к дому, где теперь был женский клуб. Встал в стороне от него, на берегу арыка. Он видел, как женщины то входили в клуб, то выходили оттуда. Многие были в парандже. У некоторых в руках книги и тетради. Войти в клуб тура не решился, он попросил одну женщину вызвать Якутай. Через некоторое время Якутай появилась. Матчон-тура подошел к ней, поклонился и чуть отступил. Перед ним стояла женщина, прекрасная в расцвете своей красоты. В его глазах зарябило. «До чего же хороша»,— подумал он. Якутай в упор взглянула на туру: зачем, мол, пожаловали?

— Как ваше здоровье, бика, мне хотелось бы кое-что сказать вам.

— Тура, вы уже давно сказали все.

«Якут-бика сейчас опозорит меня, прогонит»,— подумал тура и начал нежно, вкрадчиво:

— Бика моя, простите меня. Я, послушавшись шайтана, обидел вас. Теперь я осознал свою вину. Лежачего не бьют, говорят. Ну, а вообще-то воля ваша. Вы имеете право сказать все, что хотите. Я пришел к вам с одной просьбой: вернитесь к себе домой, моя бика, все мы желаем этого, я хочу искупить свою вину. Все, что я имею,— ваше. Делайте, что хотите, можете ходить с открытым лицом, можете учить девушек. Я на все согласен. Времена изменились. Говорят же: «Если тебе не нравится время — сумей понравиться ему». Теперь я смирился со всем. Я даже готов помочь новой власти, нашему народу и стране. Хотите — будем жить в кишлаке, хотите — в городе.

Якутай пыталась прервать его, хотела уйти, но Матчон-тура делал вид, что волнуется, все давал и давал ей разные обещания.

— Тогда я обидел вас сгоряча, считайте, что вы еще в браке со мной. Вы — дочь истинно знатного человека. Вернитесь же, и я дам развод всем своим женам.

Якутай, гордо подняв голову, ответила ему:

— Дочерьми истинно знатных людей вы называете дочерей тур и беков. Ошибаетесь. Когда вы, истинно знатный человек, тура над турами, прогнали меня из своего дома, когда проклял меня отец, считающий себя потомком святых, разве тогда какой-нибудь знатный протянул мне руку помощи? Нет, меня поддержали бедняки, которых вы называете низкими, которых вы презираете. Это они направили меня на истинный путь. Только они совестливы. Вот их я считаю истинно знатными. Раньше я не знала их, теперь мои глаза открылись. Пусть все ваши богатства останутся при вас, тура. Вы говорите, что пришли ко мне по своей собственной воле, что добровольно смирились. Нет, нет! Вас вынудило это сказать наше время. Но прежде чем смыть свою вину передо мной, покайтесь перед матерью Джумагуль. Ведь это вы отдали Джумагуль палачу, это вы кинули в зиндан Палвана, это вы заставили умереть в муках его отца. Попросите прощения у них. По-вашему, я должна вернуться! Но ваш дом — не мой дом. Для меня он был зинданом, из которого я с трудом вырвалась. Я стала теперь человеком. Я живу для людей, несу им свет. Прощайте, пусть эта наша встреча будет последней!

К Якутай подошли две девочки и, взяв ее за руки, повели в клуб.

Матчон-тура стоял точно громом пораженный. Затем сжал кулаки, нахмурил брови:

— Так подожди же!

* * *

Матчон-тура медленно зашагал домой. Пожалуй, он никогда в жизни не испытывал еще такого удара. Даже лишившись всех своих богатств, он был не так удручен. «Неужели это я услышал столь оскорбительные слова? И от кого... От женщины с длинными волосами и коротким умом. Странные вещи происходят в мире... Все перевернулось. И зачем это я пошел к ней? Ничего... Теперь, пока не убью эту проклятую, не успокоюсь. Жизнь и смерть ее в моих руках»,— говорил он себе, кипя от гнева.

В воротах дома его встретил Мадрам Черный.

— Ибрахим-кур приехали.

Тура хорошо знал Ибрахим-кура. Этот человек был связным Джунаид-хана.

Тура зашел в гостиную и увидел Ибрахим-кура, который тут же проворно вскочил с места.

— Салям вам от хана-ага,— сказал он и протянул туре письмо.

Тура начал читать. Письмо было довольно пространным. Джунаид-хан давал указание расшатать экономику республики, выпустив в обращение фальшивые деньги. Он просил также закупить для него оружие и боеприпасы.

— Когда мне приехать за ответом?— спросил Ибрахим-кур.

— Я сам вызову вас. Надо поговорить с людьми...

Матчон пригласил к себе Сабира мухркона, который когда-то работал в ханской типолитографии. От своего отца он научился вырезать печать, поэтому его и называли «Сабир-мухркон». Когда в 1918 году Джунаид, убив Исфандияра и поставив на его место марионетку Саида-Абдуллу-хана, стал всесильным правителем, он пустил в обращение бумажные деньги, которые отпечатал для него Сабир-мухркон со своими дружками.

— Ты снова возьмись за свое старое дело. Оправдай доверие хана-ага. Он велит печатать деньги,— сказал Матчон-тура Сабиру.

— Это очень трудное дело.

— Поэтому я тебя и позвал.

— Нужна специальная бумага, машина, краски... Словом, многое нужно.

— Ты ведь печатал деньги. У тебя и машина, конечно, припрятана, которая печатает.

— Наверно, уже заржавела. Вырыть ее надо, найти дом, установить. На все деньги надо.

— Насчет денег можешь не беспокоиться,— сказал Матчон-тура,— тебе принсеет их мой батрак Мадраим Черный. Бумагу, краски найдем. Вознаграждение за службу будет достойное. Знай, на эти деньги для хана-ага надо купить вооружение, боеприпасы, продукты...

— Понимаю... Все сделаю. Хан-ага на меня не обидится.

Матчон-тура ознакомил нужных людей с посланием Джунаид-хана, затем сжег его.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Заместитель назира юстиции в правительстве Палязахаджи, удержавшийся на своем посту и после того, как это правительство пало, Ата-махсум действовал осторожно и расчетливо. Он последовательно и настойчиво расчищал себе путь к власти. Назначенный членом комиссии по расследованию преступлений бывших назиров, он вскоре ополчился против ее председателя.

27 июня в газете «Известия Центрального Исполнительного Комитета Хорезмской народной советской республики» была напечатана статья секретаря Центрального Исполнительного Комитета Шакира Сиддикова «Саботаж ревизионной комиссии, затягивающей рассмотрение дел бывших назиров.

Прочитав статью, Ата-махсум сразу же явился к Сиддикову.

— Шакирджан, ваша статья мне очень понравилась, поскольку я член комиссии, скажу все открыто. Наш председатель человек нерешительный, к тому же все делает медленно, сорок раз проверяет одно и то же. Статья ваша нанесет удар по этим недостаткам. Замечательная статья!

— Уж слишком вы захваливаете меня,— сказал оказавшийся в неловком положении Шакир Сиддиков.

— Вы и в самом деле достойны похвалы... Если мы быстро не расследуем всех дел старого правительства и не примем меры против бывших назиров-контрреволюционеров, народ будет недоволен нашим правительством.

— А если бы вам предложили стать председателем этой комиссии, как бы вы посмотрели на это...— на всякий случай спросил Шакир Сиддиков.

Ата-махсум сразу же ухватился за это предложение.

— Как вы пожелаете. Мы примемся за любое дело, которое нам поручат.

Вскоре Ата-махсум был назначен председателем комиссии по расследованию деятельности бывших назиров.

Хотя Шакир Сиддиков помог Ата-махсуму стать председателем столь ответственной комиссии, Ата-махсум побаивался его: «Человек этот горячий и решительный. С ним надо быть очень осторожным». О председателе же Центрального Исполнительного Комитета Аллаберганове он думал иначе: «Малограмотный, темный. Его можно и не бояться».

В эти дни в Хиву вернулся из заграничной командировки Мадрапм Нуруллаев, не без помощи Ата-махсума — его дяди — ставший назиром торговли.

— Племянник, ты много повидал, поездка твоя окончилась хорошо, дела твои удачны. Теперь созови сильных мира сего и устрой им угощение, расположи их к себе, авторитет твой возрастет. Сейчас в Хорезме очень большим человеком стал Шакир Сиддиков, ведь не кто-нибудь, а ответственный секретарь Центрального Исполнительного Комитета. От него много пользы может быть, племянник. Его, конечно, позови,— Ата-махсум похлопал Нуруллаева по плечу.

— В эту субботу не получится: его позвал к себе Бабаджан Якубов, в будущую субботу позову я.

— И пить, наверно, будете...

— А что за угощение без вина?

Ата-махсум, подумав, посоветовал племяннику:

— Много не пей, соблюдай осторожность.

Ата-махсум тайно послал в дом Бабаджана Якубова двух милиционеров, работавших в Назирате юстиции.

— Кто придет к нему? Будут ли пить? Проследите осторожно и скажите потом мне.

Милиционеры выполнили его поручение и доложили:

— Пир и веселье там. Водка и коньяк текут рекой.

Ата-махсум вызвал к себе следователя, приказал ему записать, что рассказывают милиционеры, и сразу же передал этот протокол в Центральный Исполнительный Комитет.

Когда председатель Центрального Исполнительного Комитета Аллаберганов ознакомился с показаниями милиционеров, он прямо-таки пришел в бешенство. Вызвав к себе Нуруллаева, спросил:

— Скажите правду, в доме Бабаджана Якубова действительно была пьянка?

— ...

— В наших руках есть документ. Если скажете правду, вам ничего не будет.

— Бабаджан-ака пригласил нас к себе,— тихо ответил Нуруллаев.— Ну, мы и посидели немножко.

— А кто еще там был?

— Шакир Сиддиков, Мануилов, Назаров.

— Допускаете такое непотребство в то время, когда в Хорезме запрещены спиртные напитки. Как это понимать?— гневно спросил Аллаберганов.

Нуруллаев отвечал робко и пугливо:

— Я не виноват... Меня пригласили в гости...

— Хош,— сказал Аллаберганов,— напиши подробно о пиршестве в доме Бабаджана Якубова.

Нуруллаев, не зная, как поступить, явился к Ата-махсуму и спросил:

— Что мне теперь делать?

— Об этом пиршестве узнал председатель Совета назиров Ибняминов, узнали и в Центральном Комитете. Дело принимает скверный оборот, племянник. Не говорили ли вы плохих слов в адрес правительства?

— Что вы, дядюшка!

— Напишешь все, как было, племянник.

— А если меня обвинят?

— Ты пришел туда как гость, ответственность падает на хозяина,— утешил Ата-махсум.

— Значит, писать?— неуверенно спросил Нуруллаев.

— Другого выхода нет. После того как напишешь, покажешь мне.

Двадцать пятого августа на заседании правительства был рассмотрен вопрос о пьянстве в доме Бабаджана Якубова.

— Уважаемые члены правительства,— сказал Ата-махсум.— Поистине такого отвратительного события до сих пор не бывало. То, что в это тяжелое преступление замешан мой племянник, не уменьшает моего гнева. Как можно терпеть отвратительные выходки этих ответственных работников, которые попрали изданный в нашей республике закон о запрещении спиртных напитков. В отношении этих лиц необходимо принять самые суровые меры. Чего ждать от других, если такой ученый человек, как Шакир Сиддиков, занимающий высокий пост в правительстве, вступил на путь распущенности, нанес ущерб авторитету правительства. Подобным ему нет места в Хорезме!

Сидевший с очень расстроенным видом председатель Аллаберганов произнес:

— Я полностью присоединяюсь к словам Ата-махсума. Всех участников этого гнусного дела предлагаю отправить в ссылку. Что же касается русских граждан Назарова и Мануилова, то их следует выдворить из Хорезма. Согласны ли члены правительства с этим предложением? — спросил он.

Нуруллаев, услышавший это предложение Аллаберганова, вздрогнул. Точно бы желая сказать: «Что же это такое, помогите же», он взглянул на Ата-махсума, но последний, не обратив внимания на него, поднялся и заявил:

— Это справедливое предложение, все мы присоединяемся к нему.

Все трое в тот же день были заключены в тюрьму.

Назначенный ответственным секретарем Матякуб Халмухаммедов на следующий день, сняв копию с решения, послал ее в русское посольство. Посол Бик издал приказ об освобождении от должностей русских граждан Мануилова, Назарова и высылке их из Хорезма.

Через несколько дней после этого события Ата-махсум, занимавший пост заместителя юстиции, стал назиром юстиции.

Новый назир юстиции под предлогом проверки состояния тюрем решил навестить Нуруллаева, который содержался не вместе со своими приятелями, а отдельно. Нуруллаев выглядел больным, подавленным.

— Такую-то помощь вы оказали мне! — сказал он гневно.

— А ты не печалься, племянник, — ответил Ата-махсум, — горят и сухие дрова, и сырые. Подумай сам, мог ли я на этом собрании держать твою сторону. Разве члены правительства не сказали бы: «Ата-махсум защищает своего родственника?» А что касается твоей ссылки, то здесь мы решили так: направим тебя в распоряжение нашего представителя в Москве, обладающего высокими полномочиями. Глядишь, будет созван Третий курултай, а на каждом курултае объявляют амнистию, объявят амнистию и на этом курултае. Но, возможно, еще до курултая мы что-нибудь придумаем. Пусть пройдет время, и дело это немножко забудется.

— Но ведь Шакир Сиддиков тогда совсем не пил, он ни в чем не виноват...

— Его оставь, теперь он уже не увидит Хорезма, ты о себе думай, племянник! — сказал на прощание Ата-махсум.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Кончались каникулы. Учащиеся начали готовиться к отъезду в Ташкент.

Из Ташкента пришла телеграмма. В ней сообщалось, что Ташкентское восточное отделение Коммунистического Интернационала Молодежи приглашает на совещание заведующих отделами Центрального Комитета комсомола Хорезма Матякуба Деванова и Бекджана Ибрахимова.

— Палван-ага, телеграмма пришла. Вместе с Матякубом Девановым едем в Ташкент,— радостно сообщил Бекджан.

Братья сразу же отправились в Пишканик к матери.

Айша, услышав, что и средний сын едет в Ташкент, всплеснула руками:

— Теперь и ты, сынок, увидишь Ташкент, а твой несчастный отец не побывал даже в Ургенче.

— Анаджан, я как-нибудь вас с Баходиром свезу в Ташкент, посмотрите, полюбуйтесь им,— ласково сказал Палван.

В начале двадцатых годов пароход между Чарджоу и Ургенчским лиманом ходил очень редко. Пассажиры большей частью плыли на баржах — каюках. В центре каюка устанавливали длинную мачту из карагача, на которой, в случае попутного ветра, крепили большой парус. К каюку привязывали длинный и толстый пеньковый канат, а к нему веревки покороче. Перекинув их за плечи, салдавчилар — бурлаки — тянули каюк против течения.

Вот на каюк уже погружены кипы хлопка, продукты и вещи отъезжающих. Настал момент отплытия, пассажиры стали прощаться с родственниками и близкими. Сабир-ака смотрел на Султан-пашшу и, едва сдерживая слезы, говорил:

— Почаще пиши, дочь.

— Бекджанбай, гляди лучше за своим братишкой,— сказал Палван, обнимая и целуя Шернияза.

— Хайр — до свидания!

— Счастливого пути!— восклицали провожающие.

Когда отъезжающие уселись на палубе, дарга — капитан — стал на носу и, держа в руках огромный шест, дал команду к отплытию.

Шернияз подошел к Султан-пашше и опустился на палубу рядом с ней.

Один из пассажиров спросил у дарга:

— За сколько дней доберемся до Чарджоу?

— Даст бог, за пятнадцать дней, если не попадем на мель... А то и за месяц не доплывем.

Пассажир, видно, плывший в Чарджоу впервые, невольно вздохнул.

А бурлаки между тем все тянулись, тянулись по берегу, размеренно восклицая: «Хов-хо-хо», и каюк с характерным шумом разрезал волны. Иные пассажиры, убаюканные качкой, спали, иные развлекались игрой в карты и шашки.

Солнце уже клонилось к закату, а бурлаки все шли, отбрасывая длинные тени. Только поздно вечером они остановились, вбили в землю огромный кол, привязали к нему конец каната, закрепив каюк, разожгли костер и, поев горячего, растянулись тут же на песке. Большинство пассажиров также устроилось на берегу.

Ночь была теплой. Утомленный приготовлениями к дороге и всеми впечатлениями этого длинного дня, Бекджан, прижав к груди братишку, крепко заснул. А Султан-пашше не спалось. Отгоняя назойливо жужжащих комаров, она глядела на полную луну и под мерный плеск волн думала о Бекджане, и ей было немного обидно, что он спит в такую красивую, такую неповторимую ночь. Но вот шум реки убаюкал и ее.

Еще только светало, а бурлаки по прохладе уже потянули каюк.

На восходе солнца подул сильный встречный ветер. Река вскипела. Волны становились все выше и сильнее. Они накинулись на каюк, стремясь отбросить его назад. Но бурлаки были сильнее. Упираясь в землю, наваливаясь на лямки, тянули каюк вперед. И вдруг... толстый, натянутый, как струна, канат оборвался.

— Эй, несчастные, бросайтесь в воду, держите конец!— неистово закричал дарга.

Течение понесло каюк назад. Бурлаки бежали вслед за ним, некоторые из них бросались в реку, но им никак не удавалось поймать канат. Лица пассажиров побледнели. Одни молились, другие закрыли глаза руками.

Сильные волны, словно щепку, подхватили тяжелый каюк, понесли, стали раскачивать его. Султан-пашша, прижав к себе Шерниязa, шептала ему:

— Не бойся, не бойся.

Сколько трагедий помнит эта своенравная река, сколько каюков увлекло ее бурное течение и, ударив о берег, разбило вдребезги. Нередко случалось и такое: огромные волны опрокидывали каюки, и река поглощала их в своей пучине. Сколько жизней затянула она в свою пучину.

И теперь смерть была рядом. Это понимали все: и дарга, и пассажиры.

Каюк несся по течению, обгоняя бежавших за ним бурлаков.

Когда, казалось, были потеряны все надежды, Бекджан разделся и бросился в воду. Волны сразу накрыли его с головой. Султан-пашша вскрикнула. Бекджан вынырнул, схватил конец каната и, перепоясавшись им, поплыл к берегу. Прилагая огромные усилия, он выбрался на берег. Встал, пытаясь удержаться на месте. Но каюк тянул за собой, валил с ног. Матякуб и еще несколько человек кинулись в воду, выбрались на берег и помогли Бекджану. Подоспели и бурлаки. Каюк остановился. Находившиеся на нем вздохнули с облегчением. Раздались голоса: «Молодец, йигит! Хвала твоему отцу!» Султан-пашша глядела на Бекджана восторженно: «Мой любимый! Мой смелый! До чего же я счастлива».

Многие пассажиры, сойдя на берег, стали помогать бурлакам. Каюк поплыл вперед. Встречный ветер начал ослабевать, а вскоре и вовсе стих.

Бурлаки все тянули и тянули каюк.

На пятый день подул попутный ветер, и тут лицо дарга прояснилось. Ветер усиливался.

— Поднять парус!— крикнул дарга.

Бурлаки на время оставили свое дело, подняли огромный тридцатиаршинный парус, надежно закрепили его на мачте.

Каюк вышел на середину реки и помчался, подгоняемый ветром. Словно жалея бурлаков, ветер за один час выполнил их дневную работу.

Бурлаки макали хлеб в воду и ели. Затем, возблагодарив аллаха, блаженно растянулись на палубе и заснули под теплыми лучами солнца.

В ушах пассажиров звучал шум волн, где-то в отдалении разбивающихся о берег. Теснившиеся за кормой маленькие волны, ударяясь о борт, рассыпались разноцветными брызгами, освежавшими глаза и лица.

О, как прекрасны эти мгновения. Какую усладу они навевают. Амударья так спокойна. И каюк под белым парусом словно плывущее по небу облако.

Настал вечер. Полная луна выглянула из-за барханов, замерцали звезды. И торопливые, мутные воды превратились в широкую, ослепительную дорогу.

Бекджан тихо подошел к Султан-пашше, сел рядом с ней.

— О чем вы думаете?

Она повернула к нему лицо.

— Глядите, как хорошо, луна какая. Ничего нет красивее ее.

— Есть,— уверенно произнес Бекджан.

— Что?— спросила с удивлением Султан-пашша.

— Вы... И лицо ваше, и сердце ваше прекрасны.

Султан-пашша подняла на него лучистые глаза.

— Вы,— восторженно повторил Бекджан.

В Ташкент прибыли на четвертый день.

Матякуб и Бекджан остановились в доме консула Хорезмской республики, а затем отправились в Ташкентское восточное отделение Коммунистического Интернационала Молодежи. Там их встретил Итин, принимавший участие в создании хорезмского комсомола. Он разговаривал с ними, как с родными, расспрашивал о своих хорезмских друзьях.

— Сегодня отдохните,— сказал он,— погуляйте по Ташкенту, а завтра ровно в десять приходите на заседание.

— Как Шайдаков?— спросил Бекджан.

— Шайдаков работает в штабе Туркфронта, сегодня скажу ему, что брат Палвана приехал.

Вечером Султан-пашша показывала Бекджану город. Они ходили много часов, не чувствуя усталости, счастливые в людской толпе. Прохладный ветер ранней осени ласкал их лица. «Султан-пашша,— шептал Бекджан,— я буду любить тебя всю жизнь».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ставший назиром юстиции Ата-махсум делал все, чтобы подняться еще выше. Вскоре он был назначен членом Центрального Исполнительного Комитета и председателем только что созданного Высшего революционного суда.

Дни проходили за днями. Бывшие назиры правительства Паляза-хаджи, заключенные в тюрьму около Куша-дарбаза, ждали рассмотрения своих дел, но Ата-махсум не спешил...

Эти назиры были его приятелями и единомышленниками. «Главное — не доводить дело до суда,— рассуждал он.— Время все сглаживает. Аллах даст, можно будет освободить этих уважаемых людей. Они еще послужат мне».

После того как стараниями Ата-махсума ответственный секретарь Центрального Исполнительного Комитета Шакир

Сиддиков был выслан из Хорезма за нарушение закона о запрещении спиртных напитков, на его место был назначен Матякуб Халмухаммедов, человек малограмотный, еще недавно бывший рядовым бойцом в отряде Миршарапова.

Но и Халмухаммедов торопил назира юстиции Ата-махсума, настаивая ускорить рассмотрение дел бывших назиров. Правда, этого нового ответственного секретаря Ата-махсум легко водил за нос, придумывая все новые и новые отговорки. Потом он просто стал избегать встреч с Халмухаммедовым, а когда они случайно столкнулись, заговорил первым:

— Клубок всех этих дел упирается в Паляза-хаджи, пока он не попадется в наши руки, довести дело до конца трудно.— И чтобы дать почувствовать ответственному секретарю, как трудно заниматься этим делом, решил пригласить его самого на коллегию Высшего суда.

Обращаясь к членам коллегии, Ата-махсум сказал:

— Сюда изволили прийти ответственный секретарь Центрального Исполнительного Комитета уважаемый нами Халмухаммедов. Вопрос очень важный. Следует тщательно и строго рассмотреть дела бывших назиров. Если они виновны, определить им меру наказания, если не виновны — оправдать. Обо всем Халмухаммедов скажет вам сам.

— Вопрос этот очень затянулся, ведь уже больше семи месяцев прошло, а бывшие назиры все еще валяются в тюрьме и не знают своей судьбы... Будет ли конец всему этому или нет?— спросил Халмухаммедов.

На его вопрос сам Ата-махсум не стал отвечать. Он взглянул на своего заместителя, и тот начал приводить «веские» причины.

— Всем вам известно, что ни в Назирате юстиции, ни в Высшем суде нет опытных, квалифицированных следователей. У нас нет не только законоведческой школы, но даже юридических курсов, которые могли бы подготовить таких следователей. Следователи же, лишенные опыта, тянут и запутывают дело. Надо найти хорошего следователя, пусть все проверит.

Халмухаммедов просмотрел список следователей. Их действительно было немного, кроме того, одни слишком молоды и неопытны, а другие из богатых семей — доверять им особенно нельзя.

В конце концов по предложению Ата-махсума дело поручили одному следователю — муллавачче.

Когда заседание кончилось, Ата-махсум остановил назначенного следователя и побеседовал с ним.

— Расследуйте это дело вдумчиво, не спеша. Вы знаете, что люди, слишком горячо взявшиеся за разоблачение бывших назиров, сами высланы из Хорезма. Не забывайте Шакира Сиддикова и Бабаджана Якубова!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Как только Центральный Исполнительный Комитет принял закон о прохождении военной службы в рядах хорезмской армии гражданами Хорезма, Миршарапов вызвал Палвана.

— Джура, тебе поручается важное дело: собери в районе Гурлена и Мангита отряды добровольцев и приведи их в Хиву.

— Будет исполнено. Завтра же отправлюсь,— сказал Палван и поднялся.

Палван побывал в казарме, передал отряд своему заместителю и, завершив дела, вернулся домой. Зажег керосиновую лампу, посмотрел газету, полистал книгу, потом вышел во двор, задал лошади корм. Заходить в дом не хотелось.

Палван уселся на глиняной супе, закурил папиросу: «Поговорить бы сейчас с близким человеком... Нет ничего хуже одиночества. А Якутай ждет меня. С ней будет хорошо моему сыну. Она будет дочерью для моей матери, она любит меня. Но сколько она может ждать, ведь всякому ожиданию бывает предел! Хош, а чего ждешь ты сам, в чем еще хочешь испытать ее, разве женщине, которая столько вынесла, нельзя сказать открыто: «Давайте сделаем той, будем всю жизнь вместе?» Если все это трудно сказать, напиши ей письмо, то, что у тебя на сердце, доверь бумаге. Пусть наконец все узнает, скажет свое слово...»

На рассвете Палван пришел к своему другу Маткариму.

— Я сейчас еду в Гурлен, у меня к тебе просьба. Если тебе не трудно, вот это письмо...

— Понял, понял, джура, как только ты рот раскрыл, я догадался. Якутай! Так?

— Да, только смотри, чтобы никто...

— Можешь быть спокоен, давно надо было написать. Сейчас же пойду, все сделаю, как надо. Можешь не беспокоиться.

— До свидания, счастливо тебе оставаться,— сказал Палван.

— Куда ты спешишь, зайди, попьем чаю...

— Что я тут, чаю не пил, еды, что ли, не ел? Я сейчас спешу, джура, пока солнце поднимется, знаешь, сколько я проеду. До свидания.

Палван вскочил на коня.

Маткарим в тот же день увидел Якутай.

— Вот это мне не терпелось вручить вам,— сказал он и протянул ей письмо.— Палван по срочному делу уехал в Гурлен, передал вам привет.

— Да будет здоровым он. Ну, а как вы, Маткарим-ака, живете?

— Счастливый я. Кундузхон оказалась отличной женой, очень она мне по душе. Трудолюбивая, не знает ни минуты покоя. Дай ей бог изобилия. Заходите и вы в наш дом, посмотрите, как мы живем. Неплохо живем, да и не хвастаясь скажу, что свою жизнь на жизнь разных там богачей не променяю.

Когда Маткарим ушел, Якутай зашла в ичкари и нетерпеливо начала читать письмо:

«Уважаемая Якутай! Душевный мой салям Вам!

По очень важным делам отправляюсь в районы, хотел бы прийти к Вам и проститься, но не было возможности.

Якутай, уж давно я хожу и мучаюсь, не в силах произнести идущие из глубины души слова. Наконец я дерзнул сказать их вот в этом письме.

Якутай! Вот уже сколько лет мы хорошо знаем друг друга. Мое горе было и Вашим горем. Вы воспитывали и лелеяли моего сына Баходира, как своего родного. Сын мой после моей покойной жены нашел в Вас свою истинную мать. Любовь, которую Вы подарили моему сыну, говорит, какая Вы замечательная женщина. Ваше чарующее сердце притягивает меня к Вам. Мать всегда говорит мне: «Сын мой, Якутай совестливая, разумная, добрая женщина. Она заступит место Джумагуль, сделает тебя счастливым». Якутай, я всю жизнь посвящу Вам. Я буду верен Вам всем сердцем, всем своим существом. Быть моей дальнейшей жизни счастливой или нет — зависит от Вас.

До свидания. С самыми искренними пожеланиями. Навеки преданный Вам П а л в а н».

Она снова и снова читала письмо Палвана, и все светлее и радостнее становилось у нее на душе.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

На первой сессии Второго курултая, открывшейся в начале октября, произошло событие, совершенно неожиданное для Аллаберганова и Халмухаммедова. И на этой сессии на голову Ата-махсума опустилась птица счастья. Аллаберганова за то, что он не справился с обязанностями председателя республики, и Халмухаммедова подвергли сильной критике и сняли с работы.

Ата-махсум и на этой сессии сумел представить себя ревностным защитником революции, защитником советской законности и сумел завоевать доверие большинства. Он был избран председателем Центрального Исполнительного Комитета. На должность военного назира и председателя Военного совета был избран принявший хорезмское подданство Миршарапов.

Ата-махсум в тот же день обнародовал: «На основании решения сессии Второго курултая я принял на себя должность председателя Центрального Исполнительного Комитета».

* * *

Вступив в должность военного назира, Миршарапов устроил инспекционный смотр всем воинским частям. Это помогло выявить недостатки и подтянуть дисциплину в армии.

Довести численность армии до пяти тысяч бойцов, вооружить их, построить новые казармы, отремонтировать старые, обмундировать армию, обеспечить ее зимней одеждой — все это в тех условиях было делом нелегким. Миршарапов не знал покоя ни днем ни ночью. Он послал командиров-коммунистов в образцовую военную школу и сам начал преподавать там. До той поры бойцы Хорезмской Красной Армии не принимали воинской присяги. Миршарапов сам составил ее текст, получивший одобрение на заседании Центрального Исполнительного Комитета 27 октября 1921 года.

На организованном в Хиве военном параде армия Хорезма впервые приняла воинскую присягу.

Воодушевленный всем этим, Миршарапов говорил членам Военного совета: «Пройдет немного времени, и мы, конечно, одолеем Джунаид-хана!»

По настоянию Миршарапова милицию временно перевели в ведение Военного назирата. Миршарапов сделал все

возможное, чтобы вооружить милицию как следует, повысить ее дисциплину.

Джунаид-хан через свою агентуру получил сведения о том, что происходит с армией Хорезмской республики. Он понимал также, что время работает не на него.

Именно то обстоятельство, что Красная Армия все более усиливалась, позволило начать переговоры с Джунаидом. В этом вопросе большую помощь оказал Миршарапову посол РСФСР Бик. Они сочли возможным воспользоваться услугами бывших мухрдоров — хранителей печати и некоторых представителей высшего духовенства, сохранивших влияние на туркменских ханов. Благодаря их посредничеству вошли в контакт с ближайшим советником Джунаида Хан-ишаном.

— Судя по полученным достоверным сведениям, Джунаид-хан согласен на заключение перемирия с нами. Готов подчиниться правительству Хорезмской республики,— сказал Миршарапов, явившись к Ата-махсуму.

— Надо не мириться с ним — разбить его надо,— решительно произнес Ата-махсум.

— Раис-эффенди...

— Раис-джумхур — президент республики,— поправил Ата-махсум.

— Простите, господин президент. Вы еще недавно сами говорили о необходимости заключения мирного договора. Вы ведь знаете, что измученный народ Хорезма жаждет мира. И теперь, когда появилась возможность принудить Джунаида к капитуляции, зачем ею пренебрегать.

На лице Ата-махсума появилось выражение недовольства. «Неужто он обиделся за то, что я не назвал его президентом республики?»— подумал Миршарапов.

Уже на следующий день после избрания на должность председателя Центрального Исполнительного Комитета Ата-махсум во всех без исключения документах полностью указывал свою должность, даже, накладывая резолюции на разного рода заявления, подписывался полностью: «Президент республики Ата-махсум ахун ибн Мухаммад-Рахим муфти».

— Вы военный назир Хорезмской республики,— хмуро проговорил Ата-махсум,— не забывайте, что вы непосредственно подчиняетесь мне, президенту республики. Вы теперь подданный Хорезма, занимаете высокий пост. А мы самостоятельная республика, в наши дела не должны вмешиваться иностранцы. Судя по тому, что мы слышим, вы решаете дела, вступая в контакт с русским посольством...

— В договоре о военном и политическом союзе, заключенном с Советской Россией, ясно сказано о совместных действиях против общего врага. Русские бойцы героически сражались с бандами Джунаида, и представители РСФСР в Хорезме, так же как и мы с вами, заинтересованы в установлении мира.

— Положите конец своим переговорам с послом Биком. Как председатель республики я не допущу, чтобы вы решали вопросы государственной важности с иностранцами...

— Речь идет о мире, который нужен Хорезму...

— Я разговариваю с вами не на татарском, если не понимаете, могу повторить еще раз...

— Я тоже разговариваю с вами на нашем родном языке — узбекском, господин президент республики. Но вы почему-то сегодня говорите совсем не то, что говорили вчера.— Сказав это, Миршарапов поднялся и вышел.

* * *

В тот же день к Ата-махсуму явился секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Хорезма Бекчурин.

— Со слов военного назира я понял, что вы хотите начать сейчас военные действия против Джунаида. Это что — мнение Центрального Исполнительного Комитета и правительства?— спросил Бекчурин.

Ата-махсум выжидающе промолчал.

— На каком основании,— продолжал Бекчурин,— вы запрещаете Миршарапову консультироваться с представителями братской нам Советской России? Если все это так, Центральный Комитет будет настаивать на созыве внеочередной сессии курултая.

Ата-махсум удивленно взглянул на Бекчурина.

— Военный назир неправильно меня понял. Я говорил, что Хорезм — самостоятельная республика и что это должен почувствовать Джунаид-хан. Никто Миршарапову не запрещает, пусть ведет переговоры, но пусть все-таки не забывает, что он подданный Хорезмской республики.

— Миршарапов в боях доказал свою преданность нашей республике, жизни ради нее не жалел... Значит, вы не против переговоров?— в упор спросил Бекчурин.

Ата-махсум кивнул головой и заговорил о другом.

«Изворотлив, как змея,— подумал Бекчурин.— Только избрали председателем, и вот уже, глядишь, другой человек. Дай бог, чтобы я ошибался».

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Ата-махсум прилагал все усилия, чтобы полностью лишить Коммунистическую партию Хорезма влияния на Центральный Исполнительный Комитет. По его настоянию президиум Центрального Исполнительного Комитета принял специальное постановление, официально позволявшее не отчитываться ни в чем перед Центральным Комитетом Компартии.

— Хорезм — самостоятельное государство, а коли так, оно должно установить дипломатические отношения со всеми государствами,— заявил он и в срочном порядке добился принятия закона об установлении дипломатических отношений с Ираном, Афганистаном и Турцией. Послом в Афганистан был назначен ближайший друг Паляза-хаджи — Бобо-ахун, а помощником посла — Мурад-тура.

Одновременно с этим он выступил против действий посла РСФСР Бика, стремившегося к укреплению дружбы между обоими государствами. Послу Хорезма в Москве Султану-кари Джуманиязову он дал телеграмму, чтобы тот вступил в переговоры с правительством России об отзыве Бика. Но Султан-кари, будучи настоящим коммунистом, выразил свой протест против клеветы на посла РСФСР и подал в отставку. Это не смутило Ата-махсума, он сразу же принял отставку и вместо Султана-кари назначил близкого себе человека. Работников Назирата иностранных дел, которые протестовали против отставки Султана-кари, он начал преследовать.

Вызвав в Хорезм коммунистов-послов, он назначил вместо них своих друзей — муфтиев, ахунов. Он принялся также за чистку центральных учреждений от людей, не внушавших ему доверия, и стал заменять их священнослужителями под предлогом того, что они «образованные люди». Поскольку таких своих людей уже не хватало, он стал освобождать из тюрем своих друзей, бывших назиров, и назначать их на ответственные посты.

Под тем же предлогом: мол, за ним не оказалось никакой вины, он освободил и своего племянника Мадраима Нуруллаева, назначил его редактором газеты «Известия Хорезма»— органа Центрального Исполнительного Комитета. Новый редактор без конца печатал в своей газете статьи, восхвалявшие Ата-махсума.

Теперь Ата-махсум, как прежде ахуны и муфтии, поселился в худжре медресе Араб-хана. Раз в неделю он приходил домой, навещал семью, детей. Совершая намаз в той же

мечети, он подолгу беседовал с ахунами, муфтиями и аглямами, которые советовали ему, кого именно надо привлечь к государственным делам, а против кого надо бороться.

Бывший ответственный секретарь Матякуб Халмухаммедов, перед которым еще несколько дней назад Ата-махсум лебезил, был посажен в зиндан по его приказу. Он назначил своего человека председателем Высшего суда и приказал ему: «Ускорь разбирательство дела Халмухаммедова, связав с ним Анаш-чулак. Она в его доме пела... Надо сделать так, чтобы ее выслать из Хорезма, чтобы и след ее здесь простыл».

Его указание было выполнено, тотчас состоялся суд и был вынесен приговор.

Дела бывших назиров не разбирались восемь месяцев, а его дело расследовали стремительно.

Решение Высшего суда должен был утвердить Центральный Исполнительный Комитет. И здесь у Ата-махсума все было налажено. В составе Центрального Исполнительного Комитета было много верных ему людей. Они исполняли все, что ни говорил Ата-махсум.

* * *

Ата-махсум вызвал к себе председателя Совета назиров Ибняминова и сказал:

— Экономическое положение государства плохое. Какую пользу мы извлекли из того, что отобрали заводы? Все равно бездействуют, надо вернуть заводы тем, кто может наладить работу.

Вскоре был издан приказ:

«Заводы и мастерские, экспроприированные в пользу народа Хорезма, до сих пор бездействуют. Поэтому, принимая во внимание тяжелое экономическое положение Хорезма, правительство решило вернуть эти заводы и мастерские их владельцам. Они должны наладить работу этих предприятий и отчислять десять процентов прибыли в пользу республики. Тем, кто не может пустить в ход свои предприятия собственными силами, правительство предоставит ссуду».

По распоряжению Ата-махсума к рассмотрению принимались только те бумаги, которые были написаны на узбекском. Остальные возвращались назад: мол, нет переводчиков.

Однажды Ата-махсум в беседе с Миршараповым сказал:

— Все письма, приходящие из Политического управления армии, написаны на татарском языке. Скажите, кто их

понимает? Отныне все подчиненные вам учреждеиия пусть ведут переписку на узбекском.— С этими словами он протянул Миршарапову письмо.

Миршарапов знал об этом письмс, недавно он сам переслал его в Центральный Исполнительный Комитет.

В этом письме татарин-командир из отдалениого района сообщал, что заведующий правительственным магазином передает товары басмачам... И просил принять срочные меры.

— Я сказал вам, что все письма должны писаться на узбекском.— Он даже не поинтересовался содержанием этого письма.

В те же дни Ата-махсум подписал приказ об изучении основ мусульманской религии в новых школах.

* * *

Ата-махсум пришел в тюрьму и участливо заговорил с Анаш-халфой:

— Анашджан, как твое здоровье?

— Хорошо.

— Детей твоих к тебе пускают?

— Да,— тихо ответила она.

— Приговор дали тебе в руки?

— Дали.

— В эти дни я очень много думал. От тебя даже не поступило прошения о помиловании. Пришлось мне самому прийти. У тебя двое детей, я желаю тебе добра. Сверни с опасного пути. Весь народ Хорезма любит тебя. Зачем же ты открыла свое лицо? Ты должна быть верующей, совестливой. Паранджу придумали не мы, она завещана нам всевышним. Ты должна быть тихой, примерной ученой женщиной. Подумай о своих детях. Сверни с этого проклятого пути, и я сегодня же отменю решение.

— Мой путь — верный путь,— твердо ответила Анаш.— Если я снова надену паранджу, значит, я стану совестливой, добродетельной?

— Так, доченька, так,— ласково сказал Ата-махсум.

— Может быть, вы еще скажете мне: «Сломай свой саз, не пой песни?» Знайте же, как хан не смог заставить умолкнуть голос Аваза, так и вы не сможете заставить умолкнуть мой голос. Вы оклеветали меня и теперь отрываете меня от родных мест, от детей моих и гоните в «Барса-келмес». Но придет день, и вы за все это будете отвечать.

— Анаш, смотри, как бы не пришлось тебе потом каяться. Я даю тебе отеческий совет. Признай свою вину, напиши заявление. Я прошу тебя, не противься же.

Анаш отвернулась от Ата-махсума. Разгневанный, он поднялся с места.

— Да сгниешь ты в «Барса-келмес», да съедят тебя там черви!— сказал Ата-махсум и вышел.

Он приказал начальнику тюрьмы:

— Никого не допускайте к Анаш-халфе и детей ее тоже.

В день отправления Анаш в ссылку к тюрьме явились двое ее сыновей, родственники, подруги, работавшие в артели женщины.

Бибиджамал подошла к начальнику тюрьмы и сказала:

— Если не покажете нам Анашджан, крики и стенания наши услышит вся Хива.

— Покажите нам Анаш-апа!— закричали пришедшие.

Начальник тюрьмы вынужден был разрешить проститься с ней. Слезы навернулись на глаза тех, кто увидел Анаш, когда она, желтая, точно саман, прихрамывая, вышла из ворот тюрьмы. К ней подбежали сыновья. Анаш, обняв, прижала их к груди. Девушки и женщины, прощаясь, обнимали ее и говорили:

— Мы никогда не забудем вашей доброты.

Когда Анаш увидела, сколько людей, болевших за нее душой, пришли сюда, слезы невольно потекли из ее глаз.

— Будем бороться за твое освобождение, не оставим тебя в ссылке.

— Не беспокойтесь, Анашджан, я сама буду воспитывать твоих детей,— сказала Айманхан.

Женщины-работницы испекли ей в дорогу целый мешок чуреков.

Вот прикатила арба, конвоир приставил к задней части арбы лестницу, сказал:

— Анаш, залезайте на арбу.

Анаш-апа в последний раз прижала детей к груди.

— Анашджан, возьмите нас с собой,— просил ее старший сын, а младший, цепляясь за ее подол, плакал:

— Возьмите нас с собой.

— Несчастная я,— шептала Анаш, целуя детей в щеки, глаза, пристально вглядываясь в их лица.

— Залезайте на арбу,— приказал второй конвоир.

Она начала прощаться со всеми. От плача людей, казалось, сотрясалась Куша-дарбаза.

Второй конвоир помог Анаш взобраться на арбу. Дети, точно птенцы, все порывались к ней.

— Хайр — до свидания, мои ласковые сестры, мои любимые дети!

— Хайр, будьте здоровы, да увидеться нам скоро! — говорили женщины.

В этот момент начальник тюрьмы подошел с паранджой к Анаш и сказал:

— Приказ Ата-махсума, а ну наденьте.

Анаш-апа отшвырнула паранджу:

— Пусть он сам ее носит!

Арба отправилась, двое конных милиционеров ехали по сторонам. Нигде не останавливаясь, арба подъехала прямо к берегу Амударьи, где стоял каюк, большая лодка, которая сразу же отправилась в Муйнак.

Анаш смотрела на позолоченные солнцем волны и вспоминала своих детей. Мерно ударяли веслами гребцы, и лодка быстро спускалась вниз по течению. Дарга искусно правил рулем, направляя ее по безопасному пути.

Анаш сидела тихая, задумчивая.

Но вот над мутными волнами зазвучал ее голос, она вложила в песню всю боль своего сердца:

Страданий таких я не знала вовек,
О них не расскажешь словами.
Будь проклят коварный и злой человек,
Разлучивший меня с сыновьями.

Заслушавшись, опустили весла гребцы. «Где найдешь в Хорезме второго такого соловья?» — думали они. Внезапно лодка стукнулась о мель, дарга не удержался и свалился в реку. Руль-шест в его руках сломался и острым концом вонзился Анаш в бедро. Вскрикнув, она упала. Молодой гребец склонился над ней и осторожно вынул острый конец шеста. Из раны потекла кровь. Стиснув зубы от боли, Анаш сорвала с головы платок и перевязала рану, но кровь все еще текла. Анаш стала бледной как полотно.

— Надо наложить жженый войлок, — сказал кто-то.

— Скорее, не разевай рот, — торопил конвоир.

Как только приложили жженый войлок, кровь сразу остановилась. Каждый старался помочь Анаш, один подносил холодный зеленый чай, другой говорил: «Успокойтесь, все будет хорошо!» Анаш широко открытыми, полными страдания глазами смотрела на людей. Потом, придя в себя, грустно промолвила:

— И так прихрамывала на одну ногу, а теперь и эта. Несчастная я.

— Анаш-апа, как вы себя чувствуете? Простите меня,— сказал дарга.

Ее доставили в Муйнак и положили в больницу.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Палван вернулся в Хиву с тремя сотнями добровольцев.

— Мы выдвигаем тебя на новую работу,— сказал ему военный назир Миршарапов.— Решили назначить начальником Политического управления Красной Армии Хорезма вместо товарища Мусаева, его отозвали в Ташкент. И еще одна новость: вчера правительство включило тебя в состав комиссии по примирению.

— Вы сами председатель этой комиссии?— спросил Палван.

— Нет.— Председатель — Хасан Эрматов, а мы с тобой его помощники. Джунаид долго думал и наконец после того, как по просьбе посла Бика с ним встретился Гулям-Али-хан, согласился вести переговоры. Теперь комиссия по примирению вместе с его представителями должна выработать условия.

— А кто представители Джунаида?

— Шихнафас Халнияз-оглы и Джумагалди. Завтра они прибудут в Хиву. Ты сейчас иди в Политическое управление, прими дела, а завтра встретимся у Эрматова.

Ближе к вечеру Палван пришел к Якутай.

— Салям, Палван-ага, проходите, пожалуйста,— Якутай пригласила его в свою комнату.

Выслушав рассказ Палвана о поездке в Гурлен и Мангит, Якутай, протягивая ему чай, спросила:

— Вы, наверное, слышали — Ата-махсум изгнал Анаш-апа из Хорезма, отправил ее в «Барса-келмес». Каково теперь ей, несчастной! Можете вы оказать какую-нибудь помощь?

— Сделаю все, что в моих силах,— ответил он, не отрывая взгляда от Якутай.— Вы по-прежнему с утра до вечера все пропадаете в школе, устали очень?

— Уже привыкла,— сказала Якутай и хотела начать готовить еду, но Палван остановил ее:

— Не утруждайте себя, мне надо идти. Приезжают представители Джунаида, а я теперь член комиссии по примирению.

— Да, уж не раз с ним велись переговоры... Палван-ага, наступит ли мир и спокойствие в нашей стране? Очень люди устали.

— Якутай, мир наступит — не сегодия, так завтра. И в Хорезме начнутся тои...— Палван подиялся и подошел к Якутай, взял ее за руку и спросил: — Вы получили мое письмо?

Якутай утвердительио кивиула головой. Палван, глядя на нее глазами, полными желания, спросил:

— А когда будет ответ?

Якутай искоса взглянула на него и прелестно улыбнулась.

— Якутай, я буду ждать ответа.

* * *

Комиссия по примирению составила проект примирения. 5 ноября Эрматов зачитал его представителям Джунаида.

— Согласны вы с этим? — спросил у представителей Джунаид-хана Эрматов.

— Мы присоединяемся ко всему тому, ио кое-что из второго пункта повторяется в четвертом. Надо написать их как-то по-другому.

Тут вмешался Палван:

— Четвертый пункт иужеи, от него иельзя отказываться, ибо в нем подчеркивается, что Джуиаид-хан беспрекословио должеи подчиияться всем приказам и закоиам правительства.

Разгорелся спор, обе стороны приводили свои доводы. В коице коицов представители Джунаида согласились оставить и четвертый пуикт. Затем составили специальный протокол, который подписали обе стороиы.

— Я этот документ должен показать нашему ханугага,— сказал Шихнафас.

— Конечно, покажите,— сказал Эрматов, отдавая ему один экземпляр.

— Если Джунаид-хан согласен,— предложил Палван,— пусть он напишет свое мнение Центральному Исполнительному Комитету.

Эти слова Палвана не были лишены основания. Джунаид уже несколько раз начинал переговоры о примирении, но, как только дело доходило до подписания договора, обманывал Хорезмскую республику. Это было известно всем, особенно сидящим тут.

— Подходит,— тихо сказал Шихнафас.

По окончании переговоров представителям Джунайда сделали плов. На рассвете они отправились в путь.

Среди юрт, раскинувшихся в беспредельной пустыне, выделялась белая юрта Джунаид-хана. Сюда собрались военачальники хана, главы племен, священнослужители. По приказу Джунаида Шихнафас прочитал привезенный документ. Нагнув голову и нахмурив брови, Джунаид погрузился в глубокое молчание. Договор не понравился ему, но что поделаешь, времена изменились, не одобрить его сейчас он не может!

— Ждут вашего ответа,— сказал Шихнафас.

— Чилим!— крикнул Джунаид-хан, и тут же его желание было исполнено.

Он покурил и затем приказал:

— Мирза, пиши ответ:

«... Подтверждая сие, мы, Джунаид-Мухаммад, приложили свою печать 15 числа месяца раби-уль аввал 1334 года».

Джунаид-хан приложил свою серебряную печать величиной с небольшую монету, на ней значились все его титулы.

Письмо Джунаид-хана Шихнафас доставил в Центральный Исполнительный Комитет. На заседании почему-то не было председателя республики Ата-махсума, председательствовал его заместитель Янгибай Мурадов. Теперь документ должен был подписать Джунаид-хан. Все согласились, что доведение до конца этого дела должно быть поручено председателю комиссии Хасану Эрматову или же Миршарапову. Но вышло по-другому. На заседании Центрального Исполнительного Комитета 9 ноября Ата-махсум не поручил эту задачу ни Эрматову, ни Миршарапову.

Он послал к Джунаид-хану другую делегацию, возглавляемую Мадримбаем Аллаберганбай-оглы.

* * *

Джунаид-хан хорошо встретил делегацию, присланную Ата-махсумом, проявив при этом особое уважение Мадримбаю, в знак чего указал ему на почетное место в глубине юрты.

Джунаид лично знал Мадримбая из Питнака и много слышал от людей об этом известном всему Хорезму большом бае, побывавшем во многих странах.

Мадримбай и Джунаид-хан сразу поняли друг друга. Уединившись, они долго беседовали. Осторожный, расчетливый Мадримбай до недавнего времени держался в тени. Ярый враг Советской власти, он ждал тех дней, когда можно будет нанести ей смертельный удар.

— Вот это письмо,— начал Мадримбай,— своею рукой написали вам их превосходительство президент республики Ата-махсум. Они молят всевышнего даровать вам здоровье и счастье.— Он протянул Джунаиду письмо.

— Да будет долгой жизнь президента республики,— сказал Джунаид-хан.— Мы осведомлены о хороших делах Ата-махсума, о том, что они приказали изучать в школах Коран, возвеличивают шариат и что они холодно относятся к большавоям. Словом, мы обо всем осведомлены. Вот поэтому я всячески поддерживаю правительство Ата-махсума.

— Мы смело продолжим политику, которую начали их превосходительство Ата-махсум,— сказал Мадримбай.— После того как в состав Центрального Исполнительного Комитета вошли состоятельные люди, мы действуем дружно. В мечетях и медресе мы привлекаем народ на свою сторону. Мы многое делаем... Мы назначим вас военным назиром, вы будете нашим защитником. Мы даже готовы скрепить нашу дружбу тайным договором, указав в нем, по какому пути мы пойдем с вами,— тихо сказал Мадримбай.

— Слова, которые вы сейчас сказали, можем произнести и мы,— неторопливо ответил Джунаид.

В тот же день Мадримбай и Хан-ишан — самый близкий советник Джунаида — составили текст тайного договора.

На следующий день в белой юрте Джунаида собрались его приближенные, а также прибывшие из Хорезма делегаты. Все хотели видеть своими глазами, как Джунаид-хан поставит свою печать и тем самым признает над собою власть правительства Хорезмской республики. Джунаид-хан исподлобья взглянул на сидевших и медленно приложил печать. И тут все с облегчением вздохнули, словно гора свалилась с их плеч.

— Мы признаем правительство Ата-махсума и подчиняемся этому правительству,— коротко сказал Джунаид и протянул один экземпляр главе делегации Мадримбаю.— А вот это послание передайте в руки президенту республики.

— Со всей душой.

Спустя некоторое время Джунаид пригласил к себе Мадримбая и Хан-ишана.

— Договор готов?— спросил он.

— Готов, хан-ага.

Вход в юрту прикрыли, после чего Хан-ишан тихо прочитал тайный договор и протянул его Джунаиду. Тот, послюнявив палец, увлажнил печать и скрепил ею договор.

Затем договор подписал Мадримбай. Они поздравили друг друга и тут же условились что, кроме них и Ата-махсума никто об этом не должен знать.

Делегаты собрались в обратный путь, проводить их вышел Джунаид-хан.

— Ата-махсуму передайте от нас привет,— дружелюбно произнес он.

По прибытии в Хиву делегаты явились прямо к Ата-махсуму.

— Вот и Джунаид-хан подчинился нам, и он наш единомышленник в отношении пришельцев. Если мы сможем остаться мусульманским правительством Хорезма, Джунаид-хан никогда не будет воевать с нами,— сказал Ата-махсум сидящим рядом.— Я объявляю благодарность главе делегации Мадримбаю и членам делегации, которые прекрасно справились с поручением Центрального Исполнительного Комитета. Комитет объявил амнистию арестованным, а также находящимся в бегах. Из тюрьмы были освобождены последние из назиров бывшего правительства Палязахаджи.

Брат Назир-кура подъехал к тюрьме в фаэтоне, запряженном двумя конями. Назир-кур гордо уселся в фаэтон, будто он выходил не из тюрьмы, а возвращался из путешествия. Кони, звеня-заливаясь бубенцами, помчались через гузары и перекрестки. Снова видя Назир-кура, народ удивлялся: «Ничего не случилось с ним, даже поправился». А Назир-кур, похлопывая по плечу сидевшего рядом младшего брата, говорил:

— Есть Ата-махсум, и поэтому наши дела идут на лад.

* * *

Тяжелое положение государства, вызванное наводнением и нескончаемыми набегами басмаческих шаек, еще более усугубилось в связи с появлением фальшивых денег. С каждым днем их становилось все больше. Из разных мест сотрудники Чека начинали присылать в Хиву поддельные ассигнации разного достоинства. Кто и где их печатал, выяснить не удалось. Сотрудники Чека предложили на вновь выпускаемых деньгах ставить печать Центрального Исполнительного Комитета. И хотя на деньги теперь ставили печать Назирата финансов, это не помогло. Фальшивомонетчики работали так искусно, что было трудно отличить поддельные деньги от настоящих.

Фальшивые деньги распространились по всему Хорезму Сотрудники Чека с помощью представителей местной

власти изымали их у населения. Отовсюду в Хиву посыпались жалобы, даже из самых отдаленных районов и кишлаков. В Центральный Комитет начали приходить письма: «Примите меры, иначе простые дехкане вконец разорятся, положение становится невыносимым...»

И в самом деле, безграмотный дехканин продает свою корову и получает за нее деньги, а потом эти деньги отнимают у него, да еще грозят: «Ты почему ходишь с фальшивыми деньгами?» А ему и в голову не приходило, что деньги, которыми расплачиваются люди, могут быть ненастоящими.

Предпринятые меры не давали результатов. Тогда решили новые ассигнации выпускать с подписями председателя Центрального Исполнительного Комитета и назира финансов. Но Сабир-мухркон и тут нашел выход — легко подделал и вырезал обе эти подписи.

Сотрудники Чека долго ломали голову, как найти фальшивомонетчиков. Дело это было поручено Атаджанову, одному из первых хорезмских коммунистов, который с самого начала революции мужественно боролся против врагов советской власти.

По его просьбе была изменена расцветка денег, а необходимые краски выдавались печатникам строго по норме,— ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы выпустить очередную кипу ассигнаций. Кроме того, на каждой ассигнации ставился номер.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

По просьбе правительства Хорезмской республики правительство Туркестана направило в Хорезм работников просвещения и культуры, среди которых был и Хамза Хаким-заде Ниязи. Прибыв в Хиву, Хамза поселился в маленькой худжре около Карагуз-мечети. И тут же он принялся за дело.

— Кто тут знаменитый хафиз?— спросил он у людей.

— Шерози.

— А где его можно найти?

— Дом его около Бахча Чорсу. Только спросите — вам каждый покажет.

Войдя в далан, Хамза услышал чей-то красивый голос и звуки саза. Через широкую веранду вошли в гостиную — просторную комнату с высоким ганчевым потолком и кирпичным полом. Окна ее глядели на веранду. Здесь было

чисто и светло. Увидев гостей, Шерози отложил саз. Человек, приведший Хамзу, сказал:

— Мадримджан, пришел дорогой гость.

Шерози пригласил гостя на почетное место в глубине комнаты.

— Я — Хамза, прибыл из Ташкента.

— Рад вас видеть,— Шерози прижал руку к груди,— мы давно вас ждали.

Шерози сразу же послал человека за музыкантами. А пока они беседовали об искусстве Хорезма прошлом и настоящем.

— У нас здесь люди, совершившие революцию, особенно молодежь, жадно тянутся к искусству, организуют драматические кружки, разучивают революционные песни,— сказал Шерози.

— Женщины также участвуют в этих кружках?

— Почти нет... Была Анаш-халфа...

— Что же случилось с ней?— спросил Хамза.

— Председатель республики Ата-махсум выслал ее из Хорезма.

Шерози объяснил гостю, как это случилось, и закончил свой рассказ просьбой:

— Вы такой уважаемый человек, прибыли из Ташкента, поговорили бы с Ата-махсумом.

— Попробую.

В гостиную вошли музыканты. Они уселись и заиграли удивительно нежную, лирическую мелодию «Алакамбар». Затем Шерози исполнил песни на газели Агахи. Сладкозвучные, задорные мелодии Хорезма покорили Хамзу. Выражая свой восторг, он то и дело говорил Шерози и музыкантам: «Да будет долгой ваша жизнь».

Ко времени прибытия в Хорезм Хамзе было тридцать два года.

Узнав о том, что в доме Шерози находится Хамза, туда пришли музыканты Сафо Мугани, Курбан-сазчи, а вслед за ними Хаджи Большаков, Палван, Чокар, Миркамил Миршарапов. В дом Шерози явился и старейший поэт и историк Хорезма белобородый Баяни.

В доме воцарилась та особая торжественная праздничность, которая бывает там, где встречаются люди, близкие по духу, движимые высокими помыслами. Среди собравшихся здесь были лучшие поэты, музыканты — мастера своего дела, понимавшие друг друга с полуслова. Здесь говорили о будущем. Вместе с революционными стихами этих дней здесь звучали стихи поэтов, живших столетия назад,—

словно не два десятка человек находилось за дастарханом, а все лучшие сыны Хорезма, жившие в разные времена.

— Теперь я вижу,— сказал Хамза,— что новое поколение Хорезма, родины Бируни, аль-Хорезми, Муниса, Агахи и Аваза, не только развивает прекрасные традиции своих учителей, но и рождает новое искусство, новую революционную литературу.

Когда гости разошлись, Шерози и Хамза еще долго беседовали.

— Я хочу здесь поставить спектакль, найдется ли место?— спросил Хамза.

— Есть хороший зал. Недавно там выступала татарская труппа...

На следующий день Шерози повел Хамзу в Нурлавой и показал ему большой зал в бывшем гареме Исфандияр-хана.

— Отличный зал,— обрадовался Хамза.— Но как созвать народ, как это сделать?

— О, наши глашатаи, если захотят, приведут к вам всю Хиву,— сказал Шерози и послал человека к Ата-джарчи.

Через некоторое время Ата-джарчи, а вместе с ним и другие глашатаи возвещали на улицах:

— Эй, народ! Не говорите, что не слышали, чтобы не сожалеть потом. В Хиву приехал Хамза-ага. Он зовет вас в Нурлавой. Будет удивительное, замечательное зрелище, будет выступать и Шерози. Если захочешь увидеть зрелище, хочешь увидеть Хамзу и Шерози, направляйся в Нурлавой!.. В Нурлавой!..

По просьбе Хамзы в зале расставили скамейки, а место, которое должно было служить сценой, задернули черным занавесом.

Вот понемногу начал стекаться народ и рассаживаться по скамейкам. Те, кому не хватило места, стояли в проходах. «Что же это такое здесь будет?»— спрашивали друг у друга. Музыканты, приглашенные Шерози, расположились на возвышении у входа в зал. По знаку Хамзы они заиграли и запели.

Представление началось. Раздвинулся занавес, и глазам представилась такая сцена: жирный бай со свирепым выражением лица ругал и избивал своего батрака, заставляя его работать. Сидевшие в зале сочувствовали батраку и даже плакали. Им очень хотелось помочь несчастному и расправиться с этим ненавистным баем.

Вдруг бедняк с силой оттолкнул бая и, гордо подняв голову, обратился к людям в зале. Он запел:

Эй, люди, вы, кто, вечно трудясь,
Жили, счастья не зная,
Защищайте народную власть,
Не подчиняйтесь деспотам-баям!

Роль бая исполнял Хамза, роль батрака — ученик Хамзы Тожизода. Хамза показал народу и другие сцены. Ему горячо аплодировали.

Очередь дошла до Шерози. Он пел долго. Люди не отпускали его. В конце вечера Хамза обратился к народу.

— Мы и в дальнейшем будем выступать здесь. Приходите, пожалуйста.

После этого Хамза показал в Хиве спектакли «Кто правдив?», «Наказание клеветников». Он написал о жизни Хорезма пьесу «Как угнетал народ Исфандияр-хан» и поставил ее в Нурлавой. Все роли исполняли юноши и девушки Хорезма.

Слава об искусстве Хамзы распространилась по всему Хорезму. Дехкане, пришедшие из соседних кишлаков, впервые узнали, что такое театр. «Руки Хамзы, как цветы,— удивлялись они.— Руки его говорят больше слов».

Хамза делал все для развития в Хорезме театрального искусства. Он работал и днем и ночью. Однажды к нему пришли представители Центрального профессионального союза.

— Мы благодарны вам за помощь, которую вы оказываете народу Хорезма. Мы хотим открыть при нашем союзе отдел искусства, хотим назначить вас заведующим,— сказал Худайберган-Мухаммад Али-оглы.

— А справлюсь ли я с этим?

— Хотя в Хорезме работать трудно, вам все под силу. Кроме этого, мы назначили вас заместителем заведующего отделом просвещения.

— Ого, сколько должностей сразу! Этак вы сделаете меня большим начальником, а кто же будет писать стихи, пьесы?!— засмеялся Хамза.

— В Хорезме пока мало образованных коммунистов, уж вы помогите, Хамза-ага,— произнес Худайберган.

Возглавив отдел искусства, Хамза развернул работу. Он создал десятки драматических и певческих кружков, давал концерты, привлек в театр молодые таланты. Поздно вечером, валясь с ног от усталости, он возвращался в свою худ-

жру. И тут еще работал, писал пьесу о Хорезмской революции.

* * *

— Палванбай, вы начальник Политического управления Хорезмской Красной Армии. Вы знаете, что меня послало сюда Политическое управление Туркфронта. Я приобрел здесь много друзей, они помогают мне во всем.

— Хамза-ага, какая бы помощь ни потребовалась вам, мы ее окажем сразу же.

— Я хотел бы поговорить с вами об Анаш-халфе. Ее надо вернуть на родину и ввести в состав драматической труппы.

— Очень хорошо, что вы за это взялись. Пойдемте к председателю республики,— сказал Палван.

Они направились к Ата-махсуму.

Ата-махсум был хорошо осведомлен о деятельности Хамзы. От одних он слышал в адрес Хамзы похвалу, от других — проклятья. Одним словом, никто в Хиве не был равнодушен к Хамзе. Ата-махсум недоумевал: «Отчего этот человек так горит здесь, ведь Хорезм не его родина, пришелец он. Нет, талант у него не от бога, это дьявольский талант, иначе бы он не стал высмеивать в своих пьесах баев и ишанов». У Ата-махсума уже имелись письма от духовенства с требованием изгнать Хамзу из Хивы, но председатель республики предпочитал избавиться от него каким-либо иным, не столь скандальным способом.

Когда Хамза с Палваном пришли в Нурлавой к Ата-махсуму, он приветливо встретил их.

— Рад вас видеть, уважаемый Хамза. До сих пор мы с вами не встречались, а я слышал, как много вы сделали в Хиве. Мы бесконечно благодарны вам за это. Оказывается, вы живете в маленькой худжре. Это никуда не годится. Мы предоставим вам дом какого-нибудь туры...

— Благодарю, господин председатель республики, но я уже привык к этой худжре.

— С какой просьбой вы пожаловали к нам, чем мы можем услужить вам?— спросил Ата-махсум.

— С небольшой просьбой...

— Со всей душой окажем вам помощь,— сказал Ата-махсум, прижав руку к груди.

— В театре, который мы организуем, некому играть женские роли. Если бы вы вернули Анаш-халфу из ссылки...

Услышав эти слова, Ата-махсум пристально взглянул на Палвана, потом с раздражением в голосе перебил Хамзу:

— Палванбай, вы, значит, не сказали о причине ссылки?

— Сказал, что не понимаю, по какому такому закону можно изгнать певицу, которую любит народ,— решительно произнес Палван.

Хамза поддержал его:

— Анаш-апа не может жить без искусства, оно для нее, как воздух, и она нужна искусству.

— Палванбай, этот человек приехал издалека,— продолжал Ата-махсум,— не из нашего края он. Не вводите его в заблуждение. Вы же говорите несуразности и заставляете гостя повторять их.

— Этот человек не гость, а наш дорогой ага,— ответил Палван.

— Палванбай, поймите меня правильно, я вовсе не говорю, что этот дорогой эффенди не наш человек,— с иронией в голосе произнес Ата-махсум,— я только хотел сказать, что кое о чем наш дорогой гость и не подозревает.

— Да, я не родился в этой священной стране, но я прибыл сюда, готовый отдать свою жизнь за Хорезмскую республику,— начал Хамза, пытаясь скрыть свою обиду.— Я прошу председателя республики вернуть Анаш-халфу. Я слышал, что эта несчастная женщина заболела.

Лицо Ата-махсума стало непроницаемым. Он смотрел на Хамзу так, словно не слышал его слов, с холодным безразличием. Хамза невольно стиснул пальцы, ему показалось, что перед ним сидит сам дьявол. Здесь, в Хиве, Хамза уже слышал, что Ата-махсум грубо обращается с молодежью, не желает раскрепощения женщин, что он вообще против всего нового. И этот муфтий смеет называть его, Хамзу, пришельцем. Хамза еле сдерживался.

— Господин председатель,— гневно сказал Палван,— вы лучше меня знаете, что Анаш-халфа ни в чем не виновата, тем не менее...

Но Ата-махсум снова перебил его:

— Из Хорезма певицу Анаш выслал не я — таково решение правительства.— И затем он обратился к Хамзе:— Вы умный человек, но безответственные люди заморочили вам голову, заставили вмешаться в такое скандальное дело. И еще скажу вам откровенно: республика наша велика, и просвещать народ надо не только в Хиве. И в других местах нужны ученые люди, особенно в Ходжейли. Правда, обстановка там тревожная, случается, и басмачи беспокоят.

Но если вы не боитесь трудностей... Конечно, за такую помощь мы были бы вдвойне благодарны вам.

— Я немедленно отправлюсь в Ходжейли,— спокойно произнес Хамза и, чуть поклонившись, вышел.

Палван пронизывающим взглядом в упор посмотрел на Ата-махсума и, ничего не сказав, последовал за Хамзой.

* * *

После неприятного разговора с Ата-махсумом Хамза пришел в свою худжру и долго ходил там из угла в угол. «Странно все ж, какой-то озлобленный муфтий — председатель Центрального Исполнительного Комитета. Мои действия здесь не понравились этой лисе, хочет от меня избавиться. Ну что же, в Хиве сделано немало. Надо ехать в Ходжейли. Судя по всему, положение там действительно тяжелое. К тому же, если не поеду, этот муфтий будет говорить, что коммунисты боятся басмачей, берегут себя».

Утром Хамза пришел к назиру просвещения.

— Хочу работать в отдаленных районах, пошлите меня в Ходжейли.

— Хамза-ага,— ответил тот, не скрывая волнения,— вы напрасно так поступаете. В Ходжейли басмачи убили заведующего интернатом и скрылись. Положение там тяжелое, трудно придется вам.

— Я привык к трудностям,— коротко сказал Хамза.

Хамза был человеком слова. И сейчас заставить его отказаться от принятого решения было невозможно. Сколько ни уговаривал его назир, Хамза стоял на своем. В конце концов назир назначил Хамзу Хаким-заде заведующим интернатом в Ходжейли.

Хамза простился с друзьями и на арбе отправился в Ходжейли. На третий день он увидел этот небольшой городок-крепость, в котором было всего несколько улиц и гузар. Пройдя мимо прилепившихся друг к другу низеньких домов, он очутился перед байским домом, где был теперь интернат. Хамзу сразу окружили дети. Одеты они были во что попало, на некоторых чапаны, на других ватные телогрейки, все порванное, в заплатах. Здесь жили и учились дети-сироты. Хамза поздоровался с детьми, сказал им: «Я — ваш новый заведующий».

Единственный воспитатель, работавший в этом же интернате, показал новому директору общежитие и классы. Все помещения темные, без окон, без печек, пол земляной. Теперь, в дни поздней осени, здесь было холодно, в некото-

рых комнатах прямо на полу разводили огонь. И на вошедшего с улицы пахнуло горьким дымом.

— Это вот — спальня,— сказал учитель, проводя его в комнату, на полу которой было раскидано сено.

— Спальня, говорите?— удивился Хамза.

— Да.

— А где кровати, одеяла?

— Их у нас и в помине нет.

Хотя назир и предупреждал Хамзу о плохом положении в интернате, но такое застать здесь Хамза не предполагал. Классы выглядели не лучше спален, в них не было ни парт, ни досок. Дети сидели на полу, дрожа от холода.

— Эффенди-директор, пойдемте, я покажу вам вашу комнату,— сказал расстроенному Хамзе учитель и повел его в комнату около ворот.

Учитель отворил красивую резную дверь, и они очутились в холодном помещении с низким потолком. Циновка на полу, на ней — старый войлок, грубо сколоченный стол, керосиновая лампа — вот и все, что здесь было.

— Он жил здесь?— спросил Хамза.

Учитель молча кивнул головой.

Хамза постоял, задумавшись, а потом тихо сказал: — Все надо начинать сначала.

На следующий день Хамза пришел к председателю городского исполнительного комитета Кусбергану. Рассказав подробно о делах в интернате, Хамза попросил:

— Помогите обеспечить интернат самым необходимым.

В этот момент зазвонил телефон.

— Салям, Палванбай. Да, Хамза-ага уже здесь, вот сидит рядом со мной. Да, да, окажем помощь, можете быть уверенными. Палванбай, хорошо, что вы сами позвонили. Басмачи совсем уже взбесились, нападают на кишлаки даже днем.

Положив трубку, Кусберган взглянул на Хамзу:

— Палванбай передает вам привет. Вы слышали наш разговор, так что соблюдайте осторожность. Не выходите один за город.— Он взял карандаш.— В чем нуждаются дети?

Вскоре в интернате закипела работа. Классы и спальни побелили, установили в них чугунные печки, на арбах привезли саксаул. Кусберган действовал энергично, раздобыл для детей одежду. Теперь наконец Хамза смог сводить детей в баню и переодеть их в чистую теплую одежду.

Жизнь в интернате преобразилась. Начались нормальные занятия.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Ата-махсум часто приходил на намаз в медресе Мадамин-хана. К этому времени умер уже Мухаммад-Салимахун, который был кази-каляном до девяноста лет. Место его занял Худайберган-ахун, один из самых близких друзей Ата-махсума.

Он относился к Ата-махсуму с большим почтением.

— Вот и господин председатель республики идут,— сказал один муллавачча, увидев Ата-махсума в белой чалме.

Вошел Ата-махсум, а вслед за ним Абдурахим-хаджи, Мадримбай и Сабирбай. Сидевшие в знак уважения поднялись. Ата-махсум поклонился кази-каляну и прошел на почетное место.

— Да будет мир и достаток, да будет долгой жизнь председателя республики, аминь!— произнес кази-калян.

Вслед за ним все также произнесли «аминь» и молитвенно провели ладонями по лицам.

— Мы довольны вашими указами и делами. Духовенство и народ изъявляют особую радость по поводу того, что в школах изучается Коран, что вы возвеличиваете шариат,— сказал кази-калян, покачивая своей огромной чалмой.

— Господин президент республики,— начал Матпанабай,— позвольте выразить вам благодарность за то, что вы спасли нас, бывших назиров, брошенных в зиндан.

— Уважаемый господин президент республики, уже прошло два года со времени смерти Аваза, а его безбожные стихи все еще печатают в газетах. Как же это понимать?— спросил один из ахунов.

— Это дела наших «друзей»,— ответил Ата-махсум, делая ударение на слове «друзья».

Все засмеялись.

С тех пор как Ата-махсум стал президентом, все важные государственные дела обсуждались в этом медресе. Здесь были подлинные единомышленники Ата-махсума и его соратники.

— Хоть я и президент республики,— обратился к собравшимся Ата-махсум,— и власть моя велика, но не все, конечно, могу решить сразу. Вот мы открыли посольство в Афганистане. Теперь надо отправить посла в Иран. Но чтобы держать посла за рубежом, нужна валюта, а в Хорезме ее нет. Вот я и думаю об этом. Одно из самых богатых

государств — Англия. Что, если обратимся к ней, возьмем в долг?

Все одобрительно закивали головами.

Послышался голос муэдзина, созывающего правоверных на намаз.

* * *

— Раим-така, поручаю тебе важное дело,— сказал один из руководителей Чека Атаджанов.— Надо проверить Маткарима-пиёна. Очень подозрителен этот человек. Пьет беспрерывно, гуляет, как купец в Макрие, а откуда берет деньги, непонятно. Он стал завсегдатаем каландархоны, последи за ним.

— Будет выполнено,— ответил Раим-така.

Раим-така сразу направился в каландархону, находившуюся на окраине Хивы, рядом с махалля Элакчи. Тут было довольно много строений, большой двор с грязным хаузом, вокруг которого росли большие, в три обхвата, карагачи. Даже в самые жаркие дни в их тени было прохладно. При входе в каландархону справа и слева были понатыканы низенькие, словно вросшие в землю, домики, служившие пристанищем для каландаров — бездомных, одиноких, курильщиков опиума, для дивана, нищих и странников. По преданию, вся эта усадьба принадлежала богатому туре — курильщику опиума, который в состоянии опьянения подарил ее каландарам. И с тех самых пор она стала называться каландархоной. Тура этот здесь же и погребен.

Каландархона служила своего рода гостиницей. В каждой комнатке обычно проживали трое-четверо бродяг. Некоторые жили здесь по нескольку лет, другие же приезжали сюда из разных городов на несколько дней.

Вот Раим-така заметил грязного оборванца с распухшим лицом, пожелтевшим, точно вода от чилима. Оборванец даже не ответил на его приветствие.

Согнувшись, Раим-така вошел в темное и сырое помещение. Находившиеся рядом с дверью приняли его за человека, решившего подать им милостыню, и протянули руки.

— Что ты тут делаешь?

— Ищу одного знакомого,— тихо ответил Раим-така, испытывая невольный страх.

— Если тут не видишь, то ищи вон в той худжре. Пошел!

Раим-така выбрался из смрадной комнаты и вошел в другую, не менее вонючую и дымную.

Не найдя и тут Маткарима-пиёна, молодой человек поспешил выскочить наружу. И, точно освободившись от чего-то, застрявшего в горле, вздохнул свободно.

И тут он заметил полуголого старого нищего, гревшего на солнце свои кости. Он был так худ, что можно было пересчитать все его ребра. А из другого домика доносились азартные крики. «Играют в кости. Наверно, Маткарим-пиён тут»,— подумал Раим-така.

Во двор вошли несколько одетых в рубища каландаров, на боку каждого из них висела тыквенная коробка с дымящимися благовониями. Один из каландаров повертел своей коробкой вокруг головы Раима, за что тот вознаградил его цветной бумажной ассигнацией.

Каландары, видимо, пришедшие издалека, уселись на айване и опустили на пол свои котомки. В этот момент из дома, откуда доносились азартные крики, шатаясь, вышел Маткарим-пиён. Он был пьян, едва держался на ногах.

— А что ты тут делаешь, йигит?— спросил он.

— Ищу одного знакомого...— сказал, озираясь по сторонам, Раим-така.

— Пойдем лучше поиграем в альчики,— предложил Маткарим-пиён.

— Да я домой тороплюсь.

— Никуда твой дом, джура, не убежит. Я сейчас в альчики проиграл много денег. Может, ты выиграешь. Новичкам везет. Подожди, я сейчас принесу денег.— Маткарим-пиён, шатаясь, вышел из каландархоны.

Раим-така стал терпеливо ждать. Через некоторое время Маткарим-пиён явился с деньгами — то ли принес из дома, то ли занял у приятеля. Он схватил за руку Раима-така и потащил его к игравшим в альчики.

Молодой чекист умел хорошо играть и в альчики, и в карты. Пославший его сюда Атаджанов это знал.

... На кону гора бумажных денег. Больше всех проигрывает Маткарим. Азартно крича, он бросает кости и тут же выкладывает из кармана манаты достоинством в десять и двадцать пять тысяч. Чтобы узнать, что это за деньги, их надо выиграть — Раим-така протиснулся в круг. Игроки для начала решили угостить его хорезмским вином-мусалласом. Но Раим-така, сославшись на то, что табибы запретили ему пить, отказался. Он взял костяшки, погремел ими и кинул. А затем он начал выигрывать один кон за другим. Все напряженно следили за его движениями. Нет, он играл честно, а между тем гора денег таяла. В конце концов все они перекочевали в его карман. Пьяные ненавидящими гла-

зами уставились иа Ранма-така, онн готовы были съесть его. Как побежденный в кураше рвется встать н снова бороться, так и эти пронгравшне требовали продолжения игры. Пьяиый Маткарим злобно прнставал к иему: «Илн будешь нграть, нли отдавай деньгн иазад». Пообещав прийти завтра, Ранм-така с трудом вырвался нз этой компаннн. Ои пришел к Атаджанову. Когда проверялн вынграиные деньгн, онн оказались фальшивымн.

* * *

Закир Бекчурнн собрал членов бюро Центрального Комитета Коммуннстнческой партни Хорезма. Обращаясь к ннм, он сказал:

— Многие коммунисты, комсомольцы, члеиы профессиональных союзов пншут нам о неправнльных действнях председателя Ата-махсума. И в самом деле, ои всячески тормознт революцнонные преобразовання в нашей республике, сннмает с ответственных должностей коммунистов и во всех основных вопросах действует, не советуясь с партией. Человек, еще недавно называвший себя красиым улемом, требует отзыва посла РСФСР товарнща Бика и в то же время стремнтся заручиться поддержкой англичан. За два месяца пребываиия его иа посту председателя исполнительиого комитета, злоупотребляя свонми правами, ои заполинл государствеииый аппарат враждебными революцни людьми. Он поддерживает большнх баев, даже вериул многим промышленинкам их заводы, преследует женщнн, снявшнх паранджу. Наши чекисты накоиец поймали фальшнвомонетчнков Сабира-мухркона и Маткарима-пиёиа. Оказывается, они действовалн по задаиию Джуианд-хана. Третнй участинк этой преступной группы, Мадранм Чериый, бежал к Джуиаиду. Выяснилось, что Ата-махсум зиал об этнх делах. Чекнстам удалось также перехватить письмо, тайно отправлениое Ата-махсумом Джунанду. Из иего следует, что между иими заключеи какой-то секретиый договор.

После Бекчурниа выступнли миогие товарнщи, и в том числе председатель Чека Ахмад Махмудов. Он ознакомил члеиов бюро с материалами, разоблачающими враждебную республике деятельность Ата-махсума.

Бюро Центральиого Комитета образовало комнссию для проверки имеющихся матерналов н заявлеинй, связаниых с деятельностью Ата-махсума. Председателем этой комиссии был избран Палван. В комиссию вошел и представитель Чека. Члеиы комиссии беседовали с советскнмн служащнмн,

партийными работниками, учителями, работниками Наркомата иностранных дел. После всего этого Палван пришел в Центральный Исполнительный Комитет и спросил у Матякуба Ахангарова, работника канцелярии Ата-махсума:

— Председатель республики у себя?

— Ушли на намаз.

— Матякубджан, мы вас хорошо знаем, вы с первых же дней революции работаете здесь. И хотя вы не член партии, Центральный Комитет верит вам,— начал Палван и затем рассказал ему о работе комиссии, которая расследует жалобы на Ата-махсума.— Вы поможете нашей комиссии?— спросил Палван.

— Со всей душой помогу. Давно надо было создать такую комиссию. Кому-кому, а мне уже ясно, что председатель ведет двойную игру. Вот я вам сейчас найду документы,— с чувством сказал Матякуб и, пытаясь найти нужные материалы, начал поспешно открывать ящики письменного стола.

В это время явились Сабирбай и Мадримбай. Увидев происходившее, они спросили:

— Матякуб, что вы ищете для Палвана?

— Да так, кое-какие бумаги нужны ему,— неопределенно ответил Ахангаров.

— А мы слышали, что из Центрального Комитета сюда прибыла комиссия?

— Комиссия придет к председателю республики, его заместителю, ну, поговорит еще с такими, как вы, большими людьми, а я здесь маленький человек.

— Вы, я вижу, из скрытных людей,— сказал, улыбнувшись, Мадримбай и ушел вместе с Сабирбаем. Они на всякий случай решили срочно разыскать Ата-махсума и пошли в медресе Мадамин-хана. Действительно, он был там.

— Господин президент республики, в Центральный Исполнительный Комитет пришел Палван, он о чем-то договаривается с Ахангаровым, тот ищет для него какие-то документы. Мы слышали, что этот Палван Ибрахимов председатель какой-то комиссии, расследующей жалобы. Кажется, это касается вас.

Ата-махсум побледнел. Только сегодня он узнал, что посланный им к Джунаиду человек пойман чекистами и заключен в зиндан. Ата-махсум о чем-то пошептался с Сабирбаем и Мадримбаем и быстро отправился в Нурлавой.

— Матякуб, все в порядке?— поспешно спросил Ата-махсум, войдя в свою приемную.

— Все в порядке. Из Центрального Комитета партии приходил Палван Ибрахимов, спрашивал вас,— ответил Ахангаров.

— Ну, а что его интересует?

— Мне он ничего не сказал, хочет поговорить с вами.

— А что ты сам делаешь?— вежливо спросил председатель республики.

— То же, таксыр, что делаю каждый день,— не поднимая головы, тихо ответил Ахангаров.

— Без моего разрешения не давай Палвану Ибрахимову ни одной бумаги.

— Понял, таксыр.

Ата-махсум зашел в свой кабинет, достал ключ, открыл ящик стола и, сунув за пазуху какой-то конверт, тут же вернулся в приемную.

— Матякуб, я иду в Совет назиров, скоро вернусь.

Когда Палван, теперь уже вместе с членами комиссии, снова пришел в приемную Ата-махсума, Ахангаров сказал ему, что председатель был и вот-вот вернется. Они стали ждать, но он все не приходил. Палван позвонил в Совет назиров, оттуда ему ответили: «Председатель республики у нас не был». Послали гонца в медресе, где жил Ата-махсум, но и там его не оказалось.

Несколько дней его ждали, разыскивали повсюду, но он не появился. И всем стало ясно: Ата-махсум сбежал.

Правительство объявило через глашатаев, что Ата-махсум должен дать знать о себе. Но это не помогло.

Двадцать седьмого ноября в Нурлавой состоялось расширенное заседание. На повестку дня был поставлен вопрос о контрреволюционных действиях Ата-махсума.

Палван доложил о результатах работы комиссии, занимавшейся проверкой деятельности Ата-махсума. Из материалов, доложенных собранию, следовало, что наряду с заключением договора Ата-махсум вел тайные переговоры с Джунаид-ханом. Приводилось письмо Джунаида, в котором тот предлагал Ата-махсуму сделать все, чтобы татары-коммунисты покинули Хорезм.

После Палвана слово взял Атаджанов, занимавшийся делом фальшивомонетчиков.

— Вот вам еще один документ. Из него следует, что оружие для Джунаида закупалось на фальшивые деньги и что Ата-махсум знал об этом. И тем не менее он не помог Чека, не сообщил.

В зале зашумели:

— Надо его найти. Пусть держит ответ!

— Товарищи,— начал Ахмад Махмудов,— оказывается, Ата-махсум имел немалую долю от доходов с вакуфных земель трех медресе.

— Вот почему он был против того, чтобы вакуфные земли отдали дехканам!

— Арестовать контрреволюционера Ата-махсума,— внес предложение Бобо Матчанов.

Заседание длилось до позднего вечера. Приводились все новые и новые доказательства враждебной республике деятельности Ата-махсума. В конце заседания было принято решение о смещении Ата-махсума с поста и о его аресте. Председателем Центрального Исполнительного Комитета был избран Янгибай Мурадов.

Материалы совещания были опубликованы в газете «Вестник Хорезма».

Ата-махсум скрывался в разных местах. Однажды, когда он тайно явился в медресе, где ночевал время от времени, мутавалли сказал ему:

— А сегодня приходили, искали вас, будьте осторожны.

Войдя в худжру, он сразу же достал спрятанные там документы и задумался: «Если случится, что их найдут, это может повредить моим друзьям, особенно Мадримбаю. Эти бумаги надо уничтожить».

Он развел огонь в очаге и начал жечь документы. Вот тайный договор, составленный вместе с Джунаид-ханом, вот письмо, в котором он просил о помощи английское посольство. Вот и другие важные бумаги горят, полыхают. И пламя их отражается в глазах Ата-махсума.

Уничтожив эти опасные бумаги, он несколько успокоился, прилег, но сон не приходил. Ему мерещилось, что кто-то подкрадывается к двери худжры. «А что, если кто-то из муллавачей по наущению мутавалли пошел в Чека и теперь возвращается сюда с милицией? Нет, здесь оставаться опасно, пойду-ка лучше домой».

Он поднялся, вышел во двор. Будить мутавалли он не решился. Он вернулся, зашел сначала в свою худжру, потом в другую пустую худжру, где еще с вечера случайно заметил длинную свернутую веревку. Прихватил ее, забрался на крышу медресе, посмотрел вокруг. Смутно различались в темноте купола мечетей и медресе, силуэты высоких минаретов.

Издали доносился лай сабак. Ата-махсум привязал конец веревки к каменному зубцу и начал спускаться вниз. Сердце его бешено билось. Когда до земли оставалось совсем немного, веревка оборвалась. Ата-махсум полетел вниз,

стукнулся головой о стену и распластался на вымощенной кирпичами дорожке. Придя в себя, он поднялся, но тут же снова упал от мучительной боли. Оказывается, во время падения он сломал ногу. Ползком он добрался до своего дома, который был недалеко от медресе. Дотянулся до калитки, и тут силы покинули его.

На рассвете, когда люди отправлялись на намаз, близкий родственник Ата-махсума открыл калитку и увидел лежащего на земле человека. Ата-махсум! Оглянувшись вокруг, он поднял его, занес в ичкари и уложил там. Ата-махсум, так и не приходя в сознание, к вечеру скончался.

* * *

Анаш все еще лежала в больнице Муйнака. Ее рана только начала заживать. Из окна палаты Анаш видела беспредельную ширь Арала. «Это море огромно, как моя печаль»,— думала она.

Врачи и сестры хорошо относились к ней, из Хорезма приходили письма от подруг. Нет, и в ссылке ее не забыли, не покинули, но ей было тяжело и одиноко. Она не могла жить без людей, которых любила всей душой.

Дни тянулись медленно.

Однажды медсестра принесла ей письмо. Анаш торопливо разорвала конверт, начала читать и невольно вскрикнула. Слезы радости засветились в ее глазах. Якутай сообщала ей, что Ата-махсум разоблачен как враг республики.

Вскоре последовал приказ об освобождении Анаш из ссылки.

Через несколько дней после выхода из больницы Анаш по дороге в Хиву завернула в Кунград.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Паляз-хаджи знал об объявленной Вторым курултаем всеобщей амнистии, но продолжал скрываться. Думал: «Прибуду в Хиву, заключат в зиндан». Он все еще чего-то ждал, предпочитая действовать по пословице: «Будешь терпелив — из незрелого плода халву получишь, а нетерпение погубит тебя».

Уже пришла зима. А он один, в нетопленом доме, в покинутом жителями кишлаке, на краю пустыни. Несколько раз в месяц сюда тайно приезжает его родственник, привозит продукты. Последний раз был дней десять назад. Оказывается, Ата-махсум пал. Наверно, тоже скрывается где-то...

Паляз-хаджи принес в дом кусты саксаула, зажег в очаге огонь, стал греть руки. «Сколько всего перевидал я! Устал. Теперь уже все равно, что будет. Это волчье одиночество опостылело мне».

Паляз-хаджи подбросил в очаг саксаул и встал. «Пойду в Хиву».

Он явился прямо в Нурлавой, в Центральный Исполнительный Комитет.

— Ассалям алейкум, господин председатель, вот я пришел, отдаю себя на ваш суд.

— Проходите, проходите, хаджи-бува, садитесь, пожалуйста,— сказал Янгибай Мурадов.

— Господин председатель, я на все согласен, если проявите снисхождение, остаток своей жизни буду служить народу. Вот вам мое заявление.

— Мы рассмотрим ваше заявление,— сказал председатель.

В тот же день на заседании Центрального Исполнительного Комитета было принято решение: «После тщательного обсуждения признано целесообразным амнистировать Палванниязa Юсупова, коему разрешено явиться в свой дом».

Слезы катились из глаз Паляза-хаджи. Председатель протянул ему копию решения.

— Хаджи-бува, идите к своей семье, детям, Советское правительство простило вас.

Паляз-хаджи пришел в свой дом на улице Ур. Сказал, что прощен. К нему в объятья кинулись дети, внуки. В доме воцарился праздник.

— Паляз-хаджи в Хиве! Он явился с повинной к правительству,— такие вести распространились по городу и кишлакам.

А через несколько дней Паляз-хаджи уже был инспектором в Назирате финансов. Теперь он, поднявшись еще до рассвета и совершив намаз, спешил на работу. Он работал старательно, с немалым рвением выполнял все поручения назира финансов.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Во время первого курултая Союза кушчи, объединявшего дехкан-бедняков, Пирнафаса-ака избрали председателем этого союза.

Был конец декабря. Все шел и шел снег. В правлении кишлачного Совета было холодно, но народу собралось много. Среди пришедших было всего несколько женщин.

Пирнафас-ака сообщил, что уже не может быть больше председателем кишлачного Совета — красным аксакалом.

— Поэтому,— объяснил он,— вы должны выбрать себе другого аксакала.

Собрание продолжалось долго. Один предлагал Раима-дехканина, другой называл Сайфи-аксакала.

— А по-моему, пусть председателем Совета будет Айша-хола,— сказал седобородый Шакир-ата,— глядите, каких сыновей она вырастила! Кто не знает в Хорезме Палвана-батыра! Все в мире меняется,— продолжал он.— Даже большие реки меняют свое русло. Это ничего, что Айша-хола женщина. Она трудную жизнь прожила, и ума у нее много. А вынесла горя столько, что не каждому мужчине под силу.— Шакир-ака обвел взглядом собравшихся.— Наверно, во всем Хорезме нет еще ни одной женщины — председателя кишлачного Совета. Вот пусть у нас в Пишканике будет. Аллах за это на нас не прогневается.

Многие поддержали его, но тут вмешался суфий мечети.

— Айша-хола неграмотная, как же ее выбирать?

— А вот так и выберем,— сказал Раим.— То, что неграмотная, это ни ей, ни нам не помешает. Главное, справедливая, людей не обидит. А грамотные йигиты в кишлаке есть. Что надо напишут.

— В самом деле, в Хорезме еще нет ни одной женщины — председателя Совета, и разве плохо, если такая первая женщина выйдет из нашего кишлака,— сказал Салиджан, прибывший на это собрание из Хивы.— Айша-хола для всех нас словно родная мать. Если мы ее изберем, то будет кому заботиться о нашем кишлаке.

Айша сидела, прижимая к себе своего внука Баходира. Она то и дело поправляла накинутый на голову халат: ведь сидит среди мужчин.

— Дети мои, я женщина старая, не хватит у меня сил на такое дело.

Земляки зашумели.

— Айша-хола, не бойтесь, мы будем помогать вам.

— Пусть, кто хочет, чтобы Айша-хола стала председателем кишлачного Совета, поднимет руки,— предложил Пирнафас-ака.

Подсчитали поднятые руки. Оказалось, хотят почти все. Только бывший аксакал кишлака, имам и суфий мечети были против.

Палван, обнимая мать, сказал:

— Значит, мы пришли прямо на той.

— Трудно, детки мои, быть женщиной-аксакалом,— сокрушалась Айша-хола.— Мир-то ведь не наступил. На тех, кто пошли в пески за дровами, напали люди Джунаид-хана и убили многих. Грабитель этот снова поднимает голову.

— Пока есть Джунаид-хан, в нашем крае не будет мира, анаджан,— тяжело вздохнул Палван.

* * *

Палван был прав. Пока Джунаид-хан господствовал на беспредельных просторах пустыни, его кровавое присутствие ощущалось в Хорезме каждый день.

После разоблачения Ата-махсума, когда стало известно о его тайных переговорах с Джунаид-ханом, правительство Хорезмской республики уведомило Джунаида, что тайное соглашение, заключенное им с Ата-махсумом, объявляется незаконным и что он, Джунаид, должен заново подписать «Бирликнома». Сделать это Джунаид отказался. Снова начал собирать нукеров. Из-за границы стали прибывать к нему груженные английским оружием караваны. Военачальники Джунаида, расплачиваясь фальшивыми деньгами, покупали сотни коней, а тех, которые не отдавали своих коней, расстреливали на месте.

Джунаид-хан старался как можно лучше приготовиться к задуманному им большому наступлению.

И вот наконец, решив, что все сделано, он велел позвать мирзабаши — главного писаря.

— Мы начинаем большие дела,— сказал Джунаид-хан.— От моего имени напишите приказ всем моим тысячникам и сотникам: через три дня мы начнем наступление на Кухну.

* * *

Секретарь Центрального Комитета Бекчурин уехал на учебу в Ташкент. На его место избрали Шарафутдинова. Новый секретарь, чтобы узнать положение в дальних районах и оказать помощь на местах, послал туда нескольких ответственных работников. Палван вместе со своим заместителем Махмудом Свободиным был направлен в Ташауз.

— Ты, Палван, стал меня забывать. Ничего о себе не сообщаешь,— сказал председатель Ташаузского ревкома Ахмаджан Ибрагимов, явно обрадованный неожиданным приездом своего друга.— С чего начнем? Может, сначала поедем в Кухна-Ургенч, ознакомимся там с положением, да

и Махмуду не мешает посмотреть древнюю столицу Хорезма.

— Я и сам хотел предложить тебе это,— сказал Палван.

Вместе с несколькими конными милиционерами они отправились в путь.

От Ташауза до Кухна-Ургенча верст сто. Дорога тянется по пустынным местам. Вокруг белеют солончаки, искрятся под солнцем как снег.

Солнце приложило голову к земле. Скоро вечер. Путники погнали своих коней быстрее. И вот перед ними древний Кухна-Ургенч. Молча проехали мимо великого минарета, мимо гробницы Турканахоним. «Сколько веков прошло, а они все хранят свою красоту,— подумал Свободин, но его более всего удивило, как хорошо сохранилась крепость Кухна-Ургенча, ее стены и дарбаза.— Они и теперь неплохая защита от врага».

Палван, Ахмаджан и Свободин сразу же отправились к начальнику штаба Кухна-Ургенчского гарнизона. Он объяснил им обстановку. Оказывается, Джунаиду удалось снова собрать войско. Он стоит теперь недалеко от Ходжейли. Один из его главарей, Тимур-Али, со своей конной сотней напал на казахов и угнал четыреста пятьдесят верблюдов и две тысячи баранов. Чтобы преградить ему путь, послали отряд. В бою наши потеряли троих убитых. Часть скота удалось отбить.

В этот момент прискакавший гонец сообщил:

— Джунаид идет на Кухну!

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Отряды Джунаид-хана начали наступление на Кухна-Ургенч. Джунаид-хан велел поставить ему юрту в Карахудже, в шестидесяти верстах к западу от Кухна-Ургенча, и отсюда отдавал своим главарям короткие и страшные приказы. Сжимая кольцо вокруг Кухна-Ургенча, он захватил Пурси, Кукчегул и другие города и кишлаки.

Палван, возглавивший оборону Кухна-Ургенча, объявил мобилизацию.

Были созданы новые отряды. А пока Палван счел нужным направить к Джунаиду парламентеров с письмом, в котором говорилось, что правительство Хорезмской народной советской республики не нарушило «Бирликнома», подписанного Джунаид-ханом, поэтому и вторая сторона — Джунаид-хан — не должна нарушать этот договор, чтобы сохранить спокойствие и мир в Хорезме.

Джунаид-хан встретил парламентеров грубо.

— Я подписал «Бирликнома» с Ата-махсумом. Он умер, покончено и с договором,— грозно заявил Джунаид.— С большевиками не буду мириться, иди и объяви об этом правительству!— Густые брови Джунаид-хана сошлись. Он не дал больше сказать парламентерам ни слова.— Пока не постигла вас собачья смерть — убирайтесь!

Выслушав парламентеров, Палван сказал со сдержанной силой:

— Мы хотели мира, а Джунаид-хан решил, что мы слабые. Теперь хорошенько встретим его.

Где бы ни появлялись басмачи, они учиняли зверскую расправу над коммунистами и комсомольцами.

Люди, отовсюду бежавшие в Кухна-Ургенч, рассказывали о диких зверствах басмачей. Охваченные чувством священной мести, они вливались в ряды добровольцев, рвались в бой.

На рассвете третьего дня Джунаид-хан окружил Кухна-Ургенч и тут же приказал начать штурм города. Опьяненные ненавистью басмачи взбирались на стены. Особенно сильным был их натиск на участке Ахмаджана Ибрагимова. Нукеры Джунаида, извиваясь, словно змеи, один за другим лезли вверх.

Джунаид-хан то и дело отдавал приказы. Но сколько он ни старался, его отряды не могли проникнуть в город.

Наступил вечер, перестрелка ослабла. Обе стороны начали готовиться к еще более жестокому бою.

Перед рассветом бойцы отряда Ахмаджана Ибрагимова вышли из города, не замеченные басмачами, притаились в высохшем зауре — широком дренажном канале — и ползком начали приближаться к противнику. Установив невдалеке от басмачей пулемет, они вдруг открыли по ним огонь.

Ибрагимов, подняв руку с маузером, крикнул:

— Вперед!

Бойцы бросились в атаку. Завязался штыковой бой. Нукеры отступили.

Основательно потрепав басмачей, отряд Ибрагимова вернулся в город.

... Джунаид-хан снова и снова штурмовал город. Красноармейцы мужественно оборонялись.

Поняв, что штурмом Кухна-Ургенч не взять, Джунаид-хан решил взять его измором. Он знал, что за этими крепостными стенами находятся многие тысячи беженцев, а запасы продовольствия в городе невелики. «Я заставлю сдохнуть от голода и жажды большавоев»,— сказал он своим

главарям. И действительно, в городе начался голод. Но на помощь защитникам Кухна-Ургенча спешили красные отряды.

В тот день, когда Джунаид повел басмачей на решительный и, как он считал, последний штурм города, ему вдруг сообщили, что со стороны Хивы скачут красноармейцы.

Среди басмачей началась паника, они бросились к своим коням и, вскочив на них, помчались кто куда.

* * *

Начало марта. Только что зацвел урюк. Порывистый, игривый ветерок ласкает лицо.

В эту пору, когда взволнованно бьются молодые сердца, когда девушки украшают свои косички первыми цветами, Палван и Якутай гуляли за городом. Вот они уселись на берегу анхора.

По-весеннему пели птицы, словно разговаривали о чем-то своем. Лучи солнца, как сквозь зеленое сито, лились сквозь едва прикрытые молоденькими листьями ветви деревьев, рассыпались на воде тысячами искр.

— Якутай, вы подумали?— спросил Палван, вплетая цветы урюка в ее косы.

Якутай безмолвно смотрела на золотистые воды анхора. Она была безмерно счастлива рядом с Палваном. Ей хотелось — нет, не сказать, крикнуть: «Палван-ага, я люблю только вас. Моя жизнь принадлежит вам, мое будущее в ваших руках». Но она молчала. Наверно, потому что людям, истинно любящим, свое чувство трудно выразить словами.

Палван внезапно прижал Якутай к груди и поцеловал в губы. От этого первого поцелуя Палвана лицо Якутай зарделось. Она хочет освободиться из сильных, горячих объятий Палвана, но куда там!

— Якутай...

— Пустите...

— Пока не скажете, не отпущу...— глаза Палвана рядом с ее глазами, его дыхание слилось с ее дыханием.

— Да,— едва слышно прошептала Якутай.

Тихо журчали золотистые воды анхора, пели птицы.

— В ближайшие дни устроим той.

— Нет, нет, надо подождать до летних каникул.

— Значит, летом, когда созреют фрукты, в пору изобилия... Так, Якутай?

— Так.

Одно это слово подарило Палвану невыразимое счастье. Он снова стал молод, снова почувствовал, как хороша жизнь.

— Палван-ага, пойдемте...

Проводив свою невесту до школы, Палван сразу же отправился в Пишканик, к матери.

— Анаджан, можете готовиться к тою,— сказал он и, как девочку, поднял Айшу своими сильными руками.— Якутай согласна.

— Да состаритесь вы вместе, да будут у вас сыновья и дочери, внуки и правнуки,— помолилась она за сына, затем спросила:— А когда будет ваш той, сынок?

— Летом, анаджан, летом, когда созреют фрукты, в пору изобилия.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Джунаид-хан насильно увел в пустыню явмутов, живших возле Кухна-Ургенча.

— Хан-ага, что же мы будем есть?— осмелился спросить его один старик.

— Никто из вас не умрет от голода,— злобно закричал Джунаид.

По приказу Джунаида его нукеры ограбили кишлаки и аулы вокруг крепости Пурси. Забрали весь хлеб, весь скот.

— Говорил же, что не умрете с голоду, вот пшеница, вот скот, берите,— сказал Джунаид-хан, обращаясь к тем, кого он угнал.

Для разгрома банды Джунаида правительство создало Чрезвычайную комиссию. Председателем ее был назначен Волошин, секретарем Абдулла Ходжаев, в се составе был и Палван.

Прибыв в Кухна-Ургенч, Чрезвычайная комиссия направила письмо Джунаиду с требованием отпустить по домам и аулам людей, насильно угнанных им в пустыню.

— Что там написано, читай,— приказал Джунаид-хан вошедшему в юрту мирзе.

Тот начал читать:

— «Джунаид-хан. Людей, приведенных вами в пустыню, следует отпустить в свои селения, чтобы они могли заниматься дехканством. Если не будет выращен урожай, в стране может наступить голод».

Брови Джунаида сошлись у переносицы, что было признаком закипавшей злобы.

Прочитав письмо, мирза сказал:

— Послы ждут ответа.

— Не будет ответа!— крикнул Джунаид.— Подать чилим!

— Хан-ага, пусть те, которые с оружием, останутся. Остальных надо отпустить, и в самом деле начнется голод,— посоветовал один из аксакалов.

Джунаид взглянул на Хан-ишана, желая знать его мнение.

— Не следует отвечать на письмо,— решительно произнес тот.

Джунаид приказал мирзе:

— Пойдите и скажите послам, чтобы они больше не смели сюда показываться. Пусть руководители сами сеют и сами поливают.

Обескураженные послы вернулись ни с чем.

— Он, видно, забыл, как его били. Надо напомнить. Попробуем написать в последний раз, посмотрим, что получится!— сказал председатель комиссии Волошин.

Абдулла Ходжаев вторично написал письмо и отправил его с теми же послами. Джунаид-хан, явно польщенный таким вниманием, в ответ на письмо Чрезвычайной комиссии продиктовал мирзе:

«Вы воюете со мной три года и ничего не добились. Я вас нисколько не боюсь. Когда бы вы ни пошли на меня, я готов к встрече. Если же не начнете вы, я сам пойду на вас. Джунаид-хан».

Отдавая письмо послам, он сказал:

— Вот это мое последнее слово, если вы еще раз придете с письмом, отрежу ваши головы!

Джунаид-хан и в самом деле не стал ждать, во главе своего пятитысячного войска начал наступление.

На обширной территории еще действовали мелкие басмаческие банды. Со многими из них он поддерживал связь. Некоторые басмачи в одежде милиционеров и красноармейцев творили грабежи, рыскали по аулам и кишлакам, а иные даже пробирались в отряды Красной Армии. Вот так, среди белого дня в Кунграте был убит басмачами начальник гарнизона Сергей Кавшин.

* * *

Поисками убийц Кавшина занялись ответственные работники Чека Атаджанов и Махмуд Свободин, прибывший в Кунграт из Хивы с отрядом бойцов.

В Кунграте они опросили многих жителей и красноармейцев, в отряд которых пробрались басмачи. Узнали имена тех, кто дезертировал из отряда. Чекисты отлично понимали, что басмачи были в отряде не под своими именами, так что напасть на их след нелегко.

В это время в Кунграте находилась Анаш-халфа. Атаджанов зашел к ней. Анаш давно его знала... Атаджанов недурно играл на дутаре, пел, был веселым йигитом. Увидев земляка-хивинца, Анаш обрадовалась:

— Заходите, будьте гостем.

В другое время Атаджанов не ушел бы из этого дома, не послушав песен Анаш, да и сам бы взял дутар. Но теперь...

— Вы, наверно, уже слышали, Анаш-апа, что убили Кавшина, мы ищем его убийц. Нам нужна ваша помощь.

— Хорошо, но что я могу сделать...

Атаджанов подробно объяснил, чем именно она должна помочь чекистам.

В эти дни Анаш пригласили на той, который устраивали в ауле, расположенном в двадцати — двадцати пяти верстах от Кунграта.

Среди гостей она заметила Раима-така в лохмотьях попрошайки-дивана. Он явно кого-то искал, время от времени поглядывая по сторонам. Анаш-апа понимала, зачем этот чекист пришел сюда.

Отложив в сторону гармонь, халфа принялась пить чай. И тут она ясно услышала, как рябой человек сказал стоявшему рядом приятелю:

— Худайберган, который бежал в пески, назад вернулся, ногу сломал, упал с лошади.

Они разговаривали очень тихо, и других слов разобрать Анаш не смогла. Вдруг рябой ударил по плечу своего дружка, потом подошел к Анаш и спросил у нее:

— Если мы позовем на той, придете?

Анаш ответила:

— А почему же нет, с радостью приду,— и спросила у него, в каком ауле будет той.

Потом она отозвала в сторону бубниста, который тоже был послан сюда Атаджановым, и шепнула ему:

— Скажите Раиму-така, чтобы он хорошенько пригляделся к этому человеку.

Вернувшись в Кунград, Анаш-апа рассказала обо всем виденном и слышанном.

Атаджанову удалось поймать Худайбергана. Удалось установить, что он записался в красный отряд под фамилией Сагаев и потом сбежал в день убийства Кавшина.

Атаджанов пытливо смотрел на Худайбергана своими проницательными глазами:

— Нам все известно, лучше сами расскажите, как это произошло.

— Абдулла-бала — сотник Джунаид-хана — обманул всех, записался в Красную Армию. Он стал давать мне и еще двум красноармейцам деньги. Потом-то мы узнали, что это деньги Джунаид-хана. Ну, однажды напоил он нас водкой и повел в дом командира Кавшина. Тот как раз крепко спал. Абдулла-бала сказал: «Убивший кяфура свят»— и выстрелил Кавшину в лоб. А потом, хоть он был уже мертв, Абдулла-бала пристал ко мне: «Стреляй, боишься, что ли?» Я не стал стрелять.

Тогда Абдулла-бала приставил наган к моему лбу. Ну, значит, и я выстрелил.

— Куда они бежали?

— В Сары-Камыш.

Чекисты начали искать. Оказывается, басмач Абдулла-бала, он же Абдулла Мустафаев, был недалеко. Когда чекисты приблизились, начал стрелять, ранил одного, остальные залегли. Свободин и Тура-Мурад, чтобы взять Абдулла-балу живым, поползли к нему с двух сторон, держа в зубах кинжалы.

Абдулла-бала стрелял то в Свободина, то в Тура-Мурада, пули свистели над их головами. Они приблизились к басмачу почти одновременно.

— Абдулла, выходи, бросай оружие!— закричал Свободин, взявшись за кинжал.

И в это время Тура-Мурад оглушил басмача, ударив по голове рукояткой нагана.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

— Разрешите мне поехать в сторону Кунграта и организовать там Союзы кушчи,— сказал Пирнафас-ака секретарю Центрального Комитета Шарафутдинову.

— В той стороне дороги опасные. Идут бои с Джунаидом...

— Опасные дороги, Джунаид, Тимур-Али... Если ждать, пока все успокоится, дела наши будут стоять. У туркмен и каракалпаков мало кишлачных и аульных Союзов кушчи.

— Подождите немного, к весне там поуспокоится.

— Прошли те времена, когда я боялся смерти, да и лет мне немало,— твердо стоял на своем Пирнафас-ака.

— Вы поговорите с Сабиром-ака...

— Если он разрешит, можно ехать?— спросил Пирнафас.

— Да.

Пирнафас-ака вошел в кабинет Сабира-ака и сказал:

— Сабир, дело теперь за тобой, разреши.

— В чем, собственно, дело?

— Разреши, я отправлюсь в Кунграт.

— В Кунграт?— удивленно переспросил тот.— Нет, нет, туда нельзя ехать, бои там идут, да и разбойники на дорогах, так что пока подождите. Вот получим письмо из Кухны, всего три-четыре дня, как его освободили от осады, а там видно будет.

— И в Кухну поеду, и в Ходжейли побуду, и в Кунграте среди каракалпаков Союз кушчи создам, иначе зачем председателем избрали меня?— начал горячиться Пирнафас.

Сколько ни уговаривал его Сабир-ака — не помогло, пришлось разрешить.

Взяв с собой Маткарима и дивана — служащего из правления Союза кушчи, Пирнафас двинулся в путь.

Прибыв в Илоли, они сразу же отправились к туркмену Сафаргалди — председателю городского Совета.

— Юлдаш, правда, что дороги в Ходжейли и в Кунграт опасны?— спросил диван.

— Басмаческих шаек много здесь орудует. Мадраим-бала — сотник Джунаида — задерживает дехкан на дорогах, грабит, убивает,— тихо ответил Сафаргалди.

— Уж не слуга ли это Матчон-туры, Мадраим Черный?— спросил Пирнафас-ака.

— Этот негодяй. На всякий случай я вам дам завтра милиционеров.

Сердце от рождения робкого дивана гулко застучало, и чай ему теперь показался горьким.

На следующий день Сафаргалди привел нескольких милиционеров, которые должны были проводить их до Ходжейли.

Пирнафас-ака и Маткарим взяли с собой ружья, а диван отказался от предложенной ему двустволки, сказав: «Я не умею стрелять». После того как он услышал о Мадраиме Черном, он не мог уснуть ночью, и теперь каждая тень казалась ему басмачом.

Под вечер Пирнафас-ака и его спутники остановились в одном ауле, недалеко от Ходжейли, в доме председателя Союза кушчи.

Когда в ауле узнали, что из Хивы приехал председатель Центрального Союза кушчи, в дом, где он остановился, один за другим стали приходить дехкане. У них было много вопросов к Пирнафасу-ака.

— У нас до сих пор не поделили земли беков между бедняками. Почему так?

— А кто же вам должен делить, вы теперь хозяева, делите сами. У вас же есть свой Союз кушчи.

— А от людей, которые получили земли туры, требуют, чтобы они платили за нее деньги, как если бы они взяли ее внаем.

— Кто требует?

— Эти туры, их родственники.

— Но ведь земли-то эти уже ваши. Они получены вами не внаем. Почему же вы должны платить за них этим обиралам? Ни маната не платите!

Пирнафас-ака решил, что нужно рассказать этим людям о правах членов Союза кушчи. Но только он начал, как где-то невдалеке раздался выстрел. Все сразу вскочили на ноги, схватили винтовки и выбежали во двор.

Пирнафас-ака, Маткарим, милиционеры вместе с жителями аула приготовились встретить басмачей, а перепуганный диван при первых выстрелах забрался в хлев, затаился там.

— Мадраим-бала пришел,— встревоженно говорили люди.

После того как были арестованы фальшивомонетчики, Мадраим Черный, страшась возмездия, бежал к Джунаиду. Сперва он собрал небольшую банду, затем, когда конных у него прибавилось, стал сотником. Теперь он пользовался у Джунаида еще большим доверием. Он поддерживал связь со своим бывшим хозяином Матчон-турой, получал от него деньги, продовольствие. Мадраим чувствовал себя здесь, в окрестностях Ходжейли, ханом и беком, творил все, что захочет.

До зубов вооруженные головорезы Мадраима со всех сторон окружили горстку защитников аула. Вот уже убит один из милиционеров. Пирнафас-ака, видя, что долго им здесь не продержаться, сказал Маткариму:

— Попробуй пробиться в Ходжейли.

— От вас никуда не уйду. Если умирать, то вместе с вами.

— Не тяни, езжай скорей. Расскажешь все Палвану. Если не встретимся больше, прощай.

Маткарим быстро вывел со двора коня, вскочил на него и помчался под жужжание пуль.

Басмачи наседали. Пирнафас-ака и жители аула вынуждены были отступить в большой двор и запереть ворота. Нукеры Мадраим-балы, окружив двор, дико кричали.

Прятавшийся в хлеву диван выскочил во двор и забился в стог сена, возле ворот.

Пирнафас-ака залез на крышу дома и оттуда стрелял в басмачей. И бывшие с ним жители аула вели себя мужественно, не давали басмачам приблизиться к дому. Но вот один из басмачей, оказавшийся ловчее других, проскочил к воротам и застучал в них со всей силой:

— Открой ворота, а не то спалим твой дом!

— Так тебе и открыли. Чем сдаваться вам в плен, лучше сгореть в огне,— сказал йигит-комсомолец.

— Открой, тебе говорю, открой, а не то с детьми зажарим.

Дивана, лежавшего в стоге сена, охватил ужас. Ему казалось, что сено вот-вот загорится, он уже видел себя в огне. «Если открою ворота, они не тронут меня, я сохраню себе жизнь». Подумав так, он вышел из своего укрытия и, дрожа, как лист, подошел к воротам. Отбросил щеколду и выскочил было наружу, то тут его сразила пуля, посланная из дома.

Басмачи успели ворваться во двор, перестрелка началась в самом доме.

— Взять их главного живым!— закричал Мадраимбала.

Басмачи вскарабкались на крышу. Двоих Пирнафасу-ака удалось сразить. Басмачи схватили его, скрутили руки за спину и потащили к Мадраим-бале.

— Пирнафас-ака! А я-то думал, что имею дело с Палваном. Хош, большавой, что ты поделываешь в этих местах?

Пирнафас-ака не отвечал.

«Хоть и не Палван он, но свекор его, один из больших большавоев, отвезу его как добычу в подарок хану-ага»,— подумал Мадраим.

— Привяжите его к дереву,— велел он своим людям.

... А между тем Маткарим, вырвавшись из аула, стрелой мчался в Ходжейли. Среди ночи он разбудил Палвана, рассказал ему обо всем. Через несколько минут конники Палвана уже мчались в аул.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Прискакав к аулу, захваченному Мадраим-балой, Палван и его бойцы спешились и, соблюдая величайшую осторожность, бесшумно подобрались к дому, в котором ночевали басмачи. Около ворот, держа в руках ружье, подремывая, сидел басмач. Подкравшись к часовому, один из бойцов набросился на него и, не дав ему даже вскрикнуть, заколол кинжалом.

Красноармейцы открыли ворота, вошли во двор. Кто-то из басмачей, заподозрив неладное, выстрелил. Те, кто спал, вскочили. В этот момент дверь в гостиную распахнулась.

— Руки вверх!— крикнул басмачам Палван.

Вслед за Палваном в комнату вбежали его бойцы, направили винтовки на басмачей. Мадраим Черный потянулся за наганом. Заметив это, Палван предупредил его:

— Не шевелись, застрелю.

Тогда Мадраим поднял вверх руки. Следом за ним подняли руки и остальные.

Милиционеры сняли винтовки с гвоздей, обезоружили басмачей.

— Мадраим, где Пирнафас-ака?— спросил Палван.

— ...

— Говори, сволочь!

— Возле веранды.

Басмачей загнали в сарай, заперли на замок и приставили стражу.

Палван спустился в сад. Темно, хоть глаз выколи. Он вернулся, взял маленькую коптилку и, прикрывая фитилек рукой, начал искать. И вдруг он увидел человека, привязанного к дереву.

— Пирнафас-ака!— закричал он.

Услышав знакомый голос, Пирнафас застонал:

— Палван, сынок...

Палван выхватил кинжал и перерезал веревку.

— Сын мой, Палван мой!— не веря глазам своим, шептал Пирнафас-ака.

Палван поднял его на руки и отнес в теплую комнату.

Только начало светать, Палван открыл дверь сарая и приказал:

— А ну, выходи по одному!

Басмачи, нагнув головы, начали выходить. Последним появился Мадраим Черный. Вид у него был потрепанный, жалкий.

... Когда Палван с бойцами вели по улицам Ходжейли Мадраим-балу и его головорезов, на улицы высыпал весь город. Люди с отвращением и гневом смотрели на убийц и грабителей. В толпе Палван заметил Хамзу. Подошел к нему, почтительно поздоровался.

— Вы избавили народ от злодеев,— сказал Хамза с чисто хорезмским напевным выговором.

— О, вы уже стали настоящим хорезмцем,— произнес приятно удивленный Палван.

В базарный день по всему Ходжейли разносятся голоса глашатаев:

— Эй, народ, не говорите, что не слышали, чтобы не сожалеть потом! Идите на базарную площадь!.. Идите на базарную площадь... Будут судить Мадраим-балу!.. Мадраим-балу...

Базарная площадь. В центре ее на кирпичной площадке на скамьях, называемых здесь «черными скамьями», сидят басмачи. За спинами их милиционеры. Напротив басмачей — Хамза. Он здесь народный обвинитель. Рядом с ним — приехавший из Хивы Бобо Матчанов, он — председатель суда.

— Подсудимый Мадраим Черный, признаете ли вы предъявленное вам обвинение?

— Признаю,— еле слышно отвечал тот.

— Почему вы ушли к басмачам?

— По темноте своей.

Люди на площади засмеялись.

— Вы были батраком Матчон-туры. Все батраки в вашем кишлаке получили землю. Почему вы не стали брать землю? Кто вынудил вас бежать к басмачам? Отвечайте!

Мадраим Черный молчит. Не знает, что сказать. Назвать туру?.. Нет, нет. На туру вся надежда, может, еще поможет, спасет в последний момент. Может, в город сейчас ворвутся люди Джунаида, может, сам Матчон-тура здесь. Взгляд Мадраима торопливо ищет его в многотысячной толпе.

— Почему вы убивали ни в чем не повинных людей?— спрашивает народный обвинитель Хамза Хаким-заде Ниязи.

— А разве в этой спешке разберешь, кто виноват? Что хан-ага приказывает, то и делаем,— нагло отвечает ему Мадраим и смотрит на Хамзу своими тусклыми глазами.

Услышав эти слова Мадраима, толпа на площади загудела. Раздались крики: «Гад!» «Палач!»

Преступлений на совести Мадраима и его подручных было столько, что если перечислить их все, то суд затянулся бы до вечера. Да басмачи и не отрицали свою вину, понимали, что это бесполезно.

Председатель суда предоставил слово народному обвинителю Хамзе.

— Братья, может показаться, что на этих черных скамьях сидят люди. Но люди ли они? Не черные ли ящерицы или пиявки, жаждущие крови? Верно говорит народная мудрость: если пожалеешь волка, он же и загрызет тебя. Чего можно ждать от этих басмачей? От этих грабителей и убийц? Они не ведают ни справедливости, ни жалости. Люди если не хотите дать уничтожить себя, будьте бдительны. Я говорю от вашего имени, от имени народа, который грабят и убивают такие вот палачи. Народ! Настанет день, когда на таких черных скамьях будут сидеть и Джунаид-хан, и Эшши, и Анна-бала, и Тимур-Али! Настанут дни, когда трудящиеся Хорезма заживут мирной и спокойной жизнью.

В заключение своей речи Хамза громко произнес:

— Смерть палачам!

Посоветовавшись, судьи огласили приговор. Его зачитал Бобо Матчанов.

Мадраим Черный был приговорен к расстрелу.

Приговор был приведен в исполнение на глазах народа, под крепостными стенами Ходжейли. «Собаке — собачья смерть!»— говорили, расходясь, люди.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Весть о том, что Палван женится на Якутай, дочери Абдулла-туры, облетела Хиву. Простые люди были довольны, говорили: «Хорошо, что они нашли друг друга, да состарятся они вместе, да будут у них дети». А те, которые еще вчера кичились своей знатностью и богатством, злобно ворчали: «Разве может карач стать мужем дочери туры, разве уйдет к низкому такая красавица! Эта Якут-бика лишилась ума!»

Теперь Палван часто виделся с Якутай. Они встречались в Тазабаге — бывшей усадьбе Ислама-Ходжи, куда переехала женская школа. Якутай работала теперь заведующей учебной частью, и, как всем учителям этой школы, ей предоставили хорошую комнату.

... Еще не кончился в школе последний урок, а Палван уже тут, в Тазабаге, у текущего в саду анхора, где ветви

плакучей ивы купают в воде свои косы. Палван и Якутай каждый раз встречаются на этом месте. Сейчас она появится вон на той дорожке, возле куста жасмина, и, увидев Палвана, побежит к нему.

Палван прислушивался к каждому шороху: не идет ли, и все же не заметил, как Якутай появилась. Сегодня она какая-то особенно светлая и радостная.

— Джан-ага, сорвите для меня вон ту фиалку,— попросила Якутай.

Палван подошел к прятавшемуся в траве цветку, наклонился над ним и замер в изумлении: на листке цветка в крохотном хрусталике росинки отражалось небо.

Погуляв, они прошли в дом. Якутай расстелила дастархан. Беря чай из нежных рук Якутай и глядя ей в глаза, Палван спросил:

— В будущую пятницу быть нашему тою, Якутай?

— Да.

— Наш той будет в этом прекрасном саду, среди цветов.

— Палван-ага, как вы пожелаете, так и будет.

Якутай взглянула в окно: «Кто-то идет сюда. Кажется, Салиджан-ака».

Палван тоже посмотрел в окно. Да, это Салиджан. Сердце Палвана сжалось от недоброго предчувствия. Он вскочил с места и бросился навстречу.

Когда они оба зашли в комнату, Якутай тревожно взглянула на Палвана.

— Военный назир посылает меня в Питнак.

— Зачем?— Голос Якутай дрогнул.

— Сагдулла-бала поднял мятеж, разгоняет Советы.

Якутай молча налила чай Салиджану.

— Палванбай скоро вернется,— успокаивал ее гость,— мы в Питнаке не задержимся. Покончим с басмачами — и домой.

«Снова отдаляется мое счастье. Палван-ага, когда же вы теперь вернетесь?»— говорил взгляд Якутай.

И вот пришла та самая пятница, которую они с Палваном теперь так ждали. Уже и люди готовились к их тою, и Шерози предупредил своих друзей-музыкантов. А ждавший этого дня Палван уже дважды побелил свою комнату, в которую впервые должна войти Якутай. И вот вдруг все отодвигается. Палван должен уехать из Хивы. Снова не спит Якутай ночами, волнуется за него.

В эту пятницу Якутай поднялась чуть свет. Вместе с Назирой, одной из своих учениц, она направилась в Пишканик навестить Айшу-хола.

Еще только алела заря и рассеивался туман. Дорога была безлюдна.

— Якутай-апа, мне тоже хочется быть учительницей,— доверчиво говорила девочка.

— Очень хорошо решила, народ наш уважает учителей. Почти все наши сестры неграмотны. Их надо учить.

— Я буду преподавать в нашей школе, где работаете вы.

Якутай улыбнулась.

— Сестричка, к тому времени в Хорезме будет много школ. В каждом кишлаке — школа. Все девочки будут учиться. Они не будут знать ни паранджи, ни оскорблений. Да, такие дни настанут. И скоро. Ты увидишь их своими глазами.

Дорога тянулась вдоль анхора. А по другую сторону стеной стояла высокая, в рост человека, джугара. Якутай дышала полной грудью. Как хорошо здесь, как тихо. И все здесь словно живое: и мокрые от росы кусты тала на берегу анхора, и это молочно-белое туманное поле, и сама эта дорога в Пишканик, укрытая мягким слоем серебрящейся лессовой пыли. Так неслышно идут они по ней... Но что это? Якутай услышала, как в тишину грубо впечатываются чьи-то тяжелые шаги. Она остановилась и вдруг увидела выскочившего из-за кустов человека. Ударом по голове он сбил девочку с ног и замахнулся кинжалом на Якутай.

— Продавшаяся кяфурам, вот тебе!— с этими словами он вонзил кинжал в ее грудь.

Вскрикнув, Якутай упала.

Убийца постоял на дороге, вглядываясь в ее лицо. Потом вывел из зарослей джугары коня, вскочил на него и, огрев плеткой, умчался.

Якутай на мгновение открыла глаза и, застонав, закрыла их снова.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рассветало, и все заметнее поблескивали серебром мокрые от росы кусты прибрежного тала. Тихо и отрешенно звучала вода в анхоре. А за дорогой, покрытой легкой лёссовой пылью, за молочно-белым туманным полем, еще дышавшим ночным покоем, обхватывала край неба яркая, как пламя, июльская заря. С каждым мгновением она разгоралась, ширилась. И вот уже птицы, со щебетом вылетев из своих гнезд, ликуя, встретили благодатное утро. Поднявшиеся спозаранок дехкане, закинув за плечи кетмени и заступы, потянулись полевыми тропинками к своим бахчам, садам и огородам.

Вставало ослепительное солнце. Потоки его ярких лучей, затопив поле, хлынули на дорогу, обняли, овеяли теплом Назиру. Утренний ветерок коснулся ее лица. Девушка открыла глаза, огляделась. Увидела лежащую рядом в дорожной пыли свою учительницу Якутай. Пошатываясь, с трудом поднялась. Подошла к Якутай и чуть снова не потеряла сознание: из груди учительницы, блестя на солнце, сочилась кровь. Дрожащими руками Назира развязала у подбородка свой кисейный платок, сняла его с головы и, свернув вчетверо, приложила к кровоточащей ране, затем поднялась на взгорье и закричала срывающимся голосом: «Вайдод! Вайдод! Люди, помогите!»

Дехкане, работавшие на своих участках, устремились на крик. Прибежав и сбившись в безмолвную толпу, они с ужасом глядели на окровавленную, лежащую в пыли женщину. Наконец один из них опомнился:

— А может, жива она?

Кто-то, сняв халат, накрыл им Якутай, другой побежал за водой. Старый дехканин, с опаской взяв ее руку, облегченно вздохнул: «Жива!» И тут раздался звон бубенчиков. Это катил фаэтон министра просвещения. Вот фаэтон, запряженный двумя лошадьми, подъехал к толпе. Из него вышел министр, склонился над женщиной.

— Да это же учительница Якутай! Поворачивай, повезем в больницу,— сказал министр, взглянув на кучера.

Раненую осторожно подняли и уложили в фаэтон. Седобородый министр и школьница Назира с двух сторон поддерживали Якутай. Она так и не открыла глаз, лицо ее было безжизненным.

Испуганно рванулись кони. Через Тазабагские ворота фаэтон влетел в город. Шарахались в сторону сторожа, подметавшие пустынные улицы, посылали проклятия вслед ошалевшему вознице. Недалеко от Кушадарбаза — двойных ворот с башенками под голубыми куполами — фаэтон остановился.

Одноэтажное здание больницы утопало в зелени сада. Калитку им открыл хромоногий старик, бывший здесь садовником и сторожем. Показывая дорогу, он помог перенести Якутай в приемную.

— Оляхон! Оляхон!— начал он звать медсестру, заковыляв по больничному коридору, в конце которого за стеклянной дверью была летняя открытая веранда — айван.

В одной из палат на рассвете задремала медсестра Оля, и сейчас, услышав какой-то шум, она вскочила с кровати и побежала в приемную, натягивая на ходу халат и пряча волосы под косынку. Увидев на кушетке безжизненное тело Якутай, кинулась в операционную, бросив на ходу:

— Ата, быстрее зовите доктора Машкова!

Шум и суета привели Якутай в сознание. Она медленно открыла глаза, и ее взору предстали светлый квадрат окна, нависший потолок, белоснежная салфетка на тумбочке, термометры, торчащие из стакана. И тут же тяжелые веки стали слипаться, и последнее, что увидела Якутай,— темный от крови платок, тяжелым камнем давивший ей на грудь.

Когда пришел доктор, Оля уже успела все приготовить в операционной. Втроем со сторожем они перенесли Якутай, положили ее на стол, и Машков стал мыть руки.

Эта больница, единственная не только в Хиве, но и во всей Хорезмской республике, была построена в 1911 году главным визирем Ислам-Ходжой. Знаменитый хивинский зодчий Хударкан Мухркам воздвиг это полное света, похожее на дворец здание, облицованное разноцветными глазурованными кирпичами. Больницу построили, но еще долгое время народ не ходил сюда лечиться.

Но проходило время, и народ привыкал к русским врачам. Их было двое: Машков и Мацкевич. Волей-неволей они стали здесь врачами-универсалами.

Тимофея Осиповича Машкова судьба давно забросила в эти края. Приехал он сюда молодым, думал — ненадолго, а потом привык к здешней жизни, привязался к людям, знал все их горести и беды, видел, что нужен им, да так и остался в Хиве. Жил он при больнице в маленьком домике в саду. В те дни, когда больных было меньше обычного, ходил по городу, навещая своих пациентов, интересовался здоровьем их домочадцев, осматривал взрослых, детей и в беседе за пиалушкой зеленого чая объяснял, как уберечь себя от болезней. Все жители Хивы почтительно здоровались с ним при встрече, да и он узнавал старых знакомых, которые хотя бы однажды с чем-то обращались к нему.

Намыливая руки, Машков искоса взглянул на бледное лицо Якутай со слегка заострившимся носом и подумал, что совсем недавно это было красивое, полное жизни лицо молодой женщины. Кажется, он однажды видел ее, да, видел, и даже помнит где — возле Джума-мечети. Конечно, она. В Хиве не так-то часто увидишь женщину без паранджи.

Враг нанес удар в сердце, и, видимо, только какое-то неуловимое защитное движение спасло Якутай от мгновенной смерти. Удар пришелся чуть ниже ключицы, оставив небольшую рану, вокруг которой запеклась кровь. Каждое прикосновение причиняло Якутай страдания, ресницы ее начинали мелко дрожать, а из груди вырывался стон.

Обработав тщательно рану, Машков сделал все необходимое.

Между тем не терял времени и назир — министр. Он поднял на ноги милицию и Чека. Конные милиционеры уже скакали в сторону Тазабага, а люди из Чека настойчиво расспрашивали дехкан, кого они видели с вечера на Пишканикской дороге.

* * *

Близилась ночь, когда отряд Палвана, так и не обнаружив даже следа басмачей, повернул в сторону Питнака. Бойцы вконец устали, да и кони то и дело спотыкались, с трудом шагали по старой караванной тропе.

«До Питнака еще далеко, час поздний, надо дать передохнуть людям и коням. Ночевать будем тут»,— решил Палван, завидев темный силуэт одиноко стоящего в пустыне постоялого двора.

Подъехали ближе.

Этот хорошо знакомый Палвану постоялый двор был не очень велик, но, как и все неведомо когда возникшие на караванных тропах гостиницы пустыни, казался крепостью.

вросшей в песок. Между полутораметровыми в основании глиняными стенами и фундаментом — толстый слой спрессованных вязанок камыша, десятилетия, а может, и века предохраняющий эти стены от сырости. Грубые, тяжелые ворота из карагача. Возле них глубокий колодец — единственный на десятки верст источник жизни, начало и первооснова всего сущего здесь. Его водой замешивали глину, когда строили бекат. И старые карагачи, росшие около него, пока они не углубили корни в землю, поливали водой из этого колодца.

Палван не раз находил здесь приют еще в те времена, когда глашатаи объявляли во всех концах ханства, сколько золота получит принесший его голову.

Спустя некоторое время ворота чуть приоткрылись, и не спеша вышел седобородый высокий старик. Палван поздоровался с ним, почтительно приложив руку к груди. Старик шагнул вперед, стараясь рассмотреть в сумерках, кто к нему пожаловал.

— Палванбай, сынок, ты ли это?

Они обнялись.

Хозяин открыл ворота и пропустил красноармейцев, ведших в поводу коней.

Путники, останавливающиеся здесь, сами готовят себе еду и чай. Переночевав, дав отдохнуть своим верблюдам и лошадям, на рассвете отправляются в путь: кто в сторону Хивы и Ургенча, кто в Чарджоу и дальше — в Мары, Ашхабад или Ташкент.

Приходили люди, уходили люди, знакомые и незнакомые, храни их аллах в пути, а последнее время басмаческие шайки Агаджана-ишана, Сагдуллы-бала, Шакира-бала вконец разорили его: перестали тут проходить караваны, останавливаться путники. Старик отвез семью в Питнак, а сам вернулся в пустыню, сторожить свой бекат. Но басмачи не оставили его в покое, вели себя как хозяева. Не обращая никакого внимания на его слова: «Акалар — братья, я закрыл свой бекат», они кричали:

— Оборванец, принеси чай!

— Несчастный, напои коня!

Напившись чаю, обобрав хозяина до последнего и не заплатив даже мелкой монетки, да еще обругав, исчезали.

И вот теперь старик воспрянул духом: аллах услышал его молитвы, прислал на помощь батыра Палвана с молодыми аскерами. «Разбегутся теперь басмачи, воцарится мир и покой, снова откроется караванный путь»,— радуясь, думал Рузмат-ата.

А тем временем йигиты Палвана завели лошадей в конюшню, привязали к коновязи и, войдя в михманхану — комнату для гостей, почти все тут же распростерлись на полу. У них не было сил даже для чаепития.

Палван обошел постоялый двор, вглядываясь в темнеющую даль и по привычке прислушиваясь к пустыне.

— Через два часа сменю, гляди в оба,— сказал он часовому у ворот.

— Аджаб — будет исполнено, Палван-ага,— ответил красноармеец.

Палван закрыл ворота, а часовой не заметил, как кто-то шевельнулся в арыке, начал отползать. Время тянулось медленно. Часового клонило ко сну, и, как он ни напрягался, пытаясь бодрствовать, ему это все-таки не удалось. И, словно ждали этого, вдали замелькали всадники. Вот, соскочив с коней, пригнувшись, стали ползти по сухому арыку, окружили постоялый двор. Один с кинжалом в руке тихо подкрался к часовому, но внезапно наткнулся на старое ведро. Часовой вздрогнул и, не успев ничего понять, выстрелил, и тут же в горло ему вонзился кинжал. Красноармейцы, разбуженные выстрелом, выбежали и начали стрелять по тем, кто снаружи пытался открыть ворота. Басмачи отскочили в сторону и в свою очередь открыли огонь. Послышались стоны. Несколько йигитов вместе с Палваном залезли на крышу и оттуда начали обстреливать врагов.

Сагдулла-бала, стоявший возле колодца, заорал во все горло:

— Палван, бросай оружие, сохраню жизнь!

В ответ на это Палван выстрелил в его сторону.

— Сдавайся, а не то сдохнешь!— раздался гнусавый голос Шакира-бала. Тут же мимо его ушей прожужжала пуля Палвана.

Басмачи приволокли лестницу, но забраться на крышу им не удавалось.

Не ожидавший встретить такое сопротивление, Сагдулла-бала рассвирепел.

— Сжечь их живьем!— приказал он своим головорезам.

Все, что ни попадало под руки — ветви саксаула, кукурузные снопы, вязанки таловых прутьев, басмачи тащили к воротам, сваливали в кучу и затем, забросав ее охапками соломы, подожгли.

Языки пламени рванулись к небу. Загорелись ворота. Едкий дым и чад наполнили комнаты. Стало трудно дышать.

Палван знал, что сейчас главное не дать басмачам двинуться с места. Надо стрелять как можно чаще. Пусть думают, что все, кто находился в доме, залезли на крышу.

Между тем красноармейцы, собравшиеся на айване, действовали отчаянно. Открыв летнюю дверь, они бросились к арыку и уничтожили в коротком кинжальном бою залегших там басмачей.

Высушенные годами балки жутко трещали.

В это время одна за другой с грохотом начали рушиться раскаленные потолочные балки.

Проклятия, стоны раненых, град пуль, зловещие отсветы горящего дома.

* * *

Когда к вечеру Якутай пришла в себя, около нее сидели врач и медицинская сестра Ольга. Якутай приоткрыла глаза, чуть приподняла голову и, словно опьяненная ярким закатным светом, снова впала в забытье. Так продолжалось несколько раз, пока она очнулась и беззвучно, одними губами попросила пить.

Три дня к Якутай никого не пускали. Наконец врач сказал, что самым близким можно на несколько минут войти к ней в палату.

— Якут-апа, уж три дня тут, в саду, и мои родители и все ваши друзья,— заговорила Султан-пашша.

— Рахмат им,— тихо произнесла Якутай.

Она глядела на высокую стройную Султан-пашшу, дочь Сабира-ака, и в голубизне утреннего света вдруг почудилось ей, что рядом с Султан-пашшой стоит Бекджан — брат Палвана, но тут же они расступились, исчезли, и Якутай увидела Палвана и себя в тишине и спокойствии летнего дня, в саду Тазабага. Видение это промелькнуло стремительно. Якутай повернула голову и заметила цветы на тумбочке. В глазах ее сверкнули слезы.

— Якутай, успокойтесь. Рана ваша заживет, операция прошла удачно,— сказала сидевшая рядом Ольга.

К вечеру пришла мать Палвана, Айша-хола, покормила Якутай.

— Баходир здоров?— тихо спросила Якутай.

— Да что ему, доченька, бегает вприпрыжку.

— Соскучилась я по нему. Если позволят, приведите,— сказала Якутай, и тень улыбки скользнула по ее усталому, измученному лицу. Ресницы Якутай смежились. Но через несколько минут, прошептав: «Палван-ага, Палван-ага», она

очнулась.— Анаджаи, я видела плохой сон. Почему ко мие ие приходит Палван-ага?

— Придет, придет, дочеиька. Боец он. Сегодия в горах, завтра в степях. Как узиает, что с тобой, иа крыльях прилетит.

* * *

О том, что ранили Якутай, узиали и ее сестры. Гульчехра и младшая Мавжуда отправились в больницу. По дороге купили на базаре виноград, гранаты, хурму. Когда они вошли в палату, Якутай спала. Лицо ее казалось безжизиенным. Гульчехра положила узелок с фруктами на тумбочку и села на табуретку, а младшая стояла рядом, то и дело утирая слезы.

Вот Якутай открыла глаза.

— Пусть покарает аллах человека, который ударил вас кинжалом,— сказала, плача, Гульчехра. А Мавжуда молча подошла и погладила бледные руки сестры.

— Апа-биби, что вам принести?

— Ничего ие надо, все у меня есть.

— Завтра придет мама...

Якутай, услышав, что придет мачеха, задумалась. Вспомнился ей тот день, когда она, окончив учебу в Ташкенте, прибыла в Хиву. С подарками для мачехи и сестер явилась в родной дом, а они встретили ее почти враждебно.

Якутай взглянула иа своих сестер и тихо сказала:

— Не иадо.

— Мать просит прощеиия за то, что обидела вас.

— Да я уж давио забыла...

— Отец в каждом письме спрашивает про вас. Они мучаются из-за того, что плохо отиосились к вам.

— В жизии все бывает, сестрички. Поживете — узнаете. Главиое, глядите, какое время настало! До каких пор будете ходить во тьме паранджи?

— Сбросим паранджу, так и нас...

— Не бойтесь, милые. Вам суждена счастливая жизнь.

* * *

Наступило утро. Из-за горизоита выкатилось солнце. Постоялый двор все еще горел.

Теперь Сагдулла-бала, зная, что патроны у красноармейцев на исходе,— не случайно же они редко отвечали иа выстрелы его йигитов,— решил зря не рисковать: «Подождем, спешить некуда, колодец-то в наших руках. Пусть

большавои обалдсют на солнце, тогда их голыми руками возьмем».

Палван, глядя на свой поредевший отряд, думал, что предпринять. Вырваться днем из окружения невозможно, а пока стемнеет, люди совсем лишатся сил. Нужна вода, спасительная тень карагачей. Выход один: отбить у басмачей колодец... Любой ценой!

Бойцы Палвана рванулись вперед и вдруг заметили всадников, приближающихся со стороны Питнака.

— Красные!— завопил кто-то.

Басмачи бросились к своим коням. Первым ускакал Сагдулла-бала.

* * *

— Позовите мне Назиру,— попросил здоровенный, широкоплечий йигит, придя в женскую школу.

— А вы кто будете?— спросила дежурная ученица.

— Брат ее, Матёз.

— Назира ушла в больницу.

— Она что, заболела?

— Да нет, пошла к нашей учительнице Якутай. Какой-то разбойник ударил ее кинжалом и скрылся. От верной смерти чудом спаслась и ваша сестра.

Матёз, батрак Аллакулибая, был вечно в хозяйственных заботах: кормил, чистил лошадей хозяина, колол дрова, подметал двор.

Как только Матёз вернулся, появился и хозяин.

— Видел сестру, поговорил?— непривычно ласково спросил Аллакулибай, отирая платком пот, струившийся с толстой шеи.

— Нет,— коротко ответил Матёз.

— Почему же, не показали, что ли?

— Кто-то ранил кинжалом учительницу Якутай, и Назира с ней была, едва спаслась от смерти.

— Да... однажды, как эту Якутай-бику, найдет кинжал и твою сестру,— такой будет участь каждой, кто присоединится к кяфурам. Назира не оценила нашей доброты. Послушавшись Якут-бики, бежала из нашего дома, бесстыдница. И тебя опозорила. Отец твой взамен долга отдал мне и тебя и сестру. Отца твоего похоронил, сколько мне это стоило.

— Бай-ата, все знаю, рахмат. Если бы не вы, не пришел бы и омывальщик трупов, не нашелся бы даже саван,— сказал Матёз, не поднимая головы.

— Сестра твоя все забыла. Ушла, неблагодарная. Придет день, бог накажет и ее. Эти новые школы урус придумал. Девушки в них отрекаются от религии, вступают на путь разврата. Матёз, снова иди к ней, упроси домой вернуться. Сделаешь так, я сам женю тебя. Вон те две комнаты с айваном отдам тебе. Ведь ты мне как сын, а Назира как дочь. Завтра же иди к ней, поговори хорошенько. А с твоими делами управится Нурмат-кура. Пойди позови сюда этого безбородого.

Матёз думал всю ночь. Был доволен тем, что жива осталась сестра. Могло случиться и худшее. «Бай-ата верно говорит. Надо забрать Назиру из этой школы. Сколько их, сбросивших паранджу, попало в сети шайтана. Позор мне, что она ходит с открытым лицом. Чем такое видеть, лучше умереть».

На следующий день Матёз пришел в женскую школу и вызвал сестру.

Прежде сестра его ходила чуть ли не в лохмотьях, босая, теперь же на ней новое ситцевое платье, ботинки новые. Совсем другой стала. Словно бы не сирота-батрачка, а дочь богатого человека.

Брат и сестра сели на скамейку в саду.

— Сестра, одета ты хорошо, прямо как невеста, но...

— Что «но»...

— А то, что боюсь я, как бы и тебя не постигла участь муаллимы — учительницы. Того гляди, убьют тебя. Лучше уйди отсюда, будем жить в покое, не белый хлеб, так кукурузный, не ситцевое платье, так бязевое, но зато спокойнее. Пойдем, сестра!

— Ага, туда я больше не вернусь.

— Почему, сестра?

— Видеть не хочется бая, злобного, как Азраил. Жена его и того хуже. Сколько раз избивала она меня. А крики, ругань их дочерей? Что ни слово — «рабыня», «грязнуля», «лохматая», «зараза», «дочь нищего»... Разве вы не знаете об этом! А тут живешь — радуешься. И учеба, и подруги, и одевают, и кормят — все, как душа желает.

— Неужто, сестра, ты продалась за хорошую одежду, за сытную еду?

— Ага, почему вы так говорите? Я как птица, вырвавшаяся из клетки.

— Тут ты откажешься от религии, присоединишься к кяфурам. Мне уже и на людей глядеть стыдно: «Смотри, говорят, сестра твоя ходит без паранджи, забыла приличия!» На позор ты обрекла меня. Что же это такое? Бай-ата

пообещал, теперь никто тебя не будет ни ругать, ни бить. Ослепнуть нам, если мы ответим на добро злом, забудем, что сделал для нас с тобой бай-ата. Ведь он до сих пор давал нам хлеб-соль, одевал. Наш отец пожертвовал тебя баю. Потому и имя твое Назира — жертва. Знаешь же, что отца похоронил Аллакулибай. Пойдем, пусть возрадуются души наших усопших родителей. Я обещал баю-ата привести тебя, а ведь йигит не изменяет своему слову.

— Никуда я не пойду. Школа стала мне домом, а учителя — родителями. И вы, ага, поступайте в школу, ну хоть в армию запишитесь. Палван-батыр...

Кровь прилила к лицу Матёза. В глазах сверкнул гнев.

— Не говори мне про него. Он любовник Якут-бики,— повторил Матёз слова Аллакулибая. Сейчас он был уверен, что именно Палван и Якут-бика сбили с пути истинного его сестру, толкают ее в пропасть.

Матёз поднялся со скамейки.

— Назира, не тяни, пойдем!

— Нет,— решительно ответила сестра.

— Гляди же, плохо все это кончится для тебя.

* * *

... Прошло уже немало дней, но, сколько ни старались работники Чека и милиции найти совершившего нападение на Якутай, не могли. Сначала подозрение пало на бывшего ее мужа Матчон-туру, но домочадцы его сказали: «Тура уже давно занимается заготовкой шерсти в Кухна-Ургенче, уже месяц, как уехал из Хивы». Точно так же ответили в Назирате торговли, где работал Матчон-тура. Задержали несколько жителей Пишканика и хивинцев, но отпустили, после того как выяснилась их непричастность к преступлению.

Преступление оставалось нераскрытым. Расстроенный этим, Бекджан, брат Палвана, явился к председателю Чека Бобо Матчанову.

— Бекджанбай, пойми, нет никаких следов и ни одного свидетеля. Дело сложное, но мы постараемся... Твой Палван-ага вернулся из Питнака?

— Нет, наверно, скоро приедет

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прочитав письмо брата, Палван отправился в путь. Горяча буланого коня, мчался, не останавливаясь на маленьких постоялых дворах. «Лишь бы Якутай осталась жива.

Скорее в Хиву... Скорей! Скорей!..» Трехдневную дорогу Палван одолел за сутки.

И вот он в больнице. В белом халате проследовал в палату Якутай. Наклонился над кроватью, тихо произнес:

— Якутай!

Она только что забылась легким сном. Перед глазами медленно проплывали картины коротких встреч с Палваном, после которых всегда оставалось невысказанным что-то очень-очень важное. И сейчас ей снился солнечный весенний день. Они с Палваном вдвоем в большом саду. Все цветет, и белый цвет вишневых деревьев переплетается с нежно-розовым персиковых. Якутай протягивает руки к Палвану: «Ага, послушайте, что я вам скажу...»

Заскрипела дверь, и вдруг все исчезло.

— Якутай!

Этот голос она узнала бы из тысячи и все же не могла поверить. Медленно открыла глаза. Увидев Палвана, просияла, улыбнулась сквозь слезы.

Палван придвинул табурет, сел, взял бледную, легкую руку Якутай, тихо погладил.

— Джан моя, Якутай! Да будет черной судьба того, кто вверг вас в беду.

— Ага, я ждала вас каждый день, прислушивалась к малейшему шороху, боялась, что умру, не увидев вас.

— Не говорите о смерти, Якутай. Пусть умирают плохие.

— Я счастлива, что вижу вас.

— Вы спаслись от смерти,— значит, век ваш будет долгим.

* * *

Когда Якутай уже чувствовала себя лучше, Палван спросил у нее:

— Вы не запомнили, кто ударил вас кинжалом?

— Нет, он был в маске.

— А как одет?

— Тоже не помню.

— И ничего не сказал?

Якутай задумалась, вспоминая.

— Сказал: «Ха, попалась мне в руки. Продавшаяся кяфурам, вот тебе!»

— А голос у него не был похож на голос туры?

— Испугалась я тогда... Не знаю... Да ведь он в жизни не брал в руки нож, боялся зарезать даже курицу. Он не способен на такое.

— Якутай! Сколько лет прошло с тех пор, как вы ушли из его дома! Сколько воды утекло, сколько талов свалено! Вы же знаете, что у туры отняли все земли, все богатство. Лишиться богатства — лишиться жизни, говорят. Тура в первые же дни революции присоединился к Джунаид-хану. Тот, кто водится с палачом, и сам возьмет в руки кинжал, станет убивать людей. Тура — враг, а вот попал под общую амнистию. Может, увидев, что вы ходите без паранджи...

— Как знать...

— Атаджанов говорит, что недалеко от места преступления нашли пластку с узорной рукояткою. Не иначе — богача. Если раздобыть ее, будет за что зацепиться.

* * *

Якутай сидела у окна, поджидая Палвана. Каждый день он приходил к ней в больницу...

Дни... не мало их промелькнуло с тех пор, как она оказалась здесь. Вот уж и осень подступает. Словно лошади на скачках, мчатся дни друг за другом. Это только кажется, что жизнь долгая и время медленно течет.

Якутай поправлялась, рана, хотя и медленно, заживала. Врачи разрешили ей вставать, потом — понемногу ходить по палате, а теперь вот даже гулять в саду.

Сегодня ждала Палвана, а тут еще радость: с Баходиром в больницу пришла Айша. Якутай медленно, неуверенной походкой вышла встретить их в больничный сад.

— Доченька, зачем ходите? Ложитесь скорее,— испуганно сказала Айша.

— Надоело лежать, доктор разрешил мне выходить в сад.

Баходир бросился к Якутай, обнял ее. Увидев это, Айша рассердилась, потянула его за руку:

— Эй, сорванец, не виси, апа-бий больна. У нее может заболеть рана.

— Анаджан, я уже выздоравливаю,— сказала Якутай, целуя Баходира.

— Ого, сегодня праздник у нас,— раздался голос Палвана. Погладив по курчавой головке Баходира, Палван взглянул на Якутай:— Гуляете без разрешения врача, не станет ли вам хуже?

— Вон доктор,— показала Якутай на выходившего из больницы доктора Машкова.

Тимофей Осипович не сразу заметил Якутай и ее друзей. Он медленно шагал, глядя, как цветут розы. Он любил этот час, когда светло, но дневной свет уже на исходе.

Палван подошел к доктору, поздоровался.

— Доктор-ага, когда выпишите Якутай?

Тимофей Осипович задумался. Перед глазами всплыло то тревожное утро, когда привезли Якутай. Он и сам мало верил, что, потеряв столько крови, молодая женщина выживет. Да, молодость — верный помощник врача. К тому же больная — незаурядная личность, в смелости и воле ей не откажешь. Любит и любима. Ну что ж, пусть будут счастливы. А дела-то у нас не плохие, выздоравливает, голубушка. И тем не менее рана Якутай все еще беспокоила его. Конечно, торопиться с выпиской нельзя.

— Будем лечить еще недели две,— сказал Тимофей Осипович и посмотрел на Якутай.— На сегодня хватит, а то еще простудитесь. Идите в палату.

— Если бы не этот наш доктор, да будет долгой его жизнь, не было бы меня давно.

Палван промолчал. Поддерживая Якутай, зашел в палату.

— Да, слышали, Матякуб-чека нашел плетку. Не приходил он к вам?

— Приходил. Показал плетку, узнала сразу. Туры плетка. Наверно, одолжил лошадь с плеткой кому-нибудь...

— Раз Матякуб-чека взялся за дело, то разберется. Сегодня плетку нашел, завтра — за руку схватит. Тура, видно, растерявшись, даже забыл подобрать плетку.

— Я ведь ничего плохого не сделала туре, да и сам он вроде бы человек тихий, на такое не способен.

— Подождем, что скажет Матякуб-чека, вернувшись из Кухна-Ургенча.

В глазах Якутай мелькнула тень. Палван пожалел, что начал этот разговор. Поспешно стал рассказывать Якутай разные городские новости, а потом заговорил о Пишканике, вспомнил их первую встречу. Голос Палвана становился все нежнее, тише. Они сидели у окна, и в саду, окутанном сумраком, тускнели розы, и странная полуулыбка блуждала на губах Якутай.

* * *

На следующий день — была пятница — Палван отправился на дынный базар. В Хиве базарные дни — среда и пятница. Пятничный базар считается большим.

Для того чтобы попасть туда, надо пройти через несколько базаров.

Сначала Палван оказался на клеверном базаре и всей грудью жадно вдохнул запахи осенней земли. Здесь по сторонам большой дороги продают снопами высушенный и свежий клевер, с арб и в мешках продают джугару, вязанки стеблей джугары и другой корм для скота.

За клеверным — рыбный базар. Тут жарили в казанах сомов и сазанов. Хорезмийцы искусно поджаривают рыбу: нарезают ее тонкими, точно бумага, ломтиками, затем бросают в казан с кипящим маслом. Румяные ломтики до того вкусны, что, не отведав, не пройдешь мимо. Палван купил полфунта ломтиков сома и с удовольствием съел вместе с большой тонкой хорезмской лепешкой.

Вот он прошел через пшеничный базар. И тут полно народу. Возле возов и арб, в чапанах и высоких чугурмах — папахах, горожане и дехкане из всех кишлаков Хорезма. Огромные мешки, наполненные золотистым зерном, выстроились в ряд. Тут и белая, словно хлопок, пшеничная мука, а рядом продают муку из джугары, кукурузную муку, ячменную... Чуть поодаль все сорта кораллово-белого риса — покупай, сколько хочешь! Все тут есть! Если деньги у тебя водятся, то все твое.

Палван радовался, видя горы зерна и множество всяких товаров. Правда, пока еще все дороговато, но жизнь налаживается. Совсем недавно наступил в Хорезме мир, а какие щедрые уже принес плоды! О мой трудолюбивый народ! Увы, большая часть этого богатства принадлежит баям, купцам, перекупщикам, владельцам базаров, ростовщикам. Вот в большой мануфактурной лавке, склонив толстую бычью шею, попивая зеленый чаек, сидит Аллакулибай. В другой лавке бойко продаются товары Ялманбая.

Когда Палван проходил мимо лавки Ялманбая, один дервиш подошел к баю и, исполняя ритуал заклинанья против сглаза, повертел вокруг его головы медной чашей с дымящимися пахучими травами и нараспев прочитал молитву. Затем, поставив на землю чашу, начал массажировать худые плечи Ялманбая. Это, должно быть, понравилось баю, он кивнул головой: продолжай, мол.

Палван скользнул взглядом по торговым рядам и, обмениваясь приветствиями со знакомыми, которых было немало, прошествовал дальше на дынный базар, находившийся вблизи Хазараспских ворот.

Был жаркий безветренный полдень. От недавно съеденной рыбы Палвана начала мучить жажда. Вдруг перед ним

возник такой же могучий, как он сам, йигит-водонос с бурдюком.

— Ледяная вода, вода жизни, пейте, услаждайте душу! — кричал он.

Палван остановил водоноса. Тот вытащил из мешочка пиалу, чуть приоткрыв отверстие бурдюка, сполоснул пиалу, затем, наполнив ее, протянул Палвану:

— Вот, ага, пейте. Говорят, дашь воды — жажду утолишь, дашь огня — испепелишь.

— Да сопутствует вам удача, вкусная вода, — сказал Палван. — Налейте-ка еще пиалушку.

Водонос наполнил пиалушку. Палван с наслаждением выпил, вытер увлажнившиеся усы платком, подаренным Якутай, свернув его вчетверо, положил в карман и протянул деньги водоносу.

Хазараспские ворота... Дынный базар. Дыни на арбах и высоченными кучами на земле.

Дынь много, но и покупателей тоже хватает. Приезжие, купив дыню, тут же усаживаются в тень арбы, искусно нарезают ее продолговатыми кусками и едят. Городские покупают по три-четыре дыни. Некоторые — полный мешок, чтобы хватило от базара до базара. Иные же целую арбу, ведь дыни могут храниться долго. В Хорезме дыни не продают на вес. Продают поштучно или оптом.

По базару снуют подростки. Денег у них нет, и они добывают дыни по-своему. Вот несколько мальчишек подходят к дехканину. Один, что постарше, спрашивает:

— Дыни у вас сладкие?

— Очень!

— А почем они?

Дехканин не спеша называет цену. «Покупатель» тоже не торопится с ответом. А тем временем второй мальчуган незаметно передает дыню третьему, который, улучив момент, скрывается. «Покупатель», видя благополучный конец операции, объявляет:

— Дехкан-ага, дыни ваши дорогие!

Палван не стал торговаться, сразу согласился с ценой, названной дехканином, и арба с дынями направилась вслед за ним. Кода она остановилась возле дома, Баходир принялся таскать дыни в ичкари, помогая отцу.

Палван ничего не жалел для своего единственного сына. Сам, случалось, недоедал, но покупал ему сладости, к каждому празднику дарил книжки с картинками. Придя домой, часто превращался в «лошадку» Баходира, носился по кругу то галопом, то рысью, наслаждаясь его смехом.

Бедная Джумагуль, не суждено было ей видеть улыбку сына, слушать его сладкий лепет. Ни разу не обняла его, не приласкала. И ты, сынок, не насытился нежностью матери.

Утром он умывал сына, одевал его в чистую, выстиранную бабушкой одежду, завтракал вместе с ним, глядел в его ясные глаза.

И сейчас Палван с радостью наблюдал за сыном, который вгрызался в дыню своими ровными перламутровыми зубками.

— Ата, до чего сладкая дыня!

— Ешь, сынок, вот какую выбрал для тебя.

— Якут-апа-бий уже не больна?

— Скоро выздоровеет.

— Вы говорили, что приведете домой Якут-апа-бий.

— Привести?

— Да, я сам сберегу ее от басмачей,— и Баходир поднял свой игрушечный пистолет и показал, как он «бабахнет» по басмачам.

— Да быть мне жертвой моего сыночка, отважного, как Рустам,— Палван ласково похлопал сына по плечу.— Хорошо, пусть твоя Якут-апа совсем выздоровеет. Я приведу ее сюда.

Баходир обнял отца за шею, прижался к его щеке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В связи с пятой годовщиной Октябрьской революции, в Хорезме была объявлена всеобщая амнистия, и всем, кроме хана и его сыновей, было разрешено вернуться.

Первое, что услышал Абдулла-тура, переступив порог своего дома, была черная весть о Якутай.

— Вашу дочь Якутай ударили кинжалом.

— Она жива?— тихо спросил Абдулла-тура.

— Да. В больнице сейчас.

— Кто этот злодей?

— Говорят, ваш зять, Матчон-тура.

— Что, что? Матчон-тура?— отшатнувшись, спросил у жены Абдулла-тура.

— Да.

Эта злосчастная весть вонзилась в сердце отца, точно отравленная стрела.

«Это я сам сделал несчастной свою дочь, не внял мольбам матери. Отдал ее, совсем юную, человеку, у которого уже были три жены. Сам погубил только что распустившийся цветок. И мать ее умерла от горя. И вот теперь быв-

ший муж нанес ей удар кинжалом. Да разве ему, глупцу этакому, мало было развода! Да гореть тебе в огне ада!»

* * *

Якутай сидела в прохладной тени на берегу хауза. Был по-летнему жаркий полдень, и на зеркальной глади хауза отражалось сверкающее безоблачное небо. Внезапно она увидела приближающегося к ней человека в чугурме и шелковом чапане. Якутай сразу же узнала отца, поднялась, подошла к нему и поклонилась.

За эти годы отец сильно изменился, похудел, постарел, но все та же торжественно-спокойная походка, тот же теплый проницательный взгляд из-под густых бровей...

— Дочь моя!

— Отец!

Из глаз Абдулла-туры текли слезы.

— Стосковался я по тебе, дочь моя. Отбыл ссылку в Астрахани, вернулся домой, услышал о постигшем тебя горе. Благодарение богу, что на мое счастье ты жива, и вот мы снова свиделись. Как ты себя чувствуешь?

— Слава богу, гораздо лучше мне,— тихо ответила Якутай.

Абдулла-тура снял с головы чугурму; опустившись на берег хауза, омыл лицо, руки. Якутай пристально вглядывалась в отца. Очень он изменился, бороздки морщин проложили следы по его щекам, белая борода закрывает грудь, но в нем еще чувствуется сила. Стан его прям и взгляд не погас.

— Как вы жили в Астрахани?

— Измучился я там. Работал с утра и до ночи, нуждался в медяке, жил впроголодь, ходил в лохмотьях. В ссылке, оказывается, ко всему привыкаешь,— ответил Абдулла-тура и как-то странно, виновато улыбнулся, подумав про себя: «Может быть, дочь, проклятая мной, простит меня».— Соскучился я по Хорезму, по широкой тени старых гуджумов, по берегам хаузов, по всему хорезмскому стосковался. Два года не был в Хорезме. Слышал я, что за это время тут многое переменилось.

— Да, все переменилось, и страна и люди,— взволнованно заговорила Якутай.— Народ строит новую жизнь. Сколько открылось школ, интернатов. И для женщин настала новая жизнь, они сбрасывают свои паранджи. С детских лет нам внушали, что мы хуже мальчишек, что мы должны прятать свои лица, а жизнь наша пройдет в темном ичкари. Мало кого из нас обучили грамоте, мало кто из нас

мог взять в руки книгу и узнать, как богат и велик мир, сколько таинств он хранит в себе. Здесь держали женщину за высокими дувалами, видели в ней служанку. С какой силой тянется она теперь к знанию. Взгляните, как за эти два года изменился Хорезм. Трудно обо всем сразу вам рассказать. Но многое еще изменится. Наш Хорезм станет другим — красивым, богатым, и люди будут счастливыми.

Абдулла-тура слушал молча, поражаясь, как изменилась его дочь. Слушал, не останавливая ее ни словом, ни взглядом. Пусть все накипевшее в душе бросает в лицо ему, отцу, который проклял ее.

— Отец! Вы помните, что говорили про Палвана-ага и его друзей? «Из раба не выйдет человека, раб останется рабом, босякам издревле уготовано нищенствовать, попрошайничать, мыкаться, они должны покориться судьбе; мы избранники аллаха — хаджи, они — карача, плебеи...» А они, презираемые вами, ведут теперь за собой народ.

— Дочь моя, зачем вспоминаешь прошлое?

— Нет, нет! Надо вспоминать. Без этого не оценишь настоящего. Вы отдали меня многоженцу. А вы разве этого не знали? Да разве нас считали в ту пору людьми? Муж мог дать тройной развод, а сверх того и отец родной проклясть.

Последние слова заставили Абдулла-туру вздрогнуть.

— Говори, дочь, облегчи словами свое полное страданий сердце. Видимо, ты их все приберегла для меня. Хочу сказать одно: будь всегда здорова! Да сопутствует тебе счастье. Увидел тебя, и успокоилась моя душа, этого и хватит мне.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Недолгими были мирные дни. Получив оружие из-за границы, Джунаид-хан снова собрал свое воинство. Из Тахта, Бедиркента, Газавата, Шавата и других крепостей и кишлаков скакали гонцы в Хиву, они приносили страшные вести о грабежах и насилиях, чинимых шайками басмачей. Положение становилось все более угрожающим.

На заседании ЦК Компартии Хорезма была создана специальная комиссия по борьбе с басмачеством, которую возглавил председатель Чека Бобо Матчанов. Членами этой комиссии были назначены: председатель революционной прокуратуры Мансуров и начальник Политического управления Красной Армии Хорезма Палван Ибрахимов.

* * *

И сегодня утром Тимофей Осипович Машков, подтянутый, выбритый, в белоснежном халате, вошел, как всегда в сопровождении Ольги, в палату Якутай.

— Самый счастливый день для больных, когда они, выздоровев, покидают больницу. Сегодня и для вас такой день настал.

— Спасибо, доктор,— сказала Якутай по-русски.

Машков с чувством пожал протянутую ему руку.

Палван, усадив Якутай в фаэтон, повез ее в Тазабаг.

— Ага, меня ударили кинжалом вон там,— Якутай указала на холм у берега анхора. Палван скользнул взглядом по холму, прищурил глаза.

— Матчон-тура бежал к Джунаид-хану, теперь это точно известно. Совершил черное дело и сразу же исчез. Чека нашла людей, которые видели его тогда, в рассветный час, на Пишканикской дороге, невдалеке от того места, где вас ранили.

— Да не примет земля этого негодяя,— гневно прокляла туру Якутай.

Как только фаэтон подъехал к школе, его сразу же окружили девушки. Они обнимали свою учительницу, расспрашивали о здоровье.

Соскучившаяся по ним, довольная встречей, Якутай преобразилась, на лице ее заиграла улыбка. Палван радовался вместе с ней, ему не хотелось уходить.

— Отдыхайте, берегите себя,— сказал он Якутай, когда она, окруженная школьницами, ласково взглянула на него.

— Ага, почему вы так спешите?— Голос Якутай дрогнул.

— Сегодня отправляемся в Кунград. И там басмачи подняли голову. Мой брат Бекджан будет навещать вас.

— Уходите?

— Якутай, иначе нельзя.

И снова Якутай долго глядела вслед Палвану. Вот фаэтон исчез за поворотом, и дорога, которой она недавно радовалась, превратилась в тень разлуки.

Вечером Якутай записала в дневнике:

«1922 год, 5 ноября. Сегодня я провела свой первый после выздоровления урок. По правде сказать, и не мечтала об этом. Видать, счастливая я, нужна на земле, иначе бы не спаслась от верной смерти».

* * *

Мадримбай Алланазарбай-оглы и Сабирбай Курбанбай-оглы, члены Центрального Исполнительного Комитета, встречались со своими единомышленниками, соблюдая величайшую осторожность, тайно, только в ночную пору.

И сегодня, когда уже давно стемнело, они прошли в дом Аллакулибая, где собрались верные люди, и в числе их Худайберган-кази-калян.

— Мы пришли сюда с риском для себя, потому что дело срочное,— тихо сказал хозяину Мадримбай.

— Что ж, господа, посоветуемся,— сказал Сабирбай, упершись коленями в одеяло.

Мадримбай, видимо, чувствуя себя здесь главным, заговорил важно, неторопливо:

— Господа, вот уже три года, как Джунаид-хан не дает покоя большавоям. Теперь он снова собрал большие силы. Если будет угодно аллаху, на этот раз он победит. Надежда наша велика. Мы с Сабирбаем знаем о многих тайнах правительства, о многих его делах.

— Да поможет аллах сардору исламского воинства Джунаиду с нашей и вашей помощью уничтожить кяфуров,— сказал кази-калян.

— Господа, в моих руках есть документ, из которого видно, как правительство решило бороться с нашим избавителем. Этот документ надо срочно доставить Джунаиду,— Сабирбай вытащил из кармана бумагу.

Ялманбай, как всегда подбиравший крошки с дастархана, сказал:

— Таксыр, дайте его мне. Я пошлю Ибрахим-махсума. Вы ведь знаете, он и раньше доставлял наши письма Джунаид-хану.

— Правительство, создав Чрезвычайную комиссию, посылает ее в низовья Амударьи. Членам комиссии даются большие полномочия. Палван тоже среди них. Да, Палван этот как кость в горле. Вы ведь знаете, многие, даже надежные люди, услышав его имя, начинают сомневаться в нашей победе. Нашелся бы храбрый йигит и отправил бы этого отпрыска рабов в преисподнюю,— сказал Мадримбай.

— Палван — правая рука большавоев, убить его — угодное богу дело.

— Кому поручим?— спросил Ялманбай, потирая виски длинными восковыми пальцами.

— Йигит, который укротит его, должен быть надежным... Если, не дай бог, наши тайны станут известны, Чека

доберется до всех нас...— и Сабирбай начал говорить о том, сколь осторожно надо повести дело.

Каждый высказывал свои соображения, советовал, каким образом с наименьшим риском можно избавиться от Палвана. Наконец нашли, что это дело надо поручить Матёзу — батраку Аллакулибая.

Договорившись и о прочих делах, встали и направились к калитке.

Черные тени исчезли в ночной тьме.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Матёз еще раз навестил сестру, снова пытался уговорить ее бросить школу, но ни угрозы, ни мольбы не помогли. Расстроенный и озлобленный Матёз пришел к своему хозяину.

— Бай-ата, остался только один выход: надо убить Насиру.

Аллакулибай вкрадчиво и ласково заговорил:

— Сынок, я понимаю тебя. Йигиту лучше смерть, чем позор. Сестра обрекла тебя на позор, но поднимать кинжал на женщину, к тому же свою сестру, не дело для мужчин. Если подумать поглубже, то выходит, что вся вина вовсе не на твоей сестре и даже не на Якут-бике. Есть люди, которые сбили их с пути. Спросишь, кто они, скажу тебе. Бобо-маскаробоз, Матякуб-чека, Палван — это они заставляют отрекаться от веры невинных девушек, чтобы потом отдать их не потеху большавоям-назирам. Подумай сам, кто сбил с пути Якут-бику? Палван! Когда Якут-бика забрала твою сестру в школу, кто ей помогал? Снова скажу тебе — Палван. Якут-бику, замужнюю женщину, совратил. Все знают, что она предалась разврату с Палваном. Вот увидишь, и твою сестру сделает своей любовницей.

Слушая эти слова, Матёз все больше хмурился, наливался злобой.

— Бай-ата, правдивые ваши слова. Вся беда от Палвана. Вот сегодня, разговариваю я с сестрой, а тут Якут-бика поспела, начала советы свои давать, а потом еще и Палван вразумлять стал. Я ему: «Не морочьте мне голову. Все равно заберу сестру!» А он смеется: «Не утруждай себя, руки коротки. Теперь девушкам ни бай, ни брат не хозяин. Всех, кто выступает против свободы, будут крепко наказывать. Как бы и тебе не очутиться среди них». Правду скажу, едва сдержал себя. Бай-ата, посоветуйте мне, что же теперь де-

лать?— Матёз налившимися кровью глазами уставился на хозяина.

— Надо отомстить Палвану,— решительно произнес Аллакулибай.— Другого пути нет.

— А как?

— Вот тебе деньги, вот тебе острый кинжал, да поможет тебе бог,— он протянул Матёзу деньги и кинжал.

— Что ж, да сбудется месть!

— Слышал я, что Палван направляется в низовья Аму, это — отдаленный край... Много укромных мест...

— Понял я, бай-ата.

— Сынок, сделаешь дело, прощу тебе все долги, женю тебя, станешь счастливым. Но будь осторожен, упаси боже попасть им в руки. Возьми в конюшне любого коня. Счастливого пути тебе.

— Клянусь, что отомщу.

* * *

Комиссии по борьбе с басмачеством были приданы агитаторы и хорошо вооруженный отряд. Командовал им Палван.

В какой бы район комиссия ни прибывала, она не оставляла без внимания ни один кишлак. С помощью дехкан ловили басмачей, судили и наказывали их.

Однажды к Палвану явился босой йигит.

— Я много слышал про вас, Палван-батыр. В нашем кишлаке есть головорез по имени Рустам. Ночами он со своими дружками творит черные дела, а днем копается в земле, молится богу. Один аллах знает, сколько домов он ограбил, сколько людей загубил.

— Где он сейчас?— спросил Палван.

— Дома.

— Как бы незаметно пробраться к нему?

— Я сам поведу вас.

Прихватив десяток бойцов, Палван отправился к дому Рустама. Дехканин показывал дорогу.

* * *

Матёз тайно следовал за Палваном. Уже не в одном кишлаке и ауле побывал он, но никак не мог застать Палвана одного, всегда тот окружен или дехканами, или красноармейцами, или же при нем адъютант.

Матёз едет, предаваясь мрачным размышлениям:

«Моя сестра сбросила паранджу. Не стыдясь людей, ходит открытой, не питает уважения ко мне. Палван и Якут-

бика взяли ее в свои руки, учат не слушаться меня. Если сегодня она ходит открытой, то что же будет дальше? Не совратится ли она, не ввергнет ли в страдания духи наших усопших родителей? Не скажут ли духи: «Матёз, у тебя глаз нет, что ли? Или ты вовсе ослеп? Как ты можешь терпеть такое поведение своей сестры, да вонзи нож в сердце тому, кто сбил ее с пути истины». Аллакулибай сколько денег дал и еще пообещал. Дом даст, женит и счастливым сделает. Что еще нужно человеку? О боже, подставь под мой кинжал врага моего, поддержи меня, как бы не задрожали мои руки, не сковало меня малодушие в решительную минуту».

* * *

Уже стемнело, когда отряд Палвана, ехавший по высохшему руслу анхора, приблизился к дому Рустама. Йигиты сошли с коней, молча последовали за Палваном и затаились за огромным куполообразным карагачем напротив дома Рустама. Тут из калитки вышел человек, поглядел по сторонам — видимо, ждал кого-то. И действительно, вскоре подъехал конный.

— Неожиданно к нам заявились гости, кое-как избавился от них,— сказал он, спешившись и ведя коня в поводу.

— Уже все собрались, ждем тебя,— донесся шепелявый голос.

Ворота тихо закрыли, но запирать не стали. Хозяин дома и собравшиеся тут, наверно, и не думали, что может прийти кто-то чужой.

Палван решил подождать: «Может, еще подъедут?» Но больше никто не появился. Спустя некоторое время Палван осторожно открыл ворота и неслышными шагами направился к михманхане — комнате для гостей. За ним следовали красноармейцы.

Тут кто-то вышел в коридор с двумя чайниками. Один из красноармейцев мгновенно заткнул ему рот платком, и Палван, распахнув дверь, крикнул:

— Руки вверх!

Вслед за ним в михманхану ворвались красноармейцы.

— Кто шелохнется — пристрелим,— сказал Палван.

Уплетавшие плов басмачи онемели от неожиданности. Рустам поднял руки, другие последовали его примеру. Винтовки, висевшие на гвоздях, маузеры и кинжалы на поясах стали добычей красноармейцев.

Через два дня на Шуманай-базаре состоялся суд над Рустамом и его сообщниками. Народу собралось тьма-тьмущая. Председатель Комиссии по борьбе с басмачеством Бобо Матчанов допрашивал обвиняемых.

Матёз глядел по сторонам. «Палван, конечно, здесь,— думал он.— Но где? Сколько ни гляжу — нет его». Расталкивая людей, Матёз пробрался поближе к судьям, но и там Палвана не было.

— Спасибо Палван-батыру, избавил нас от злодеев!

— Батыр среди батыров, всех басмачей взял живыми, отважный йигит!

Такие слова то и дело слышал Матёз, и чем больше хвалили вокруг Палвана, тем сильнее вскипала в нем злоба, ему хотелось подняться над толпой и закричать, чтобы все слышали: «Палван — кяфур!»

Над площадью раскатисто разнесся голос Бобо Матчанова:

— «Именем Хорезмской народной советской республики...»

За убийства и грабеж Рустам и двое его приближенных были приговорены к расстрелу, остальные басмачи — к разным срокам тюремного заключения.

С базара Матёз ехал расстроенный, вялый, точно охотник, потерявший дичь. Вдруг кто-то рядом произнес: «Матёз, друг, что ты делаешь в этих краях?»— и положил руку на его плечо.

Вздрогнув, Матёз обернулся: Палван!

Матёз узнал и ехавшего рядом с Палваном Мансурова, одетого в военную форму. Давеча на базарной площади он сидел среди судей. Тогда, увидев его, Матёз решил про себя: «Большой человек!» Не раздумывая долго, Матёз ответил Палвану:

— Прибыл на базар продавать лошадей, да вот тоже пошел смотреть на суд и забыл про свои торговые дела.

Палван разговаривал с ним, точно со старым знакомым.

— Джура, народ доволен приговором. Радуются, что избавились от мучителей. И ты доволен?

— Очень, приговор ведь справедливый.

— Чтобы продать коней своего хозяина, ты прибыл сюда из такой дали. Выгода твоему хозяину, а тебе ни копейки. Не так ли?

— Так,— Матёз сам не заметил, как подтвердил правоту Палвана.

— Ухаживаешь за кучкаром Аллакулибая, кормишь его скотину. А победит кучкар — все денежки баю. До каких

же пор ты будешь его слугой? Подумай-ка, ни дома, ни земли, ни семьи у тебя... Записывайся в Красную Армию, дадим тебе и землю и тягло. Научим грамоте. Никто не будет кричать на тебя, ни перед кем не будешь унижаться. Знаю твою жизнь... Когда-то ведь сам был батраком Матчонгуры. Все перевидал. Проклятая жизнь. Не считают человеком. Мясо осла, говорят, поганое, а труд его чтимый, нужный. Так и у батрака: труд его люб баям, а сам он противен им. Работаешь ради куска хлеба, не так ли?

Матёз не сказал ни «да» ни «нет», только кивнул головой, невольно подтверждая: «Да, все твои слова верны». Стараясь смотреть на Палвана как можно спокойнее, он молил бога, чтобы этот кяфур-искуситель скорее отстал от него со своими советами. Тут как раз подъехали красноармейцы. Палван поспешил закруглиться:

— Джура, подумай над моими словами, я еще тут буду дня три-четыре, приходи ко мне, поговорим. Смотри, какая умница твоя сестра Назира. Бери пример с нее, учись самостоятельности.

Простившись с ним, как с близким человеком, Палван ускакал.

Вроде бы кругом был прав Палван, но то, что ставил ему в пример сестру, разъярило парня еще больше. «Других учи уму-разуму, кяфур»,— сказал Матёз вслед ему. «Рассчитаюсь с ним в Хиве»,— как-то неуверенно подумал он.

* * *

Между тем Джунаид-хан вышел из песков и, продвигаясь в сторону Кунграта, захватил ряд аулов и кишлаков.

— Большавоев вешать, учителей расстреливать, дома перешедших на сторону кяфуров сжигать,— приказал он.

Услышав о наступлении басмачей, люди бежали кто куда, иные прятались на кладбищах. Горели аулы и кишлаки. Награбленное бандиты увозили на арбах и верблюдах, а скот угоняли в степь.

Еще до рассвета головорезы Джунаид-хана ринулись на приступ Кунграта. Охранявшие крепость красноармейцы, отряд конной милиции и добровольцы-йигиты встретили врагов огнем из пулеметов и винтовок.

Началась отчаянная схватка. Стреляли в упор, в ход пошли сабли, кинжалы.

В этом бою Палван был ранен в руку.

Джунаид-хан, вне себя от бешенства, спросил у сына:

— Много аскеров в крепости?

— Не очень.

— Волошин с ними?

— Нет, он в Хиве.

— Так кто же там?

— Палван-бала.

— Проклятый раб, всегда он на моей дороге!

* * *

Аллакулибай встретил Матёза приветливо:

— Сынок, ты препроводил кяфура в тот мир?

— Нет,— ответил Матёз угрюмо.

— Почему?— спросил Аллакулибай, вскакивая с места.

— Бай-ата, никак нельзя было. Неотступно следовал за поганым, сторожил, караулил, но ни разу не застал его одного. Все с красноармейцами и командирами. И ночью и днем он рыскал по аулам, а потом и вовсе скрылся в песках.

— Скажи уж прямо, струсил?— Аллакулибай сердито взглянул на Матёза.

— Это я-то струсил? Скажите, я когда-нибудь не исполнил вашего приказа! Изменил вам?

«Смотри-ка, и этот баран Матёз стал языкаст»,— подумал бай.

— Нет, нет, так я не думаю, ты — батыр, именно потому и взвалил на тебя это трудное дело.

— Так и считайте. Палван все равно никуда не уйдет от меня, выпущу ему кишки. Пусть только вернется в Хиву.

* * *

Как ни старался Джунаид-хан взять Кунграт, не смог. Хорошо задуманное наступление разбилось, словно волны о крутой берег. Пустить пламя по всему Хорезму не удалось.

Джунаид все более мрачнел. За внешней покорностью и почтительностью своих сардоров он чувствовал недовольство; слушая его приказы, они опускали глаза. Приходилось уже думать не о том, чтобы взять Палвана живым, а как унести отсюда ноги. Джунаид знал, что к Кунграту движутся со стороны Хивы красные отряды во главе с Волошиным. Надо было снимать осаду, уходить, но из-за ненависти к большевикам он все еще упрямо заставлял своих аскеров штурмовать неприступные для них стены.

И только когда конники Волошина, приблизившиеся к Кунграту, с ходу ринулись в атаку, он приказал отсту-

нать. В последний момент уклонился от большого боя, решил сохранить свои основные силы. Скрылся в Каракумах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Уже второй год Хамза жил в небольшом городке Ходжейли, занимая скромную должность заведующего интернатом. Но все в Хорезме знали Хамзу. Его пьесы ставились во многих городах.

И в самом Ходжейли ни одно дело без него не обходилось. Он умел беречь время. Днем работал в интернате, преподавал на курсах по ликвидации неграмотности, принимал участие в различных собраниях в махалля, выезжал в кишлаки... Не знавший усталости, он писал стихи и пьесы большей частью за счет отдыха и сна.

В Ходжейли он прибыл, когда там свирепствовали банды басмачей. Боялся ли он смерти? Нет. Он смотрел ей в глаза. Он ненавидел убийство, но, когда басмачи вынуждали браться за оружие, пули, как и его слова, точно попадали в цель.

Здесь, в Ходжейли, он полюбил Зейнаб, молодую девушку, недавно окончившую учительские курсы. Она была на одиннадцать лет моложе Хамзы, и ему казалось, что в ее глазах он выглядит стариком. Долго скрывал свое чувство, но однажды с грустью и как бы шутя признался, что мечтал бы такую, как она, девушку видеть своей женой.

— Хамза-ага,— ответила Зейнаб,— я давно люблю вас.

К Зейнаб Файзуллиной пришло счастье. Чем больше узнавала Зейнаб мужа, тем более дорогим для нее становился он. «За дни, проведенные с таким человеком, всю жизнь не жалко отдать»,— думала она. Бывало, слушая рассказы Хамзы, Зейнаб не замечала, как наступал рассвет.

Вспоминая прошлое, он проводил ее по дороге своей жизни.

— ... Родом я из Коканда. Отец мой был образованным человеком, хорошим табибом. Когда мне исполнилось восемь лет, отец взял меня с собой в путешествие. Я повидал много стран, видел, как живут люди. Взрослел, постепенно начинал проникать в суть событий, происходивших вокруг. Во мне горела страсть к поэзии и музыке. Как память юности я храню свои стихи, написанные в канун двадцатого века. Биография его была интересна, насыщена событиями.

Многое нравилось Зейнаб в муже, но более всего — доброта. И сейчас она хотела сказать Хамзе об этом, но на глаза ее навернулись слезы.

— Я люблю и ваши стихи, написанные на татарском. Сочините хоть одно новое для меня,— попросила Зейнаб.
— Джаным, я напишу тебе не одно, а десять стихотворений, все свои самые лучшие стихи я посвящу тебе.

* * *

После многих дней непрерывных боев Палван возвращался в Хиву. В Ходжейли он остановил коня прямо у дома председателя городского Совета Кусбергана.
— Палван, во сне или наяву тебя вижу? Что с твоей рукой?
— След, оставленный Джунаидом. Бандит бежал в пустыню... Пришел повидать тебя, Хамзу-ага.
— Отлично сделал. Соскучился я по тебе, друг. Глазам своим не верю.
Кусберган принес чаю.
— Как здоровье Хамзы-ага, как дела у него?
— Все у него хорошо, работает много, спит мало,— улыбнулся Кусберган.— Да я сейчас пошлю за ним.
— Нет, нет. Мы сами пойдем к нему,— сказал Палван, отставляя пиалушку.
— Получили письмо из Хивы, настаивают на том, чтобы Хамза вернулся в столицу. А он не хочет, привык к Ходжейли. Мол, работники просвещения должны жить не только в столице.
... Хамза только что вернулся домой после уроков и тут вдруг увидел Палвана и Кусбергана.
— Да будет благословен ваш приход. Рад, что решили навестить наш дом. Поздравляю с победой, Палванбай. Эй, Зейнаб, Зейнаб,— позвал он жену из ичкари.
Вышла молодая стройная женщина, поздоровалась с гостями.
— Хамза-ага, слышал я, что Назират просвещения вызывает вас в Хиву...
— Да, Палванбай, получаю письма одно за другим.
— Найдется подходящая работа для вас и в Политическом управлении Красной Армии Хорезма, так что, если хотите, можете ехать со мной.
— Спасибо за работу, Палванбай, но я предпочитаю работать в этом отдаленном районе.
— Хамза-ага,— с чувством произнес Палван,— вы нужны всем нам, всему Хорезму. Ваш голос должен звучать из Хивы.
— Голос поэта слышен отовсюду,— задумчиво произнес Хамза,— а дети, ради которых я здесь, привыкли ко

мне, и я стараюсь, чтобы, вырастая вдали от столицы, они ни в чем не уступали школьникам Хивы. От того, какими людьми станут эти дети, зависит будущее. А стать они должны бесстрашными, смело мыслящими.

* * *

На следующий день, после того, как Палван простился с Хамзой, арба, в которой сидела Анаш, остановилась возле ворот школы. Вмиг разнеслась весть: «Анаш-халфа приехала, знаменитая халфа — певица».

Хамза и Зейнаб приветливо встретили дорогую гостью.

— Анашджан, на нашу голову опустилась птица счастья,— сказал Хамза.

— Хамза-ага, спасибо вам, что заступились за меня, просили вернуть из ссылки, навеки буду благодарна вам.

— Уж вы не преувеличивайте, Анаш-апа, наших заслуг.

Зейнаб пригласила Анаш в дом, расстелила дастархан.

— Спасибо, сестра,— Анаш нежно взглянула на хозяйку.— Знаете, чем угощать хивинку. Ой, сколько горя пришлось вытерпеть! Прежний председатель республики, да будет проклят его отец, за то, что я первой в Хорезме сбросила паранджу, первой организовала женскую артель, отправил меня в «Барса-келмес». В пути была ранена. В Муйнаке лежала в больнице. Живая, а выглядела, точно мертвая. Спасибо, выходили добрые люди. Услышала после: вы, Палванбай, и другие мои друзья вызволить меня старались, да будут долгими годы вашей жизни. Когда пало правительство Ата-махсума, меня освободили из ссылки. Почувствовала себя вольной птицей, выпущенной из клетки.

— Да, жизнь ваша богата событиями, она сама как дастан — поэма,— задумчиво произнес Хамза.— Слушая вас, забываешь о времени. Но после дороги вам нужно отдохнуть. Может быть, завтра...

В этот момент вместе с учительницей вошли две девочки.

— Джан-апа, да будет долгой ваша жизнь, спойте нам,— попросили они.

— Со всей душой, милые.— Анаш взглянула на Хамзу.— Я уже отдохнула. А когда я пою детям, это доставляет мне наслаждение.

... Большой школьный зал. Дети сидят на скамейках. Хамза и Анаш вышли на сцену.

— Сегодня радостный день! Несравненный соловей Хорезма, наша любимая Анаш-халфа соизволила посетить нас.

Все зааплодировали.

В этот день Анаш пела как никогда звучно и вдохновенно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Было начало декабря. Густо сыпал снег. Вокруг все серебряно-бело, и Якутай казалось, что по всей земле до самого горизонта расстелили скатерть. Арба катилась медленно, оставляя глубокий след. Якутай напряженно глядела вперед. Вон там холм у края дороги, откуда выскочил человек и ударил ее кинжалом. Теперь тут тихо и спокойно, так спокойно, будто ничего и не произошло.

Когда арба через Тазабагские ворота въехала в город, Якутай обратилась к йигиту-арбакешу:

— Пожалуйста, остановитесь около Чорсу, оставите меня там, туда же и приедете за мной утром, только пораньше, а то опоздаю на урок.

— Муаллима-апа, можете не беспокоиться. Если арбакеш сказал, то сделает.

Якутай зашагала к высоким зубчатым воротам и, войдя в калитку, стряхнула снег с пальто и платка.

— Доченька, милая, заходите!— приветствовала ее Айша.— Замерзли ведь совсем, пока ехали.

Тут же и Баходир бросился к гостье, радостно глядя ей в лицо. Якутай склонилась над ним, поцеловала в глаза.

Посреди комнаты горел костер. Над ним в потолке отверстие для дыма, которое можно закрыть, дернув за веревочку, привязанную к круглой крышке.

Окоченевшая Якутай сняла пальто и уселась возле огня. Айша расстелила перед ней дастархан.

— Доченька, совсем забыли нас. Баходир все твердит: «Хочу к Якут-апа-бий!» А мне-то уж долгий путь тяжек, устаю.

— Сами же знаете, тетушка, школа наша в саду Ислам-Ходжи. До города далеко, да и уроков у меня много. Сегодня вот кое-как вырвалась,— говорила Якутай, протягивая к костру ноги.

Пламя весело полыхало, растекаясь вокруг волнами тепла и света. Лицо Якутай раскраснелось. «Такая красивая женщина будет моей невесткой,— думала Айша.— Кому же называть себя счастливой, как не мне!»

Во второй комнате, выходившей на айван, была изразцовая печь, но ею пользовались редко, потому что, сколько ни топи, все равно холодно. А в этой передней комнате зи-

мой разводили костер, вокруг которого собиралась семья. Тут же и спали.

Якутай глядела на огонь.

Вот закипел чайник, висевший над костром. Айша, заваривая чай, спросила:

— Доченька, почему от Палванбая нет писем?

— И я не получаю. Возможно, он был далеко, в песках. Не сегодня-завтра вернется.

Они не торопясь пили чай, когда в комнату вошел Бекджан, поздоровался, снял шинель, повесил ее на гвоздь и присел к костру.

Бекджан совсем не был похож на своего брата Палвана. Невысокий, худой, с маленьким птичьим носом. Впрочем, у них было и общее: Якутай это заметила давно, впервые увидев Бекджана. Общим было выражение их глаз, когда они смеялись или гневались.

— Я принес приятную весть,— сказал Бекджан.— Только что нам, в Центральный Комитет комсомола, звонили из Хóджейли. Оказывается, Палван-ага был в Ходжейли. Еще вчера в Хиву уехал. Вот я и примчался, думая, что он уже дома.

Айша ласково потрепала Бекджана по плечу.

— Глядите-ка, я точно чувствовала, приехала к вам сегодня,— сказала Якутай, улыбнувшись.

Вся семья с нетерпением ждала Палвана.

К вечеру он явился.

Когда Палван снимал шинель, Бекджан придержал перебинтованную руку брата и осторожно уложил ее на перекинутый через плечо ремень.

— Бала мой, ранен ты?— с волнением и болью спросила мать.

— Да,— коротко ответил сын.

— Очень болит?

— Нет.

Все сидели вокруг полыхавшего костра. Палван рассказывал о боях с Джунаидом. Слушали его молча, не прерывая, только Айша изредка выходила на кухню приглядеть за готовившимся пловом.

— Джунаид-хан с шайкой своих конных бежал. Красноармейцы неотступно гнались за ним, но пустыня без конца и без края... Да к тому же свирепая стужа, падали лошади, выбивались из сил бойцы. Знаете сами, Джунаид, как разобьют его, ныряет в Каракумы, а соберет силы — вновь выходит из песков. И на этот раз так получилось.

— Ему помогают англичане,— промолвил Бекджан, подкладывая в костер саксаул.

— Если бы англичане не помогали Джунаиду, уже давно установился бы в нашей стране мир и покой. Притихли бы, поджали хвосты баи.

— Да будет презренной участь тех, кто подвергает разорению наш край,— прокляла Айша врага. Скользнула медленным взглядом по руке сына, поднялась и ушла в кухню. Встал и Бекджан помочь матери. Баходир же, то ли убаюкал его рассказ Палвана, то ли разморило от тепла, заснул, положив голову на колени отца.

— Якутай, очень я стосковался,— сказал Палван и поцеловал ее.— Вы стали матерью моему сыну. Если я забуду вас, пусть ослепнут мои глаза, пусть, как плети, повиснут мои руки.

— Так?

— Да, так. Поклясться?

— Не надо, верю,— Якутай опустила глаза.

В этот момент открылась дверь, и Бекджан на вытянутых руках внес блюдо с дымящимся пловом. Следом шествовала Айша, неся большой цветастый чайник. Все уселись в круг. Палван, отведав приготовленный матерью плов, довольно кивнул головой:

— Ана, плов ваш очень вкусный.

— Я теперь состарилась. Скорее бы справили той, невестка наша Якутай, есть бы мне из ее рук, еще вкуснее приготовит.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Присланный за Анаш фаэтон, миновав многие аулы, кишлаки, выехал на просторы пустыни между Тахтом и Газаватом. Вокруг тишина, необозримый белый простор. От снега и солнца слепит глаза. Вот потянулись высокие песчаные барханы, напоминающие снежные горы. Чем ближе к Хиве, тем труднее лошадям, они выбиваются из сил, таща фаэтон по ухабистой дороге, разбитой огромными колесами арб. Анаш едет, покачиваясь, точно в люльке.

... Весть о том, что прибывает Анаш-халфа, быстро распространилась по Хиве. Под голубыми башенками Кушадарбаза — двойных ворот — собралось много народу. Все с нетерпением ждали ее.

— В ссылку — на арбе, домой — в фаэтоне,— сказал поэт и музыкант Сафо Мугани, стоявший рядом со знаменитым певцом Шерози.

— Это не часто бывает, когда возвращаются не только песни, но и тот, кем они рождены,— задумчиво произнес Шерози, устремляя взгляд на древнюю Ургенчскую дорогу, где вдали уже показался одинокий фаэтон.

Йигит-фаэтонщик, подтянувшийся, выпрямившийся, то и дело погонял коней: «Чух! Чух!» Ослепительно ярко блестела дорога, вокруг разносился заливистый, мелодичный звон бубенцов.

— Не торопитесь так,— который уже раз просила Анаш, а фаэтонщик словно и не слышал. Но вот, крепко держа вожжи, обернулся к ней:

— Не могу потише, не простого же человека везу — соловья Хорезма. Глядите-ка, даже зима улыбается, щедро, не жалея своих лучей, светит солнце.

Анаш, как во сне, вышла из фаэтона и поклонилась народу. Перед ней Ганб и Саиджан, ее сыновья. Она прижимает их к груди, целует.

— Добро пожаловать в Хиву, Анаш-апа!

— Живите, Анаш-апа!

— Как мы ждали вас!

О, сколько здесь знакомых, родных лиц! В глазах Анаш засверкали слезы радости, и она, плача и смеясь, все повторяет, протягивая к ним руки: «Сестры мои, братья мои!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Уважаемые члены правительства!— обратился Ахмад Махмудов к сидевшим в большом зале зимнего дворца Нурлавой. Взгляд его невольно скользнул по отливающим золотом и серебром стенам, Махмудов чуть прищурил глаза.— Все мы знаем, что нельзя построить новую жизнь в Хорезме без подъема просвещения и культуры его народов. На этом пути мы уже имеем ряд достижений, но желаемых результатов пока не достигли, не хватает средств. Откуда их взять? Скажу прямо: из доходов, получаемых духовенством. Вопрос о вакуфах был поднят еще во времена Паляза-хаджи и позднее, при Ата-махсуме, но из-за их яростного противодействия не решен. И это при том, что для нашей советской республики он, по сути, является вопросом жизни и смерти. Вакуф мешает нам идти вперед, он, словно тяжелые гири, тянет в прошлое, узаконивает эксплуатацию человека человеком. К примеру, в Хазараспе есть вакуф Атауллибек — земли, отданные авлие — святому, но авлие этот давно умер, он уже не поднимется, хлеба не попросит, одеваться ему не надо, доходы же, поступаю-

щие от вакуфа, идут ишану и мулле. Дехкане работают в поте лица, а урожай привозят им. Мутавалли — управляющие вакуфами, как и в старое время, живут припеваючи: лежат, уставившись в небо и поглаживая свои толстые животы. Это же паразитизм.

Сидевшие в зале с напряженным вниманием слушали Махмудова. Чуть помедлив, он продолжал горестно:

— А разве в нашем государстве мало вакуфных земель? Они составляют половину орошаемых земель Хорезма. Что же получается? Земли ханов, тур, беков, за которые пролита кровь красноармейцев, почти все обращены в вакуфные и принадлежат сейчас кучке людей — духовенству. Такое положение нетерпимо. Считая эти земли народным достоянием, Центральный Комитет Коммунистической партии Хорезма принял решение: «Все земли, конфискованные у ханов и сепаев, какими бы они ни были, вакуфными или другими, считать собственностью государства и предложить Совету Назиров издать соответствующий декрет».

Члены правительства хорошо знали, что надо определенно высказываться по этому вопросу, но сидели молча, опустив головы.

Слово взял Палван:

— Коль скоро вы, проявив ко мне уважение, пригласили меня под эти высокие своды,— выражая вам свою благодарность, выскажу свое мнение: у нас в Хорезме до революции было много вакуфов, но после революции их стало еще больше. Отведавшие, как говорится, змеиного яда, ловкие богачи, чтобы не выпустить из своих рук тысячи танапов плодородных земель, стали обращать их в вакуфные. Видите ли, вакуфные земли — земли священные, кто попытается посягнуть на них, того разобьет паралич. Товарищи, этим хитростям надо положить конец. Решение Центрального Комитета правильное,— сказал он и, направляясь на свое место, добавил не без упрека:— Почему члены правительства так холодно смотрят на это решение? Почему молчат?

— Палванбай, для молчания есть причины. О вакуфе нельзя дерзко говорить — это воистину священное достояние,— возразил Палвану член Центрального Исполнительного Комитета Абдулрахим-хаджи.

— Прежде чем рассуждать о вакуфе, надо проникнуть в его суть,— начал назир юстиции Исо-ахун.— Я хочу дать вам некоторые разъяснения. Прежде всего, откуда пошли вакуфы?

Он говорил долго, то и дело ссылаясь на авторитетные свидетельства людей, объявленных святыми, разные религиозные книги и догматы шариата. И свои рассуждения в конце концов заключил так:

— Вакуфные земли — земли, подаренные для божеских целей. Почитающие бога и шариат да не усомнятся в этом. На вакуфы никогда ни одно правительство не покушалось и не должно покушаться.

— Мне думается, что почтенный назир Исо-ахун осветил историю вакуфов несколько односторонне,— спокойно и твердо заговорил Карим Балтаев.— Кроме того, все мы отлично знаем, что мутавалли — управляющие вакуфами — меньше всего заботятся о том, чтобы использовать доходы, получаемые от вакуфов, на благотворительные цели. Для них вакуфы — средство обогащения. Погрязшие в стяжательстве, они глухи ко всему, в том числе и к самим установлениям шариата. Известно также, что богачи, ставшие вакифами — :кертвователями, по установившейся традиции получают большие доходы от своих земель, обращенных ими в вакуфные. Одним словом, как и прежде, живут за счет дехкан. Между тем Советское правительство Хорезма не имеет средств для того, чтобы открыть новые школы. Это издевательство над нашей революцией. От имени всех работников просвещения я поддерживаю решение ЦК.

После речей Исо-ахуна и Карима Балтаева разгорелся спор.

— Вы, конечно, помните,— обратился Пирнафас-ака к назиру юстиции,— сразу после революции был принят закон о наделении семей красноармейцев, а также батраков из бедных дехкан землей, принадлежавшей ранее ханам, турам и бекам. Но владельцы этих земель тут же поспешили обратить их в вакуфные.

— Да, так было,— спокойно ответил Исо-ахун.

— Разве это не нарушение закона?

— Я ведь вам объяснил, что, коль скоро кто-то сказал: «добровольно отдаю свое достояние мечети или медресе», все это достояние, будь то движимое и недвижимое имущество, государство не может изъять или обложить налогом. Раз на вакуфнаме — грамоте стоит печать казия, значит, все законно.

— Если все земли станут вакуфными, то что же останется в руках народа и правительства?— бросил реплику Бобо Матча[illegible]в.

— Странно,— снова заговорил Ахмад Махмудов,— туры и беки, всевластные прежде, но лишенные Советской

властью привилегий, прикрываясь религией и богом, грабят дехкан. Можно ли нам терпеть такое? Ни за что! За эти земли народ заплатил дорогой ценой, и они по праву принадлежат ему.

— Верно, верно!— поддержали Махмудова руководители партии и комсомола, приглашенные в Нурлавой.

— Это заседание правительства, а не базар. Нечего здесь шуметь и нести всякий вздор,— в гневе проговорил Мадримбай.

Обрел дар речи и Сабирбай, уже давно сидевший молчаливо и задумчиво.

— Товарищи, это серьезный вопрос. Наше Советское правительство — справедливое правительство, а мы члены этого правительства. Народ ждет от нас уважения и справедливости. Никак нельзя нам выступать против вакуфа.

— Верно, верно!— закивали головами Мадримбай, Исо-ахун и Абдулрахим-хаджи.

Сабирбай же продолжал:

— Подумайте сами, в нашем основном законе написано, что покушающегося на чужое достояние надо привлекать к ответственности, а разве вакуфные земли достояние правительства? Конечно же, нет. А коли так, зачем покушаться на закон? Это несправедливо. Народ может отвернуться от нас. Не смейте покушаться на вакуф!

Прения затянулись надолго, некоторые ораторы выступали несколько раз. Председатель Центрального Исполнительного Комитета Абдулла Ходжаев слушал их молча, никак не выражая своего мнения. Под конец кто-то спросил: «А что думает председатель?»

Абдулла Ходжаев произнес неопределенно:

— Это очень сложный вопрос, его еще надо основательно изучить,— но, услышав протестующие голоса, сказал:— Уважаемые члены правительства, пусть сторонники предложения ЦК поднимут руку.

Большинство назиров поддержало это решение, но Мадримбай, Сабирбай, Исо-ахун и Абдулрахим-хаджи голосовали против.

— Джура, это большая победа,— сказал Палван Ахмаду Махмудову, выходя из залитого ярким электрическим светом приемного зала Нурлавоя.

— Пока только начало, борьба предстоит трудная.

— Да, сегодня мы лучше узнали некоторых наших друзей...

Матёз, таившийся в густой тени карагача, увидев Палвана со спутником, хотел было вернуться домой, но в последний момент подумал, что они скоро расстанутся.

Палван и Махмудов, увлеченно беседуя, шли по берегу Сиргали-канала. Матёз крадучись следовал за ними.

* * *

Мадримбай вернулся домой подавленный. Он не стал зажигать свет, ходил в темноте по комнате. «Большевики подняли мятеж против святых, против самого бога, попирают наше священное мусульманское право — шариат. Все это я видел своими глазами и не мог нанести удар безбожникам. Что я за человек после этого?— Он зашагал быстрее. Жажда мести охватила все его существо. Вдруг он застыл на месте, улыбнулся в темноте.— Нашел! Видать, сам пророк вразумил меня... Правительственный караван идет в Чарджоу, вместе с хлопком везут каракулевые шкурки, изделия хорезмских ювелиров, чеканку по серебру и... секретные документы... Надо об этом сообщить Саглулле-бала».

... Большой караван вышел из Хивы в сторону Хазараспа. Дипкурьер Матназар Худайназаров, спрятавший документы в одном из тюков, спокойно погонял верблюда. После Хазараспской крепости благополучно миновали и Питнак. Переночевав там, тронулись дальше. Внезапно повалил густой снег. Матназар, чтобы не замерзнуть, слез с верблюда и пошел пешком. Все поверх полосатых халатов надели шубы. На головах погонщиков верблюдов были чугурмы, довольно теплые, но ноги, в хорезмских белых сапогах с изогнутыми носками, мерзли. Пронизывающий ветер швырял в лицо колючий снег.

Караван прошел через плато, начались пески, потянулись один за другим барханы. В такую пору не встретишь тут ни птицы, ни зверька — кругом снег, все живое, страшась мороза, затаилось. Погонщики верблюдов с берданками за плечами шли медленно, тихим шагом, точно бы измеряя землю. Слева, с Амударьи, тянул ледяной ветер, справа лежала беспредельная, укутанная снегом пустыня. Белые, с заиндевелыми мордами верблюды едва плелись.

Внезапно загремели выстрелы. Со всех сторон налетели басмачи. Началась перестрелка. Несколько верблюдов было ранено, их рев разносился над барханами, заглушая стоны раненых погонщиков. Застигнутые врасплох путники вынуждены были сдаться.

Главарь басмачей Сагдулла-бала приказал:

— Хорошенько обыскать, найти секретные письма!

Верблюдов заставили опуститься на землю. Тюки опрокинули на снег.

Басмачи обшарили все, но писем не обнаружили.

— Где письма правительства?— глядя на старшего погонщика, спросил Сагдулла-бала.

— Ага, мы никаких писем не возим, возим только груз в Чарджоу и обратно,— ответил погонщик, опустившись перед ним на колени.

— А где Матназар?

— Какой Матназар, ага?

— Которому доверили секретные письма правительства.

— Такого Матназара мы не знаем. Мы все — погонщики.

— Постой, плут, если найду письма, всех вас перестреляю, станете падалью для волков... Разденьте погонщиков и обыщите их!— приказал он своим йигитам.

В зимнюю стужу погонщиков раздели догола, располосовали кинжалами их одежду, осмотрели, ощупали — но куда там, не только письма, не обнаружили даже клочка бумаги. У окоченевшего Матназара все беспокойней стучало сердце. Дрожа от холода, он тревожно следил за каждым движением басмачей: «Сейчас найдут, расправятся со всеми».

— Еще раз осмотрите поклажу!— приказал Сагдулла-бала.

Тут же стали вываливать на снег содержимое тюков и корзин. Сердце Матназара бешено заколотилось. «Найдут, сейчас найдут»,— думал он с ужасом. Но, на его счастье, басмач не заметил переметной сумы, вдавленной в снег мертвым верблюдом.

Сагдулла-бала был вне себя от ярости. Его головорезы погрузили на несколько верблюдов каракулевые шкурки, чапаны, драгоценности, отобрали у погонщиков оружие. С криком помчались они по барханам, исчезли в беспредельности песков.

Окоченевшие люди собрали саксаул, развели костер. Молча жались они к огню, не зная, то ли идти в Чарджоу, то ли возвращаться назад. Все ждали, что прикажет Матназар Худайназаров. А он, вытащив из-под верблюда суму, сказал:

— Пошли дальше, в Чарджоу.

* * *

Яхшикелдибек был доволен тем, что Джунаид-хана снова загнали в пески, и справедливо полагал, что в этом деле есть некоторая доля и его конников. Подобно своему погибшему брату Кушмамат-хану, он не раз поднимал против Джунаида туркмен, живших в окрестностях Кухна-Ургенча.

Яхшикелдибек — сардор племени укиз-салах, под его командованием конный отряд примерно в триста — триста пятьдесят сабель. Лишившись Кушмамат-хана, он всю свою любовь перенес на самого младшего, восемнадцатилетнего брата Эшима, в котором видел будущего предводителя племени.

— Нам не удалось учиться,— сказал он, как-то беседуя с Эшимом.— Ты же учись теперь за твоего покойного брата и за меня. Не будем же воевать вечно. Вооружившись карандашом, руководи народом.

— Рахмат, ага, я хочу в этом году отправиться на учебу в Москву или в Ашхабад.

— Брат, твоя воля. Как жить дальше, ты понимаешь сам, все считают тебя мудрым йигитом. Где бы ни учился, лишь бы ты был здоров. Буду помогать тебе всем, чем могу. Вся моя надежда на тебя.

— Я отправлюсь не один — с друзьями. Мы хотим получить глубокие знания и служить народу.

— Да исполнятся ваши желания.

— Я возьму с собой и свою любимую.

— А родители не будут против?

— Как-нибудь уговорим их.

— Ох, брат, не всем-то понравится твой поступок. Лишь бы все это добром кончилось.

* * *

Джунаид-хан разбил несколько десятков юрт около большого колодца в глубине пустыни. Среди них выделялась его юрта, огромная, крытая белым войлоком. Сейчас он сидел в ней один. Его сыновья и сотники занимались со своими конными джигитовкой и стрельбой.

Джунаид-хан налил чаю в пиалушку и, машинально вращая ее перед собой, погрузился в глубокое раздумье.

«До недавней поры я был правителем Хорезма. Ханы Хивы повиновались мне. Народ Хивы приходил ко мне в Бедиркент, где я вершил суд и расправу. Со мной беседовали послы. Свой родной Бедиркент я хотел обратить в столицу Хивинского ханства. Взметнулись к небу зубчатые стены моего дворца. Тысячи танапов земли, табуны коней,

несметные отары овец, все это принадлежало мне. Сколько было у меня батраков и работников, сколько служанок прислуживало моим женам, юные рабыни украшали мой дворец. Сколько золота и серебра хранилось в моих сундуках! Пришла революция, и все уплыло из рук. Вот уже четыре года воюю с большавоями. Хотят уничтожить меня, но руки коротки. Пока не уйду из этого мира, не дам покоя неназистным богу кяфурам».

Джунаид-хан позвал стражника и, когда тот явился, приказал:

— Матчон-туру ко мне!

В сей миг приказ Джунаида был выполнен. Матчон-тура предстал перед ним, склонившись в поклоне до самой земли.

— Тура, я получил письмо от Мадримбая, он передал нам ценные сведения. Советуют любым способом заставить Яхшикелдибека выступить против Советской власти. Я много раздумывал над этим. После смерти Кушмамата у него остался единственный брат Эшим. Продавшийся кяфурам, щенок проклятый. Вот его и надо убить. Но его должны убить не мы, а красноармейцы.

— Каким же образом заставить красноармейцев? — удивился тура.

Джунаид-хан усмехнулся:

— Красноармейскую форму возьмете. Теперь понятно?

— Понятно, великий хан. Хвала вашему уму!

— Действуйте побыстрей, но осторожно.

— Можете быть спокойны. Считайте, что Эшим отправился в мир иной.

Еще не остыл заваренный для Джунаид-хана чай, когда «красный командир» Матчон-тура и пятеро отъявленных головорезов-«красноармейцев» уже скакали в сторону Куня-Ургенча.

* * *

Отправив Матчон-туру «на охоту», Джунаид-хан пришел в юрту своего пира — духовного наставника, Хан-ишана. Устланная коврами, украшенная разноцветными тканями, она, подобно юрте Джунаида, была большой и пышной. Хан-ишан, сидя в глубине юрты на почетном месте, что-то втолковывал своим мюридам, которые, преклонив колени, почтительно слушали его.

Хан-ишан слегка кивнул головой и подал Джунаиду знак: садитесь, мол. Когда Джунаид-хан сел на указанное место, все находившиеся в юрте преклонили к...

И Джунаид, подобно другим мюридам, как преданный ученик, внимал словам своего наставника — пира.

— Те, кто изменяет вере, будут гореть в адском пламени, вечные муки уготованы им, жалить их будут змеи и скорпионы, пиявки будут высасывать их кровь. Каждый, кто желает попасть в рай, должен крепко держаться нашей веры, должен стрелять в дьяволов-большевиков, поднимающих мятеж против бога.

Джунаид-хан сидел, почтительно сложив на груди руки, не пропуская ни единого слова. Вот уже сколько лет он — мюрид Хан-ишана — внемлет его советам, идет по указанному им пути, слушает перед боем его молитвы. Каждый раз, когда сопутствовала удача, он превозносил Хан-ишана до небес. Он искренне верил в его чудодейственную силу.

— Таксыр, чтобы убить младшего брата Яхшикелдибека — кяфура Эшима, я послал Матчон-туру.

— Есть еще одно угодное богу дело. Не мешало бы отправить на тот свет Анаш и Якут-бику.

— Мои люди следят за ними, а эта, жена Матчон-туры, уже получила свое, думаю, теперь сама свернет с порочного пути.

* * *

«Красный командир» Матчон-тура, спешивший к Кухна-Ургенчу, закричал на йигитов:

— Что, устали, что ли? Растянулись, точно тесто.

— Больше нас устали кони,— ответили «красноармейцы».

— При выходе из песков есть постоялый двор, вот там и переночуем, дадим отдохнуть коням.

«Как сделать, чтобы Эшим попал нам в руки?— думал Матчон-тура.— Ночью подкрасться к дому Яхшикелдибека или днем? У него йигитов много. Натолкнемся на них — беда. Убьют тут же. Надо действовать осторожно, с помощью старого аксакала, он наш верный человек, все исполнит. О, аллах, помоги!»

«Командир» и его всадники стегали уставших коней, но те едва шагали, с трудом вытягивали копыта из зыбучих песков.

Бесконечные барханы.

* * *

Матчон-тура как свои пять пальцев знал не только Кухна-Ургенч, но и всю Хорезмскую долину. По многу раз бывал в каждой из крепостей. И здесь, в окрестностях Кухна

Ургенча, тура был знаком со многими состоятельными людьми. Теперь это ему пригодилось. Он встретился тайком с аксакалом аула, находившегося неподалеку от дома Яхшикелдибека. С первых же слов тура почувствовал, что тот ненавидит Эшима. Они условились: как только Яхшикелдибек ускачет куда-нибудь со своими йигитами и Эшим останется один, аксакал даст знать об этом.

И вот сигнал получен.

«Красноармейцы» Матчон-туры вихрем помчались к дому Яхшикелдибека, одиноко возвышавшемуся на краю большой дороги. Чуть поодаль от него стоял низенький дом соседей.

Матчон-тура постучал в калитку. «Странно, кто бы это мог так стучать?» Эшим торопливо вышел и увидел незнакомого командира и красноармейцев. Сын соседей, услышавший стук копыт, тоже вышел во двор и сквозь щель в калитке стал наблюдать.

— Говорят, что ты басмач, имеешь связь с Джунаид-ханом. Предатель ты!— закричал «командир», сдерживая норовящего встать на дыбы коня.

— Неправда это,— отшатнулся Эшим.

— Врешь, а ну проходи вперед!

— Заходите в дом, выпейте чаю, скоро вернется мой брат, тогда во всем разберетесь,— растерянно уговаривал их Эшим.

— Пошевеливайся, не то пожалеешь!

Эшим хотел было еще что-то сказать, но по знаку Матчон-туры «красноармейцы» застрелили его. Налетевшие вихрем, они снова исчезли в песках.

Прискакав домой, Яхшикелдибек увидел возле калитки окровавленное тело брата. Вначале он онемел от ужаса, потом соскочил с коня и бросился к брату. Зарыдал. «Кто, кто убил его?»— спрашивал он, задыхаясь. Сосед-йигит, едва преодолевая страх, подошел к нему и рассказал, что произошло. Но Яхшикелдибек качал головой, не хотел верить в это. Только после слов: «Своими глазами видел, красноармейцы убили, заметили бы меня, тоже убили бы, бог спас меня»— понял, что йигит говорит правду.

Весть о том, что убили Эшима, быстро распространилась по окрестным аулам. Прибыли родственники и из дальних мест. Во внутреннем и внешнем дворах дома Яхшикелдибека в скорбном молчании собрались мужчины.

Горе и жажда мести терзали душу Яхшикелдибека. Но прежде чем ринуться в бой, он решил узнать, кто же прямой

виновник смерти Эшима. Он позвал мирзу — писаря и продиктовал ему:

— «Заседающим в правительстве молодым и великим деятелям! Огромное горе постигло нас. Когда нас не было, пришли красные воины и среди белого дня без всяких вопросов и допросов расстреляли нашего младшего брата Эшима. Это повергло нас в недоумение и муки. За нашим любимым братом Эшимом не было никакой вины, он погублен в младые лета. Мы еще не успели опомниться от горя после убийства в сентябре 1920 года нашего брата Кушмамат-хана. Еще не зажили раны наших сердец, как нас повергли в горе и отчаяние убийством Эшима. Просим вас срочно разыскать убийц нашего Эшима и сурово наказать их. Яхшикелдибек».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ахмад Махмудов не любил предаваться воспоминаниям — он считал их чем-то сугубо личным, отвлекающим от настоящего дела. Но теперь, когда он заболел (врачи обнаружили у него язву желудка) и крепко уставал не только от работы, но и от молчаливой борьбы со своим недугом, картины прошлого все чаще возникали в его памяти. Он видел лицо матери, лучи морщинок возле её глаз. О, как он любил эти глаза, их ясный, но какой-то мгновенно гаснущий взгляд. Семья бедствовала. Мать ходила по домам, стирала людям. И он, Ахмад, и его младшая сестричка батрачили у бая. Когда вечером все собирались за скудной трапезой, монотонно скрипуче, как колесо чигиря, звучал голос отца, в который раз упрекавшего мать: «Чтобы жениться на тебе, задолжал пятьсот таньга. Вот уже и дети выросли, а долг стал еще больше, несчастные мы. Не пришло с тобой изобилие в наш дом».

Жестокие испытания закалили характер Ахмада. С неудержимой страстью и упорством боролся он за свободу своего народа, за новую жизнь Хорезма.

Каждый день в Центральный Комитет являлись к нему люди со всех концов страны, делились с ним. Они верили, что Ахмад-ага, ведь он сам из бедняков, поймет их.

Сейчас вот в его кабинете сидят активистки женотдела Хивы Анаш и Якутай.

— Кази обнаглел,— с горечью сказала Якутай,— он нарушает закон, с его помощью старики берут в жены несовершеннолетних девочек. Мы просим Центральный Комитет срочно принять меры.

... Этот вопрос, как и вопрос о вакуфах, стал причиной яростных споров. Мадримбай и Сабирбай сразу заявили, что это пренебрежение к древним обычаям и нарушение шариата.

Сабирбай поддержал:

— Если мы будем выступать против шариата и религии, то правительство потеряет уважение народа.

Махмудов бросил на них горький, укоризненный взгляд.

* * *

Весна двадцать третьего года пришла в Хорезм рано. Четвертого марта свыше тысячи делегатов со всех концов собрались на большой площади Нурлавоя отпраздновать трехлетие комсомола Хорезма.

На трибуну взошла Якутай, и сразу на площади стало тихо. Все глядели на нее. Делегаты знали, что враг нанес ей удар кинжалом, что она чудом избегла смерти.

Слова этой молодой женщины отзывались в сердцах:

— Братья и сестры! Среди нас свободных женщин пока очень мало. Кровожадные дикари пугают нас, сбросивших паранджу, законами шариата и адом. Они не ограничиваются словами, они режут наших сестер, стремящихся к свободе. Но пусть враги свободы знают: мы не боимся смерти!

От взрыва аплодисментов и криков дрогнул Нурлавой. Делегаты долго не отпускали Якутай.

После митинга и затянувшегося до вечера концерта Палван и Якутай решили погулять в ханском саду за Нурлавоем, в первые же дни революции превращенном в народный сад. В эти дни зацвели абрикосы, нежный весенний ветерок рассеивал вокруг них благодатный аромат.

— Весна, но душа моя печалится.

— Что случилось, джаным?

— И сама не знаю.

— Устали, наверно, ведь очень много работаете.

— Нет, нет, работа меня не утомляет...

— Джаным, все будет хорошо,— Палван вынул из кармана гимнастерки колечко и надел его на палец Якутай.— Мой праздничный подарок.

— Рахмат.

— А вот это подарок от моей матери,— он протянул золотую серьгу.

— Сегодня, значит, день подарков. А что вам подарить?

— Постарайтесь выздороветь совсем, вот это и будет вашим подарком.

Якутай тихо склонила голову на грудь Палвана.

Палван осторожно гладил волосы Якутай, ее лицо. «Якутай, джаным, да приму я боль твою».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Только что прозвенел звонок. В Ташкентском педагогическом училище окончились занятия. К Султан-пашше подошла подружка и, вертя конверт над головой, стала дразнить:

— Давай суюнчи, тебе письмо из Хорезма.

Султан-пашша ловко выхватила у нее письмо, прошла в сад и, усевшись под деревцем, начала читать.

«Дорогая Султан-пашша! Привет вам из далекого Хорезма, из древней Хивы, от тоскующего брата! Горячий привет от матери, от Палвана-ага, племянника Баходира, Якут-апа. Она все болеет, никак не может оправиться после ранения.

Осенью этого года из Хорезма многие комсомольцы поедут учиться в Ташкент и Москву. Подал заявление и я. С нетерпением жду вашего возвращения из Ташкента.

Султан-пашша, я не получил ответа на свои прежние письма. Может, я написал что-то неуместное, и Султан-пашша обижена на меня... Словом, всякое приходит в голову. Если невольно проявил непочтительность, то извините.

Султан-пашша, напишите подробно о себе, о том, как идет ваша учеба. Передайте привет брату моему Шерниязу.

Султан-пашша! Я всегда думаю о вас. Прошу, не ввергая меня в тоску, ответить скорее.

Преданный вам Бекджан».

Султан-пашша, улыбаясь, прочитала письмо еще раз. И вдруг в глазах ее промелькнула тень тревоги: «Почему Бекджан не получил мои письма? Может, не дошел караван. Может, ветер их гонит сейчас по пустыне или хмурый, как туча, басмач силится прочитать мои слова. До чего же далек Хорезм!»

С болью вспоминалась Якутай: «Сколько пришлось пережить бедняжке, и вот снова мучает ее рана». Султан-пашша взглянула на развернутое письмо Бекджана, на причудливую торопливую вязь строчек, и ей почему-то вспомнилась дорога в Пишканик и то утро, когда, приглашенные Бекджаном на праздник угощения дынями, они с матерью чуть свет вышли из Хивы. Тогда мать еле поспевала за ней, резво шагавшей босиком по дороге, утопающей в мягкой

прохладной пыли. Вспомнила, как потом катались с Бекджаном на лодке, проскользнув между стенами зеленого камыша, как светилась вода на айдине — самом глубоком месте озера, как Бекджан вдруг сказал: «Вы увозите с собой мое сердце»— и, ударив веслами по воде, стал грести стремительными рывками, как все светилось, смеялось, пело вокруг.

Султан-пашша подошла к окну, прижалась лицом к стеклу, походила по комнате и, вырвав из тетради двойной чистый лист, принялась писать ответ:

«Уважаемый Бекджан-ага!

Я получаю все ваши письма. Вот и сегодня пришло письмо, и радость моя вознеслась до небес. В тот же час посылаю ответ вам. Я здорова, учусь хорошо. Мы ходим по махаллям и помогаем сестрам овладевать грамотой. Как только закончу учительские курсы, приеду в Хорезм. Наша учительница Гульчехра-апа написала в мой альбом: «Султан-пашша, никогда не забывай своих сестер и сестричек, отставших от тебя, старайся, чтобы все прежде угнетенные приобщились к знаниям».

Бекджан-ага, ваше письмо, полное упреков и обид, заставило задуматься меня. Значит, мои письма не доходят Возможно, вы не получите это мое письмо и тогда разобидитесь еще больше, но я в этом не виновата, Бекджан-ага...— Султан-пашша прикусила кончик карандаша, ей хотелось излить свои чувства, но девичья гордость удерживала ее. Карандаш Султан-пашши забегал по бумаге.— Я очень тоскую по прекрасному Хорезму, по отцу и матери, по братьям и друзьям, хотела бы полететь, да не могу! Впереди еще много учебы...

Ага, передайте от меня привет вашей матери, старшему брату, племяннику. До свидания.

С наилучшими пожеланиями и приветами Султан-пашша».

* * *

Ахмад Махмудов просматривал в своем кабинете свежую почту, когда вошел Палван.

— Джура, проводим смотр добровольного отряда комсомольцев. Сказал бы молодым слова, острые как сабля, или у тебя нет времени?— Палван пристально взглянул на него.

— Когда смотр?

— Сейчас.

— Дел много, но раз предлагает Палван-батыр, время найдется,— сказал Махмудов, медленно поднимаясь из-за стола.

— Ахмад, какой-то вид у тебя усталый, синяки под глазами. Болеешь, что ли?— участливо спросил Палван.

— Не надо, не говори об этом,— досадливо отмахнулся Махмудов.

... На площади перед Кухна-Арком — древним дворцом хивинских ханов — ровные отряды йигитов с ружьями за плечами. Вглядываясь в их мальчишеские лица, Махмудов вдруг с ужасающей ясностью вспомнил кавалерийскую атаку под Кухна-Ургенчем, когда сабля басмача просвистела почти у самых глаз.

Поднявшись на трибуну, он весь подался вперед, словно для того, чтобы лучше видеть лица, и голос его раскатился над площадью:

— Товарищи!..

Час спустя на заседании Центрального Исполнительного Комитета Махмудов говорил подчеркнуто спокойно и даже нарочито медленно:

— Недавно мы вынесли постановление, запрещающее крупным землевладельцам объявлять свои земли вакуфными. Теперь настало время позаботиться о правильном распределении доходов, поступающих от вакуфов. Всем известно, что львиная доля их присваивается небольшой группой людей. До каких пор будет так? Предлагаю все доходы, поступающие от вакуфов, передать в распоряжение Назирата просвещения.

— Товарищ Махмудов, а ну ответьте: если я присвою вашу зарплату, будет ли это справедливо?— с ходу атаковал его Мадримбай.

Махмудов не успел ему ответить, как нервно и недовольно заговорил Сабирбай:

— В прошлый раз мы возражали против постановления о вакуфах. Не успела затянуться эта рана, как вы затеяли новые козни. Вакуф — извечная доля живущих в медресе муллавачча и обучающих их муаллимов, и распределяется она на основе законов шариата. Если наше мнение не будет приниматься в расчет, то, будьте любезны, освободите нас от членства в Центральном Исполнительном Комитете.

— Ахмаджан очень неразумно поступает,— багровея сказал Мадримбай. Не забывайте о мятеже, поднятом два года назад в медресе Мадамин-хана. Проявлять безот-

ветственность в важных вопросах не к лицу члену правительства.

— Значит, и вы против?— спросил председатель.

— Да, и я против,— решительно ответил Мадримбай.

— Махмудов предложил нам очень сложный вопрос. Было бы разумнее рассмотреть его, разделив на два отдельных: вакуфы, принадлежащие мечетям, и вакуфы, принадлежащие медресе,— осторожно сказал Абдурахим-хаджи.

— Правильно, правильно,— кивнул головой председатель.

Он полагал, что и другие присоединятся к этому предложению, но Сабирбай заявил:

— Я вообще против постановки вопроса о вакуфах.

— Мы не вправе говорить о вакуфах!— в ярости крикнул Мадримбай.

— Почему Центральному Исполнительному Комитету не рассматривать этот вопрос?— с иронией спросил Махмудов.— Где же еще рассматривать, как не в этом высоком учреждении? Товарищи, у нас есть проект решения, надо зачитать его и поставить на голосование.

Но тут, взглянув на часы, торопливо встал Сабирбай:

— Время намаза. Прошу объявить перерыв.

Среди пожелтевших от времени протоколов Центрального Исполнительного Комитета Хорезмской Народной Советской Республики хранится и этот:

«Протокол № 18, 1923 год, 11 апреля. Был рассмотрен доклад члена Центрального Исполнительного Комитета биродара Махмудова о вакуфах, в частности о неправильном использовании вакуфных земель с целью обогащения отдельных частных лиц. При четырех поддержавших и двух — Сабирбай Курбанбай-оглы и Мадримбай Алланазарбай-оглы — воспротивившихся принято постановление: за исключением вакуфов мечетей, все средства, поступающие от вакуфов медресе и учебных заведений, использовать для цели знаний и просвещения, а также для нужд обучающихся в медресе и школах и учителей, о чем и объявить.

Совету Назиров предлагается положить конец неправильному, как до сих пор имело место, использованию земель вакуфных».

Мадримбай и Сабирбай покинули зал Центрального Исполнительного Комитета опустив головы.

— Сгноить в зиндане надо Ахмада-уруса,— сказал Мадримбай, сверкнув глазами.

Вскоре в Назират юстиции была подана жалоба. В ней более чем на десяти страницах подробно описывались «преступления» Махмудова.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Раннею весной, когда начались дожди и стало сыро, здоровье Якутай резко ухудшилось. Она пожелтела, похудела, и в ее глазах ясно обозначились скорбь и боль. Все чаще кололо в груди. Ночами, когда ей становилось душно, она откидывала одеяло, но, боясь простудиться, куталась снова. Сон бежал от нее. Утром она поднималась бессильная: не хотелось ни есть, ни пить, через силу съедала кусок лепешки и, медленно ступая, входила в класс.

— Палван-ага, похоже, придется мне снова лечь в больницу,— сказала Якутай.— Возможно, больше не увидимся.

Палван вздрогнул.

— Почему вы так говорите?

— Зачем скрывать?..

— Якутай, все будет хорошо. Не зря люди говорят: кто от верной смерти ушел, долго жить будет, вылечат вас,— я слышал, в Хорезм приехал из Москвы новый доктор.

— Больная женщина вам не нужна,— печально улыбнулась Якутай.

— Якутай! Якутай, неужто вы так думаете обо мне?

В глазах Якутай сверкнули слезы.

Палван прижал голову Якутай к своей груди.

— Не отчаивайтесь, наши самые счастливые дни впереди.

— Как знать? О чем только не думаешь. Наплывают какие-то черные тучи, недобрые предчувствия, уходят надежды. Чувствую себя совсем одинокой.

— Джаным, пока я жив, вы никогда не будете одна.

Палван обнял любимую, поцеловал ее.

— Завтра привезу доктора.

— Рахмат,— тяжело вздохнула Якутай.

... Он возвращался в сумерках по пустынной дороге. Нетерпеливый, норовистый конь, словно чувствуя его боль и смятение, понуро брел, изредка встряхивая гривой.

Палван не заметил, как подъехал к Тазабагским воротам. Стражники поздоровались с ним.

— Все в порядке?— безразлично и отрешенно спросил Палван начальника стражи.

— В порядке, товарищ командир.

В городе было спокойно. А перед Палваном все еще стояла плачущая Якутай. Он слышал ее голос: «Забудете меня!»

* * *

По просьбе правительства Хорезмской республики штаб Туркфронта направил в Хорезм Ивана Васильевича Гадецкого, участвовавшего в боях с бандами Джунаид-хана в 1919 году. Сразу же по прибытии он был назначен начальником гарнизона Хивы. Случилось это в тот день, когда ему исполнилось тридцать лет.

Палван глядел на невысокого, сухощавого Гадецкого, на висках которого проступала седина. Вместе с этим русским человеком он защищал Турткуль, боролся за свободу Хорезма. А сколько таких рожденных в дальних краях бойцов и командиров отдали свою молодую жизнь за счастье людей, языка которых они не понимали, но считали своими братьями. Память о павших бойцах и командирах вечно останется в сердце Хорезма, думал Палван, но не находил нужных негромких слов.

— Иван-ага,— помедлив, сказал Палван,— как быстро летит время, как будто все происходило вчера. Но борьба не окончена. Джунаид снова поднял голову. Получив помощь из-за границы, среди песков сколачивает армию. Хива прямо на границе с песками, всего в десяти километрах... Теперь ты — начальник гарнизона. Тебе превращать нашу столицу в неприступную крепость.

— Вместе с вами... Но пока мирные дни, я должен стать хивинцем, обойти здесь все улицы, гузары, дворцы, знать Хиву как город, в котором жил годами.

— Ты, значит, горожанин?— спросил Палван.

— Нет, я родился в деревне. Все братья мои крестьянствовали, лишь я, младший, учился. В июне тысяча девятьсот четырнадцатого года, окончив учительскую семинарию в городе Паневеже, получил звание народного учителя. Началась мировая война. Волей судеб очутился в Турткуле. Вот тут и увидел тебя... Так вот, будешь моим проводником, покажешь Хиву, познакомишь с ее историей?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В ставку Джунаид-хана у большого колодца в пустыне прибыли из Хивы имам Пишканика и Сайфи-аксакал, посланцы улемов — высшего духовенства. На белесоватой, испещренной трещинами площадке — такыре — и в стороне

от нее, среди невысоких барханов, они увидели множество юрт.

Йигиты Джунаида давно забыли про мирный труд. Сегодня они тут, а завтра там. Каждый конный принадлежит к кошу. Каждый кош имеет своего предводителя, сотника или тысячника. Когда кончаются запасы, долго не раздумывая, нападают на какой-нибудь кишлак или аул; ограбив, исчезают в пустыне.

Сегодня чуть свет возле большой белой юрты Джунаида стоят его сыновья Эшши-хан и Амир-хан, обвешанные оружием с головы до ног. Они встречают вызванных сюда предводителей больших отрядов. Внутри юрта увешана ярко-красными и голубыми коврами. Циновки на полу покрыты казахским войлоком. Поверх него постланы один на другой красочные туркменские ковры из козьей шерсти.

Джунаид-хан в желтой чугурме, в красном шелковом чапане, в накинутом на плечи суконном чекмене сидит в глубине юрты, подогнув под себя ноги. Едва заметным кивком отвечает на приветствия своих главарей. Они садятся по краям юрты. Молчат. Ждут, когда появится пир Хан-ишан — духовный наставник Джунаида. Вот он вошел в юрту вместе с имамом и Сайфи-аксакалом. Джунаид-хан, поздоровавшись с ними, показал Хан-ишану место справа от себя.

— Братья, вот эти почтенные люди посланы к нашему сардору улемами Хивы,— заговорил Хан-ишан.— Большевои растоптали исламскую веру, попирают святые места, мечети и медресе. Теперь кяфуры уничтожают вакуфы, покушаются на долю ахунов, муфтиев и ишанов.

Затем поднялся седобородый имам Пишканика, он еще раз поклонился Джунаид-хану и заговорил с расстановкой:

— Хан-ага, прежде всего я передаю вам благословение кази-каляна, аглямов и муфтиев. Сейчас в Хиве столпотворение. Дьяволы, отобравшие земли высокорожденных, попирая шариат, лишают духовенство всех прав. Доходы, получаемые от вакуфов, отдают в распоряжение Назирата просвещения.

Матчон-тура, внимательно слушавший хорошо знакомого ему имама, приложил руку к груди:

— Хан-ага, как можно терпеть такое? Помогите!

Пир Хан-ишан, сидевший рядом с Джунаидом, обратился к нему:

— Сардор, избавить от беды детей ислама — ваш долг и обязанность:— Он молитвенно воздел руки.— Воинство

ислама, которое — тень бога на земле, должно покончить со всеми кяфурами.

Джунаид-хан приказал готовиться к большому наступлению.

* * *

Абдулла Ходжаев и Ахмад Махмудов отправились в северные районы республики, в отдаленные города и кишлаки, которым в первую очередь угрожало нападение Джунаида. Вскоре в Хиву стали прибывать от них тревожные сообщения. Мадримбай, временно исполнявший обязанности председателя Центрального Исполнительного Комитета, читая их, радовался: «Значит, скоро наш хан-ага поднимет свое воинство, двинется в большой поход».

И сегодня утром мирза принес еще одно послание. Мадримбай сразу узнал стремительный, нервный почерк Махмудова. Блаженно улыбнувшись, он уселся в кресло и стал читать.

«В Центральный Исполнительный Комитет.

Секретно

Сообщаем вам, что мы прибыли в Шихабад. Судя по полученным тут сведениям, хан Джунаид посылает своих лазутчиков в разные крепости, разведывает положение. Может внезапно перейти в наступление. Наши отряды прибыли в Кухна-Ургенч. Добровольные отряды, организованные во всех крепостях, необходимо вооружить. Гарнизонам Бешарыка и Хазараспа дать необходимые указания с тем, чтобы они были готовы ко всему. Сообщить об этом Гадецкому.

Абдулла Ходжаев
Ахмад Махмудов».

Мадримбай выдвинул ящик стола и, с опаской взглянув на дверь, сунул это послание в ящик и закрыл его на ключ. Затем вызвал секретаря и велел срочно отправить полученные вчера две новые жалобы на Ахмада Махмудова в Центральный Комитет партии. «Кажется, все рассчитано верно,— подумал Мадримбай.— Надо свалить Ахмада-уруса именно теперь, когда Шарафутдинов заболел, уехал лечиться в Ташкент, а возглавляет Центральный Комитет новый человек».

Несколько часов спустя он явился в Центральный Комитет сам и предупредил только что назначенного первым секретарем ЦК Адинаева, что необходимо срочно и самым серьезным образом проверить, действительно ли Махмудов

совершил, будучи руководителем Чека, преступления, и, если совершил, наказать, поскольку дела Махмудова бросают тень и на Компартию Хорезма.

Для расследования жалоб на Ахмада Махмудова была организована комиссия из трех человек во главе с работником Назирата юстиции Ходжаевым.

До прибытия Махмудова члены комиссии побеседовали со многими людьми. Как только Ахмад явился в Хиву, его вызвали и учинили допрос.

— Вы, товарищ Махмудов, когда работали председателем Чека, во время обысков реквизировали золото у богачей. Где это золото?

— Все изъятое золото по акту сдавалось в советские банки. Эти акты сохранились,— тихо ответил Махмудов.

— Вы сдали только половину, а где остальное?

— Сдано все, есть свидетели. А кто же посеял сомнения насчет этого?

— Вопросы будем задавать мы. Отвечайте, где золото и серебро, взятые вами?— резко сказал Ходжаев.

— Сперва ознакомьте меня с материалами, которыми располагаете, и тогда я докажу вам, что все эти «факты» выдуманы врагами. Тогда по решению правительства я руководил группой из трех человек, на все изъятое составлялся акт, и все трое его подписывали. Домой я ничего не забирал,— объяснил Махмудов.

— А где несданное?

— Все было сдано. Поймите же, нет на мне вины. Ненавидящие советскую власть клевещут, а вы им верите.

— Мы известим о вашем поведении Центральный Комитет.

Махмудов вскипел:

— Если в ваших силах, можете и расстрелять!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Палван, услышав о том, что создана комиссия, которая разбирает какие-то дела Ахмада Махмудова, пришел к нему домой.

— Ахмад, на тебя какие-то материалы поступили. Комиссия работает. Что случилось?

— Комиссия устроила мне очную ставку с Мехтаром, вернувшимся недавно из ссылки, с тестем хана Накибомхаджи и еще с некоторыми людьми, и, представь, глядя прямо в глаза мне, они нагло врали.

— Ведь это — враги, жаждущие мести.

— А комиссия утверждает, что они люди авторитетные. Расследуют события трех-четырехлетней давности. Не все документы в Назирате финансов сохранились — странно это. А тем, которые сохранились, не верят. Когда я работал в Чека, контру, вместо того чтобы посылать в ссылку, надо было расстреливать. Вот тут мы допустили большую ошибку. Гляди-ка, Накиб-хаджи вплел в интригу свою дочь, и она нагло заявила комиссии: «Махмудов силой взял меня, а потом отобрал серебро и золото».

— Разве может быть честь и стыд у жены Исфандияр-хана! Любым путем хочет отомстить за своего отца, ведь все они хранят злобу. У клеветников руки коротки, но яд их опасен, друг мой. Надо суметь одолеть их стойкостью и терпением. Пошли скорее письмо в Средазбюро, напиши все как есть.

Палван долго беседовал с ним.

То, что в эти тяжелые для Махмудова дни его навестил друг, вдохнуло в Ахмада силу и уверенность. «Другие близкие не пришли, а Палван пришел, вот так-то в тяжелые дни испытываются друзья».

И когда он был освобожден от должности второго секретаря Центрального Комитета, исключен из партии, а 30 мая ЦИК вывел его из состава членов Президиума, решил ехать в Москву с жалобой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Матёз, оказывается, я напрасно женил тебя, совсем ты растаял, обо всем забыл в объятиях молодой жены,— ядовито упрекал Аллакулибай своего батрака.

Матёз сразу же понял, чем недоволен хозяин.

— Бай-ата, знаете сами, сколько я ходил за ним, ничего не смог сделать, не попадается Палван один, всегда с ним вооруженные аскеры.

— От Ахмада-уруса избавились, из партии его выгнали, с работы сняли, опозорился. И с Палваном давно надо было покончить, да вот ты подвел меня. Я думал, Матёз — человек слова, а ты обманщик, неблагодарный.

Огромный, косая сажень в плечах, Матёз молча, нагнув голову, слушал ругань хозяина.

Словно откуда-то издалека донесся до него крик Аллакулибая:

— Не выполнишь мой приказ, заставлю тебя дать жене тройной развод.

Тут Матёз наконец обрел дар речи, не поднимая головы, сказал:

— Вы сами найдите какой-нибудь путь, бай-ата.

— Подай заявление, вступи добровольцем в Красную Армию.

— Я же неграмотный.

— За тебя напишет мой сын, а ты приставишь палец — и хватит. Покажи себя у них в армии, нужно любым путем втереться в доверие к Палвану, потом...— Аллакулибай не докончил, злобно вперился в Матёза, сверля его взглядом: мол, неужто не понимаешь таких простых вещей?! Но Матёз не проронил ни слова, точно бы воды в рот набрал. Аллакулибай разъярился:

— Прокаженный, понял ли ты?

— Понял, бай-ата.

* * *

Бекджан в письмах, которые он посылал Султан-пашше в Ташкент одно за другим, откровенно объяснился ей в любви. Ответ был коротким: «О том, что пишете, мы поговорим в дни каникул, когда приеду в Хиву». Бекджан с нетерпением ждал наступления каникул. Каждую пятницу он заходил в дом Султан-пашши проведать ее родителей.

Однажды, оставшись наедине с братом, Палван сказал:

— После смерти отца старший брат становится для младшего отцом. Не так ли?

— Так,— ответил Бекджан.

— Значит, младший должен делиться со старшим всем, что у него на душе.

— Я ничего от вас не скрываю.

— Но об этом ты молчишь. Я хорошо знаю о твоей любви к Султан-пашше. Султан-пашша — девушка умная, совестливая, образованная. Ее родителей уважают не только в Хиве, но и во всем Хорезме. Сабир-ака любит тебя, как родного сына. Айманхан-апа — благородная женщина, чистая душой. Дочь такой семьи станет нашей невесткой, это же счастье!

— Мне пока...

— «Пока вы не женились, неудобно жениться мне, младшему»— так хочешь сказать? Но ведь я был женат, у тебя есть племянник.

— Знаю...

— Так почему же ты не думаешь о свадьбе, ведь тебе уже двадцать четыре — самая пора. Бекджан, обо мне ты не беспокойся, придет и мой день, пусть только выздоровеет

Якутай. А сейчас мы должны подумать о тебе. Недавно мать сказала: «Я уже все приготовила для тоя Бекджана».

— И мне она об этом говорила несколько раз,— тихо добавил Бекджан.

— Значит, все ясно. Ты должен жениться, мы с нетерпением ждем этого. О расходах не беспокойся,— это моя забота.

... Вот и каникулы, которых Бекджан ждал с таким нетерпением. Сабир-ака и он встретили Султан-пашшу на пристани в Ургенче, возле Шават-канала. Втроем прибыли в Хиву. Султан-пашша сразу же с головой окунулась в работу: у хивинских комсомольцев дел хватало. По пятницам она встречалась с Бекджаном, гуляли вокруг озера, катались на лодке. Дни каникул пролетали быстро.

Однажды поздним вечером возвращались с городского собрания комсомольцев. На улицах Хивы тьма-тьмущая. Луна за облаками, во всем городе — ни одного хотя бы маленького зажженного керосинового фонаря. Многие узкие улицы и переулочки крытые — прямо-таки пещеры.

Идти по Хиве в такую пору было небезопасно. Сначала Бекджан шагал рядом с Султан-пашшой, не смея прикоснуться к ней, но, когда увидел, что девушка, привыкшая ходить по светлым улицам Ташкента, то и дело спотыкается, взял ее под руку. Они зашагали, прижавшись друг к другу.

— Ага, до чего темны наши улицы!

— Когда рядом вы...

— Что тогда?— с подкупающей непосредственностью спросила Султан-пашша, произнеся слово «что» мягко, на ташкентский лад.

— Когда рядом вы, вокруг светло.

— Вы сравниваете меня со светильником?

— Нет, со звездой. Вы освещаете не только эти темные улицы, но и мою душу. Султан-пашша, я столько лет...

Бекджан хотел сказать «люблю вас», но не мог произнести эти слова — ведь они лишь тень его любви.

— Султан-пашша, я не могу жить без вас. Только с вами расцветет мое счастье.

Девушка молчала. А Бекджан говорил все взволнованнее:

— Хорошо бы справить наш той в эти летние дни... Дорогая, почему не отвечаете? Знаю же, вы согласны...

— А как вы это узнали?

— По вашим глазам.

— Любопытно. Оказывается, вы видите в темноте...

— Глазами сердца.

— Ага, мы уже подошли к дому, До свидания!

Бекджан готов был до рассвета стоять с Султан-пашшой, крепко держа ее за руку, но тут послышались чьи-то шаги, приближавшиеся к калитке. Шепнув: «Встретимся в пятницу, ставят новую пьесу Хамзы-ага»,— исчез.

* * *

Ни в одном городе Хорезма и даже в самой столице Хивы не было помещения для театра. С недавних пор концерты и театральные представления устраивали в большом зале гарема ханского дворца Нурлавой. Но этот большой зал был явно мал и для актеров и для зрителей, которых набивалось столько, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Люди тянулись к искусству. Хиве нужен был театр.

Руководители республики хотя и с большим трудом, но кое-какие средства на это дело выделили и посоветовали Назирату просвещения объявить хашар.

Напротив Нурлавоя, на месте обветшалого дома Ашурмахрама, началось строительство первого в Хорезме театра. Здесь трудились все: и работники назиратов, и ученики новых школ, и сами артисты, певцы, музыканты. Работали, ловя на лету каждое слово мастеров, забыв про усталость. Из печей для обжига, что находились возле Хазараспских ворот, безостановочно подвозили на арбах кирпичи. Перебрасываемые из рук в руки, они попадали под конец к каменщикам, возводившим стены. Тут же длинные стволы тополей распиливали на доски, а из самых прочных карагачей делали столбы-опоры. Мастера по ганчу вырезали удивительные узоры. Никто не оставался без дела.

Построить театр было не легко, ведь хорезмским мастерам никогда не приходилось возводить подобного рода здания.

Прошло несколько месяцев — и театр был готов.

Первый концерт в театре был дан для тех, кто строил его.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В Хиве готовились к Первому курултаю работников просвещения Хорезма. Юсуф Харратов был направлен в Ходжейли. Там он побывал во многих кишлаках и аулах. От Ходжейлийского района надо было избрать делегатов на курултай. В этом деле Харратову помог его друг Хамза. Потом, когда делегаты — учителя и работники просвеще-

ния — собрались в Ходжейли, Харратов нанял несколько арб. Ранним утром отправились в Хиву.

Путь в Хиву далек, дорога тяжелая. Дни стоят жаркие. Тучи горячей пыли окутывают арбы. Трудно дышать. Арбы качаются, точно лодки на волнах, проваливаются в рытвины, подпрыгивая так, что кажется, сердце оборвется.

Говорят, «муки дорожные — муки могильные», и в самом деле — преодолеть в то время в Хорезме большое расстояние было дело трудным. Но Хамза и Юсуф Харратов, сидевшие на передней арбе, увлеченно беседовали, не обращая внимания на утомительную тряску. Оба — путники бывалые, выносливые. Близкие друзья, они хорошо понимали друг друга. И хотя Юсуф-ака был на девять лет старше Хамзы, тем не менее уважительно величал его «яшули». Он восхищался талантом и мужеством Хамзы, считал его жизнь образцом для подражания. Это он особенно горячо отговаривал Хамзу, когда тот решил поселиться в Ходжейли, где басмачи убили заведующего интернатом. «Вам надо беречь себя, свой талант»,— на что Хамза ответил спокойно: «Если слова поэта не подтверждаются его делами, то он не стоит бумаги, на которой пишет». Что же касается Хамзы, то он высоко ценил своего друга Юсуфа-ака — собрата-поэта, известного всем под именем Чокар.

— Юсуф-ака, мы живем с вами на грани двух эпох, нам надо запечатлеть прошлое и донести его грядущему. Вы рождены в Хорезме, хорошо знаете его искусство и музыку, его древних лицедеев. Кому, как не вам, рассказать обо всем этом.

— Вы правы, я и сам хотел написать о народном искусстве, но дел у меня теперь невпроворот: надо открывать новые школы, новые курсы...

— Юсуф-ака, от нас с вами останутся только произведения. Теперь, когда к знаниям тянутся тысячи, наш долг помочь им познать искусство.

Так беседовали друзья-поэты под монотонный скрип арбы, забыв о времени и о самой дороге.

* * *

Приехав в Хиву, Хамза остановился у Шерози. Немного передохнув с дороги, он вместе с Шерози отправился в новый, первый в Хиве театр, где давала спектакли хорезмская драматическая труппа.

Когда в зале появились Шерози и Хамза, шла репетиция. Увидев их, артисты бросились вниз со сцены, окружили Хамзу — человека, олицетворявшего для них искусство.

— Вот это сцена, вот это зал!— восхищенно произнес Хамза.

Шерози стал представлять ему артистов:

— Машариф Палванов,— Шерози положил руку на плечо румяному черноглазому здоровяку.

— Очень приятно! Я много слышал о вас. Как ни далек Ходжейли, и там звучит ваше имя, люди гордятся: «Мы видели игру Машарифа Палванова!»— Хамза крепко пожал ему руку.

— Хамза-ага, не знаю, за что меня так хвалят, ведь я еще новичок в театре,— Машариф посмотрел на Хамзу, и тот сразу оценил и запомнил его проницательный глубокий взгляд.

Осенью 1921 года, когда Хамза впервые прибыл в Хиву и в одном из залов Нурлавоя устроил театральное представление, присутствовавший там Машариф Палванов, затаив дыхание, следил за событиями на сцене, запоминал. Когда на следующий день он изобразил в лицах все виденное и слышанное в театре своим друзьям, они были изумлены.

Шерози первый угадал артистический талант Машарифа.

— Брат, у тебя врожденный талант актера и голос хороший, поступай в театр,— сказал он.

— Мадраим-ага, шутите вы...

— Какие шутки? Я серьезно тебе говорю.

И вот Машариф робко, неуверенно ступил на театральные подмостки. И быстро стал настоящим артистом.

Днем Машариф Палванов работал в ЦК комсомола, вечерами в театре. В те времена большинство артистов были любителями, работали в школах, учреждениях, редакциях, а вечерами они направлялись в театр на репетиции, порою ночевали в театре. Эти молодые артисты-любители жили, дышали театром. Жизнь без него казалась им пустой. Хамза хорошо понимал их, сейчас ему здесь приятно все, даже их жалобы.

— Ограниченный репертуар у нас.

— Не хватает декораций.

— Художника нет, Хамза-ага, помогите нам!

Внимательно выслушав все пожелания артистов, он обратился к Палванову:

— Машариф, я написал новую пьесу, главную роль для вас.

— Спасибо, ага!

На следующий день Хамза прочитал артистам свою трехактную пьесу «Революция в Хорезме» и тут же распределил между ними роли, после чего обратился к Шерози:

— Мадраим-ага, я хочу сам поставить эту пьесу и еще раз воспользоваться вашей благосклонностью: она должна быть пронизана мелодиями Хорезма, сочините к ней музыку.

— Со всей душой.

Узнав о приезде Хамзы, в театре начали собираться хивинские поэты, музыканты, певцы. Всем им хотелось сыграть хоть самую маленькую роль в пьесе Хамзы.

* * *

Якутай не знала о разговоре доктора Машкова с заведующей женской школой в Тазабаге и была очень удивлена, когда заведующая с несвойственной ей твердостью вдруг потребовала, чтобы Якутай временно прекратила работу в школе. «Два месяца вы вообще не должны появляться в школе и на курсах»,— заявила она. По тому, каким тоном это было сказано, Якутай поняла, что возражать бесполезно.

Вынужденный отдых Якутай восприняла как еще один удар судьбы: «Пока есть силы, нужно работать, быть с людьми, но меня лишают последней радости, хоронят заживо». Низко склонив голову, побрела она по Тазабагскому саду. Шагала, не разбирая дороги. И вдруг замерла, увидев в просвете деревьев бусинки спелых вишен. Что-то неизъяснимо прекрасное было в них. «Не умру,— сказала она тихо журчавшей воде, деревьям и небу.— Не умру, не хочу умереть».

С той памятной минуты Якутай почти физически ощущала, что сад ждет ее. Каждое утро она спешила к нему, бросая приветливые взгляды на знакомые деревья и цветы. Часами тихо бродила она по тропинкам, отдыхая душой.

Прошло несколько недель, и Якутай почувствовала себя много лучше. Сон ее стал глубок и спокоен, отступала и уходила боль, а вместе с ней и недобрые предчувствия.

Однажды Якутай и навестившая ее Султан-пашша пили чай на берегу хауза. Вдруг они увидели Хамзу, Юсуфа Харратова и заведующую интернатом. Когда те подошли ближе, Якутай и Султан-пашша встали, Якутай и подумать не могла, что ради нее сюда, в Тазабаг, явится Хамза.

— Приехал в Хиву и захотел повидать вас, сестричка,— сказал он, тепло здороваясь с Якутай.

Смущенная и счастливая, она хотела пригласить гостей в дом, но Хамза и Юсуф-ака просили ее не беспокоиться.

— Как здесь хорошо! Что может быть в такой знойный день лучше благодатной тени карагачей и свежести зеркально-чистого хауза,— произнес Хамза, усаживаясь на глиняную супу.

Хамза заговорил с Якутай и совсем еще молоденькой Султан-пашшой как с равными. Он расспрашивал Султан-пашшу о Ташкенте, заведующую интернатом и Якутай о школьных делах, то и дело обращаясь при этом к Юсуфу-ака. Хамза был не только прекрасным рассказчиком, но и слушать умел отлично, с каким то особым сочувственным вниманием, воодушевляя этим своих собеседников. Якутай, конечно, понимала, что Хамза-ага, хотя он и не говорит ни слова о ее болезни, явился сюда именно потому, и она была особенно довольна, заметив взгляды, которыми обменялись Хамза и Харратов,— эти взгляды красноречивее слов говорили, что гости приятно удивлены ее видом и хорошим настроением.

— Я напишу поэму о мужественных женщинах Хорезма, об их борьбе за свободу,— сказал на прощание Хамза.

— А я должен передать вот этот мандат делегату Первого курултая работников просвещения Хорезма,— Юсуф-ага бережно протянул Якутай конверт.

— Рахмат, что не забыли меня.

— Разве можно забыть вас! Вы одна из первых среди просветителей Хорезма, заслуги у вас большие, сестричка. Все делегаты будут рады видеть нашу Якутай отдохнувшей и поправившейся.

* * *

Почти месяц Палван вместе с группой командиров Красной Армии Хорезма разъезжал по северным районам республики, создавая в городах и кишлаках из местных жителей вспомогательные добровольные отряды. Вернувшись в Хиву, он сразу явился к военному назиру Волошину.

Спустя час, вырвавшись из путаницы узких хивинских улиц на простор, Палван мчался, горяча коня, по дороге в Тазабаг. И вот уж он едет шагом в тишине сада.

Палван привязал коня и направился к дому Якутай, прошел веранду, остановился в передней, тихо постучал в дверь.

— Кто там?— донесся ласковый голос.

— Якутай, это я.

— Палван-ага, сейчас.

Якутай тихо открыла дверь, поклонилась Палвану и в следующее мгновение растаяла в его объятиях.

Была летняя пора. В доме душно и жарко.

— Ага, пойдемте в сад, там прохладно, хорошо,— сказала Якутай, надевая туфли.

Они вышли в сад. Благоухали пряные розы — перед загородным дворцом Тазабаг, в котором теперь разместился интернат, был цветник. Справа от него раскинулись яблоневые, грушевые, персиковые сады, за ними на берегу анхора вздымали вершины величественные тополя.

Якутай и Палван медленно шли по дорожке. Вокруг переливалась, светилась зеленая листва. От анхора веял прохладный ветерок, сквозь густые кроны деревьев прорывались лучи солнца. Сказочно, чудно в каждом уголке сада.

Выйдя к анхору, Палван и Якутай зашагали вдоль берега все медленней, пока не остановились у знакомой им плакучей ивы.

— Ага, давайте посидим. Тут прохладно, ветерок.— Якутай смущенно улыбнулась.

Палван, не отрывая взгляда от Якутай, тихо гладил ее нежные, белые руки.

— Палван-ага, если бы вы знали, как я счастлива сейчас...

— Якутай моя. А как я рад! Вы поправились, порозовели, как прекрасно отражается день в ваших глазах. Якутай, вы даете мне жизнь, счастье.

* * *

Первый курултай работников просвещения Хорезма открылся в Нурлавое второго июля.

На трибуну поднялся назир просвещения Абдурашидов.

— Уважаемые делегаты!— начал он.— До революции на территории Хивинского ханства в тысяче пятистах старых школах училось сорок пять тысяч детей. Только по названию они были школами, ничего не давали для просвещения нашего города. В темных, сырых, тесных помещениях на земляном полу, устланном саманом, сидели дети. Напротив них на войлочной подстилке с длинной палкой сидел домля и наблюдал за детьми, учившими буквы. Сами знаете — отец, приводя сына в школу, говорил: «Мясо ваше, кости — наши». Дети в течение шести месяцев, держа перед собой доску с написанными на ней буквами, заучивали их. Потом переходили к «Хафтияку», который, будучи седьмой частью Корана, заключал в себе его отдельные избранные суры — главы.

В Хорезме до революции были две советские школы: одна в Ургенче, вторая в Хиве. Но они просуществовали недолго. Товарищи, не будет преувеличением сказать, что обучение детей грамоте в школах началось только после революции. Сейчас в нашей республике двадцать три новые советские школы и шесть интернатов, в них — тысяча двадцать девять детей. Они, быстро освоив грамоту, изучают математику, географию, родной язык и другие предметы,— отчитывался назир просвещения.

На четвертый день работы курултая на трибуну вышел Хамза.

— Уважаемые работники просвещения! После революции в Хорезме многое сделано на ниве просвещения и культуры. Но если мы будем закрывать глаза на недостатки и упущения, то это приведет к вредным последствиям. Нет учебников и наглядных пособий. Почему назир просвещения обошел это молчанием? В каракалпакских районах мало школ. Назират просвещения перестал финансировать интернат в Ходжейли, уже сколько месяцев учителя не получают зарплаты, не дают нам продуктов для детей. Некоторые, видя такое тяжелое положение, считали, что надо закрыть интернат. Но мы преодолели все трудности, упоминать о них подробно не стоит. Помня мудрые слова наших отцов: «Земля — кормилица, земля — сокровище», принялись за работу. Сперва мы получили для интерната двадцать пять танапов земли. Наши друзья в Ходжейли помогли лошадьми и быками. Вспахали землю, засеяли ее, постоянно ухаживали за посевами. Всем этим под руководством учителей занимались сами дети. Земля, за которой старательно ухаживали, дала хороший урожай. Продав излишки зерна, купили детям одежду и разное оборудование для школы. Мы учим школьников столярному, кузнечному, портняжному, поварскому делу. К землям, которые мы получили вначале, потом добавились новые. Мы вырастили сад. Посеяли хлопок, пшеницу... Дети, которые учатся и овладевают ремеслом, вырастают сильными, выносливыми.

Делегаты слушали внимательно.

— Вы, конечно, знаете, что в Ходжейли издревле сильна религия. Много ишанов, шейхов... Как раз напротив нашего интерната была старая школа при мечети. Мы стали дружить с детьми этой школы, беседовали с ними, да они и сами видели, что их сверстники в интернате живут интереснее, быстро становятся грамотными, а к тому же овладевают и профессией, что более всего приводило их в восторг.

И вот дети из той старой школы один за другим стали переходить в нашу. В результате эту школу Джумамурад-ахуна закрыли. Уменьшилось на одно гнездо скопище суеверий.

Теперь мы хотим построить в Ходжейли новую школу. Товарищи из назирата отказываются нам помогать, но это нас не остановит. Товарищи из назирата, чем сидеть в кабинетах и рассылать приказы, поезжайте в далекие районы, кишлаки, аулы. Вам необходимо видеть своими глазами, как обстоят там дела, поддерживать живую связь с учителями и всеми работниками просвещения, оказывать им помощь.

Хамза закончил свою речь под бурные аплодисменты. Но среди делегатов были и такие, которым его слова пришлись не по душе.

Первый курултай работников просвещения Хорезма продолжался девять дней. Курултай запретил преподавание в советских школах основ религии, наметил, что необходимо сделать для повышения культуры преподавания и для открытия новых школ и клубов, особенно в каракалпакских и туркменских районах, и педагогического техникума в Хиве.

Курултай был закрыт под звуки «Интернационала».

* * *

— Хамза-ага, завтра выходной день, не поехать ли нам в кишлак, навестим мою старушку мать, полакомимся тутовыми ягодами, искупаемся в озере.

— Хорошо, Палванбай. Нашего друга Шерози вы, наверно, тоже позовете!

Ранним утром Палван, Хамза, Шерози и Маткарим-ака, которого за задиристость и острословие хивинцы величали Гусаком, оседлали коней. И вот, не торопясь, они едут по Пишканикской дороге. Прямо у дороги запыленные колосья пшеницы и джугары. В большом анхоре чуть слышно журчит золотистая от утреннего солнца вода. Куда ни глянешь — широкий простор. Далеко видно.

От Амударьи до песков Каракумов простираются ровные, как ладонь, поля; здесь нет ни холмов, ни оврагов, ни саев. Огромный, необозримый оазис.

Когда приблизились к усадьбе Матчон-туры, Палван задумался, вспоминая годы молодости, Джумагуль... Озаренные улыбкой и искаженные злобой лица промелькнули мгновенно в его памяти. Палван поднял руку к глазам, словно отрывая от них прошлое, и совсем спокойным голосом сказал:

— Хамза-ага, вот эта огромная усадьба принадлежала Матчон-туре. Теперь здесь школа и Совет кишлака. В летние месяцы тут живет и моя мать.

Айша-хола, заметившая подъезжавших конных, вместе с внуком вышла навстречу. Палван, как только увидел мать, спешился и поздоровался.

Мать ласково поцеловала Палвана в лоб, подбежавший Баходир кинулся в его объятия.

— Анаджан, приехали дорогие гости,— Палван показал на своих спутников,— вот этот человек и есть Хамза-ага, о котором я вам рассказывал.

Гости направились в сад, уселись на большой супе на берегу хауза. Все здесь дышало свежестью и прохладой, вода в хаузе была прозрачной, и казалось, свет исходил не только от неба, но и от этого прозрачного хауза.

После чая гости решили погулять по саду. А Хамза и Палван пошли на озеро. Там Палван отвязал старую, не раз чиненную лодку и, придержав ее, пока усаживался Хамза, оттолкнулся веслом от берега. Вот, миновав камыши, вышли на зеркальную гладь озера. Хамза то улыбался чему-то, то вдруг замирал с поднятой перед глазами рукой,— возможно, в эти минуты рождалось стихотворение или слышалась ему новая мелодия. Палван, чтобы не мешать, греб тихо и осторожно. Через некоторое время Хамза, глядя на яркую, смешанную с закатным солнцем воду, произнес:

— Хорошо здесь!

— Мы были в этих местах с Авазом-ага. Он тоже любил, предаваясь раздумьям, плыть в лодке по этому озеру,— ответил Палван, опуская весла.

— Буду жив, напишу об Авазе.

— Да свершится ваше желание.

Они помолчали.

— Я восхищен Якутай,— произнес Хамза,— как просто, но с каким достоинством разговаривает она с людьми. Надеюсь, на свой той вы пригласите и меня!

— Кого же приглашать на той, если не вас, Хамза-ага?

Вдоволь налюбовавшись озером, они вернулись домой.

— Хамза-ага, понравилось вам озеро?— спросил Маткарим-ака.

— Еще как! Хорезм невозможно представить без таких озер. Они глаза этой земли.

На рассвете, чтобы их не застала в пути жара, отправились в Хиву. Айша-хола пожелала им счастливого пути.

* * *

Доклад Хамзы на курултае привел в ярость тех, кто надеялся на недолговечность советской власти. Говорят, прокаженный в темноте видит прокаженного, так и затаившие месть собрались поздно вечером в доме Аллакулибая.

— Этот злосчастный, этот пришелец Хамза,— злобно заговорил, раскрыв газету, Ялманбай,— все переворотил: вот тут напечатан его доклад на курултае. Смотрите, как он бичует всех нас, оскорбляет цвет нации, просветителей народа: и кази-каляна, и ишанов, и баев, и купцов.

— Хамза, действуя заодно с Шерози, пристрастил хивинцев к театру. Мало бед, так еще одна на нашу голову — этот театр! Показали делегатам курултая пьесу «Революция в Хорезме». Эти бесстыдники, лишенные чести, заставляют наших невинных девушек предаваться на сцене греховным танцам. Как можно терпеть такое, почтеннейший!— Аллакулибай взглянул на кази-каляна.

— Хамза не признает ни религии, ни бога! Этот дьявол, пришедший в наш край из далеких мест, сбивает народ с пути истинного. Покойный Ата-махсум, уважаемый человек, прогнав его из Хивы в Ходжейли, поступил очень умно, но, сказать по правде, его вообще надо было изгнать из Хорезма. Место его не на земле, а в аду,— мрачно сказал кази-калян, перебирая четки.

— Хамза учит молодежь богохульству. Рузмат, Маткарим, Матякуб, Машариф, словно бачча, так и увиваются вокруг Хамзы. Если теперь от него не избавимся, потом будет поздно. Надо выжить его из Хорезма, пусть уезжает туда, откуда прибыл. Таксыр, послушайте, какие еретические мысли он тут высказывает.— Ялманбай снова зашелестел газетой.—«Просим правительство отменить в новых школах изучение основ религии».

— О боже!— вырвалось у кази-каляна.— Это тоже написал Хамза? Значит, большавои решили закрыть наши школы. Теперь одна надежда на Джунаид-хана.

* * *

Сойдя с фаэтона возле Нурлавоя, Мадримбай нечаянно столкнулся с Хамзой. На лице Мадримбая заиграла улыбка.

— Я искал вас, да все никак не мог найти. Мне очень понравилась ваша пьеса «Революция в Хорезме», вы правдиво показали хорезмскую революцию, хвала вам, хвала!

— Таксыр, вы уж чересчур хвалите меня.

— Нет, нет, я говорю истинную правду. У вас замечательный талант, и расцвел он именно в Хорезме.

— Это вы верно сказали. Хорезм для меня нескончаемый источник вдохновения.

— Но есть маленький недостаток... Если не обидитесь, то посмею сказать...

— Пожалуйста, пожалуйста, я слушаю вас.

— В вашей пьесе есть стихи, задевающие служителей религии, но ведь это Хорезм, народ здесь очень религиозный...

— Таксыр, а нельзя ли прямее сказать о недостатках пьесы...

— Такой образованный, авторитетный человек, как вы, не должен бы заниматься делом, обижающим служителей религии, а тем более высмеивать их. Ваши сатирические стихи и вовсе излишни.

— Но почему обижены вы? Вас-то я не осмеял?

— А есть и такие намерения? — спросил, обнажая в улыбке зубы, Мадримбай.

— Придется к слову, и отца родного не жалей, говорят. Таксыр, стихи пишут по велению сердца, оно и приказывает бичевать тех, кто присваивает себе львиную долю народного достояния, кто мешает людям быть свободными и счастливыми.

— Отменное желание, но и Ахмад Махмудов вот так же ретиво вел себя, и тогда истинно авторитетные люди...

Хамза перебил его:

— Истинно авторитетные люди написали на него — Махмудова исключили из партии. Так хотите сказать?

— Так ведь какой-то Ахмад Махмудов, а это вы — известный всем революционер, поэт, просветитель...

— Мое перо служит народу.— Хамза побледнел, губы его задрожали.

— Хамза, не нервничайте, я вам желаю только хорошего. Вы, будучи членом партии, взяли без свадебного обряда в жены татарку. Это не соответствует ни шариату, ни законам нынешнего времени, дети будут погаными.

— Я с ней расписался в загсе.

— Вы и в Коканде взяли жену из неверов — русскую женщину.

— Вот тебе и раз, вы, я вижу, желая сделать хорошее мне, весьма тщательно изучили мою биографию. Премного благодарен, желал мне хорошего и ваш друг Ата-махсум... Таксыр, я спешу в Ходжейли, мне некогда. Хайр!

Мадримбай замер на месте, руки его сжались в кулаки. «Ну, подожди!»— прошептал он.

Палван, Шерози и Сабир-ака, провожая Хамзу, услышали от него:

— Мадримбай не уступит Ата-махсуму, будьте бдительны!

* * *

После разговора с Мадримбаем назир просвещения Абдурашидов, и без того разгневанный докладом Хамзы на курултае, долго ломал голову, каким образом избавиться от этого пришельца, так беспощадно критиковавшего его. На работе и дома и даже во сне Абдурашидову виделось лицо Хамзы, слышался голос Хамзы, заглушаемый громом аплодисментов делегатов курултая.

И вот однажды, явившись в назират раньше обычного, он приказал отыскать старое заявление Хамзы. В нем Хамза писал: «Я несколько раз просил о принятии мер для улучшения работы интерната, ни одна из этих просьб не удовлетворена. Поэтому прошу освободить меня от работы». Назир тогда наложил резолюцию и вместо нее написал: «Освободить от работы согласно заявлению», затем позвал делопроизводителя и сказал:

— Пошлите в Ходжейли приказ об освобождении от работы Хамзы.

— Но Хамза еще в Хиве, он не закончил здесь свои дела, можно вручить приказ ему в руки...

— Нет, пошлите по почте задним числом. Это будет законно и в формальном отношении, поняли?

— Понятно, назир-эффенди.

В тот же день в Ходжейли было отправлено письмо.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Назир-кур, несмотря на жару, напился до полусмерти и, явившись домой, начал измываться над женами. Он кричал на весь дом, а жены молчали, не смели и рта раскрыть. Старшая жена торопливо раздела его, вторая вымыла его ноги, самая младшая стала массировать ему затылок.

— Дура, массируй получше!— закричал Назир-кур.

— Слушаюсь, ага,— с дрожью в голосе произнесла перепуганная женщина и без того старавшаяся угодить мужу.

— А ты, неблагодарная, чего разинула рот?— Назир-кур толкнул в бок вторую жену.— Иди принеси вина. Всем вам дам развод, женюсь на молоденьких.

Вторая жена тут же принесла Назир-куру полную касу вина. Он жадно выпил и отшвырнул ее.

В этой семье чуть не каждый день происходили подобные сцены: все, боясь Назир-кура, покорно молчали, терпели его издевательства, а он ругал их на чем свет стоит, бил, перепадало и родной матери.

Поспав, он выпил еще касу вина и отправился в Каптархона проверить, как идут дела на рисовой крупорушке и хлопкоочистительной машине. Там он сразу набросился на недавно нанятого рабочего:

— Несчастный, почему плохо работаешь? А знаешь ли ты, сколько я плачу правительству? Что, боишься, если будешь лучше работать, руки отвалятся?

Рабочие, знавшие нрав Назир-кура, молчали, боялись заступиться за товарища, но один молодой йигит не выдержал:

— Назир-ага, зачем кричите, ведь мы и так каждый день по десять часов работаем, а есть закон правительства о восьмичасовом рабочем дне!

— Да ты еще смеешь ссылаться на законы? Законник, значит? А скажи-ка, будешь ли ты сыт законом? Еще молоко на губах не обсохло, а уж возражаешь старшим! Не устраивает моя работа — катись на все четыре стороны!

Кинув на парня уничтожающий взгляд и плюнув при этом, Назир-кур пошел в новый магазин, который он недавно открыл в Каптархона, быстро подсчитал на счетах выручку за последний месяц. Оказалось, дела идут неплохо, и он успокоился. Приказчик, подобострастно улыбаясь, протянул ему пачку денег.

Назир-кур покрутил усы, достал из серебряного портсигара папиросу, закурил и, хлопнув приказчика по плечу, отправился к своей любовнице Бикаджан-бике, младшей жене Матчон-туры. Вскоре после того как Матчон-тура бежал к Джунаид-хану, умерла его мать, и в большом городском доме туры остались две его жены: Пашаджан-бика и Бикаджан-бика. Теперь они жили дружно, не ссорясь, словно две вдовы, которым нечего делить. Когда Назир-кур приходил к Бикаджан-бике, старшая жена туры встречала его приветливо, ибо он приносил подарки и ей.

— Назир-ага, почему вы так редко приходите? — ласково упрекнула его Бикаджан-бика. — Или вы нас забыли?

— Красавица, разве можно забыть вас! — Вот привез вам подарок из Макрие, — и с этими словами надел на ее шею жемчужное ожерелье.

Тут вошла Пашшаджан-бика, Назир-кур с улыбкой взглянул на нее и протянул дорогой шелковый платок:

— Вот и вам наш подарочек, а вот это вашему сыночку.

Бикаджан-бика поднесла к глазам ожерелье и поклонилась низко-низко, словно невеста, прошептав: «Спасибо, ага». Ее слова заглушил довольно-таки грубый, хриплый голос Пашшаджан-бики:

— Рахмат, Назир-ага, пусть будут долгими лета вашей жизни, да приумножатся ваши богатства!

Бикаджан-бика проворно расстелила перед Назир-куром дастархан. И вот уж он полон сдобных лепешек, тандырной самсы, жареного мяса и прочей снеди. Назир-кур вытащил из кармана коньяк, налил в пиалушку, протер платком свой стеклянный глаз, чокнулся с бикой. Выпили, закусили самсой. Молодая женщина, играя ожерельем, кокетливо поглядывала на Назир-кура.

— Бика, жизни для вас не пожалею!

— Есть кому распоряжаться вашей жизнью, хватило бы на ваших жен.

— Не вспоминайте о них, эти дьяволицы ноготка вашего не стоят. Я женюсь на вас — всем им дам развод!

— Ну нет, зачем превращать их детей в сирот?

— Рядом с вами все они тени — и жены те, и их дети,— сказал совсем захмелевший Назир-кур.

Когда Назир-кур вернулся домой, уже прокричали вторые петухи и начало светать. Шатаясь, вошел в комнату, бросился на кровать. Проснулся с головной болью и закричал: «Вина!» Узнав, что нет дома младшей жены, всегда подававшей ему вино, разъярился:

— Где эта поганая, куда ушла?

Назир-кур, крича и сквернословя, прошел во второй двор, но младшей жены не было и там. И в голове Назир-кура пронеслись мысли одна страшнее другой, ему казалось, что его красавица жена в это самое время пирует с другим. «Где эта развратная, убью ее!»— закричал он.

Тяжело дыша, прибежала мать, испуганно спросила:

— Деточка, баладжан мой, что ты так кричишь, в чем дело?

— Где эта прокаженная?— Назир-кур, разрубив ладонью воздух, показал на комнату младшей жены.

Старуха ответила со страхом:

— К матери своей ушла, милый. Я ей разрешила.

— Хм... Наверно, к любовнику ушла.

— Не кричи так громко, соседи услышат.

— Наплевать мне на них! Зачем вы разрешили этой прокаженной...

— Но ведь она не сегодня-завтра родит, принести нужно кое-что для младенца. И не одна она отправилась — с соседкой. Вот-вот вернется, успокойся, детка!

— Как же успокоиться, у развратницы плохой глаз, одним взглядом может приколдовать. Пусть только явится, все равно убью ее!

Назир-кур залпом выпил полную касу вина.

В это время младшая жена, поднявшаяся еще до восхода солнца, вместе с соседкой, провожавшей ее к матери, по холодку возвращалась домой. Всю дорогу они говорили о младенце, который должен появиться на свет.

... Вот они подошли к дому Назир-кура. Соседка открыла калитку, вошла во двор. За ней с трудом перешагнула через порог и беременная женщина. Они направились к веранде, и тут вдруг появился Назир-кур, брызжа слюной, забегал перед ними, точно бешеная собака, затем схватил жену за руку и толкнул с силой в ичкари — беременная женщина налетела на потолочную подпорку и упала.

— Назирбай, сжальтесь, ведь ваша жена беременна,— сказала соседка, с трудом поднимая ее с пола.

— Мне не нужен ребенок от поганой!

— Почему же от поганой?— не выдержала оскорбленная жена.

— Не перечь мне, сволочь!

— Назир-ага, эти ваши слова — для меня смерть,— доведенная до отчаяния женщина зарыдала.

— Она еще хнычет! Молчи, развратная.

Жены, слышавшие злобные крики Назир-кура, выбежали на веранду и, дрожа, стояли в стороне. Назир-кур пинал младшую жену, а они, боясь его плетки, не смели подойти.

— Бейте! Убивайте!— в отчаянии повторяла младшая жена.

От этих слов Назир-кур еще больше рассвирепел.

— Джан-балам, отпусти ее!— умоляла его мать.— Ведь это я ей разрешила, бей лучше меня! Отпусти ее!

— Застрелю!— закричал Назир-кур, выхватив из кобуры наган.

— Стреляйте! Убили его! Ребенок мой уже не шевелится, так убейте и меня... Жестокий, бесчестный...

— На, получай, вот тебе!— Назир-кур нажал на курок.

К счастью, пуля прошла над головой женщины, не задев ее. Выбежавший во двор младший брат Назир-кура выхватил у него наган.

— Ага, что вы делаете?
— Убью эту поганую!
— В своем ли вы уме? Слышали, посадили и вашего друга Юсуфбая.
От этих слов Назир-кур вмиг отрезвел.

* * *

Родив мертвого ребенка, младшая жена Назир-кура тяжело заболела. Услышав о том, как истязал ее муж, работавшая в женотделе города Айманхан вместе с Якутай и медсестрой пришли в дом Назир-кура.
Молодая женщина лежала посреди комнаты, укутавшись в одеяло.
— Сестричка, как ваше самочувствие? — ласково спросила Айманхан.
— ...
— Мы пришли узнать, что с вами? — Якутай положила руку на лоб женщины и почувствовала жар.
И на этот вопрос ответом был лишь полный отчаяния взгляд. Женщина беззвучно плакала, по щекам ее катились слезы.
В комнату вошли мать и жены Назир-кура.
— Что произошло? — спросила у них Айманхан.
Они молчали.
— Где Назирбай?
— Уехал за товарами в Баку,— ответила старшая жена.
Ольга пощупала пульс, затем измерила температуру:
— Ее надо немедленно положить в больницу.
— Сейчас мы ее увезем. Побудьте пока здесь,— сказала Айманхан,— а я пойду поищу арбакеша.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Бекджан вопросительно взглянул на мать: «Скоро ли?» Но Айшу торопить не надо — и сама старается побыстрей совершить помолвку сына с Султан-пашшой. Она подняла голову, улыбнулась: мол, все пока идет хорошо.

Айша-хола вместе с соседкой уже несколько раз посетили дом Султан-пашши. В последний раз свахам сказали, чтоб они приходили в пятницу. Это предвещало согласие как дочери, так и отца с матерью. Ведь прежде определенного ответа не давали, а пятница считается счастливым днем.

Еще накануне Айша-хола подготовилась к помолвке: поверх десяти лепешек, сахара, конфет положила подарки

для Султан-пашши. Все это завернула в дастархан. Как договорились, соседка пришла к Айше-хола утром в пятницу. Вдвоем они еще раз проверили содержимое узелка. Затем соседка накинула на голову паранджу, взяла узелок, Айша-хола обернула голову платком, и они отправились. А в это время в доме Султан-пашши готовились к приему свах. Пекли лепешки, в одном казане томилась мастава, в другом — плов.

Айманхан-апа — мать невесты — позвала распорядительницу махалля, нескольких родственниц, свою младшую сестру и близкую соседку. Они должны были не только представлять сторону невесты, но и помогать хозяйке, ведь в день прихода свах нельзя рассчитывать на помощь дочери: она не только выходить к ним не должна, вообще не имеет права быть дома.

Близко к полудню встретили свах. Их усадили на айване, на почетное место, и распорядительница, протянув к ним раскрытые ладони, прочитала молитву:

— Да будет благословенно место, куда ступили вы, да будет мир и спокойствие! Пусть усопшие живут в раю, а живые в благоденствии! Пусть исполнится желание каждого!

После этих слов все произнесли «аминь!» и провели ладонями по лицам. Затем перед свахами и гостями поставили угощение, завернутое в дастархан. Женщина, пришедшая с Айшой-хола, оказалась самой старшей среди собравшихся: она раскрыла дастархан и разломила лепешки, после чего гости начали есть.

Потом гости пили зеленый чай, сами наливали его. Лепешки, принесенные свахами, тоже разломили на дастархане — эти лепешки не имеют права разламывать гости и свахи, они должны есть только лепешки хозяев. Родственницы Султан-пашши, усевшиеся вокруг свах, расспрашивали о здоровье всех их родственников; а те, в свою очередь,тоже расспрашивали о здоровье всех членов семьи. Принесли маставу, а спустя некоторое время — плов. Затем снова не спеша пили зеленый чай. И вот наконец соседка Айманхан, старая, уважаемая в махалля женщина, разломила принесенные лепешки — патиры. Это «разламывание патир» означало, что помолвка уже состоялась. Женщины начали поздравлять друг друга.

— С невестою вас!— говорили близкие Султан-пашши.

— С женихом вас!— отвечали им свахи.

Айша-хола в тот же день отослала любимейшим и ближайшим соседкам два патира вместе с угощениями. Этим

она извещала, что состоялась помолвка Бекджана и Султан-пашши.

* * *

Близился той Бекджана и Султан-пашши. Они решили не звать дамлю, а зарегистрировать брак в загсе.

Якутай почти каждый день после работы приходила к Султан-пашше домой, помогала, как могла.

— Апа-бий, вы не очень утруждайте себя, а то переутомитесь,— просила Султан-пашша.

— Говорила же, возглавлю ваш той.

— Милая моя, не останусь перед вами в долгу.

Якутай сразу же поняла, что именно она хотела сказать: «И я, засучив рукава, буду служить на вашем тое».

К тою готовились основательно, шили одежду невесте, стегали одеяла, покупали все нужное. И в семье жениха Бекджана в эти дни не знали покоя. Якутай, словно бы она выдавала замуж сестру или женила брата, как челнок, сновала между двумя домами.

Сабир-ака и Айманхан-апа ничего не жалели для своей единственной дочери. «И Бекджанбай нам как сын, не хотим, чтобы он в долги залезал»,— говорили они Якутай.

Кузнеца Сабир-ака в Хиве знали все. И отец, и дед, и прадед Сабир-ака были кузнецами, как и он, людьми бедными. И теперь, став ответственным работником, членом ЦК Компартии, он по-прежнему жил на улице Гадойи в старом, построенном еще прадедом доме, с обычным для Хивы крытым двориком. Ни ковры, ни паласы, ни дорогая посуда не украшали его дом, но Сабир-ака это нисколько не угнетало. «Пусть купцы и баи кичатся богатством»,— посмеиваясь, сказал он однажды жене. Айманхан-апа молча кивнула головой. Но была у нее своя забота: отказывая себе во всем, она уже не первый год готовила приданое дочери.

... Вот и настал день долгожданного тоя. Якутай и Анаш привели в дом невесты музыкантов, танцоров и певцов — и он наполнился радостью и весельем.

Анаш заиграла на сазе, девушки в ярких платьях закружились вокруг невесты.

— Доченька, да расцветет твое счастье, да состаритесь вы вместе,— сказала Айманхан-апа и улыбнулась сквозь слезы.

И сразу как-то особенно нежно зазвучал саз. Анаш взглянула на Султан-пашшу:

— Милая, ты сегодня всех затмеваешь своей красотой, тебя и сравнить не с кем.

Султан-пашша порывисто обняла халфу, прижалась щекой к ее щеке.

... Покидая родной кров, Султан-пашша остановилась у калитки, оглянулась и по-новому увидела и лица близких, и этот летний айван, и потемневшие от времени две деревянные резные колонны, стройные, изящные, легкие, поставленные кем-то из ее предков-кузнецов на тяжелых, грубых каменных основаниях.

* * *

В конце августа группа хорезмских йигитов и девушек, разместившись на каюках — баржах, отправились вверх по Амударье в Чарджоу. Они ехали учиться в Ташкент, Самарканд и другие города. Среди них были Бекджан и Султан-пашша.

Там же, на берегу лимана Чалиш, собрались и делегаты на открывающуюся в Москве Всесоюзную сельскохозяйственную выставку — двести с лишним человек. Они поплыли на лодках к Аральскому морю.

— Да вернетесь живыми-здоровыми!— говорили им провожающие.

Давлят Ризаев прощально махал рукой, не отрывая взгляда от Хадичи. Вот лодки уже исчезли вдали.

В Муйнаке пересели на пароход. Многие впервые увидели море. Через несколько дней пароход прибыл в порт Аральский, оттуда отправились в Москву поездом.

1923 год. Сентябрь. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Красочный павильон Хорезмской республики. Хлопок, яркие парчовые и бархатные ткани, ковры, изделия гончаров, медников, чеканщиков; тут же дары щедрой хорезмской земли: снопы пшеницы, джугары, дыни, гранаты, виноград...

День за днем нескончаемым потоком идут на выставку москвичи и приезжие, и вряд ли кто из них проходит мимо этих среднеазиатских павильонов: Туркестанского, Бухарского, Хорезмского. Экскурсоводами здесь работают студенты Коммунистического университета народов Востока, а в павильоне Хорезма посетителей встречают молодые хорезмийцы, обучающиеся в вузах столицы,— их привел сюда Рузмат Юсупов, руководитель комитета хорезмских студентов в Москве.

... На широкой выставочной площади новейшие сельскохозяйственные машины и оборудование, над ними плакат «Так будет», а рядом, под плакатом «Так было»,— соха и прочие допотопные орудия труда.

Здесь, на выставке, знакомились, учились друг у друга представители разных народов совсем еще молодого социалистического государства. Устраивались митинги и праздники народов СССР.

Там, на выставке, Шерози впервые встретился со знаменитым певцом Мулла Тойчи, которого привело в восторг искусство Шерози. В павильонах Туркестана и Бухары вместе с песнями великого хафиза Мулла Тойчи и Дамлялхалима Ибадова звучали и песни Шерози.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Чтобы помочь местным Советам провести выборы делегатов на Четвертый курултай Хорезмской республики, в города и кишлаки были направлены советские активисты, руководители партии и комсомола. Мадримбай и Сабирбай, не желая остаться в стороне от этого дела, решили пойти к председателю ЦИКа.

— И на этот раз пошлите меня в Питнак. Там все меня знают,— попросил Абдуллу Ходжаева Мадримбай.

— А меня всегда перед выборами направляли на родину моего отца, в Хазарасп,— сказал Сабирбай.

— Вопрос этот уже решен, в Хазарасп и Питнак направляются от Центрального Комитета Сабир-ака, от Политического управления — Палван, от Союза Коммунистической Молодежи — Давлят Ризаев. На этот раз вы будете отдыхать,— сказал председатель.

— Ведь мы, прибыв на свою родину...

— Не могу изменить решение Центрального Комитета,— равнодушно ответил председатель и, не глядя на них, начал разговаривать по телефону.

Мадримбай и Сабирбай переглянулись. Минуты короткого телефонного разговора показались им часами.

— Мы хотим, чтобы успешно прошли выборы, кто лучше нас знает жизнь Хазараспа и Питнака? Поговорим там с народом. Сами-то мы не будем свои кандидатуры выставлять!

Председатель, не отвечая, молча начал подписывать какие-то бумаги.

Сабирбай повысил голос:

— Почему молчите, не доверяете нам?

— Дело не в доверии и недоверии. Вам, членам Президиума ЦИКа, незачем объяснять, что значит для нас решение Центрального Комитета партии.— Председатель, давая понять, что разговор закончен, поднялся с места.

Они тоже встали, ушли помрачневшие.

— Похоже, что-то случилось,— тихо сказал Сабирбай.

— Что там могло случиться? Отца мы его убили или ячмень его недозрелым скосили?

— Нет, нет, не случайно, все это одно к одному: Нуруллаева не дали спасти — это раз, мы же в знак протеста отказались участвовать в работе Высшей контрольной комиссии, подали второпях заявление, а они, недолго думая, приняли нашу отставку — это два. Теперь вот отстранили от участия в подготовке к выборам.

— Видимо, есть какая-то другая причина...— Мадримбай задумался.— Недавно утвердили положение о выборах, в нем сказано: «Баи, торговцы лишаются права голоса».

— Какое это имеет отношение к нам?

— Имеет, ведь называемся мы баями...

— Отдав и земли и богатства, совсем стали голыми!— гневно сказал Сабирбай.

— Возможно, узнали о землях, которые мы не сдали...

— Что будет, то и будет. Говорят же: на что обречена голова, суждено видеть глазам. Подождем, увидим, что там в конце получится.

Чуть помолчав, Сабирбай заговорил снова:

— Но, дорогой, плохо то, что послали в наши края Палвана. Этот кяфур, рабское отродье, на все способен, как бы не снял с нас шкуру.

* * *

Прибыв в Хазарасп, Палван, Сабир-ака и Ризаев в тот же день встретились на площади перед зданием городского Совета с избирателями. Народу собралось много.

— На Четвертом Всехорезмском курултае народных представителей,— начал Палван,— будет обсужден вопрос о преобразовании Хорезмской Народной Советской Республики в Хорезмскую Советскую Социалистическую Республику, то есть о полной ликвидации в Хорезме эксплуатации человека человеком. Поэтому партия и правительство предлагают вам избрать делегатами на курултай бедняков-дехкан, рабочих и ремесленников и не отдавать свои голоса тем, кто живет за счет чужого труда.

После речи Палвана выступили многие. Мнения разделились. Сама мысль о том, что в Нурлавое будут заседать и принимать законы одни только бедняки, казалась состоятельным людям города нелепой и богопротивной. Они утверждали, что несправедливо и опасно для страны избирать на курултай людей неученых и неимущих, что это противо-

речит обычаям и установлениям шариата. Большинство же выступавших составляли бедняки, те, с чьим мнением прежде вообще не считались. Теперь они чувствовали себя гражданами, ответственными за судьбу Хорезма, и смотрели на себя как на подлинных носителей справедливости.

— Странно,— начал широкоплечий, со сросшимися бровями Хаким Якубов, работник горсовета,— вы в кишлаках советуете дехканам избирать на Четвертый курултай не богатых аксакалов, а бедняков. Между тем один из самых больших баев Хорезма Сабирбай Курбанбай-оглы — член Президиума ЦИКа! Как же понимать это?

— Да разве у него остались богатства? Все земли, всех лошадей, всех своих быков он сдал,—произнес кто-то из стоявших на площади.

Хаким Якубов бросил на него сердитый взгляд и продолжал:

— Молоко хоть и прольется, а в кувшине останется. У баев еще много богатств.

— Хаким-ака верно говорит! У Сабирбая есть утаенные земли,— сказал комсомолец-йигит, работавший в исполкоме Хазараспа.— Кто помогает басмачу Сагдулле-бала? Конечно, баи! А самый большой бай Хазараспа — Сабирбай! Это всем известно!..

— Думаем, что вы вспомните об этом, когда будете выбирать делегатов, что Хазарасп на курултае будут представлять люди, которым вы действительно доверяете,— обратился к собравшимся Сабир-ака.

Он не ошибся. Народ Хазараспа избрал делегатами на Четвертый курултай бедняков.

Спустя несколько дней Сабир-ака, Палван и Ризаев направились в Питнак. Их сопровождали вооруженные йигиты.

— Вот эти просторные поля кому принадлежали?— спросил Сабир-ака питнакского комсомольца, ехавшего рядом с ним на гнедом коне.

— Мадримбаю, он по своей воле отдал их государству.

— Все земли?

— Этого я не знаю.

Тут они увидели в поле у дороги дехканина, который делил на хирмане собранный урожай на две части. Подъехали, поздоровались: «Не уставать вам, ата!» Попросили воды. Он протянул им в кувшине холодную вкусную воду.

— Ата, почему вы делите урожай? Вы что, издольщик?

— Нет.

— Вы сами пашете, сами сеете, сами собираете урожай?— спросил Палван.

— Конечно, сам!

— Так почему же вы делите урожай на две части?— вмешался Ризаев.

— Сынок, эти земли достались Мадримбаю от дедов и прадедов,— сказал дехканин, продолжая работать.— Вы, сынок, сами знаете: чужая доля — поганая доля, польстившийся на нее попадает в ад.

— Но ведь землю-то дало вам правительство, Мадримбай не имеет права получать с нее ни зернышка!— объяснил старику Сабир-ака.

— Мадримбай был вынужден отдать свои земли, его добровольного согласия не было. Получил я это поле, но оно не мое. Говорят же, чужой кусок не прожуешь. Э-э-э! Лучше не морочьте мне голову. Видите сами, стар я, еле волочу ноги — одна в могиле, другая на земле, не мучьте меня, не похожи вы на хороших людей.

— Ата, ведь мы думаем о вашей пользе,— сказал с горьким упреком Палван.— Вы что, всегда будете половину урожая отдавать Мадримбаю?

— Буду, Мадримбай не умер, может забрать свою долю. К тому же он большой человек в правительстве.

— Ата, если мы все эти ваши слова запишем, вы подпишетесь?— спросил Ризаев и, достав бумагу из сумы, приготовился писать.

— Оставь, оставь, сынок! Я неграмотный, не умею подписываться.

— Палец приставите.

— А зачем? Я же не беру в долг. Палец даром не приставляют. Когда берут в долг, тогда приставляют. «Попал на бумагу, попал в огонь»,— говорят. Сынок, мы люди темные, хотим жить спокойно.

Палван и его друзья побеседовали с другими дехканами, получившими земли Мадримбая. Почти все они вынуждены были отдавать половину урожая бывшему хозяину, ибо очень боялись йигитов Сагдуллы-бала.

... Прежде чем приступить к выборам делегатов, посланцы ЦК Компартии Хорезма вместе с комсомольцами Питнака и учителями провели в Питнаке и окрестных кишлаках разъяснительную работу. В результате и здесь делегатами на курултай были избраны дехкане и ремесленники.

Перед отъездом из Питнака Палван предупредил:

— Будьте осторожны. По всему видно, басмачи не оставят вас в покое.

* * *

Член Центральной избиратсльной комиссии Матякуб Атаджанов, недавно назначенный назиром внутренних дел, внимательно выслушал сообщение Палвана, Сабир-ака и Давлята Ризаева о результатах выборов в Питнаке и Хазараспе.

— Товарищи, к нам в руки попало вот это письмо,— сказал он, медленно открыл ящик стола и достал какую-то бумагу.— Послушайте, что в нем говорится.

«Посылаем наше приветствие почтеннейшим аксакалам Хазараспа и Питнака. Засим хотим вам втайне сказать, что некоторые неверы и лицемеры сообщили прибывшему из Хивы Палвану порочащие нас сведения, в результате чего нас не избрали делегатами. Этим подготавливается основа для недопущения в правительство почтенных и уважаемых людей. Теперь мы просим вас, господа, сообщить Центральной избирательной комиссии, взяв подписи у людей путем нажатия пальцев, о том, что выборы в Хазараспе и Питнаке прошли неверно, и таким путем выразить свое положительное мнение о наших кандидатурах.

Под сим подписались Мадримбай Алланазарбай-оглы».

— Гляди-ка, этот байвачча без зазрения совести взял да и указал свою кандидатуру,— усмехнулся Палван.

— Да, теперь они зашевелятся,— сказал Сабир-ака, глядя на Атаджанова,— надо внимательно следить за ними.

— Об этом мы уже подумали,— ответил Атаджанов.

* * *

Мадримбай и Сабирбай не могли не чувствовать, как изменилось в последнее время отношение к ним большинства руководителей республики. Это настораживало и пугало их.

Узнав, что нарочный, с которым они тайно отправили письмо аксакалам Хазараспа и Питнака, арестован ГПУ, они, не мешкая, той же ночью оседлали быстрых коней и скрылись в Каракумах. Когда стало известно об их бегстве, ГПУ и милиция отправили своих работников в районы Хазараспа и Питнака, где предположительно они могли скрываться. Искали долго, но и следа их не нашли. А между тем Мадримбай и Сабирбай, преодолев длинный путь по барханам, прибыли в логово Джунаид-хана. Стражник по-

звал Эшши-хана, сына сардора. Тот хорошо знал Мадримбая и потому сразу повел их в белую юрту своего отца.

Бегство в пески столь авторитетных руководителей Хорезмской республики, членов ЦИКа, для Джунаид-хана не было неожиданным. «Эти почтенные люди долго не усидят в правительстве большавоев; не сегодня, так завтра сбегут ко мне»,— думал он и в каждом письме повторял: «Когда бы вы ни прибыли, двери моей юрты открыты для вас».

— Хан-ага, мы привезли секретное постановление правительства,— сказал Мадримбай и, вытащив из хурджуна завернутые в платок документы, подал их Джунаид-хану.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В дни, когда всю республику облетела весть о бегстве Мадримбая и Сабирбая, в Ходжейли проходил Второй курултай казахов и каракалпаков, проживающих в Хорезмской республике. Заклеймив в своих выступлениях этих предателей, делегаты заявили о своей поддержке Советского правительства Хорезма.

По предложению Хамзы, основного докладчика на курултае, было принято, в частности, решение обратиться в Назират просвещения с просьбой открыть в Ходжейли школу-интернат для каракалпакских и казахских детей. Но денег из назирата не поступало, ответили, что в этом году не смогут выделить.

Хотя время было тревожное и в окрестностях Ходжейли все чаще давали о себе знать басмаческие шайки, Хамза после долгого раздумья решил собрать деньги на школу, устроив большое народное гулянье — саиль.

В просторном поле за крепостной стеной Ходжейли, рядом с глинобитными усадьбами, садами и хаузами, издавна здешние жители устраивают саили. Оттого и место это называется саильгох. Теперь в центре его красовалась сооруженная Хамзой высокая арка, украшенная лозунгами и плакатами, собственноручно написанными им. Для музыкантов приготовили большую супу.

И вот настал день большого саиля.

Все с нетерпением ждали знаменитого хафиза.

... Хамза до боли в глазах смотрел на Хивинскую дорогу. Увидев арбу, на которой сидели Шерози и его друзья, Хамза широко зашагал навстречу гостям.

— Друзья мои, хоть вы и устали с дороги и все в пыли, с песней появитесь перед народом, люди ждут вас.

Толпа расступилась, раздались голоса:

— Шерози пришел!

Хамза поднялся на трибуну возле арки и произнес:

— Отцы, братья и сестры! Объявляю открытым наш саиль. Народ Хорезма любит искусство, любит своих музыкантов, певцов и танцоров. И вот они здесь! Несмотря на то что прибыли они из дальней дали, преодолев трудный, опасный путь, устали, они выступают перед нами, доставляют нам радость.

Товарищи! От этого саиля мы многого ждем. Цель его благородная. На собранные здесь деньги мы хотим построить школу. Заботиться о будущем детей — наш священный долг.

Школьный ансамбль национальных инструментов заиграл «Интернационал». Хамза выпрямился, снял с головы тюбетейку.

Вскоре Шерози и Хамза, вместе с другими делегатами, избранными в Ходжейли на Четвертый Всехорезмский курултай, отправились в Хиву.

* * *

Четвертый Всехорезмский курултай открылся 17 октября 1923 года во дворце Нурлавой. Делегаты, в большинстве своем дехкане, рабочие, ремесленники и красноармейцы, избрали в Президиум курултая семнадцать человек, в том числе трех женщин. И это в Хорезме, где еще совсем недавно ни одна узбечка не могла появиться на улице без паранджи!

Председателем курултая был избран Карим Балтаев. Он, несмотря на свою молодость (ему еще не исполнилось и двадцати трех лет), пользовался в Хорезме большим авторитетом. Уже в первые дни революции люди, знавшие его, говорили: умен и дальновиден, возглавит большой караван.

Карим Балтаев обратился к делегатам:

— Уважаемые представители народов Хорезма! Товарищ Ленин, почетный председатель нашего курултая, сейчас болен. Президиум курултая предлагает отправить ему телеграмму. Разрешите зачитать ее:

«Москва. Кремль. Ленину.

Четвертый курултай Хорезма шлет вам искренний привет и горячие пожелания скорейшего и полного выздоровления.

Президиум курултая».

Делегаты встали, раздались голоса: «пусть живет на наше счастье Ленин!», «Да здравствует Ленин!»

Затем слово было предоставлено руководителям Хорезмской республики.

— Дорогие представители народа!— начал свое выступление председатель Центрального Исполнительного Комитета Абдулла Ходжаев.— Вижу, среди вас много молодых, которые не знают дореволюционной жизни Хорезма, а если и знают, то поверхностно. Народ Хорезма влачил жалкую жизнь. Бедняки брали в долг пятьдесят — сто таньга, давали расписку в казихане и на всю жизнь становились должниками.

Мы, чтобы узнать численность населения Хорезма, посоветовавшись в ЦИКе, послали наших сотрудников на месте, и оказалось, что нет людей, которые не брали бы в долг у ростовщиков, баев и знати. Как вы знаете, долговые расписки мы ликвидировали, дехкан и ремесленников освободили от долгов. Теперь в каждом кишлаке объединения дехкан около десяти тысяч безземельных дехкан получили земли. Семьи, имущество которых разграблено басмачами, а дома сожжены, получили деньги, материалы для постройки дома и тягло, они получили также пшеницу, рис. Нас радует, что в Хорезме организованы кооперативы хлопкоробов. Государство выделило им средства, созданы банки, которые дают дехканам деньги в кредит...

Я не буду останавливаться подробно на нашем экономическом положении: о делах в промышленности и торговле сообщат председатель Экономического совета и другие товарищи. Скажу только, что в руках правительства находится большинство хлопкоочистительных, кожевенных, маслобойных, кирпичных заводов, одним словом — почти вся промышленность. Руководство народным хозяйством осуществляется по единому плану.

За четыре года сделано много, но есть и недостатки, упущения. Мы полагаем, что делегаты открыто скажут о них.

В прениях выступили многие делегаты. Отметив достигнутые успехи, они вместе с тем подвергли резкой критике некоторых членов ЦИКа и правительства за бездеятельность, недальновидность и даже попустительство врагам.

Бегство Мадримбая и Сабирбая к Джунаид-хану, о чем стало известно как раз накануне курултая, вызвало не только возмущение делегатов, но и явилось причиной их настороженного отношения к руководителям республики, не сумевшим вовремя разоблачить врагов.

На трибуну вышел Кутлимурад Эшмухаммедов — делегат от красноармейцев:

— Товарищи! Сабирбай и Мадримбай вредили нам, пробравшись в высшие органы власти. Это должно научить нас бдительности. Надо выбирать в правительство выходцев из бедняков.

— Сегодня четвертая годовщина нашей свободной жизни. Об успехах, достигнутых нашей республикой, все знают,— говорил Джуманияз Калантаров, красный командир, с оружием в руках боровшийся с басмачами.— Однако были допущены серьезные ошибки. Более того, среди руководителей республики оказались предатели. Наш председатель хаджи-бува, как мы теперь видим, человек излишне доверчивый, не смог решительно бороться с ними.

— Третий курултай вынес постановление, запрещающее выдавать замуж девушек моложе семнадцати лет. Как выполнялось это постановление?— задала вопрос Хайриманат Сайдашева.

— На этот вопрос я прошу ответить назира юстиции,— сказал хаджи-бува.

Назир юстиции Исо-ахун промолчал.

Слово предоставили Закиру Бекчурину, одному из организаторов Компартии Хорезма. Последнее время он работал в Татарии, но по просьбе правительства Хорезма был снова направлен в Хиву, где ему поручили наладить работу торговой и производственной кооперации.

— Сейчас цель новой экономической политики заключается в том, чтобы, предоставив свободу мелким торговцам, способствовать росту кооперации. Принимая во внимание слабость кооперативов, курултай дехкан нашел нужным просить правительство открыть в кишлаках и аулах лавки. Но кооперации не оказана должная помощь. Не выполнено указание правительства о выделении кооперации ста тысяч рублей. В Назирате финансов пообещали двадцать пять тысяч. Но до сих пор ничего не дали, говорят, нет денег.

Тут один из первых хорезмских комсомольцев Балта Шарипов бросил реплику:

— Куда девались деньги, полученные за выращенный дехканами Хорезма хлопок? Пусть нам сообщат об этом.

— Верно, верно!— раздались голоса делегатов.

Слово предоставили Хади Сайдашеву. По мере того как Сайдашев зачитывал один документ за другим и приводил цифры, красноречивее слов свидетельствовавшие о том, какой ущерб нанес республике бывший назир торговли и его

сообщники, делегатов все более охватывал гнев. Последние слова Сайдашева потонули в криках:

— Судить их!

— Наказать сурово!

Первое заседание курултая закрылось. Объявили перерыв до утра, но делегаты, находившиеся под впечатлением всего услышанного, не спешили покинуть зал.

* * *

Было уже совсем темно, когда Палван вернулся домой. Айша-хола ждала его с нетерпением.

— Сынок, что ты так запоздал? Проголодался, верно.— Она принесла и поставила перед ним уже не раз подогревавшуюся еду.

— Анаджан, вы ложитесь, я хочу немного поработать.

— Ты совсем себя не жалеешь, работаешь по ночам, а утром снова на работу...

— Дел много.

Палван подошел к десятилинейной керосиновой лампе, сел и, достав из полевой сумки бумаги, начал просматривать их.

— Сынок, сегодня меня избрали председателем Совета махалля.

— О, какая приятная новость, поздравляю вас!— Палван обнял мать, сказал шутливо:— Теперь и вы стали «бидаром начальником».

— Стара я, трудно мне будет, сынок.

— Анаджан, а вы не поддавайтесь старости. Кому, как не вам, быть во главе Совета. Вы ведь знаете, кого защищать, держите сторону всех, кто был обездолен...

... Оставшись один, Палван раскрыл тетрадь, в которой еще неделю назад записал, на что надо обратить внимание делегатов. Собственно, в конспекте этом особой нужды не было. Все, что он собирался сказать на курултае, давно уже продумано им. Хорезм должен стать социалистической республикой — это в интересах всего народа; надо крепить хорезмскую Красную Армию, потому что борьба с Джунаидом еще не окончена; а к чему приводит притупление политической бдительности, особенно очевидно теперь, после бегства двух членов ЦИКа к Джунаиду. Классовые враги, замаскировавшиеся баи, проникли в наши ряды, и очень правильно, что на первом заседании курултая их выволокли на свет... Что и говорить, курултай начался хорошо. Какими принципиальными, деловыми людьми показали себя Карим Балтаев, Давлят Ризаев и многие другие.

Палван закурил, неторопливо прошелся по комнате. Какое-то не совсем понятное беспокойство, невесть откуда взявшаяся горечь примешивались к чувству удовлетворенности. Он вдруг вспомнил, как нахмурились брови Якутай, когда кто-то из делегатов, говоривший о Мадримбае, почти с таким же холодом и презрением произнес имя Бабаджана Атаджанова — председателя Совета Назиров.

Палван хорошо знал Атаджанова. В восемнадцатом году Бабаджан бежал из Хорезма в красный Турткуль, был бойцом в отряде Палвана, вступил в партию. Работал в Чека. Потом выдвинулся, стал председателем Совета Назиров... В том, что не разоблачили вовремя Мадримбая и Сабирбая, есть, наверно, и доля его вины. Все это так. Но Бабаджан честный коммунист.

Докурив папиросу, Палван машинально достал другую. «Мы терпим лишения, жертвуем собой ради нашего товарищества, и если с одним из нас вдруг заговорят, как с врагом,— что может быть несправедливей и чудовищней!»

Палван сел за стол, обхватил ладонями голову. Сегодня в Нурлавое он разговаривал с Яхшикелдибеком, сардором туркменского племени укиз-салах. Совсем седым стал Яхшикелдибек. Еще бы, такое пережить! Средь бела дня прискакали красноармейцы и убили его младшего брата комсомольца Эшима. Тогда старейшины племени посоветовали Яхшикелдибеку: «Иди на Хиву! Пусти в ход саблю!» Но он не верил, что красноармейцы могут убить своего товарища. Потом точно узнал: это дело рук Матчон-туры и басмачей, переодевшихся в форму красноармейцев.

Гнев и недоверие — плохие советчики. Вот исключили из партии Ахмада Махмудова, а за спиной писавших на него жалобы стоял Мадримбай... Обо всем этом надо напомнить делегатам — и не откладывая, завтра же.

* * *

Когда курултай принял новый Основной закон, Балтаев обратился к делегатам:

— Начиная с сегодняшнего дня наш край будет называться Хорезмской Советской Социалистической Республикой. Да здравствует социализм! Да здравствует Ленин!— Голос его потонул в громе аплодисментов.

Под сводами Нурлавоя поплыли торжественные звуки «Интернационала».

... Лунная тихая ночь. Загадочны и прекрасны купола, порталы медресе, зубчатые крепостные стены. Далеко протянулись длинные тени минаретов.

В эту первую после окончания курултая ночь Палван решил сам проверить посты у всех ворот города и теперь, не торопя коня, возвращался домой.

Над спящей Хивой звездная россыпь. Вот почти разом сорвались две звезды, исчезли, прочертив мгновенный след. Палвану невольно вспомнились слова Аваза: «Мир щедрый — и темные ночи приносят нам светлую дань».

Сколько видел Палван таких звездных ночей, когда лишенный крова, скрывался от ищеек хана. О, как мечтал он в те годы жить свободно, открыто в добром, справедливом Хорезме. И эта мечта, казавшаяся недостижимой, свершилась!

Палвану вспомнилась мать, со слезами радости и улыбкой. Нет, прошлое не вернется. Никогда!

Дома он поцеловал спящего сына, поправил на нем одеяльце, подошел к столу, поудобней поставил лампу и начал писать:

«Мой дорогой Бекджанбай! Моя добрая сестричка Султан-пашша! Привет вам от вашего тоскующего брата. Я получил ваше письмо. Рад, что вы здоровы и успешно учитесь.

У нас здесь закончился Четвертый курултай. Единогласно было принято решение о преобразовании нашей республики в республику социалистическую. Утверждены герб и знамя. На гербе изображены на красном фоне в лучах солнца лопата и молот, между ними — ветка хлопка с раскрытыми коробочками и листьями; вверху надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», внизу —«Хорезмская Советская Социалистическая Республика».

Бекджан, многие твои сверстники, молодые коммунисты, избраны на высшие посты. Председателем ЦИКа избран Каримберган Сафаев, первым его заместителем Ата-мулла Мамедов, вторым заместителем Маткарим Абдусалямов, назиром иностранных дел Сайилхан Сарсанбаев, военным назиром Гадецкий, назиром просвещения твой самый близкий друг Давлят Ризаев...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Джунаид-хан из глубини Каракумов внимательно следил за всем происходившим в Хорезме, известно было ему о решениях Четвертого курултая. Его лазутчики, шнырявшие по республике, подробно сообщали своему сардору о всем увиденном и услышанном. Теперь, после бегства к нему Мадримбая и Сабирбая, он приобрел советников хладнокровных, искушенных в коварстве, как говорится,

отведавших змеиного яда. И хотя многие из приближенных Джунаида считали, что сил уже достаточно и пора выходить из песков, Сабирбай и Мадримбай придерживались иного мнения: надо воспользоваться происходящими в республике переменами, извратить их смысл, повсюду посеять смуту и в удобный момент стремительно захватить главные крепости, а затем и Хиву. Джунаид-хан и его пир — духовный наставник Хан-ишан — внимательно прислушивались к их словам.

В юрту вошел Матчон-тура, низко поклонился Джунаиду.

— Хан-ага, пришло письмо от Аллакулибая и Ялманбая.

— Послушаем, что пишут эти «красные баи»? — усмехнулся Джунаид.

Матчон-тура начал читать:

— «Выражая свое почтение сардору исламского воинства, спасителю нашему Джунаид-хану, сообщаем, что правительство большавоев, возглавляемое проклятым Каримомнищим, отобрало у баев заводы и магазины, в том числе и у нас. Лишившись всего, теперь уже думаем о том, как бы не помереть нам с голоду. Новости у нас здесь одна другой ужасней: кяфуры обложили налогом и вакуфные земли, в результате чего муллы, ахуны, улемы, все до одного служители религии впали в отчаяние. А еще напасть: правительство выдумало патенты, которые надо брать владельцам лавок, мастерских и другим имущим людям, они разорятся. Словом, весь мусульманский мир Хорезма, согнутый тяжкой судьбой, идет к погибели. Люди просят пощады у бога и умоляют вас спасти Хорезм от кяфуров, избавить их от бед. Мы готовы в сей же миг исполнить любое ваше приказание...»

Матчон-тура, дочитав письмо, воскликнул:

— Кяфуры бесчестные!

— Кяфуры не дают покоя смиренным мусульманам, — сказал, перебирая четки, Хан-ишан.

— И я не дам кяфурам покоя! Поднявших руку на шариат ждет возмездие! — Джунаид-хан оглядел собравшихся в юрте. — Вы, Матчон-тура, наладьте связь с Хивой и Ургенчем. Вы, Мадримбай, тайно отправляетесь в Питнак. Вы, Сабирбай, — в Хазарасп. Готовьте народ к мятежу. Даю вам оружие и отряд нукеров.

Все трое, почтительно сложив руки на груди, поклонились:

— Будет исполнено, хан-ага.

В тот же день Джунаид-хан отправил конных в сторону границы, они должны были доставить его письмо в английское посольство. В этом письме Джунаид подробно сообщал о положении в Хорезме и просил деньги и оружие...

Руководители республики знали, что Джунаид собирает вокруг себя головорезов и разбойников, что день ото дня растет его воинство. Были приняты меры для укрепления гарнизонов крепостей, в ряде мест роздано оружие советским активистам. К командирам воинских частей то и дело являлись йигиты-добровольцы, желавшие стать красноармейцами. В своих заявлениях многие писали: «Возьмите меня в Красную Армию. Жизни своей не пожалею, защищая Советский Хорезм».

* * *

Новый председатель Центрального Исполнительного Комитета Каримберган Сафаев; о котором со злобой и презрением писали Джунаиду Аллакулибай и Ялманбай, был образованным, волевым человеком, отличавшимся ясным умом и упорством в достижении цели. С первых дней революции он выполнял трудные и ответственные поручения партии. Одно время руководил Высшей контрольной комиссией, затем был назначен послом Хорезма в Москве. Последовательный революционер, он питал стойкое отвращение ко всем живущим за счет чужого труда. В Центральном Исполнительном Комитете, который он возглавлял, не было ни одного бая и купца.

В соответствии с решением Четвертого курултая о добровольном вхождении Хорезмской республики в состав СССР, для ведения переговоров с правительством СССР была создана возглавляемая Сафаевым правительственная комиссия, членами которой являлись секретарь ЦК Компартии Хорезма, руководящие работники республики. Бабаджан Атаджанов, бывший до недавнего времени председателем Совета Назиров, был назначен послом Хорезма в Москве и также введен в состав комиссии. В начале декабря 1923 года правительственная комиссия отбыла в Москву.

* * *

Тайно прибыв в родные места: один — в Питнак, другой — Хазарасп, Мадримбай и Сабирбай сразу же принялись за дело.

На постоялом дворе невдалеке от Питнака Мадримбай созвал ишанов и бывших аксакалов.

— Вы должны,— сказал он,— ходить по кишлакам и внушать дехканам, что правительство хочет погубить народ, для того и издало новые законы. Не бойтесь никого, знайте Джунаид-хан наш властелин.

— Бай-ага, что прикажете, то и сделаем,— ответили собравшиеся.

— Вы, аксакалы, говорите повсюду: сидящие в правительстве не любят народ и потому они не хотят, чтобы наша республика была «народной». Слово «народная» они заменили русским словом, теперь власть у нас будет кяфурской. Глядите-ка, земли, издревле являющиеся вакуфными, они, насмеявшись над шариатом, обложили налогом. Можно ли терпеть такое? Долой кяфуров!— Глаза Мадримбая сверкнули. Он помолчал, поглаживая свою курчавую бородку.— А вы,— продолжал он, обращаясь к имамам,— подтверждайте правильность этих слов, ссылаясь на законы шариата и священные наши книги.

Лишенные былой власти аксакалы и имамы согласно закивали головами.

С большим размахом начатая контрреволюционная агитация дала всходы: в кишлаках, да и в самом Питнаке открыто ругали новое правительство. Между тем Мадримбай наладил связь с Сагдуллой-бала, снабдил его деньгами и оружием и таким образом помог вдвое увеличить басмаческую банду. Йигиты Сагдуллы-балы грабили правительственные караваны на дорогах между Чарджоу и Питнаком, во многих местах распустили кишлачные Советы, вместо них поставили прежних аксакалов. Введение нового земельного налога и новых денег — червонцев — озлобило состоятельных дехкан.

— Не будем платить новый налог!

— Отменить его!

— Пропади эти червонцы!

— Снять Карима-нищего!

Представителей правительства, которые прибывали в кишлаки, чтобы разъяснить положение о новом налоге, били, гнали прочь. Распространились слухи:

— Джунаид-хан идет на Питнак!

— Поубивает кяфуров, уничтожит Советы!

— Отменит новый налог!

Видя, что вся округа взбаламучена им, Мадримбай, как расчетливый игрок, решился на давно задуманный ход: отправил своих людей в дальние и близкие кишлаки созывать обманутых дехкан в Питнак.

«Сегодня не базарный день! Отчего же столько людей спешит на базар?»— недоумевали горожане.

Питнакский базар. Народу тьма-тьмущая. Шум, крики.

Когда на базарной площади появился председатель Питнакского Совета, толпа чуть притихла.

— От нового налога один вред для дехкан, отменить его надо,— раздались голоса.

Председатель Совета пытался успокоить народ:

— Товарищи, вас обманывают, новый земельный налог бьет по баям, им теперь больше платить придется... Вот они и мутят воду. Не верьте лгунам!

— Сам ты лгун, короткохвостый!— пронзительно закричал имам.

Как ни старался председатель урезонить толпу, шум только усиливался. Его слова: «Братья, не поддавайтесь клевете врага!»— были заглушены криками и руганью.

— Пойдем на Хиву! Заставим отменить новый налог!— кричали из толпы.

Председатель Питнакского Совета тоже закричал:

— Жалобы свои передайте нам, отправим их в Хиву. Незачем всем идти в столицу!

— Нет! Нет! Сказали, пойдем,— значит, пойдем! Дай нам арбы!

Председателя Питнакского Совета окружили, иные начали толкать его, грозить дубьем. Стоявший в стороне Мадримбай, злорадно улыбаясь, науськивал людей, подливал масла в огонь.

Пробившись сквозь толпу, секретарь Питнакского партийного комитета воскликнул:

— Братья, успокойтесь! К чему весь этот шум и скандал? Где же ваши председатели кишлачных Советов?

В круг вошел седобородый старик:

— Вот, мы тут.

— Вы не председатель Совета, вы — бывший аксакал.

— А для нас он председатель Совета,— громко сказал кто-то рядом с Мадримбаем.

— Аксакал — староста — не может быть председателем Совета!

— Не тяни. Что ты хочешь сказать, большавой? Дай нам арбы по-хорошему!— продолжали кричать собравшиеся, потрясая кулаками.

Вести о событиях в Питнаке, неимоверно преувеличенные слухами, с быстротой ветра достигли Хазараспа. Сабирбай, старательно готовивший там почву для мятежа, в свою очередь объявил казиям, имамам, аксакалам:

— Народ Питнака собирается идти на Хиву. Разве мы можем остаться в стороне? Быстро соберите людей.

В Хазарасп из ближних и дальних кишлаков начали прибывать дехкане, горожане уже давно собрались на базаре. На крышах домов, на навесах — повсюду люди. Базар гудит, точно улей.

— Братья,— начал имам, забравшись на арбу,— народ Питнака поднялся против кяфуров. Пусть же поднимется и народ Хазараспа. Вот-вот сюда прибудут питнакские, вместе с ними пойдем на Хиву. Объединимся и покажем кяфурам нашу силу. На позор обрекли они наши головы, растоптали мечети и медресе, попирают нашу религию. Можно ли терпеть такое?!— И он во весь голос завопил:— Газават! Газават!

Толпа колыхнулась. В руках у многих были дубины, заступы, молоты. Немало было вооружившихся старыми саблями, ружьями.

Руководители исполкома Хазараспа немедленно сообщили правительству о положении в городе.

Подобные же события произошли одновременно в окрестностях Илоли и Кухна-Ургенча.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Несмотря на декабрьский мороз, толпы людей из Питнака и Хазараспа, слившись в один поток, двинулись на Хиву — кто на арбах, кто верхом на лошадях, ишаках, многие пешком. Видя такое, дехкане Эшанбазара, Багата и Янгиарыка выходили к дороге и с удивлением спрашивали:

— Куда это вы?

— В Хиву, пожалуемся правительству, пусть оно отменит налог.

— Столько-то людей?

— Чем больше, тем лучше. Правительство испугается. Идите и вы с нами.

Некоторые из стоявших у дороги, боясь вооруженных йигитов Сагдуллы-бала, зорко глядевших по сторонам,— их немало было в толпе, другие же любопытства ради, желая узнать, чем все это кончится, сливались с людским потоком.

— Если ты мусульманин, признаешь шариат, присоединяйся к нам!— кричали из толпы, проходя мимо кишлаков.

— Пойдем в Нурлавой, разыщем руководителей, пообтираем их носы о землю.

— Проучим тех, кто сбился с пути религии!

Зима в том году в Хорезме была лютой. Те, на ком были теплые шубы, конечно, не замерзали, но большинство дехкан одеты были легко. Дрожа от холода, они шли к Хиве.

Палван, недавно назначенный комендантом столицы, приказал закрыть ее ворота. Когда дозорные сообщили, что идущие к Хиве приблизились к Хазараспским воротам, Палван вместе с начальником ГПУ Свободиным и назиром внутренних дел Матякубом Атаджановым встретили мятежников за крепостной стеной у закрытых ворот.

Вот толпы, нахлынувшие точно черные тучи, остановились у Хазараспских ворот.

— Куда это вы идете? — спросил Махмуд Свободин рослого аксакала, стоящего впереди.

— К правительству. Открывай ворота!

— С какой целью?

— Не тебе, правительству скажем! Если не откроете, разнесем в щепки ворота, размозжим вам головы! — заорал один из вооруженных йигитов.

— Кричать не надо, криком делу не поможешь. Скажите нам, с чем пришли, мы доведем это до сведения правительства, — неторопливо объяснил Палван.

В ответ с разных сторон посыпались оскорбления, зашумели, закричали:

— Открывайте ворота!

— Не преграждайте нам путь!

— Неверы проклятые!

Толпа колыхнулась, готовая раздавить троих смельчаков, но тут, перекрывая ругань и проклятия, раздался властный голос Палвана:

— Пусть боровшиеся за революцию перейдут на одну сторону.

Поняли его в толпе или нет, во всяком случае никто не двинулся с места.

Разгоряченная и озверившаяся толпа могла сейчас учинить самосуд над Палваном, Свободиным и Атаджановым, но они держались уверенно. И на стенах крепости стояли наготове красноармейцы. Палван закричал еще громче:

— Пусть бедняки, работавшие в чужих домах, перейдут на одну сторону!

Последние слова Палвана заставили задуматься многих дехкан. Не зная, как поступить, они смотрели друг на друга. Тут все тот же рослый аксакал, с ненавистью глядевший на Палвана, крикнул:

— Не разделяйте народ! Все мы как один, и жалоба у нас одна. Не верьте ему, братья!

Толпа глухо повторила его слова:

— Все мы как один, и жалоба у нас одна.

И снова раскатился голос Палвана:

— В таком случае изберите делегацию. Правительство не может принять всех.

Шум и гомон несколько стихли. Последнее предложение, кажется, было приемлемым для большинства. То тут, то там стали называть имена делегатов. Всего было названо пятнадцать человек. Чтобы пропустить представителей в город, Палван приказал открыть ворота.

Ворота чуть приоткрыли, по бокам стали вооруженные красноармейцы.

— Остальные пусть расходятся по своим кишлакам, откуда прибыли делегаты! Делегаты ваши вернутся и доложат вам о решении правительства.

Эти слова Атаджанова не понравились вооруженным йигитам.

— Услышим, что скажет делегатам правительство, вот тогда и разойдемся.— И они стали, напирая друг на друга, приближаться к воротам.

Ворота тут же закрыли. Красноармейцы взяли ружья наперевес. Махмуд Свободин предупредил толпу:

— Пока не разойдетесь по домам, делегаты не смогут пройти в город.

Толпа стояла в растерянности. Некоторые уже намеревались уйти, но аксакалы и имамы, злобно покрикивая, удерживали их. Все равно толпа редела. Стали расходиться и самые упорные. Ворота открыли, и пятнадцать делегатов направились в сторону Нурлавоя. Там их приняли, выслушали, пообещали продолжить переговоры завтра. Но на следующий день человек сто пятьдесят, крича: «И мы пойдем к правительству!», разделившись на группы, ворвались в учреждения и назираты, расположенные в Нурлавое.

— Немедленно отмените налог!— кричали одни в Назирате земледелия.

— Пусть снова в школах учат Коран!— требовали другие, громя кабинет Давлята Ризаева — назира просвещения.

Они стучали по столам, ломали стулья, топтали бумаги, ловили сотрудников и били их. В Нурлавое творилось невообразимое.

Десяток здоровенных йигитов проникли во дворец Нурлавой, где размещался ЦИК. Заместитель ответственного

секретаря Матякуб Ахангаров спокойно работал в своем кабинете. Внезапно с шумом распахнулась дверь. Оторвав взгляд от бумаг, он увидел людей, вооруженных кинжалами и молотами.

— Да покарает бог тебя, чернильного дурака! Сам себя губишь,— с этими словами Ахангарова вытащили из-за стола, вытолкнули на середину кабинета.— Где твой раис?— кричали они, пиная его ногами.

Вдруг где-то невдалеке раздались выстрелы, послышался конский топот, и тотчас «посетители», тесня друг друга, бросились наутек. И остальные, ворвавшиеся в назираты и издевавшиеся там над сотрудниками, испугались стрельбы, разбежались кто куда. Некоторых удалось задержать.

После этих событий была усилена охрана Нурлавоя.

...Джунаид-хан был доволен действиями Мадримбая и Сабирбая. Головорезы грабили народ, угоняли стада в пески, по всему краю начались беспорядки, многие кишлаки и аулы были объяты пламенем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Карим Абдусалямов задумчиво ходил по кабинету. Недавно, провожая правительственную делегацию в Москву, он даже помыслить не мог, какая ответственность ляжет на его плечи. Тяжело двадцативосьмилетнему йигиту исполнять обязанности председателя ЦИКа республики в самое трудное за всю ее недолгую историю время. «Джунаид-хан еще выжидает, еще не ринулся на города, как волк на добычу, а весь Хорезм в огне. Басмачи безнаказанно грабят кишлаки и аулы, убивают учителей, комсомольцев, делегатов Четвертого курултая,— Абдусалямов расстегнул ворот рубашки, в прохладном кабинете ему было душно.— Повсюду народ ждет помощи из Хивы. Конечно, если направить два отряда красноармейцев — один на север, другой на юг,— это воодушевит там бойцов добровольных отрядов. Но можно ли ослабить оборону Хивы?! Ведь именно этого и ждет Джунаид, чтобы нанести нам решающий удар... Нет, распылять силы нельзя!»

В кабинет вошел ответственный секретарь Али Муллаяров с кипой писем в руках.

— Товарищ Абдусалямов, все срочные, секретные, вот это — от председателя Ташаузского ревкома Ахмаджана Ибрагимова, а это...

— Али, прочитай-ка письмо Ахмаджана,— сказал председатель.

Секретарь начал читать:

— «...Двадцатого декабря до восхода солнца Анна-бай и Абди-бала, возглавив своих конных, ворвались в дом Мурада-катхудо из Карадаша. Схватили его и дезана Мулла Чария и скрылись.

Когда пришло известие об этом, я взял у начальника гарнизона двенадцать русских красноармейцев, а также милиционеров и нукеров. Сам, возглавив их, явился в Карадаш. Там сожжено много домов, убиты активисты, жены их взяты в плен... В Ташауз вернулись в три часа ночи. В это время из ревкома Илоли пришло такое сообщение: «В Емралике конные йигиты Джунаид-хана напали на Хакимбека... в перестрелке убит один человек Хакимбека, пять ранено, также пали две лошади. Конные Джунаид-хана рыщут по кишлакам, подвергая издевательствам народ Илоли. Просим послать в Илоли красноармейцев. Если не примете срочные меры, то народ будет ограблен, лишится всего. Люди разбегаются, живут, таясь в разных местах.

Председатель ревкома Ибрагимов».

— Так, еще какие новости?

— Их много — и все плохие.

В этот момент вошел заместитель ответственного секретаря ЦИКа Ахангаров.

— Карим-ага, ГПУ только что известило: предатели Мадримбай и Сабирбай сколотили в Хазараспе и Питнаке новые вооруженные банды. Вместе с Сагдуллой-бала и Шакиром-бала они скоро могут нагрянуть сюда. И в городе под боком у нас действуют контрреволюционеры; ночью во время облавы сотрудники ГПУ задержали лазутчиков Джунаида.

Абдусалямов встал, заговорил твердо, решительно:

— Пусть трудно, но мы не должны дать почувствовать отсутствие наших руководителей. Дай мне, Али, все письма. Ознакомлю с ними ЦК. Немедленно отправь еще одну телеграмму в Москву на имя Адинаева и Сафаева!

— Есть!

— Подготовьте декрет об освобождении от объединенного сельскохозяйственного налога и земляных работ красноармейцев, милиционеров и красных добровольцев.

— Будет исполнено.

— Председателю горсовета Машарифу Кариеву приказываю как можно скорее завершить строительство хивинского аэродрома. Необходимо срочно открыть воздушную дорогу между Ташкентом и Хивой. Передайте Машарифу.

что в девять вечера жду его. С сегодняшнего дня будем работать и ночами.

* * *

Центральный Комитет Компартии Хорезма помещался в городском доме, принадлежавшем в прежние времена Матвафо-караванбаши Баккалову, одному из богатейших людей Хорезма. Все знали этот белый красивый дом с необычными для Хивы большими окнами. Построен он был незадолго до революции, примерно в то же время, что и Нурлавой, и искусно сочетал в себе характерные черты восточной и европейской архитектуры.

Абдусалямов прошел мимо часового, отдавшего ему честь, поднялся по ступенькам.

Как только появился Абдусалямов, Карим Балтаев объявил расширенное заседание ЦК открытым и предоставил ему слово.

Абдусалямов даже не взглянул в подготовленный конспект доклада. Память в эти минуты работала безукоризненно. Сообщив о мерах, которые принимает Центральный Исполнительный Комитет для нормализации положения в республике, он сказал:

— На севере республики Джунаид-хан нападает на наши города и кишлаки. На юге действуют продавшиеся Джунаид-хану Мадримбай и Сабирбай. На западе нашей республики грабят народ и бесчинствуют басмачи Матчонтуры и Матназарбая. Вот в этих письмах, товарищи,— он поднял со стола объемистую папку,— горе наших сограждан и просьбы о помощи.

Следом за ним поднялся начальник ГПУ Махмуд Свободин.

— Какими силами располагают басмачи на севере, вы знаете. Хочу сказать о численности банд, действующих на юге. По последним сведениям, у Шакира-бала четыреста конных, не меньше и у Сагдуллы-бала, у Агаджана-ишана — триста конных. Кроме того, Мадримбай там собирает нукеров. Это уже не разрозненные банды, а целое войско головорезов, подчиненное Мадримбаю, и со дня на день оно все более увеличивается.

Пелван взглянул на секретаря ЦК Карима Балтаева, тот кивнул головой: говори, мол.

— Начиная с завтрашнего дня в республике надо объявить военное положение. Ворота Хивы закрыть сейчас же и с [illegible] вечера до утра без разрешения в город не пускать.

Палвана поддержал назир внутренних дел Матякуб Атаджанов:

— Это лишит Джунаида возможности поддерживать связь с врагами республики, окопавшимися в столице. Предлагаю также мобилизовать коммунистов и комсомольцев и пополнить ими отряды ГПУ.

Запасы продовольствия в Хиве невелики, а базары совсем опустели. Надо срочно перевезти сюда имеющееся у правительства зерно,— сказал председатель горисполкома Хивы Машариф Кариев.

— Надо вооружить работников просвещения, слушателей партийной школы, обучать их военному делу,— предложил назир просвещения Давлят Ризаев.

Все с нетерпением ждали, что скажет военный назир Гадецкий. Но он не торопился брать слово — выступил последним.

— У врага очень много сил, у нас мало, и рассеяны они по всей республике: в большинстве крепостей не более чем по взводу красноармейцев. Предлагаю всю нашу армию собрать в нескольких местах. О сложившемся здесь тяжелом положении знают в Москве и Ташкенте. Нам окажут помощь. Но сделать это зимой, в условиях бездорожья, не так-то просто. Несомненно, Джунаид выставил на пути из Чарджоу в Хиву мощные заслоны. Нам надо выиграть время, продержаться. Надо смотреть правде в глаза, все крепости сохранить мы не сможем. Военный совет Красной Армии Хорезма наметил, какие части необходимо отозвать в Хиву. С ними вместе должны уйти в Хиву и все советские активисты вместе с семьями. Согласны ли вы с нашим мнением?

— Другого выхода у нас нет. Потерять Хиву — потерять все,— сказал секретарь ЦК Карим Балтаев.

Предложение Военного совета поддержали и остальные. Однако по вопросу о введении военного положения в республике мнения разошлись. Большинство решило, что эта мера может побудить Джунаид-хана ускорить начало большого наступления.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вскоре после того, как возглавляемая Сафаевым делегация начала в Москве переговоры о вхождении Хорезма в состав СССР, из Хивы пришло известие о контрреволю-

ционном мятеже. В тот же день Сафаев и Адинаев обратились к правительству СССР с просьбой о помощи. Им ответили, что в соответствии с договором, заключенным между РСФСР и Хорезмом, помощь будет оказана. На совещании в хорезмском посольстве было решено, что делегация должна продолжить жизненно важные для судеб Хорезма переговоры, а первый секретарь ЦК Каландар Адинаев немедленно возвратится в Хиву.

В ту пору в Москве находился и Ахмад Махмудов, оклеветанный, исключенный из партии. Махмудов несколько раз побывал в Комиссии партконтроля, встретился с председателем комиссии Сольцем. Сольц внимательно выслушал Махмудова, изучил его дело и в конце концов убедился, что тот был оклеветан. Вскоре Махмудова восстановили в партии и направили в Коммунистический университет трудящихся Востока.

Сияя от радости, Махмудов пришел в хорезмское посольство и тут узнал о происходящих на родине событиях. Не раздумывая долго, он попросил направить его в Хорезм.

— Я советую тебе остаться в Москве,— сказал посол Бабаджан Атаджанов.— Говорят, раз послушайся старшего, раз младшего. Я тебе как старший брат.

Ахмад Махмудов хорошо знал Атаджанова: когда Атаджанов был председателем Совета Назиров, Махмудов был председателем Чека. Махмудов всегда прислушивался к его мнению, но на этот раз настоял на своем.

Вечером, шагая по перрону Казанского вокзала, Махмудов мысленно уже был в Чарджоу, откуда предстоял ему пятисоткилометровый путь в Хорезм, по бездорожью, под ледяными ветрами Каракумов. Он как бы даже ощутил этот жгучий холод, сковывающий тело, пронизывающий до костей.

Махмудов закурил папиросу, несколько раз глубоко затянулся, глядя, как роем кружатся снежинки в свете фонаря и медленно выплывают из серого сумрака вагоны. Ему вспомнилась встреча в Чарджоу с Николаем Александровичем Шайдаковым — первым командиром Хорезмской революционной армии, а теперь начальником Амударьинской флотилии. Вспомнились сердечные слова Николая Александровича, его советы, добрые напутствия. «Да,— думал Махмудов,— не такой Николай-ага человек, чтобы не прийти на помощь в трудные для Хорезма дни».

* * *

«Бандами Джунаид-хана захвачен Кухна-Ургенч».

«Отряды красноармейцев оставили Дарган-Ата».

«Английские империалисты снабжают Джунаида оружием».

«Наступление басмачей продолжается...»

С каждым днем все тревожнее звучали эти публиковавшиеся на первой странице газеты «Туркестан» сообщения о событиях в Хорезме.

Обучавшиеся в Ташкенте молодые хорезмийцы каждый день собирались во дворе консульства Хорезмской республики. Они рвались в бой, требовали, чтобы им немедленно разрешили вернуться на родину.

— Братья, сестры, продолжайте свою учебу. Нужно будет, позовем. Хорезм не одинок, ему помогут Советская Россия, Туркестанская республика,— успокаивал их консул Бабаджан Якубов.

Якубов старался говорить с ними как можно увереннен, но в его голосе звучала тревога. Консул знал, что над республикой нависла смертельная опасность и что все пути в Хорезм уже перекрыты басмачами.

Сегодня Бекджан возвращался из консульства со своим другом Матназаром Худайназаровым, курсантом Ленинского военного училища.

Был солнечный полдень, ярко искрился выпавший ночью снег.

— Все равно вернусь в Хорезм!— начал Бекджан, внимательно вглядываясь в лицо товарища.— По всему видно, басмачи окружают Хиву. Если не пробиться сейчас — потом будет еще труднее.

— Ты прав. Медлить нельзя. Надо ехать в Чарджоу. Сам знаешь, я был динкурьером, путь от Чарджоу до Хивы могу пройти и с закрытыми глазами. Известны мне и старые караванные тропы... Завтра встретимся и все окончательно решим.

Простившись с Матназаром, Бекджан отправился домой в Шайхантаур, где они с женой снимали дешевую комнату без веранды. Войдя во двор, Бекджан увидел Султан-пашшу. Она сидела на скамейке, опустив голову.

— Что, нездоровится, опять тошнит?— участливо спросил Бекджан.

Султан-пашша молча кивнула головой.

— Какие новости в консульстве?

— Сама знаешь, студенты хотят отправиться добровольцами в Хорезм, но им не разрешают. А мы с Матназаром твердо решили ехать. Как-нибудь доберемся?

— А я?

— Останешься здесь.

— Нет, я с вами.

— Тебе нельзя, ты беременна.

— Нет, нет, я одна не останусь.

— Шернияз будет с тобой. А я вернусь скоро.

Они вошли в комнату, тесную и низкую. Пол земляной, потолок оклеен темной бумагой. В одной нише книги, тетради, в другой разная нехитрая утварь, напротив двери старая железная кровать, рядом грубо сколоченный стол и печка-чугунка.

Бекджан разжег печку, начал готовить еду, и сразу же едкий дым наполнил комнату. Султан-пашша открыла настежь дверь. В это время с мотком провода в руке вошел во двор ее брат Балта.

— Сестричка, проведу тебе электричество. Пусть светло будет и в комнате твоей и на душе.

Балта притащил лестницу и принялся за дело. Бекджан, заварив чай, позвал свояка:

— Балтабай, заходите в комнату, чай будем пить.

— Погодите немного, сейчас закончу. Вон, Бекджан, и ваш брат Шернияз идет,— сказал Балта, глядя на улицу.

Калитку открыл плечистый, румянощекий крепыш. Балта протянул провод:

— Вовремя пришел. Говорят же, старый приходит на плов, молодой — на работу. А ну, друг, помогай мне! Проведем электричество. Небось плошка надоела им.

— У нас в школе говорят, будто Джунаид окружил Ташауз, идет на Хиву,— правда это?

— Может, и правда, но Хивы ему не взять!

Шернияз снял пальто и стал помогать Балте. Султан-пашша вышла во двор, присела на скамейку, кутаясь в платок. Бекджан вынес из дома пиалушку чая, бережно подал жене и, обращаясь к брату, сказал:

— Шернияз, не сегодня-завтра я отправлюсь в Хорезм, так что ты заботься о Султан-пашше, приноси ей с базара спелые гранаты.

* * *

Хива. Кабинет военного назира Гадецкого. Вместе с ним у карты Хорезма члены Военного совета, командующий Красной Армией Хорезма Рукин, начальник штаба Волошин, командир Хивинского гарнизона Палван.

— Как вы знаете, Джунаид-хан, наступая с севера, занял Кунграт, Кухна-Ургенч. По последним сведениям, защитники Кухна-Ургенча, вырвавшись из окружения, отходят к Илоли. Илоли для Джунаида — крепкий орешек. Патронов у защитников Илоли хватит, мужества тоже.— Гадецкий обвел взглядом собравшихся.— На юге конница Агаджана-ишана, захватив Дарган-Ата и Садвар, движется к Питнаку.

— По данным нашей разведки,— сообщил Рукин,— англичане беспрерывно снабжают Джунаида оружием, это его наступление превосходит все предшествующие. Пятнадцатитысячное войско — никогда у него такой силы не было! А во всей нашей армии, считая и русских красноармейцев, не более тысячи двухсот человек.

— Десять на одного,— с печальной усмешкой произнес Гадецкий.

— Нет, один на десятерых,— поправил его Палван.

* * *

Каждый день Хиву облетали мрачные слухи: Джунаид-хан окружил Ташауз, находится у порога Тахта, Газавата, не сегодня-завтра пойдет на Хиву, аскеров у него видимо-невидимо.

Правда переплеталась с ложью. Города, не захваченные Джунаидом, объявлялись взятыми им. Слухи эти вполне сознательно распространялись врагами республики, старавшимися создать у людей впечатление, что советская власть в Хорезме доживает последние дни.

16 января 1924 года Центральный Исполнительный Комитет принял специальное постановление, призывающее народ дать решительный отпор басмачам и противодействовать контрреволюционерам.

«В последнее время среди населения распространяются злостные слухи, оказывающие услуги контрреволюции... Известно, что Джунаид и главари басмачей стремятся всеми способами склонить на свою сторону дехкан и начать наступление на столицу. Сейчас враги народной власти перешли к открытым действиям против правительства. Басмачи и все контрреволюционеры готовятся к наступлению еди-

ным фронтом. Заметно, что есть среди населения люди, поддавшиеся их агитации.

ЦИК, чтобы решительно покончить с таким положением, счел необходимым принять следующие меры:

1. Начиная с сегодняшнего дня объявить в республике военное положение.

2. Военному назиру, командующему Красной Армией Хорезма, Политическому управлению, а также Комиссии по борьбе с басмачеством решительно приказывается очистить республику от контрреволюционеров и принять необходимые меры для предотвращения дальнейшего наступления басмачей.

3. Срочно вооружить всех сотрудников учреждений Хивы, способных носить оружие.

4. Приказывается руководителям горсовета Хивы в течение 24 часов создать из сотрудников учреждений конный и пеший отряды.

Исполнение настоящего постановления возлагается на командующего Красной Армией Хорезма Рукина, на председателя Комиссии по борьбе с басмачеством Абдусалямова и на военного назира Гадецкого.

Заместитель председателя ЦИКа: Абдусалямов.
Ответственный секретарь: Муллаяров».

Это постановление придало уверенность защитникам республики, заставило задуматься растерявшихся и колеблющихся, помогло им понять, что басмаческому произволу вскоре будет положен конец.

Председатель горсовета Хивы Машариф Кариев собрал на площади перед Кухна-Арком сотрудников назиратов и учреждений. Здесь их распределили по ротам, раздали им оружие, и сразу же начались военные занятия.

Большинство ворот города наглухо закрыли и заставили бунтами хлопка. Вокруг внешней крепости Дишан-кала, с рассвета дотемна велись оборонительные работы, которыми руководили Гадецкий, Рукин и Палван. Для входа и выхода из города был установлен специальный пропуск.

С десятком красноармейцев, взяв несколько арб, запряженных лошадьми, Палван отправился в Тазабаг, чтобы перевести помещавшуюся там женскую школу в Хиву.

В Тазабаге он сразу зашел в кабинет заведующей. Там в это время находились учительницы, среди них и Якутай. Поздоровавшись со всеми, он спросил у заведующей:

— Вы получили указание о переводе вашей школы в Хиву?

— Да, получили, думаем теперь, как нам переезжать.

— Я привел красноармейцев, чтобы помочь вам. Арбы тоже готовы. Скажите своим девушкам, пусть попроворнее собираются в дорогу. Вашу школу временно займет армейская часть. Берите только самое необходимое. Остальное сложите в амбар. Не беспокойтесь, все будет в сохранности.

— Спасибо вам, Палван-ага!— волнуясь, сказала заведующая.

— Мы привезли шинели, сапоги, красноармейскую форму, раздайте все это учителям и ученицам, окончившим курсы медсестер.

— У нас есть и меткие стрелки,— заведующая взглянула на Якутай.

— Очень хорошо. Они нам пригодятся.

Палван вышел на веранду:

— А ну, йигиты, помогите девушкам.

Некоторое время он смотрел, как, дружно взявшись за дело, красноармейцы и школьницы носят в амбары парты, столы, доски, обмениваясь при этом застенчивыми, но выразительными взглядами. Потом Палван зашел в комнату Якутай.

— Ага, такие трудные дни!

— Ничего, все наладится. Давайте соберем ваши вещи.

— Да что у меня есть — постель да вот эти книги.

Они начали собирать вещи в комнате и в передней.

— Ага, положение тяжелое?— тихо спросила Якутай.

— Как вам сказать...

— Мне правду скажите.

— Тяжелое. С обеих сторон теснит нас враг. С севера джунаид, с юга — Мадримбай, Агаджан-ишан. Они захватили немало крепостей и кишлаков.

— Неужели ворвутся и в Хиву?..

— Нет, не допустим.

— Почему-то тревожно у меня на душе, беспокоюсь о вас,— сказала Якутай, кладя книги и тетради в сундучок.

— Обо мне не беспокойтесь, уцелел во многих боях, и теперь ничего не случится. А вот вам, Якутай, трудно одной. Моя мать будет рада, если вы поселитесь у нее.

— Я буду вместе с добровольцами. Ведь вы сами научили меня стрелять.

— Зима, холод лютый, а здоровье ваше!

— Я чувствую себя хорошо.

Палван пристально посмотрел на Якутай.

— Вы мне не верите?— Якутай распрямилась, подняла голову

«О, как хороша она»,— подумал Палван, и в его посуровевших от тревог и горя глазах отразилась чуждая этим жестоким дням нежность. Но тут же он представил себе Якутай на крепостной стене в мороз, и ему стало не по себе.

— Прошу вас, поживите у моей матери,— дрогнувшим голосом проговорил Палван и прижал Якутай к груди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Я принес хорошие вести,— сказал Матчон-тура, с поклоном вошедший в белую юрту Джунаида,— конница Сагдуллы-бала заняла Питнак. Все большевики в Питнаке убиты. Мадримбай просит вас пожаловать в Питнак!

— Мадримбая объявлю ханом!— сказал Джунаид.

Услышав такое, Матчон-тура помрачнел: «Какой-то степняк-бай станет ханом, а нам нет власти. Тура над турами остался в стороне».

Джунаид, поняв его состояние, улыбнулся:

— Тура, тебя я назначу главным визирем. Все дела будут в твоих руках. Возможно, потом...

Эти слова Джунаида утешили туру: у главного визиря власти не меньше, чем у хана. Ему представилось, как в фаэтоне он, Матчон-тура, въезжает в Нурлавой, все, почтительно сложив руки, низко кланяются ему: еще бы, едет сам вазири-акбар — главный визирь. «Возможно, через некоторое время Джунаид вознесет меня на ханский трон, сделал же он ханом Саида Абдуллу... Ладно уж, пока стану вазири-акбаром, а там видно будет... Первым делом снесу голову тем, кто отнял мои дома и земли, брошу в костер Палвана, изничтожу все его потомство». Матчон-тура поднял глаза и попросил своего хана-ага:

— Джумабай-махрам очень хороший человек. Он ваш преданный раб. Его бы военным назиром...

— Верно говоришь, тура, но и о других тоже надо подумать. Помнишь, как Балта-ших и Заир-бала присоединились к нам. Они были красными нукерами. Скучно им стало, ограбили каких-то путников, вот их и посадили. Ночью они убили своих стражей и примчались ко мне.

— Хан-ага, сам бог помогает вам, они сильные йигиты.

— Балта-ших прошел мое испытание: снял головы трем большавоям и принес их в хурджуне. «Вот, говорит, подарок вам»— и бросил головы к моим ногам.

Приоткрылся полог, и в юрту, поклонившись, вошли Балта-ших, длинный, худой, с реденькой бородкой и бегаю-

щими глазами, и с ним низкорослый пучеглазый Заир-бала — за плечами у него висел большой хурджун.

— Хан-ага, и Заир доставил вам подарок,— Балта-ших показал на хурджун.

Заир-бала не спеша развязал хурджун, вытащил из него человеческие головы и, воскликнув «кяфуры», бросил их к ногам Джунаида.

— Заир, и ты прошел мое испытание. Рахмат твоему отцу.— Слышали,— усмехнулся Джунаид-хан,— сардоры Мадримбая взяли Питнак. Мы с Матчон-турой едем туда. Наш сын Эшши-хан даст вам надежных йигитов. Готовьтесь к походу на Хиву.

— Слушаемся, хан-ага, да поможет вам бог,— сказали Балта-ших и Заир-бала, покидая юрту.

* * *

На следующее утро новоявленный «хан» приказал своим сардорам начать наступление на Хазарасп.

Ни свет ни заря в ревком Хазараспа примчался йигит:

— Мадримбай стал ханом, вместе со своим войском вышел в путь. Скоро будет в Хазараспе.

— Ты это все видел своими глазами?— спросил у йигита дежуривший в ревкоме Бабаджан Атабаев.

— Да, войско его вот-вот подойдет к Хазараспу.

Атабаев немедленно вызвал начальника милиции.

— Басмачи идут на Хазарасп! Быстро соберите милиционеров, бойцов вспомогательного отряда, всех активистов.

— Три милиционера дежурят у городских ворот, а все остальные разъехались по кишлакам.

— Пошлите гонцов, пусть скачут за ними.

Коммунисты и комсомольцы стали собираться в ревкоме.

Атабаев едва успел предупредить жену: «Мы отступаем, скорее спрячься!» И тут же из кишлака неподалеку от Хазараспа донеслись выстрелы.

Примерно через полчаса после этого в Хазарасп вошло войско нового «хана» Мадримбая.

— Всех бежавших поймать!— приказал Мадримбай.

Йигиты Сагдуллы-бала, стегнув своих коней, помчались догонять.

По приказу нового «хана» в городе начались обыски, басмачи рыскали словно голодные волки, врывались в дома, амбары, убивали, грабили. Не успевших бежать работников городских учреждений и учителей как добычу доставили «хану» на городскую площадь. Связав им руки и ноги, од-

ного за другим бросили в горящий костер. Такая участь постигла Аллабергана Юсупова, Нарына Хакимова, Бури Палванова и многих других. Стоны и рыдания охватили город. Басмачи поймали девушку-комсомолку Дурджан и привели к своему «хану».

Увидев луноподобную красавицу, он, как говорится, прикусил палец, но тут же хрипло крикнул:

— Привязать к конскому хвосту!

Длинные косы Дурджан привязали к хвосту лошади. Вскочив в седло, рыжий верзила стегнул лошадь, и она, заржав, помчалась, поволокла Дурджан. Басмачи на перекрестках и гузарах дико хохотали, вопили:

— Сильнее стегай!

— Бей же, бей!

Девушка уже давно скончалась, но палач все стегал лошадь.

А «хан», усевшись за стол председателя ревкома, отдавал новые приказы:

— Подожгите дома большавоев!

— Уничтожьте их семьи!

В городе творилось невообразимое. Убивали, рубили не только взрослых, но и младенцев. Длинные языки пламени взметнулись в небо над древним Хазараспом. Все вокруг было укутано горьким дымом.

По приказу Мадримбая всех способных носить оружие под угрозой смерти заставляли вступать в его войска. Тем временем басмачи Сагдуллы-бала были посланы в сторону Бешарыка и Багата. Захватив после кровопролитного боя Бешарык, Сагдулла-бала сказал своим головорезам: «Йигиты, теперь мы должны взять Багат, и, да поможет нам аллах, Хива будет наша!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Джунаид-хан, заняв кишлаки и аулы у границы песков, начал наступление на большие крепости. После жестоких боев он, понеся большие потери, взял Пурси и Кук-Чега. Еще раньше пал Кухна-Ургенч. Теперь его банды подступили к Илоли и Ташаузу. Наступал и Мадримбай.

— Судя по всему, Джунаид теперь двинется на Хиву,— докладывал на расширенном заседании ЦК военный назир.— В Хиве у нас триста красноармейцев, сто пятьдесят милиционеров, около двухсот бойцов ЧОНа. Из числа работников назиратов и учреждений сформировано два отряда, в Хиве находится также отряд, организованный из бед-

няков и батраков дехкан председателем Союза кушчи Пирнафасом-ака. Роздали оружие ста двадцати слушателям партийной школы. Всего у нас бойцов не более тысячи. Как вы понимаете, главное сейчас не дать Джунаиду стянуть к столице все свои силы.

Созданный на этом совещании Центральный военно-революционный комитет, которому была передана вся полнота власти, обратился с воззванием к гражданам Хорезмской Советской Социалистической Республики. Листовки с этим воззванием разлетелись по городам и кишлакам.

... Просторная площадь в Ходжейли заполнена народом. Хамза зачитывает воззвание, и в наступившей глубокой тишине снова звучит его голос:

— Дорогие отцы и братья! Сегодня неспокойно в нашей стране, неспокойны и наши сердца. Кровожадный волк Джунаид сеет смерть и отчаяние. А истерзанная, опустошенная страна — пепелище души. Палач, захватив Кухна-Ургенч, Пурси, Кук-Чега, никого не щадит, приказывает отсекать головы даже младенцам. Не сегодня-завтра он может напасть и на Ходжейли. Йигиты, идет война. Не дело мужчин стоять в стороне.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Штаб Хивинского гарнизона располагался во дворце Таш-хаули, обнесенном высокой зубчатой стеной. Начальник гарнизона Палван редко подолгу задерживался там. Днем и ночью он был среди бойцов. И они ждали его. Ждали у всех десяти ворот крепости, у окопов и укреплений в окрестностях Хивы. Среди общей тревоги и недобрых предчувствий им хотелось видеть этого спокойного, крепкого, как скала, человека, во всем облике которого чувствовалась так необходимая в эти дни уверенность в победе.

Вот и сегодня он побывал на батарее, расположенной рядом с Арка-Тазабагом. Большинство артиллеристов там русские красноармейцы, с которыми Палван познакомился еще в Турткуле в первые дни революции. Потом он провел военные занятия с дехканами, которых собрал защищать Хиву Пирнафас-ака. Оттуда он поехал к Тазабагским воротам на участок командира Мусы Хабина.

— Салям, йигиты! Как чувствуете себя? — обратился он к бойцам, стоявшим у ворот.

— Рахмат, Палван-ага, здоровы, как кони, мороз нас не берет. Ждем Джунаида, — за всех ответил йигит со шрамом на щеке.

Палван крепко пожал ему руку.

— Еды маловато,— пожаловался один из красноармейцев.

— Мы вынуждены экономить продукты, еще не знаем, как долго нам придется обороняться, пока не отгоним Джунаида. Скажу прямо, надо довольствоваться тем, что есть. Пополнить запасы продовольствия сейчас трудно: места, откуда его можно доставить, заняты врагом. Ничего, йигиты, туже затянем ремни, стройнее будем.

Бойцы засмеялись.

В этот момент Палвана заметил Муса Хабин, находившийся на крепостной стене. Он хотел было спуститься, но Палван помахал рукой: мол, жди меня там — и быстро взобрался к нему по лестнице. Муса коротко и четко отрапортовал о положении на участке.

Палван хорошо знал Мусу. В марте 1920 года, в самый разгар боев с бандами Джунаида, только что окончив военное училище в Ташкенте, Хабин прибыл в Хорезм. Палван верил в этого человека, закалившегося, как сталь, в тяжелых боях.

— Муса, помнишь, как отстояли Илоли?

— Помню, те дни невозможно забыть. Вовремя вы тогда пришли на помощь.

— Илоли — маленький город, а Хива — столица! Теперь здесь решается судьба всего Хорезма. Твой участок обороны — один из самых важных.

— Знаю, товарищ начальник гарнизона.

Палван, пришпорив коня, помчался в медресе Ислам-Ходжа. Там была радиостанция, единственная в Хорезмской республике. Отсюда осуществлялась связь с Москвой и Ташкентом, посылались в Ташкент оперативные сводки.

Первым, кого встретил на радиостанции Палван, был начальник штаба Болошин. По его лицу сразу догадался, что сейчас услышит добрую весть. И в самом деле, только что была получена радиограмма от командующего Туркестанским военным округом: 84-й конный полк направлен в Чарджоу для оказания помощи Хорезмской республике, красные кавалеристы уже в пути, идут на подмогу.

Палван вышел из медресе и остановился у минарета Ислам-Ходжа, невольно залюбовавшись игрой солнца на его голубых изразцах. С этого самого высокого и самого красивого в Хиве минарета теперь постоянно велось наблюдение за всей округой. Палван открыл дверь минарета, начал взбираться по крутым ступеням, спирально поднимавшимся вверх. Лестница темная и такая узкая, что двоим не разми-

нуться. Ступеням этим, кажется, нет конца. Поднялся до половины, а уже устал, трудно дышать, сердце колотится. Присел на ступеньку, отдохнул немного. В детстве, бывало, он быстро взбирался на мезану — площадку на вершине минарета, потом, правда, несколько дней болели колени. Палван отдышался и снова, теперь уже медленнее, полез вверх. С годами, оказывается, подниматься все труднее, особенно в тяжелых сапогах и длинной шинели. И вот наконец мезана. Выпрямился, вздохнул облегченно. Ветер тут был такой сильный, что, казалось, мог подхватить человека.

Палван видел сейчас всю Хиву, сливающиеся друг с другом крыши, навесы, бесчисленные, обращенные на север айваны, порталы медресе, десятки высоченных минаретов, окружающие город и крепостные стены... Вон кишлаки Шихлар, Паласултан и его родной кишлак Пишканик... Окраинные поля сливаются с Каракумами — пустыня совсем рядом, всего в десяти — двенадцати верстах от города. Ровной лентой тянется большая дорога, ведущая к Ургенчу, зеркально светится озеро Гавик... А вот летний дворец Мадрим-хана в западном Тазабаге и примыкающий к нему дворец Ислам-Ходжа...

— Товарищ командир, пригнитесь!— обратился к нему часовой.

— Почему?— удивленно спросил Палван.

— Стреляют из города.

Палван опустился на колени, и тут же над самым его ухом прожужжала пуля. Пришлось отодвинуться за укрытие.

— Интересно, откуда стреляют?

Красноармеец пожал плечами.

— Давно это?

— Вчера начали.

«Врагов и в самой Хиве предостаточно»,— подумал Палван.

Спустившись вниз, Палван отправился к Матякубу Атаджанову.

— Стреляют по наблюдателям на минарете Ходжа. Только что я был там.

— На минареты лазишь! Детство вспомнил?

— Матякуб, брось шутить!

— Я и сам там побывал. Вроде бы звук выстрела доносится с запада. Прислушаешься — кажется, с востока. Это, наверно, дело не одного человека.

— Понаблюдайте за ближайшими минаретами и медресе,— посоветовал Палван.

— Со вчерашнего дня этим занимаются наши работники.

* * *

Маткарим-ака, услышав о том, что кишлак Караман, находящийся между Хивой и Ургенчем, захвачен басмачами, дождался рассвета и, одевшись в лохмотья, в сыромятные сапоги — чарыги, перекинув через плечо суму, с посохом в руках, в котором было припрятано письмо, словно нищий, отправился пешком в Хиву.

— Эй, мусульмане, ради аллаха, подайте что-нибудь. Сегодня пятничный вечер, сам святой Баховаддин будет покровительствовать вам,— просил «нищий» милостыню в кишлаках.

Некоторые давали ему отвердевшие куски лепешек. Положив их в свою суму, Маткарим-ака, прихрамывая, ковылял дальше.

В песках между Ургенчем и Хивой он видел оборванные провода, опрокинутые телеграфные столбы. Заметив на дороге людей, он начинал прихрамывать и причитать, но все они оказывались мирными дехканами. И вдруг он повстречался с тремя вооруженными всадниками.

— Эй, нищий, что ты тут делаешь? Куда идешь?

— Братья, я иду в Караман, к себе домой.

— Открой-ка свой мешок, нет ли у тебя там оружия,— сказал всадник помоложе.

— Вот смотрите, зачем мне оружие?— он раскрыл суму и заголосил:— Братья, слепая матушка ждет меня, голодная она, достану ей хлеба — поест, а не достану, так и лежит, причитая «аллах справедлив». Добрые люди, не задерживайте меня!

— Сдохнешь, что ли, если будешь работать?

— Конечно, лучше работать, да нет у меня ни земли, ни лавки, все время прислуживал в чужих домах, в прошлом году упал с лошади хозяина и сломал себе ногу. Бай-ата сказал: «Зачем мне хромой работник?»— и прогнал меня, а после этого ничего не оставалось делать, как просить милостыню.

Всадники обыскали «нищего» и, ничего не найдя, оттолкнули его. Как только они исчезли с глаз, он быстрыми шагами направился в сторону Карамана. Многие дома на его окраине давно были заброшены, и их замели бродячие барханы. Тут же прямо на границе с песками находилась чайхана. Едущие в Хиву или Ургенч останавливались здесь попить чаю, отдохнуть.

«Нищий», прихрамывая, подошел к чайхане, но, услышав голоса, настороженно остановился у двери. В чайхане было полно басмачей. Они требовали чаю, требовали сена своим коням, грязно ругали чайханщика, который, не зная, какой из приказов выполнять, суетился у очага. Помрачневший, озлобившийся, он вдруг заметил «нищего».

— Эй, кто тут тебе подаст, вот отсюда!— закричал чайханщик. И вдруг задержал на нем взгляд.— Сам бог послал мне тебя, видишь, сколько их нахлынуло сюда. Не успеваю чай заваривать, подсоби!

— Будет исполнено, ага,— сказал «нищий» и принялся помогать: он колол дрова, прихрамывая, таскал воду из колодца, давал коням клевер, разносил чай, осторожно прислушиваясь к разговорам.

— Возьмем Хиву, и все. Тогда и Ургенч и Ходжейли будут наши,— прихлебывая чай, сказал басмач в рыжей чугурме.

— Верно ты говоришь, наш хан-ага не сегодня-завтра посадит Мадримбая на трон, а большавоев на кол.

В этот момент кто-то из сидевших напротив двери закричал:

— Эй, подавальщик несчастный, где же чай?

— Ага, сейчас принесу!

— Живо, нищий гаденыш!

— Слушаюсь, ага.

«Нищий» разносил чай, сливал спитой, а между делом и дрова успевал принести и подбросить их в очаг. Несмотря на хромоту, работал старательно, быстро. Чайханщик был очень доволен им.

— Мой помощник, увидев этих йигитов, сбежал на кладбище, без тебя пропал бы я, брат.

Несмотря на усталость, Маткарим-ака таскал ведрами воду, поил коней, делал все, что ни прикажут. Шныряя из стороны в сторону, точно челнок, он разузнал, сколько тут басмачей и из чьих они отрядов.

— Бросай нищенствовать. Разве это занятие? Оставайся у меня. Будешь сыт, одет, обут, сможешь и хозяйство свое завести.

— Подумаю,— сказал Маткарим-ака, не поднимая глаз.

— Что тут думать?! Пока глупый думает, умный мост переходит. Разве можно сейчас бродить с сумой? Сам видишь, как неспокойно повсюду.

— Базар тут кипит вовсю, гостей много.

— Уже года три-четыре так. В один день, сквернословя и скандаля, нахлынут эти, в другой их прогонят красноар-

мейцы. Словом, вертишься всю жизнь, как жернов мельницы. В этом году совсем плохо стало. Может, все же...— чайханщик оглянулся и совсем тихо прошептал:— Вот от этих избавимся. А тебе все равно терять нечего, оставайся тут.

К вечеру в чайхану прибыла новая банда басмачей — на этот раз йигиты Шакира-бала. Их было много. Все сразу вместиться в чайхану не могли, ходили туда по очереди. «Нищий», прихрамывая, снова разносил чай и потихоньку считал прибывших.

В сумерках, когда все легли, он закинул за плечо суму, посмотрел по сторонам и, осторожно опираясь на свой посох, отправился в путь. Теперь он шел не по большой дороге, а чуть заметными тропинками, таился в высохших руслах анхоров, шагал через кладбища, продирался сквозь заросли камыша...

Ни свет ни заря Маткарим-ака вошел в Хиву и вручил письмо Абдусалямову.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Военные занятия с бойцами-добровольцами проводились в поле, за крепостной стеной Хивы, невдалеке от Тазабагских ворот. Прискакав сюда, Палван спешился. К нему подошел командир отряда Салиджан и отдал рапорт.

— Джунаид приближается, не сегодня-завтра здесь будет,— спокойно, как о чем-то обычном, сказал Палван.

Лицо Салиджана сразу посуровело.

— Встретим! Одно только плохо — винтовок в отряде не хватает.

— Знаю, Матякуб-чека передаст тебе оружие, отнятое в городе у врагов.

Палван взглянул на бойцов, стрелявших по мишеням, и увидел много знакомых лиц. Были тут работники ЦК партии и Исполнительного Комитета, и служащие назиратов, и небольшая группа девушек в шинелях.

— Вот что,— сказал он Салиджану,— не держи их долго на морозе: еще успеют намерзнуться на стенах.

Салиджан кивнул.

Вдвоем они подошли к девушкам-стрелкам, среди них была и Якутай. Палван поздоровался со всеми и, слегка улыбнувшись, взглянул на Якутай. В шинели, в сапогах, в красноармейской шапке, перепоясанная ремнем, она была похожа на молодцеватого йигита.

Одна из девушек спросила у Палвана:

— Я из Газавата. Правда, что басмачи взяли его?

— Да.

— И Багат отдали? — с болью в голосе тихо спросила другая.

— Да. Пока мы отступаем. Но Хиву не отдадим. Не волнуйтесь, верьте, мы разобьем их, загоним в пески

Палван окинул взглядом девушек-стрелков. И вдруг как-то совсем по-другому увидел их осунувшиеся лица, их маленькие фигурки в шинелях. Сердце его сжалось.

— Всем девушкам-стрелкам прикажу сегодня выдать шубы.

Возвращаясь в город, Палван придержал коня, заметив Матёза в группе красноармейцев у Тазабагских ворот.

— Как дела, брат?

— Спасибо, ага, все у меня хорошо, — ответил Матёз, смутился, опустил глаза.

— Служи хорошо, покажи себя в боях, со временем станешь командиром.

— Постараюсь, ага!

«Хороший вроде йигит, только уж очень скромный, застенчивый», — подумал Палван.

* * *

Передовые отряды басмачей, подступившие к Ургенчу, не решились атаковать его с ходу. Их главарям было известно, что для защиты города прибыли красноармейцы из Хивы, но они не знали, что накануне ночью отряд Польгова вышел из города и двинулся по бездорожью к Ханке. Перерезав дорогу, связывающую Ургенч с Хивой, и заняв окрестные кишлаки, басмачи стали ждать подхода основных сил.

Под покровом ночи отряд Польгова внезапно ворвался в Ханку и занял хлопкоочистительный завод. Весь город освободить не удалось. Слишком много оказалось в нем басмачей. В отряде Польгова находились работники горсовета Ханки, они вместе с красноармейцами обороняли теперь завод.

Пока что басмачи держались в отдалении и, видимо, накапливали силы, стягивали сюда из кишлаков новые сотни, чтобы утром начать штурм завода.

У заводских ворот и узких окон, до половины заваленных мешками с песком, стояли часовые. Тут же в цехах, распластавшись на полу, укутавшись в шинели, спали утомленные бойцы. Командир и комиссары, проверив все посты, взобрались на крышу.

Небо было чистым, светила луна, в ее сиянии заснеженный притихший город казался призрачным. Колючий ветер обжигал лица. Двое бойцов, дежуривших на крыше у пулемета, мерзли и в теплых шубах.

Ночь прошла спокойно, без единого выстрела. Но едва рассвело, басмачи, окружив завод, бросились в атаку. Завязалась перестрелка. Заговорил установленный на крыше пулемет командира взвода Хакима Якубова. Хаким — умелый пулеметчик, не дает врагу продвинуться ни на шаг. Вот пуля попала Якубову в плечо. Пулемет замолк, но только на мгновенье. Место Якубова занял русский красноармеец.

Бой становился все яростнее, на штурм шли все новые и новые отряды.

Гремели выстрелы, заглушая стоны раненых. И вновь и вновь в морозном воздухе далеко разносился голос глашатая:

— Не говорите, что не слышали, чтобы потом не каяться. Скорее сдавайтесь!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Захватив Газават, Джунаид-хан двинулся вдоль песков и остановился в кишлаке Бузхана в окрестностях Хивы, напротив городских ворот Шахимардан. Одновременно с ним почти вплотную к Хиве с юга подступила конница Агаджана-ишана и Сагдуллы-бала, занявших Багат и Янгиарык. Еще не все отряды подошли к Хиве, а в распоряжении Джунаида уже было двадцатитысячное войско.

Басмачи теперь ясно видели сверкающие в утренних лучах минареты древнего города, порталы медресе, башни и зубчатые стены крепости.

По приказу Джунаида его мингбаши — тысячник, взяв в руки красное знамя, двинулся с четырьмя сотнями басмачей к воротам Шахимардан. Стоявшие на крепостной стене красноармейцы, увидев их, радостно закричали: «Из Ташауза красные нукеры идут!» Тут же позвонили в ревком: «Из Ташауза подмога идет!» Уже решили было устроить им торжественную встречу у ворот.

— Не торопитесь, как бы нас не обманули: странно, что Ахмаджан, выйдя из Ташауза, не известил нас об этом,— сказал Матякуб Атаджанов.

К красным нукерам послали отряд ГПУ. Спустя некоторое время началась перестрелка. Малочисленный отряд ГПУ сразу же отступил к городу, и за ним закрылись воро-

га. По врагу с крепостной стены застрочили пулеметы. Басмачи повернули назад.

— Взять Бадирхан, Хасиян, Киёт! Окружить Пишканик и Ших!— приказал обозленный Джунаид.

Его сардоры быстро захватили кишлаки в окрестностях Хивы. Сам же Джунаид облюбовал себе загородный дом Таза-махрама, богатого ханского чиновника. Дом этот находился на берегу Палван-канала невдалеке от ворот Шахимардан.

В руки Агаджана-ишана и Сагдуллы-бала перешли кишлаки, расположенные неподалеку от Хазараспских ворот. А кишлаки Саят, Зеро-Шайтан, Мултанг занял «хан» Мадримбай. Кольцо вокруг Хивы сомкнулось. Басмачи радовались, обнимали, целовали друг друга.

Джунаид бросил свое двадцатитысячное войско на штурм Хивы. Дико крича, басмачи кинулись к ее воротам и стенам, штурмовали они и загородный дворец Кибла-Тазабаг, связанный с городом поясами окопов. Стоявшие на крепостном валу красноармейцы и бойцы добровольных отрядов встретили их ураганным огнем. Разом заговорили все восемь пулеметов и установленные на толстенных стенах крепости легкие пушки, оставшиеся еще с ханских времен.

Над городом свистели пули, они отскакивали от стен медресе и минаретов, калеча изразцовые узоры. От выстрелов, шума и криков никто в городе не спал.

Звездная студеная ночь. Недавно выпал первый снег. И вдруг начались невиданные здесь лютые морозы. Мерзнут бойцы в окопах, но еще хуже тем, кто на высоких крепостных стенах. Ледяной ветер обжигает лица, до костей пробирает даже и тех, кто в шубах. Дать обогреться защитникам, сменить их — куда там, не до этого, ведь их ничтожно мало! А Джунаид часть своего воинства посылает в бой, другая в это время отдыхает. Загородный дом Машарифа-ходжи, тестя Исфандияра, битком набит людьми Джунаида, полно их в доме Атамурадбека в Гавике и почти во всех ближайших к Хиве кишлаках. Джунаид старается не дать защитникам крепости ни минуты покоя, атака следует за атакой. В толстой шубе скачет он на вороном коне то к Шахимардану, то к своим нукерам, наступающим с севера со стороны озера Гавик, штурмующим крепость у Хазараспских ворот. То и дело он подзывает своих сардоров, сам руководит всем сражением.

Перед рассветом Джунаид собрал всех своих минбаши, юзбаши и сардоров в доме Таза-махрама, где совсем недав-

но размещалась школа-интернат. Столы, доски, скамейки, стулья — все выброшено во двор, сломано, свалено в кучу.

В глубине просторного зала, сплошь устланного коврами, на почетном месте, скрестив ноги и покуривая чилим, сидит Джунаид. Рядом с ним — его пир Хан-ишан, Мадримбай и Матчоп-тура. Собравшиеся, затаив дыхание, смотрят на своего хана-ага.

Джунаид возбужден.

— Мои отважные йигиты, рахмат вашим отцам! Ваша храбрость омолодила меня.. Мне хоть и за семьдесят, а лечу на коне легко, как стрела, пущенная в цель. Хива сейчас словно тело без головы. Молодые хакимы, Карим-нищий и другие погуливают сейчас по Москве. В городе мало аскеров, не выдержат они нашего натиска, сдадутся.

Щеки Джунаид-хана пылали, как у молодого йигита, но движения рук были медлительны и даже ленивы. Он был похож на степного волка, готового одним прыжком настигнуть и растерзать свою добычу.

Кончив говорить, Джунаид взглянул на нового «хана» Хивы Мадримбая. Тот, поклонившись ему, начал льстиво:

— Всевышний на наше счастье послал вас в этот мир. Все мы тысячекратно благодарны за это властелину небес! Молимся, чтобы вы, опора наша, сардор исламского воинства, жили долго. Да услышит бог наши молитвы! Чудодейственна ваша сила! По вашей воле свершаются великие события. Настал для большевоев смертный час! Хан-ага, каждое ваше слово для нас священно. Отважные йигиты готовы исполнить любой ваш приказ, они готовы пожертвовать ради вас жизнью!

В другое время, услышав такую речь, Джунаид бы нахмурился: он не любил пустых слов, но теперь ему, как никогда прежде уверовавшему в свое величие, они были желанны.

Благосклонно кивнув «хану», он взглянул на главного визиря, как бы вопрошая: «Ну, а что скажешь ты?»

— Хан-ага, безгранична ваша мудрость,— начал Матчоп-тура.— Если мы загоним всех большавоев в крепость и не будем давать им покоя, то они подохнут от жажды, холода и голода. Да поддержат вас все святые!

«Этот тура не глуп. Правильно я сделал, назначив ханом Мадримбая, а не его»,— подумал Джунаид и, погладив бороду, снова заговорил:

— Возьмем Тазабаг, сожмется кольцо вокруг Хивы. А тем временем почтенные люди поднимут в городе мятеж. Об этом оповестит нас муэдзин с минарета...

Сидевшие довольно переглянулись.

Тут один из сардоров робко спросил:

— Хан-ага, когда в наши руки перейдут Ташауз, Ходжейли и Ургенч? Как бы большавои оттуда не ударили нам в спину.

Джунаид ждал этого вопроса, поэтому не гневаясь ответил:

— Я приказал Ушак-беку взять Ургенч, наши сардоры штурмуют Ходжейли и Ташауз.

— Если Ташауз не будет взят, то отряды Ахмада-персияна могут явиться сюда,— сказал Байрам-Алихан, поигрывая плеткой.

— Ты верно говоришь: пока не будет взят Ташауз, мы не заберем у Амира ни одного сардора, ни одного нукера... А вы, сыны мои, железным кольцом сдавите Хиву.

Джунаид взглянул на Хан-ишана. Тот сказал, что подошло время намаза.

После намаза подали жирный плов, потом все разошлись по своим отрядам.

С восходом солнца воинство Джунаида начало решительное наступление на все десять ворот Хивы. Особенно тревожное для защитников крепости положение создалось на участке у Куша-дарбаза — двойных ворот, где йигиты Эшши-хана, взяв Арка-Тазабаг на Ургенчской дороге, очень близко подошли к окопам красноармейцев. Удалось басмачам захватить и Кибла-Тазабаг и примыкающий к нему дворец Ислам-Ходжа и почти вплотную подойти к Тазабагским воротам.

Джунаид-хан торжествовал, одаривал одеждами тех, кто принимал участие в окружении города, обещал им большие награды: «За голову каждого большавоя — тысячу таньга, за голову каждого молодого хакима — пять тысяч таньга.» За головы же Абдусалямова, Балтаева, Ризаева, Палвана, Атаджанова, Гадецкого, Волошина были обещаны не только большие деньги, но и большие должности.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В пору, когда тяжкие бедствия обрушились на голову народов Хорезма, скончался Владимир Ильич Ленин.

Москва. Жгучий мороз. Костры на улицах. Людской поток, растянувшийся на многие километры, движется к Колонному залу.

В хорезмское посольство на Арбате пришли студенты-хорезмийцы. Начался траурный митинг. Потом хорезмий-

цы, во главе с Бабаджаном Атаджановым, неся большой венок, направились в Колонный зал.

Радио быстро донесло в Хиву черную весть о смерти Ленина.

В городе, находившемся в окружении, ЦК Компартии Хорезма и Военно-революционный комитет провели траурный митинг. Открывший его Маткарим Абдусалямов не сдержал слез.

Нагнув голову, взошел на трибуну Палван:

— Я имел счастье дважды видеть нашего вождя. Он и сейчас как живой перед моими глазами. Великого друга Хорезма, великого человека лишились мы. Остались теперь погребенными под горой боли и страданий. Но, верные дети Ленина, не впадем в отчаяние, будем бороться до полной победы над врагом.

Сидевшие поднялись с мест и поклялись:

— Не отдадим Хиву, уничтожим врага — вгоним его в землю.

Муса Хабин, как только вернулся с траурного собрания, повел бойцов в бой. Тазабагские ворота вдруг открылись, и полсотни конников с черными повязками на руках, рубя басмачей, помчались вперед за своим командиром.

Враг не выдержал этой неожиданной атаки. Окопы в окрестностях Тазабага снова заняли красноармейцы.

* * *

Ахмаджан Ибрагимов, председатель исполкома Ташаузского вилайета, один из первых командиров революционной армии Хорезма, известный своим мужеством, с первых же дней наступления Джунаид-хана возглавил оборону города. Три дня басмачи яростно штурмовали крепостные стены Ташауза. А на четвертый день, когда, по расчетам Джунаида, Ташауз должен был пасть, Ахмаджан Ибрагимов атаковал басмачей, рассеял и вынудил отступить от города.

Приказ военного назира об отводе в Хиву красноармейцев Ташаузского гарнизона и бойцов-добровольцев до Ахмаджана Ибрагимова не дошел. К тому времени телеграфная связь с Ташаузом была прервана, а везший этот приказ гонец погиб в пути. Только теперь, из показаний пленных, защитникам крепости стало известно, что Хива уже четвертый день полностью окружена двадцатитысячным войском Джунаид-хана.

Понимая, что судьба Хорезмской революции решается сейчас у стен Хивы, приняли решение, оставив незначи-

тельную часть сил в Ташаузе, с основными силами идти на помощь защитникам Хивы.

У городских ворот к Ахмаджану Ибрагимову подошла группа ташаузских стариков, один из них взял его лошадь под уздцы и спросил:

— Ахмаджан, вы уедете, а враг захватит Ташауз. Что тогда будет с народом?

— Мы поможем Хиве и сразу вернемся.

— Люди говорят, что Джунаид взял Хиву.

— Хива окружена, но Джунаид-хан не взял ее и не возьмет,— сказал Ахмаджан Ибрагимов и, простившись со стариками, тронул коня.

Вблизи Манака отряд Ахмаджана Ибрагимова догнали ташаузские милиционеры. Увидев их, Ахмаджан понял все без слов: Амир взял Ташауз. «Теперь двинется по нашему следу»,— тревожно подумал он.

— Быстрей, быстрей!— торопил он своих бойцов.

Но дорога была ухабистая, кони с трудом тянули единственную в отряде пушку. Людям приходилось то и дело толкать ее, вытаскивать из ям.

В Манаке наткнулись на басмачей, тоже идущих к Хиве. Завязался бой. Задерживаться здесь было нельзя.

...Когда отряд приблизился к кишлаку Идиру, конный разведчик взял живым стоявшего на посту басмача и доставил его Ибрагимову. От басмача этого узнали, что возле Идира устроила засаду банда Анна-бала.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Засверкал в лучах золотистый шар на куполе мавзолея Пахлавана Махмуда. Над осажденной Хивой вставало зимнее солнце.

Вот с минарета Саидкеан-кари зовут на утреннюю молитву. Минарет этот один из самых высоких в городе, голос муэдзина разносится далеко, слышен он и в окрестных кишлаках. Голос как голос, раздающийся каждый день по утрам, и вдруг после привычных слов разнеслось: «Иди на Шахимардан». «Странно,— подумал Маткарим-ака,— или мне это померещилось?» Всю ночь он отстоял на крепостной стене и теперь, продрогший, усталый, шагал по пустынной улице домой, чтобы насладиться горячим чаем и хоть часок поспать в тепле.

Маткарим-ака остановился, запрокинул голову, взглянул в сторону минарета и погрозил кулаком: «С ума, что ли,

сошел, проклятый! Хоронить собрался, на Шахимардан нас посылает... Постой, постой, что-то здесь не то...»

Маткарим-ака свернул в сторону и побежал в штаб гарнизона.

— Палванбай, ты слышал, что кричит муэдзин?

Палван, чем-то рассерженный, отмахнулся от него:

— Брось свои шутки!

— Не горячись, это не обычный призыв; наверно, они что-то говорят Джунаиду.

Палван забрался на айван и прислушался.

«Оллоо акбар, оллоо... Шахимардан куллоо, оллоо акбар, оллоо... Шахимардан куллоо, ло илохо — олловло...»

Слова, произнесенные с минарета мечети Саиджан-кари, зазвучали и с минарета Джума-мечети. Затем, точно эхо, повторились и с других минаретов.

— Маткарим-ака, и в самом деле что-то не очень похоже на утренний намаз, почему все муэдзины повторяют одно и то же?

Палван прислушался снова и тут же позвонил Атаджанову:

— Джура, новый намаз выдумали, слышал?

— Слышал. Очень интересные слова есть,— сказал, смеясь, Атаджанов.

— Проверь, джура, нет ли в этих словах тайного смысла, ведь их слышали и басмачи...

— Хорошо, но и ты, на всякий случай, особенно крепко обороняй ворота Куша и Шахимардан.

Матякуб Атаджанов взглянул на сидящего рядом с ним сотрудника Назирата юстиции Машарипова, человека образованного, хорошо знакомого с обрядами и обычаями медресе и мечетей, знающего весь религиозный мир, духовенство города от суфи до ахуна. Именно Машарипов только что первым сообщил ему об этом подозрительном, странном призыве, разнесшемся с минаретов.

— Махсум, постарайтесь побыстрее разузнать скрытый смысл этого.

— Я думаю,— ответил Машарипов,— что вы уже разгадали его.

Палван направил дополнительные силы к воротам Шахимардан и Куша, и не напрасно: к вечеру басмачи начали яростный штурм этих ворот и, прорвав линию обороны, заняли ряд окопов.

В нескольких местах басмачи, накинув на зубцы толстые волосяные арканы, карабкались вверх с кинжалами в зубах, срывались, сраженные пулями, но следом, ступая по тру-

пам, лезли другие. Уже не раз закипал рукопашный бой и на самом крепостном валу...

Не легко пришлось и бойцам немногочисленного отряда ГПУ, занявшего внутри города подступы к воротам Куша и Шахимардан. Вскоре им пришлось вступить в жаркую схватку с хорошо вооруженными сынками баев, с муллами, муллавачча, религиозными фанатиками и наемными убийцами, рвавшимися к воротам, чтобы пропустить басмачей в Хиву.

В это время Атаджанова разыскал раненый милиционер:

— Баи хотят поджечь склад под крепостью, там керосин...

Атаджанов приказал немедленно усилить охрану склада и связался с руководителем профсоюзов Хорезма Исмаилом Ваисовым.

— Немедленно перевезите весь запас керосина со склада в глубь города. Вы ответственны за это.

— Но там тысячи пудов керосина!

— Нужный груз не тяжел.

Ваисов принялся выполнять задание. Поднял по тревоге горожан, привел их на склад. Выстроившись цепочкой, они за несколько часов перекатили бочки с керосином в безопасное место.

Чтобы вызвать в городе панику, Джунаид-хан приказал поджечь камыш, запасенный на зиму гончарами у Хазараспских ворот. Длинные языки пламени рвались к небу, освещая весь город. Раздались крики:

— Пожар!

— Горим!

— Бежим!

Чтобы успокоить людей, в махалля были посланы агитаторы. Многих из врагов, умышленно запугивавших народ, пытавшихся заставить его открыть ворота крепости, удалось задержать.

В полночь шум боя утих.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

В Чарджоу ждали прибытия поезда с кавалерийским полком, направленным из Ферганы на помощь Хорезму. Железнодорожники освобождали для этого состава путь. «Экстренный рейс!», «Пропустить вне очереди!» — отстукивали телеграфисты. Но бойцы этого краснознаменного полка, разгромившие басмаческие банды в Фергане, еще не

видели того, кто был назначен их командиром, кто должен был вести их в Хорезм тяжелейшим пятисоткилометровым путем по зимней пустыне.

Человек этот ждал их в Чарджоу. В прошлом первый командарм Хорезмской Красной Армии, Николай Алексеевич Шайдаков уже четыре года занимался мирными делами, был начальником Амударьинской речной флотилии и не думал не гадал, что вновь во главе красных конников явится он в Хорезм.

Откликаясь на просьбу правительства Хорезма о помощи, Средазбюро и командование Туркестанского военного округа не случайно вспомнили о Шайдакове. Никто другой не имел такого опыта борьбы с Джунаидом, как он, никто так не знал Хорезма, как он, и ни одного другого командира так не уважал народ Хорезма, как Шайдакова.

Приказ Военного совета о назначении Шайдакова командиром 84-го кавалерийского полка был доставлен ему в Чарджоу. Командирскую форму для него привез курсант Ташкентского военного училища имени Ленина хорезмиец Матназар Худайназаров. Вместе с Матназаром в Чарджоу прибыли Бекджан и Ахмад Махмудов.

Шайдаков встретил их, как родных. Он ценил людей цельных и мужественных, а они, первые комсомольцы Хорезма, были в его глазах такими людьми.

— Ахмад, как решилось твое дело в Москве? — спросил он Махмудова.

— Спасибо, Николай-ага! Сняли с меня все обвинения, восстановили в партии. Направили на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока.

— А ты сюда явился родину защищать. И вы тоже?! — Шайдаков взглянул на Бекджана и Матназара. — Ну что ж, вместе воевать будем. Кстати, здесь уже немало йигитов-хорезмийцев, рвущихся в бой с Джунаидом.

В тот же день начальник гарнизона Чарджоу передал Шайдакову оружие и коней для хорезмийцев-добровольцев, записавшихся в сформированный Шайдаковым отряд. А на следующий день поезд с кавалерийским полком прибыл на вокзал в Чарджоу.

Выстроив вместе с красными кавалеристами отряд добровольцев, Шайдаков произнес краткую речь:

— Славные красноармейцы и добровольцы! Хорезмская Советская Социалистическая Республика в опасности. Мы должны помочь ей разгромить врагов.

Мощное «ура!» потрясло чарджоуский вокзал. Произнес речь и хорезмский консул в Чарджоу. Он пожелал воинам

счастливого пути. Кавалерийский полк Шайдакова двинулся в Хорезм.

* * *

Крепостные стены Хивы, окопы, крытые улицы окутывает ночная тьма. Стрельба утихла. Снизу, из караулки, донеслись голоса, звали пить чай.

Медленно, путаясь в полах тяжелого тулупа, Якутай сошла с крепостной стены и тут же очутилась в объятиях Анаш-халфы и Аджизы — слепой певицы. Якутай прижалась губами к щеке Аджизы.

— Мы пришли служить вам, отважным бойцам, вот наше оружие,— сказала Анаш, показывая на свой саз.

Вскоре в большом доме, примыкавшем к крепостной стене, начали собираться бойцы. Располагались кто на скамейках, кто прямо на полу. В глубине, напротив двери, сидели Шерози, Анаш-халфа и Аджиза.

Вот Шерози поднялся, поклонился бойцам и запел.

Усталым, промерзшим людям казалось, что вместе с его песней в полутемную комнату ворвались потоки весеннего света.

Шерози умолк, и вдруг в тишине совсем по-иному, торжественно и скорбно, зазвучал его голос: Шерози пел о павших, о тех, кто уже не увидит солнца.

Настал черед Анаш-халфы. Все взгляды устремлены на нее.

В самый разгар концерта явился Палван. Бойцы поднялись было с мест, но движением руки он остановил их и тихо опустился на скамейку рядом с Якутай, у ног которой сидели девушки-стрелки.

— Как здоровье? Не замерзаете?— спросил он Якутай, когда Анаш передавала свой саз слепой певице.

— Пока здорова, согреваемся дымом пороховым,— чуть слышно ответила Якутай.— Сами-то вы не бережете себя, осунулись, глаза воспаленные, усталые...

— Баран, говорят, под одной шерстью десять раз худеет и десять раз полнеет,— кончится война, сразу поправлюсь. Хороший стрелок, говорят про вас, скольких врагов...— Палван хотел сказать «заставили грызть землю», но умолк на полуслове, увидев, с каким напряженным вниманием смотрит Якутай на слепую певицу.

— Я хочу спеть,— заговорила Аджиза,— вам, сестры, эту песню на слова Агахи.

...Девятнадцати лет ты, царица моя.
Расцвестает твой сад.
В драгоценный наряд ты себя облеки —
Вкруг твоих девятнадцати лет
Полетит девятнадцатитысячный шепот людской,
Как ночной мотылек.

Раздались выстрелы. Все бросились наружу. Шерози тоже, взяв винтовку, полез на крепостную стену.

* * *

«Лучше всего взять Хиву измором,— рассуждал Джунаид.— У большавоев, видимо, осталось немного патронов и снарядов. Берегут они их. Все реже и короче строчат их пулеметы. Продовольствия в городе совсем мало, воды не хватает. После того как с минарстов Хивы раздался призыв к мятежу, я, как было установлено с кази-каляном, начал штурм крепости. Тогда казалось, что победа близка, но моим сторонникам в городе не удалось открыть ворота. Дело ограничилось сильной перестрелкой возле Куша-дарбаза и Шахимардан-дарбаза. Теперь из Хивы все реже доносятся выстрелы,— видно, муллавачча и сыновья баев напуганы, сидят тихо, как суслики, забившиеся в норы. Рассчитывать на их помощь не приходится. Да и на что способны эти выросшие в четырех стенах, кроме как писать письма... Но я все равно возьму город. Еще каких-нибудь дней пять, и падет Хива, как перезрелая груша от легкого ветра. Все это так, но ждать, пока они сами издохнут, нет времени: с юга к Хорезму движется красная конница. На пути их немало моих аскеров... А что, если все же прорвутся в глубь Хорезма?»

Джунаид сумрачно взглянул на сидевшего рядом с ним Хан-ишана, процедил сквозь зубы:

— Много аскеров потеряли.

— Если даже полвойска потеряешь, но возьмешь Хиву, святые возрадуются.

...Не считаясь с потерями, басмачи днем и ночью штурмовали город. Редели ряды защитников Хивы. Место павших занимали рабочие и ремесленники. Теперь на крепостном валу рядом с красноармейцами и бойцами ЧОНа то тут, то там стояли подростки и пожилые хивинцы.

Изо всех сил старались помочь защитникам города и женщины. Сами полуголодные, они приносили им еду, ухаживали за ранеными. Не только с рассвета дотемна, но и ночью при керосиновых лампах работала швейная артель,

организованная Айманхан-апа. Здесь вместе с хивинскими скорняками женщины шили шубы и теплые шапки для бойцов. И — такого еще не знал Хорезм — в трудные часы штурма крепости плечом к плечу с мужчинами сражались женщины.

...После того как басмаческая пуля наповал сразила молодого йигита, стоявшего на крепостном валу рядом с Якутай, его место занял пятидесятилетний кузнец Сафо-ака. Первым делом этот коренастый, могучего сложения человек, казалось, не замечавший ни пуль, ни шума боя, опустился на колени и стал молить аллаха, чтобы тот простил ему кровь обманутых людей. После этого он поднял ружье, прицелился и первым же выстрелом сразил басмача, пытавшегося приставить к стене лестницу. И второй его выстрел был точен.

— Эгей! Несчастные!— закричал он громовым голосом.— Идите все сюда! Ну-ну, ближе!— И, схватив огромный камень, распрямился и с размаху бросил его на врагов.

Когда атака была отбита, он, отерев с лица пот, сказал: «Салям, йигит!»— но, увидев, что рядом с ним женщина, зажмурил глаза. Потом пристально вгляделся в лицо Якутай и, не скрывая удивления, произнес: «Здравствуй, девушка-йигит!»

...Где-то справа у Куша-дарбаза разорвал тишину выстрел. И снова все смолкло.

— Спросонья кто-то...— усмехнулся Сафо-ака и долгим взглядом встретил заалевшую над садами Пишканика зарю.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В дни осады Хивы Иван Васильевич Гаденкий изменился так, что трудно было узнать его: глаза запали, заострились скулы, голос стал резким и требовательным. Да, в трудное время назначили его военным назиром. События сразу стали разворачиваться стремительно, ставя перед ним задачи одну труднее другой.

Вот уже пятый день Хива во вражеском кольце. Много сражений он перевидел, но в окружении оказался впервые. К тому же он не штабной работник. Трудно усидеть на месте, когда надрывается телефон и командиры чуть ли не всех участков докладывают, что держатся из последних сил. Сколько уже раз с начальником штаба Волошиным и своими адъютантами взбирался он на стены крепости, чтобы вместе с бойцами сдержать натиск осатанело рвущихся в Хиву басмачей. Ситуация меняется чуть ли не ежечасно,

окопы у ворот переходят из рук в руки, басмачи штурмуют крепость, а надо все более жестко требовать от командиров, чтобы экономили снаряды и патроны. Трижды в сутки он приходит на радиостанцию передавать оперативные сводки о положении в Хиве командующему Туркестанским округом.

Вот и сейчас он на радиостанции в медресе Ислам-Ходжа возле радиста.

— Передайте в Ташкент:

«Враг днем и ночью атакует все ворота города. Продовольствия мало, все наличное оружие распределили. Не хватает боеприпасов».

Спустя несколько минут, радист сказал:

— Товарищ назир, из Ташкента сообщили: двадцать седьмого января в Хиву прилетят представитель Туркестанского военного округа Кутяков и секретарь ЦК Компартии Хорезма Каландар Адинаев, этими же самолетами будут доставлены гранаты и патроны.

— Но ведь аэродром занят басмачами!

Сказанное Гадецким радист повторил слово в слово, с той же интонацией и, не поднимая головы от аппарата, стал ждать ответа.

Затем он снял наушники и протянул их Гадецкому, и тот отчетливо услышал сквозь шум:

«Надо вернуть аэродром».

Минут десять спустя Гадецкий спешился возле Хазараспских ворот, передал поводья адъютанту и по крутым ступеням быстро взобрался на крепостную стену. За ним последовал начальник Хазараспского участка крепости.

Гадецкий поднес к глазам бинокль и долго рассматривал пространство перед крепостью. Аэродром — слева от широкой Хазараспской дороги. Сейчас за насыпями там таятся басмачи Агаджана-ишана; по данным разведки, их около тысячи... Легко сказать: «Верните аэродром!» Кому из командиров поручить эту тяжелую задачу?

— Надо отбить у Джунаида аэродром,— сказал он стоявшему рядом начальнику Хазараспского участка.

— Дайте бойцов, товарищ военный назир!

— Откуда я их тебе возьму!— взорвался Гадецкий.— Надо охранять десять ворот Хивы, каждый говорит: «Дайте подкрепление!» А ну, скажи, с каких участков снять красноармейцев? Может, от Тазабагских ворот?

— Нет, товарищ военный назир, там положение тяжелое.

— Или от ворот Шахимардан?

— Джунаид беспрерывно штурмует их.

— Сам видишь, какое положение... Двадцать седьмого января из Ташкента прибудет самолет. Куда мы его посадим? В городе? На крыши медресе и мечетей?

Лицо начальника участка напряглось, лоб рассекли глубокие морщины.

— Когда начнем атаку, товарищ назир?

— Вот это другой разговор,— с облегчением вздохнул Гадецкий.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В Пишканик, кишлак, где родился и вырос Палван, прибыл Матчон-тура — новый «вазири-акбар» Хорезма. Конные нукеры из охраны Матчон-туры заранее оповестили имама и бывшего аксакала Пишканика о его приезде, и те встречали туру на окраине кишлака. Как только он показался вдали, имам и Сайфи-аксакал двинулись ему навстречу, угодливо согнулись в низком поклоне. Гордо восседая на коне, тура направился к своей усадьбе. Спешившись, прошел в раскрытые настежь резные ворота, миновав длинный просторный коридор, остановился посреди большого айвана, и тут у него вырвался вздох облегчения: «Тысячекратное благодарение аллаху, снова завладел домом своих предков». Матчон-тура обошел дом, осмотрел его придирчивым взглядом. Дом хорошо сохранился, но, странное дело, это не столько обрадовало, сколько обозлило туру: «Заботились проклятые голодранцы, как о своем достоянии».

И в самом деле, когда его усадьба после революции перешла в распоряжение кишлачного Совета, дом этот старательно отремонтировали. В комнатах, где прежде жили батраки и слуги, заново оштукатурили потолки и стены, а в больших комнатах хозяина и его жен, в которых разместилась школа, был настлан деревянный пол и чисто побелены стены.

Раим и другие дехкане, получившие комнаты в этом доме, услышав о приближении Джунаид-хана, перебрались в Хиву с семьями. Почти в то же время вернулись в Пишканик из городской усадьбы туры его жены Нашиджан-бика и Бикаджан-бика. Сначала они поселились в доме бывшего аксакала, а как только нагрянули в Пишканик басмачи, переехали в дом туры.

Когда тура вошел в ичкари, жены встретили его почтительным поклоном, лица их сияли. Старшая сняла с туры чекмень, младшая быстро принесла кумган с водой, ста-

поливать ему на руки. Вокруг вились дети, снимая с отца оружие.

По приказу туры убрали из дома все школьное имущество, унесли в дальний амбар. Комнаты, устланные белым казахским войлоком и туркменскими коврами из верблюжьей шерсти, приняли свой прежний вид. У жен его снова появились служанки. Днем и ночью вооруженная стража охраняла покой «вазири-акбара».

По приказу «вазири-акбара» аксакал и имам собрали жителей кишлака.

— Народ, советская власть в Хорезме кончилась, прежние времена вновь вернулись к нам. Мадримбай стал ханом — сказал аксакал-староста.

Вслед за ним, поглаживая бородку, заговорил имам:

— Тура нашего кишлака стал вазири-акбаром, на Пишканик села птица счастья.

К собравшимся подъехал на коне Матчон-тура. Все разом пали ниц, коснулись лбами земли.

— Мой преданный народ! Все, что вы видели последние четыре года,— дурной сон. Забудьте о нем. Отныне тот, кто посмеет упомянуть слово «Советы», лишится головы, имущество его будет роздано,— говорил тура жестко и холодно.— Все вы должны беспрекословно подчиняться Сайфи-аксакалу.

Седой Сайфи приблизился к туре, поцеловал у него руку.

— Да будет долгой жизнь нашего господина, да умножатся его богатства,— сказал он, молитвенно подняв ладони.

«Вазири-акбар» принялся за дело, из своей резиденции в Пишканике рассылал во все концы Хорезма приказы от имени нового хана Мадримбая.

* * *

Кабинет председателя Центрального военного-революционного комитета Абдусалямова в Нурлавое. Только что отсюда ушли комсомольцы Машариф Аллаяров и Мадрим Сайдашев. «Надежные, верные йигиты,— подумал Абдусалямов,— днем успевают побывать на всех участках обороны, а ночью печатают в литографии газету и боевые листки. Чуть с ног не валятся от усталости, но расслабиться себе не позволяют. С такими людьми отстоим Хиву!»

Абдусалямов подошел к висевшей на стене большой карте Хорезма, тяжело вздохнул: в руках врага почти весь оазис. Везде басмачи восстанавливают старые порядки: Со-

веты распущены, партийные и советские активисты расстреляны и повешены, крепости вручены бекам, в кишлаках вновь вооружились плетками старосты-аксакалы, знамя развевается только над Хивой, Ходжейли, Ургенчем и Ханкой, но и эти города окружены бандами Джунаида.

Абдусалямов прислушался. Начавшаяся часа полтора назад перестрелка усилилась; казалось, бой идет совсем рядом. И не удивительно: северная сторона Нурлавоя, где расположен Военно-революционный комитет, примыкает к крепостной стене.

Абдусалямов снял телефонную трубку.

— Палван, что там у Куша-дарбаза? Держитесь крепко?

— Басмачи взяли Арка-Тазабаг, приблизились к зданию караванбавни, где расположено русское посольство,— ответил Палван.

На лбу Абдусалямова выступил холодный пот. Этот дворец только недавно ценой больших потерь был отбит у басмачей, для обороны Хивы он необычайно важен.

— Палван, необходимо атаковать басмачей, пока они там не закрепились. Посылаю в ваше распоряжение всех работников ревкома.

* * *

Для того чтобы вернуть Арка-Тазабаг, Гадецкий и Волошин быстро сформировали ударный отряд из красноармейцев, снятых с разных участков крепости.

— Снарядов осталось мало, поэтому начнем атаку с первыми залпами орудий,— сказал Гадецкий Палвану.

...Под грохот канонады Палван выскочил из окопа:

— Вперед, за мной!

В тот же миг с маузером в руке поднялся на бруствер Гадецкий. Оглянувшись, Гадецкий увидел, что справа седобородый Пирнафас-ака ведет в атаку ремесленников и дехкан.

Вылез из окопа и Матёз. Вокруг свистели пули, но он бежал им навстречу, стараясь не отстать от Палвана. Наконец-то настала эта долгожданная минута, наконец-то он выполнит приказ Аллакулибая. Пуля просвистела у самого уха Матёза. На бегу, вскинув винтовку, он выстрелил, но не в Палвана, а в отступающих к дворцу басмачей, и тут же промелькнула мысль: «Почему я стреляю не в него?» Снова совсем рядом просвистела пуля. Матёз припал к земле, прицелился в голову Палвана, но руки дрожали. Проклиная себя, он выстрелил наугад, и ему показалось, что Палван

упал. Матёз зажмурил глаза. В этот момент около него остановилась медсестра, спросила: «Вы ранены?» Увидев, что он цел и невредим, сказала: «Первый раз в бою, наверно? Не бойтесь! Глядите на нашего командира Палвана, как далеко ушел он, преследуя врага». «Счастливый этот Палван, сам бог сберег его от смерти»,— подумал Матёз.

Выбитые из Арка-Газабага басмачи отступили к озеру Гавик-кули. Прискакавший туда Джунаид-хан вне себя от ярости накинулся на своих сардоров, обвиняя их в трусости.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Отряд Ахмаджана Ибрагимова, ведя непрерывные бои с басмачами, медленно продвигался к Хиве. Но еще труднее приходилось кавалерийскому полку Шайдакова, двигавшемуся из Чарджоу по пустыне. Все колодцы отравлены, постоялые дворы сожжены. Выбиваясь из сил, промерзшие, обожженные ледяными ветрами Каракумов, приблизились бойцы Шайдакова к Садвару — кишлаку на самом юге Хорезмской республики, на границе с песками. В Садваре, где родился Агаджан-ишан, возвышается его большая усадьба. Агаджан-ишан, вместе с Джунаидом находившийся теперь у стен Хивы, заранее позаботился об охране Садвара, оставил там полторы сотни своих йигитов. Узнав о приближении конников Шайдакова, они залегли на крышах. Как только красные кавалеристы оказались на окраине Садвара, их встретил град пуль. Красноармейцы спешились и в свою очередь открыли огонь из винтовок и пулеметов.

Задерживаться у Садвара не входило в планы Шайдакова. Он позвал Бекджана.

— Видишь вон тот большой дом за дувалом — помнится, это дом Агаджана-ишана, на крыше его полно басмачей. Возьми йигитов-хорезмийцев и подожги его.

— Есть!

Таясь в русле высохшего арыка, Бекджан с двумя десятками бойцов ползком добрался почти до самых ворот усадьбы Агаджана-ишана. Заметив красноармейцев, басмачи открыли бешеный огонь.

Поняв, что только атака может спасти им жизнь, бойцы бросились вперед, швыряя на крышу гранаты. Раздались взрывы. Стога соломы и клевера на крыше мгновенно загорелись, и вот уже весь дом объят пламенем. Басмачи стали спрыгивать вниз, и тут же их настигали пули йигитов Бекд-

жана. Видя это, басмачи, стрелявшие с крыш соседних домов, поспешно бросились к своим коням, но немногим удалось вырваться из Садвара.

Садвар взяли. Теперь Шайдаков вел своих бойцов к Дарган-Ата, древней крепости, находящейся неподалеку от Амударьи. Вдоль дороги лежали опустевшие кишлаки, покинутые жителями по приказу Агаджана-ишана. Колодцы здесь были отравлены, стога сена сожжены.

У Дарган-Ата Джунаид намеревался надолго задержать своего давнего врага Шайдакова. Крепость была сильно укреплена, для ее защиты собрали басмаческие банды со всей округи. Джунаид понимал: если не удержать Дарган-Ата, то для красных конников, идущих из Чарджоу, откроется дорога на Питнак и Хазарасп, а это, в свою очередь, внесет смятение в ряды его воинов, окружавших Хиву. Поэтому Джунаид сделал все возможное, чтобы сохранить за собой крепость. По мере приближения к ней кавалерийского полка сопротивление басмачей нарастало.

Очутившись в окрестностях Дарган-Ата на ровной, как гладь озера, местности, Шайдаков остановил свой полк. Днем ли, ночью ли, по прямой атакой Дарган-Ата можно взять лишь ценой очень больших потерь: для басмачей, расположившихся на крышах домов и мечетей, мчащиеся в наступление всадники — легкая добыча.

Когда стемнело, Шайдаков, оставив у порога города небольшой отряд, перед которым он поставил задачу создать видимость подготовки штурма, направился с основными силами вдоль берега Амударьи сквозь густые тугаи.

Безлунная морозная ночь. Уставшие люди продираются сквозь густые кустарники и камыши, у многих уже расползлись сапоги, в клочья изодрана одежда. Иные, не выдержав тяжести пути, усталые и замерзшие, валятся на землю, но, подхваченные руками товарищей, встают и идут снова.

Враг даже подумать не мог, что красноармейцы ночью пробьются сквозь дебри колючих кустарников.

...На рассвете отряд, растянувшись длинной цепью, стал продвигаться к стенам Дарган-Ата. Басмачи вели огонь по красноармейцам, приблизившимся к городу на расстояние ружейного выстрела, заставляли отступать вырвавшихся вперед. А в это время вышедшие в полумгле из тугаев бойцы Шайдакова прорвались в Дарган-Ата со стороны реки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Коннице Ушак-бека не удалось с налета захватить Ургенч. Когда басмачи уже ворвались в город, их атаковал с тыла отряд Польгова, прибывший из Ханки. Попав под шквальный пулеметный огонь, басмачи растерялись и, решив, что их окружают, сами поторопились выбраться на окраину Ургенча.

Но и после этого положение защитников города было тяжелым: все понимали, что отстоять Ургенч имеющимися небольшими силами весьма сложно. Поэтому было решено в крайнем случае отступить к маслобойному заводу и в соседние с ним махалля. На маслобойный завод начали перевозить находящиеся в городе ценные товары, чтобы не дать басмачам поживиться народным достоянием. Какова же была радость руководителей Ургенчского ревкома и всех защитников города, когда в одном из амбаров было обнаружено сто пятьдесят винтовок и несколько тысяч патронов. Таким образом удалось значительно увеличить отряд ЧОНа — в добровольцах недостатка не было.

Одновременно ревком направил делегатов в Турткуль с просьбой о помощи.

Сутки спустя делегаты вернулись из Турткуля со ста двадцатью красноармейцами.

...И вот Ушак-бек начал решительное наступление на город. Перейдя Шават-анхор, занял ряд окопов и вклинился в город. Защитники Ургенча мужественно обороняли каждый дом, каждую улицу. С обеих сторон было много убитых и раненых. В конце концов Ушак-бек не только не достиг успеха, но вынужден был отступить в сторону Хивы, к кишлаку Караману. Красноармейцы преследовали басмачей.

В пустынной местности между Ургенчем и Караманом не раз завязывалась перестрелка, доходило дело и до рукопашной. Командиры и бойцы, спешившись, вели в поводу утомленных, отощавших коней, шагали по барханам навстречу ледяному ветру.

* * *

Ударному отряду Мусы Хабина не удалось отбить у басмачей аэродром. Сколько ни атаковали они врага, наталкиваясь на во много раз превосходящие силы, вынуждены были отходить обратно. Так что окруженной Хиве нельзя было надеяться на помощь с воздуха. Продовольствие в городе было на исходе, мало осталось патронов, а снаря-

дов — по три-четыре на пушку. Между тем с каждым часом натиск басмачей становился все яростней. То там, то тут, вплотную приблизившись к стенам, они карабкались вверх по лестницам, падали, сраженные пулями, и вновь волна за волной с гулом и ревом шли на приступ. Джунаид-хан сам руководил штурмом, черной стрелой проносился вдоль крепостных стен его вороной конь.

— Мои отважные йигиты!— кричал Джунаид.— Не жалейте пуль, не ослабляйте натиск. Еще раз рванемся — и город будет наш!

...С крепостными стенами по обе стороны от ворот Гандимьян сливаются бесчисленные древние кладбища, громоздящиеся одно на другое. Басмачи группами ползут вверх по террасам этих кладбищ, напоминая клубки змей. Ворота Гандимьян им не выломать: укреплены прочно, засыпаны сзади землей и заставлены бунтами хлопка. Но положение здесь тяжелое. Басмачи у самых ворот приладили лестницы, то и дело мелькают в воздухе, точно опускаясь на зубья стены, волосяные арканы. В отряде, защищающем этот боевой участок, многие убиты и ранены. Кажется, вот-вот случится непоправимое... И вдруг появляется Палван, за которым следом взбираются на стену бойцы.

— Принимай добровольцев!— кричит Палван.

— Командир, если патронов не хватит, будем глушить басмачей камнями,— говорит пожилой рабочий.

* * *

В самый разгар боев к председателю Центрального военно-революционного комитета пришли Худайберган-кази-калян, Аллакулибай, Ялманбай и Назир-кур. Абдусалямов поднялся из-за стола, встретил их около двери.

— Нас послало население города,— начал Худайберган-кази-калян, глядя на председателя,— пришли к вам с полезными советами...

— Какие советы? Я слушаю вас.

— Трудное положение, в котором очутилось правительство, тревожит всех. Вот уже неделя, как наш город в окружении, а враг все наступает. Стреляет днем и ночью, кровь льется рекой... Защищать такой большой город, конечно, трудно!— Худайберган внимательно посмотрел на Абдусалямова.

— Что же вы хотите посоветовать?

— Совет наш такой: чтобы избежать лишнего кровопролития и сохранить древний город, надо перевести ревком и назираты в загородный дворец Исфандияра Арка-Таза-

баг. Он много меньше Хивы, и обороняться там было бы легче. Пока подоспеет помощь, вполне можно стрелять из Тазабага.

— По вашему мнению, нам надо оставить Хиву? — сдерживая гнев, спросил председатель.

— Господин председатель,— продолжал кази-калян,— жители города очень замучились, стар и млад в панике, базары закрыты, в лавках нет товаров. Если и дальше так будет, то кончится это плохо. Подумайте хорошенько.

— Столицу не перенесем, из Хивы никуда не уйдем,— строго заговорил Абдусалямов.— Скажите это тем, кто послал вас сюда. Не забывайте и того, что занимающихся во время войны контрреволюционной агитацией ждет суровая кара.

— Мы только посоветовали. Еще раз повторяем, не с плохими намерениями пришли, желания добрые,— сказал кази-калян, качнув своей огромной чалмой.

— Если желания ваши добрые, то помогайте защищать город,— сказал председатель ревкома.

— Мы уже стары для этого,— разом ответили «делегаты».

— Ну что ж, господа, и без вашей помощи одолеем врага, разорвем кольцо окружения.

Не проронив ни слова, «делегаты» ушли.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Неожиданно для басмачей отряд Ибрагимова под вечер снялся с места и, пройдя несколько верст в сторону Ташауза, остановился на ночь в кишлаке, раскинувшемся среди зимних полей. Как и предполагал Ибрагимов, ночью басмачи окружили кишлак. Амир, Анна-бала и Заир-бала стянули сюда все свои конные сотни, чтобы разом уничтожить ташаузский отряд. Чуть свет басмачи начали наступление, и это их погубило.

Подпустив ревущие конные лавины врага устрашающе близко, отряд встретил их шквальным пулеметным и оружейным огнем. Ряды басмачей мгновенно поредели, к тому же сраженная пулей лошадь Анна-бала опрокинулась и придавила ногу сардора. Басмачи едва успели подобрать своего полуживого главаря и в панике поскакали назад, увлекая за собой конных Заира-бала и Амира. Красноармейцы преследовали их, затем повернули к Хиве, Путь к ней был открыт. Оторвавшись от басмачей и выставив на дороге заслоны, отряд шел, почти не останавливаясь, день и ночь.

К Хиве приблизились в рассветной полумгле.

— Смотри, смотри!— взволнованно зашептал Аксенов.

Ибрагимов вгляделся и увидел еле заметные в тумане желтые пятна. Конечно же, это костры! Басмаческий стан у стен Хивы!

Ахмаджан Ибрагимов приказал бойцам спешиться, вместе с Аксеновым выбрал позиции для пушки и двух пулеметов. Затем по его приказу бойцы спустились в русло сухого анхора и бесшумно двинулись вперед. Этот глубокий анхор вел к Хиве. Вскоре уже стали слышны голоса йигитов Джунаида. Туман рассеивался. Теперь бойцы ясно видели басмачей, сгрудившихся вокруг костров, иные из них, укутавшись в тулупы, спали. Им и присниться не могло, что прямо за их спинами стоят красноармейцы.

Гулко ударила пушка, застрочили пулеметы, раздались оружейные залпы.

Только что позавтракавший в доме Атамурада-девана Джунаид-хан поспешно взобрался на крышу и не сразу понял, во сне все это или наяву. Вокруг него свистели пули, а там впереди, у анхора, корчились в муках раненые, лежали его убитые йигиты.

То, что заухала пушка, вызвало прилив радости у обессиленных и полуголодных хивинцев: ведь они знали, что у басмачей нет пушки.

— Помощь пришла! Помощь пришла!— зазвенели голоса на крепостной стене. Стоявшие на командном пункте Гадецкий и Палван переглянулись.

— Палван, слышишь бой? Это из Ташауза идет Ахмаджан.

— Молодец, пробился все же!— сказал Палван, поднося к глазам бинокль.

Отряд Ибрагимова, не жалея пуль и снарядов, сеял смерть среди врагов. И защитники Хивы открыли стрельбу с крепостных стен, из окопов и тут же бросились в атаку. Басмачи, очутившиеся между двух огней, все еще держались, ведя из ям и окопов беспорядочную стрельбу.

Раненому Джунаид-хану перевязали кровоточащее плечо и усадили его на коня.

— Йигиты! Держитесь крепко,— сказал Джунаид, распрямляясь в седле.

Его отвезли в безопасное место и уложили.

Вскоре после этого басмачи, уже не первый день стоявшие у ворот Куша, Шахимардан и Дашек, по приказу своих сардоров начали постепенно отходить, занимая удобные для обороны позиции. Это было вызвано тем, что с севера

к Хиве приближался отряд Польгова, вытеснивший нукеров Ушак-бека из Карамана. Понеся большие потери у западных ворот Хивы, басмачи теперь боялись оказаться в таких же огненных тисках и на подступах к Хиве с севера.

Тем временем отряд Ибрагимова, овладев садом Мадрим-хана и дворцом Ислам-Ходжа в Кибла-Тазабаге, приблизился к Тазабагским воротам Хивы и наконец соединился с начавшими наступление защитникам крепости. Ликование охватило бойцов, иные плакали от радости.

— Хвала, Ахмаджан!— сказал Палван Ибрагимову и, заключив его в крепкие объятия, высоко приподнял.

— Эй, джура, отпусти, переломишь мне спину!

Усталые лица Палвана и Ахмаджана сияли.

Миновав Тазабагские ворота, конники Ахмаджана Ибрагимова под приветственные возгласы хивинцев не спеша проследовали к дворцу Нурлавой.

Там, на площади, заполненной народом, их встретили председатель ревкома Абдусалямов, военный назир Гадецкий и председатель комиссии по борьбе с басмачеством Атаджанов.

* * *

Отряд Польгова, не давая передышки бандам Ушак-бека, настойчиво теснил их к Хиве и приблизился наконец к загородному дворцу Арка-Тазабаг, недавно отбитому у басмачей. Находившиеся там красноармейцы, увидев насквозь простреленное красное знамя, поднялись из окопов и тоже бросились на врага. Басмачи обратились в бегство. Отряд Польгова присоединился к защитникам Хивы.

Примерно в это же время басмачи Агаджана-ишана напали на Хиву со стороны Хазараспских ворот. Вместе с ними яростно ринулся в бой и сам Джунаид-хан. Собрав своих рассеянных во время утреннего боя конников, он приказал им поддержать атаку Агаджана-ишана. То, что раненый Джунаид-хан ведет их в бой, воодушевило его нукеров. «Если мы умрем за нашего хана-ага, души наши будут в раю»,— говорили они, пуская в дело винтовки, пики и сабли.

Поздним вечером на командном пункте у Куша-дарбаза Гадецкий собрал командиров.

— Хива все еще в опасности,— медленно начал Гадецкий.— Джунаид-хан, Агаджан-ишан снова перешли в наступление, это утяжелило обстановку. У нас большие поте-

ри, много раненых. Хотя с нами теперь отряды Ибрагимова и Польгова, сил у нас все еще мало и, как вы все знаете, на исходе боеприпасы. Представитель Туркестанского военного округа товарищ Кутяков должен был прибыть в Хиву, но аэродром до сих пор в руках врагов. Они его крепко удерживают. Любой ценой надо взять аэродром. Если откроется воздушная дорога, получим патроны. Надо усилить ударный отряд Мусы Хабина и завтра начать атаку, поддержав Хабина с флангов. Пока это еще не приказ, хочу узнать, считаете ли вы такие действия своевременными и правильными.

Командиры говорили кратко. Мнения разделились. Некоторые считали, что вести наступательные действия рискованно, говорили, что бойцы измучены, с трудом сдерживают натиск басмачей, все еще штурмующих город, что надо дождаться прибытия полка Шайдакова, а там видно будет. Но большинство согласилось с мнением военного назира: аэродром надо вернуть немедленно.

Едва рассвело, ворота, в которые так яростно ломились враги, внезапно раскрылись настежь, и кавалеристы Мусы Хабина, сверкая саблями, ринулись на врага.

Рядом с Мусой Хабиным скакал молодой туркмен Анна Саидов, за отвагу и дерзость прозванный друзьями тигром.

Как только отряд Хабина занял аэродром, началось общее наступление. Конники Ибрагимова и Польгова, отряды Палвана, Пирнафаса-ака, Семенова, Сабира-ака — сотни защитников крепости, измученные бесконечными боями и бессонными ночами (многие из них всего неделю назад впервые взяли в руки винтовку), бросились вперед, разя врага. Ни пули, ни сабли не смогли остановить этот порыв. Вот выстрелом в лоб убит командир эскадрона, место его занял друг Палвана Салиджан. Вот, вскинув руки, упал навзничь Пирнафас-ака. Спустя несколько минут медсестры вынесли его с поля боя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Полк Шайдакова после сильных боев занял Питнак и двинулся к Хазараспу. Извещенный об этом Джунаид скрепя сердце повелел Агаджану-ишану, Сагдулле-бала и Шакиру-бала послать часть их отрядов от Хивы к Хазараспу. Басмачи, поклявшись: «Умрем, но не отдадим Хазарасп кяфурам», отправились в путь.

В ту пору в Хазараспе находились новый «хан» Мадримбай, «визири-акбар» Матчон-тура и «деванбеги» Сабирбай. Они руководили обороной. Коней, арб, продовольствия, фуража и, главное, боеприпасов было достаточно.

Мадримбай и теперь внешне спокойный, разговаривал с басмаческими главарями так, будто весь Хорезм был у него в руках,— но это была маска, под которой таилось перекошенное страхом лицо. Мадримбай думал об одном: как бы не попасться в руки Шайдакова, которого он знал лично, с которым не однажды встречался в ту пору, когда, одержимый честолюбивыми замыслами, он, Мадримбай, объявил себя «красным баем», стал членом ЦИКа республики. «Если поймают, будут судить на площади перед Кухна-Арком и расстреляют.— Мадримбай живо представил себе площадь, до краев заполненную народом, и то, как красноармейцы целятся ему в грудь.— На этой площади меня должны были поднять на белом войлоке и возвести на трон. Джунаид обещал, дал слово, что будет так... Красным баем себя объявил... Джунаид — ханом меня объявил... Красным баем... ханом...— Мысли Мадримбая путались. В глазах плясало пламя костра, в который по его приказу бросали большевиков.— Бежать надо отсюда!» Мадримбай протер рукой глаза и услышал, словно донесшийся откуда-то издалека, сдавленный голос сидящего рядом с ним Матчон-туры:

— Хан-ага с таким войском не взял Хиву!

— И вот что мучает меня,— в тон ему ответил Мадримбай,— у Джунаид-хана и теперь самое малое пятнадцать тысяч аскеров, у нас вот семь тысяч, а у большевиков самое большее — две с половиной тысячи. И ничего мы не смогли сделать, десять дней топчемся под Хивой. Вот теперь Шайдаков захватил мой родной Питнак, подошел к Хазараспу...— Мадримбай взглянул на «главного визиря»:— Тура, поезжайте к Джунаид-хану и договоритесь с ним насчет наших дальнейших действий.

Простившись с Мадримбаем, Матчон-тура, сопровождаемый охраной, отправился к Джунаиду.

За эти дни тура пал духом, выглядел угнетенным и рассеянным. «Птица счастья уже опустилась было на нашу голову, торжествовали победу, а оказалось — преждевременно. Почти все города Хорезма были в наших руках, почти всем оазисом завладели, и вот все рушится! Отвернулось счастье от Джунаида. А может быть, аллах наказал его за то, что провозгласил ханом не меня, а это ничтожество Мадримбая».

* * *

Прежде Шайдаков не раз бывал в Хазараспе, городе-крепости, окруженном древними высокими стенами. «Хазарасп» — тысяча коней: видно, в старину здесь стояло тысячное войско. Теперь-то там, наверно, не одна тысяча,— думал Шайдаков, глядя на запад, где уже виднелись минареты Хазараспа.— Конечно, этот негодяй, новоявленный «хан», и сам Джунаид может пожаловать сюда... Брать крепость надо с ходу, одним ударом, не дав опомниться басмачам».

...После двадцатиминутного артобстрела Шайдаков во главе конной лавины ринулся к городу. Рядом с ним скакали Матназар и Бекджан.

Все ближе, ближе крепостные стены. Все яростней встречный огонь.

— Товарищ командующий, не вырывайтесь вперед! — крикнул Бекджан.

В этот момент голова Шайдакова как-то странно качнулась, левою рукой он схватился за глаз и упал с лошади. Бекджан круто осадил коня, спрыгнул на землю, осторожно приподнял голову Шайдакова. Глаза Шайдакова были закрыты, лицо в крови.

* * *

Взяв штурмом Хазарасп, полк Шайдакова спас от верной гибели бойцов из Турткуля. Их небольшой отряд уже шесть дней находился в окружении неподалеку от Хазараспа. Вместе с полком Шайдакова этот сильно поредевший отряд направился к Хиве.

Шайдаков с перевязанной головой лежал в бричке. Несмотря на ранение, он был в курсе всех дел: принявший командование полком его заместитель Хорун обо всем советовался с Шайдаковым.

По приказу Джунаида басмачи старались задержать продвижение полка к Хиве. По красноармейцам стреляли из укрытий, из-под мостов, из камышовых зарослей. Поэтому шли осторожно. Впереди полка двигались группы разведчиков. В основном это были добровольцы-хорезмийцы, многие из которых хорошо знали местность. Разведчики уничтожали вражеские засады, выявляли отравленные колодцы, рыли новые.

Преодолевшие с тяжелыми боями уже сотню верст, красноармейцы спрашивали у бойцов-хорезмийцев:

— Скоро Хива?

— Еще около восьмидесяти верст.

— Ого, как далеко до этой Хивы!

— Йигиты, самое трудное преодолели, теперь дорога сама под ноги стелется,— подбадривал красноармейцев Ахмад Махмудов.

После сильных боев были освобождены от врага Ишанбазар, Багат, Бешарык. Оставшиеся в живых басмачи бежали в пески.

* * *

На Хивинском аэродроме приземлился самолет. Из него вышли Кутяков и Адинаев.

В Хиве Кутяков сразу принялся за дело, быстро ознакомился с обстановкой и вместе с хорезмскими военачальниками составил план полного и окончательного разгрома басмачей. Для осуществления этого плана нужны были дополнительные воинские части, техника и транспорт. Об этом Кутяков радировал в Москву. Главнокомандующий общесоюзными вооруженными силами в телеграмме на имя командующего Туркестанским военным округом приказал выделить Хорезму для разгрома басмаческих банд все, что требовал Кутяков.

Приняв меры для незамедлительного выполнения этого приказа, командующий вызвал к себе Миркамила Миршарапова, работавшего в штабе Туркестанского военного округа.

— Товарищ Миршарапов, вы знаете Хорезм, были там военным назиром. Командование округа решило послать вас туда. Вы возглавите крупную армейскую часть. Возьмите с собой и командиров, окончивших военное училище. Мы очень надеемся на вас. Задача предстоит трудная: пройти пустыню из конца в конец и очистить Хорезм от всех банд. Желаю вам счастливого пути, Миркамил.

* * *

Полк Шайдакова, пробивавшийся с боями к Хиве, взял в плен сотни басмачей, многие из них сдались сами. Вблизи Хивы сопротивление прекратилось: Джунаид-хан поспешно увел остатки своего потрепанного воинства на запад.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Сразу же после прихода полка Шайдакова в Хиву Палван и Атаджанов отправились с отрядом красноармейцев и сотрудниками ГПУ в окрестности города, чтобы проверить, не затаились ли где враги. Был в этом отряде и Матёз.

Широкоплечий, крепкий йигит, он ехал вслед за Палваном на захваченном у басмачей вороном коне.

Отряд прибыл в кишлак Шихлар. Пережившие осаду Хивы, не раз видевшие смерть бойцы содрогнулись. Повсюду на улицах валялись трупы дехкан. Из сожженных домов все еще валил едкий дым; то тут, то там слышались стоны и стенания. Красноармейцы, похоронив погибших и оказав помощь уцелевшим, отправились в Пишканик — родной кишлак Палвана.

...Пишканик. На карагаче у ворот усадьбы Матчон-туры висит потемневший труп председателя кишлачного Совета старика Шакира-ата. Ветер шевелит его седую бороду. У секретаря партийной ячейки отрезаны уши, на лбу выжжена звезда. Матёз в ужасе прошептал: «Астагфурулло».

Половина кишлака сожжена. Вокруг дымные пепелища, в домах, которые, видимо, не успели поджечь,— следы разгрома, на полу валяются одеяла, посуда... И что страшнее всего — во всем кишлаке ни единой души!

Палван подошел к месту, где некогда стоял дом его тестя Пирнафаса-ака. Теперь от этого дома остались только закопченные, потемневшие стены. Ветер разносил по улице пепел, словно бы играл им. Невесть откуда взявшийся котенок уселся напротив Палвана и, жалобно мяуча, глядел ему в глаза.

Красноармейцы подобрали трупы, понесли их на кладбище.

— Палван-ага, глядите! В склепах — люди,— закричал шедший впереди красноармеец.

Палван замер от неожиданности. Один за другим из склепов вылезали его односельчане. Лица их были в пыли и глине и казались неживыми.

— Палванджан, ты ли это?— спросил вышедший из склепа Гадой-бува.

— Почему вы тут?

— Басмачи не решаются сунуться в склепы, боятся, что, если осквернят святое место, паралич их хватит. Сынок, вот ведь счастье, с вами свиделись мы,— сказал он, обнимая Палвана.— Теперь уж не знаем, куда идти нам, куда деться.

— Возвращайтесь в кишлак,— дрогнувшим голосом произнес Палван.

— Боимся, Матчон-тура не даст нам житья, не сегодня-завтра, говорят, Хиву возьмут.

— Ата, нигде вокруг ни одного басмача не осталось. Всех прогнали.

Односельчане, окружив Палвана, начали рассказывать о жестокостях Матчон-туры и басмачей.

— Работавшим в Советах отрезали уши, носы, рубили руки.

— Весь скот угнали.

— Отняли земли.

Палван старался успокоить дехкан:

— Правительство окажет вам помощь. Пока поселяйтесь в домах, которые сохранились.

Но дехкане боялись покинуть кладбище. «А вдруг в кишлак снова вернутся басмачи, убьют нас»,— думали они. Палван понял их состояние, он дал им группу красноармейцев. Потом спросил:

— Где Сайфи-аксакал?

— Нацепив оружие, ходит рядом с Матчон-турой.

— А имам?

— Пропади он, замучил всех нас.

Палван и Атаджанов вернулись в кишлак, вошли в дом аксакала и сразу поняли, что он бежал с басмачами, захватив семью и имущество. Постучали в калитку имама. Никто не ответил. Толкнули сильнее, калитка распахнулась. Красноармейцы прошли через темный далан. Обыскали все помещение — никого; они уже собирались уходить, когда в хлеву заржала лошадь. Направились туда, и вдруг прогремел выстрел. К счастью, пуля никого не задела. Прижавшись к стене, Палван крикнул:

— Бросай оружие!

В ответ снова прогремел выстрел. Человек, видимо, не думал сдаваться. Подобравшись к воротам, красноармейцы открыли огонь. Пронзительно заржав, тяжело упала лошадь.

— Если хочешь остаться живым, бросай оружие!— закричал во весь голос Палван, ворвавшись в хлев.

Человек вышел из стойла и с поднятыми руками направился к далану. Палван узнал его.

— Эге, да это имам нашего кишлака! Говорят, телок бежит не далее хлева, а вы не далее стойла.

— Простите, не разобрался я, думал, басмачи вернулись. Джан-адалар, не убивайте меня, нет за мной вины, буду молиться за вас,— твердил имам, дрожа от страха.

— Посмотрите, товарищ командир,— один из красноармейцев указал на свежевыкопанную яму в углу хлева.

— А ну-ка, вытряхните хурджун этого басмача,— приказал Палван, и словно кто-то толкнул в спину Матёза. Он подошел к убитой лошади, снял притороченный к седлу

хурджун и, развязав его, высыпал содержимое на землю. Тускло блестя, у ног бойцов лежали золотые и серебряные монеты.

Матёзу, глядевшему на эти валяющиеся в пыли деньги, вдруг показалось, будто над ними раскачивается в сумраке хлева почерневший труп повешенного старика. Матёз отступил на шаг. Картины басмаческих злодеяний одна за другой проплыли перед его глазами. «Так вот что ждало Хиву, захвати ее Джунаид-хан! Отрубили бы голову моей сестре, убивали бы без разбору стариков, детей... Так вот с кем я был заодно! Так вот какое дело поручил мне Аллакулибай!»

* * *

Состояние Пирнафаса-ака, раненного в последнем бою у стен Хивы, было очень тяжелым. Лицо его осунулось, пожелтело, щеки запали. В забытьи он стонал и звал свою дочь Джумагуль. Временами ему, видно, казалось, что она где-то рядом, зовет его, и тогда Пирнафас-ака силился приподняться, что причиняло ему, раненному в живот, невыносимые страдания.

Якутай, с ночи дежурившая возле Пирнафаса-ака, тихо кивнула Палвану, появившемуся в палате.

Глаза Пирнафаса-ака были закрыты, он тяжело дышал. Якутай вытерла холодный пот с его лба и тихо сказала:

— Ата, Палван-ага пришел.

Пирнафас-ака чуть приоткрыл глаза и снова закрыл их. В палате тишина, только слышится хриплое, прерывистое дыхание раненого. У окна, скрестив руки на груди и неотрывно глядя на Пирнафаса-ака, стоят его жена Мастура и мать Палвана.

— Пить!— чуть слышно произнес Пирнафас-ака.

Палван смочил марлевую салфетку и поднес к его пересохшим губам.

Пирнафас-ака, не открывая глаз, спросил:

— Палван, сынок, Хива все еще окружена?

— Нет, ата, врага прогнали, ворота открыты.

— Благодарение судьбе, что дожили до этих дней, труд наш не пропал даром, муки наши искуплены. Сынок, мне плохо, часы мои уже сочтены.

— Не говорите так, ата, скоро поправитесь. Правительство наградило вас орденом Красного Знамени.

— Рахмат нашему правительству. Палванджан, горит у меня внутри, словно пламя бушует,— должно быть, отправлюсь к Джумагуль. Трудно придется доченьке моей

Айджамал. Сиротой останется, ни сестры, ни брата у нее нет. Будь ей братом,— медленно, сквозь хрип, говорил Пирнафас-ака.

По щекам Палвана текли слезы. Боль пронзила сердце Якутай; тяжело вздохнув, она отвернулась и беззвучно заплакала.

— Айджамал и Баходир тут?— едва слышно прошептал Пирнафас-ака.

— Ата, оба они тут.

— Позовите! Хочу проститься с ними.

Айша неслышными шагами вышла в коридор. Дверь осталась приоткрытой, и в палату донеслись стоны: вся больница была переполнена тяжело ранеными защитниками Хивы.

Прошло несколько минут, и вот появились Айджамал и Баходир. Айджамал, встав на колени у постели отца, заплакала навзрыд; Баходир гладил руки деда, словно бы говоря: «Вставайте, бува, вставайте же». Губы мальчика дрожали.

— Доченька, не плачь так, я еще не умер. Палван-ага не оставит тебя, ты никогда не будешь сиротой. Учись хорошо, доченька, будь счастливой, моя единственная.

Вдруг Пирнафас-ака настороженно замер, услышав рыдания Мастуры-хола, с трудом открыл глаза, взглянул на нее:

— Жена, хватит, не проливай слезы, держи высоко голову. Сколько лет прожили вместе, делили и радости и горе. Если когда обидел тебя, прости! Жена, я любил тебя. Я всем вам желаю добра, вспоминайте и меня добром,— произнес он и окинул близких долгим прощальным взглядом.

Мастура-хола что-то хотела сказать мужу, но голос ей не повиновался.

В палату вошла сестра со шприцем в руках, сказала: «Ата угомился, оставьте его».

После укола Пирнафас-ака почувствовал себя значительно лучше. Но к вечеру ему стало совсем худо. В рассветную пору Пирнафас-ака скончался на руках Палвана.

* * *

Начался траурный митинг. Над огромной безмолвной толпой разнесся голос председателя Военно-революционного комитета Абдусалямова:

— Нас постигло тяжелое горе, геройски погиб наш джанаджан — любимый отец, самый уважаемый, почтенный из

защитников Хивы. Мы лишились человека, который боролся за победу Хорезмской революции, был другом хорезмских рабочих, ремесленников и декхан, жил ради их счастья. Народ Хорезма никогда не забудет его. Дорогой друг,— голос Абдусалямова дрогнул,— прощай навсегда!

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

...Большой зал зимнего дворца Нурлавой залит электрическим светом, ослепительно сверкают люстры. Здесь собрались командиры, красноармейцы, бойцы-добровольцы. Здесь и убеленные сединой люди и совсем еще молодые йигиты.

Али Муллаяров читает указ Центрального Исполнительного Комитета о награждении орденом Красного Знамени особо отличившихся в борьбе с бандами Джунаида. Абдусалямов одного за другим поздравляет награжденных, вручает им ордена. Гремят аплодисменты. Вот он пожимает руку Ахмаджану Ибрагимову, вот зал аплодирует Гадецкому, вот на сцену медленно поднимается еще не совсем оправившийся после ранения Шайдаков, за ним Ризаев, их сменяет Муса Хабин.

Муллаяров перелистывает страницы указа — награжденных сотни.

* * *

По улице шли Палван, Якутай и Бекджан. Грудь их украшали боевые ордена.

— Якутай, вот обрадуется мать, увидев вас с орденом. Пойдемте к нам!— пригласил Палван.

— Пойдемте, Якутай-апа, почетное место в нашем доме — ваше,— поддержал его Бекджан.

Айша-хола и в самом деле, увидев их с орденами, даже растерялась от радости.

— Да стать мне жертвой за моих детей! Якутай, вы с орденом как цветущая ветка,— говорила она, ставя угощение на дастархан.— Вот теперь прогнали басмачей, наконец-то война кончилась.

— Мама,— тихо заговорил Палван,— война еще не совсем кончилась, мы должны очистить Хорезм от банд, скоро отправимся в путь.

Айша-хола замерла с пиалой в руке.

— Сынок, Джунаид бежал, какая еще война?— спросила она с испугом.

— Больше половины Хорезма в когтях Джунаида. Басмачи хозяйничают в Шавате, Газавате, Тахте, Ташаузе, Кухна-Ургенче, Кунграте, во многих других городах. Пришла пора покончить с ними.

Палван взглянул на брата:

— Когда ты отправляешься в Ташкент?

— Наверно, через несколько дней.

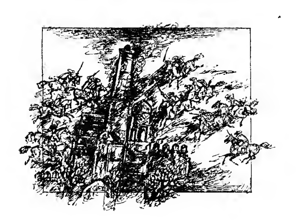
— Бекджанбай, передайте от меня привет Султан-паше.— Якутай поднялась.

Палван провожал ее. Они шли молча, рука в руке, по вечерним улицам. Впереди блеснул тусклый свет керосинового фонаря. Там, за поворотом,— женская школа, где живет Якутай.

— Джаным, я еще не сказал ни матери, ни вам — уходим в поход завтра.

* * *

Ранним утром конники Палвана выехали из Тазабагских ворот. Путь их лежал на запад. Утро было студеное, и все же чувствовалась весна. Яркие лучи солнца играли на высоких крепостных стенах древнего города, ослепительно сияя, переливались на голубых куполах минаретов. Небо над Хорезмом было чисто и безоблачно.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Снова открылись ворота городов-крепостей, зашумели базары. Мир возвращался на истерзанную войной землю. Но это был совсем не тот мир, которого жаждал Матчон-тура. И хотя, как встарь, кричали муэдзины с минаретов, и весеннее солнце робко заглядывало в худжры учеников медресе, и редко можно было встретить женщину без паранджи, жизнь, как Амударья, рушила старые берега, стремилась по новому руслу. Ревкомы, Советы, Союз кошчи, ликбез...— все это оказалось устойчивей, чем надеялись поборники старого. И то, что не понял еще ни Джунаид-хан, не так давно полновластный хозяин Хорезма, ни его пир — духовный наставник, скупой на слова Хан-ишан, становилось очевидным для Матчон-туры: священная война с кяфирами обернулась войной с единоверцами — мусульманами, со своим же народом — иначе бы и года не продержались в Хорезме большавои, сколько бы ни помогали им Москва и Ташкент. «Есть, к счастью, соседние мусульманские страны, которые не затронула эта зараза. Но бежать из Хорезма, оставив все свое богатство и землю, оставив свою любимую жену Якут-бику сыну раба Палвану! «Не называйте меня бикой-госпожой,— вспомнились Матчонтуре ее слова,— время господ прошло. Имя мое — Якутай». О, аллах, мою жену видели на крепостной стене, она стреляла в защитников ислама... Почему дрогнула моя рука и нож прошел мимо ее строптивого сердца! А этот ее отец, некогда всеми почитаемый Абдулла-тура! Джунаид призывает к газавату, а он твердит свое: «Единственный человек, на которого я мог бы поднять руку,— мой бывший зять Матчон-тура». Так и сказал проклятый... Ну и время! Словно перед концом света, брат на брата поднимается. Все стянулось в тугой узел, не распутаешь — рубить надо». Матчон-тура стиснул зубы, привстал на стременах, оглядел свою полусотню — сумрачных, поникших всадников на истомленных конях. Вот что осталось от его пятитысячного войска! Да и можно ли доверять этим головорезам? Бежать

надо, уходить за границу. «Уходить»,— повторил он, с трудом шевеля запекшимися губами, отлично зная, что еще не насытился местью и потому по своей воле не покинет Хорезм.

Не прошло месяца после разгрома Джунаида под Хивой, и в Хорезмской республике, разоренной и разграбленной басмачами, возобновились занятия в школах.

Хивинская женская школа, где учительствовала Якутай, во время обороны Хивы не раз переходившая из рук в руки.

...Заботливо ухоженный сад наполовину вырублен, изрыт окопами. Всюду растоптанные кусты роз, они жаждут пить, приподнимаются над землей. Глядя на это разорение, на обугленные веранды, на выщербленные пулями стены дворца, Якутай в тревоге думала о Палване. Только бы вернулся. Днями и ночами мерещилось ей, что он смертельно ранен рукой подосланного убийцы. Уж кто-кто, а она, чудом избежавшая смерти, знала, на что способны враги Палвана. Много их у него!

Смутным видением возникала в ее памяти порывистая Джумагуль с разорванным в крике ртом, совсем не похожая на ту робкую застенчивую женщину — жену Палвана, которую однажды видела в Пишканике Якутай, но это была она, та самая Джумагуль, казненная в Хиве на площади перед дворцом Кухна-Арк. Сколько раз уберегала она Палвана от верной смерти. Себя не уберегла...

Теперь Айджамал, младшая сестра Джумагуль, ученица Якутай.

Весна! Она в приливах синего-синего света и в первом цветении земли, нежнейшем сиреново-белом цветении. Она словно говорит людям: «Навоевались. Хватит! Вот вам земля и небо. Живите. Радуйтесь».

Никогда прежде не переживала Якутай так нетерпеливо, с такой душевной тревогой разлуку с любимым. Никогда так не ждала весточки от Палвана. И вот, наконец, письмо:

«Дорогая Якутай!

Под командованием Кутякова гоним басмачей. Взяли Газават, Шават, Тахт и родовое гнездо Джунаид-хана Бедиркент. В Ташаузе председатель ревкома Ахмаджан Ибрагимов собрал вождей туркменских племен. Они решили сообща бороться против Джунаида. На днях освобожден Куня-Ургенч. Как хотелось бы, чтобы эти бои были последними. Горько, так горько не видеть вас...

Ожесточившегося в боях, меня теперь захлестывает теплое чувство к людям — даже к недавним врагам, захвачен-

ным нами в плен. Думаю, правительство наше поступило правильно, распорядившись отпустить домой этих дехкан, случайно оказавшихся в бандах Джунаида.

В освобожденных кишлаках и городах рассказывают о злодеяниях басмачей. Странно подумать, что в этом повинны и простые люди, наивные, как дети, которым ишаны твердили: поднимайтесь на борьбу с кяфирами, слушайтесь Джунаид-хана — и вы попадете в рай. Теперь дурман в их головах рассеивается. Всей душой верю, что дети, которых воспитывают такие, как Вы, учителя, став взрослыми, будут ценить человеческую жизнь.

Не беспокойтесь обо мне. Передайте привет моей маме, тетушке Мастуре, Айджамал. Поцелуйте за меня сына моего Баходира. Не спрашиваю, как им живется,— время такое, что всем нелегко. Особенно беспокоюсь за тетушку Мастуру, Айджамал и за сирот, живущих в их доме. Вы ведь знали Пирнафаса-ака. Все раздавал людям — и прежде, когда был безвестным дехканином, и в последние годы, когда возглавлял Союз кушчи. Прошлой осенью привез из кишлака и усыновил троих сирот, родителей которых замучили басмачи. К таким, как он, бескорыстным хакимам-начальникам народ наш еще не привык... Думаю, надо, чтобы государство позаботилось о его семье. Если не трудно, поговорите с товарищем Абдусалямовым. Он обязательно поможет.

Милая моя Якутай, желаю Вам всего самого хорошего. Надеюсь на скорую встречу. Ваш Палван».

Ночью Якутай проснулась: так сжало сердце, что еле сдержала стон. Прижимая руки к груди, добралась до раскрытого окна. И тут ей показалось, что крупные яркие звезды раскачиваются возле самого ее лица. С трудом глотая воздух, Якутай глядела на них, будто в последний раз. Но вот звезды-маятники стали успокаиваться и отступать. И вот уже они мерцают вдали. Боль отпустила. Стало легче дышать.

Якутай сбросила ночные туфли, легла, но сон долго не приходил. Лежала, не закрывая глаз. Губы ее шептали:

Что жизнь моя? И что за ней?
Что этот свет весенних дней?

«Живу, пока жива любовь...» Живу... жива... Нет, не так. На вопросы надо отвечать. Но есть ли на эти вопросы ответы? Якутай задумалась, глядя в темноту.

Умру, но не смирюсь я с тьмой,
В ней нет тебя, любимый мой.

В декабре 1923 года в соответствии с решением Четвертого курултая о добровольном вхождении Хорезмской республики в состав СССР на переговоры в Москву направилась хорезмская правительственная делегация во главе с Председателем ЦИКа Каримом Сафаевым. В состав ее входили секретарь ЦК Компартии Хорезма Каландар Адинаев и руководящие работники республики. Джунаид-хан счел это время самым подходящим для начала боевых действий.

В январе 1924 года, когда басмачи штурмовали Хиву, член ЦИКа Карим Абдусалямов возглавил Хорезмский центральный революционный комитет, взявший на себя всю полноту власти.

К нему-то теперь и отправилась Якутай в Нурлавой, бывший ханский дворец.

В приемной Абдусалямова ей встретился председатель городского Совета Хивы Машарип Кариев.

— Здравствуйте, Машарип-ага, хотела пойти к вам, поговорить о Мастурс-ана, а вы здесь...

Кариев хорошо знал Мастуру.

— Ну, как здоровье ее?

— Все плачет...

— Да, такое несчастье...

— Что с ее домом? Горсовет не передаст его другому?

— Кто это сказал?— Кариев недоуменно взглянул на Якутай.

— Да так, спрашиваю... Ведь дом их принадлежит горсовету.

— Никому не передадим. За заслуги Пирнафаса-ака его детям не то что дом — дворец выделить стоит.

При слове «дворец» тень скользнула по лицу Якутай. Кариев опустил глаза: стоящая перед ним женщина — родственница хана, и вырвавшееся ненароком слово как бы напомнило ей об этом.

— Хочу поговорить с председателем о назначении пенсии тетушке Мастуре.

— Очень хорошо, давайте зайдем вместе.

Абдусалямов поднялся из-за стола.

— Якутай, сестричка! Машарип! Рад вас видеть.

Из широкого окна в кабинет лился яркий весенний свет, и на стенах, украшенных лепными ганчевыми узорами, как будто оживали невсдомые растения. Якутай невольно залюбовалась ими.

— Как ваше здоровье, сестричка?

— Спасибо, работаю. Вот пришла с просьбой.

— Пожалуйста, слушаю вас.

— Время такое, трудно живется семьям, лишившимся кормильцев,— тихо заговорила Якутай.— Незадолго до смерти Пирнафас-ака взял на воспитание троих сирот...

— Наше правительство никогда не забудет его семью.— Кариев взглянул на председателя.

— Не забудет,— подтвердил тот.— Как можно забыть! Сейчас материальную помощь получают все семьи красноармейцев. На днях приняли постановление о назначении пожизненных пенсий вдовам погибших в борьбе с басмачами, инвалидам войны и труда.

На столе задребезжал телефон. Абдусалямов поднял трубку. Звонили из Ходжейли.

— Здравствуйте, товарищ Кутяков! Так, так, хорошо, очень хорошо! Караван прибыл? Прошу, выделите часть продовольствия детскому интернату в Ходжейли. Директор его — Хамза. Да, поэт, возглавлял агитбригаду на Закаспийском фронте. Вот оно что! Выходит, знакомы. Привет ему от меня. Пришлите списки отличившихся в боях...

— Товарищи,— сказал Абдусалямов, и его лицо, еще хранящее следы тревог и бессонных ночей, медленно озарила улыбка.— Шайдаков, Хорун и Палван загнали басмачей в пески.

Услышав имя Палвана, Якутай зарделась, вспыхнули ее карие глаза.

— Значит, скоро война кончится. Ох, и устал от нее народ!

— Джунаид затаился в пустыне, сестричка. Но еще немало недобитых басмаческих банд.— Абдусалямов помолчал.— Обязательно зайду к тетушке Мастуре,— продолжил он прерванный звонком разговор.— Передайте ей привет от нас с Машарипом, скажите, что назовем именем Пирнафаса-ака одну из улиц Хивы. Пенсию она получит, корову дадим, одежду для сирот... Вот пока и все, что можно сделать.— Абдусалямов развел руками, словно извиняясь.— А в чем вы сами, сестричка, нуждаетесь?

— Нет, нет, что вы! Мне ничего не надо!— ответила Якутай, поспешно прощаясь.

В кабинете остались двое.

— Удивительно, откуда в этой чудом выжившей женщине такая сила.

— А то странно, что, проклятая своим отцом, она не отказалась от него. Поверь, я это знаю... Кстати, как вел себя

этот тура во время осады? Небось, стрелял в спину защитникам Хивы? Почему тогда он на свободе? Из-за Палвана? Неудобно арестовывать будущего тестя. Дочь туры и сын раба — такой свадьбы Хорезм еще не видел!

— Ну что ж, погуляем,— улыбнулся Абдусалямов и, посерьезнев, продолжил:— Машарип, то, что я тебе скажу, пусть пока останется между нами. Помнишь тот день, когда со всех минаретов муэдзины кричали какой-то странный азан.

— Еще бы!— усмехнулся Кариев.— Это был призыв к байским сынкам и муллавачам пробиться к воротам Шахимардан и открыть их басмачам. С двух сторон на нас навалились. Конечно, помню... Такое, Карим, не забывается.

— В тот день меня разыскал Абдулла-тура, отец Якутай, и указал мне здесь, в Нурлавой, тайник. Там было пятьдесят винтовок и пять ящиков патронов. Представляешь, пять ящиков! Я поблагодарил туру от имени республики и протянул ему руку, но он сделал вид, что не заметил ее.

— Господин Абдусалямов,— сказал он,— защита республики — ваша забота. Но у стен Хивы мой бывший зять Матчон-тура, а среди защитников Хивы моя дочь. Не хочу, чтобы он еще раз вонзил кинжал в ее сердце.

Я сообщил Бобо Матчанову обо всем этом, и он велел своим чекистам глаз не спускать с Абдулла-туры. Недавно один курбаши на допросе признался, что Джунаид-хан и Матчон-тура пообещали ему столько золота, сколько потянет отрубленная голова Абдулла-туры.

— Вот оно что!— Кариев приподнялся в кресле и снова сел, молча глядя на Абдусалямова.— Так вот он какой, этот тура! Слушай, ему надо вернуть его бывший дом.

— Я тоже так думал, Машарип. Только окончились бои, послал за ним.— Абдусалямов как-то странно улыбнулся.

— А он?

— Сказал, что стар и что мир его теперь умещается на молитвенном коврике.

— Но у него жена, дети...

— Считает, что для его семьи вполне достаточно оставленного ему дома, в котором прежде жили слуги. «Вы,— сказал он,— боритесь за то, чтобы в Хорезме никто не имел привилегий. Желаю вам достичь вашей цели, за которую пролито столько крови». Такие, Машарип, они люди: тура и проклятая им дочь, первой в Хиве сбросившая паранджу...

А теперь послушай, зачем позвал тебя. Мы тут подготовили декрет о разоружении населения. Тебя привлекаем к выполнению этой задачи. Соберешь оружие в Бешарыке, Багате и Хазараспе. Действуй там и как представитель правительственной комиссии по оказанию помощи населению, пострадавшему от басмачей. Красноармейцев направить с тобой не можем. Сам в трехдневный срок организуй отряд из комсомольцев. Оружие получишь у военного коменданта Хивы.

Среди басмачей, осаждавших Хиву, был и Гайбназар, старший сын бывшего предводителя ханского войска — ясавулбаши. Все предки Гайбназара были ясавулбаши.

Вскоре после хорезмской революции Гайбназар убил председателя сельского Совета и, забрав его коня, примкнул к банде Матчон-туры.

— Твой отец был моим лучшим другом. Могу ли положиться на тебя? — спросил Матчон-тура, пристально вглядываясь в лицо Гайбназара.

— Ваш приказ — закон, — коротко ответил тот.

У Матчон-туры было время убедиться, что это не просто слова.

В холодном январе 1924 года, когда у туры была уже не горстка басмачей, а целое войско и Хива держалась из последних сил, оба они сидели на красном туркменском ковре в богатом пригородном доме у жарко натопленной изразцовой печи, радостно возбужденные, уверенные в скорой победе. Чуть поодаль от них расположились приближенные Матчон-туры — те, кому предстояло занять в восстановленном ханстве доходные должности. На кухне, готовя плов, суетились перепуганные хозяева. А у дома, шумно дыша на морозе, хрупали овес покрытые награбленными коврами кони.

— Аллах услышал наши молитвы, — говорил Матчон-тура, медленно крутя в руке пиалу с чаем. — Теперь главное — вырвать заразу с корнем. Никому пощады не будет — ни безусым юнцам, ни женщинам. Презревших мусульманский закон, сбросивших паранджу — в зиндан, пусть валяются там, пока не сдохнут... Гайбназар, сынок, только бы взять живьем змею Палвана, совратившего мою жену, убийцу твоего отца. В клетке буду возить проклятого сына раба по всему Хорезму. И пусть плюют в него... Думаю, — тура почтительно понизил голос, — великий сардор исламского воинства Джунаид-хан одобрит такое мое решение.

О Мадримбае, провозглашенном по воле Джунаида хивинским ханом, Матчон-тура предпочитал вообще не упоминать. Ему не давало покоя, что какой-то безвестный степняк, служивший большавоям и потом сбежавший от них, стал ханом, а он, родовитый и знатный, провозглашен лишь главным визирем. Сидящие в доме, конечно, догадывались об этом и, славословя туру, благоразумно умалчивали о новом хане.

— Хвала твоему отцу,— громко, чтобы все хорошо слышали, обратился Матчон-тура к Ганбназару.— Ты достойный сын. Возьмем Хиву — дам тебе должность твоего отца, будешь ясавулбаши.— Матчон-тура похлопал Ганбназара по плечу.

— Спасибо, ага. Да осуществит аллах ваши мечты!— с жаром ответил Ганбназар.

В комнату вошел сотник, низко поклонился Матчонтуре.

— Красные выбиты из Тазабага. Командир их зарублен. Вот что нашли при нем.— Сотник осторожно протянул туре какие-то бумаги. Среди них была фотография молодой женщины, с улыбкой склонившейся над спящим у нее на руках ребенком, несколько писем и стихи.

— У-у, кяфир проклятый,— выругался Матчон-тура. Он было хотел бросить карточку в огонь, но в последний момент передумал, протянул ее писарю.— Спрячь, пригодится, когда род большавоя истреблять будем.

Потом он брезгливо стал перебирать желтоватые вырезки со стихами.

— Ба, да это же стихи Сахибназара, сына почтенного Шерназарбая! Ганбназар, слышишь, что пишет твой брат:

Распахнутые шири,
Весна у древних стен,
Всего дороже в мире
Мне ветер перемен.

— А может, он хотел сказать, что власть в Хорезме переменится,— пробормотал разом вспотевший Ганбназар.

Матчон-тура покачал головой:

— Нет, таких стихов в этой газете не бывает. Твой брат продался большавоям.

— Если это и в самом деле сочинил мой брат, значит, у него помутился разум. Приду домой, все проверю и, если он виноват, накажу его.

— Гаибназар, знай: брат, поддерживающий врага, в десять раз опасней самого врага. Теперь он тебе не брат. Он твой заклятый враг. Будет лучше, если ты заткнешь глотку этому защитнику дьяволов.

Гаибназар задумался. Сахибназара он любил больше других братьев. Внимательно слушал слабые, ученические, впрочем, не лишенные жизни стихи Сахибназара, хвалил их: «В наши дни никто не пишет лучше тебя. Ты будешь большим, почитаемым поэтом, как Феруз, облагодетельствовавший нашего отца». Глядя на красивого, статного Сахибназара, на его яркие карие глаза и густые брови, Гаибназар плевал в сторону, произнося про себя: «Суф-суф, дай бог, чтоб не сглазили». В мечтах он видел себя и брата первыми людьми в ханстве: он предводитель войска. Сахибназар — главный визирь.

Гаибназар вспомнил, как в последний раз брат читал ему и матери свои стихи, и мать сказала сквозь слезы: «Был бы жив отец, как бы порадовался таким сыновьям. Осиротил вас Палван-бала. Найдется ли человек, который отомстит ему?!»

— Сегодня вечером начнем штурм Хивы, а к утру, думаю, все будет кончено. Ты со своими йигитами должен прорваться в город со стороны Пишканикских ворот. Предателя брата схватишь и приведешь ко мне,— строго приказал Матчон-тура.

Гаибназар покорно склонил голову, а про себя подумал: «Нет, брата я тебе не отдам. Спрячу в Хиве или в кишлаке у родичей, или у приаральских чабанов... Придет время, найду общий язык с Мадримбаем. Очень ты нужен ему, заносчивый тура!»

Но ни той, ни следующей ночью Хиву взять не удалось. А на исходе третьего дня лавиной обрушился на басмачей кавалерийский полк Шайдакова. Войско Матчон-туры рассеялось. Раненный в руку Гаибназар успел притаиться в арыке и тем избежал смерти. Он лежал, терпел боль, ждал, когда стемнеет. «Много крови потеряю. Нельзя оставаться здесь,— решил он.— Арык тянется до Шихлара, там живут мои родственники. Эх, двум смертям не бывать!»

Он приподнялся и двинулся по запорошенному снегом арыку. В сумерках, никем не замеченный, добрался до Шихлара.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кавалеристы Миршарипова неотступно преследовали банды Агаджан-ишана и Сагдуллы-бала. Дехкане, присоединившиеся к басмачам, разбегались. Дольше, с упорством обреченных, которым нечего терять, держались собранные из байских сынков, хорошо вооруженные конные сотни новоявленного хивинского хана Мадримбая. Двадцать первого марта у Паласултана они остановили наступавшие со стороны Хивы части хорезмской Красной Армии. То тут, то там на ровной, как ладонь, равнине вспыхивали ожесточенные бои. Войско хана продержалось два дня, а на третий было полностью разгромлено. Жалкие остатки его рассеялись по пустыне.

Высокий худой Мадримбай потемнел, осунулся, стал похож на обожженный морозом камыш. Он и его друг Сабирбай, также в недавнем прошлом член ЦИКа Хорезмской Советской Республики, уже не верили ни Агаджан-ишану, ни Сагдулле-бала и не знали, куда бежать. Побывавший во многих странах, сорокалетний Мадримбай был человеком осторожным, но решительным.

«Слава аллаху, большевики род мой истреблять не станут,— думал теперь Мадримбай, и ему на миг представились его малолетние сыновья и дочери, голодные, оборванные, бредущие по пыльной дороге, не смеющие сказать, чьи они дети.— Ничего,— успокаивал он себя,— заберут в интернат, выучат, воспитают...»

— Не те ли учителя, которых ты велел бросить в костер?

«Кто это говорит?— Мадримбай поднял голову — нет рядом никого.— Наверно, схожу с ума»,— равнодушно подумал он.

...Легкий предвечерний сумрак окутывает степь. Солнышко, как голодный стреноженный конь, жадно щиплет молодую траву. «А что это за люди в стороне? Откуда они здесь? А... ханская стража, телохранители мои. Выходит, не все разбежались... А вот и диванбеги Сабирбай. Идет сюда. Что ему надо?»

— Сабирбай, не было гонца от Джунаида?

Сабирбай исподлобья взглянул на «хана».

— Откуда ему знать, где мы, и кто знает, где он сам? Быстрей седлайте коня. Красные близко.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Машарип Кариев прибыл в Бешарык с отрядом хивинских комсомольцев.

Был базарный день. На огороженной дувалом широкой пыльной площади народу полно. Но мало кто продает — обесценились хорезмские бумажные деньги — все больше меняют. Тут со своим товаром и гончары, и чеканщики, и лудильщики, и торговцы пряностями, зеленым чаем, семенами, урюком, вяленой дыней; тут же жарят на мангалах шашлыки, достают из кастрюль горячие манты, снуют разносчики айрана. В руках у многих вещи, принесенные для обмена: тюбетейки, утварь хозяйственная, молитвенные коврики, бараньи папахи, чувяки. Кругом чапаны, кошмы, на дувалах красные туркменские ковры... И почти все вещи старые, послужившие людям.

Близится полдень, а толпа не убывает. В Хорезме на базар идут и едут не только, чтобы продать или купить, но и за новостями, и просто так, чтобы провести время.

Как только на базаре появился отряд Кариева, народ окружил его. Всех интересовало, с чем пожаловал из Хивы большой хаким. Только в стороне у ребристого от дождевых промоин дувала богомольные старики по-прежнему слушали слепого, читавшего суру из Корана.

Еще по дороге в Бешарык под монотонный скрип арбы Кариев обдумывал, что и как следует сказать, чтобы люди добровольно сдали оружие. Он понимал, что владеют им не только побывавшие в басмаческих шайках, но и те, кому в хаосе безвластия оружие понадобилось, чтобы защитить себя и свои семьи. «Значит, надо,— рассуждал он,— внушить людям, что советская власть достаточно сильна и басмачам уже не подняться». И хотя теперь, выступая перед народом, Кариев волновался, зная, что задание, которое ему надлежит выполнить, не из легких, что из двадцати шести районов республики ему достался едва ли не самый басмаческий, говорил он спокойно, негромко, прислушиваясь к напряженной тишине. Его молодые бойцы, кто верхом, кто сидя с винтовкой на арбе, были начеку. Рассказав о разгроме всех крупных басмаческих банд и о том, какие меры принимает правительство, налаживая мирную жизнь, Машарип зачитал декрет о разоружении населения и просил всех жителей района, имеющих оружие, сдать его в двухдневный срок.

Прошло два дня, и Кариев только руками развел: ему сдали, будто в насмешку, три поломанных винтовки и ста-

ренькую берданку. А между тем, здесь, в Бешарыке, где пару месяцев назад многие присоединились к басмачам, оружия было немало. Кариев приказал своим бойцам собрать народ.

— Братья, постановление правительства — закон для всех. Ни один человек не должен скрывать оружие — это противоречит закону. Даем еще одни сутки. Пусть завтра те, у кого есть оружие, принесут его в райсовет.

В назначенный день какой-то старик принес заржавевшую, давно вышедшую из строя винтовку. У Кариева начали сдавать нервы. Не зная, что предпринять, ходил он взад и вперед по комнате, ругался, разговаривал сам с собой. В какой бы они кишлак ни приехали, от их стараний не было никакого прока. В таком деле могли бы помочь члены партии, комсомольцы, но те из них, кто оставался здесь, убиты басмачами, а остальные служат в хорезмской Красной Армии. Да и в самом райсовете никого из местных нет, кроме муллаваччи, служившего писарем, человека пугливого, с бегающими глазами, да двух милиционеров, которым в разгул басмаческих зверств удалось скрыться в пустыне. Председатель же райсовета — человек здесь новый, только неделю назад приехал из Хивы.

Уже стемнело, когда дверь тихонько открылась и в райсовет вошел Бекджан Давлятов. Кариев познакомился с ним года три назад, в ту пору Бекджан поселился в Хиве у своих родственников, живших на улице Каптархоны, которая издавна славилась заядлыми голубятниками. Кариев и сам когда-то держал голубей и хорошо знал двоюродного брата Бекджана. Он дал братьям, работавшим на хлопковом заводе, рекомендацию в комсомол.

Бекджан огляделся по сторонам.

— Говори, кроме нас двоих, никого нет.

— Баи Юсуп-мултанг и Ибад-хирс запугали народ. Сказали — кто отдаст оружие, жизни лишится. Машарип-ака, у этих баев припрятано много винтовок.

— Спасибо, друг,— сказал Кариев и крепко пожал Бекджану руку. На следующий день Кариев со своими бойцами отправился к Юсупу-мултангу.

— Юсуп-ата, вы не первый год торгуете оружием, это все знают. Сколько у вас есть винтовок — все отдайте нам, и правительство вас простит.

— Бdatabindingиродар Кариев, вы сказали правду, у меня было много винтовок, но все забрали басмачи. Последнюю отнял сам Сагдулла-бала. Если не верите, ищите,— твердо отвечал Юсуп.

— Зачем же искать, обыскивать. Давайте, бай-ата, договоримся по-хорошему. Вы умный человек, сами поймете — если по своей воле сдадите оружие, сохраните авторитет, и люди в Бешарыке последуют вашему примеру.

— Вижу, не верите вы мне...

— Бай-ата, если найдем, плохо вам будет.

— Знаю, знаю, даже расстрелять можете. Да у меня не то что винтовки, ни одного патрона нет, я мусульманин, человек благочестивый, верьте моим словам,— стоял на своем бай.

Кариев приказал обыскать дом. Искали и в доме, и во дворе, но ничего не нашли.

— Машаринджан, я же вам сказал,— нет, ничего нет.

— Бай-ата, простите, не обижайтесь,— уныло извинился Кариев.

— Что вы, сынок, вашей вины нет — такая у вас служба...— Бай обнажил в усмешке крупные зубы.

Эту усмешку Кариев запомнил.

Назавтра чуть свет он снова пришел с бойцами в дом Юсупа.

— Извините, но мы должны продолжить обыск,— сказал он хозяину и сам принялся выстукивать стены.

— Бай-ата, говорите — нет у вас оружия?

— Нет,— тихо проговорил побледневший Юсуп.

— Последний раз предлагаю: укажите, где спрятано оружие, и никто вас пальцем не тронет. А если сами найдем, судить будем перед всем народом.

Хозяин дома ничего не ответил.

Вскоре один из бойцов принес три винтовки и положил их возле Юсупа:

— Были в стене.

— Неправда, это не мои винтовки.

— А там еще есть.

Кариев и боец повели Юсупа в саманхану. В стене ее был тайник, а в нем десять пятизарядных винтовок и несколько тысяч патронов.

Юсупа судили открытым судом. Нашлись свидетели, которые рассказали, как в январе он вооружал тех, кто присоединился к басмачам.

— Что-то ты стал, Юсуп-мултанг, забывчивым,— говорил старый дехканин, отец председателя сельсовета, замученного басмачами,— неужели не помнишь, как ты сам приготовил для них плов, а после угощения каждому вручил винтовку. Потом моего сына привязали к гуджуму возле

твоего хауза, и бандиты плевали ему в лицо и кололи его кинжалами.

Юсупа приговорили к расстрелу. Приговор привели в исполнение на глазах у народа. После этого начали приносить оружие. К вечеру на полу в райсовете выросла целая куча винтовок, сабель, кинжалов.

То, что Юсупа расстреляли, слышал и Ибад-хирс, но он не знал, как расстаться со своими винтовками: принесешь несколько винтовок — не поверят, принесешь все, что есть,— спросят, почему раньше не сдал, и расстреляют.

— Машарип-ака,— обратился Бекджан Давлятов к Кариеву,— не лучше ли мне сперва поговорить с этим баем. У него пятеро взрослых сыновей, и все в отца, здоровые, сильные, не зря прозвали его хирсом-медведем, а там еще родичи, друзья, соседи... В пустыню он не убежит, крепко за свое хозяйство держится, да и семью не оставит. При его аресте много крови прольется.

— Пожалуй, ты прав. Может, в самом деле вразумишь его,— помолчав, сказал Кариев.

Давлятов пошел к Ибаду-хирсу.

— Если не хотите умереть, как Юсуп-мултанг, сдавайте оружие.

— Бекджанбай, ты не чужой нам человек, зла ни от меня, ни от моих детей не видел. Если сдам все оружие, большавой, хаким этот, меня не расстреляет?— угрюмо сказал Ибад-хирс.

— Если по своей воле сдадите, никто вам плохого слова не скажет. Верьте мне так, как если бы это сам Кариев сказал.

— Тебе-то, сынок, я верю. Но ведь сам знаешь, и другие грехи за нами есть... Хоть и не такие, как у Юсупа-мултанга, а искупить их перед властью надо. Как думаешь?

— Думаю, бай-ата, надо вам поговорить с Кариевым. Если сами к нему придете, вас не арестуют.

На закате следующего дня Ибад-хирс со своими сыновьями приехал в Бешарык. Домой они возвратились с бумагой, подписанной уполномоченным ЦИКа Кариевым. В ней говорилось, что Ибад-хирс добровольно сдал одиннадцать винтовок и семь берданок, что вместе со своими сыновьями он захватил три винтовки в бою с бандой Атака-кара, один басмач убит, двое взяты в плен и связанные привезены на арбе в Бешарык, что в этом бою был тяжело ранен Хамид, старший сын Ибада-хирса.

В тот же день Кариев писал в Центральный Исполнительный Комитет:

«В Бешарыке и кишлаках собрали триста тридцать винтовок и двадцать берданок. Собираем и холодное оружие.

В Бешарыкском районе еще очень много неизъятого оружия, люди скрываются в песках, чтобы не сдавать его. В районе действуют две небольшие басмаческие банды. Одну из них мы преследовали, в завязавшемся бою потеряли двух бойцов. Но отряд наш разросся за счет примкнувшей к нам молодежи.

С приветом Кариев»

Председатель ЦИКа Абдукарим Сафаев с членами хорезмской правительственной делегации возвратились из Москвы.

— Знаю, тяжело было,— сказал он, обнимая Абдусалямова,— Но ты сплотил людей, возглавил оборону Хивы. Горжусь таким помощником.

— Работал, как все, Абдукарим-ака.

— Ладно, не скромничай... Как думаешь, могли мы предотвратить случившееся?— Сафаев пристально взглянул на Абдусалямова.

— Предотвратить? Нет, не могли. За считанные недели нельзя выправить серьезные ошибки бывших руководителей. Я не хочу перекладывать на других свою долю ответственности, но правы делегаты IV курултая, записавшие в своем постановлении по отчету правительства, что попытки бороться с басмачеством были так грубы и неумелы, что привели к обострению национальной вражды. Конечно, столь резкая оценка действий правительства отражала возмущение делегатов бегством Мадримбая и Сабирбая к басмачам. Но ведь на ответственные должности и впрямь выдвигались, и не так уж редко, не достойные доверия люди.

— Ты прав, хоть и горько это сознавать. Страшно подумать, сколько людей загублено басмачами, сколько истреблено семей... Жертв могло быть много меньше, если бы мы своевременно обратились за помощью к Советской России. Прибудь кавалерийский полк Шайдакова в Хорезм на месяц раньше, авантюра Джунаида с восстановлением ханства потерпела бы провал в самом своем начале.— Сафаев глухо, надрывно закашлял. Абдусалямов протянул ему пиалу с чаем.

— Болеете, Абдукарим-ака?

— Да так, в дороге немного простыл. Но это пустяки,— отмахнулся Сафаев.— Где революция — там и контрреволюция, и мятежи, и гражданская война. Вот и Россия несколько лет полыхала в огне... Беда не в том, что мы не предвидели всех этих событий — все предусмотреть вряд ли кто-либо мог. Но надо видеть жизнь такой, какая она есть, помнить, что люди, вовлеченные в борьбу, не сегодня родились, что у них свой жизненный опыт. Республике четыре года. А Хивинское ханство существовало века. Социальный гнет дополнялся в нем национальным неравенством. Это постоянно чувствовали на себе туркмены и потому с нескрываемым подозрением относились к Хиве. Революция дала всем народам Хорезма равные права. Но и после нее, сам знаешь, было всякое... Вспомни, как обманом заманили в Хиву красного сардора Кушмамат-хана и его воинов. Их уничтожили те, кто готов был удушить хорезмскую революцию, кто натравливал туркмен на узбеков, а узбеков на туркмен. Я много думал обо всем этом. И с какой стороны ни взгляни, Джунаиду здорово помогает отсутствие туркменской автономии. Надо, чтобы все вопросы, касающиеся туркмен, решались в Ташаузе их выборными представителями — это было полезно во всех отношениях, не говоря уж о том, что влияние Джунаид-хана быстро пошло бы на убыль. Каландар Адинаев и другие товарищи из ЦК со мной согласны. А что думаешь ты?

— Думаю, что ЦИК должен принять соответствующее решение.

— Так и поступим,— сказал Сафаев и, помолчав, добавил:— Других слов я от тебя и не ждал.

Туркмен выделили в отдельную административную единицу — Туркменскую область с центром в Ташаузе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечерняя Хива. В густо-синей мгле медленно разгораются звезды, и над узкими пустынными улицами нависают таинственные контуры минаретов, дворцов, мечетей...

Утром, уходя из дома, Сахибназар предупредил мать:
— Сегодня у нас собрание, вернусь поздно.

И вот Мунаввар сидит на айване, ждет сына-кормильца. Правда, если бы не взяли на работу Сахибназара, с голоду бы не умерли... Как ни грозился Ахмад Махмудов, когда конфисковывали золото у богатых и уважаемых людей, а она свое не отдала.

Спрятала недалеко, почти на виду, пару колец да пару сережек, а все остальное и сейчас в надежном месте лежит, пить-есть не просит, и будет лежать, пока власть не переменится. А сейчас жить надо, как все... И вот сидит Мунаввар на айване перед чуть живым огоньком керосиновой лампы — фитиль прикрутила так, чтобы только не погас. Бережливому аллах даст, да и керосин за деньги не купишь — по норме выдают. Ну и времена... Жующим сухари уважения больше, чем почтенным людям...

Была бикой-госпожой, женой ясавулбаши, приходили к ней многие искать защиты, просили, чтоб замолвила перед мужем словечко за их близких. А теперь кого зовут в гости, кого слушают в махалле,— Айшу, мать Палвана, осиротившего ее детей. О, аллах! И как по-разному сложились судьбы их сыновей. Ее первенец Абдухалил погиб в стычке с туркменами. Люди говорят, что Абдухалил был связан с убийцами визиря Ислам-Ходжи. Э, мало ли что говорят люди... Гаибназар не стерпел унижения рода, подался к Джунаид-хану — где он теперь? А Сахибназар служит у большавоев. Говорит она ему: сынок, спасибо, что поддерживаешь семью нашу, наверно, надо как-то ладить и с большавоями, права пословица: если тебе не нравится время, сумей понравиться ему. А он отвечает: «Мне время это, мама, нравится». Вроде умом его аллах не обидел, а смотри-ка...

Осторожный стук в ворота прервал ее тревожные мысли. Нет, это не сын, Сахибназар стучит тихо, но спокойно, по-хозяйски. Взяв лампу, Мунаввар подошла к воротам:

— Кто это?

— Рашид из Шихлара, с доброй вестью.

Женщина засуетилась, торопливо открыла запертую на засов дверь в воротах.

— Заходи, заходи, племянник, каким ветром тебя занесло?

Она еще не знала, какую добрую весть принес поздний гость, но сердце ее уже гулко стучало в груди.

Племянник не спешил с разговором, долгим подозрительным взглядом окинул темные углы айвана. Потом сказал полушепотом:

— Гаибназар у нас.

— Жив!— Мунаввар оперлась о столб айвана.— Сын жив!— Слезы выступили у нее на глазах.— Масло на язык принесшему добрую весть!— Она поцеловала племянника в лоб.

— Он был ранен, много крови потерял, еле до нас добрался. Мы позвали табиба, надежного человека. Сейчас ваш сын поправляется. Хотел сам прийти домой, но не решился.

— Хорошо сделал, что не приехал. В Хиве еще неспокойно. Ночами патрули ходят, обыскивают дома.

За чаем племянник рассказал Мунаввар все, что знал о Ганбназаре.

— Ох, сколько претерпел мой бедный мальчик, были бы крылья, полетела бы в Шихлар, обняла бы его,— утирая слезы, вздохнула Мунаввар.

— Скажете Сахибназару о брате?

— Сама не знаю, он служит у большавоев...

— Все же брат родной, своя кровь. Ганбназар ведь проберется к вам тайно — никто не узнает... Ну, мне пора. Зайду к вам спозаранку, узнать, что решили.

— За разговорами я ничего и не приготовила, да и поздно уже, может, останешься ночевать?

— Не могу, есть поручение от Ганбназара, не выполню — обидится.

Мунаввар проводила племянника до ворот. Теперь, когда она осталась одна, смутная тревога и недобрые предчувствия омрачили ее радость. Как никогда, она нуждалась в твердом мужском слове, в совете. Все прислушивалась, не идет ли Сахибназар, еле дождалась.

— Почему так поздно, сынок?

— Работы было много. Завтра отправимся в кишлаки, возьмем на учет дехкан, чьи дома сожжены басмачами. Их сотни, тысячи. Построим новые дома.

— Да ведь ты, сынок, в строительстве не разбираешься.

— Кирпичи буду подносить, глину месить...

— Мой мальчик, ты же у меня нежная душа, к такому труду не привычный, смотри не заболей.

Сахибназар улыбнулся.

— Мама, вы до сих пор считаете меня мальчиком. Завтра уеду рано, нужно собраться.

— Успеешь, сынок. Поешь сначала. Да и разговор есть.

— Разговор?

— Твой брат жив, ранен в руку. Он в Шихларе у моей сестры. Рашид только что у нас был...

Услышав такое, Сахибназар замер. Вот и объявился этот басмач, родной его брат. Как они будут глядеть друг другу в глаза, как разговаривать? Сахибназар не знал, что делать.

— Что задумался, сынок? Разве ты не рад, что брат живой вернулся? Он так тебя любил, маленького носил на руках.

— Все помню,— с болью заговорил Сахибназар,— любил меня, моими стихами заслушивался.

— Ну так почему ты в лице изменился?

— Да знаете ли вы, что он натворил! Был гостем, убил хозяина дома, бежал на его лошади к басмачам. Уже столько лет помогает Джунаид-хану, Матчон-туре. Мне все рассказали.

— Неправда! Твой брат никого не убивал. Он не пил молока — считал, что это доля теленка. Мухи не убил, и вдруг убьет человека?! Быть не может! Это придумали наши враги. Они ненавидят нас. Хуже всех Палван-бала — вот кто убийца, твоего отца убил.

— Мамочка, вы не знаете этого человека. Мне рассказали, как отец пытал его жену Джумагуль и велел палачу зарезать ее, как потом в бою ранил самого Палвана...

— Ну и пускай говорят. Сейчас речь о твоем брате. Завтра же отвези меня в Шихлар. Хочу видеть сына.

— Завтра чуть свет отправляемся в кишлаки. Нельзя мне оставаться в Хиве. Обманывать хороших людей не по совести.— Сахибназар помолчал, потом сказал тише:— Деньги мои у вас, братишка может достать арбу. Но лучше повремените с поездкой...

— Что?! Кому ты это говоришь? Матери, которая выкормила тебя своим молоком? Слабой беспомощной матери с истерзанной душой, у которой сердце кровью обливается! Теперь-то я знаю, чего стоят твои стихи. У тебя есть язык, но нет души.

— Говорят, один раз послушайся старшего, другой раз — младшего. Я не хочу вас учить, вы все сами хорошо понимаете. Гаибназар... нет, не знаю, сказать вам сейчас или нет...

— Скажи, раз начал, не останавливайся на полпути. Пришло слово, не жалей отца родного,— мать вытерла платком слезы.

Сахибназар глянул ей в лицо и, пересилив сострадание, заговорил:

— Я тоже ваш сын... И я советую... скажите брату: иди к руководителям нашей республики, покайся во всех своих преступлениях, проси прощения.

— Что! Своими ногами идти на смерть? Самому копать себе могилу?

— Не горячитесь, мама. Явившихся с повинной не казнят, может, даже простят, а то заключат в зиндан лет на пять, это срок небольшой, а потом он станет честно трудиться.

— Я не верю им.

— Кому «им»?

— Голодранцам... жующим сухари...

— Эти люди не хуже нас с вами, а хлеб на земле один. Те, кто не верил в революцию, теперь беспомощны, жалки.

— Сынок, ты продался большавоям. Если это услышит брат...

— Убьет, что ли? Я не боюсь смерти. Наши пути с ним разошлись!

Чуть свет Мунаввар разбудила своего младшего сына, четырнадцатилетнего Сарварбека, велела ему найти арбу для поездки в Шихлар и договориться с арбакешем о цене — в Хиве было не принято, чтобы женщины, имеющие мужа или взрослых сыновей, брали на себя такие заботы.

...Она вошла в дом со словом «бисмилла» и не заметила встретивших ее в далане родичей, споткнулась о порог, чуть не упала, ветром ворвалась в комнату, отшвырнула паранджу и бросилась к лежащему на одеяле сыну.

— Сыночек мой, благословен этот день, сколько лет ждала тебя,— прошептала она, обнимая Гаибназара и целуя в глаза.

— Как поживаешь, мама?— сдавленным голосом спросил Гаибназар.

— Сыночек мой, исхудал ты совсем, бледный, ни кровинки в лице не осталось...— Ей и верилось и не верилось, что этот, так не похожий на прежнего Гаибназара человек — ее сын.

— Почему Сахибназар не приехал?— как бы между прочим спросил Гаибназар, пытливо глядя на мать.

— Он не знает, что ты здесь, сынок, его отправили в кишлаки,— солгала Мунаввар, боясь, что брат проникнется ненавистью к брату, и как-то сама поверила в эту ложь.— Услышит, сразу приедет.

— Очень соскучился я по Сахибназару и младшим моим братишкам и сестренкам. Хотел сам домой пойти, навестить вас, да сил маловато. Много крови потерял...

— А сейчас лучше чувствуешь себя?

— Немного лучше. Спасибо тете, детям ее — хорошо встретили и ухаживали.

— Пока не выздоровеешь, буду здесь с тобой, потом увезу тебя домой.

— Не боитесь, мамочка?

— Чего мне бояться?

— Но ведь я...

— Ты мой сын. Буду хранить тебя как зеницу ока. Освободила балахану, там и будешь жить, никто не узнает.

— А Сахибназар не будет против? Не испугается? Ведь он печатает стихи в газете большавоев.

— Пока я жива, никто пальцем тебя не тронет. А насчет брата будь спокоен. Стихи печатают... ну и пусть печатают, чьих только стихов там нет. Вот увидишь, не сегодня-завтра сам Сахибназар войдет в эту дверь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Голые упругие ветви в ликующей синеве. Но опустишь глаза — и перед тобой сожженный кишлак, обуглившиеся черные балки крыш. «Пусть сожгли, разрушили,— хмуря брови, упрямо думает Сахибназар,— построим новый кишлак, лучше прежнего». И тут ему вспомнились слова Сахиби, услышанные в отрочестве: «Ничего нового не бывает, как нет и ничего старого. Это стало бы ясно всем, если бы время потекло вспять».

Однажды Шерназарбай привел Сахиби в свой дом и позвал сына: «Наш гость — почитаемый самим ханом поэт Сахиби. Он будет навещать нас и беседовать с тобой». Шерназарбай сказал «беседовать» вместо «заниматься», ибо не собирался платить какому-то там поэту. «Пусть скажет спасибо, что пустил его в свой дом. К тому же, Сахиби передо мной в долгу...»

Оставаясь наедине с Сахибназаром, ироничный и желчный Сахиби преображался: взгляд светлел, тихий голос звучал вдохновенно. Он обучил его не только искусству каллиграфии, что было особенно по душе Шерназарбаю, но и познакомил с бессмертными творениями Навои, Лутфи, с газелями и историческими сочинениями хорезмийцев Агахи и Муниса... Собственных стихов Сахиби не читал, разве что отдельные бейты — двустишия. Но однажды он показал Сахибназару свою только что сочиненную касыду, прославляющую Шерназарбая, высокопарную, вымученную, бесцветную. Просмотрев ее, Сахибназар молча отвел глаза в сторону. С того дня Сахиби перестал бывать в их доме. Вскоре после революции он умер, одинокий, всеми забытый. Сахибназар был одним из немногих, проводивших его в по-

следний путь. «Зачем вы прошли по миру, не оставив ему своих песен? Зачем попусту растратили свой дар?»— с горечью думал Сахибназар, торопливо шагая за погребальными носилками.

Нет, не Сахиби, а Аваз, объявленный ханскими палачами умалишенным, завораживал его своими газелями — простые люди пели их на улицах Хивы... Каждый раз, вспоминая Сахиби, он вспоминает и Аваза.

...Вот он, народ Аваза, исстрадавшийся, молчаливый, у своих клейменных огнем жилищ. Часа еще не прошло, как приехал сюда Сахибназар во главе отряда хивинских комсомольцев, а уже успел наслушаться такого, что и в страшном сне не приснится. Все семьи красноармейцев, всех, получивших байскую землю, истребили басмачи. Уничтожили всех без разбору, старых и малых, уцелели только те, кто успел спрятаться на кладбище.

Под весенним ликующим небом — смерть и разорение... «Ну что ж, пора залечивать раны, нанесенные стране такими, как мой брат». Сахибназар медленно зашагал к понуро сидящему на супе старику, остановился перед ним. Старик не шелохнулся. Пустой отрешенный взгляд, безвольно поникшие руки.

— Ата,— почтительно заговорил Сахибназар,— мы из Хивы, на хашар к вам пришли. Завтра привезут балки, оконные рамы, двери... Не уйдем, пока не восстановим кишлак. Помогите нам, укажите, кто может возглавить работу.

Старик словно не слышал его. Но вдруг он приподнял голову и протянул к Сахибназару вырвавшиеся из рукавов халата все еще крепкие и тяжелые, в сплетенных жилах, натруженные руки.

— Ты не ошибся, сынок, они немало построили и, оказывается, еще нужны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ученицы писали диктант. По классу плыл голос Якутай: «Мы будем защищать свою свободу».

Якутай подошла к окну и вдруг увидела в школьном саду Салиджана, односельчанина и друга Палвана,— он стоял у дувала весь в утренних лучах солнца.

«Мы будем защищать свою свободу,— медленно повторила Якутай, не отрывая взгляда от Салиджана.— Никто не заставит нас носить паранджу».

Едва прозвенел звонок, Якутай вышла в сад.

— Как здоровье, сестричка? Рад вас видеть.

— И я рада, Салиджан-ага.

Оба они разом ощутили, что это не простые слова. И хорошо было им в эту минуту среди голых ветвей, обласканных утренним светом.

Два месяца назад Салиджан был ранен у ворот Шахмардан в схватке с байскими сынками, пытавшимися впустить басмачей в Хиву.

— Вот, Якутай, выписали меня из больницы, залечили рану. Пришел в Политуправление: мол, так и так, здоров, отправляйте в Каракумы. Говорят: «После ранения положен отпуск, отдохни месяц дома». А я не хочу отдыхать, настоял, чтобы отправили политруком в отряд Палвана. Завтра еду. Готовьте письмо.

Якутай подумала: хорошо, что такой преданный человек будет рядом с Палваном, ведь они, как братья, с детства дружат.

— Лежал в больнице, перебирал в памяти, что на веку своем видел, а у вас тут такое дело начинается...

— Какое?

— Да национальное размежевание... Якутай, как вы относитесь к нему? В больнице думал, что это слухи, но в Политуправлении подтвердили: вопрос обсуждается. Правильно ли создавать новые советские республики?

— Не знаю, что и сказать... Мысль вроде неплохая. Взять нас, узбеков,— живем в разных республиках. Лучше бы нам сообща развивать свою государственность, культуру. Но если взглянуть с другой стороны, и узбеки здешние, и туркмены, и каракалпаки, и казахи — все они хорезмийцы. И в жизни их, отгороженных от других народов пустыней, свои особые черты, свои традиции — немало хороших, мудрых, от которых вряд ли стоит отказываться. Примерно так, я слышала, говорит и секретарь ЦК Каландар Адинаев. Он против размежевания. Но большинство наших руководителей придерживается иного мнения.

— А я думаю, размежевание необходимо. Туркмены, каракалпаки, казахи — все они рады только что обретенной автономии и высказываются за размежевание.

— Но ведь мы, Салиджан, выросли в многонациональной стране, имеющей тысячелетнюю историю. Если уничтожено угнетение, неравенство, зачем торопиться с размежеванием? Не лучше ли посмотреть, как пойдут дела в многонациональных республиках, а потом и решать этот непростой вопрос.

— Зачем же,— усмехнулся Салиджан,— откладывать на потом то, что лучше сделать теперь?

...И об этих своих сомнениях написала Якутай Палвану, добавив: «Наверно, так раздваиваются мои мысли от того, что я хивинка и боюсь, как бы не превратилась наша голубая Хива в провинциальный, далекий от столицы город — не к ней будет устремляться все новое, молодое, талантливое... И все же справедливость на стороне тех, кто за размежевание: Средняя Азия была разодрана ханами и эмирами на куски. Кто же, если не революция, даст каждому из ее народов возможность собраться воедино?»

Письмо получилось длинное, но было еще немало новостей, о которых Якутай хотела рассказать.

«Примерно месяц назад вернулись из Москвы Абдукарим Сафаев и другие руководители. В дороге он заболел. Доктор Машков советует лечь в больницу, но Абдукаримака в ответ только головой качает, мол, потом, потом... Он теперь подбирает вместе с Адинаевым и Абдусалямовым толковых решительных людей и отправляет их на места взамен прежних руководителей, убитых басмачами.

В этом году многие хорезмийцы собираются на учебу в Москву и Ташкент. Еще недавно боялись ехать, уговаривать приходилось, а теперь столько желающих, что всех, пожалуй, отправить не смогут. Страна разорена. Нам оказывают помощь, но вся она идет на то, чтобы восстановить разрушенное и накормить людей. Нет средств, чтобы поддержать хорезмских студентов в Москве и Ташкенте. Учат-то их бесплатно и стипендию дают, но все же нелегко им живется. А теперь еле наскребают деньги на зарплату нам, учителям.

Вы, Палванбай, как Рустам, которому судьба посылает все новые испытания. Ждущая Вас Якутай».

Она хотела было перечитать письмо, но пробежала лишь первую страничку, где рассказывала о матери и сыне Палвана, и рука ее сама потянулась к керосиновой лампе, пальцы осторожно прикрутили фитиль, пока не осталась тонкая полоска пламени, похожая на красноватый тлеющий уголек.

Разом потемневшая комната наполнилась ночным светом. И вместе с ним наплывало прошлое. Якутай охватило знакомое с детства ощущение чего-то теплого, родного, единственного.

Она росла сиротой. Мать умерла, когда ей не было и трех лет. Сколько раз, лежа в темноте с открытыми глазами, она чувствовала, что мать рядом — незримая, как дыхание. И Якутай силилась вспомнить ее — и не могла... Теперь-то она знает, какой была мать. Вернувшийся из ссылки отец навестил Якутай в больнице, осторожно взял раненую

дочь за руки, сказал сдавленным голосом: «О аллах, вылитая Фатима!»

Отец... Редко теперь видит его Якутай. Состарился, замкнулся этот добрый и гордый человек. С детства она впитывала каждое его слово, счастливая, замирала от прикосновения его суховатых ласковых рук.

Якутай улыбнулась в темноте. И тут ей вспомнился другой близкий человек — доктор Тимофей Осипович Машков, вспомнились его слова: «Представьте себе деревья с белыми, словно молоко, стволами. Это березы. От них бывает светло и в пасмурный день, и глухой осенней порой. Наверно, в душе каждого народа своя музыка. У нас, русских,— это шумящие на ветру березы».

За последние несколько лет Якутай прочитала немало русских книг из библиотеки доктора Машкова. И ни одна не затронула ее так, как небольшая книжка, которую доктор Машков протянул ей второпях с несколько даже виноватым видом.

То была повесть Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Была в этой книге какая-то неведомая сила, заставившая Якутай по-новому увидеть себя и людей, даже своего бывшего мужа Матчон-туру, разбойника и убийцу, которого она и вспомнить не могла без содрогания.

— Ну, что скажете, Якутай?— спросил доктор Машков, когда она возвращала ему аккуратно переплетенный томик.

— Я ведь и сама умирала,— тихо ответила Якутай.— Вы меня спасли, доктор... Жаль было бы, если б не прочла эту книгу.

— Так что же в ней особенного?— Машков пытливо заглянул в глаза Якутай.

Молодая красивая женщина, первой в Хиве сбросившая паранджу, до сих пор была для него загадкой, хотя он и знал ее, как знает врач своих пациентов, вырванных у смерти.

— Скажу, но только по секрету. Вы, наверно, меня поймете, вы ведь добрый человек, доктор,— Якутай улыбнулась одними глазами.— Я, признаться, задумалась: если бога нет, значит, канет моя жизнь в небытие. А вот умер Иван Ильич — и такое чувство, будто ушел он и остался. Оказывается, жизнь сильнее смерти. Гаснут искры костра, а огонь вечен.

— А я думал: вы над этой книгой заскучаете,— чистосердечно признался доктор.— Ну что общего у хорезмской

революционерки со смертельно больным чиновником, бездарно растратившим свое время? Ведь вы и ваши товарищи надеетесь: разгромите басмачей — и все сразу переменится.

— Нет, доктор, не сразу. Прошлое въедливо. К тому же есть и такие, кто куда опасней басмачей. Уже и в новых учреждениях немало их, угодливо гнущих спину. А разве тот, кто не уважает себя, станет уважать других?

«Справедливость на стороне тех, кто за размежевание. Средняя Азия была разодрана ханами и эмирами на куски. Кто же, если не революция, даст каждому из ее народов возможность собраться воедино?»

Так же, как Якутай, написавшая эти строки, думали многие хорезмийцы. Но, как у всего, пусть и благотворного, но непривычного, нового, у размежевания нашлись не только убежденные защитники, но и упорные противники. Его встретили в штыки панисламисты и вообще все «бывшие», лишившиеся богатства и привилегий,— размежевание хоронило их надежды на восстановление в Хорезме старых порядков...

Но против участия Хорезмской республики в национальном размежевании выступили не только они. Против были и некоторые люди, связавшие свою судьбу с революцией: ликвидация Хорезмской республики представлялась им непоправимой ошибкой. «В республике нашей,— говорили они,— уничтожено национальное неравенство, все ее народы теперь могут жить в мире и дружбе. За плечами Хорезма тысячелетняя история. Узбеки, туркмены, каракалпаки — все мы потомки хорезмийцев и сами хорезмийцы. Нам здесь не тесно. Если тепло под одним одеялом, стоит ли резать его на части?»

Мнения разделились и в самом ЦК Компартии Хорезма. Первый секретарь Адинаев то и дело откладывал обсуждение этого вопроса. Цель его была очевидна: он ждал ответа из Москвы на свое письмо, в котором обосновывалась необходимость исключить Хорезм из национального размежевания. А в том, что ответ будет положительным, Адинаев не сомневался — письмо, и это он взял на свою ответственность, было написано им от имени всего ЦК. Одновременно Адинаев старался внушить хорезмийцам, что республика останется в прежнем виде. По его настоянию ЦК партии незначительным большинством голосов принял постановление, запрещающее коммунистам поднимать в кишлаках и аулах какие-либо вопросы, которые затрагивают проблемы национального размежевания. За нарушение это-

го постановления предлагалось привлекать коммунистов к строгой ответственности, вплоть до исключения из партии.

— Хорезм вместе с Амударьинской областью,— утверждал Адинаев,— единый район, резко обособленный от остальной Средней Азии как географически, так и экономически. Отрыв от Хорезмской республики любой из трех ее автономных областей приведет к дезорганизации хозяйственной жизни края.

— Вы, товарищ Адинаев,— возражал ему второй секретарь ЦК Хансуваров,— извращаете идею национального размежевания: она преследует не нарушение экономического единства, а устранение причин национального антагонизма, создание наиболее естественных условий для социалистического развития народов Средней Азии. Поэтому ваше предложение оставить Хорезмскую республику в ее настоящем виде неверно.

— Неверно уже хотя бы потому,— поддержал Хансуварова член бюро ЦК Балтаев,— что мы должны учитывать ясно выраженное желание туркмен, каракалпаков, казахов выделиться из состава Хорезмской республики. И что же, хорезмским узбекам остаться в изоляции от узбеков ташкентских, бухарских, ферганских?

— Этот вопрос надо безотлагательно обсудить на расширенном заседании ЦК,— настаивал Председатель Совета назиров Турсунходжаев.

— Сагдулла, какой прок от лишних заседаний?— возражал ему Адинаев.— Вы долго работали в Бухаре, были там первым секретарем ЦК. Не скрою, бухарцам надо размежевываться...Но Хорезм — не Бухара. Его географическое и экономическое положение иное. Об этом я и написал в Москву. Я счел нужным поступить именно так. Вот увидите, мое предложение будет принято. Хорезм останется самостоятельной республикой.

— Послушайте, Каландар,— сказал Адинаеву Хансуваров, когда они остались наедине.— Я как старший по возрасту хочу посоветовать вам...

— Знаю, вы ученый человек, в Московском университете преподавали. Но условий Хорезма вы не знаете,— перебил его Адинаев, не отрываясь от бумаг и тем давая понять, что очень занят.

— Ваше отношение к членам бюро и вообще к членам ЦК нельзя назвать товарищеским. Вы навязываете им свое мнение по такому важному для судеб Хорезма вопросу.

— Да, я забочусь о судьбе нашей Хорезмской республики. Да, я против размежевания — оно нам не нужно,— резко ответил Адинаев.

— Но большинство придерживается иного мнения.

— О каком мнении вы говорите?! — вспылил Адинаев.— Скороспелое мнение, что недозрелая дыня...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Садвар, расположенный у восточной границы республики, несколько раз переходил из рук в руки. Агаджан-ишан упорствовал, не желая уступать красным свой город, где оставались еще люди, готовые его поддержать. «Нельзя дать большавоям укрепиться в Садваре»,— говорил он сотникам. А про себя думал: «Все тогда будет потеряно».

Вот и теперь ускользнувшие от преследования басмачи средь бела дня вихрем ворвались в Садвар. Небольшой отряд красноармейцев еще отстреливался на окраине города, а они уже согнали на базарную площадь народ и там, у всех на глазах, отрубили головы двоим только что прибывшим из Хивы комсомольцам.

«Слушайте, люди, и не говорите потом, что не слышали,— хрипло заорал сотник.— Власти большавоев в Садваре не бывать. Верных мусульман вознаградит аллах, а всех, кто примкнет к большавоям, ждет судьба этих коротко-хвостых».

В это время Агаджан-ишан находился в своей городской усадьбе. Подогнув под себя ноги, он сидел на супе возле пруда в тени ветвей. Не торопясь, пил чай, глядя из-под нахмуренных бровей на свой полуразрушенный дом.

— Оставьте меня одного,— сказал он своим мюридам, почтительно стоявшим в стороне.

«Каким был и каким стал этот дом... Из Дарганаты, из Чарджоу, из всех городов и кишлаков Хорезма приезжали люди, чтобы получить мое благословение, приезжали не с пустыми руками... Дарили овец, а бывало и коней, и верблюдов. Даже пир Джунаида — Хан-ишан — не был столь почитаем среди правоверных, завидовал мне.— Агаджан-ишан вздохнул, опустил голову.— Где теперь все, что было? Куда разбежались мои слуги?.. Мало убивать — надо живьем сдирать кожу с нарушивших священные установления аллаха...

Но как ни ярись, а признай — большавои сильны как никогда. Хочешь не хочешь, нравится тебе или нет, пора думать о примирении. Я — почитаемый мусульманин ишан,

большавои знают об этом. Они могут убить меня в бою, но судить и казнить меня не в их интересах. В моих руках Мадримбай и Сабирбай. Аллах простит, если выдам этих перебежчиков... Надо отправить в Хиву своего человека, надежного, сметливого, такого, что и в темноте нитку в игольное ушко вденет. Пусть жужжит в уши больших хакимов: «Народ Садвара устал от войны. Во всем виноваты Мадримбай и Сабирбай. Простим друг другу пролитую кровь. Агаджан-ишан говорит: «Нет власти, кроме как от бога», и готов подчиниться правительству». Да я и в самом деле устал метаться по пустыне. Нужна передышка. Обмануть врага не грех. Все дело в том, даст ли он себя обмануть... О аллах, помоги мне!»

К вечеру того же дня конники Миркамила Миршарапова выбили басмачей из Садвара.

— Скачи к Джуме, пусть преследует басмачей, кони у него не так устали. А мы выступим на рассвете,— сказал Миркамил своему адъютанту, спешившись возле горсовета.— Что, пленного, говоришь, взяли? Веди сюда.

Привязав коня под навесом, Миркамил подошел к пруду и, зачерпывая полными пригоршнями прохладную воду, умыл разгоряченное потное лицо.

«Ну и хитер ишан! Мы за ним гоняемся по пустыне, а он вдруг — раз, в Садвар! Конечно, кони у него один к одному. Не первый год рыскает по кишлакам, отнял у народа лучших коней.

Хорезмские кони! Поджарые, выносливые, привычные к зною и холоду. И в мареве усталым бойцам всадники-басмачи порою кажутся привидениями...»

Миркамил нахмурился: «Пора кончать с этими привидениями».

Миркамил Миршарапов не имел военного образования, но в свои двадцать пять лет успел многому научиться на фронтах гражданской войны. Когда в 20-м году потребовалось послать в Хорезм толкового деятельного командира, Фрунзе остановил свой выбор на нем.

Общительный, с открытой душой, Миркамил быстро стал среди хорезмийцев своим человеком, крепко сдружился с Палваном, Ахмеджаном Ибрагимовым, Матназаром Худайназаровым и многими другими командирами и бойцами, принял хорезмское подданство и был назначен военным назиром республики. Должность эта звучала громко, но сама хорезмская Красная Армия была невелика — не более трех

тысяч, включая необученных новобранцев. За год он сумел почти вдвое увеличить ее численность. Сроднившись с народом Хорезма, он остался верен ему навсегда. Здесь, в Хорезме, прошли самые светлые дни его жизни. Здесь он узнал любовь...

Миркамил глядел на золотистую от закатных лучей гладь пруда, на ощетинившиеся обрубленными ветвями старые гуджумы.

Дом, в котором размещался горсовет, до революции принадлежал богатому баю, близкому родственнику Агаджана-ишана. Надеясь, что власть в Хорезме переменится и дом отойдет прежнему владельцу, Агаджан-ишан не предал горсовет огню. А гуджумы — кто о них тогда думал, не до них было...

Гуджумы Хорезма, одинокие исполины, дарящие спасительную тень. Кто только не рубил вас в эту беспощадную пору, каких только речей не слышали вы на своем веку!

Привели пленного.

Басмач в длинном не по росту чапане был какой-то маленький, жалкий, поникший. От него несло едким запахом пота.

Миркамил брезгливо отодвинулся, спросил:

— Как звать?

— Пирмат, сын кузнеца Атаджана.

— Откуда родом?

— Садварский я...— потупясь, ответил басмач.

Голос показался Миркамилу знакомым, он шагнул к пленному и вдруг заметил багровый рубец над его бровью — сабельный след.

— А ну-ка, подними голову!

Глаза их встретились.

— Хасан?!— Миркамил схватил его за плечо.

Пленный вздрогнул и не ответил. По щеке его медленно скатилась слеза.

— Хасан?— все еще не веря своим глазам, повторил Миркамил.

Это был красноармеец-татарин, во время сабельной атаки под Иолли спасший Миркамила от верной смерти.

— Хочешь пить?— Миркамил протянул пленному свою флягу. Хасан схватил ее двумя руками, запрокинув голову, приник к воде пересохшими губами. Как поршень, заходил, перекатываясь под кожей, кадык. Миркамилу вдруг вспомнились валявшиеся на базарной площади в луже крови отрубленные головы комсомольцев.

— Зачем ты убил молодых ребят, там, на базаре?

— Я их не убивал.

— Допустим. Но что у тебя общего с ишаном? По чьему приказу ты затесался в его банду? — с надеждой в голосе спросил Миркамил.

— Не было приказа. Я сам... Товарищ командир...— начал он и осекся.

— Так, так... Красноармеец, татарин, если не ошибаюсь, ургенчский, примкнул к басмачам. Ну что, басмачи тебе доверяют?

— Коновод я у них.

— Коновод? — оживился Миршарапов.— А скажи, есть у ишана запасные кони?

— Три сотни коней на дальнем выпасе, у колодца. Миркамил и его адъютант переглянулись.

— Значит, теперь ишан туда направился?

— А куда же еще!

— Хорошо, Хасан, я тебе верю. И ничего не забыл. Но как ты попал к калтаманам?

— Как? Женился на узбечке из Садвара. В декабре прошлого года эскадрон наш стоял под Хивой, неподалеку от Тазабага. Там меня разыскал родственник жены. От него узнал: моего первенца-сына и жену схватили люди Агаджана-ишана. Если не привезу выкуп — ящик патронов, их зарежут. Весь род жены истребят... Привез выкуп. Семью отпустили, а меня...

— Ты принимал присягу? — резко спросил Миркамил.

— Да... В Хиве на военном параде. Вы сами читали ее, а мы, красноармейцы, стояли в строю и повторяли ваши слова.

— Повтори их, если не забыл.

— «Я, сын трудового народа Хорезма,— начал Хасан хрипло, будто его душили,— принимаю звание красноармейца, защитника бедняков и дехкан. Перед лицом трудящихся всего мира клянусь свято беречь честь Красной Армии...»

— Знаешь, кто ты? — шепотом спросил Миркамил. Пленный молчал.

— Сволочь ты, чадолюбивая сволочь... А ну, забирай жену и сына — и вон из Хорезма!

— Куда?

— Куда глаза глядят.— Лицо Миркамила побагровело. — А попадешься — расстреляю.

Третьи сутки басмачи уходили от преследования.

— Кажется, мы оставили их далеко позади,— сказал Мадримбай. Он и Сабирбай ехали рядом с Агаджаном-ишаном.

— Да, похоже, красным нелегко нас теперь догнать,— помедлив, ответил ишан.— Но все же успокаиваться рано. Собака Миршарапов настойчив.

— Ага, кони устали, может, дадим им ночью отдохнуть, а чуть свет двинемся дальше,— обратился к Агаджану-ишану один из стариков.

— Нет, нет, красные могут нас догнать,— тотчас возразил Сабирбай.— А их вдвое или втрое больше...

Агаджан-ишан и сам видел, что кони идут из последних сил. Но страх гнал вперед.

— Сардор, если мы в эту ночь не дадим отдохнуть коням, потеряем все,— решительно сказал сотник.

Агаджан-ишан взглянул на багровое, долгий день светившее солнце. Скоро закатится — и сразу ночь. Самое время устроить привал... Ему казалось, что красные далеко, вряд ли стоит оставлять позади заслон, да и какая надежда на него — разбегутся, проклятые...

— Немного передохнем и двинемся в путь,— сказал он.

Как только Агаджан-ишан произнес эти слова, ему и сотникам начали ставить юрты, а остальные басмачи, дав коням корм, улеглись на песке.

...Сотник и Мадримбай сразу уснули, а Сабирбаю не спалось. «Странно,— думал он,— до сих пор ишан приказывал ставить нам отдельную юрту, а теперь ни на шаг не отпускает от себя, ночуем в юрте его сотника, возле которой все время стоит часовой. Что бы это значило? И сотник хромой с нас глаз не сводит. Завтра тайком, чтоб не услышали, поговорю с Мадримбаем. Ишан коварен, кто знает, что у него на уме. Надо, не дожидаясь худшего, бежать, пробираться к афганской границе. Путь опасный и долгий, но другого выхода у нас нет... А может, сегодня, пока не поздно... Э, разве втолкуешь сейчас что-нибудь обалдевшему от страха Мадримбаю. О аллах, человека, на которого так надеялся, приходится опекать как ребенка. Бежать одному? Одному в пустыне делать нечего, погибнешь».

Сабирбай взглянул на неровный красный зубец керосиновой лампы, тяжело поднялся и выбрался из юрты.

Было так темно, что он не увидел своего коня, стоявшего совсем рядом. Узнав хозяина, конь заржал. Сабирбай шагнул к нему и тут заметил часового, разжегшего костерок, чтобы вскипятить чай. «Будь ты проклят, сын дьявола!» — выругался Сабирбай и поспешил к часовому.

— Почему ночью разводите костер? В пустыне огонь виден издалека. Ну-ка, брат, тушите быстро.

— Хорошо, ага,— часовой нехотя забросал песком костерок.

Сабирбай присел на корточки рядом с часовым.

— Давно воюете? Жена, дети есть?

— Есть!— выдохнул тот с отчаянием и, помолчав, спросил:— Когда же Джунаид-хан выручать нас придет?

— Скоро,— рассеянно ответил Сабирбай, вспомнив, что этой ложью Агаджан-ишан старается подбодрить своих нукеров.— Очень скоро,— повторил он и усмехнулся в темноте.

Обойдя еще несколько постов и удостоверившись, что посланные в караул бодрствуют, Сабирбай вернулся в юрту. Хромой сотник и Мадримбай спали как убитые. Сабирбай прилег на свое место, но на душе было неспокойно. «Сон и смерть — брат и сестра»— не зря так говорят. Может, еще раз проверить часовых? Нет, надо беречь силы, впереди трудные дни... Спать, спать... Есть люди, им дан приказ быть начеку. Они свое дело знают».

Сабирбай поворочался с боку на бок и закрыл глаза.

Темная каракумская ночь. Бойцы Миршарапова движутся к дальнему пастбищу.

Черные барханы горбятся, как безумные грозные дивы,— кажется, вот-вот навалятся, раздавят... И словно вырываясь откуда-то из-под земли, раздирает тишину и разносится в просторах ночи гнусавая спевка шакалов — не то плач, не то хохот.

«Хоть бы огонек вдали,— Миршарапов напряженно всматривался в темень. Но ничего не говорило о близости басмачей.— Неужели напрасно мучаю бойцов и коней — второго такого перехода они не выдержат. Неужели Хасан обманул меня, и ишан, воспользовавшись темнотой, свернул куда-то в сторону... Ну, нет! На сей раз от нас не уйдет!»

Откуда-то издалека ветер донес чуть различимое ржание коней.

— Слышишь?— спросил Миршарапов ехавшего рядом с ним Польгова.

— Да,— тихо ответил тот.— Успеть бы до рассвета.

— Передай всем, чтобы не переговаривались и не закуривали,— распорядился Миршарапов.

Ехали долго. Тишина. Стих даже вой шакалов. И вдруг где-то впереди, совсем близко, заржал конь.

— Прикажи своим бойцам спешиться,— шепнул Миршарапов Польгову,— пусть идут за нами

Действуя быстро и бесшумно, красноармейцы сняли часовых, связали руки и ноги, а тех, кто сопротивлялся, прикончили. И все же кто-то из басмачей успел выстрелить...

В юрту Агаджана-ишана первыми ворвались Миршарапов и Польгов. Она была пуста.

В ту ночь многих басмачей взяли в плен. И прямо из пустыни под усиленным конвоем в Хиву увезли Мадримбая и Сабирбая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Нет хивинца, который не знал бы Аллакулибая, тучного, лет пятидесяти, с бычьей шеей и следами оспы на лице. Прежде он держал кучкаров — бойцовых баранов, и самого его, похожего на своих свирепых огромных кучкаров, люди побаивались. И, однако же, молва о нем шла добрая: щедрый, участливый к страданиям бедняков, совсем не похож на жадюгу Ялманбая. Год за годом Аллакулибай старательно поддерживал эти слухи, не давал им заглохнуть: в каждый хаит жертвовал мечети барана. Встретит бывало зимой на улице оборванного жалкого старика, поцокает языком:

— Ай-яй, ата, плохо живется вам, и не говорите — сам вижу. Если не позабочусь о вас, кто позаботится... Эх, люди, люди... Вот вам деньги, ата, а теперь идите в мой магазин и купите себе стеганый халат.

— Да продлит аллах ваши дни, ага! Да возблагодарит он вас за доброту!— с чувством произносит ошарашенный бедняк, еще не совсем веря, что все это наяву и в руке его зажаты серебряные монеты.

Купит он халат и будет день за днем рассказывать встречным и поперечным о благодетеле бае. И если накопит кто из бедняков деньги на обнову, минуя все магазины и лавки, бежит к Аллакулибаю.

— У вас, Аллакулибай, хорошие приказчики,— с завистью говорят конкуренты.— Даже самого что ни на есть последнего покупателя не упустят.

— Хорошие, хорошие,— посмеиваясь, вторил им Аллакулибай.

Хитер, изворотлив.

И теперь вот, когда у многих хлопкозаводчиков и купцов отобрали заводы и магазины, когда, подрубив под корень ростовщичество, правительство признало недействительными все долговые расписки, нет-нет, да и явятся к Аллакулибаю люди вернуть долг. А приятелю его, богачу Ялманбаю,

никто долги не отдает, как ни корит он своих должников, как ни проклинает их.

Очень они несхожие, Аллакулибай и Ялманбай, и живут по-разному, и разговаривают так, будто то и дело ссорятся, а друг без друга не могут.

Весть о том, что схвачены Мадрибай и Сабирбай, распространилась по Хиве.

Ялманбай поспешил к Аллакулибаю.

— Вы слышали новость?— начал он прямо с порога.

— Слышал, слышал,— отдуваясь, ответил Аллакулибай, опустошивший целое блюдо жареных пирожков и теперь принявшийся за пельмени с яйцами.— Присаживайтесь,— он указал на почетное место и с ног до головы окинул взглядом худого жилистого Ялманбая.

Тот забегал глазами по сторонам.

— Да вы садитесь, ешьте и выкладывайте, с чем пришли. Никого в доме нет. Жены ушли навестить родственников, а слуги — где они теперь?

— Неужто и Матёз ушел? Что-то я давно его не вижу.

— Матёз в Красной Армии.

— Ах да...— Ялманбай понимающе кивнул и устроился за дастарханом, поджав под себя длинные ноги.

Рядом с разодетым в шелк и бархат хозяином дома гость в своем поношенном, хотя и чистом чапане казался нищим. А между тем это были люди и поныне владевшие немалым капиталом. Оба они были связаны с «Молодыми хивинцами», многие из которых после самороспуска этой партии вступили в Компартию Хорезма. Но еще тесней хозяин и его гость были связаны с Джунаид-ханом. Одним словом, считали себя застрахованными на все случаи жизни... Но случилось такое, чего они меньше всего ждали: ни в ЦИКе республики, ни в правительстве не осталось близких им людей, а Джунаид-хан был наголову разбит.

— Что теперь будет?— спросил гость, отпив глоток чая.

— Да вы ешьте, а уж потом о деле,— с раздражением в голосе ответил хозяин и принялся с жадностью поглощать пельмени.

Гость тоже приличия ради отведал пару штук и по привычке стал собирать крошки с дастархана.

— Эх вы,— начал Аллакулибай, отрыгивая,— а еще баем называетесь...

— Красным баем,— поправил гость.

— Что вы дрожите?! И клочка бумаги с нашей подписью у них нет, вы, дружище, правильно с самого начала

мне посоветовали: на бумаге никаких следов своих не оставлять. Но на все божья воля...

— Если б дело было только в этом...— вздохнул Ялманбай.— Те, что вчера сгибались под тюками, стали хозяевами жизни, а нас, настоящих хозяев, запугали, лишили всех прав. Мышь скребется — и то боимся...

— Один боится, а другой...— усмехнулся Аллакулибай.— Не понимаю я большавоев: кто дрова собирает в пустыне или корзины плетет — трудящийся, а я, который всю жизнь деньги собирал, деньги делал,— паразит. А ведь не потрудишься — не заработаешь. И чем же деньги хуже другого товара? Берите с меня налог, но дайте трудиться — ведь в конституции записано право на труд.

— Читать надо газеты,— наставительно заметил Ялманбай.— Там все сказано: за капитализмом идет социализм.

— Пока не обезножит...— буркнул Аллакулибай и, придвинувшись к гостю, шепнул:— Джунаид-хан прорывается в Иран, а Матчон-тура уже здесь не слишком далеко от Хивы. Деньги ему нужны — червонцы.

Ялманбай отвел глаза в сторону.

— Вы что, надеетесь, я один буду вкладывать деньги в такое рискованное дело?— изумился Аллакулибай.

— Сомнительное...— поправил его Ялманбай, почесывая шею.

— Что верно, то верно... Только другого выхода у нас нет.

— Что ждет голову, глаза увидят,— мрачно заметил гость, думая о своем.— Меня больше всего тревожит Ахмад-урус.

— Махмудов? Урус этот? Собака, что он может нам сделать? Его, безбожника, и отец родной проклял. Да... многих почтенных людей разорил, реквизировал золото, драгоценности... И этого мало ему — замахнулся на вакуфы. Аллах его и покарал. Был Ахмад-чека, стал Ахмадникто. Свои же товарищи из партии его выгнали, стал, как мы с вами, беспартийным.— Аллакулибай расхохотался, но лицо гостя оставалось мрачным.

— Не пойму, почтенный, чему вы радуетесь? Этого Ахмада-уруса в Москве оправдали, восстановили в партии. Теперь он снова в Хиве. Пока на какой-то неприметной работе. Но у него полно друзей среди власть имущих, особенно среди этих, в ЧК. Того гляди снова вознесется — сами

знаете, у нас здесь все возможно. И случиться это может скоро. Тогда уж не жди от него пощады!

— Да ведь жалобу, обвинявшую его в грабеже и изнасиловании, мы с вами не подписывали.

Гость быстро взглянул на хозяина.

— Да, не подписывали. Но не думаете ли вы, что теперешний Ахмад-урус глупее, чем мы с вами. Говорят же: бойся волка, побывавшего в капкане.

Баи надолго замолчали.

— Так что будем делать?— растерянно спросил Аллакулибай.

— Об этом и я думаю. Надо натянуть Ахмаду-урусу на голову такой колпак, что и не снимет, да сшить его, чтоб шов незаметен был... Знаете ли вы, что в Хиву снова прибыл большой хаким, большавой Бройдо, ну, тот русский посол при Палязе-хаджи. Хорезмская республика от СССР большую помощь получает, и от нее надеются что-то получить. Бройдо, конечно, будет расследовать, почему столько народу пошло за Джунаидом, как власть допустила такое. Посудите сами: в России гражданская война давно окончилась, нэп, деловые люди, такие, как мы с вами, из одного червонца десять делают. Значит, нужно там большавоям, чтобы все своим делом занимались, для себя старались — так-то оно вернее. Народ ведь кормить, одевать надо. Наобещали-то ему много. А чем голый зад прикроешь, если в Фергане — басмачи, в Бухаре — басмачи, а здесь — и подавно. Где хлопок брать? Вот и возьмется Бройдо за наших. На Мадримбая, Сабирбая всего не свалишь. Найдет и других виновных... Тут-то самое время подать жалобу на Махмудова — да так, чтобы вся Хива о ней знала. Дескать, как же это так: насильник, грабитель вернулся в Хорезм, как будто ничего и не было; живет себе припеваючи, стал хакимом. Те люди, что подписывали прежнюю жалобу, родственники хана, туры и верные их слуги, охотно подпишут и новую. Мы с вами, сами понимаете, должны остаться в стороне... Вся загвоздка в том, кому поручить это дело.

— А тут и думать нечего,— оживился Аллакулибай.— Конечно же, Назирбаю Шалкарову. Ему этот Ахмад-урус как кость в горле — ведь это Ахмад-урус добился, что его выгнали из правительства, в тюрьму тогда заперли. А Назирбая вы знаете. Уж если кого ненавидит, ни перед чем не остановится. А кого он ненавидит больше Ахмада-уруса!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Мать, а ведь брат не пришел,— сказал Гаибназар с упреком. Рана его уже заживала. С каждым днем он становился все нетерпеливей, резче, требовательнее. Мунаввар, как могла, старалась успокоить своего первенца.

— Сынок, их послали не на пять-десять дней, говорят, они будут восстанавливать сожженные кишлаки, может, пройдет месяц, а может, и все два.

— Больше надо было жечь проклятых. Всего четыре года этой революции, а как люди быстро меняются. Учитель, комсомол, большавой... Не сразу всех перестреляешь.

Мать хотела спросить: «Сын, ты тоже убивал людей, жег кишлаки?» Но он и не собирался скрывать это.

— В Пишканике Матчон-тура велел мне проучить позарившихся на его землю. Собрали их, связали веревкой, заперли в доме, плеснули керосина и подожгли. Чего их жалеть! Убивая большавоев, я мщу им за отца. Жаль, раба Палвана не смогли поймать... Нет, мало его убить — живым бы содрать с него шкуру.

Гаибназар рассказывал о своих делах, все больше распаляясь, глаза его наливались кровью.

— Сынок, подави в себе гнев. Как соль разъедает рану, так гнев — душу. Вспомнил о прошлом — и хватит. На, поешь каймак. Хорошо, что родичи перевезли тебя подальше от людских глаз, к хранителю святой гробницы Хаджи-ишану. А то узнай кто-нибудь, мог бы и донести Советам.

— Вылечусь, отблагодарю Хаджи-ишана. Хочу, мама, в город, домой. Соскучился по братьям и сестрам. Вы говорили, что приготовили для меня место на балахане...

— Приготовить-то приготовили, но ты не готов, сынок, рана только начала заживать. Поживи еще немного здесь.

— Говорите правду, брат Сахибназар будет недоволен, если я приду домой?

— Откуда мне знать, сынок. Поговорить с ним о тебе не могла. Но дом мой. Если уважает мать, ни слова тебе не скажет. Двадцатый год ему пошел, и ни разу,— Мунаввар опустила глаза,— не ослушался меня.

— Мать, каждый день снится мне покойный отец, он говорит: отомсти за меня Палвану. Мне надо скорей вернуться в Хиву, найти там своих друзей, вместе будем карать продавшихся шайтану!

Уже давно братья и сестры ждут Гаибназара, но его все нет. И сегодня Мунаввар поднялась на балахану, еще раз

оглядела расстеленные для сына ковры, сложенные на сундуки одеяла. И сегодня она приготовила для него ужин. И хотя давно уже стемнело, не спешит закрывать калитку.

Мунаввар прислушивалась к каждому шороху, и вот уловила еле слышный скрип калитки.

— Сынок, никто тебя не видел?

— Нет. Хорошо, что не заперли калитку.

— Сын, еще не все успокоилось, все время кого-то ищут, высматривают, выслеживают... Нужно быть осторожным.

— Верно говорите, мать. Пока надо затаиться, сидеть тихо, как мышь. Братики мои уже уснули?

— Давно уже... Утром увидишь. А сейчас поешь и ложись.

Гаибназар весь превратился в слух, все ему чудилось, кто-то подходит к воротам — будто он не в своем доме.

Постепенно он успокоился. С удовольствием съел горячие пельмени и не спеша пил кок-чай из тонкой фарфоровой пиалы с золотой каймой (эти пиалы в доброе старое время привез с Макарьевской ярмарки и подарил отцу сосед, купец Ялманбай).

Чувствуя на себе преданный взгляд матери, Гаибназар жадно вдыхал запахи родного крова, впитывал его вечерний покой. Глаза его скользили по хорошо протопленной, дышащей теплом изразцовой печке.

— Дороги дрова нынче? — рассеянно спросил он мать.

— Дороги, сынок, все сейчас дорого... Кишлаки-то разорены. Но, слава аллаху, голода, холода не ведаем. Сахибназар зарабатывает, новые деньги приносит, да и не все у нас отняли, — добавила она чуть слышно. — Золото припрятано...

— Как же удалось вам его утаить, мама? А я слышал, этот голодранец Ахмад-чека золото, как пес мясо, чует и под землей.

— А вот не учуял, — не без гордости ответила Мунаввар. — Как видишь, детей своих не дала разорить, пустить по миру!

— А это что? — спросил Гаибназар, глядя на стопку газет и журналов, лежащих в стенной нише.

— Стихи твоего брата.

— Стихи? — Гаибназар нахмурился. — Выходит, прав был Матчон-тура.

— Сынок, это не должно тебя волновать. Такое время...

— Матчон-тура говорил, что перо опасней винтовки. Ваш сын превратился в певца кяфиров.

— Оставь, сынок. Разве плохо, если брат твой стал поэтом и люди полюбили его.

— Пусть пишет стихи, но не такие...— Гаибназар поднялся, подошел к нише, брезгливо двумя пальцами взял в руки газету «Солнце революции».— Вот, полюбуйтесь!— Задыхаясь от ярости, он прочитал матери стихотворение Сахибназара «Героям».— Красноармейцев он называет героями, а воинов ислама — головорезами. Он продался кяфирам.

— Не горячись, сынок. И ты мне сын, и Сахибназар тоже. Вы — мое сердце, свет моих глаз, моя сила, опора жизни моей.

— Да он своими стихами кидает камни в меня, в отца... Скажите, как назвать того, кто поднял руку на отца и брата?

Мунаввар не ответила, молча ушла к себе.

Весеннее солнце сверкает на минаретах. Цветет над узкими улочками голубое небо. Хива! Родная Хива!

Спустя полтора месяца Сахибназар снова здесь. В свои двадцать лет он никогда так надолго не отлучался из дома. Похудел, возмужал, налился силой, ладони стали жесткими, мозолистыми. Трудная, но замечательная работа — строить. Многому научился, пока помогал дехканам восстанавливать сожженный кишлак.

Не чувствуя под ногами земли, словно на крыльях, спешил Сахибназар к отчему дому.

Широко распахнув ворота, он ворвался в далан, и сразу к нему кинулись братья, сестры. Расцеловав их, Сахибназар спросил:

— Где мама?

— На балахане. Гаибназар приехал, она у него.

— Гаибназар?!

— Да, уже десять дней он там живет. На улицу не выходит, никому не показывается.

Сахибназар задумался: «Значит, не послушался моего совета, не явился с повинной, скрывается... Под одной крышей со мной, только что принятым в комсомол, мой брат — басмач, убийца». Тут он увидел мать, спускавшуюся по лестнице с балаханы.

— Сахибназар, милый! Слава аллаху, вернулся! То-то расшумелись младшие... Скучали они без тебя,— мать обняла его. В это время раздался голос Гаибназара, вышедшего из своего убежища.

— Чего это ты так отощал? Здорово, видать, работал.

— Строили дома на месте сожженных.

— Строили дома бродягам? А это еще что за пакость?— хмуро спросил Гаибназар, глядя на газету в его руке:— Певец большавоев, еще стихотворение о героях написал?

— Нет, не о героях — о предателях.

— Догадываюсь, что ты там сочинил.

— Да вы поздоровайтесь как братья,— растерянно произнесла Мунаввар.

— Поздороваемся, успеем,— отмахнулся Гаибназар.— Скажи, брат, что с тобой происходит? Тех, кого ты называешь предателями, авторитетные люди называют настоящими мусульманами. Понял, чернилоед?

Разгневанный Сахибназар хотел было сказать: «а ты — людоед», но взял себя в руки, промолчал. А Гаибназар еще больше распалялся:

— Зарабатываешь деньги, называя предателями воинов ислама? Знай, ты сам предатель! Был бы жив отец, за эти стихи он проклял бы тебя.

— Сынок, Гаибназар, вы же родные! Почему ты кричишь на брата. Не дай бог услышат соседи...

— Это — мой брат? Нет! У него другая кровь. Обижает дух отца... А вы чего здесь торчите!— прикрикнул Гаибназар на младших братьев и сестер.— Живо идите займитесь своим делом. А то вырастете и будете такими же малоумными. А ну, сгиньте с глаз!

— Почему вы гоните младших?— возмутился Сахибназар.— Это их дом. Я только что вернулся, и мы не успели как следует поздороваться, поговорить.

— Что, я уже не имею права на этот дом? Вы — хозяева, а я — чужой?! Смотри, и тебя выгоню, чернолобый. Этот дом отец построил для меня. А ваш забрала власть. Идите спросите у нее. Те, кого ты хвалишь в своих стихах, все у нас отняли!

Сахибназар видел, что брат уже не владеет собой. «Надо с ним поговорить с глазу на глаз»,— решил Сахибназар и обратился к младшим:

— Идите немного погуляйте.

— А он будет вас ругать? Нет, не уйдем!

Вмешалась мать:

— Не мешайте старшим братьям, идите играйте. На ужин позову.— И выпроводила детей.

Не находя на ком еще сорвать зло, Гаибназар накинулся на мать:

— Это вы виноваты, вы родили такое ничтожное существо.

Со слезами на глазах Мунаввар вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь.

Сахибназар видел, как сильно изменился, одичал брат, ненавидит всех. Говорить с ним трудно, а договориться, наверно, даже и невозможно. Но все-таки стоит попытаться, ради матери.

— Брат, какой прок от крика и ругани. Говорите спокойней,— сказал он, приглашая Гаибназара на тахту.

И вот они вдвоем, лицом к лицу, испытующе смотрят в глаза друг другу.

— Помнишь,— заговорил Гаибназар хрипло,— я мечтал, что мы с тобой станем первыми людьми в ханстве: ты — главным визирем, я, как наш отец, ясавулбаши. Большавои помешали сбыться этой мечте. Но власть их недолговечна.

— Зря так думаешь.

— Нет, Сахибназар, я знаю, что говорю. Одумайся. Вспомни, чей ты сын. Прекрати свою писанину. Займись торговлей, ты умный, грамотный. Или иди в медресе. Там и переждешь это смутное время. А потом придут наши...

— Джунаид-хан и Матчон-тура разбиты, Мадримбай схвачен, и остальных не сегодня-завтра поймают. Кто же придет?

— Не считай сырые пельмени. Даже если и убьют Джунаид-хана, останутся верные ему джигиты, будут мстить советской власти. Ты ведь родной мне, потому и говорю. Как бы ни хвалили тебя большавои, все равно для них ты сын Шерназарбая. Чернь и знать никогда не будут заодно.

В голосе Гаибназара зазвучали заботливые нотки. Он заговорил тихо и даже снисходительно, как старший с набедокурившим мальчишкой.

— Я и сам воин ислама. Если не послушаешься моих советов,— Гаибназар вперился в брата тусклым свинцовым взглядом,— сам справлюсь с тобой, выну из тебя душу.

— Вы все сказали, брат?

— Все. Или тебе этого мало?

— Нет, достаточно. А теперь послушайте меня: дело ваше проиграно, народ отвернулся от вас. Бандиты, хоть и прикрываются исламом, все равно остаются бандитами. Мой вам совет: пока не поздно, сдавайтесь властям. Повинную голову меч не сечет.

— Что ты говоришь, несчастный!— Гаибназар вскочил.— Идти на верную смерть? Ты что, решил донести в ГПУ?

— До этого еще не дошло, у вас есть время подумать...

Темными вечерами Гаибназар осторожно спускался с балаханы, чуть приоткрыв калитку в воротах, долго вслушивался, всматривался — нет ли кого на улице — и, убедившись, что она пустынна, крадучись шел к своим приятелям, так же, как и он, скрывавшимся у родичей и верных людей.

До сегодняшнего разговора с братом Гаибназар хоть и не решался лишний раз выбраться из своего убежища, но в общем-то чувствовал себя в безопасности: кому там в ГПУ или ЧК придет в голову, что он, сотник Гаибназар, правая рука Матчон-туры, скрывается у них под самым носом?! Но теперь настроение Гаибназара круто переменилось. «От этого брата-предателя всего можно ждать. Сегодня говорит —«до этого еще не дошло», а завтра приведет красных аскеров. Что же делать? На кого опереться?»

День казался Гаибназару бесконечным. Этим вечером он не пошел к дружкам, а прошмыгнул в темноте к воротам купца Ялманбая, давнего приятеля своего отца.

Ялманбай долго не открывал, наконец, со двора донеслось чуть слышное шарканье.

— Кто?

— Я, бай-ата, я — Гаибназар.

— Сейчас, сынок,— старик впустил его в дом, провел в гостиную, усадил за дастархан.— Почему редко заходишь, Гаибназар? Дома наши почти рядом...

— Все равно выходить на улицу опасно.

Ялманбай приподнял лампу и испытующе взглянул на гостя.

— Что случилось?— спросил он без лишних слов.

— Лучше и не спрашивайте. Сахибназар велит мне явиться с повинной.

— Не слушай этого мерзавца.

— Как не слушать, он меня прямо предупредил: «Если не сдадитесь властям...»

— Да, не зря говорят: «Братья, ставшие врагами, забыли своего отца».

— Знаю,— уныло ответил Гаибназар.

— Да, сейчас твое положение трудное. Если сдашься советской власти, тебя приговорят к смерти или посадят лет

на десять в зиндан. А если не сдашься, родной брат Сахибназар, предавший дух своего отца, предаст и тебя.

— Что посоветуете, бай-ата?

— Кто бы ни поднял на тебя руку,— сломай ее. Не прощай измены и брату родному,— в голосе Ялманбая звучало сочувствие, он говорил так, словно поучал сына.— Другого выхода нет.— Ялманбай пытливо посмотрел на задумавшегося Гаибназара.

— Но ведь своя кровь...

— Что делать, раз аллах ниспослал тебе такое испытание... Потом спрячься у надежных людей. Конь-то у тебя есть? Нету. Коня я тебе дам. Никому не говори, что встречался со мной, бери деньги, пригодятся. Если не будем поддерживать друг друга, склюют нас большавои, как воробьи зерно.

— Мне бы...— Гаибназар не договорил.

— Понимаю, понимаю,— с сухим дребезжащим смешком произнес Ялманбай и поставил на дастархан бутылку водки.

...Гаибназар вышел на темную улицу покачиваясь.

«И чего это я всех боюсь, дрожу, как заяц?— гневно спрашивал он себя.— Убивал кяфиров и буду убивать!»

Сахибназар вернулся поздним вечером. Брата не было. «Где-то бродит...»— подумал он и, наскоро поужинав, закрылся в своей комнате. Сегодня он решил переписать набело стихи, сочиненные в кишлаке. Но с одного раза это не удалось: какие-то слова показались ему неточными, блеклыми, и он увлекся работой, радуясь каждому новому верному слову.

...На низком столике ровно горела керосиновая лампа, высвечивая страницы, испещренные убористой вязью, и в полумраке узкой комнаты, у дальней стены, проступал массивный книжный шкаф, диковины ради купленный отцом в Петро-Александровке у какого-то отъезжавшего на родину русского чиновника. Из всего отцовского имущества Сахибназар больше всего ценил этот шкаф, долгое время пустовавший, а теперь уставленный книгами — учитель Сахибназара, поэт Сахиби, совсем одинокий человек, отменный знаток книг, умирая, завещал Сахибназару свою собранную за многие годы библиотеку. В ней были и несравненный Навои, и Лутфи, и множество других книг и рукописей знаменитых и безвестных авторов. Все они с тех пор как поселились в комнате Сахибназара, постепенно

меняли свое место в книжном шкафу: в задний ряд перемещались прочитанные.

Ныне здравствующие и некогда прошедшие по земле кудесники слов, влюбленные, счастливые и горемычные, смотрели сейчас из полутьмы на своего двадцатилетнего собрата. Как часто здесь, в своем мире, в своей комнате, Сахибназар чувствовал их присутствие, ощущал на себе их зоркие взгляды, различал их дыхание в ночной тишине.

...Я — человек, который месит глину,
Чтоб жизнь вдохнуть в разрушенный кишлак,—

перечитывал он свои стихи.

А может быть, так:

Чтоб жизнь вдохнуть в обугленный кишлак.

Сахибназар увлекся работой и не заметил, как вошла мать с фаянсовым чайником и пиалой.

— Сынок, поздно с работы пришел и еще работаешь, хватит, устал, наверное.

— Спасибо за чай. Когда работа по душе, не устаешь... Брат еще не вернулся? Куда это он пошел?

— Кто его знает, возвращается поздно, иногда пьяный.

Мать и сын понимающе переглянулись.

— Мама, мне это не нравится.

Проходивший по коридору Гаибназар услышал их голоса и остановился перед неплотно прикрытой дверью.

— Кому это понравится, сынок. Пьяный забывает об осторожности, не дай бог схватят его,— взволнованно произнесла мать.

— Я ему советую добровольно сдаться в ЧК.

— Что ты, что ты! Не дай аллах, сам себя приговорит к смерти.

— Есть надежда на жизнь. Все говорят: ни одного басмача из сдавшихся добровольно не расстреляли. А они тоже творили страшные дела... Другого выхода нет. До каких пор будет прятаться, как вор, испытывать терпение людей...

При этих словах Гаибназар ворвался в комнату.

— А... твое терпение кончилось?! Хочешь, чтобы я встал перед кяфирами на колени? Не бывать этому!— он выхватил спрятанный за поясом кинжал.

Мать мигом оказалась между сыновьями.

— Гаибназар, с ума сошел, что ли? Родного брата хочешь убить? Брось нож! Ты пьян и не ведаешь, что творишь.

— Убью подлеца,— прохрипел Гаибназар и, отстранив мать, занес кинжал. Но Мунаввар вновь оказалась между ними, и кинжал вонзился ей в руку. Хлынула кровь.

Не помня себя, Сахибназар бросился к брату, вырвал у него нож. На крик сбежались младшие братья и сестры, навалились на Гаибназара, связали ему руки и ноги. Сахибназар поднял мать и уложил на кровать. Руку ее выше раны туго перевязали тонкой белой шалью. Тем временем Сахибназар быстро опалил войлок и приложил его к ране — кровотечение прекратилось. Терпя боль, боясь застонать при детях, мать взглянула на связанного Гаибназара.

— Будь проклят, проливший родную кровь! Ты хотел убить брата. Да захлебнуться тебе кровью!

Сахибназар встал на колени перед матерью — так, чтобы она не видела Гаибназара, и шепнул братьям:

— Уберите его отсюда.

Когда мать успокоилась и задремала, Сахибназар сказал сестре:

— Я пошел за доктором, а потом — в милицию. Присмотри за мамой.

Мунаввар услышала слово «милиция» и вдруг слабо вскрикнула:

— Сахибназар, сынок, вернись!

Но тот уже был на улице и не слышал ее.

— Верни брата,— обратилась она к дочери.

Девушка выбежала из комнаты, но вскоре вернулась одна.

— Он уже ушел, мама.

— Ушел?— переспросила Мунаввар. Ей представилось, как врываются в дом милиционеры, забирают Гаибназара, ведут его на кладбище и там расстреливают. «Я сама во всем виновата. Не надо было прятать Гаибназара в Хиве, лучше бы он скрывался у Хаджи-ишана...»

— Доченька,— сказала она тихо,— сбегай к тетушке, пусть придет, поможет мне.

Дочь подхватила платок, сунула ноги в галоши.

— Мамочка, я сейчас, лежите спокойно.

Превозмогая боль, Мунаввар поднялась и, хватаясь за стены, побрела на кухню, взяла нож, крадучись, чтоб не заметили дети, возбужденно разговаривавшие на айване, выбралась в коридор.

...Горел фонарь. Гаибназар, увидев в руке матери нож, решил, что пришел его смертный час.

— Мама, я не хотел...— глаза его наполнились мольбой и страхом.— Простите меня, мама!

— Пусть тебя аллах простит. А теперь прочь отсюда, чтоб я тебя не видела, не видела и не дрожала за тебя.— Она перерезала ножом аркан.

Гайбназар вскочил на ноги и, не простившись с матерью, ринулся прочь. У двери обернулся, пробормотал, задыхаясь:

— Пусть глаза мои никогда не увидят этот дом!

...Когда Сахибназар рассказал разбуженному им доктору Машкову о случившемся, тот сразу же позвонил в милицию. Милиционеры прискакали к дому на конях. Там в глаза им бросились перерезанный аркан и нож, валявшийся на деревянном полу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В феврале 1924 года Григорий Бройдо снова в Хиве.

Правду сказать, ему страсть как не хотелось покидать с таким трудом созданный небывалый университет, прерывать свой курс лекций. Да что лекции! Коммунистический университет трудящихся Востока для него дом родной, а студенты, собравшиеся чуть не со всего света,— родная семья. Пока ехал в Хиву, сто раз вспоминал их... и детей. Бывали при университетах гимназии, пансионы... Но чтоб сиротский дом!

Беспризорных, голодных ребятишек подкармливали в студенческом общежитии, одевали, учили. Так и образовался при КУТВ детский дом имени товарища Бройдо.

Не хотел ехать, но понимал — надо. Никто из ответственных работников Наркомата по делам национальностей не может заменить его: никто, как он, не знает Хорезмскую республику, совсем недавно, после IV курултая, вошедшую в состав СССР. А события, происходившие там в январе, были весьма серьезными. И хотя теперь басмаческое движение шло на убыль, надо было разобраться в причинах, придавших ему угрожающий характер.

Многие работники Наркомата считали, что обострение ситуации в Хорезме было вызвано непродуманной налоговой политикой, неумело проведенной заменой обесценившихся хорезмских бумажных денег на червонцы, что именно экономическими причинами подпитывается басмачество, имеющее весьма ограниченную социальную базу, что корнями своими оно уходит в разруху, вызванную затяжной гражданской войной и нарушением традиционных экономических связей Хорезма с внешним миром.

Соглашаясь со всем этим, Бройдо тем не менее был убежден: живучесть басмачества в том, что в стране, где еще недавно двенадцать процентов населения составляло духовенство, главарям шаек пока еще удается играть на религиозных чувствах дехкан. По мнению Бройдо, на руку Джунаиду была и явно несвоевременная отмена вакуфов — вместо того, чтобы урезать огромные земельные наделы, принадлежавшие мусульманской церкви, их, не задумываясь о последствиях, полностью национализировали. Это оттолкнуло от советской власти и ту часть мусульманского духовенства, которая поначалу поддерживала революционные преобразования в Хорезме, и помогло Джунаиду и примкнувшим к нему турам и бекам, в прошлом крупным землевладельцам, играть роль одержимых воинов ислама. Об этом говорило и перехваченное работниками ГПУ письмо Джунаида, адресованное хивинским старейшинам.

«Хорезмские большевики — люди молодые, целеустремленные, самоотверженные, за три года, прошедшие после моего отъезда в Москву, они многого добились. Понятно их стремление побыстрей покончить с остатками средневековья, рассеять тьму невежества и суеверия, но нетерпение, помноженное на неопытность,— плохие советчики».

Еще задолго до революции в Хорезме Бройдо внимательно следил за политической обстановкой в Хивинском ханстве и познакомился с Палязом-хаджи и другими бежавшими из Хорезма в Ташкент младохивинцами.

Пытаясь оправдать свои прошлые ошибки требованиями момента, Бройдо все отчетливей понимал: в злополучной истории с арестом Шайдакова и исключением Махмудова из партии он был всего лишь инструментом в руках не скупившихся на революционные фразы Паляза-хаджи и Ата-махсума. Время показало, что почти все люди, выдвинутые ими на руководящие должности, переметнулись к басмачам... Ата-махсум погиб, с него не спросишь. А Паляз-хаджи? Когда пало его правительство, отшельником скрывался в пустыне. Там и дождался амнистии. Теперь вот на рядовой работе в Назирате финансов. Говорят, отошел от политики...

Свежо предание... Бройдо усмехнулся и вдруг вскочил на ноги — так, что забушевали вздыбившиеся пружины кресла, прошелся взад-вперед по устланному ковром кабинету, осторожно приподнял руку, словно ухватившись за мелькнувший в запутанном клубке кончик нити. Потом шагнул к телефону, снял трубку.

— Соедините меня с секретарем ЦК Адинаевым... Добрый день, Каландар! Как здоровье? Да, Бройдо... Все хорошо, спасибо. Слушай, я думаю, надо побеседовать с Юсуповым. С каким, спрашиваешь? Да с Палязом-хаджи, что живет на улице Ур. Говоришь, отошел от политики, постарел, совсем другим стал? Ничего, советская власть простила его. Пусть послужит ей. Завтра утром буду у тебя, собери товарищей. Полагаю, что надо дать высказаться всем по поводу предстоящего национального размежевания. Да, твое мнение известно: ты за то, чтобы Хорезмская республика осталась в составе СССР как исторически сложившееся многонациональное образование. В Москве согласились с таким пожеланием, высказанным от имени всего ЦК Хорезмской Компартии. Но вслед за твоим письмом получено письмо от членов ЦК, не согласных с тобой. Зря обижаешься... письмо их я читал, никто не ставит под сомнение твои заслуги перед революцией, но, говорят, ни с кем не считаешься: вот ты написал в Москву о размежевании, представил сторонников участия Хорезмской республики в национальном размежевании его противниками... Нет, при всем уважении к тебе, могу сказать только одно: так делать нельзя... Теперь о Палязе-хаджи. Ты верно меня понял: лучше всех знает духовенство Паляз-хаджи, и оно ему доверяет. А-а, значит, и ты думал о такой встрече с ними, и ты за съезд улемов. Мое мнение: мечетям и медресе надо вернуть вакуфы — они должны быть меньшими, чем прежде, но достаточными, чтобы обеспечивать священнослужителей и учащихся медресе. При этом, ссылаясь на наши советские законы и на установления шариата, надо оговорить, что излишки средств, полученных от вакуфов, должны не приводить к обогащению отдельных людей, а служить делу народного образования, передаваться Назирату просвещения. Все это, конечно, надо детализировать...

Поговорив с Адинаевым, Бройдо решил подготовиться к завтрашней беседе в ЦК.

Смеркалось, но Бройдо не зажигал света, шагал взад-вперед по кабинету. Вспоминалась вчерашняя беседа с комкором Кутяковым, командующим Хорезмской группой войск. Предложенный им план окончательного разгрома Джунаида выглядел рискованным, дерзким, но Бройдо верил в Кутякова — знал его не первый год.

Вошел секретарь, молча положил на письменный стол какие-то бумаги.

— Что? — спросил Бройдо.

— Жалоба на товарища Махмудова.

— Жалоба? В чем он успел провиниться? Махмудов, насколько мне известно, находился в Москве и только совсем недавно вернулся в Хорезм.

— Товарищ Бройдо, мы заказали перевод жалобы. Оказывается, обвиняют его в злоупотреблениях, совершенных несколько лет назад, когда, будучи руководителем ЧК, он изымал...

— Все ясно.— Бройдо подошел к столу, зажег лампу, быстро пролистал жалобу и начал читать вслух имена подписавших ее:— Накиб-Ходжа, Инак-Ходжа... Ба! Знакомые лица... Где сейчас Махмудов?

— В Илоли.

— Пригласите его ко мне, как только вернется в Хиву.

— Проходите, проходите, Хаджи-бува. Жизнь идет, и здесь, пока меня не было, многое произошло.— Поглаживая густые усы, Бройдо внимательно глядел на сухопарого седобородого Паляза-хаджи.— Меня направил сюда Народный комиссариат по делам национальностей.

— Вас послал к нам сам бог,— Паляз-хаджи чуть улыбнулся.

После взаимных приветствий Бройдо спросил бывшего руководителя «Молодых хивинцев», каким ему видится нынешнее положение в Хорезме.

— Сложным,— Паляз-хаджи чуть помедлил.— Частая смена руководителей и стремление сию же минуту совершить то, для чего нужны годы, приводит к печальным последствиям. Взять хотя бы религию. Я, первый глава советского правительства Хорезма,— мусульманин. Пять раз на день молюсь, соблюдаю уразу. В двадцатом году атеистов в Хорезме можно было пересчитать по пальцам. Теперь их, наверно, несколько тысяч. В процентном отношении увеличение огромное, но среди населения Хорезма это всего лишь горстка людей. В республике сотни мечетей, десятки медресе, более пятидесяти тысяч священнослужителей и учащихся медресе. И вдруг — на тебе!— отменяют вакуфы. На какие же средства, спрашивается, этим людям жить?

— На какие средства?— переспросил Бройдо.— Вот вы глубоко верующий человек, ответьте мне: на какие средства было жить трудовому народу Хорезма, если чуть не половина всех обрабатываемых земель принадлежала духовенству? И потом, насколько мне помнится, когда вы были главой правительства, количество вакуфных земель резко увеличилось: чтобы не отдавать земли дехканам, родственники хана, туры и другие крупные землевладельцы обра-

щали их в вакуфы. Так что, Хаджи-бува, конфликт этот для Хорезмской республики не новый, и атеисты здесь ни при чем. Конечно, молодые руководители республики погорячились, полностью отменив вакуфное землевладение. Но ошибка ошибке рознь: эта, Хаджи-бува, была спровоцирована алчностью духовенства и той постоянной поддержкой, которую многие священнослужители оказывали басмачам.

— Все на земле грешны...— мягко и вместе с тем настороженно произнес Паляз-хаджи, все еще не понимая, зачем он понадобился Бройдо, но чувствуя — не ради одних только разговоров. И на всякий случай, чтобы, упаси аллах, не участвовать в каких-то рискованных делах, решил напомнить собеседнику о своем почтенном возрасте.

Но Бройдо словно не слышал его.

— Вот что, Хаджи-бува,— вдруг заговорил он просто и по-деловому,— у меня к вам просьба не держать в тайне наш разговор — пусть он дойдет до улемов.— Бройдо встал, прошелся по кабинету.— Как вы знаете, церковь в нашей стране отделена от государства. Не подрывать советскую власть, не нарушать советских законов — вот и все, что требуется от духовенства. В своих внутренних делах, в отправлении религиозного культа оно свободно, и никакие советские органы не вправе чинить ему в этом препятствия. На этих принципах мы строим наши отношения и с религиозными деятелями Хорезма. Более того, мы готовы узаконить вакуфы, при условии, что доходы от них, сверх суммы, необходимой для нужд мечетей и медресе, должны отчисляться Назирату просвещения. Вопросы, которые возникнут в связи с этим, могут согласовать с правительством Хорезма представители духовенства, избранные курултаем улемов.

При последних словах Паляз-хаджи встал, на лице его отразилось волнение.

— Значит, улемы могут собраться на свой курултай? Я вас правильно понял, биродар Бройдо?

— Советская власть никогда не запрещала им это. Помню, еще в двадцатом году «красные улемы» высказывались за реформу медресе, мол, надо расширить круг знаний учащихся, ввести преподавание основ точных наук, но все это осталось благими намерениями...

— А как связать то, что вы говорите, с национальным размежеванием? Сегодня мы в Хорезмской республике, проснемся завтра — одни в Узбекской, другие — в Туркменской... В газетах пишут...

— Вот ведь вы какой, Хаджи-бува!— Бройдо усмехнулся.— Сетуете: жизнь прошла, пора на покой, однако же газеты читаете внимательно. Пожелают или нет народы Хорезма участвовать в национальном размежевании — это не отразится на положении мусульманского духовенства, оно может быть уверенным в последовательности и долгосрочности нашей политики на Востоке. А теперь скажите: согласны ли вы, руководитель первого правительства Хорезмской республики, человек верующий, дважды совершивший паломничество, помочь установить нормальные отношения между советской властью и духовенством Хорезма?

— Согласен, от души хочу этого.

— В таком случае, свяжитесь с улемами и Председателем ЦИКа товарищем Джуманиязовым.

— Товарищ Махмудов, знаете, почему я вас вызвал? На вас поступила жалоба.

— Жалоба?

— Да, вот она,— Бройдо протянул Махмудову аккуратно исписанные страницы. Тот прочитал несколько строк и брезгливо отодвинул жалобу в сторону.

— Товарищ Бройдо, это же те самые наветы, из-за которых меня исключили из партии. В Москве председатель партийной контрольной комиссии товарищ Сольц сам занимался моим делом и признал, что я ни в чем не виновен. Меня восстановили в партии. Я думал, вы разделяете мою радость.

— Радость несколько преждевременна... В новой жалобе приведены и такие факты, которых не было в первой.

— Ненавидящие меня враги советской власти могут напридумывать и в десять раз больше. Товарищ Бройдо, неужели вы этого не понимаете?

— Понимаю. Именно потому и пригласил вас. Но есть у вас и действительные ошибки. Вы были в числе тех, кто настойчиво добивался полной ликвидации вакуфов. В конце прошлого года ваше предложение было реализовано. И вот результат: от советской власти отвернулись лояльно относившиеся к ней священнослужители, они взбудоражили массы верующих. Этой, да и другими ошибками хорезмских товарищей и воспользовался Джунаид. Сольц говорил со мной, когда рассматривалось ваше дело. С моего ведома вы были зачислены в КУТВ. Мой вам совет: немедленно от-

правляйтесь на учебу в Москву. Надеюсь, со временем вы станете знающим, опытным работником.

— Я вернулся на родину в трудные для нее дни. Учиться смогу и позднее.

— Товарищ Махмудов, ваше назначение теперь на руководящую должность подрывало бы доверие к последовательности и долгосрочности политики партии на Востоке. Вот только что провели свой съезд улемы...

— Знаю. Им вернули вакуфы.

— Вакуфы уже не те, что прежде. Вся большая часть доходов от них будет идти Назирату просвещения. Не менее важна и реформа медресе. Теперь там будут заниматься не только богословием, но и точными науками, родным языком. Так что в перспективе выпускники медресе после краткосрочных учительских курсов смогут преподавать в советской школе.

— Смогут ли — это еще вопрос. А вот то, что улемы потребовали ввести в советской школе обязательное преподавание основ религии,— это факт.

— Во-первых, не потребовали, а высказали пожелание, которое не было удовлетворено, поскольку противоречит закону об отделении церкви от государства. В целом же, можно считать, съезд прошел успешно. Все его участники обязались ни при каких условиях не поддерживать басмачей.

— Поддерживали и будут поддерживать,— хмуро возразил Махмудов.— Товарищ Бройдо, я не верю в сказки о «красных улемах», а медресе, даже реформированные,— рассадник мракобесия. Почему вы не верите настоящим коммунистам? Для вас такие, как Палпв-хаджи, Назир Шаликаров, которые подрывают корни революции,— честные люди, а мы, всей своей жизнью преданные ей, плохие. Время рассудит, кто был прав: я, коммунист, или вы, бывший эсер.

— Правильно говорите: время рассудит. Только в этом я и могу с вами согласиться. Насчет моего прошлого вы заблуждаетесь: эсером я никогда не был. Да, ошибался, но преодолевал свои ошибки. И вот чуть было еще раз не ошибся... Я думал, что происходит с вами,— болезнь роста. А вы, оказывается, левак, не учитывающий ни реальности, ни требований здравого смысла,— гневно произнес Бройдо и встал, давая понять, что разговор окончен.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Кутяков предполагал пробыть в Ходжейли несколько часов, но на ремонт подбитого басмачами самолета ушло куда больше времени.

— Ишь, как покалечили, маслопровод перебили.— ворчал летчик, склонившись над мотором.— Наперед осмотрительней буду, слишком низко пролетел, дай, думаю, командующий пулсметом их прочешет для острастки.

— Для острастки? — Кутяков усмехнулся.— В небе не я, а ты командующий. Вот и рассчитывай, разворачивайся так, чтобы солнце в глаза им било... Да ты не сердись,— обратился он к обиженно замолчавшему летчику.— Молодец, что дотянул до Ходжейли. Завтра в Куня-Ургенче будем?

— Будем.

— Ну, тогда давай подсоблю. Вместе летали, вместе латали. Сдружились конница и воздушный флот в пустыне.

— Конница и шайтан-арба,— озорно улыбнулся летчик, протягивая Кутякову паяльную лампу.

— Во-во, шайтан-арба, голубушка!

Они работали, время от времени перебрасываясь короткими фразами.

Небо было чистым. Солнце клонилось к закату. Яркие косые лучи пронизывали февральскую степь, голую, кой-где припорошенную снегом, золотили фигуры мерно шагавших часовых, присланных для охраны самолета. А за огненно-рыжей крепостной стеной Ходжейли висел в небе, словно ножны без клинка, одинокий светящийся минарет.

Кутяков распрямился, жадно вдохнул свежий сырой воздух, крепко отдающий прелыми травами.

Все последнее время мысли Кутякова были заняты предстоящим походом в пустыню.

Прошел месяц, как доставивший его самолет приземлился возле крепостных стен Хивы на отбитом у басмачей аэродроме и командование Хорезмской группой войск перешло в его твердые руки. И вот за такой короткий срок хорезмская Красная Армия вместе с пробившимся из Чарджоу кавалерийским полком не только отбросила Джунаид-хана от Хивы, но и очистила от басмачей почти весь оазис. Однако и Кутяков, и Шайдаков, только что назначенный военным назиром республики, да и все другие члены ее Военно-революционного совета понимали, что успокаиваться рано. Отсидевшись в песках, банды Джунаида снова объявятся в оазисе, и даже находясь в пустыне

у дальних колодцев, он будет через свою отменно отлаженную агентуру всячески вредить советской власти: одних убивать, других запугивать... Они понимали, что с Джунаидом связаны надежды всех контрреволюционеров. Особенно он опасен теперь, когда использующие чужой труд лишены избирательных прав и правительство приступило к изъятию у баев излишков земли. Все, чьи интересы задеты решениями IV курултая, ловят каждое слово своего защитника и, пока он в Хорезме, не теряют надежду на восстановление старых порядков. У Джунаида огромный военный опыт и старые связи с англичанами, поставляющими ему оружие. Отменно владеет он оружием демагогии и клеветы.

Каракумы. Они протянулись на полтысячи километров с севера на юг и почти на тысячу по параллели. Все здесь против человека: резкое колебание температуры дня и ночи, лютые морозы зимой, невыносимый зной летом, ураганные ветры. В жаркое время года и в стужу пески почти неодолимы для крупных отрядов... И только в конце зимы и самом начале весны, когда полны водой колодцы и дождевые ямы и солнце еще не растопило залежи снега, логово Джунаида у колодцев в глубине пустыни становится уязвимым.

Поэтому теперь, в феврале, Кутякову был дорог каждый день. Для обеспечения тыла отрядов, которые должны были вторгнуться в пустыню, он перебросил почти все силы с юга на север. Было ясно, что этим тотчас воспользуются главари недобитых банд, инициатива на юге временно перейдет в их руки. Ну что ж, придется пойти и на это.

Против Джунаида надо бросить не меньше семисот всадников. Но где взять транспортные средства, чтобы бесперебойно обеспечивать всем жизненно необходимым такое крупное соединение? На карту приходилось ставить не только успех операции — само существование красной конницы, действующей в глубине Каракумов. Она должна будет довольствоваться не столько тем, что доставят ей караваны, сколько тем, что удастся отбить у басмачей.

Хорун, Шайдаков, Палван... Кутяков знал — они не подведут. Верил он и в своих красноармейцев, хотя все они, за исключением нескольких десятков туркмен из отряда Палвана, люди, не привычные к пустыне.

Сначала Кутяков предполагал провести операцию силами нескольких эскадронов кавалерийского полка Хоруна и отряда Палвана. Но Шайдаков и Палван настоятельно советовали привлечь к участию в походе Якши-Гельды, предводителя туркменского племени, живущего вблизи Куня-

Ургенча. Не раз взвесив все «за» и «против», Кутяков согласился с ними.

Якши-Гельды вызвали в Хиву на Военно-революционный совет. Он приехал без промедления, с многочисленной охраной. Но явился не в Нурлавой, где находился Военно-революционный комитет, а в представительство СССР в Хорезме. Там и было заключено соглашение, по которому Якши-Гельды обязался передать в распоряжение командующего Хорезмской группой войск шестьсот всадников — предполагалось, часть их присоединится к отрядам красноармейцев в начале рейда по Каракумам. Командование обеспечило Якши-Гельды патронами.

Вскоре он пошел на Джунаида. В двухдневных боях потерял около трехсот всадников и сам был ранен в грудь навылет. Брошенные ему на подмогу конники Палвана вынудили Джунаида поспешно снять осаду Куня-Ургенча, где укрылись якшигельдинцы, и отступить в пески. Ранение вождя и понесенные племенем потери — все это внушало тревогу за исход операции, до начала которой оставались считанные дни. Не сломлен ли боевой дух джигитов? Несколько лет назад красноармейцы Шайдакова и Палвана успешно действовали совместно с ними. Но в ту пору вождем их племени был Кушмамат-хан...

Якши-Гельды, видно, не очень-то доверяет правительству Хорезма. Не случайно же настоял, чтобы переговоры с ним велись в полпредстве СССР. Не переоценивают ли его наши командиры? И у этого племени есть своя феодально-племенная верхушка. Трудно поверить, что ей нравятся решения IV курултая, провозгласившего Хорезм социалистической республикой. Не пойдет ли Якши-Гельды на сделку с Джунаидом? От таких мыслей становилось не по себе.

— Кто тут у вас хорошо знает Якши-Гельды?— вернувшись с аэродрома, обратился Кутяков к начальнику гарнизона Ходжейли, молодому узбеку со шрамом на щеке.

Тот пожал плечами, потом торопливо произнес, путая русские и узбекские слова:

— Хамза знает.

Минут через пятнадцать Кутяков уже был у Хамзы.

— Салям-алейкум,— приветствовал он хозяина дома и его жену Зейнаб.

— Алейкум-ассалям,— радостно и вместе с тем несколько растерянно отвечали хозяева, усаживая его за дастархан.

От внимания Кутякова не ускользнул брошенный на мужа смущенный, озабоченный взгляд молодой женщины — вот так же точь-в-точь глядела Клава, жена Кутякова, когда нечем ей было угостить нежданно явившегося гостя... Однако живет этот поэт, заведующий интернатом, скромней скромного, на земляном полу циновки, а все имущество — стопка книг.

— Прошу прощения, что побеспокоил в столь поздний час,— медленно начал Кутяков, на ходу обдумывая, как бы отказаться от непременного при такой встрече угощения и вместе с тем не обидеть их.— Мог бы прийти и пораньше, да начальник гарнизона не отпустил, только что с ним поужинал.

Но он зря старался: Зейнаб уже не было в комнате. «К соседям побежала разжиться чем-нибудь»,— догадался Кутяков.

— Да вы, Иван Семенович, в любое время желанный гость, спасибо, что пришли и что о ребятишках не забыли, прислали им муку, сахар...

— За это Абдусалямова благодарить надо, он меня надоумил, спрашивал о вас, привет просил передать.

— Спасибо,— повторил хозяин дома и протянул Кутякову пиалу с зеленым чаем.

Кутяков знал Хамзу по Закаспийскому фронту, знал, что артистам, игравшим в пьесах Хамзы, узбекам и русским, доводилось не только выступать перед красноармейцами, но и участвовать в боях. Тогда он не очень задумывался, что это за человек. А теперь вот, встречаясь с ясным проницательным взглядом Хамзы, Кутяков отчего-то испытывал памятные с детских лет робость и смущение: вот так же глядел и его школьный учитель.

- А что, голодают ребята?

— Нет, голодом это не назовешь. Во-первых, у интерната — правильней его назвать детской коммуной — свое, пусть небольшое, но все же хозяйство. Ребята — и те, кто постарше, и малыши — сами работали и урожай неплохой собрали. К тому же, мастерские наши доход дают, учим ребят ремеслу. Горсовет в меру сил помогает. Нет, они не то чтоб голодают, но лепешки тандырные им снятся.— Хамза улыбнулся.— Да что поделаешь, время такое... Пришлось даже к Якши-Гельды съездить; дорога неблизкая, в степи неспокойно, но детей-то кормить надо. Никогда таким мрачным Якши-Гельды не видел. И было отчего: басмачи Хиву штурмуют; возьмут ее — обрушатся на его племя, а патронов совсем мало, как воевать будешь! Выслушал он мою

просьбу и ничего не сказал. Угостил, ночевать оставил, а на другой день его джигиты проводили меня чуть не до самого Ходжейли. Неделя проходит, другая. И вот однажды сижу с ребятишками, стараюсь развлечь их, рассказываю какие-то тут же придуманные сказки, вдруг малыш один перебил меня: «Муаллим, а муаллим, барашек блеет!» Прислушался — движение какое-то во дворе. Выхожу — джигиты Якши-Гельды баранов пригнали.

— Об Якши-Гельды я и хотел с вами поговорить. Затем и пришел,— чистосердечно признался Кутяков.— Можно ли ему доверять?

— Доверять?— Хамза тихо засмеялся.— Не так давно Якши-Гельды спросил о вас то же самое.

— Ах вот оно что!

— Он заехал ко мне по пути в Хиву, сказал, что в Хиве теперь Шайдаков, Николай-ага, верный человек, но главным там сардор Кутяков, прилетевший на шайтан-арбе. «Знаешь ли, Хамза, Кутякова? Можно ли ему доверять?»

— А чего он так беспокоится? Против советской власти не выступал — вроде греха такого за ним нет.

— Греха-то нет...— Хамза помолчал, покрутил пиалу в руке.— Однако, Иван Семенович, нет и доверия твердого к Хиве. Одного его брата, Кушмамата, в Хиву позвали — дескать, надо в поход идти, помочь народу Бухары... Приехал он в Хиву и там попал в западню: ни в чем не повинного человека, и почти весь его отряд уничтожили. А младшего брата, комсомольца Эшима, убили бандиты Матчонтуры, переодетые в красноармейскую форму.

— Кто же уничтожил Кушмамата? Кому это было нужно?

— Баям нужно. Первое после революции правительство почти все из них состояло. На словах они были революционерами, а на деле гнули свою линию. С большевиками им было не по пути. А хорезмской Красной Армией тогда командовал большевик Николай Шайдаков, герой революции, имя которого гремело по всему Хорезму. И в Политическом управлении армии были настоящие большевики. А Кушмамат, вместе с которым Шайдаков разгромил Джунаида, был одержим идеей братства и справедливости. Хотя Кушмамата и называли ханом, ничего ханского в нем не было. Он говорил: настоящее богатство — дружба, все народы братья, чтобы уничтожить национальную вражду, надо смешать кровь; будем отдавать друг другу в жены своих дочерей. Поначалу баи не придавали особого значения словам Кушмамата, посмеивались, считали их чудачеством простоватого

туркмена. Они думали, что этот человек, числящийся заместителем Председателя Совета назиров, но редко бывавший в Хиве, всего лишь игрушка в их руках. Правда, игрушка очень ценная, и потому они всячески старались расположить его к себе, задобрить. Не забывали, что у Кушмамата полторы тысячи всадников... Но неожиданно для них «простоватый туркмен» оказался крепким орешком — это они поняли, когда подняли руку на Шайдакова.

— Кое-что об этой истории знаю,— вставил Кутяков, внимательно слушавший Хамзу.

— А я, когда жил в Хиве, попытался разобраться в ней. Книгу задумал написать о Хорезмской революции. За несколько лет люди прошли огромный путь из средневековья в социализм. Я приехал в Хиву в апреле 1921 года и был приятно поражен: после векового безмолвия культурная жизнь здесь била ключом: два оркестра — узбекский под руководством Сафо Мугани и русский — Быховского; газеты, журналы — их печатали в той самой хивинской, старейшей в Средней Азии литографии, выпускавшей при старой власти книги, которые... не продавались. Весь тираж предназначался одному человеку — хану, а тот дарил книги своим приближенным. В Хиве я помогал создать театр, поставил в нем свою пьесу «Революция в Хорезме».

— А как же вы в Ходжейли очутились?— не без удивления спросил Кутяков.

— Здесь, в Ходжейли, басмачи убили директора интерната, и кому-то надо было сюда ехать... Теперь здесь жизнь переменилась. Уже второй год, как образовалась театральная труппа, нашлись талантливые ребята — узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи. Ставим не только пьесы, устраиваем саили — народные гулянья. Ведь революция — праздник, вдохновение, молодость, так я ее понимаю.

Так вот, узнав об аресте Шайдакова, Кушмамат со своими всадниками примчался в Хиву. Как член правительства потребовал немедленного свидания с арестованным командующим.

— Николай говорил мне об этом деле, но не вдаваясь в подробности, мол, наклепали черт знает что, а суд в Ташкенте оправдал... Что ж это Бройдо промашку дал, а?— Пригладив коротко стриженные волосы, Кутяков в упор взглянул на Хамзу.

— Я думаю, Иван Семенович,— медленно заговорил Хамза,— Бройдо и теперь уверен, что поступил правильно. Посеяли враги слух, мол, Шайдаков не чист на руку: присвоил золото и бриллианты хана, отправил награбленное

домой на трех верблюдах... Главное,— рассуждал Бройдо,— сберечь авторитет советской власти, показать хорезмийцам, что она справедлива, что закон един для всех, что большевики наказывают и своих провинившихся товарищей. Конечно, Бройдо было нелегко взять на себя такую ответственность. Люди, видевшие его в эти дни, говорят, что он был сам не свой.— Хамза поднялся, взволнованно заходил по тесной комнате.— Удивительно вот что: тот самый Бройдо, который в 1916 году не побоялся обвинить губернатора и его чиновников в зверских преступлениях против народов Средней Азии, спасовал перед клеветниками, оболгавшими боевого командира, арестовал его, вместо того чтобы потребовать лжецов к ответу.

— Не столько удивительно, сколько повод для размышления,— задумчиво произнес Кутяков.— Воевать научились и с клеветой бороться научимся — жизнь заставит... А сейчас цель одна: разгромить Джунаида, чтобы он не смог снова подняться. А вот какую цель преследует Якши-Гельды? Как он относится к решениям IV курултая, понимает ли он, что и в жизни его племени произойдут большие перемены, что родовой строй несовместим с социализмом?

— Трудный вопрос вы задали, Иван Семенович. Надо полагать, что посланцы Джунаида, призывавшие Якши-Гельды к совместному походу на Хиву, разъяснили ему это — разумеется, в иных словах... Якши-Гельды спрашивал меня: «Хамза, что будет с моим племенем, если большевики разобьют Джунаида?« «А будет то,— сказал я,— чего хотели твои братья Кушмамат и Эшим». Конечно, у туркмен немал и авторитет старейшин рода. Но, насколько я понимаю, Якши-Гельды твердо держит племя в своих руках.

— В Хиве он попросил для себя красноармейскую форму — это тоже было одним из условий заключенного договора,— вспомнил Кутяков, и впервые за весь вечер улыбка осветила его лицо.

— Когда Якши-Гельды лишился своего младшего брата Эшима,— продолжал Хамза,— и люди его племени хватались за кинжалы и говорили: «Сами видели, приезжали красноармейцы, это они убили нашего Эшима», и старейшины вторили им: «Кровь за кровь. Обнажи саблю. Иди на Хиву»,— он не внял голосу слепой мести: «Грех проливать кровь невиновных. Не могли красноармейцы убить Эшима». Потом все убедились, что он был прав.

У нас, узбеков, говорят: «Слепота сердца хуже слепоты глаз».

Эти слова Хамзы, собравшего под свое крыло сирот на опаленной зойной земле, глубоко тронули Кутякова.

Он уехал от поэта успокоенный.

После смерти Чапаева двадцатитрехлетний Кутяков командовал его дивизией. Воевал с белоказаками, белочехами, колчаковцами, белополяками, басмачами... И он нисколько не удивился, что именно ему было приказано пробиться в объятый мятежом Хорезм.

«Учитывая опыт предыдущих походов против Джунаида,— телеграфировал Кутяков командованию Туркфронта,— можно быть уверенным, что прежними методами и средствами уничтожить или изгнать его с территории Хорезма не представляется возможным. Агентурная сеть Джунаида поставлена на должную высоту; можно предполагать, что его агенты имеются в местных советских и центральных учреждениях. Поэтому прошлые наши походы и были известны ему до мелочей: численность войск, маршруты, запасы продфуража и воды... Джунаид направлял свои действия примерно таким образом: если наша часть, двигавшаяся в пески, имела запас продовольствия на десять суток и воды на пять, то он со своими силами отступал туда, где нет воды, и т. д.

Для обеспечения кавалерийского полка всем необходимым в пустыне нужен вьючный транспорт из семи тысяч верблюдов. Мобилизацию такого количества верблюдов в связи с наступающими полевыми работами, как с экономической, так и с политической стороны, провести немыслимо, пришлось бы забрать весь имеющийся верблюжий транспорт Хорезма.

Принимая во внимание вышеизложенное, я решил создать отряды, удовлетворяемые транспортом не более чем в 500 верблюдов.

В данный момент хорезмским правительством отдано распоряжение о мобилизации к 1 марта двух тысяч верблюдов, но я не уверен, что такое количество будет собрано.

По агентурным сведениям можно судить, что все приготовления известны Джунаид-хану. Поэтому я считаю: действия наших войск должны быть импровизированными, нарушающими обычные военно-организационные принципы. Детальные соображения о предполагаемых действиях сообщу в секретном пакете».

Этот план первоначально не был утвержден командованием Туркфронта: оно предполагало начать операцию после

солидной подготовки и переброски в Хорезм всех имевшихся в его распоряжении самолетов. Но Кутяков настоял на немедленном начале боевых действий в пустыне.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

22 февраля кавалерийский полк Хоруна выступил из Порсу в Куня-Ургенч.

С утра ударил мороз, сковав оттаявшую было дорогу, и под копытами коней тонко позванивал ледок.

Палван ехал, глубоко задумавшись, не обращая внимания на пронизывающий северный ветер. Приказ Кутякова, устроившего смотр его отряду, был не только неожиданным, но и выбивающим из привычного круга дел и забот: получалось так, что Палван теперь в ответе не только за своих бойцов, но и за джигитов Якши-Гельды. Еще совсем недавно на совещании у командующего Палван приводил доводы в пользу их участия в рейде по Каракумам. Тогда Палвану и в голову не приходило, что накануне совместного выступления пятидесятилетний осторожный Якши-Гельды решит в одиночку лобовым ударом сломить Джунаида. Видно, лопнуло терпение: слишком много настрадалось его племя от этого разбойного хана. Конечно, за два дня непрерывных боев нанес он басмачам урон немалый, однако же и они потрепали его основательно. Теперь вот лежит раненый... Джигитов в Каракумы поведет, вероятней всего, его единственный сын Артык, лет десять корпевший в медресе над святыми книгами,— хорош воин!

В который уже раз обдумывал Палван слова Кутякова:

«Разделите отряд на две группы. Первой поручаю охрану караванов — детали согласуете с Шайдаковым и Хоруном. Вы, конечно, понимаете, что будет, если басмачи перехватят хотя бы один караван... С транспортными средствами у нас плохо — это наше самое слабое звено. И Джунаид не был бы Джунаидом, если б не знал про это.

Вторую группу поведете в пустыню, действовать будете под началом Хоруна.

В рейде участвует и военный назир. На его и вашей совести джигиты Якши-Гельды. Между ними и красноармейцами не должно быть отчуждения — об этом позаботится и комиссар полка Штраль. Но вы — единственный из старших командиров, кто может разговаривать с туркменами без переводчика.

Ну что ж, до встречи в Каракумах»,— Кутяков пожал ему руку.

«Охрану караванов,— думал Палван,— надо поручить Сафаргалди. За него я спокоен: у Сафаргалди басмачи ничем не поживятся».

Палван и не заметил, как его нагнал Шайдаков и теперь ехал с ним рядом, стремя в стремя.

— Что насупился, джура? От Якутай писем нет?

— Было письмо,— ответил Палван, думая о своем.

— Здорова?— осторожно спросил Шайдаков.

— Не жалуется, если даже и очень плохо. Она такая...— Палван отвел глаза в сторону.

— Ударить кинжалом женщину! Ну и тура... Живым его взять надо.

— Здоровья ей от этого не прибавится,— меланхолично произнес Палван.— А он и живой все одно что падаль.

— Что-то ты сегодня не в духе,— Шайдаков всмотрелся в лицо Палвана.— Слышал, командующий у тебя побывал. Ну как, побеседовали?

— Побеседовали...— Палван усмехнулся.— Якшигельдинцы на нашей с вами совести.

— Ах вот ты о чем! Ничего, и не с такими делами управлялись. Ты, кстати, будешь в пустыне на правах моего заместителя, так что, если меня тю-тю,— Шайдаков вяло махнул рукой,— республика не останется без военного назира.

— Сто лет живите, Николай-ага!

— Смотри, смотри!— встрепенулся Шайдаков.

Слева от дороги Палван увидел не менее полусотни всадников, идущих полным галопом в сторону колонны. Да это джигиты Якши-Гельды! Вон за кишлаками его крепость Ак-Кала.

Хорун и Палван поручили своим помощникам вести полк и отряд в Куня-Ургенч и вместе с Шайдаковым и врачом Быковым, взятым для оказания помощи раненому Якши-Гельды, пошли рысью навстречу всадникам.

Как и предполагал Палван, среди них был и Артык, сын Якши-Гельды, сообщивший после взаимных приветствий, что отец приглашает красных сардоров в гости, и все двинулись к крепости.

— Велика ли Ак-Кала?— спросил Хорун, пристраиваясь к Палвану.

— Довольно обширна.

— В ней, что, много народу живет?

— Нет, почти все в кишлаках. В самой крепости — Якши-Гельды с семьей, близкие его родственники, сотники с семьями... Но в случае набега врагов все жители кишла-

ков, прихватив с собой наиболее ценное имущество, скрываются за ее стенами. Джунаид несколько раз пытался овладеть ею. Однажды целый месяц стоял здесь — пытался взять измором. Но за этими бог весть когда возведенными стенами — колодцы и всегда немалый запас продовольствия и фуража, осенью сюда свозят почти весь урожай. К стенам пристроены амбары, кладовые и конюшни на тысячу коней. Крепость оттого и велика, что рассчитана на все племя. Ее защищают не только воины, но и старики, подростки. Жизнь в этом крае тревожная, и туркмен с детства приучает своего сына к оружию. Внешние стены шестиметровой высоты. На всякий случай есть еще и внутренние стены, за которыми можно укрыться, если враги ворвутся в крепость.

— А сколько от крепости до Куня-Ургенча?

— Да километров восемь.

Они выехали на дорогу. Вдоль нее раскинулись кишлаки. То тут, то там, как изваяния, стояли туркмены, молодые и старые, все в высоких лохматых папахах. Почтительно, с чувством собственного достоинства они приветствовали красных командиров и провожали их долгим взглядом.

Впреди всадников, замедляя их движение, с криками «Шайдак-батыр! Шайдак-батыр!»— бежали ребятишки, к ним присоединялись все новые мальчишки и девчонки, они прямо-таки лезли под копыта коней, стараясь получше разглядеть легендарного в этом крае Шайдакова, ехавшего в голове процессии рядом с сыном Якши-Гельды Артыком.

В крепости, в юрте вождя, оказалось много народу: родственники Якши-Гельды, старейшины, сотники. Сам он лежал на ложе из красных туркменских ковров. Поодаль на таком же ложе был еще один раненый — Шалтай, помощник Якши-Гельды.

Увидев гостей, хозяин юрты приподнялся и с трудом сел, поджав под себя ноги. На мгновенье лицо его исказила боль.

— Лежи, лежи,— торопливо произнес Палван.— Когда пробита грудь, нельзя подниматься.

— Салам, дорогие гости,— чуть наклонившись, Якши-Гельды медленно поднес ладонь к груди.— Как ваше здоровье? Как доехали?— Голос его был тихим, хрипловатым, но твердым.

Палван повторил его слова по-русски и ответил за всех:

— Спасибо, здоровы, хорошо доехали. Когда к другу едешь, и конь радуется. Ну, а как твое здоровье, сардор?

— Табиб говорит: месяц лежать будешь. А я думаю — раньше поднимусь. У Кушмамата двенадцать ран было, и ни одна так долго не заживала.

Гости пожали Якши-Гельды руку. Палван представил ему Хоруна и Быкова. Потом подошли к Шалтаю. Тот протянул левую руку для русского приветствия, правая была недвижима — пуля угодила в плечо.

— Палван, оставайся у меня переводчиком, в крепости сидеть лучше, чем бегать за Джунаидом,— пошутил Якши-Гельды.

Все рассмеялись.

— Ты храбро сражался,— медленно заговорил Шайдаков.— Военно-революционный совет и правительство Хорезма благодарят тебя за это, благодарят твоих командиров, твоих бойцов, все твое племя. Глядя на тебя, я вспоминаю твоего брата Кушмамата — много у меня друзей, но такого друга, как он, не было. Верю, что ты всегда будешь таким же стойким и справедливым, верным революции, как Кушмамат.

Пока Палван переводил сказанное им, Шайдаков достал из полевой сумки коробочку, раскрыл ее.

— Правительство СССР награждает тебя орденом Боевого Красного Знамени. Он прислан из Москвы, и мне доверена честь вручить его тебе.— Шайдаков склонился над Якши-Гельды и прикрепил к его шелковому халату орден.

Хорун, Палван и Быков поздравили Якши-Гельды.

— Тебя тоже наградили таким орденом?— сияя от счастья, спросил Якши-Гельды Палвана.

— Нет, у меня только хорезмский орден.

— Да ты больше меня достоин такого ордена!— воскликнул Якши-Гельды и даже поцокал языком.

— Пусть еще постарается, тогда и наградят,— засмеялся Шайдаков, поняв, о чем они говорят. Потом обратился к лежащему на коврах сардору на странной, но все же понятной тому смеси русских, узбекских и туркменских слов, сопровождая их энергичной мимикой и жестами.— А ты воевал,— Шайдаков рубанул рукой,— ранен,— он ткнул себя пальцем в грудь,— Москва, большой хаким...— На лице Шайдакова отобразилась задумчивость, сменившаяся улыбкой, он осторожно прикоснулся к ордену.

— Ты, Шайдаков, брат моего Кушмамата, мой брат, брат всего Хорезма,— ответил растроганный Якши-Гельды.

— Скажи,— обратился Якши-Гельды к Палвану,— что я со всем войском в любой день готов выступить против

Джунаида, воевать в оазисе, в пустыне — где прикажут. Пусть только советская власть даст патроны.

— Десять тысяч для начала хватит? — спросил Шайдаков.

Якши-Гельды кивнул.

— Ну что ж, завтра твои джигиты получат их в Куня-Ургенче.

Позднее, за пловом, разговор зашел о предстоящем походе в пустыню. Якши-Гельды согласился по первому требованию Шайдакова прислать 450 джигитов.

Хорун предложил Якши-Гельды и Шалтаю воспользоваться услугами доктора Быкова — пусть осмотрит раны, сделает перевязку, но они тактично отказались: мол, их лечит травами свой хороший табиб.

В Ак-Кале гости заночевали. А наутро сотня джигитов проводила их в Куня-Ургенч.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В Куня-Ургенче бойцов пришлось расквартировать в глинобитных домах и кибитках, где гулял ветер. Печей не было. Чтобы не замерзнуть, приходилось день и ночь жечь в комнатах костры, ездить в пустыню за саксаулом. Срочно ремонтировались, утеплялись помещения, предназначенные для штаба, караульной роты, госпиталя. Да и другие дома надо было подлатать — ведь и после выступления объединенного отряда в пустыню в Куня-Ургенче должно было остаться немало конников.

Погода стояла для конца февраля на редкость холодная. Бойцы жались к кострам, на чем свет стоит кляли этот чертов город.

Увидев в Куня-Ургенче притопывающих от холода бойцов, прячущих ладони в рукава шинелей, Палван решил, что надо во что бы то ни стало раздобыть кошмы, пусть бойцы разрежут их и обошьют войлоком сапоги.

— Правильно, — выслушав его, сказал Хорун, — а то у меня уже несколько человек обморозили ноги.

Он тут же вызвал казначея полка и приказал ему выдать деньги на приобретение кошм для всего личного состава полка, включая красноармейцев товарища Палвана Ибрахимова.

— Мы сами купим кошмы, — густо покраснев, возразил Палван.

— За хорошую мысль надо платить, — холодноватое, строгое лицо Хоруна осветила мягкая улыбка. — Ну, а если

говорить серьезно: ваш отряд, как вы знаете, с сегодняшнего дня и до окончания похода в пустыню согласно приказу командующего включен в состав моего полка, так что все у нас общее, и никакой разницы между моими и вашими бойцами нет.

— Если у нас все общее, то и кошмы покупать мы должны сообща.

— Хорошо, поступайте, как считаете нужным. Но учтите: кошмы нужны позарез. Кому вы это поручите?

— Моему помощнику. Его зовут Сафаргалди.

— Туркмен?

— Да.

— Пригласите его.

Палван распахнул дверь и, заметив своего бойца, крикнул:

— Матёз, найди Сафаргалди, пусть зайдет сюда побыстрей.— Плотно затворив дверь, Палван подошел к горевшему посреди просторной комнаты костру, у которого стояли Хорун и казначей.— Слушаю вас, товарищ командир полка.

— Командующий информировал меня, что вы в курсе всех дел. Кому вы поручили охрану караванов?

— Тому же Сафаргалди. Осторожный, предусмотрительный, отчаянно смелый джигит, прекрасно знает пустыню.

— Именно такой человек и нужен.

Они помолчали.

В комнату вошел Сафаргалди, шинель и даже лицо его были заляпаны глиной. Вытянувшись, отдал честь.

— Что это с тобой, почему в таком виде?— недовольно спросил Палван.

— Русский красноармеец больниц ранепому делает,— на ломаном русском языке ответил Сафаргалди.— Я привел свой боец, узбек, туркмен, каракалпак. Помогаем.

— Приведи себя в порядок, собери бойцов и отправляйся в кишлаки. Срочно нужен войлок для обшивки семисот пар сапог.

— Много войлок надо. Много кишлак ездить надо.

— Может, направить с вами в кишлаки начальника хозяйственной части полка? Как вы считаете?— обратился к Сафаргалди Хорун.

— Моя считайт, русский хаким пойдет, кошма дорого платит.— Сафаргалди улыбнулся.— Туркмен у туркмена лучше купит.

— Не торгуйся, сколько запросят, столько и плати,— строго сказал Палван.— Чтоб к вечеру кошмы были.

Сафаргалди взял руку под козырек и, забыв опустить ее, широким шагом вышел из комнаты.

Хорун взглянул на казначея, и тот ринулся вслед за Сафаргалди.

В комнате остались двое.

— Ну что ж, товарищ Ибрахимов, дело, кажется, улажено,— сказал Хорун. И сухо добавил:— Но это первый и последний случай, когда я отменяю отданный приказ.

Матёз, как и все красноармейцы, догадывался, что в Куня-Ургенче им стоять недолго. Недаром и кормить стали лучше, и фуража не жалели. По всему — и особенно по напряженным лицам командиров — чувствовалось, что вот-вот грянут какие-то небывалые события.

За год службы в áрмии Матёз так и не сдружился ни с одним красноармейцем. Этот огромный, мрачноватый с виду джигит не располагал окружающих к откровенным душевным разговорам, да и о себе не рассказывал. Знали о нем только одно: до армии был батраком хивинского купца и хлопкозаводчика Аллакулибая, откармливал его кучкаров — бойцовых баранов.

— Матёз! Здравствуй, друг! Как дела?

— Спасибо, ага, все хорошо.— Матёз отпустил уздечку, но конь не ушел от хозяина, стоял, преданно глядя на него.— Хотел с вáми поговорить.

— Слушаю тебя.

Палван в упор взглянул на Матёза. Тому стало не по себе, он умолк. Видя, что джигит застеснялся, смутился, Палван решил его приободрить:

— О плохом, брат, не думай, осталось терпеть немного, наверно, соскучился по детишкам, письма-то домой пишешь?

— Что вы, ага! Я ведь нигде не учился. Не знаю даже букву алиф.

— Вот кончится война, и начнешь учиться на курсах ликбеза.

— Да мне, Палван-ака, скоро двадцать семь стукнет.

— Ну и что, учеба не знает возраста.

— Нет, поздно мне учиться. Другие учились, а я с детства батрачил. Не зря говорят: у бедного и дорога под ногами проваливается. Отец мой был должником бая и меня отдал ему в услуженье. Только расплатились мы с основным долгом, умер отец. Чтобы похоронить его, занял у хо-

зяина и снова стал должником. Потом хозяин сам женил меня, устроил свадьбу и еще крепче связал долгами. Трудно теперь избавиться от него.

— Наше правительство освободило бедняков от долгов. Все дóлговые расписки теперь ничего не значат. Так что можешь уйти из дома хозяина. Безземельным красным бойцам дадут землю, и ты переселишься со своей семьей на новое место. Не будешь ни от кого зависеть... Союз кушчи даст тебе коня, арбу...

Слова Палвана были для Матёза, как мед. Ему казалось, что вот-вот сбудутся его мечты.

— Сестра твоя очень старательна,— продолжал Палван,— ее, наверно, отправят учиться в Ташкент.

— Сестру отправят в Ташкент?— растерянно переспросил Матёз и тут же сказал резко:— Не пущу.

— Почему?

— А потому! Не был я согласен и на то, чтобы в Хиве училась. Глаз не могу поднять от стыда. Мало того, что учиться пошла, еще и сбросила паранджу, опозорила весь наш род, окаянная. Говорят, сбросившие паранджу забыли стыд и совесть.

— А ты не верь уличным слухам, их сеют наши враги. О моей невесте Якутай тоже ходили дурные слухи. Раньше девушек продавали, как рабынь, а революция освободила их от рабства, угнетения. Подумай сам: разве они не люди? Совесть и честь не боятся света, а бесстыдство прячется в потемках. Разве мало было таких, кому и паранджа не мешала распутничать? А может, ты забыл, как в Хиве стреляли нам в спину враги, скрывавшиеся под паранджой. Пока еще можно по пальцам перечесть тех, кто сбросил паранджу, но скоро многие женщины освободятся от этого зиндана.

Матёз как-то разом замкнулся, насупился и уже не вникал в его слова.

— Товарищ командир, не говорите о сестре.

— Нет, о ней надо говорить! Назира — смелая девушка. Ты стал красноармейцем, чтобы построить счастливую жизнь. Строит ее и Назира. В один прекрасный день поймешь, что был неправ. Да... что же ты собирался мне сказать?

— Так, ничего особенного...— Матёз опустил глаза.— Просто хотелось поговорить.

«Несмотря на тяжелые условия расквартирования, подготовка к походу проведена усиленным темпом,— сообщал

Хорун командующему,— произведена ковка лошадей, осмотрены и починены седла, усилена дача зерно-фуража. Отдано распоряжение приготовиться к выступлению, эскадронам выстроиться на западной окраине Куня-Ургенча. Каждый боец должен взять с собой 10 фунтов овса, 3 снопа клеверу, фунт вареного мяса, хлеб, соль, сахар. Одновременно послано приказание Якши-Гельды о немедленном прибытии отряда в Куня-Ургенч. Группа в составе 350 красноармейцев и 450 джигитов с 30 тысячами патронов в запасе выступила на колодцы Балыклы».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ночь была холодная, беззвездная. Порывами налетал ледяной ветер, и казалось, будто вокруг, сухо шурша, медленно ползут высокие черные барханы.

Присланный Якши-Гельды проводник, несмотря на темень, не сбился с пути и туманным утром вывел медленно двигавшуюся колонну к озеру Карасу, что западнее Куня-Ургенча.

— Пора устроить привал,— обратился Хорун к Шайдакову и Палвану.— Коням дадим по снопу клевера и овса — с таким расчетом, чтобы им хватило и на завтра.

— Надо послать джигита в Куня-Ургенч с приказом направить в Балыклы караван с трехдневным запасом фуража и продовольствия,— медленно произнес Шайдаков.

Палван промолчал. Все это было обговорено и решено еще до начала похода, и пока что не произошло ничего особенного, чтобы на ходу изменять основательно продуманный план действий. По этому плану джигитов Якши-Гельды решено было разделить на три группы и передать в распоряжение командиров эскадронов. От Карасу надлежало выступить тремя колоннами: первая держит путь прямо на колодцы Балыклы и наносит удар с фронта, а командиры эскадронов Шевцов и Лутохин обходят их с юга и севера. Предполагалось, что для Джунаида появление красных в пустыне в конце февраля должно быть полной неожиданностью — и не потому, что приготовления к такой крупной операции удалось сохранить в глубокой тайне, а именно потому, что приготовления были в разгаре и всем говорилось: выступление назначено на 15 марта.

Джунаид, как потом выяснилось, прекрасно знал о подготовке к походу и о назначенном сроке, но, не сомневаясь в правильности полученных им сведений, тем не менее, был начеку: выслал разъезды в направлении наиболее вероят-

ного движения красных, его разведчики и обнаружили их у Карасу, в тридцати километрах от колодцев.

В десять часов утра группа, разделившись на три колонны со взводами фронтального охранения и дозорами на флангах, двинулась к Балыклы.

Не проехали и пяти километров, как охранение правой колонны Шевцова, имевшей задачу охватить Балыклы с севера, заметило свежий след пяти коней, ведший в сторону колодцев. В одиннадцать часов северную колонну обстрелял разъезд противника — примерно тридцать всадников. Не прошло и пяти минут, как связной доложил Хоруну, что примерно двести джунаидовцев расположились засадой в саксауле.

— Немедленно развернуться и идти в атаку,— приказал Хорун.

Заметив развертывание, джунаидовцы начали отходить на юг, но уперлись в колонну Лутохина и повернули на запад.

С высокого бархана, на который поднялись Хорун и Палван, все происходящее было хорошо видно.

— Отходят, но не слишком торопятся, явно хотят, чтобы их преследовали. Что это — обманный маневр?— Хорун отнял от глаз бинокль и взглянул на Палвана.

— Да, думаю, преследовать их не надо. Хотят сбить нас с пути, увести в сторону от Балыклы. А тем временем Джунаид занимает выгодные рубежи. До колодцев еще далеко. Перед нами не менее трех тысяч всадников. Дело предстоит жаркое...

— Как вы полагаете, Джунаид сосредоточит все эти силы на оборонительных рубежах?

— Нет, как всегда, оставит лучшие отряды в резерве. Этот безграмотный хан воюет вполне грамотно, быстро и хладнокровно оценивает обстановку и умеет наши маленькие ошибки превращать в большие.

— Значит, нельзя нам, товарищ Ибрахимов, ошибаться.

Они пришпорили коней и, сопровождаемые вестовыми, быстро нагнали недалеко ушедшую вперед центральную колонну.

Прошло часа полтора. Противник не давал о себе знать. От Лутохина и Шевцова, вместе с которыми находился Шайдаков, донесений не поступало — значит и у них все было спокойно.

Колонны продвигались медленно — путь по пескам тяжел, перед боем не следовало утомлять коней.

Хорун молча достал карманные часы и, открыв крышку, тотчас захлопнул ее. Палван поднял глаза и увидел всадников, мчавшихся из-за барханов.

— Час дня,— спокойно произнес Хорун.— Атаку принимаем в конном строю.

Подскакав на пятьдесят — сто шагов, басмачи дали несколько залпов и повернули назад. Красноармейцы и джигиты Якши-Гельды начали их преследовать. Вперед вырвались Хорун, Палван и комиссар полка Штраль.

И тут же справа и слева с диким гиканьем ринулись на бойцов конники Джунаида.

План Джунаида был дерзок и прост: неожиданным ударом — так, чтобы красные и опомниться не успели,— разгромить превосходящими силами центральную колонну, а потом добраться и до остальных. Но двигавшиеся невдалеке, в двух-трех километрах от Хоруна, Шайдаков и Шевцов услышали стрельбу и, не видя центральной колонны на гребне барханной цепи, стремглав помчались на выстрелы. И Лутохин, не ожидая приказа, ввязался в дело.

На пятикилометровом пространстве все было перепутано. В жизни не видел Хорун такой неразберихи: по всему полю метались джунаидовцы и неотличимые от них джигиты Якши-Гельды — в таких же черных лохматых папахах и на таких же текинских конях. Они-то своих и чужих узнавали сразу, а каково было красноармейцам!

Бой был яростным, но недолгим. Поняв, что маневр его не удался, Джунаид не поддержал своих всадников, видимо, решив, что чем раньше отступит, тем лучше, что нет проку кидать в эту сечь до времени приберегаемые силы.

Басмачи обратились в бегство, красноармейцы стали их преследовать, но в Каракумах идти долго галопом или рысью невозможно. Вскоре преследуемые и преследователи сбавили скорость, а потом и вовсе двинулись шагом: и те и другие берегли коней. Главное было: не дать басмачам оторваться, не упустить их из виду.

Побывав у своих бойцов, Палван подъехал к Хоруну.

— Вы ранены?

— Чепуха, немного содрана кожа.— Хорун прижимал к уху окровавленный платок.— Сейчас фельдшер перевяжет... Вот это бой! Ну и ну! Люди бегают без коней, кони без всадников. Повсюду мелькают черные папахи. Поди разбери, где свои, где чужие... Ординарца зарубили. Артык меня выручил. А я, не разобравшись, чуть было голову ему не снес.

— Молодец джигит, умеет драться!

— Неопытен, но смел,— уточнил Хорун.— А вы, Палван, и впрямь выше всех похвал.

— Да нет, что вы... Просто я увидел своего бывшего хозяина Матчон-туру и все прорывался к нему.

— Если бы все так прорывались, бой закончился бы раньше...

— Не хвалите, а то сглазите,— смущенно произнес Палван, более всего довольный тем, что Хорун впервые назвал его по имени.

— Нам,— продолжал Хорун,— надо срочно что-то предпринять, чтобы в дальнейшем не было подобной неразберихи. Может, красные лоскуты нашить на папахи? Как думаете?

— К добру это не приведет: Джунаид прикажет басмачам нашить такие же лоскуты и начнет дурить нам голову, того гляди, бандиты с красными лоскутами на папахах доберутся и до наших караванов.

— Как же быть?

— Чтобы бойцы в ближнем бою узнавали наших джигитов, пусть те кричат: «Якши!» Чтобы сбить врага с толку, может, даже лучше не один такой пароль, а несколько: например, «Артык», «Хорун»...

— «Штраль»,— добавил Хорун.

— Нет, такой пароль не запомнят, перепутают. И потом, товарищ командир полка, надо бы иначе группировать джигитов. Они не знают русского языка и в бою чувствуют себя уверенней, когда рядом с ними их земляки. Оттого они и растерялись и принялись бесцельно скакать с фронта в тыл и из тыла во фронт.

— Пожалуй, вы правы. Я дам такое указание командирам эскадронов. А вы найдите Артыка и все это ему растолкуйте.

В два часа дня красноармейцы, гнавшие всадников Джунаида, были остановлены спешенной цепью басмачей. Миновав ее, преследуемые конники исчезли из глаз — как сквозь землю провалились.

Поросшие саксаулом невысокие барханы хорошо маскировали басмачей. А бойцам надо было преодолеть лежавшую у подножья этих барханов насквозь простреливаемую местность. Центральной и северной колоннам пришлось спешиться и вступить в огневой бой, а тем временем южная колонна начала обход басмачей с фланга. Против нее Джунаид бросил конные сотни — напоровшись на пулеметный огонь, они повернули назад. Боясь окружения, основные

силы басмачей под прикрытием огневого заслона начали откатываться в сторону Балыклы. Вскоре от Шайдакова и Шевцова пришло донесение: противник настойчиво контратакует, пытается оттеснить северную колонну к центральной и обойти ее с фланга.

В шестнадцать часов, когда красные бойцы приблизились к Балыклы на четыре-шесть километров, им снова пришлось спешиться. На сей раз басмачи заняли полукруговую оборону — они прятались за барханами, подступ к которым представлял совершенно ровное пространство.

— С юга?— коротко спросил Хорун.

Палван кивнул.

Одновременно перед Шайдаковым и Шевцовым была поставлена задача — прорваться в тыл противника с целью захвата обоза.

Усиленная пулеметным взводом, южная колонна, смяв конные заслоны, начала обходить басмачей. Те, отстреливаясь, поспешно отступали к центру оборонительной цепи, кавалеристы Лутохина преследовали и рубили их.

Но в это время конные сотни Джунаида, запрятанные в низине, километрах в трех от Балыклы, яростно атаковали южную колонну, и она начала откатываться на восток. Шайдаков и Шевцов, боясь упустить басмаческий обоз, пробились сквозь плотный огонь, не считаясь с потерями, прорвали оборону противника и, растянувшись по фронту и в глубину, уже подходили к колодцам. И тут Джунаид бросил в бой последний свой резерв — три сотни всадников. Они как бы разрезали пополам колонну: большую часть ее оттеснили назад, за прорванную линию обороны, а Шайдаков и Шевцов с неполной сотней бойцов оказались в неумолимо сжимавшемся кольце.

Спасти их и остановить откат конников Лутохина можно было только решительными действиями центральной колонны.

— Приготовиться к атаке в конном строю!— приказал Хорун.

По всему фронту раздалось «ура!». Сверкая клинками, полным галопом, благо пески здесь были улежавшиеся, плотные, мчались кавалеристы навстречу пулям. Пули свистели, шипели, взрывали песок под копытами коней. Вместе с живыми кони несли вперед раненых и убитых.

...Басмачи еще обреченно отстреливались. Те, кто успел вскочить на коня, улепетывали прочь, прижавшись к гривам.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Овладев Балыклы, красноармейцы и джигиты километров пятнадцать преследовали басмачей, отступавших в сторону колодцев Чарышлы и Даудыр, и на этом пути отбили у них четыреста верблюдов и почти три тысячи овец. Погоня прекратилась, когда кони совершенно выбились из сил.

Джунаид вывез из Балыклы все ценное имущество, продовольствие и фураж, но, видимо, до последнего момента он надеялся разгромить красных, Басмачи не успели загрязнить все восемь колодцев — в двух из них вода оказалась чистой. Остались в Балыклы и сотни неразрушенных юрт с кошмами, с разной домашней утварью и заготовленным впрок саксаулом. Всем этим теперь воспользовались бойцы, утомленные долгим тяжелым боем. Впервые за многие дни они сняли шинели и блаженствовали в тепле — кто поджав под себя ноги, кто растянувшись на кошме, прислушиваясь, как шумит вода в самоваре. Потом не спеша пили ароматный чай. В этой почти мирной обстановке, еще не остывшие от горячки боя, они были полны впечатлениями прошедшего дня. Даже в юртах, где разместили раненых, царила необычная приподнятость.

...В просторной высокой юрте, явно принадлежавшей какому-то главарю, комиссар Штраль, пристроившись возле ярко горящего саксаула, что-то быстро писал в блокноте, то и дело затачивая карандаш перочинным ножичком.

Рядом, подложив руки под забинтованную голову, лежал на кошме Хорун. «Преследовать или вернуться в Куня-Ургенч? — эти мысли занимали его сейчас.— В приказе командующего ясно сказано: продолжить рейд по пустыне лишь в том случае, если в Балыклы будет захвачен обоз Джунаид-хана. Эта задача как раз и не выполнена. Несмотря на все принятые меры, Джунаид обнаружил движение группы за десять часов до того, как она достигла Балыклы. Однако захвачено немало верблюдов и баранов, есть возможность запастись водой. Но самое главное это то, что Джунаид не смог отстоять Балыклы, его воинство, может, еще и не деморализовано, но начало этому положено, преследование басмачей ускорит развал банды. Нужно нанести им еще один мощный удар, после которого для многих из них станет очевидной бессмысленность дальнейшего сопротивления. И удар этот надо нанести именно теперь, когда наше движение в самую глубь пустыни без основательного запаса продфуража представляется басмачам почти невероятным. Ведь в том же приказе командующего говорится:

«Действия группы должны быть импровизированными и, если потребуется, нарушающими обычные военно-организационные принципы».

Однако углубиться в пустыню, имея трехдневный запас фуража и двенадцать четырехведерных баков воды,— не будет ли это неоправданным риском? Если и на сей раз не удастся отбить у басмачей обоз, группа почти наверняка застрянет в песках и, не приди большой караван, даже не сможет вернуться в Куня-Ургенч...

И все же басмачей надо преследовать. Ведь если вернуться и снова готовиться к походу, будет потеряно время, того гляди наступит жара, и пустыня станет непроходимой для крупных отрядов.

Но вправе ли он, Хорун, единолично принимать решение, ставящее под угрозу жизнь вверенных ему людей? Положиться на авиацию нельзя — погода нелетная. Судя по прошедшему бою, противник численно вчетверо превосходит группу. Прав Палван: победить здесь, в пустыне, можно лишь на пределе человеческих сил. Верят ли люди в успех нашего дела, по своей ли воле продолжают труднейший поход, или вопреки ей, подчиняясь приказу? Все это очень важно. Надо выслушать мнение комполитсостава и пригласить на совещание Артыка и его сотников. Пусть посоветуются, ничего не скрывая, с красноармейцами, джигитами. Решение должно быть общим.

Молчание в юрте было нарушено появлением Артыка. Произнеся слова приветствия, он робко остановился у входа. Хорун поднялся.

— Проходи, дорогой, присаживайся,— сказал Шайдаков.

Артыка усадили на почетное место.

— Молодец, хорошо воевал,— похвалил его Хорун. Палван перевел.

— Не люблю воевать. Отец послал. Ничего не поделаешь!— Артык развел руками.

Сделав для приличия несколько глотков из пиалы, он тихо обратился к Палвану:

— Палван-ага, джигиты...— лицо его зарделось,— просят отдать им захваченный скот, хотят угнать его домой. Сами знаете, наше племя бедное. В январе Джунаид отнял у нас тысячи овец и сотни верблюдов, кишлаки наши разграбил, даже юрты увез...

— Хорошо, Артык, мы здесь обсудим вашу просьбу и утром дадим ответ.— Палван помолчал.— Пусть джигиты не самовольничают,— добавил он строго.

Раскуривая трубку, Шайдаков усмехнулся в рыжую бороду — он понял, о чем речь.

Артык ушел. Палван и Шайдаков переглянулись.

— О чем это вы беседовали?— встрепенулся Хорун и, узнав в чем дело, помрачнел:— Все трофеи, кроме необходимого для довольствия бойцов, принадлежат правительству Хорезма, только правительство вправе распоряжаться ими. Джунаид ограбил не только племя Якши-Гельды — годами свозил он в пустыню добро, отнятое у народа Хорезма. Надо объяснить джигитам, что все, забранное у них басмачами, будет возвращено им законным порядком.

— У них о законности и праве несколько иные представления,— заговорил Штраль, укладывая блокнот в полевую сумку.— Басмачи отняли у них скот. Теперь вместе с красноармейцами они отняли скот у басмачей. Они считают его своим, но, видимо, Артык внушил им, что какая-то часть его принадлежит красноармейцам. Надо без промедления отдать им овец, объявив, что верблюдов получат, когда закончатся бои в пустыне.

— Правильно!— поддержал комиссара Палван.

— А я согласен с командиром группы,— спокойно произнес Шайдаков.— Трофеями должно распоряжаться правительство Хорезма, и потому как член правительства и его полномочный представитель в зоне военных действий возвращаю под свою личную ответственность племени Якши-Гельды весь угнанный у него скот.

— Вы что, и верблюдов хотите им отдать?— хмуро спросил Хорун.

— Не всех. Сотни две понадобятся нам, остальных пусть угоняют. Отправив верблюдов Якши-Гельды, тем самым приобретем новый источник снабжения. Об этом мы с Палваном позаботимся, напишем письмо. Вы же знаете, что Якши-Гельды передал почти весь свой верблюжий транспорт в распоряжение командующего.

— Ну, это другое дело,— по губам Хоруна скользнула улыбка.— А что, не поужинать ли нам трофейной бараниной?

На следующий день, едва рассвело, конный разъезд отправился по пути отступления Джунаида. Красноармейцы прошли километров двадцать и вернулись назад, доложив, что басмачи никуда в сторону не свернули, следы ведут к колодцам Чарышлы.

Хорун сразу же созвал военный совет. На него по предложению Палвана были приглашены не только Артык и со-

тники, но и несколько стариков, отправившихся в поход вместе с джигитами. Их-то Хорун и попросил первыми ответить на вопрос: следует ли преследовать Джунаида или лучше возвратиться в Куня-Ургенч и более основательно подготовиться к новому походу в пустыню?

Седобородые аксакалы держались с достоинством, говорили спокойно, как будто не впервые участвовали вместе с красными командирами в таких военных советах.

— Нельзя возвращаться,— сказали они,— иначе Джунаид откочует к иранской границе и, получив помощь от англичан, снова вернется терзать Хорезм. Прогнали его из Балыклы, прогоним и из Чарышлы. Вода будет, бараны будут, караван придет.

И командиры эскадронов высказались за продолжение похода — но более осторожно, подчеркивая, что риск немалый.

— Красноармейцы настроены по-боевому,— заговорил заикающийся после контузии Лутохин.— Никто и думать не желает о возвращении в Куня-Ургенч. Так что, за людей ручаюсь, а вот выдержат ли кони?

— Басмачи Джунаида теперь в таких же условиях, как и мы,— сказал Шайдаков.— Победит тот, у кого воля крепче. Верите вы в успех дела?— спросил он Лутохина.

— Верю.

— А вы?— обратился он к Артыку.

— Джунаида гонять надо,— ответил тот, старательно выговаривая русские слова, и добавил по-туркменски:— Чем быстрей кончится война, тем лучше.

Как и желал того Хорун, было принято решение преследовать Джунаида по горячим следам, выступить тотчас же, как только прибудет караван с продовольствием и фуражом. В Куня-Ургенч был направлен джигит с приказом начальнику хозяйственной части полка немедленно отправить в Чарышлы транспорт с шестидневным запасом воды, фуража и продовольствия.

Джигит ускакал, а каравана все не было. Прибыл он лишь на вторые сутки: сорок арб и около сотни тяжело груженных верблюдов. Дороги на Балыклы, пригодной для арб, не было. Палван сразу понял: бойцы чуть не весь путь днем и ночью сами тянули их по бездорожью, помогая выбившимся из сил лошадям.

— Какой дурак отправил сюда арбы?— вспылил Палван, глядя на своих измученных бойцов и не находя среди них Сафаргалди.

— Решили, видно, на ближние колодцы направить арбы, чтобы приберечь верблюдов для дальнего пути,— ответил Шайдаков.

Но Палван не слушал его: у одной из арб он заметил сгрудившихся красноармейцев и быстро зашагал к ним. Они расступились — на земле лежал завернутый в шинель Сафаргалди. Скованное морозом лицо, плотно сжатые губы, как-то странно изогнутая бровь — пуля попала в висок.

Палван опустился на колени, по щекам его медленно катились слезы. Стычка с басмачами стоила жизни лучшему из бойцов.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Двинулись на Чарышлы. Теперь под началом Хоруна бойцов было на сотню меньше, чем в начале похода,— шестьдесят убито и ранено. Раненых повезли в Куня-Ургенч на верблюдах — не так тряско, как на арбах, по бездорожью.

В Балыклы был оставлен небольшой гарнизон — обеспечить там безопасный привал караванам и закрыть эти колодцы для басмачей, просачивающихся из пустыни в оазис.

Небо было затянуто снеговыми тучами, дул холодный северный ветер. Преодолевая сыпучие барханы, кони тяжело шагали по узкой вязкой тропе. Шествие растянулось чуть не на версту, замыкали его верблюды — они все время отставали, бойцам приходилось останавливаться, ждать, пока подтянутся. Справа и слева от колонны, так, чтобы не потерять ее из виду, двигались конные дозоры — местность была пересеченная, вокруг громоздились барханы, и надо было считаться с возможностью внезапного нападения басмачей.

Не прошли и двадцати километров, как стало темнеть. Пришлось остановиться на ночлег: слишком рискованно идти ночью без фланговых дозоров, а они, не видя колонны, сбивались с пути.

За кольцевым охранением, выставленным в километре от бивака, запылали костры. Промерзшие на ледяном ветру бойцы жались к огню. Перед походом все запаслись вареной бараниной и теперь ели ее с сухарями, кипятили чай — у каждого было по две фляги воды. Но вдруг объявили приказ беречь воду. Оказалось, во всех двенадцати баках вода не пригодна для питья: баки изготовлены из ржавого железа, прежде в них возили керосин. Услышав такое, Хорун пришел в ярость и чуть было не расстрелял начальника

хозвзвода: тот твердил, что баки получены от начальника хозчасти полка, что воду в них заливали бойцы, а он лишь помогал навьючивать баки на верблюдов.

Красноармейцы и джигиты разбрелись по биваку, стали собирать в котелки кое-где сохранившийся в оттепель снег, растапливать на огне, но его было очень мало, не все смогли наполнить снеговой водой фляги.

Непоенные кони отказывались есть корм, а ведь завтра им снова преодолевать барханные цепи... На Хоруне не было лица. Через восемь часов после выступлении из Балыклы его группа оказалась в критическом положении.

По расчетам бывалого проводника, старого туркмена Аннагельды, конники должны были за день пути добраться до дождевых ям Идехауз, где в это время года много снеговой воды. Но старик не учел, что придется ехать, примеряясь к скорости каравана верблюдов, а она не больше трехтрех с половиной километров в час, да к тому же и собрались в путь только в полдень.

Расстроенный старик, ни на кого не глядя, сидел у командирского костра, молча пил чай. Потом обратился к Палвану:

— Скажи им, сынок, Аннагельды не виноват — плохо ехали.

Пустыня дышала холодом. К полночи мороз и вовсе рассвирепел. Джигиты начали копать глубокие, в рост человека, ямы и разводить в них костры. Красноармейцы последовали их примеру.

Костры догорали. Головешки и уголь люди отгребали в сторону и, поджав под себя ноги, устраивались на прогретом песке. Потом даже говорили, что в этих ямах спать было куда теплее, чем в домах Куня-Ургенча.

— Мне этой ночью все равно не заснуть, прослежу за кольцевым охранением, а вы поспите, день будет трудный,— мягко сказал Палван Хоруну.— В этакую стужу надо каждый час сменять часовых.

...С красноармейцами, нехотя вылезшими из своих теплых ям, Палван поднялся на высокий гребень ближней барханной цепи.

— Ну, теперь бегите грейтесь,— приободрил он сменившихся часовых.— Вон, видите, большой костер — для вас его разожгли.

Из-за пелены облаков выглядывала белесая луна. В ее тусклом свете проступало безбрежное море барханов. Казалось, оловянные гребни нависли над черными безднами.

Палван глядел на пустыню, а видел Сафаргалди, его скованное морозом лицо и удивленно изогнутую бровь.

В шесть часов утра был отдан приказ продолжать движение.

Коней вели в поводу. К счастью, пошел снег. Кони жадно лизали его. Во время короткого привала им дали по два килограмма джугары.

Под вечер в тылу колонны началась стрельба — басмачи напали на изрядно отставший верблюжий транспорт. Они были отогнаны бойцами хозяйственного взвода и подоспевшими на помощь кавалеристами.

Пока подтянулся транспорт, стало темнеть. Посоветовавшись с Шайдаковым и Палваном, Хорун решил продолжать движение.

Было ясно: басмачи обнаружили их и, если бы поблизости от колонны находились крупные отряды Джунаида, а не какой-то там конный разъезд, все они навалились бы на отставший транспорт красных. Но основная масса басмачей, видимо, находилась где-то юго-западнее, о том говорило множество кострищ вдоль караванной тропы.

Не прошло и получаса, как в темноте проступили оранжевые пятна.

Палван поспешил к проводнику.

— Где эти костры, ата?

— Возле водных ям Идехауз.

«Раз не трогается с места, значит, подготовился к ночному бою, ждет нас...— подумал Палван.— Не надо спешить, далеко басмачам от нас не уйти».

Хорун рассудил так же: приказал немедленно остановиться. Коней не расседлывали. Было выставлено усиленное охранение.

Как и в прошлую ночь, мороз лютовал. Но, несмотря на это, уставшие, с рассвета дотемна шагавшие бойцы засыпали на постах. «Каждый час докладывайте мне о бдительности охранения»,— распорядился Хорун.

Командиры всю ночь будили бойцов.

— Басмачи немного подождали и снялись с места, до утра им оставаться резона нет,— сказал Шайдаков, когда они с Палваном перед рассветом остались одни у костра.

— В полночь, наверно, ушли... Если сегодня до обоза не доберемся, преследовать дальше не сможем.

— То-то и оно! Джунаид это не хуже нас понимает. Не зря посылал своих проверить — велики ли наши припасы. Постарается спрятать обоз, а нас увести в сторону.— Шай-

даков помолчал.— Ты Хоруна не покидай. Одна голова хорошо, а две лучше. И потом...

— А что, Николай Алексеевич, потом?

— Может, тебе придется обозом их заняться.

— Мне? Но ведь командир группы поставил эту задачу перед Шевцовым, выделил ему двести пятьдесят красноармейцев и джигитов на лучших конях.

— Правильно, они первыми на Идехауз отправляются, и я с ними. Э, кто знает, как все повернется... Конечно, постараемся. Но и ты не плошай! Ну, брат, бывай здоров, мне пора. Слышишь, уже собираются.

У дождевых ям Идехауза басмачей не оказалось. Передовой отряд Шевцова, а затем и вся группа, напоили коней.

Шел снег, и следы банды, отступившей на запад, были еле заметны. Проводник долго глядел по сторонам и наконец объявил: басмачи находятся между колодцами Чарышлы и Даудыр, отстоящими друг от друга в одном дне перехода.

В четырнадцать часов разведка передового отряда доложила, что басмачи заняли оборону на тянущихся с севера на юг высоких, тридцати-сорокаметровых барханах. О лобовой атаке нечего было и думать.

— Неплохо расположились,— с досадой произнес Шайдаков.— Перед ними вся местность, как на ладони.

— Это они умеют, черт бы их драл!— Шевцов поднял на Шайдакова воспаленные покрасневшие глаза.

— Вот что, вы с отрядом обходите их,— предложил Шайдаков,— а я с пятнадцатью джигитами поднимусь на бархан прямо перед их позицией — пусть решат, что готовимся к фронтальной атаке.

Как только Шайдаков и джигиты оказались на гребне бархана, где надо было сразу же спешиться и залечь в укрытие, басмачи открыли залповый огонь. Шайдаков едва успел соскочить с рухнувшего замертво коня. «Лучше бы меня!»— в сердцах подумал он. Этот конь не раз выручал его и был дорог ему как друг.

Находившиеся километрах в шести от передового отряда Палван и Хорун оставили для прикрытия своего обоза полсотни джигитов и со своими бойцами пошли рысью на звуки выстрелов.

Как и под Балыклы, Шевцов и Лутохин охватывали басмачей с флангов, вынуждая их откатываться назад, занимать новые позиции. Но на сей раз басмачи держались тверже: непрерывно контратаковали. И вот красные и бас-

мачи, как и под Балыклы, сошлись лицом к лицу по всему широкому фронту...

Хорун и Палван следили за происходящим с бархана. А за барханом дожидалась приказа полусотня бойцов с двумя пулеметами — единственный их резерв.

Но он не понадобился: полуторатысячная масса басмачей начала отступать на юг, в сторону колодцев Даудыр, увлекая за собой красных конников.

Палван вдруг заметил, как группу в несколько сот басмачей, отходившую на юго-запад, нагнал примчавшийся галопом всадник, и она тотчас же повернула к югу, а за ней — и бойцы Лутохина. И тут мелькнула мысль: обоз Джунаида, должно быть, юго-западнее его основных сил. А Шайдаков и Шевцов, чтобы захватить обоз, стараются прорваться в тыл джунаидовцам...

«Через час стемнеет, и обоз уйдет. Но, может быть, он вовсе и не там, где я думаю? А басмачи, которых преследует Лутохин, бегут не только от красных, но и от Джунаида. После второго поражения многие сотники с верными им людьми, улучив момент, стараются скрыться... Нет, здесь что-то не то... Если бы бежали от Джунаида, убили бы связного — и делу конец. А они сразу подчинились приказу, потянулись к югу. Если басмаческий обоз впереди отступающего Джунаида, незачем ему сводить здесь силы красных в один кулак, вроде бы выгоднее рассеять их».

— Ну что, кажется, завершаем. И все же душа неспокойна,— доверительно сказал Хорун.— Сдается мне, что, и отступая, басмачи выполняют какой-то план, подчиняясь приказу своего предводителя. Боюсь, не возьмет Шайдаков их обоз. Нет, не возьмет...

— Вы заметили? Басмачи уводят Лутохина к югу. Думаю, обоз несколько западнее,— уверенно произнес Палван.

— Понятно! Но если повернуть Лутохина, басмачи из преследуемых превратятся в преследователей. Надо действовать самим, со своей полусотней. По коням!— крикнул Хорун, глаза его лихорадочно блестели.

— Прошу вас поручить это мне. Вам нельзя. Многое еще может случиться. Бой не окончен.

Палван развернул своего коня, загородив командиру путь. Конь Хоруна взвился на дыбы.

— Хорошо!— выдохнул Хорун.— Удачи вам!

...В полусотне, которую вел Палван, были хорезмские красноармейцы, бойцы его отряда. Следом за ним шел Матёз на отощавшем, но ухоженном коне. Палван оглянулся, подозвал Матёза. Тот прибавил хода и очутился рядом.

— Матёз, браток, бойцы тебя знают. Если настигнем обоз хана, отбить его будет нелегко. Сам видишь, мало нас... В бою следуй за мной. Если что...— Палван помолчал,— бери отряд в свои руки.

— Суф-суф!— словно отгоняя нечистый дух, скороговоркой произнес Матёз.— Живите сто лет, Палван-ага!

Палван внимательно посмотрел на суеверного широкоплечего парня, с детских лет батрачившего, подчинявшегося чужой воле,— сколько в родном Хорезме таких, как он, затравленных жестокой судьбой, опутанных предрассудками; как нелегко даются им новые представления о жизни, людях, свободе...

...Уже и день померк, а ничто не говорило о близости джунаидовского обоза. Куда ни глянь — безлюдная пустыня, барханы, барханы...

Тем временем кавалеристы Лутохина, увлекшиеся преследованием басмачей, повернувших к югу, оказались впереди других отступающих конников Джунаида. Преследуемые круто развернулись, приняли бой, и отряд Лутохина тут же оказался в плотном кольце.

В наступивших сумерках повсюду раздавалась стрельба, и Хорун понятия не имел, что где-то рядом отбиваются от навалившихся на них басмачей бойцы Лутохина. Вместе с несколькими командирами он собирал отставших и легко раненных бойцов и джигитов, образуя свой резерв на случай внезапной контратаки Джунаида. И тут примчался от Лутохина политрук Байчук, прорвавшийся сквозь конную цепь басмачей. Хорун направил приказ Шевцову идти на выручку окруженным и сам с Байчуком и собранными бойцами помчался на звуки боя.

Не выдержав двойного удара, басмачи обратились в бегство.

— Палван-ага, смотрите, бараны!— Матёз первым заметил плывущие по пустыне почти не различимые в сумерках отары.

Палван сразу воспрянул духом. Вместе с наступлением вечера надежда найти обоз таяла, и вот — нашли все же!

Следом за отарами, подгоняя отставших овец, двигались всадники. Огибая барханы, бойцы Палвана приблизились к ним незамеченными.

Всадников было не меньше полусотни — то тут, то там виднелись маленькие группы по пять-шесть человек. Надо

было не дать им собраться воедино, уничтожить поодиночке.

Но застигнутые врасплох басмачи упорно сопротивлялись. Стреляли они метко, и в первой же стычке Палван потерял троих бойцов.

Разгромив джунаидовский конвой, отряд двинулся дальше на юго-запад. Прошло минут двадцать, и тут откуда-то из сгущающейся тьмы на красноармейцев обрушилась с диким криком лавина басмачей.

Но, встреченные пулеметным огнем, они смешались.

«Позаботились главари об охране каравана! Правда, в темноте не видно, что нас горстка»...— подумал Палван.

Завязался бой. Басмачи все же поняли, что красноармейцев немного, и вовсе не собирались уступать им обоз. Маневрируя, Палван смог взять их под перекрестный пулеметный огонь и тем временем отбить около сорока верблюдов.

Отстреливаясь, красноармейцы начали отходить.

Как потом выяснилось, верблюды несли тюки с каракулевыми шкурками и мешки с хлебом. Девятьсот килограммов хлеба.

Из радиограммы командующего Хорезмской группой войск Кутякова командованию Туркестанского фронта:

«Набег на ставку и базу Джунаид-хана — колодцы Балыклы — командованием Конной группы превращен в операцию.

Высланный мною 6 марта самолет с начальником штаба т. Клецких на колодцы Чарышлы из-за сильного тумана и сгущенности облаков в районе озер Ташауза и Куня-Ургенча возвратился безрезультатно.

Я считаю командира Конной группы т. Хоруна и т. Шайдакова вполне развитыми в военном отношении людьми, и их движение на колодцы Чарышлы, что в 250 км юго-западнее Куня-Ургенча, в глубину песков, без достаточно солидной хозяйственной подготовки, дает возможность предполагать захват у противника возле колодцев Балыклы соответствующего количества продфуража и довольствия...

Как только позволит погода, я или начальник штаба вылетим на Балыклы с целью розыска Конной группы».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Даудыр, где поначалу расположилась Конная группа Хоруна, находился километрах в пятнадцати от места последнего боя. Здесь было шесть колодцев с горько-соленой водой и вокруг никакой растительности. Кончился фураж, и Хорун был вынужден отвести группу на три километра южнее колодцев, в богатую саксаулом долину, тянувшуюся меж двумя барханными цепями.

Высланные к колодцам Чарышлы и Нафес-кую разъезды доложили, что басмачей там нет, а вода в них такая же горько-соленая.

«Наверное, ушли на Бала-ишим — это отсюда два дневных перехода»,— сказал проводник, но проверить его предположение не удалось — ночной ветер замел все следы. Впрочем, если бы местопребывание басмачей и было известно, преследовать их группа все равно не могла — обессилели кони. Голодные, они с жадностью грызли мелко нарубленные тонкие ветки саксаула и, завидев своих хозяев, жалобно ржали, нюхали их руки, тянулись мордами к карманам шинелей, из которых столько раз получали кусочки хлеба. Но карманы эти были пусты. Захваченного у басмачей хлеба хватило ненадолго, уже третий день бойцы питались одним мясом. А вода даудырская такая, что после нескольких глотков начиналась рвота. Фельдшер запрещал пить ее сырой, но кипяченая она была еще противней. Люди страдали от кровавого поноса. Заболели все, включая фельдшера. А тут еще разыгралась песчаная буря. Она разметала, погасила костры. Чтобы спастись от ледяного ветра и вездесущего песка, забивавшего рот, ноздри, глаза, начали чем попало рыть ямы. Но спать в них никому не пришлось. Каждый час приходилось выбираться из-под толстого слоя песка, выбрасывать его из ямы, чтобы не быть погребенным заживо. Шайдаков, Палван, Хорун и другие командиры то и дело выбирались из ямы, окликали своих бойцов. Временами Хоруну казалось, что весь его полк лежит в могилах.

Люди надеялись: стихнет буря — отдохнут. А на следующий день — проливной дождь со снегом, с порывистым северным ветром. Больным, промокшим с головы до ног бойцам пришлось водить коней по кругу, чтобы они хоть немного согрелись.

Посовстовавшись с Шайдаковым И Палваном, Хорун приказал выступить на Идехауз, где в дождевых ямах был немалый запас пресной воды.

— Идехауз — на караванной тропе. Чем быстрее доберемся до него, тем скорее встретим караван,— разъяснили бойцам.

До этих уже знакомых ям измученные люди и кони тянулись чуть ли не сутки. Добравшись до пресной воды, жадно пили ее, поили коней. И тут ко всеобщей радости прибыл караван в двести верблюдов, отправленный Якши-Гельды. Их развьючили возле палатки Хоруна. Красноармейцам и джигитам выдали в первый день по двести граммов сухарей и куску колотого сахара, коням — по снопу клевера. День спустя до Идехауза добрался большой, в семьсот верблюдов, караван из Куня-Ургенча.

Теперь командованию группы предстояло решить — возвращаться ли ей в культурную полосу Хорезма или стоять здесь, пока не поправятся люди и не окрепнут кони. Уйти в Куня-Ургенч — значило поднять дух разбитого противника и потом снова в жару отправляться в Каракумы, что еще хуже, чем в холода. А потому решено было остаться у Идехауза.

— Вы должны внушить бойцам и джигитам,— сказал Хорун комиссару Штралю,— что, пока не уничтожим банду Джунаида, никто не вернется в оазис.

— Вот уже не думал не гадал увидеть тебя здесь! Молодец, Салиджан! Рука-то зажила?— осунувшееся с проступившими скулами лицо Палвана сияло.

— Эх, Палван, не так-то просто было сюда пробиться. Сначала не отпускали из Хивы; добрался до Куня-Ургенча, думал, не сегодня-завтра встречусь с тобой, с бойцами, а меня — в отряд Волошина — ловить басмачей, просачивающихся из пустыни в оазис. Нет, думаю, так дело не пойдет. Стал добиваться, чтобы отправили в свой отряд, дошел до самого командующего Кутякова... Да что это я все о себе,— спохватился Салиджан.— Письмо привез от Якутай, вот оно!

Палван выхватил из его рук письмо и разом забыл и о Салиджане, и обо всем, что было вокруг. Он глядел на торопливо бегущие строчки и видел Якутай, слышал ее голос. А Салиджан, сомкнув глаза, лежал на прогретом весенним солнцем бархане.

Дочитав письмо, Палван спрятал его в карман гимнастерки и повернулся к другу.

— Ты что, спать сюда приехал?

— Вродс бы воевать...

— Теперь, наверно, повсюду в Хорезме, кроме этих мест, мир.

— Да нет, борются...

— Где?

— В Хиве. Свои со своими.

— Смеешься?

— Да нет...— Салиджан открыл глаза.— Страсти кипят из-за размежевания. Некоторые рассуждают: может, другим республикам Средней Азии оно и нужно, а нам, хорезмийцам, ни к чему. Ну пусть бы говорили такое муфтии, ахуны, дескать, все мы мусульмане, тюрки, узбек ты или туркмен — аллаху все равно. Шайтан придумал размежевание. Но и среди наших товарищей есть те, кто против образования в Средней Азии национальных советских республик!

— Не горячись, Салиджан, сам подумай: Хорезмская республика создавалась и крепла их трудом, ради нее себя не щадили. И теперь все их мысли о ней... И вдруг предлагают ликвидировать Хорезмскую республику! Размежевание многим кажется просто нелепым. Не так-то просто перестроиться, понять, что это дело нужное для всей Средней Азии.

— Ты прав. Именно таков Адинаев. К тому же, самолюбив до крайности. О размежевании и слышать не желает. Зная, что сторонников в этом вопросе у него мало, видимо, решил добиться своего любым путем. Дело кончилось тем, что на расширенном заседании ЦК его сняли с поста первого секретаря и перевели на должность второго. Первым назначен Исхак Хансуваров. Решено также созвать съезд Компартии Хорезма и обстоятельно обсудить на нем вопрос о размежевании.

— Да...— задумчиво произнес Палван.— Мы с Якутай одинаково думаем об этом.

Как только начали поправляться измученные бойцы и немного окрепли кони, Хорун направил на ближние колодцы конные разъезды. Надо было разведать, где находится Джунаид.

Двенадцатого марта в Чарышлы было захвачено четверо басмачей. На допросе выяснилось — Джунаид у колодца Бала-ишим. Некоторые его сотники ушли со своими отрядами в район Красноводска. У Джунаида не более шестисот всадников, многие хотели бы сдаться советской власти, но боятся, что их расстреляют.

На следующий день пленным дали хлеба и отправили обратно. Велели сказать своим, чтобы сдавались добровольно и без страха.

Тогда же было решено отправить в Куня-Ургенч большую часть джигитов Якши-Гельды, оставив самых храбрых: у Джунаида сил немного, а на подмогу Конной группе послан отряд Волошина — двести пятьдесят сабель.

Наступила жара. Из пяти ям Идехауза вода осталась в двух самых больших и глубоких, из которых раньше поили лошадей и верблюдов. Теперь и людям пришлось пить эту воду. Кипятили, стараясь не дышать, пили. Потом долго отплевывались. С каждым днем вода становилась все мутней и зловонней. Но люди притерпелись, приспособились и к этому.

Восемнадцатого марта торжественным парадом отметили День Парижской коммуны. Парад принимал военный назир Шайдаков. А двадцать пятого марта над Идехаузом появился самолет. Ему подали условный знак: на ровном месте разожгли костры и расстелили две простыни.

Самолет приземлился. Из него вышел Кутяков.

В тот день был намечен план дальнейших действий, и многие красноармейцы и джигиты были награждены орденами Боевого Красного Знамени.

Доклад Кутякова командующему гласил:

«После понесенных поражений численность шайки Джунаид-хана с трех тысяч уменьшилась до шестисот человек.

По всем имеющимся в данное время сведениям, база Джунаид-хана и его боевая сила находятся в районе Бала-ишим.

...Двухтысячная шайка Агаджана-ишана за истекший полуторамесячный период разгромлена окончательно. Сам Агаджан-ишан со своим помощником сдался нашим частям в районе Садвара.

...Суммируя все вышеизложенное, я решил изменить тактику борьбы с Джунаид-ханом и вместо одной Конной группы войск действовать тремя истребительными отрядами, по двести пятьдесят сабель в каждом.

Что касается организации снабжения и транспорта, то в данное время в распоряжении начальника снабжения имеются 1600 верблюдов, из которых 400 выступают с Конной группой Хоруна на Бала-ишим, 800 — с отрядом Волошина из Куня-Ургенча к главной базе Идехауз. И четыреста верблюдов возвращаются порожняком из Идехауза».

В белую юрту Джунаид-хана, поставленную вблизи колодца Як-яйли, торопливо вошел его сын Эшши.

— Отец, Анна-бала ранен, попал в плен.

— Что?!

— Палван приближается...

— Будь проклят его отец! От кого узнал?

— От хромого Юсупа, сотника Анна-балы. На рассвете их окружили красные. Внезапно ударили со всех сторон. Он один ушел. Позвать?

— Зачем дважды слушать худые вести... Кроме тебя, кто об этом знает?

— Никто. Конь его пал. Юсупа подобрали мои люди, он им сказал: «Быстрей доставьте меня к своему Эшши-хану».

— Пусть никому ни слова...

Эшши понимающе кивнул.

— Иди, зови сардоров.

Оставшись один в юрте, Джунаид-хан молитвенно воздел руки:

«О, аллах, ты дал мне власть и славу. Хивинские ханы были в моих руках, и все племена в Хорезме дрожали от удара моей камчи. Никого не щадил, охранял угодный тебе порядок. Почему же ты отступился от меня на пороге моей победы? Разве не был я твоим карающим мечом? Клянусь, пока душа в теле, буду бороться с кяфирами. О, создатель семи планет, поддержи меня в трудный час».— Джунаид-хан опустил голову, отер платком пот с крепкой багровой шеи.

...Один за другим в юрту входили сардоры. «Да, лучших уже нет,— отметил про себя Джунаид.— Любимый зять Байрам-Алихан и внук Амон погибли у стен Хивы. Теперь вот Анна-бала».

Последним появился Хан-ишан. Все почтительно склонились перед ним. Он занял место справа от Джунаида, а Матчон-тура сел с левой стороны, Ушак-бек, Куклан-батыр, Балта-ших, Дурды-клыч и другие заняли места соответственно своему положению. Старший сын, сорокалетний Эшши, и младший, Амир, с подвязанной рукой, сели несколько в стороне от всех, преданно глядя на отца, готовые тотчас исполнить любой его приказ.

Джунаид исподлобья оглядел застывших сардоров. Он знал то, о чем еще не ведали они: красные овладели Бала-ишимом, у которого он оставил немалый заслон во главе с ловким и смелым Анна-балой. Да и не то беда, что захватили эти колодцы, а что окружили заслон: одних перебили, других взяли в плен. Рушился план Джунаида удержаться

в пустыне, сохранив хотя бы небольшую часть войска. Анна-бала должен был принять бой, потом отступить на юго-восток, в безводные просторы, увести красных как можно дальше от Як-Ййли, где теперь находились основные силы Джунаида. Да, задумано было хорошо, но Анна-бала подвел...

Молчание в юрте затянулось, но никто не смел нарушить его.

Джунаид заговорил спокойно, ровным глуховатым голосом:

— Мы осаждали Хиву, победа была близка... Но, видно, велики прегрешения наши, и еще не искупили мы их в борьбе с кяфирами. Всевышний ниспослал нам новые испытания. Нас теперь мало, а враг силен. Он хочет навязать нам сражение, навалиться, сломать костяк исламского воинства. Не бывать этому! Решение мое: пусть каждый из вас найдет свою дорогу, действует со своими джигитами самостоятельно — так мы нанесем врагу большой урон. Когда соберем новые силы, объединимся. Вместе со мной пойдут мои сыновья и Ушак-бек. Мы отступим к персидской границе, поведем за собой кяфиров. Тем временем остальные должны оторваться от преследователей. Разбейте свои сотни на десятки, назначьте место встречи и рассейтесь по пустыне.

Вдруг над пологом юрты что-то загрохотало. С отчаянным криком вбежал телохранитель:

— Хан-ага, в небе летучий див!

Все вскочили на ноги. Кто-то опрокинул только что заваренный чайник, кто-то, споткнувшись, упал. Напирая друг на друга, выкатились из юрты.

Над басмаческим станом кружили два самолета. Джунаид-хан, первым овладев собой, начал стрелять в них из своей трехзарядной винтовки, за ним последовали и другие. Сразу с самолетов обрушился град пуль. Послышались стоны раненых. Некоторые басмачи в страхе закрыли голову руками, другие пытались зарыться в песок.

— Надо уходить,— сказал Хан-ишан, лежавший рядом с Джунаидом,— а то пропадем.

Самолеты, расстреляв пулеметные ленты, улетели. Через некоторое время, заметив движущийся среди барханов отряд Палвана, летчики бросили вымпелы. Красноармейцы доставили их командиру.

— Летчикам Выприху и Никитину рахмат! Ну и молодцы, добрались до белой юрты Джунаида!— воскликнул Палван.— Теперь точно знаем, сколько у него всадников,

сколько верблюдов, овец. Главное — идти за ним по пятам, преследовать днем и ночью.

Желтая мгла над раскаленной пустыней. По безбрежному морю барханных цепей, превозмогая зной и жажду, движутся красные кавалеристы. Они преследуют Джунаида и отколовшиеся от него банды. Большинство банд уже уничтожено. Десятки басмачей взяты в плен.

У Джунаид-хана, отступившего к колодцу Ажи, осталось семьдесят всадников. И тут он чуть было не попал в окружение. Путь к иранской границе ему перерезал отряд, двигавшийся из Кизил-Арвата. И все же Джунаид успел вырваться из кольца: оставив восемьдесят верблюдов, навьюченных коврами и шелковыми халатами, он бежал в Иран.

...Последний день идет группа Хоруна по Каракумам. Наконец за пологими барханами проступает далекая зеленая равнина. Еще не веря своим глазам, словно это мираж, бойцы недоверчиво глядят на нее. Но зеленый мир все ближе, и вот уже кони ступают по легкой упругой дороге.

В глубине надвигающихся сумерек загораются огни Кизил-Арвата.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Бойцы Хоруна возвращались по железной дороге в Туркестан, а отряду Палвана предстоял обратный путь по пескам — надо было найти и разгромить небольшие рассеявшиеся по пустыне шайки джунаидовцев. Двигаясь по ночам и в ранние утренние часы, его отряд побывал у многих колодцев, но нигде не обнаружил басмачей.

— Держаться где-то возле оазисов, скоро встретимся...— сказал Салиджан.

Палван и сам думал так: в глубине пустыни басмачам делать нечего, фуража у них нет да и с провизией туго.

— Доберемся до Балыклы, а оттуда двинемся к Хиве краем пустыни,— ответил он другу.

Главное теперь было — беречь коней. И бойцы заботились о них как могли, в зной обматывали им копыта, чтобы не потрескались, мокрыми тряпками.

Прошло немало дней, и, наконец, где-то километрах в пяти от озера Карасу отряд напал на след басмачей.

...В багровевшем закатном небе все четче проступали дальние барханные цепи, и словно заострялись их гребни,

похожие на неровные зубья огромных пил. Отряд шел на рысях по улежавшимся, покрытым чешуйчатой рябью пескам, заросшим редкими кустиками селина. То тут то там мелькали одинокие с обнаженными корнями деревца песчаной акации.

Примерно через полчаса впереди показались всадники — их было не более полусотни. Хотя они заметили красноармейцев и прибавили ходу, расстояние между ними и преследователями сокращалось.

Один из басмачей приотстал, и пуля сразила его коня. Упав на землю, басмач вжался в песок и обреченно закрыл глаза.

— А ну-ка вставай!— крикнул подскакавший к нему Палван.— Кто ваш главарь?

Басмач тяжело поднялся.

— Матчон-тура.

Глаза Палвана сверкнули. С давних пор он жаждал сразиться с Матчон-турой. И вот пришло время.

Палван огрел плетью коня, и тот, вытянувшись в струну, рванулся вперед.

Видя, что красноармейцев вдвое больше, и не надеясь на своих джигитов, Матчон-тура и не думал принимать бой: басмачи удирали кто куда, то и дело отстреливаясь.

— Тура, сдавайся!

Услышав знакомый голос, тура оглянулся. «О, аллах, спаси меня!»— он выстрелил в преследователя.

— Вот тебе, сын раба!

— Плохо стреляешь, тура!

Палван поднял наган, но не стал целиться в туру, выстрелил в его коня. Конь рухнул, чуть не придавив хозяина. Палван приближался, но тура успел заскочить в ворота бекета — постоялого двора у караванной тропы на границе песков.

Палван спрыгнул с коня, подбежал к полусожженному бекету, бросил в проем ворот гранату и, ринувшись на взрыв, очутился в широченном далане — коридоре, крыши над ним не было, от нее осталось лишь несколько обугленных балок.

Грянул выстрел, пуля жикнула у самого виска Палвана. Это была последняя пуля туры. Он вздрогнул, снова услышав голос Палвана:

— Тура, выходи, бросай оружие!

— Ты ранен, раб?

— Тура, теленок бежит не дальше кормушки. Твоя судьба решена. Сдавайся.

— Вот я, стреляй, сын раба!— вырвав саблю из ножен, тура кинулся на Палвана.— Совратитель Якут-бики, твоя смерть в моих руках.

— Твоя — в моих!— Палван тоже обнажил саблю.

Неожиданно для Палвана тура оказался увертливым и ловким, как кошка.

— Что, презренный, сабля не рабское оружие,— приговаривал он, норовя прижать своего врага к стене. И вдруг от яростного удара Палвана сабля туры переломилась. В ужасе тура отшатнулся и в проеме ворот увидел вбегающих в далан красноармейцев.

Старая бика, мать Матчон-туры, пришла к Якутай.

— Якут-бика, дочка, как твое здоровье? Как здоровье твоего отца? Дай вам аллах здоровья! Смилостивься надо мной, не забуду твоего благодеяния, не останусь в долгу...— запричитала она, обливаясь слезами, и упала на колени перед Якутай.

— Встаньте, бика, нельзя же так... Встаньте!— Якутай помогла ей подняться.— Зря просите-умоляете меня. Если бы и разжалобили, не могла бы вам помочь. Каждый в ответе за свои дела.

— Нет, только ты и можешь спасти его. Большавои знают, что он был твоим мужем. Если замолвишь за него словечко, не расстреляют, как Мадримбая. Прости несчастного, ревность ослепила его, только потому и поднял на тебя руку...

— Бика, разве вина туры лишь в том, что он ударил меня кинжалом? Пять лет вместе с Джунаидом он терзал Хорезм, не щадил ни старых, ни малых, по его приказу людей сжигали живьем.

— Этого не было. Его оклеветали.

— Суд разберется,— устало ответила Якутай.— Перед законом все равны.

— Равны...— медленно повторила мать Матчон-туры, поняв, что зря унижалась перед своей бывшей невесткой, и зашипела с ненавистью:— О каком равенстве говоришь? Одни приходят в мир на все готовое, у других нет ничего, кроме вшей, вот они и бунтуют. Вот ты, не любишь моего сына, а любишь этого... красного хакима Палвана.— Бика хотела сказать «разбойника», но прикусила язык.— Разве перед тобой они равны?

— Я любила его и тогда, когда он был рабом.

— Но тогда он тебя отвергнул,— в тусклых глазах бики блеснул холодный свет,— предпочел дочь нищего Пирнафаса.

— Любят не за что-то, а просто,— помолчав, ответила Якутай и поднялась.— Прощайте, меня ждут ученицы.

После торжественной встречи, устроенной его отряд в Хиве, Палван первым долгом позаботился о своих бойцах: одним выхлопотал балки и доски для ремонта домов, другим, безлошадным,— коней, арбы. Побывал в семьях погибших. Целый день провел в Назирате финансов, кляня нерадивых служащих, не удосужившихся назначить пенсии вдовам красноармейцев, хотя список, заверенный военным назиром, полтора месяца назад был передан заведующему пенсионным отделом.

Пол скрипел под тяжелыми сапогами Палвана, и под его хмурым нетерпеливым взглядом служащие бегали с какими-то листами и справками из кабинета в кабинет.

К исходу дня всем тридцати пяти вдовам начислили пенсию. Палван с облегчением вздохнул и направился к выходу, и тут неожиданно лицом к лицу столкнулся с каким-то старичком в чалме, в руках его был желтый портфель.

— Ради аллаха, простите, отец!— Палван отступил в сторону.

— Оказывается, и ты, сынок, вспоминаешь аллаха,— услышал он насмешливый голос и, приглядевшись, в полутьме сводчатого коридора узнал Паляза-хаджи.

— Здравствуйте, Хаджи-бува!— ошалело произнес Палван.

— Здравствуй, здравствуй, сынок! Разбил, значит, Джунаида, прогнал его в Персию...

— Дорогой ценой победа далась...

— Да, да,— чуть слышно произнес Паляз-хаджи,— тяжело народу Хорезма, столько лет воюем...

«Воюем»,— с раздражением повторил про себя Палван, припомнив, что немало назиров бывшего правительства Паляза-хаджи переметнулось к Джунаиду, и, в упор глядя на собеседника, бросил с укором:

— А ваши люди не хотят вовремя позаботиться о семьях погибших бойцов.

— Сынок, не мои это люди, я теперь человек маленький: заведую налоговой конторой, налоги-то мы взимаем исправно и своевременно,— наставительно, но все с той же усмешкой ответил Паляз-хаджи.

— Отправить надо этих лентяев на очистку каналов, а вместо них набрать новых служащих.

— Новые будут не лучше старых.

— Почему?

— А потому, что место людей портит. Поживешь с мое — узнаешь.

— Ну уж нет, так не будет! Пустыню очистили от нечисти, очистим и назират.

— Эх, сынок, человек грешен... Слышал я, Матчон-тура в плен попал. Так что его ждет теперь? Судить будут и — на Шахимардан?

— Разве можно помиловать такого душегуба?— искренне удивился Палван.

— Да, да,— так же тихо, как в начале разговора, ответил Паляз-хаджи и торопливо простился.

Из Назирата финансов Палван зашагал в земотдел. Надо спешить, а то рабочий день у них кончится, а завтра выходной — пятница.

...Начальник земотдела внимательно выслушал Палвана и нервно прошелся по кабинету. В такт его шагам вздрагивал наглухо зашитый у левого плеча рукав гимнастерки.

— Товарищ Ибрахимов, мы бы рады выделить землю вашему бойцу Матёзу, но сегодня нет и танапа свободного... Недавно часть прежних вакуфов вернули мечетям и медресе... Вы напишите заявление, а мы здесь постараемся при первой возможности...

Палван вышел из земотдела мрачнее тучи. Он пообещал Матёзу выхлопотать землю, думал, никаких затруднений с этим не будет: давно уже принят закон, по которому красноармейцы имеют право на первоочередное обеспечение землей, рабочим скотом, инвентарем. А вот ведь как получается...

И вдруг его осенило: «В начале революции, когда делили имущество и землю Матчон-туры, нам дали в Пишканике небольшой дом и три танапа земли. Брат мой Бекджан в Ташкенте, сам я служу в армии, мать и сына перевез в Хиву. Зачем мне земля? Разве найду я время обрабатывать ее? Не лучше ли отдать этуземли и дом Матёзу, и пусть отделается от Аллакулибая, ведет свое хозяйство. Вола даст ему Союз кушчи».

Ноги сами понесли Палвана в казарму.

— Матёз, друг, кончается твоя служба. Надо нам пойти в земотдел.

— Зачем?— с заметным волнением спросил Матёз.

— У меня в Пишканике есть три танапа, решил передать эту землю тебе.

— Палван-ага, не смейтесь! Кто же отдаст ни за грош свою землю?

— Матёз, человек я военный, семья моя в городе. Чтобы кто-то за нас работал, а урожай делили пополам,— не за то мы с тобой воевали.

...В скором времени Матёз обзавелся землей и домом и отправился в Хиву за своим немудреным имуществом.

Увидев у своих ворот чужую арбу, Аллакулибай вышел на улицу.

— А, вернулся, красноармеец?— лицо Аллакулибая побагровело.

— Нет, уезжаю, бай-ата. В Пишканик.

— И эти с тобой?— Аллакулибай искоса взглянул на сияющих от радости Таджихон и Назиру.

— Неужто здесь жену и сестру оставлю?!

— У кого будешь батрачить?!

— Есть своя земля, дом.

— А как же с долгом? Не расплатившись, удираешь?

— Бай-ата, о каком долге вы говорите?

— О материнском. К тому же, я женил тебя, потратил на это деньги, а ты их не отработал. Есть у тебя совесть?

— Бай-ата, мы с сестрой работали у вас много лет и никогда сытно не ели. Жена моя Таджихон за кусок хлеба была в вашем доме рабыней. Ни мне, ни Таджихон, ни Назире вы денег не давали. Разве это по совести? Пока мы не потребовали у вас плату за наш труд, давайте по-хорошему расстанемся.

— Бог накажет тебя, и место твое будет в аду, неблагодарный.

— Это мы-то неблагодарные?— Матёз вплотную подошел к баю.— Думаете проглотить нас не жуя, раз живот у вас с колесо. Не выйдет, прошло ваше время.— В глазах Матёза сверкнул гнев.— Это вы в аду гореть будете. А знаете, за что...

— Молчи, несчастный!— Аллакулибай отшатнулся.

— Я и молчу, не хочу дух отца моего тревожить.

...Арба скрылась за поворотом, а Аллакулибай все еще стоял ошарашенный у ворот своего дома. «Ну и ну,— думал он.— Научился, сволочь, рот разевать. Дай бог, чтобы не продал меня».

— Палван, друг, давно не видел тебя.— Машарип Кариев поднялся из-за стола, пожал Палвану руку.— Дума-

ешь, не знаю, зачем пришел? Все знаю. Слухом земля полнится. Скоро свадьбу сыграешь. А там, глядишь, дети пойдут... Мать, сын... братья твои Бекджан и Шернияз из Ташкента вернулись. Как же вам всем разместиться в двух комнатах? Но ничего, мы здесь, в горсовете, позаботились: треть городского дома Ислам-Ходжи твоей семье передаем — уж и постановление приняли. Полы паркетные, печи изразцовые, красивый айван с резными колоннами...

— Вот как! Спасибо, председатель горсовета! С резными колоннами, говоришь? Это хорошо. Всю жизнь мечтал о резных колоннах... Сам-то ты, Машарип, в каком доме живешь?

— В своем, родительском, его еще прадед своими руками строил.

— А мне предлагаешь дом потомка багдадских халифов?

— Не пойму, чего ты хочешь?

— Хочу своими руками на свободном месте дом построить. Найдется в Хиве такое?

— Пустырь? — растерянно спросил Кариев. — Как не найтись — найдется. Рядом с цирюльней Отара-бувы, на перекрестке...

— Это как раз то, что надо. А на хашар придешь? Глину месить, начальник, не разучился? — Палван шутливо схватил Кариева за руку и так сжал ее, что тот приподнялся над столом.

— Ну и силища! Отпусти, медведь! Приду, конечно.

— Во, друг, это по-нашему. Своими руками построим — так-то оно верней.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В 1923 году руководство Хорезмской республики обратилось в Турккомиссию с просьбой направить в Хорезм «экономически грамотного, авторитетного, абсолютно честного работника».

Выбор пал на Сагдуллу Турсунходжаева.

По приезде в Хиву он принял хорезмское гражданство и был назначен назиром промышленности и торговли. Затем возглавил экономический совет, а в 1924 году — правительство Хорезма.

Семья Турсунходжаева находилась в Ташкенте. Путь в Хорезм был долог и труден, и он, опасаясь за свою двухлетнюю болезненную дочь, все никак не решался вызвать семью.

В Хиве Турсунходжаев поселился в доме Худайбергана Диванова, знакомого ему еще по Ташкенту.

Сорокапятилетний Диванов был лет на десять старше Турсунходжаева, но достаточно им было раз-другой откровенно побеседовать, и как бы исчезла разница в возрасте. Оба они хорошо знали жизнь, были людьми образованными, верными революции. И естественным было их желание помечтать о будущем, заглянуть в завтрашний день. Часто за вечерним чаем они дружески беседовали.

— Гражданская война позади,— говорил Турсунходжаев,— хотя возможны еще вспышки басмачества. Теперь создались более благоприятные условия для советского строительства. Надо день ото дня расширять народовластие, вовлекать в него новых людей. Все звенья советской власти снизу доверху должны все время обновляться. Тогда не останется места для отчуждения между простыми людьми и представителями власти. Новому обществу нужны граждане с хорошо развитым чувством товарищества и собственного достоинства.

— Я тоже об этом думал,— признался Диванов.— Социальное равенство и сознание ценности человеческой жизни, уважение к личности — все это должно быть взаимосвязано. А между тем, к нам пристраиваются люди, весьма далекие от этих целей. Не одолели в открытом бою...

— Не одолеют, не развратят,— твердо произнес Турсунходжаев.— Если наш товарищ в чем-то неправ, я с ним спорю, я его критикую. Но если вижу, что он корыстолюбец,— тут уж говорить не о чем, в партии ему не место.

— Конечно, не место,— кивнул Диванов и, помолчав, добавил:— Но жизнь сложна, и не все в ней становится сразу очевидным. У птицы пестрота снаружи, а у человека внутри.

— Птицу видно по полету,— парировал Турсунходжаев.— А впрочем, должен признать, вы правы: придется решать задачи и посложней тех, что уже решены. И думать, основательно думать, чтобы не оказаться в положении простаков — тех, о ком русские говорят: «Задним умом крепок». Эти слова впервые в тюрьме услышал. Задним умом... Оказывается, есть и такой ум.

Диванов рассмеялся, а затем серьезно спросил:

— А как же вы, Сагдулла-ака, в тюрьму угодили?

Турсунходжаев отпил глоток чая и покрутил в руке пиалу.

— Предки мои и отец — коренные ташкентцы. Я родился в 1891 году в доме на улице Мерганча. Когда мне

было шесть лет, умер отец. Я воспитывался в семье моего дяди. Он занимался торговлей и был довольно образованным человеком. Он сам начал учить меня русскому языку. Потом я окончил русско-туземную школу, и дядя повез меня в Россию, в Оренбург. Там по его рекомендации меня взяли приказчиком. В ту пору были еще свежи воспоминания о революции 1905 года. И чем больше узнавал я о тех днях, тем сильнее сочувствовал русским рабочим. Я познакомился с революционерами, это определило мое будущее.

В 1916 году я был арестован. Революция открыла двери тюрем, и я сразу включился в деятельность Советов. После создания Туркестанской республики был членом ее правительства. В 1920 году меня избрали председателем Туркестанского краевого комитета партии. В то время в Фергане вовсю развернулось басмачество. Борьба приобретала затяжной характер, и, чтобы избежать лишних жертв, было решено вступить в переговоры с басмачами.

Я выехал в составе созданной для этой цели чрезвычайной комиссии.

Главарем ферганских басмачей был Эргаш-курбаши.

И вот с одним красноармейцем, местным жителем, я отправился к нему. Сначала проводник мой держался молодцом, но чем выше мы поднимались по узкой тропе в горы, тем его все больше охватывал страх. «Агай,— сказал он,— лучше вернемся, басмачи поймают нас и отрежут голову». Я успокаивал его: «Друг, не бойся». Но мне и самому в голову лезли разные мысли.

Вдруг как из-под земли выросли два вооруженных до зубов джигита. Обыскав нас и убедившись, что мы безоружные, спросили:

— Куда идете?

— Я Турсунходжаев, член правительства Туркестанской республики, иду на переговоры с вашим предводителем.

— Его сейчас нет, отправился к мазару Саида-ишана-хаджи.

— Когда он вернется?

— Сегодня,— хмуро ответил один из них.

Нас повели в логово басмачей, поместили там в какой-то юрте и приставили караул.

Вскоре послышался конский топот. Гремя оружием, к нам ввалился Эргаш-курбаши со своею свитой. После обычных приветствий он с насмешкой обратился ко мне:

— В гости пожаловали? Очень хорошо. Но, кажется, вы чем-то огорчены?

— Да, жаль, что не пришел сюда раньше, мы бы вместе совершили паломничество к мазару Саида-ишана-хаджи. Вот это меня и огорчает.

Заметив недоверчивый взгляд курбаши, я продолжил:

— Вы, конечно, слышали о Шайхантавуре-хаджи, почитаемом мусульманами Ташкента. Мои предки доводились ему родственниками, а Саид-хаджи тоже был по какой-то линии его родственником.

— Так вы благородного происхождения! Прошу ко мне в юрту!

Там я заговорил о цели своего посещения:

— Некоторые люди распространяют слухи, будто советская власть попирает религию и шариат. Это неправда. Наша власть не вмешивается в дела священнослужителей. Никто не мешает верующим молиться и соблюдать пост. В Ташкенте открыты все мечети и медресе. Я пришел к вам по поручению нашего правительства. Оно считает, что пора прекратить кровопролитие, покончить с этой губительной войной.

Мы беседовали долго, и я отвечал прямо на все его вопросы.

— Вы мне позволите рассказать правду вашим джигитам?— спросил я, внимательно вглядываясь в его лицо.

Курбаши колебался. Чтобы не отвечать сразу, он задал еще несколько вопросов. На него, конечно, произвело впечатление, что мы безоружные пришли в его логово, почти что на верную смерть. В конце концов он все же отдал приказ собрать джигитов. Я им сказал почти то же, что говорил курбаши. В большинстве это были дехкане, ремесленники, бедные неграмотные люди. Чувствовалось, что для многих из них мои слова не были чем-то неожиданным, что обо всем этом они и сами догадывались. Душа их изболелась, но они не знали, как выбраться из тупика.

— Подумайте, как вам жить дальше,— продолжал я.— Советская власть — справедливая власть, крепкая власть. Если вы добровольно сложите оружие, она простит всех до одного.

Многие понимающе кивали. Эргаш-курбаши стоял рядом со мной, нервно сжимая камчу.

В нашу честь был зарезан баран, нас угощали шашлыком и пловом.

Утром перед отъездом я обратился к курбаши:

— Теперь дело за вами. Приезжайте в Фергану, где мы встретим вас в условленном месте. Ваша жизнь, жизнь ва-

ших детей вне опасности. Вы поселитесь там, где сами пожелаете.

— Придется ехать,— отрывисто произнес Эргаш-курбаши.

Турсунходжаев умолк.

— И он приехал в Фергану?— спросил Диванов.

— Да. Мы с ним договор заключили. Другие курбаши тоже сложили оружие... Вот так, дорогой друг. Это одна лишь страничка из прошлого. Обо всем не расскажешь... Был назиром промышленности и торговли Бухарской республики, первым секретарем ЦК Бухарской Компартии, председателем ревкома на Памире, представителем Туркестанской республики по пограничным и водным вопросам.

— Ну а моя история, Сагдулла-ака, поскромней. Назир финансов... а финансов-то как раз все время не хватает. Гражданская война, разруха. Старался, как мог. Толстосумам поблажки не давал. Немало врагов нажил. Вот вроде и все мои заслуги,— усмехнулся Диванов.

— О Диванове-назире, может, со временем и забудут. И, однако же, память о вас будет долгой. Каждая ваша фотография — живой свидетель истории Хорезма.

— Останусь не я, а люди, запечатленные мною. Сейчас увидите некоторые из них.

Хозяин дома вышел из гостиной и через несколько минут вернулся с картонной коробкой, порылся в ней, достал фотографию.

— Возьмите, дарю на память вам и вашим потомкам.

Турсунходжаев был снят в халате, подпоясанном красивым кушаком. По обе стороны его стояли, вытянувшись, два парня, а на ковре два парня сидели, по-турецки сложив ноги.

— Интересно, узнает ли вас жена на этом снимке? Наверное, нет. Вы здесь совсем хорезмиец... А вот, смотрите, Миршарапов — он один их тех, кто создавал нашу Красную Армию; Кутяков — этот снимок сделан перед тем, как его, раненого, увезли на самолете из Хорезма; вот похороны убитых басмачами комсомольцев; а это воспитанники детского дома, его директор Хусейн-эффенди, так много сделавший для сирот...

— Худайберган-ага,— заговорил Турсунходжаев,— я видел ваши снимки еще до революции в русских журналах и сборниках.

— Так оно и было. Их печатали в Москве и Петербурге. Наверное, вам попадались сборники «Богатство архитектуры Средней Азии», «Виды Туркестана», «Хива и хивин-

цы»... В 1906 году я впервые побывал в Москве и Петербурге, оттуда привез телескоп и граммофон, там же научился фотографировать и купил все необходимое для этого дела.

Приехав в Хиву, я оборудовал у себя дома фотолабораторию.

Первые русские фотографы были довольны моими работами и постарались опубликовать их. Но здесь, в Хиве, меня чуть было не забросали камнями. Ведь ислам запрещает изображать людей. Мне говорили: «Эти изображения лишены души, в ящике, с которым ты ходишь, сидит шайтан». Правда, меня поддержал просвещенный визирь Ислам-Ходжа, но его вскоре убили. Помогло мне... тщеславие Исфандияр-хана. Тот любил позировать в мундире с русскими орденами. Ну а раз хан разрешает заснять свою особу, значит, нет в моем ящике шайтана. Число моих снимков давно уже перевалило за тысячу. После революции я старался запечатлеть все новое в жизни, все важные события. Этот вот снимок считаю особенно ценным — делегаты Первого курултая голосуют за создание в Хорезме советской народной республики. А вот, смотрите, наделяют беднейших дехкан землей; женщина сбрасывает паранджу. Как, по-вашему, выразительный снимок?

— Очень!

— У меня есть и несколько кинокартин. Хотите, покажу одну — о революционных праздниках в Хорезме?

Турсунходжаев кивнул.

Хозяин дома повесил на стену полотно, подошел к окну, задернул тяжелые шторы.

Застрекотал аппарат.

Могли ли эти двое думать, что не пройдет и пятнадцати лет, и многие из тех, кого они видят на экране, исчезнут в пучине репрессий.

Ризаев, Балтаев, Миршарапов, Махмудов, Тахиров, Адинаев, Абдусалямов, Кутяков, Хансуваров, Бройдо... сами они — Турсунходжаев и Диванов...

Всех не перечислить.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

И сегодня Хамза проснулся рано, тихо, на цыпочках вошел в интернат, в спальню для младших.

Синий рассвет в окнах, лица спящих детей, родные лица... «Как по живому режу, покидая Хорезм. Но ничего не

поделасшь. Руководители Туркестанской республики зря не стали бы просить меня вернуться в Фергану».

Пристроившись у окна, он достал записную книжку с календарем на 1924 год. Карандаш его забегал по чистому листку.

«Сегодня, 8 августа, день расставания с Хорезмом.— Хамза на миг прикрыл глаза.— Разлуки горький дым и чистый свет любви на перепутье дней меж прошлым и грядущим.— Хамза покачал головой.— Нет, сегодня не нужны стихи — зачем озвучивать день, который и без того звенит, как струна... Все же хорошо, что успел закончить строительство нового здания интерната — детской коммуны. Просторные классы с широкими окнами... Покинут дети этот общий их дом, разлетятся во все стороны, по вдогонку им будут нестись звонкие голоса их детства. Пусть не смолкает их звон, пусть догоняет... Нет полноты счастья без незамутненного детства».

...В большом школьном зале, украшенном флагами Хорезмской республики, собрались ребята-коммунары, гости из Хивы, Ургенча, Турткуля, жители Ходжейли, за три года крепко сдружившиеся с Хамзой. Седобородые старики уселись вместе с малышами на деревянном полу возле сцены.

— Хамза-ага, учитель, друг,— обратился к Хамзе председатель Ходжейлинского городского Совета Кусберган,— вы так много сделали для Хорезма, что трудно поверить, что все это мог сделать один человек. В знак нашего уважения к вам мы, ходжейлинцы, преподносим вам маленький подарок.

Потом к Хамзе один за другим подошли дети.

На глазах его блеснули слезы.

...Берег Амударьи. Свежий вольный ветер.

В лодку погрузили вещи. Зейнаб расцеловалась с Анашхалфой и Якутай. Хамза взял сына на руки и улыбнулся.

Таким он и запомнился Палвану.

Гребцы налегли на весла.

— Прощайте, Хамза-ага!

— Счастливого вам пути!

* * *

— Матназар, знаешь, что я тебе скажу — ушам своим не поверишь!

— Ну!

— Я был в мавзолее Пахлавана Махмуда.

— Шутишь, Машарип, придумываешь... Туда и муллу-то не каждого пустят.

— Говорю тебе: был! Только, чур, молчок. Кази-калян велел позвать нашего соседа, резчика по дереву, смазать дверные петли. Ну, а я вроде помощника...

— Правду говоришь?

— Так вот, внутри он еще лучше, чем снаружи. У мастеров, строивших его, были золотые руки. Кажется, произнеси слово — и весь мавзолей, голубой от узорной майолики, зазвенит, как тонкая фарфоровая чаша. Посмотрел бы ты, какая дивная узорная решетка окружает гробницу Пахлавана, какой орнамент украшает стены! Жаль, что красота эта все еще спрятана от народа.

— Ну и повезло тебе, Машарип. Честно скажу: я бы до такого не додумался.

— Над гробницей Пахлавана Махмуда начертаны его слова: «Лучше гореть в адском огне, чем провести минуту с глупцом...» Пора и нам браться за ум.

— Слушай, в Назирате просвещения составляют списки тех, кто отправится на учебу. Едут не только хивинские, но и из других мест. Желающих, говорят, много. Пора, кажется, и нам с тобой действовать, а то поздно будет.

В тот же день оба они пришли к директору хивинского театра.

— Вот мое заявление.— Машарип передал бумагу директору.

— А это мое,— сказал Матназар.— Надеемся, не будете возражать.

Читая их заявления, директор все больше хмурился.

— Что будет с театром, если вы уедете? Его придется закрыть.

— Почему?

— Не только хивинцы, но и люди со всего Хорезма приходят в театр, чтобы увидеть и послушать вас. Уедете — театр опустеет.

— Не опустеет. Поймите, артист должен быть человеком образованным. А мы какую школу окончили? Спасибо Хусейну-эффенди, научил нас читать и писать. Но мы и года не пробыли в его школе.

— Я не против вашей учебы. Пожалуйста, поступайте здесь в вечернюю партийную школу.

— Мы хотим поехать в Ташкент, поступить в театральную школу.

— Дорогие друзья, послушайте меня. Пока у нас нет артистов, которые бы вас заменили. Через год-два я сам пошлю вас на учебу,— директор протянул им заявления, но они их назад не взяли.

— Мы еще в прошлом году хотели уехать. Прежний директор говорил то же, что вы нам сейчас сказали. Мы тогда согласились, потому что не было хороших артистов. Теперь в нашем театре немало талантливых ребят, им можно доверить любую роль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Палван и Якутай несколько раз разговаривали с Матёзом, советовали отправить Назиру в Ташкент. Матёз сначала отказывался наотрез, но затем сказал: «Пусть и в этом году учится в Хиве, а там видно будет».

Назира пришла к брату, заплакала:

— У меня нет родителей, а вы, мой единственный брат, не хотите, чтоб я была счастлива.

— Не плачь, сестра, ведь ничего страшного не случилось.

— Как мне не плакать: подруги едут, а вы меня не пускаете. Милый брат, разрешите!

Матёз покачал головой, нахмурился:

— Подумай сама, могу ли я отпустить тебя одну на чужбину...

— Другие ведь отпускают...

— Почему я должен поступать как другие? Хватит, сестра! Не добивайся того, что противно духу нашего отца.

...Вечером жена Матёза Таджихон собрала ему ужин и, присев рядом, спросила:

— Почему вы не разрешаете Назире учиться в Ташкенте?

— И ты вмешиваешься?

— Я что, чужая? Зачем свою единственную сестру мучаете?

— Жена, прежде чем сказать, подумай. Разве девушку можно отпустить одну в далекий город?— раздраженно ответил Матёз.— Пусть радуется, что здесь еще год будет учиться, раньше я и на это не соглашался.

— А теперь согласились?

— Да.

— Раз так, почему вы против ее учебы в Ташкенте? Она ведь не одна едет — с земляками, с подругами. Чем наша Назира хуже своих подруг?

— Уж очень ты стала умной, жена. Может, и тебя отправить в Ташкент? — съязвил Матёз.

— Меня? — глухо спросила Таджихон и низко опустила голову. По щекам ее покатились слезы. — Зачем смеетесь надо мной! Уж лучше скажите, что не нужна я вам, что женились на мне по воле бая, — ведь я старше вас на пять лет и некрасивая, — плечи Таджихон вздрагивали, ее душили рыдания.

Матёз отложил ложку, которой ел.

— Жена, что ты придумываешь! У меня и в мыслях такого не было.

Растерянный и смущенный, он не знал, куда деть свои большие тяжелые руки, которые вдруг стали ему мешать. Оказывается, жена знала и понимала его лучше, чем он до сих пор догадывался. И в самом деле, Матёз почувствовал себя оскорбленным, когда Аллакулибай решил женить его на своей немолодой служанке Таджихон, рябой и к тому же косившей на один глаз. Но он быстро привязался к этой доброй женщине, перестал замечать ее физические недостатки. Таджихон была рослая, сильная, на редкость трудолюбивая. Как и Матёз, она мечтала иметь детей. Но, верно, от того, что надорвалась на тяжелой работе, уже несколько раз она не могла доносить ребенка. Чего только не делала Таджихон, чтобы стать матерью: и на коленях ползала перед гробницами святых, и через бегущую воду перепрыгивала, днем и ночью истово молила аллаха... И вот теперь, когда она на сносях, когда ей нельзя волноваться — не приведи аллах, родится припадочный ребенок, — он, Матёз, ненароком оскорбил ее, довел до слез, рыданий. От собственной обиды и раздражения в нем не осталось и следа. Он не смел приласкать жену и не знал, как загладить свою вину.

— Таджихон, а, Таджихон, не плачь, — шептал он.

— Вы не разбираетесь в людях, — сквозь слезы заговорила она. — Сколько хорошего нам сделал Палван-ага, у нас теперь и дом свой, и хозяйство свое, и земля. Те, кого баи называют кяфурами, сделали нас людьми. Почему вы пренебрегаете советом такого человека? Разве Якутай желает плохого вашей сестре?

«У нас с Назирой ни отца, ни матери нет. Одни мы с ней на целом свете. Разве плохо, если она будет, как Якутай, учительницей?»

Матёзу вспомнились слова Палвана, сказанные перед походом в пустыню: «Тебе не стыдиться сестры, а гордить-

ся ею надо». «Если все хорошие люди на одной стороне, а я один на другой — прав ли я?— подумал Матёз.— Может, лучше отпустить ее в Ташкент...»

— Ну что, жена,— начал он нерешительно,— говоришь, отпустить сестру?

— Я свое сказала, а вы как знаете.

На следующий день Назира пришла к брату вдвоем с подругой.

— Это Айджамал, дочь Пирнафаса-ака, мы вместе учимся, а теперь она едет в Ташкент,— заговорила Назира, знакомя брата и Таджихон с подругой.

— Кто не помнит Пирнафаса-ака, хороший был человек!— с чувством произнес Матёз.— А ведь вы единственная его дочь, как же вас мать отпускает?

— Моя мама сознательная,— тихо ответила Айджамал.

— А с кем она, сознательная, останется?

— Она племянницу свою из кишлака вызвала. Если бы Назира могла, мы бы вместе поехали...

«Еще одна заступница явилась,— подумал Матёз.— Ее старуха мать сознательная, а я — несознательный...»

— Дорогой брат...— начала было Назира, но Матёз перебил ее:

— Разрешить тебе, а не то сама убежишь?

Назира опустила голову.

— Знаю, ты упрямая. Будешь стоять на своем.

— Что поделаешь, и у вас такой характер.

Матёз засмеялся.

— Жена, пеки лепешки,— сказал он.

Назира обняла брата, прижалась щекой к его щеке и вдруг заплакала.

* * *

— Бай-ата, побывали бы вы в Нурлавое, рот бы разинули! Вот это гулянье! Народу тьма, а все идут и идут в раскрытые настежь ворота, идут молодые и старые, идут целыми семьями... Ну и праздник! Канатоходцы, маскарабозы, танцоры, кукольники... Замолкнут трубы русского оркестра, и сразу играет узбекский. А на том месте, где прежде хан слушал жалобщиков, построен деревянный помост — на нем стоят все главные короткохвостые —«товарищи», «братья наши», стоят довольные, улыбаются. «В Москву и Ташкент на учебу отправляются лучшие сы-

новья и дочери Хорезма. В их честь проводится наш саиль»,— кричит толпе Карим Сафаев.

— Эти представления вскружили тебе голову, Кутим. Ты что, забыл, зачем пошел туда?— разгневался Ялманбай.

Кутим словно не слышал его.

— У Хауза поет Шерози, а возле дворца,— Хаджихон. Он не отстает от своего учителя. Голос Хаджихона точь-в-точь как у Шерози в молодые годы. Когда поет Хаджихон, гремит весь Нурлавой. Люди кричат: «Хвала тебе!»

— Прекрати молоть чепуху! Отвечай: выполнил ты мое поручение?

— Хозяин, что вы торопитесь. Анаш-хромая была, как цветок, она и ее ученица Анабиби пели словно соловьи.

— Пропади они пропадом, Анаш-хромая и Анабиби-слепая. Ну, говори о деле.

— И о деле скажу, о нем я не забывал.— Кутим был в отличном настроении, и его так и подмывало подзадорить своего хозяина.— Бай-ата, оказывается, большавои не простаки. Знают, как деньги добывать. По билетам пускают во дворец, а за билетами очередь, с трудом попал... Стена там прикрыта белой материей — такой большой кусок, что на три савана хватило бы. Рядом с какой-то машиной стоит Худайберган Диванов и ручку ее крутит — и тогда по полотну на стене люди быстро, быстро так ходят. Мало того, вся Хива с ее дворцами и минаретами на стене видна!

Бай-ата, говорят, гулянье, начатое в Нурлавое, на скотном базаре продолжится. Три дня продлится. И еще слышал: собравшихся в страну кяфуров уже больше двухсот.

— Больше двухсот?

— Да, вот этими ушами слышал.— Кутим преданно взглянул на бая.— Рахмат Маджиди будет ими предводительствовать. После гулянья соберутся в Чалыше, на берегу реки.

— Разузнал, о чем просил Дурды-клыч? Их будут сопровождать красноармейцы?

— Разговора об этом не было, об опасности они не думают — веселятся, радуются...

— Придется тебе поехать в Чалыш. Своими глазами увидишь, позаботились ли они об охране своих щенков, а оттуда — побыстрей к Дурды-клычу. Понял?

— Понял, бай-ата.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Чалыш — пристань на Амударье километрах в десяти от Ургенча.

...Длинные приземистые склады с потрескавшимися глинобитными стенами, кибитками сторожей, штабеля досок, бочки с керосином...

Возле берега покачиваются на волнах кемы — хорезмские баржи. Почти все они принадлежат амударьинским капитанам, набиравшим артели: плывет кема вниз по реке, артельщик-гребец, вверх — бурлак. Дует попутный ветер — кема идет против течения под парусами.

Государственная Амударьинская флотилия не могла на своих нескольких колесных пароходах и железных баржах перевезти всех пассажиров и грузы. Эти старые пароходы то и дело ремонтировались.

Председатель комиссии по отправке хорезмской молодежи на учебу Афзал Тахиров хотел отправить своих подопечных в Муйнак на пароходе, но из Чарджоу сообщили, что до конца августа все рейсы отменяются. 12 августа Тахиров составил в Ургенче договор с даргой Худайбергеном Юсуп-оглы, который за сто пятьдесят рублей обязался довезти до Муйнака на своей большой кеме сто пятьдесят пассажиров — по рублю с каждого.

22 августа едущие на учебу и не менее тысячи провожающих их собрались в Чалыше.

Сверкала медь труб — духовой оркестр играл марши. На берегу Амударьи устроили митинг.

— Помните,— разнесся голос назира просвещения Давлята Ризаева,— Хорезм ждет вас, надеется на вас.

Когда митинг окончился, Рахмат Маджиди, старший среди отъезжающих, обратился к Ризаеву:

— Давлят-ага, жаль, что нет у нас письма.

— Какого письма?

— Правительства Хорезма с просьбой к московским и ташкентским товарищам позаботиться о наших учащихся.

— И в самом деле, хорошо бы иметь им такое письмо,— смущенно произнес Тахиров.

— Жаль, что вы не подумали об этом раньше, да и я почему-то забыл напомнить... Как же быть?— Ризаев на минуту задумался.

— А где, скажите, бойцы охраны?— спросил стоявший рядом Палван.

— Какой охраны?— удивился Тахиров.— На Амударье давно уже все спокойно. Джунаид бежал за границу,

а те из басмачей, кто уцелел, думают, как спасти свою шкуру.

— О чем они думают, им одним известно,— хмуро ответил Палван.

— Ну что вы, Палван-ага,— развел руками Ризаев.— Было бы от кого охранять, нашли бы и охрану. Уж не первый месяц суда свободно плавают по Амударье, и никто ни на кого не нападает... Рахматбай, садитесь со мной в фаэтон, получите в Хиве письмо и сразу вернетесь в Чалыш.

Крутившийся вблизи них Кутим отошел в сторону, оседлал коня и не спеша поехал берегом реки.

— Кутим,— окликнул его Матёз,— чего это ты здесь?

— Племянник мой едет на учебу, простился с ним, а теперь вот надо купить для хозяина рыбу у рыбаков.

* * *

Люди на пристани с нетерпением ждали возвращения Рахмата Маджиди.

Уже и солнце клонилось к закату, а он все не появлялся.

— Видно, до вечера не вернется,— сказал Машарип Палванов.

— Может, и завтра не приедет,— в сердцах ответил ему Матназар Адамов.— Послушай, а зачем ждать его? Договоримся с каким-нибудь другим даргой и чуть свет поплывем. Стоит ли терять здесь время!

— Правильно,— поддержал Сахибназар, пожалев свою мать, еще не оправившуюся после ранения, но приехавшую проводить его.— Пусть провожающие поскорей вернутся домой.

— Как же мы уедем, если все казенные деньги у Рахмата,— возразили другие.— Без него нельзя, он среди нас старший.

— Старший-то старший, а заставил всех ждать. Заплатим свои, а потом он вернет нам деньги за проезд.

Мнения разделились. Большинство решило ждать возвращения Рахмата.

Палванов и Адамов быстро договорились с владельцем небольшой кемы — тому все равно надо было плыть за грузом в Муйнак, а порожняком не хотелось. С вами веселей, сказал он и согласился почти что задарма прихватить с собой молодежь, не желающую задерживаться в Чалыше.

— На какой кеме Назиру отправишь?— спросил Палван Матёза.

— На первой. На ней плывет наш родственник Аллаберген Заргаров с женой. Он обещал мне позаботиться о Назире.

* * *

Амударья тихо качает стоящие на причале баржи и лодки и словно убаюкивает их.

Звездная тьма августовской ночи.

На пристани, как светлячки, костры. Старики, приехавшие проводить своих детей и внуков, не спеша разговаривают за чаем. Потом тут же на земле засыпают, укутавшись в чапан и положив под голову мохнатую папаху. А молодым не спится. То тут, то там звучат их голоса и уносятся, подхваченные волнами, вдаль.

Могучим серебристым потоком катится к Аралу своенравная, бешеная в непогоду Амударья, кормилица, губительница...

Взявшись за руки, Палван и Якутай молча идут по пустынному берегу. Это у молодых, не страдавших, слова да слова, а у таких, как они, счастье безъязыко. И, невидимые им, идут где-то невдалеке Матякуб Деванов и Фатима.

— Матякуб-ага, снова уезжаю в Ташкент, а вы остаетесь здесь,— тихо говорит Фатима.

— Пока не отпускают, но месяца через два вырвусь в Ташкент. Там и сыграем свадьбу,— отвечает он, гладя руки любимой.

— Только из-за вас и приехала домой на каникулы. Подруги отправились в Россию, институт устроил для студентов экскурсию в Москву и Ленинград.

— Я здесь каждый день, каждую ночь вспоминаю вас, милая Фатима-хон, всеми помыслами своими я с вами.

Он целует ее, и губы его ощущают соленую горечь слез.

— Отчего вы плачете, Фатима-хон?

— Не знаю. Наверно, от счастья.

...Едва рассвело, сорок человек поднялись на кему. Среди них Сахибназар, Назира, Аллаберген Заргаров с женой, Анабиби Сафаева, Анна Емельянова, Таджеддин Деванов, его жена Марьям с девятимесячным ребенком на руках. Последними на кему взбежали четырнадцати-пятнадцатилетние подростки.

— Счастливого пути!

— Благополучного возвращения!

Гребцы взялись за весла. Кема медленно отчалила от берега и, подхваченная течением, устремилась вперед.

Вот она уже вдали, еле приметная, похожая на двурогий месяц, исчезающий в рассветном небе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Гребцы дружно работали — весла вздымались, как крылья, и кема в радужном сверкании брызг стремилась вперед.

Пассажиры, старшему из которых едва исполнилось двадцать три года, были в отличном настроении, то и дело слышались шутки, смех.

Общим любимцем сразу стал малыш Марьям Девановой. Он что-то лепечет свое и улыбается, и всем невольно хочется взять его на руки. Вот он у Анабиби Мурадовой, она долго всматривается в него и потом бережно передает беременной Анабиби Сафаевой:

— Тезка, да будет у вас такой же красивый сын.

— Сестричка, пусть будет по-вашему. Бедная моя мать так плакала — сердце разрывалось. Умоляла, просила: «Доченька, скоро тебе рожать, останься, не уезжай». А муж поддержал меня: «Раз Анабиби захотела учиться, не надо противиться. Она не будет одна. Скоро и я поеду в Ташкент. Ребенка отдадим в ясли».

Слушая разговор подруг, Фатима думала о своем: «Скорей бы и Матякуба отпустили в Ташкент, сыграем там свадьбу и всегда будем вместе, и родится у нас мальчик, такой же улыбчивый, как у Марьям-апа».

И тут младенец потянулся к Фатиме. Она взяла его и поцеловала.

— Быть мне жертвой твоих белых, как молоко, ручек! — произнесла она старинное заклинание, лаская ребенка.

В золотистом свечении дня скользила кема к Аралу, и никто в ней не замечал, как быстро проходит время.

Ребята и девушки то и дело собирались вокруг Машарипа Палванова и Матназара Адамова, хорезмских знаменитостей, ведущих актеров хивинского театра. Они рассказывали, как под руководством Хамзы ставились пьесы, как Хамза учил их, новичков, искусству перевоплощения.

— Здесь все важно, — говорил Машарип, — и речь, и походка, и жесты.

И тут же преображался то в алчного базарного перекупщика, то в простодушного, доверчивого, как ребенок, дехканина, то в курильщика опиума, воображающего себя среди гурий в раю.

Глядя на Машарипа, все от души хохотали.

Белые чайки проносились над кемой, хватая на лету брошенные в воду остатки пищи. За бортом, сверкая спинами, резвились крупные рыбы.

Ближе к полуночи кема причалила к берегу. Путники поднялись на холм, поужинали и легли спать: мужчины на одной стороне костра, женщины — на другой. Прохладный ветер реки пробирал и под одеялом.

Едва рассвело, проснувшийся раньше всех дарга разбудил гребцов. Пассажиры свертывали свои постели, переходили на кему. Кое-кто успел вскипятить чай.

...Посреди кемы в будке дарги на очаге кипит казан — готовят еду для артели. Ноздри щекочет густой пряный запах плова.

Внимательный, спокойный дарга стоит на высоком носу узкогрудой кемы и время от времени подает команду своему помощнику, стоящему на корме с шестом.

Уже прошли немалую часть пути, позади Гурлен, Мангит, другие города и кишлаки.

«Бог даст, оставшийся путь преодолеем без происшествий. Только бы не показала характер, не взбунтовалась своенравная Амударья»,— думает дарга.

* * *

— Ну, теперь гони! В Чалыше, видно, ждут не дождутся!— крикнул Рахмат Маджиди кучеру.

Дав коням передохнуть в кишлаке Караман, между Хивой и Ургенчем, они снова покатили по дороге. Через старый Шаватский мост въехали в Ургенч.

— Братец, не останавливайтесь в Ургенче,— торопил Рахмат. На душе у него было неспокойно.

...На пристани фаэтон окружили ребята, из него выскочил Рахмат с письмом в руке.

— Вот видите! Всех примут на учебу, дадут стипендию, жилье!

— Машарип Палванов, а с ним и другие, человек сорок, наняли кему и уплыли,— огорошил его Али Муллаяров.

— Почему?

— Хотят пораньше приехать в Ташкент...

— Да ведь деньги за проезд у меня,— растерянно произнес Рахмат.

— Сказали: потом рассчитаемся.

— Один день не могли подождать! Ну ладно, главное, чтобы доплыли благополучно. Юсуп-ага,— обратился Рахмат к дарге, усатому приземистому крепышу лет сорока,— можно отплывать, мы готовы.

— За сто пятьдесят договорились,— с невозмутимым видом напомнил дарга.

— Да, да...— Рахмат жалко улыбнулся,— уговор дороже денег.

Отъезжающие начали переходить на кему.

Палван обнял своего младшего брата Шернияза, Якутай расцеловала Айджамал.

Кема отчалила. Берег огласили возгласы:

— Счастливого вам пути!

— Возвращайтесь здоровыми!

— Да сохранит вас аллах, да сбережет вас Хубби!— шептали старики, молитвенно проводя ладонями по лицу.

Якутай взглянула на Палвана:

— Ага, помните, как из Турткуля отправляли меня в Ташкент на учебу?

— Конечно, помню. Тогда таких, как вы, было совсем немного, вы были первыми ласточками.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Утром 24 августа Назира записала в блокноте, подаренном ей Якутай: «Не передать в словах, как хороша Амударья на рассвете. И раньше знала, что мир велик, но не представляла, как он прекрасен... Миновали Ходжейли, теперь слева от нас — канал Хан-яп, а дальше...»

Внезапно раздались выстрелы: над кемой засвистели пули.

— Ложись!— крикнул дарга, разворачивая судно, стремясь увести его подальше от канала.

Гребцы налегли на весла.

— Сильней, сильней!— торопил он гребцов.

Перепуганные пассажиры распластались на палубе.

— Дарга, причаливай!— крикнул с берега Дурдыклыч.— Иначе всех утопим!— И, видя, что тот направляет кему к противоположному берегу, приказал:— Стреляйте в лодочников!

— Раненый дарга взмахнул руками и свалился на спину Сахибназару.

— Сдавайтесь!— кричали басмачи.— Никого не тронем!

Пуля сразила помощника дарги, и он упал в реку. Были убиты двое гребцов.

Свист пуль, рыдания, вопли, стоны.

Оставшиеся в живых гребцы понимали: лишившееся рулевого судно может попасть в водоворот. К тому же пули пробили обшивку кемы, и в нее хлынула вода. И они были вынуждены подчиниться басмачам.

Когда кема подплыла, Дурды-клыч приказал:

— Бросай аркан!

Басмачи поймали его на лету, подтянули кему к берегу, забрались в нее.

— Не шевелитесь, не то всех перестреляем!

Сбившиеся на корме пассажиры с недоумением и ужасом смотрели на захвативших кему. Один из басмачей пнул окровавленные тела убитых и обратился к сидящему на коне Дурды-клычу:

— С этими-то, дохлыми, что делать?

— Бросьте их в реку, пусть будут кормом для рыб!— отозвался Дурды-клыч.

— Ага, смилуйтесь,— испуганно попросил кто-то из гребцов,— похороните их, невинных. Может, родные придут на могилу.

— Сказал же: в реку!

Басмачи подхватили за руки, за ноги тела двоих убитых и, раскачав их, бросили в воду.

— Молодцы, джигиты,— похвалил своих головорезов Дурды-клыч.— А кто это там стонет?

— Дарга.

— Тащите на берег, пусть сдохнет с голоду, станет добычей шакалов.— Дурды-клыч указал камчой на высокий берег.

По его приказу пробоины законопатили и кему завели в канал. Кто-то из басмачей занял место дарги, и кема поплыла, удаляясь от Амударьи.

Дурды-клыч с полсотней всадников ехал вдоль берега, а два десятка басмачей расположились на кеме: в носовой части среди оберегов, на корме и у бортов на тюках с вещами и одеялами, внимательно следя за пленниками, держа их на прицеле.

По широкому бог весть когда прорытому каналу Хан-яп между Ходжейли и Тахиаташем могли свободно плавать не только такие малые кемы, но и большие суда.

Кему остановили у широкой, поросшей бурой травой поляны, окаймленной камышовыми зарослями.

Пленных согнали на берег. Дурды-клыч разбил их на три группы. В первой оказались мужчины и юноши — двадцать два человека. Несовершеннолетние четырнадцати-пятнадцатилетние подростки были отделены во вторую

группу. «Идите со своим ребенком к ним»,— сказал Дурды-клыч Таджеддину и Марьям Девановым. В третьей группе оказались женщины и девушки: Анабиби Сафаева, Анабиби Мурадова, Анна Емельянова, Фатима Бекмухаммедова и Назира.

Поигрывая камчой с серебряной рукоятью, Дурды-клыч обратился к Машарипу Палванову:

— Куда ехал?

— В Ташкент.

— Зачем?

— Учиться.

Как кратки были вопросы, так были кратки и ответы.

Последним в ряду стоял Пир Кутлимурадов. Он родился в Хиве в бедной семье, рано осиротел. Из-за куска хлеба работал от зари до зари. В 1920 году Пир стал красноармейцем, вступил в комсомол. Перед отъездом на учебу был секретарем комсомольской организации Хивинского вилаета.

Дурды-клыч спросил у него:

— Тоже едешь учиться?

— Да.

— Для чего?

— Чтобы построить в Хорезме новую жизнь, надо учиться.

Дурды-клыч иронически улыбнулся и подъехал к женщинам. Остановился перед Анабиби Сафаевой.

— Брюхатая, зачем едешь в Ташкент?

— Хочу стать учительницей.

Дурды-клыч двинулся к третьей группе.

— А тебе с ребенком почему не сидится дома?— обратился он к Марьям Девановой.

— Буду учиться, а ребенка отдам в ясли.

Брови Дурды-клыча удивленно поднялись. Он не знал, что такое ясли, но считал ниже своего достоинства спрашивать о них женщину.

— А вы, щенки, куда собрались?— Дурды-клыч вздыбил коня перед подростками.

— Мы будем учиться, чтобы строить счастливую жизнь.

Дурды-клыча охватила ярость. Сжимая камчу, он крикнул:

— Вы все едете в страну кяфуров учиться у дьяволов! Вам что, мало медресе Хивы?

Пленные стояли молча.

— Ваша жизнь в моих руках. Если присоединитесь к нам, если поможете свергнуть в Хорезме власть большевоев, останетесь живы. Хан Джунаид даст вам большие должности, землю, воду. Соглашайтесь, не то убьем.

— Мы не боимся смерти и не принимаем твои условия,— громко и твердо ответил Пир Кутлимурадов.

— Не кричи. Ты знаешь, с кем разговариваешь?— Дурды-клыч приподнял рукоятью камчи подбородок Пира.

— Знаю, ты сардор разбойников.

— Эй, щенок, твоя жизнь в моих руках!

— Умру, но не откажусь от своих убеждений.

— А ты?— спросил Дурды-клыч Машарипа Палванова.

— Я революции не изменю.

— Ты тоже такой?— обратился главарь банды к стоявшему рядом с Машарипом Матназару Адамову.

— Да.

В это время взгляды всех устремились на всадника, вынырнувшего откуда-то из-за барханов. Метрах в двадцати от Дурды-клыча он спешился. Он был сотник Гаибназар.

— Иди сюда,— позвал его Дурды-клыч.

Гаибназар подбежал к сардору и сложил руки на груди в ожидании приказа.

— Как там, еще не проплывали?— спросил Дурды-клыч, и все поняли, что речь идет о второй кеме.

Гаибназар покачал головой.

— Есть ли среди пленных твой брат? Смотри.

Гаибназар подошел к захваченным джигитам и сразу узнал брата, шагнул к нему, хрипло произнес:

— Свиделись.

Сахибназар молчал.

— Есть ли твой брат?— еще раз спросил Дурды-клыч, играя камчой.

— Вот он, передо мной.

Дурды-клыч подъехал к Сахибназару и мягко сказал:

— Твой брат смелый джигит, верный мой сотник. Присоединяйся к нам, сын почтенного Шерназарбая, все грехи прощу, большим человеком станешь.

«Может, брат испугается смерти и согласится?»— подумал Гаибназар.

— Брат, скажи, что перейдешь к нам, в живых останешься, будешь сам себе хозяин. Что у тебя, сына ясавулбаши, общего с этими кяфурами? Соберись с мыслями, скажи «да»— и дух нашего отца возрадуется.

Сахибназар молчал.

— Брат, вспомни бедную мать, не покушайся на свою жизнь.

— Ну, что надумал?— раздраженно спросил Дурды-клыч.

Сахибназар поднял голову:

— Нет, наши пути разные.

— Ну что ж, вы сами решили свою судьбу,— жестко произнес Дурды-клыч и, подумав немного, распорядился, чтобы женщины и подростки вернулись на кему.

— А ну, шевелитесь,— кричали басмачи, гоня их, как скот.

Все это время Дурды-клыч молча глядел на стоявших в ряд двадцати двух комсомольцев. Затем скомандовал:

— Раздевайтесь, сыны дьяволов!

Услышав это, женщины ахнули.

— Не убивайте их!

— Помилосердствуйте! Не расстреливайте мужа!— кричала Анабиби Мурадова.

— Анабиби, не плачь, от палача не жди сочувствия,— раздался голос Аллабергена Заргарова.

— Я тебе покажу, какой я палач!— Дурды-клыч ударил его камчой по лицу.— Быстро раздевайтесь!

Они сняли пиджаки, брюки.

— Последний раз спрашиваю: присоединитесь к нам?

— Чем служить тебе, лучше умереть.

— Убийца!

— Всех свяжите,— приказал Дурды-клыч.

Басмачи связали своим жертвам руки и ноги.

На голову Машарипу Палванову натянули рубашку, к шее привязали камень.

— Прощайте, товарищи!— успел крикнуть Машарип, и его столкнули с крутого берега в воду.

...Дошла очередь и до Пира Кутлимурадова. Его хотели запихнуть в мешок, но это не удавалось — Пир сопротивлялся, и вдруг путы на его руках лопнули, яростным ударом он расплющил в кровь лицо басмачу, другого сбил с ног.

— Стреляйте,— приказал Дурды-клыч.

— Стойте!— разнесся голос Кутлимурадова.— Убийцы, враги Хорезма, всех не перестреляете. Не уйдете от возмездия.

— Заткните ему глотку!— завопил Дурды-клыч.

Раздались выстрелы. Кутлимурадов упал. Дурды-клыч подошел и ногой наступил ему на грудь.

С кемы неслись душераздирающие крики. Женщины рвали на себе волосы.

Настал смертный час Аллабергена Заргарова. Анабиби рвалась к мужу, ее крепко держали двое басмачей.

— Анабиби, не плачь!— крикнул Заргаров.— Если будешь жива, все расскажи родителям, друзьям.

Гаибназар надеялся: брат увидит, как убивают его друзей, и отречется от них. Но брат молчал. Гаибназар шагнул к нему:

— Брат, не губи себя!

И услышал в ответ:

— Прочь с глаз, убийца,— не застилай свет!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Выбиваясь из сил, дарга полз по берегу, цепляясь за камыши, подтягивался на руках, волоча раненую ногу.

На закате на реке показалась знакомая кема.

— Юсуп, слышишь меня, это я, Рахим-дарга!— закричал он что было сил.— Не плывите дальше. У Хан-япа басмачи захватили нашу кему, троих гребцов убили, меня ранили.

Юсуп-дарга мгновенно понял грозящую опасность. Причалив к топкому, густо заросшему камышами берегу, подобрал раненого.

— Сынок, что будем делать?— спросил он у Рахмата Маджиди.— Повернем назад или продолжим путь?

— Дорогой отец, решайте сами: как считаете нужным, так и поступите. Главное: побыстрее уйти отсюда.

Дарга задумался.

— Возвращаться нельзя,— сказал он.— Против течения будем двигаться медленно. Басмачи же наверняка рыщут вдоль берега, они заметят и настигнут нас. Плыть надо в Муйнак, постараться проскочить мимо них.— И тут же дарга потребовал двойную плату:— На реке неспокойно, жизнью рискуем.

Рахмату ничего не оставалось, как принять это требование.

...В темноте ночи дарга вывел кему из камышей и, держась как можно дальше от канала Хан-яп, благополучно миновал его.

Всю ночь, нигде не останавливаясь, плыли по реке. Когда уставали гребцы, их сменяли ребята, что было сил налегали на весла. Разговаривали шепотом, словно боясь, что басмачи их услышат. Все понимали: спасенье в одном — плыть как можно быстрее, плыть днем и ночью.

* * *

Уцелевшие пассажиры захваченной басмачами кемы молча сгрудились в тесный кружок. Перед их глазами все еще стояли страшные картины казни. Одна только Назира сидела в стороне от всех, в упор глядела на басмачей, лениво развалившихся на корме. Вдруг она вскочила на ноги и, сжав кулаки, бросилась на них:

— Душегубы! Бандиты! Захлебнуться вам кровью невинных!

— Заткните ей глотку!— крикнул с берега ехавший верхом Дурды-клыч.

Один из басмачей зажал Назире рот. Она вырвалась, укусила его руку, исцарапала ему лицо.

— Эй, ты, джигит,— презрительно усмехнулся Дурды-клыч,— с кошкой и то справиться не можешь! Помогите ему там...

Здоровенный басмач со всей силы ударил Назиру кулаком по голове, потом подхватил ее и бросил за борт.

«Товарищей моих убили... Вот и Назиру убили. Почему они не убили меня?»— тяжело думал Таджеддин, убаюкивая плачущего ребенка.

* * *

Перед рассветом басмачи, оставленные Дурды-клычем на берегу Амударьи, задержали маленькую лодку. В ней оказались русские рыбаки из Муйнака.

— Кого вы привезли? Где сыны дьявола?— гневно спросил Дурды-клыч у Нургалди и Гаибназара.

— Мы поджидали их, но так и не увидели, похоже, что они проскочили ночью. Вот задержали и привели этих аральских, может, они знают, где кема,— испуганно оправдывался Нургалди.

— Ночь была темная, это и помогло им,— вторил своему дружку Гаибназар.— Наши люди обшаривают на берегу камышовые заросли. Может, где-то там они скрываются. Если спрятались, никуда им от нас не уйти, наши джигиты их схватят.

— Эх, вы!— произнес Дурды-клыч и отвернулся.

* * *

Большая кема плыла по Амударье, нигде не останавливаясь и не приближаясь к берегу. На каждую проплывшую мимо лодку смотрели с тревогой.

На рассвете кему нагнала моторная лодка. Убедившись, что у сидящих в ней нет оружия, Рахмат Маджиди поздоровался с ними и спросил:

— Товарищи, кто вы такие, куда плывете?

— Мы рыбаки, плывем в Муйнак.

— Вы слыхали о том, что басмачи схватили едущих учиться?

— Да, слыхали. Они задержали и одну нашу лодку. Допытывались, не видели ли рыбаки большую кему, на которой много молодых джигитов. Наверное, вас ищут...

Никто не жалел сил: не то что взрослые, но и подростки гребли до кровавых мозолей.

...В Муйнаке Маджиди быстро рассчитался с даргой и вместе с Али Муллаяровым пошел к начальнику пристани.

— Кема из Чалыша с сорока молодыми хорезмийцами прибыла? — спросил он.

— Нет.

— Когда ушел пароход в Аральск?

— Вчера.

— На нем не было хорезмийцев, едущих на учебу?

— Нет.

Али и Рахмат рассказали обо всем, что знали со слов раненого дарги. Начальник пристани немедленно связался с начальником гарнизона Муйнака. Были приняты меры на случай нападения басмачей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Угнанная басмачами кема, пройдя немалый путь, очутилась на озере Кара-Терен, раскинувшемся среди песчаных барханов. Здесь пленников согнали на берег. Дурды-клыч приказал поделить захваченные вещи. Его тупоумные джигиты ломали замки чемоданов, сундучков, в клочья рвали книги, тетради, документы, бросали их в костер. Лучшие вещи отдали своему сардору, остальные поделили между собой.

Четырех женщин тоже поделили как добычу. Красавицу Анабиби Сафаеву взял себе Дурды-клыч. Анабиби Мурадову и Анну Емельянову отдали главам юрт. Из-за Фатимы чуть не передрались — многие хотели взять ее в жены. Тогда Дурды-клыч за Фатиму назначил калым. Он продал ее за шестьдесят фунтов зеленого чая неженатому басмачу.

Когда судьбы невольниц были решены, Дурды-клыч обратился к семье Девановых и подросткам, в страхе ждавшим своей участи.

— Уходите на все четыре стороны.

Это было хуже смерти от пули. В этих бескрайних песках им предстояло умереть в мучениях.

Таджеддин взял на руки ребенка. Марьям, прощаясь с подругами, в слезах сказала: «Увидим то, что предопределено судьбой».

Дурды-клыч не дал уходящим ни куска хлеба, ни бурдюка воды.

— Пусть походят по пескам, сыны дьявола. Чем дать кусок хлеба кяфурам, лучше бросить кость собаке.

Подростки брели по пескам друг за другом, как гуси. Голодный ребенок Девановых заходился в крике.

Некоторое время басмачи смотрели им вслед.

— Сардор,— угодливо произнес Нургали,— вы поступили мудро. Чем тратить на них пули, лучше пусть сгинут в пустыне.

. — В дороге съедят друг друга,— вторил ему Гаибназар.

Только один человек — Яхши-бува, слуга Дурды-клыча, с болью смотрел на исчезающую в песках цепочку обреченных на смерть; он хотел что-то сказать смеющемуся Дурдыклычу, но не решался.

Прихватив награбленное, басмачи направились в свои юрты.

— Ну-ка, быстрей, быстрей!— погонял Дурды-клыч Анабиби Сафаеву.

Беременная женщина задыхалась от зноя, ноги ее утопали в песке, с лица градом катился пот.

— Быстро, быстро иди, здесь тебе не Хива!— покрикивал Дурды-клыч, сидя на коне.— Слышал, твой муж Карим-нищий стал в Хиве большим хакимом, видать, отвыкла ходить — ездила в фаэтоне.

Юрты басмачей стояли у подножия барханов, метрах в пятидесяти одна от другой. В них не было ни женщин, ни детей. Басмачи в этих местах все лето разбойничали, грабили людей, потом возвращались к своим семьям, жившим невдалеке от Каспийского моря. Они давно уже отвыкли от работы и, как волки песков, знали одно: выслеживать, преследовать, убивать.

...Басмач, купивший Фатиму за шестьдесят фунтов зеленого чая, войдя в юрту, приподнял платок, прикрывавший ее лицо. «Эта красавица стоит не шестьдесят фунтов,

а шестьдесят ящиков чая, смотрите, какой я счастливый»,— подумал он, не сводя глаз с Фатимы.

— Вот ты какая!— наконец произнес он и схватил ее за руку.

Фатима начала умолять:

— Дяденька, не трогайте меня. Я ведь совсем молодая.

— А ты не слыхала поговорку: «Кинь в девчонку шапкой — если не упадет, годится в жены».

— У меня есть любимый.

— Кто он? Где он?— Лицо басмача побагровело.

— В Хиве.

— Теперь твоим любимым буду я.

— Нет, нет, никогда! Сжальтесь надо мной, всю жизнь буду бога молить за вас.

— Тебя отдали мне. Теперь ты моя жена.

— Я не могу быть вашей женой, ведь у меня не спросили согласия.

— С каких это пор у девушки спрашивают согласие? У нас нет такого закона.

— Вы сделаете меня несчастной на всю жизнь.

— А ты осчастливишь меня, этого достаточно.

— Будьте справедливы!

— Я купил тебя у хозяина за шестьдесят фунтов зеленого чая.

— Если отпустите, я вам найду тысячу фунтов чая.

— Нет, мне не нужно ни чая, ни богатства. Ты мне нужна!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Возвращаясь в Хиву с письмом Дурды-клыча, Кутим чуть было не загнал коня. Но едва в рассветной дали проступили ее минареты, привычная предусмотрительность и осторожность взяли верх над желанием побыстрей получить вознаграждение. «Не надо привлекать к себе внимание стражников у ворот»,— решил он и в пригородном кишлаке Поласултан затерялся в веренице дехкан, спозаранок потянувшихся на хивинский базар.

Спустя полчаса вместе с ними он миновал Куша-дарбаза, двойные ворота с голубыми башенками, и, нигде не задерживаясь, направился к своему хозяину Ялманбаю.

Привязав во дворе коня, Кутим зашел в гостиную, на лице его блуждала самодовольная улыбка.

Ждать Ялманбая пришлось недолго. Увидев его, Кутим склонил голову, почтительно прижал руку к груди.

— Хозяин, выполнил ваше поручение.

— Всех захватили?

— Бог даст, захватят всех.— Кутим шепотом стал рассказывать, как стреляли по кеме.— ...Двадцать два,— он торжествующе взглянул на хозяина и поднес ладонь ребром к горлу.

— Вижу, что ты настоящий джигит. Подожди-ка.— Ялманбай вышел из гостиной и через несколько минут вынес шелковый халат, накинул его на плечи Кутима.— Возьми, ты заслужил!— сказал он, протягивая Кутиму деньги.

— Хозяин...

— Что, мало?

— Вы обещали...

— А, женить?— Ялманбай вгляделся в уродливое лицо Кутима и ухмыльнулся.— Как же, как же, обязательно женю на первой красавице.

* * *

По Хиве поползли слухи:

— Басмачи схватили ехавших на учебу.

— Всех перерезали.

Люди собрались в махалля, шли в Нурлавой. И у недоброй вести крылья, она быстро распространилась по кишлакам и городам Хорезма. Отовсюду стекался в Хиву народ.

— Наши дети попали в руки басмачей!

— Верните нам наших детей!— кричали они.

У некоторых в руках были кетмени, лопаты, дубинки. Красноармейцы сдерживали людей, не впускали их во дворец. Женщины рыдали, поминая пропавших, их крики раздирали душу. Каждый хотел узнать о судьбе сына, дочери, родственника. Толпа перед Нурлавоем росла. То тут, то там раздавались возгласы:

— Пусть Хансуваров скажет, что случилось с нашими детьми!

— Пусть к нам выйдет председатель Совета назиров Турсунходжаев!

Ялманбай потирал руки: «В Хиве народ восстал. Достаточно подбросить уголек — все взорвется».

— Бог покарал отвернувшихся от него, теперь их души в аду,— твердили муфтии и ахуны.— Все вы видите, можно ли доверять большавоям.

Раздавались и другие речи:

— Наши хакимы сговорились с басмачами и послали детей на смерть.

А в Джума-мечети, вместившей около десяти тысяч человек, глава хивинского духовенства кази-калян подстрекал собравшихся:

— Правоверные, отомстите новым хакимам за пролитую кровь наших детей, за то, что они послали их в школы кяфуров.

Из ЦК и ЦИКа республики звонили в Гурлен, Мангит, Ходжейли, но и там ничего точно не знали, только сообщили, что и у них распространились слухи о захвате кемы.

В Нурлавой вызвали Палвана.

Пробившись сквозь толпу, он увидел у входа во дворец начальника караульной роты.

— Проходите, товарищ Ибрахимов,— сказал тот,— вас ждет товарищ Хансуваров.

В кабинете Хансуварова находились почти все руководители республики. У окна, выходящего на забитую народом площадь, стоял председатель ГПУ Атаджанов. Рядом с ним курил трубку Шайдаков. Лица у всех были строгие, напряженные. Палвана поразило молчание, царившее в кабинете.

— Палван,— заговорил Хансуваров,— по слухам, басмачи схватили наших ребят. Это где-то в районе Ходжейли. Никаких достоверных сведений пока нет, но дыма без огня не бывает: должно быть, что-то произошло. Срочно выступайте, найдите и разгромите банду. А вы, товарищ Атаджанов, со своим отрядом двигайтесь берегом Амударьи. Известно одно: до Ходжейли обе кемы доплыли благополучно. Сейчас не время выяснять, по чьей вине обе группы молодежи отправили без охраны, даже не выдали им оружия. Головотяпство работников, ответственных за это дело, привело к весьма мрачным последствиям.

— Теперь ясно, что надо было принять меры предосторожности, но тогда с таким вопросом ко мне никто не обращался,— взволнованно произнес Атаджанов.

— Товарищ Атаджанов, надо, чтобы ваши работники выяснили, кто сообщил басмачам об отъезде молодежи на учебу и вообще как поддерживают связь враги, затаившиеся в Хиве, с басмачами в пустыне,— требовательно произнес Хансуваров.

— Товарищ Хансуваров, сделаем все возможное.

Не прошло и часа, как отряды Палвана и Атаджанова выступили из Хивы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Яхши-бува вспоминал о детях, отправленных Дурды-клычем на верную гибель, и сердце его обливалось кровью.

— Сардор-ага,— взволнованно обратился он к входящему в юрту Дурды-клычу,— Сардор-ага, быть мне жертвой за вас, выслушайте мою просьбу.

— Говори.

— Мне уже за шестьдесят, из них больше половины провел в вашем доме.

— Верно, ты преданный слуга, я доволен тобой.

— Никогда ни о чем не просил вас.

— Говори, слушаю тебя.

— Сардор-ага, вы тем детям не дали ни хлеба, ни воды. Хотя бы дали им проводника — это было бы по-мусульмански.

Дурды-клыч ожидал от слуги совсем другого. Он думал, что сейчас попросит чего-нибудь из захваченных вещей. «Хоть и ничтожный он человек, слуга, все же выделю и ему долю». Но неуместная просьба старика разозлила Дурды-клыча:

— Полоумный, что ты говоришь!

— Детям дали бы проводника...

— Не лезь ко мне с дурацкими просьбами!

— Ага, у меня детей нет, но они есть у вас, и вы их любите.

— Мои дети мусульмане... А эти отреклись от бога, продались иноверцам, предатели!

— Они еще дети, не знают, кто кяфур, а кто мусульманин. Один сын узбека, другой — туркмена, третий — каракалпака. Они погибнут в песках, не берите на душу грех, дайте им проводника.

— Старик, замолчи!

— Будьте человечны,— умолял Яхши-бува,— ведь они не знают дорогу. Даже мы иногда блуждаем в песках.

— Пусть потеряются, пусть подохнут, пусть разорвут их шакалы! Понял меня?

— Если некого, то меня хотя бы пошлите с ними, дети будут богу молиться за вас. Выведу их на дорогу и вернусь. Ведь и вы и я мусульмане... Будьте благоразумны, бог, увидев вашу доброту, даст вам счастья. Будьте справедливы.

— Ты что, ума лишился?— Дурды-клыч вытолкнул Яхши-буву из юрты и начал хлестать его камчой.— Вот тебе справедливость, вот тебе благоразумие...

— Сардор-ага, за что бьете?

— Эй, джигиты! — кликнул Дурды-клыч своих телохранителей. — Этот старик потерял рассудок, бейте его, тогда он узнает, что такое грех и что такое благоразумие и справедливость. — Разгневанный Дурды-клыч ушел в юрту.

Басмачи связали старику руки и ноги, избили его палками, приговаривая: «Выходи, нечистый дух, выходи», потом отвели старика в одну из юрт Дурды-клыча и бросили там.

...Яхши-бува лежал скорчившись у порога юрты и глухо стонал от боли и обиды. Клял свою долгую беспросветную жизнь.

«...За долги отца меня отдали в слуги отцу Дурды-клыча. Пас его отару, заготовлял дрова, носил воду. Родители мои умерли, и умер отец Дурды-клыча. Новый хозяин мой еще хуже старого. Сколько ни работаю, остаюсь его должником. Ни жены у меня, ни детей. А подумать, кому я служу... Душегубу, разбойнику. Несть числа разграбленным им кишлакам и аулам, убитым путникам... Мало ему этого — невинных детей послал на верную смерть. Нужно их спасти. Милосердный аллах, помоги мне! Хоть раз в жизни я должен сделать доброе дело».

Преодолев боль, старик с трудом поднялся на ноги и вышел из юрты, дал коню корм, напоил его.

Юрта, в которой басмачи бросили избитого старика, служила складом, в ней хранились запасы съестного и вода в бурдюках.

Яхши-бува снял с крюка большой хурджун, положил в него хлеб и выглянул из юрты.

Полночь. Давно погас огонь в юртах. Тишина.

Яхши-бува оседлал коня и, прихватив хурджун с хлебом и бурдюк с водой, покинул басмаческий стан.

* * *

Таджеддин Деванов понимал, что только счастливый случай может спасти людей, которых он вел к югу, где, по его расчетам, находился Ходжейли. Знал он и то, что идти надо не останавливаясь, покуда хватит сил.

Он шел с ребенком на руках, до рези в глазах вглядываясь вдаль — ни каравана, ни всадника, одни только бесконечные барханы. Встреча с людьми была маловероятна — здесь не было караванных троп, а за саксаулом в такие отдаленные от кишлаков места никто не ездит...

Конечно же, как только в Хиве узнают о случившемся, придут на помощь. Но до того времени им не продержаться... И он все чаще думал о смерти: не о самой смерти, а

о том, чтобы умереть не дрогнув, как его товарищи, убитые басмачами, о том, чтобы по-человечески похоронить своего ребенка и свою любимую, и этих вот подростков, с таким воодушевлением отправлявшихся на учебу, а теперь с мольбой и надеждой смотревших на него.

Зашло солнце, и над пустыней поплыла леденящая кровь протяжная спевка шакалов.

«О жестокий беспощадный мир!— Таджеддин еле сдержал рвущийся стон:— Люди, где вы? Помогите!»

Какое-то время он шел стиснув зубы, чтобы не закричать, не выдать своего отчаяния, не испугать спутников.

— Таджеддин-ага, будет ли конец этим пескам?— воскликнул кто-то из мальчиков.— Давайте передохнем. Не могу больше.

— Брат, не время отдыхать,— Таджеддин схватил его за руку, потянул за собой.— Еще немного, и выйдем на дорогу.

...Лунная ночь распростерлась над песками, нежно осеребрила барханы. Недавно, в такую же ночь, они с Марьям, взявшись за руки, гуляли на берегу Амударьи...

Таджеддин видел: ребята останавливаются, падают на колени, выгребают ямки, сжав в ладонях горсть прохладного влажного песка, засовывают его в пересохший рот, тщетно стараясь добыть хоть каплю влаги. И Марьям потянулась к песку...

«Плохо, очень плохо... Вот и конец всему»,— подумал он.

— Смотрите, едет!— вдруг вскрикнул кто-то из подростков.

Все замерли. В лунном свете был ясно различим всадник. «Кто же это? Неужто Дурды-клыч решил, что мы можем спастись, и послал по наши души одного из своих головорезов?»

Подростки, как цыплята, спасаясь от коршуна, пугливо жались к Таджеддину и Марьям.

Таджеддин торопливо передал ребенка жене и спрятал за спину посох — сухую, крепкую, отполированную песком и ветрами палку, найденную им перед закатом.

«Басмач перестреляет нас, или я убью его».

Всадник приблизился. Ни в руках, ни на плече у него не было винтовки. Вот он совсем рядом.

— Салам алейкум! Меня зовут Яхши-бува,— сказал всадник.

Все еще сжимая в руке палку, Таджеддин растерянно ответил на приветствие. В седобородом коннике он узнал басмача, как тень следовавшего за Дурды-клычем.

Скатившись с седла, Яхши-бува вынул из хурджуна хлеб.

— Ешьте, дети мои, тысячу раз благодарен богу, что быстро нашел вас. Вот вода, пейте,— он развязал бурдюк и каждому дал по пиале воды.

Утолив жажду и голод, все оживились. Марьям накормила ребенка. Подростки обнимали сидевшего на песке старика, гладили его бороду. В глазах Яхши-бувы сверкали слезы.

— Милый Яхши-бува, как вы нашли нас?— спросила Марьям.

— Ехал по вашим следам.

— Спасибо, Яхши-бува, дай бог вам долгих лет жизни.

— Дети мои, я просил Дурды-клыча пощадить вас...

Яхши-бува рассказал о случившемся и поднялся.

— Как только Дурды-клыч узнает, что я бежал, пошлет джигитов в погоню.

И снова путь по пустыне.

Впереди цепочки путников — Яхши-бува с ребенком на руках.

* * *

Басмачи, отправившиеся в погоню за Яхши-бувой, вернулись через двое суток.

— Не нашли беглеца?— Лицо Дурды-клыча исказила злоба.

— Сардор,— начал один из басмачей,— мы ехали на юг по следам кяфуров. Туда же вел след коня твоего слуги. Но поднялась буря, замела все следы. Сколько ни искали проклятых, нигде не нашли, наверное, они уже стали добычей шакалов.

— Почему вернулись, не выполнив мой приказ?— Дурды-клыч сжал камчу.

— Сардор, я еще не все сказал. В песках мы повстречались с джигитами Балта-шиха, спросили, не встретились ли им бредущие по пустыне дети. «Нет,— ответили они,— детей мы не видели». «А старика всадника?» «Нет,— ответили,— никого, кроме вас, не встречали. Знаем только, что из Ходжейли, Куня-Ургенча, Мангита, отправлены красноармейцы на выручку ехавшим учиться в страну кяфуров. То ли кема, на которой они плыли, перевернулась, то ли по-

пали в руки воинов ислама...» Услышав такую весть, мы решили побыстрей принести ее тебе.

По приказу Дудры-клыча юрты были быстро сложены и навьючены на верблюдов. Басмаческий караван направился в глубь Каракумов. В зное пустыни ехали на верблюдах и пленницы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Яхши-бува, будет ли конец этому аду?— с отчаянием спросила Марьям, волоча вязнувшие в горячем песке ноги.

— Еще немного потерпи, доченька,— еле слышно ответил старик.

Он уже давно вел в поводу коня, на которого поочередно усаживали обессиленных ребят. Конь шатался, дышал хрипло, казалось, еще шаг — рухнет.

Цепочка путников все сильней растягивалась, приходилось останавливаться, поднимать упавших, тянуть их за собой.

— Сынок, они не могут идти,— обратился Яхши-бува к обливающемуся потом Таджеддину.— Оставь нас, а сам иди. Дорога близко. Найдешь людей — они выручат.

— Хорошо, ата,— Таджеддин поднял голову и первым увидел приближающихся всадников.— Яхши-бува, Марьям, глядите!

Губы старика задрожали, белая борода затряслась: он решил, что это джигиты Дурды-клыча.

— Простите, дети, не суждено мне спасти вас...

— Нет, не похожи на басмачей.— Таджеддин схватил его за руку.— В шлемах!

— Может, переоделись. У хозяина тоже есть шинели и шлемы со звездой.

— Наши!— выдохнула Марьям, узнав в едущем впереди всаднике Палвана.

А тот не сразу узнал в измученных с запавшими глазами людях хорошо знакомых ему Таджеддина и Марьям.

— Здравствуйте! Живы-здоровы! Где остальные?— Палван спрыгнул с коня.

Красноармейцы бросились к путникам, протягивали истомленным жаждой хлеб и воду. Кто-то достал кожаное ведерко и напоил коня старика.

Таджеддин и Марьям начали рассказывать о пережитом.

Видя, в каком они состоянии, Палван предложил:

— Давайте поедем в Ходжейли — это недалеко, час езды. Там спокойно поговорим.— И приказал бойцам усадить спасенных на коней.

Яхши-бува стоял в стороне, низко опустив голову. Палван подошел к нему:

— Отец, обо всем знаю, спасибо вам.

— Что ж теперь будет со мной?— горестно спросил Яхши-бува.

— Все будет хорошо, позаботимся о вас. Отныне вы не слуга Дурды-клыча, а наш друг. Садитесь на моего коня, а вашего поведем в поводу, дойдет, думаю.

Вскоре они выехали на дорогу. Ординарец Палвана галопом помчался в Ходжейли к председателю горсовета Кусбергану известить о найденных в пустыне. «Пусть подготовят помещение, табиб нужен!»— крикнул ему вдогонку Палван.

...Их встречал весь Ходжейли, на лицах людей светилась радость. Срочно позвонили в Хиву, рассказали обо всем случившемся. Кроме того, в Хиву отправили гонца с письмом, в котором подробно сообщили о судьбах всех сорока пленников. Другой гонец повез письмо Матякубу Атаджанову, отряд которого прочесывал местность в районе канала Хан-яп.

* * *

— Товарищи,— обратился Хансуваров к людям, собравшимся перед Нурлавоем,— все наши юноши и девушки, находившиеся на большой кеме, благополучно прибыли в Уральск. От них только что получена телеграмма. Вот она: «Срочно. Хива, секретарю ЦК Хансуварову. 23 августа сорок учащихся во главе с Машарипом Палвановым, Матназаром Адамовым и Пиром Кутлимурадовым отправились на кеме из Чалыша в сторону Аральского моря. Мы же, сто десять учащихся, отплыли 24 августа. В пути мы узнали, что у Хан-япа недалеко от Ходжейли все сорок учащихся схвачены басмачами. Услышав об этом, мы нигде не останавливались и приплыли в Муйнак. Ни один из тех учащихся в Муйнак не прибыл, не прибыл никто и в Аральск. Все мы встревожены и опечалены. Мы надеемся, что, если наши друзья попали в руки басмачей, правительство сделает все, чтобы освободить их».

Товарищи,— голос Хансуварова дрогнул,— я должен сообщить вам и горькую весть. Только что нам позвонили из Ходжейли. 24 августа басмачи захватили первую кему. Двадцать два человека убиты Дурды-клычем...— Хансува-

ров пересказал собравшимся все, что услышал от Таджеддина Деванова. Убита и одна девушка.— Хансуваров под вопли и рыдания родных назвал имена убитых.— Сейчас,— продолжал он,— разыскиваются трупы погибших. Их семьям мы окажем помощь. Все силы бросили, чтобы схватить Дурды-клыча и его шайку. Отряд Палвана нашел в пустыне одиннадцать подростков и двоих взрослых. Все они здоровы и после недолгого отдыха в Ходжейли прибудут в Хиву. О судьбе четверых женщин и девушек — Анабиби Сафаевой и Анабиби Мурадовой, Анны Емельяновой и Фатимы Бекмухаммедовой, находящихся в плену у басмачей, пока ничего не известно. Правительство сделает все для их скорейшего освобождения.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Пленницам запретили ходить друг к другу. Перекинуться несколькими словами им удавалось лишь у колодца, да и то не всегда.

В первую же встречу они сговорились бежать.

— Чем так жить, лучше стать добычей шакалов,— с горечью сказала Сафаева.

— Я несчастней всех,— вздохнула Анабиби Мурадова.— Меня отдали басмачу — убийце моего мужа.

...Как-то Фатима заметила, что подруги собрались у колодца, и, прихватив ведро, направилась к ним. Вдруг кто-то выстрелил, над ее головой с тонким зловещим свистом пролетела пуля. Фатима сделала еще шаг — вторая пуля жикнула возле уха.

— Фатима, вернись! Не ходи сюда — убьет!— закричали подруги.

Фатима оглянулась, увидела возле юрты мучителя-басмача, которому ее продали за зеленый чай.

— Воды хотела принести,— сказала она, вернувшись с пустым ведром.

— Пойдешь, когда разойдутся вон те ведьмы.

Бегство старика, слуги Дурды-клыча, решившего спасти обреченных на смерть, и то, что басмачи не смогли его найти, вселило в сердца женщин надежду: «Может, и наши следы заметет пыльная буря».

* * *

Банда Дурды-клыча то и дело перекочевывала от колодца к колодцу, басмачи при свете дня и особенно по ночам бдительно охраняли свое логово.

Уйти пленницы могли лишь в знойный полдень, когда их «мужья» спали в юртах.

Так и поступили.

...Они шагали по пышащим зноем пескам, вдоль ленточки тянущихся бог весть куда следов ишачьих копытец: вчера к басмачам приезжал незнакомый старик, и женщины надеялись, что следы его ишака выведут к какому-нибудь кишлаку или к чабанам. «Хоть бы поднялся ветер и замел наши следы,— думали они.— Иначе догонят, забьют насмерть».

Конечно, беглянки понимали: в Хиве давно уже знают, что они оказались в руках басмачей, сделают все для их освобождения. Понимали они и то, что побег средь бела дня равносилен самоубийству, что разумней терпеть и ждать. Все это они понимали. Но униженным, оскорбленным женщинам дорог был час свободы.

...Вскоре их настигла погоня. Избив беглянок, басмачи погнали их к юртам.

— Ну, погодите, проучат вас Дурды-ага и ваши мужья,— грозили они.

Вряд ли остались бы в живых женщины, не явись как раз в день их побега к Дурды-клычу с большим трудом отыскавшие его в пустыне посредники, посланные предводителями туркменских племен по просьбе Хансуварова. Дурды-клыч хорошо знал этих людей и встретил их с почестями. От имени правительства они предложили ему золото за освобождение четырех пленниц. Дурды-клыч не устоял... Для вида он долго артачился, заставлял посредников уговаривать его и согласился нехотя, как бы только из уважения к ним.

— Хорошо, пусть уходят,— сказал он, играя камчой.

— Дадите им провожатых?

— Дам.

Посредники, отдав деньги, уехали.

На следующий день пленниц собрали у юрты Дурды-клыча.

— Настала осень. Мы скоро вернемся в свои края. Там у нас жены, дети. Поэтому Дурды-ага отпускает вас,— объявил женщинам Нургалди.

Они не знали, верить или не верить его словам, но тут подъехали двое всадников, сказали:

— Идите за нами.

* * *

Три дня женщины шли по пустыне. Устали они беспредельно, особенно Анабиби Сафаева, которую подруги под руки тащили вперед.

Сопровождавшие женщин басмачи не обращали на них никакого внимания. Отъехав километр-другой, они поджидали своих подопечных. Утром и вечером давали им воду для чая и несколько лепешек.

Наконец песчаное море кончилось, и выкупленные очутились в большом тугае. Идти здесь было еще тяжелей, колючие кустарники цеплялись за платье, впивались в тело, ноги и руки побагровели.

— До Кунграта еще далеко?— спросила у провожатых Анабиби Мурадова.— Умрем, наверное, не дойдя до него.

— Нет, теперь уже близко. Мы вас выведем из этого тугая на большую дорогу и вернемся назад.

— До Кунграта не поведете?

— Нет, нам такого приказа не было.

Не сомкнув глаз, провели ночь в тугае, донимали комары, пришлось всю ночь жечь костер.

Утром басмачи собрались в обратный путь.

— Пойдете по этой тропе, она выведет вас на дорогу,— сказали они.

Женщины пошли по тропе.

Через некоторое время вдали появились конники. Анабиби Мурадова попросила Анну: «Дай мне свой красный платок». Она взяла платок, привязала его к найденной на дороге палке и подняла вверх.

Красноармейцы подъехали к женщинам.

— Кто вы такие?

— Мы пленницы, отпущенные Дурды-клычем. Вот уже пятый день в пути,— ответила Анна.

Накормив женщин, командир привез их в ближайший кишлак. Там усадил на две арбы и под охраной отправил в Кунграт.

— Как называется эта местность?— спросила Фатима возницу, глядя на бескрайний простор.

— Кунгратская степь...

Дробно стучали мелкие камушки, отскакивая от высоких арбяных колес и конских копыт, залетали и в арбу. С утра погода переменилась, подул холодный ветер. Красноармейцы сняли с себя шинели и накинули их на женщин.

Вскоре у Анабиби Сафаевой начались предродовые схватки. Кусая губы, она молча переносила боль. Но арба-

кеш услышал ее стон и остановил лошадь. Другая арба тоже встала.

— Что случилось?— с тревогой спросила Фатима, и в это время с арбы, в которой ехала Анабиби Сафаева, раздался крик ребенка.

Женщины укутали новорожденную в рубашку. Арбы двинулись в путь.

Вот и Кунграт. Их встретили Маткарим Сафаев, Матякуб Деванов, Емельянов и брат Анабиби Мурадовой.

В руки Сафаеву передали девочку, он осторожно взял ее.

— Хорошо, что дочь. Будет любить родителей.

Емельянов прижал к груди Анну:

— Жива!

Матякуб потянулся к своей невесте Фатиме, хотел обнять ее.

Она отстранилась.

— Фатима, ты не рада нашей встрече?

— Матякуб-ага, как я могу радоваться после всего, что было?..— сказала Фатима.

— Успокойся, милая, ты просто устала...

Брат Анабиби Мурадовой, выслушав рассказ о смерти ее мужа, глухо зарыдал.

* * *

2 сентября 1924 года Средазбюро РКП(б) приняло постановление, в котором выражалось глубокое соболезнование народу Хорезма в связи с гибелью от рук басмачей комсомольцев и коммунистов, ехавших на учебу, и было дано указание командованию Туркфронта о посылке в Хорезм воинских частей для окончательного искоренения басмачества.

* * *

7 сентября в Хиве возле ворот Куша-дарбаза состоялась торжественная церемония символического погребения погибших комсомольцев и коммунистов. Их тела, найденные отрядом Атаджанова в канале Хан-яп, захоронили в Ходжейли.

...Двадцать три гроба поставлены в ряд. Над ними приспущены красные знамена с черными лентами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Узнав о гибели Назиры, Матёз, казалось, лишился ума. Рыдая, он звал ее, царапал землю руками.

Таджихон в страхе унесла своего новорожденного младенца к соседям и тут же бегом вернулась домой. Она боялась, что муж лишит себя жизни. Матёз глядел на нее невидящим взглядом.

— О невинная моя невестка, безвременно покинувшая мир Назира! О мой несчастный муж!— отчаянно запричитала она.

Матёз лежал на земле, перебирая в памяти все, что видел в Чалыше, когда провожал сестру. Многие кемы ушли в те дни в Муйнак, и никто на них не нападал. Напали только на кему, на которой плыли джигиты и девушки, отправившиеся учиться. Значит, кто-то заранее предупредил басмачей. Но кто? Пеший не опередил бы кему. Весть эту мог принести лишь всадник на добром коне.

И вдруг Матёзу припомнился уродец Кутим на вороном коне Ялманбая. Кутим ехал вниз по течению. Сказал тогда, что провожал племянника и вот решил заглянуть к рыбакам, купить для хозяина рыбу. Но на первой кеме никакого родственника Кутима не было. И вообще, с каких это пор родственники у него появились?..

Матёз вскочил на ноги, забежал в дом, сунул за поясной платок кинжал и, оседлав коня, помчался в Хиву.

К вечеру Матёз вернулся, так и не повидав Кутима: оказалось, что тот арестован. Ни слова не сказав Таджихон, Матёз как был в одежде, так прямо повалился на тушак.

Всю ночь Матёз не сомкнул глаз. Чуть свет поднялся — тихо, чтобы не разбудить жену. Минуту постоял, глядя на спящего в люльке сына, потом шагнул к двери.

— Куда вы?— испуганно спросила Таджихон.

— В Хиву, очиститься от греха.

* * *

Злодеяния басмачей не запугали хорезмскую молодежь. Джигиты и девушки писали заявления с просьбой отправить их на учебу.

В середине сентября в школы и вузы Москвы, Ташкента и других городов отправились сто человек. Завершалась подготовка к отъезду еще одной многочисленной группы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Хива. 30 октября (Туркроста). Срочно.

Всехорезмским курултаем сегодня на вечернем заседании единогласно принята резолюция, предоставляющая узбекам, туркменам и каракалпакам Хорезмской республики право выделения из состава Хорезмской республики и вхождения в соответствующие национальные республики и автономные области.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ПЯТОГО ВСЕХОРЕЗМСКОГО КУРУЛТАЯ

1. Во исполнение выраженной воли рабочих и дехканских масс узбекского народа предоставить право узбекскому народу выйти из состава Хорезмской Социалистической Советской Республики и войти в состав вновь образуемой Узбекской Социалистической Советской Республики.

2. Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс туркменского народа предоставить право туркменскому народу выйти из состава Хорезмской Социалистической Советской Республики и войти в состав вновь образуемой Туркменской Социалистической Советской Республики.

3. Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс киргизского и каракалпакского народа предоставить право киргизскому и каракалпакскому народу выйти из состава Хорезмской Социалистической Советской Республики и войти в состав Киргизской Автономной Социалистической Советской Республики.

4. Считать необходимым условием вхождение вновь образуемых Узбекской Социалистической Советской Республики и Туркменской Социалистической Советской Республики в Союз Социалистических Советских Республик.

5. Считать Советскую Социалистическую Хорезмскую Республику с настоящего момента ликвидированной.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В середине января 1925 года сорок делегатов-хорезмийцев в сопровождении полусотни конников отправились в Бухару на учредительный съезд Компартии Узбекистана и съезд Советов Узбекской ССР.

Выехали из Хазараспских ворот Хивы — и перед ними открылся заснеженный сверкающий простор. Дни стояли морозные, солнечные.

Добрались до Хазараспа. Переночевали и на рассвете продолжили путь.

...Пустынная ухабистая дорога жалась к берегу Амударьи, скованной льдом, чуть розоватым от студеного солнца. Вокруг ни души. Встретился только старик-дехканин, трусивший на ишачке в город.

Вдруг тишину разорвал выстрел: это кто-то из красноармейцев первым заметил басмачей, затаившихся за стенами и дувалами заброшенной усадьбы. Завязалась перестрелка. Басмачей было не меньше сотни.

Весь день они преследовали направлявшуюся в Чарджоу группу. Не раз приходилось занимать круговую оборону, отстреливаться... В конце концов басмачи поняли, что добыча им не по зубам. Устрашенные пулеметным огнем, они еще какое-то время маячили в почтительном отдалении, а потом и вовсе исчезли. Но это не успокоило Палвана — нападения можно было ждать в любую минуту.

Когда миновали оазис и дорога потянулась по пустыне, небо заволокло мглою, подул пронизывающий ветер.

«...Хорошо, если дней за двадцать доберемся до Чарджоу,— думал Палван, глядя на бредущих под ледяным ветром людей, на усталых коней, тянущих тяжелые арбы.— Пятисоткилометровый путь по зимней пустыне труден и для бывалых красноармейцев, а ведь среди делегатов женщины...»

Правда, подготовились к дальней дороге основательно. Он сам выбрал надежных коней, придирчиво осмотрел все тридцать арб, запасся провизией, фуражом. Люди тепло одеты: и красноармейцы, и делегаты, и арбакеши — в тулупах. Но мороз лютует. Придется почаще устраивать привал, жечь костры, благо дров в пустыне достаточно. И все время надо быть начеку, особенно по ночам.

Палван огляделся по сторонам.

Невысокие заснеженные барханы. Впереди колонны — конный разъезд. Справа и слева боковое охранение. Да и местность открытая, негде схорониться басмачам.

...Медленно тянутся кони. Поскрипывают колеса. Хрустит снег. Укутанные в тулупы шагают люди. Кто-то забрался на арбу, да на таком морозе долго не усидишь — закоченеют ноги. Добро, еще ветер с утра переменился, дует в спину. Кажется, погоняемая им, поплыла и сама пустыня с клубящимися снежной дымкой барханами... Пять лет на-

зад возле Турткуля в такой же вот метельный зимний день сошлись в сабельном бою Палван и предводитель ханского войска Шерназарбай. Пришел тогда смертный час Шерназарбая, но и Палван чуть не истек кровью, чудом выжил... А вот прошлой осенью сын Шерназарбая, ехавший учиться в Ташкент, убит басмачами... Как разделила хорезмийцев гражданская война!

Устал народ от войны. Все время смерть караулит, и теряешь друзей. Сколько их лежит в этих безмолвных просторах! Если вспоминать одного за другим, не хватит и дня.

Палван опустил голову, и ему вдруг привиделся родной Пишканик.

...Цветут сады. Но почему-то не слышно птиц. Странная тишина.

И вдруг всадники едут. Дехкане высыпали из домов, стоят молча, и все держатся за руки — и старики, и совсем маленькие дети. И он, Палван, в этом безмолвном застывшем ряду.

А всадники все ближе... Никого не замечают, смотрят прямо перед собой.

Впереди в красной косынке Джумагуль. Следом Пирнафас-ака, Сафаргалди, Кушмамат...

Палван провел рукой по глазам — видение исчезло.

Ведя коня в поводу, он отошел чуть в сторону от дороги, пропуская вперед жалобно поскрипывающие арбы и хрустко шагающих за ними людей.

...На двадцать второй день исхудалые, с потемневшими от мороза и ветра лицами путники достигли Чарджоу. Оттуда после короткого отдыха отправились поездом в Бухару.

* * *

В Бухаре хорезмийцев, как и делегатов из Ташкента, Ферганы и других мест, поселили в нескольких больших медресе.

— Вот и открылась новая страница в истории Средней Азии,— задумчиво произнес Хансуваров, когда, вернувшись с партийного съезда, делегаты-хорезмийцы собрались в его просторной худжре. Был здесь и давний друг Хансуварова бухарец Файзулла Ходжаев.

— Кстати сказать,— заметил он,— наш народ гораздо старше своего названия. Семьсот — восемьсот лст назад в государстве Караханидов, а затем Хорезмшахов уже сочиняли книги на узбекском языке. Но узбеки долгие века, а некоторые еще и по сей день сохраняют свои племенные

названия. Многие потомки древних оседлых узбеков называют себя сартами. Наверное, и среди вас такие есть. А ведь как было: кочевники-узбеки, переходя к оседлой жизни, постепенно заимствовали культуру и быт жителей оазисов, а те, конечно, кое-что позаимствовали у кочевников, некоторые приняли и их самоназвание — узбеки. Переписи населения, трижды проводившиеся за последние четверть века, показывают, что все большее количество сартов называют себя узбеками. Одним словом, и те, кто считает себя узбеками, и те, кто говорит: «Мы — сарты»,— один народ... Да, в истории нашего народа, многие века разобщенного, начинается новая страница. Интересно бы увидеть, какой станет жизнь через двадцать — тридцать лет. Наверное, многое из того, что нам привычно, покажется нашим детям странным, даже невероятным... Ну, например, как вы чуть не месяц добирались до Чарджоу... Пройдет немного лет, и по земле Хорезма побегут поезда. Михаил Иванович Калинин еще до вашего приезда говорил, что Союзное правительство считает строительство железной дороги в Хорезме первоочередным делом.

— Да вам, Файзулла-ака, еще не меньше полвека отпущено, многое увидите,— пошутил Хансуваров.

Все заулыбались, вспомнив, что несколько часов назад говорил о Файзулле Ходжаеве Калинин:

«Если раньше, чтобы из Москвы приехать в Бухару, вероятно, нужно было месяца два-три, то в настоящий момент можно сюда приехать в пять дней. Я не сомневаюсь, что через двадцать — тридцать лет можно будет уже приехать дня в три. А пройдет, может быть, полсотни лет, и Файзулла Ходжаев, которому тогда исполнится восемьдесят, будет завтракать в новой столице Узбекистана, а ужинать в Москве на докладе у председателя союзного Совнаркома».

Палван вгляделся в волевое лицо Файзуллы Ходжаева. «Да, этот человек знает, что делать, не отступит, не свернет в сторону. На него можно положиться. Не зря Калинин пожелал ему долгой жизни».

Никогда прежде так полно не осознавал Палван ответственность большевиков, а значит, и собственную ответственность за судьбу своего народа, за судьбы всех народов огромной страны, вставших на никем еще не изведанный путь. Об этой ответственности как раз и говорил сегодня Калинин. Крепко запомнились Палвану его слова.

«У нас в России Коммунистическая партия завоевала свое настоящее положение длительной беззаветной борьбой в прошлом... Поэтому, когда мы сейчас выступаем перед

крестьянином, перед рабочим, мы пользуемся плодами жертвенности наших предшественников...

Здесь перед дехканином молодая узбекская Коммунистическая партия не может опираться на старую историю, ибо Компартия Узбекистана выросла только в момент революции. Она выросла в момент появления ее у власти. Узбекский крестьянин еще, может быть, в тысячу раз больше связывает коммуниста с властью, чем крестьянин русский, ибо русский крестьянин, русский рабочий коммуниста видели при царизме, видели в тюрьме, видели в кандалах, видели ссылаемого в Сибирь, видели убитого на улице...

Компартии Узбекистана предстоит еще завоевание крестьянства. Товарищи говорят: у нас крестьяне подчиняются муллам. Они следуют за муллами потому, что при царизме мулла отстаивал или делал вид, что отстаивает крестьянина, потому что мулла давал крестьянам слова утешения во время их тяжелой жизни.

От коммунистов Узбекистана требуется идти в народ, в кишлаки... В настоящий момент у вас сотни молодых крестьян учатся в университетах, и в коммунистических, и в других, в Москве, Ташкенте, во многих городах... Надо подготовить пути для этих молодых сил — не здесь, за столом, сидеть, но занимать ответственные партийные и советские места в деревне. Молодежь надо выдвигать, закалять... Нельзя народ познать, не пожив среди народа. Нужно, чтобы они обтерлись, пропитались запахом земли дехканина...

Узбекистан располагает сравнительно большими культурными силами, он располагает большими материальными возможностями, большим количеством населения, у него наиболее богатые города. Я считаю вполне законным и естественным его желание играть первую скрипку в Средней Азии. Но если товарищи хотят играть первую скрипку, то, разумеется, это может быть достигнуто в нашем Советском Союзе только усиленным трудом, огромным великодушием, огромной работой и жертвами в пользу соседних республик, которые будут с вами соприкасаться. Ибо раз вы сильны, раз вы могучи, то от вас требуется и большая уступчивость к этим республикам. Одним словом, вы так же должны относиться к ним, как Москва относится к вам».

* * *

Большой дворцовый зал заполнен делегатами. Тут и степенные старики, и джигиты, и женщины.

Взгляд Хадичи скользит по лицам сидящих на возвышении за длинным покрытым красной скатертью столом.

В самом центре Калинин, она его уже видела; в очках, борода клинышком, похож на доктора Машкова, которого вся Хива знает. Рядом с Калининым, склонившись, что-то пишет секретарь ЦК Акмаль Икрамов, о чем-то перешептывается ферганец Юлдаш Ахунбабаев с хивинцем Султанкари Джуманиязовым... Она отыскала за столом Хансуварова, и он заметил Хадичу, кивнул ей.

...Вот, встреченный долгими аплодисментами, поднимается на трибуну Калинин.

Переводчик, внимательно следя за Калининым, как только тот умолкает, повторяет сказанное им. Хадиче и без того все понятно: она знает русский язык. Вроде переводчик правильно передает смысл, а что-то не то: слишком торжественно звучит его голос, словно стихи нараспев читает, а Калинин говорит неторопливо, спокойно, словно думает вслух, словно не речь произносит, а беседует со своими друзьями. Видно, не одна Хадича почувствовала это. Кто-то из президиума протянул переводчику записку, тот глянул на нее, кивнул, и голос его зазвучал естественнее.

Вот поднялся на трибуну Акмаль Икрамов... Ораторы сменяют друг друга, а о ней, Хадиче, забыли.

«Ну и хорошо, что забыли,— думает она с облегчением,— а то все подготовленные слова в голове перемешались, страшно подняться на сцену, повернуться лицом к залу, в котором вон сколько седобородых!» Но вместе с тем было ей и обидно.

И вдруг...

— Слово предоставляется представительнице хорезмской делегации товарищу Бекмухаммедовой.

Хадича не сразу поняла, что это ее приглашают, и только когда сидящий рядом Палван коснулся ее руки, встала с места, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Она на трибуне.

Достает из рукава платья листочки, не глядя в зал, читает:

— Позвольте, дорогие делегаты, передать вам пламенный привет трудящихся Хорезма.

Ей аплодируют. Хадича, волнуясь, перекладывает листочки, лихорадочно ищет первую страничку, находит и тут же роняет — страничка летит на пол.

Словно ища поддержки, она оглядывается, видит, как Калинин чуть заметно кивает головой: говори, мол.

— Товарищи, Хорезм далеко от Бухары. Мы добирались сюда чуть не месяц. Бездорожье получили мы в наследство от ханской власти, темноту и нищету.— Хадича

мгновенно перебрала в памяти записанное на листочках — обо всем этом уже говорили другие делегаты. «Зачем ходить по чужому следу, надо сказать свое».— Но нам, хорезмийцам,— продолжала она,— нужна не только железная дорога. Нам многое нужно.— Хадича помолчала и вдруг бросила в тишину зала:— Человек рожден для счастья. А счастлив только свободный человек. Конечно, не просто бороться с вековыми предрассудками. Я говорю сейчас не о фанатиках, готовых забросать камнями женщин и девушек, сбросивших паранджу. С ними все ясно. Но есть люди, которые на словах за женское равноправие, а в их семьях царят стародавние порядки. Слово не должно расходиться с делом. Разве женское равноправие нужно одним только женщинам? Нет, оно нужно всем. От того, как скоро у нас женщина станет равноправным человеком, станет культурной, образованной, зависит многое... Да, в республике нашей надо открыть больше школ, техникумов, университетов. Но ребенок воспитывается в семье, и первая, главная его школа — материнская...

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ВСЕУЗБЕКСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ РАБОЧИХ, ДЕХКАНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕЛЕГАТОВ

«Во имя мировой солидарности рабочих и крестьян, направленной к защите всего социалистического Отечества от внешних и внутренних опасностей, в целях объединения всех усилий населяющих СССР народов к скорейшему оздоровлению и полному подъему хозяйства и во имя поднятия производительных сил страны на основе братского сотрудничества народов — трудящиеся массы узбекского народа перед лицом всего мира заявляют о своем непреклонном решении о добровольном вхождении в Союз ССР на правах полноправного члена и на основах Декларации Первого съезда СССР как обеспечивающих безопасность и свободу национального развития народов».

* * *

Из Бухары Палван поехал в Ташкент, где уже находился Шайдаков, до недавнего времени военный назир и командующий хорезмской Красной Армией. Ее отряды и теперь, после национального размежевания, продолжали нести гарнизонную службу на всей обширной территории —

от Ташауза до Садвара. В Ташкенте надо было решить немало вопросов, связанных с дальнейшей судьбой этих отрядов, хорошо зарекомендовавших себя в боях, приспособленных к местным условиям, пользующихся широкой поддержкой местного населения. Хотя крупные басмаческие банды были разгромлены, но враги Советской власти не сложили оружия.

...Мерно раскачивается вагон. Почти все спутники Палвана — делегаты только что закончившегося съезда. Людской говор волнами перекатывается по вагону. И, глядя на своих спутников, полных надежд и уверенности в завтрашнем дне, Палван вдруг с горечью подумал: «Сколько из этих людей еще станут жертвами бандитских пуль... А кто-то, может, не только пуль... У врагов и другое оружие. Не зря говорится: горы и камни рушит ветер, человека губит клевета... Басмачи хорезмские ненавидят Якши-Гельды. И вот распустили слух, будто ехавшие на учебу комсомольцы убиты по наущению Якши-Гельды, председателя Ташаузского ревкома. Дошло до того, что командиры прибывших в Хорезм частей потребовали немедленно арестовать Якши-Гельды и разоружить его племя. Бройдо и Хансуваров вовремя остудили эти горячие головы. И он, Палван, сказал свое слово: «Не заставляй плакать друга и не смеши врага». Нет, ничем нельзя оправдать короткую память. В мире, который мы разрушили, царили алчность и вражда, а в новом мире, за который пролито столько крови, главное — товарищество. Надо бить по рукам всех, кто на него посягает».

Палвану вспомнился недавний разговор с только что избранным председателем Совета Народных Комиссаров Файзуллой Ходжаевым и секретарем ЦК Акмалем Икрамовым.

— Такой человек, как вы, очень нужен нашему Наркомату внутренних дел,— начал Ходжаев.— Мы решили выдвинуть вас на должность заместителя наркома. Надо полагать, командование Туркфронта согласится с нашими доводами, не станет удерживать вас.

— Товарищ Ходжаев, я человек военный. Еще до революции с ханом воевал. Командование собирается направить меня в Москву... И от Ивана Семеновича Кутякова письмо получил, пишет: «С полным на то основанием рекомендую тебя в военную академию».

Ходжаев и Икрамов переглянулись.

— Ну что ж, раз Кутяков такого мнения...— суховато сказал Икрамов.— А как его здоровье?

— Три раза оперировали. Оказывается, был ранен отравленной пулей. Теперь снова в строю.

...Раскачивается вагон, волнами перекатывается людской говор. «Прав ли я? Может, зря отказался?.. Время покажет... Постой, постой... когда-то я уже слышал эти слова — так говорил доктор Машков, лечивший раненую Якутай».

Палван прижался лбом к оконному стеклу.

— Якутай! — позвал он чуть слышно и мгновенно вспомнил ее всю, до крохотной родинки на щеке.

«Только бы была здорова».

«Вот увидите, — шепнула на прощанье, — родится сын...»

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Джуманияз Шарипович Шарипов

ХОРЕЗМ

Роман в четырех книгах

Перевод с узбекского

Редактор **А. Липкина**
Художник **А. Кива**
Художественный редактор **А. Бобров**
Технический редактор **Э. Саидов**
Корректор **Л. Кумехова**

ИБ №3937

Сдано в набор 21.06.89. Подписано в печать 27.04.90. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Академическая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 36,12
Ус. кр.-отт. 36,12. Уч. изд. л. 41,05. Тираж 75000. Заказ 1245. Цена 2 р 80 к. Договор 79—89

Набор и верстка выполнены с применением АСПТИ АККОРД, разработанный в УНИИПП
г. Львов

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма 700129. Ташкент, улица Навои, 30

ГП ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по печати 700129. Ташкент. улица Навои, 30

Шарипов Д.
Хорезм: Роман в четырех книгах.— Т.: Изд-во лит. и искусства, 1989—688 с.

Тетралогия известного узбекского писателя Джуманияза Шарипова «Хорезм» создана на документальной основе и является своеобразной летописью жизни хорезмийцев в предреволюционные и первые революционные годы.

Роман насыщен драматическими событиями. Перед читателем возникают самые разные судьбы, характеры, социальные типы — от сына раба Палвана до Исфандияр-хана.

Уз2

В 1991 г. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМ. ГАФУРА ГУЛЯМА ПЛАНИРУЕТ ВЫПУСТИТЬ:

Сборник. «Гибель шахмат». Фантастика.

С. Татур. «Периферия». Роман

Игорь Рогов «Горечь полыни». Повести